

БОГЬСКОЕ ПОВЕСТИ
ДРЕВНЕЙ
РУСЬ

ВОИНСКИЕ ПОВЕСТИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

ЛЕНИЗДАТ • 1985

В65
84.3Р

Вступительная статья
Л. А. Дмитриева

Составление
И. В. Понырко

Воинские повести Древней Руси.— Л.: Лениздат,
В65 1985.— 495 с.— (Б-ка «Страницы истории Отече-
ства»).

В сборник вошли лучшие произведения древнерусской литерату-
ры, посвященные героической борьбе русского народа против инозем-
ных захватчиков.

Издание посвящается 800-летию «Слова о полку Игореве».

В 4702010190—208
М171(03)—85 236—85

84.3Р

© Состав, вступительная статья,
оформление. Лениздат, 1985

ЗА ЗЕМЛЮ РУССКУЮ

1985 год — знаменательный в истории русской культуры, год 800-летия «Слова о полку Игореве» и юбилей всей литературы Древней Руси. Патриотизм, гражданственность, воспевание отваги и доблести защитников Русской земли, прозвучавшие в «Слове о полку Игореве», стали одной из главных черт русской литературы XI—XVII веков.

Один из самых ранних и самых замечательных памятников древнерусской литературы — «Повесть временных лет». Тот вид «Повести», в котором она известна нам сейчас, — произведение, созданное в начале XII века. Это единое, цельное сочинение одного автора — Нестора-летописца. Но вместе с тем это и труд многих летописцев, предшественников Нестора, это также труд, состоящий из объединения в единое повествование и текстов книжного происхождения, созданных независимо от летописи, и преданий и легенд, существовавших в устной традиции.

«Повесть временных лет», рассказывающая, «откуда есть пошла Руская земля, кто в Киеве нача первее княжити, и откуда Руская земля стала есть», донесла до нас много известий о героических событиях раннего периода истории Древней Руси. Часть из них основывалась на свидетельствах очевидцев, часть представляла собой пересказ устных преданий, эпических песен в честь воинских походов и подвигов русских князей. К песенно-эпическим преданиям, вероятнее всего, восходят рассказы «Повести временных лет» о победоносных походах Олега, Игоря, Святослава. Рассказы эти кратки, восхваляют воинскую доблесть, эпически торжественны, изобилуют легендарными эпизодами. Летописец преклоняется перед доблестью, мужеством, воинской отвагой своих героев, но вместе с тем он считает нужным привести свидетельство об осуждении народом князя, забывшего в своих дальних походах об опасности, которая может обрушиться на его собственную землю. Когда Святослав находился в Переяславце, Киев осадили печенеги и, едва не захватив его, остановились под стенами города. Посланные к Святославу гонцы из Киева с упреком обращаются к нему: «Ты, князь, ищешь чужой земли и о ней заботишься, а свою покинул, а нас чуть было не взяли печенеги, и мать твою и детей твоих...» Забота о судьбах народа, о благе родной земли станет центральной темой и всех последующих воинских повестей Древней Руси.

Становление Руси и развитие русского государства проходило в постоянной борьбе с внешними врагами; более двух с половиной столетий русскому народу пришлось противостоять монголо-татарским завоевателям. Неудивительно поэтому, что в памятниках древнерусской литературы воинская тема занимает очень большое место. Следует, однако, обратить особое внимание на то, что рассказы о победоносных завоевательных походах русских князей в чужие земли характерны лишь для ранних воинских летописных повестей. Более поздние повести в своем подавляющем большинстве посвящены обороне русских земель от внешних врагов, теме защиты родины от захватчиков. Как отмечает академик Д. С. Лихачев, впервые обратив-

ний особое внимание на эту черту древнерусской литературы,— «дело тут не только в том, что походы в чужие земли становятся реже, а оборонительные чаще, но и в моральной стороне дела. Создаются высокие этические представления об истории, войнах, сражениях. Все чаще встречаются в русской литературе описания героической гибели храбрых воинов, защищающих Русскую землю, а не нападающих на другие страны»¹.

«Слово о полку Игореве» — самое великое произведение древнерусской литературы — рассказывает о походе Игоря в Половецкую степь в 1185 году, и в этом отношении оно примыкает к традиции ранних воинских повестей. Автор «Слова» говорит, что Игорь пошел «добыть города Тмуторокани либо испить шеломом Дону». Но Тмуторокань еще в XI веке принадлежала Руси и Тмутороканским княжеством управляли черниговские князья, поэтому притязания Игоря на Тмуторокань (в данном случае не имеет значения — действительно или нет была Тмуторокань целью похода Игоря) представляли законное право. Кроме того, походы русских князей во второй половине — конце XII века в Половецкую степь являлись ответными на набеги половцев или предупредительными, преследуя прежде всего цель защиты Русской земли от половецкой опасности. Главное, однако, заключается даже не в этом, а в том, что автор «Слова» взял темой для своего произведения поход, завершившийся поражением русского войска, гибелью большей части дружины, пленением русских князей. Эти обстоятельства давали возможность неизвестному нам автору гениального творения XII века не только нарисовать героические картины воинской доблести князей и воинов, попавших в окружение явно превосходящих сил противника в далекой от родной земли степи, но и выступить со страстным публицистическим призывом, выразить свое гражданское отношение к происходящему. Пример неудачного похода Игоря, несогласованного с великим князем киевским и вызвавшего ответные набеги половцев на русские земли, дал возможность автору «Слова» резко осудить княжеские усобицы и отсутствие единства в их борьбе с внешними врагами. Эмоциональность «Слова», лирический характер этого произведения древнерусской литературы, пронизывающие весь его текст воспоминания об исторических событиях прошлого придают «Слову» характер раздумий автора о судьбах всей Русской земли. И большое место в этих раздумьях занимает сочувствие писателя простому люду, его печаль о горе русских женщины, чьи мужья и сыновья гибнут в войнах со степью, в междоусобных бранях. Именно из-за княжеских распрь «редко пахарь покрикивал, но часто вороны граяли, трупы между собой деля», а земля засевалась не зерном, а «костями русских сынов». Плач Ярославны в «Слове о полку Игореве» благодаря силе выраженных в нем чувств стал символом женского горя и женской верности в годы военных испытаний Руси, что нашло отражение в поэзии и XIX и XX веков. Все эти стороны «Слова о полку

¹ Лихачев Д. С. Лев Толстой и традиции древней русской литературы. — В кн.: Лихачев Д. С. Литература — реальность — литература. Л., 1984, с. 111—112.

Игоре» — воспевание воинской доблести и самоотверженности, печаль о человеческих судьбах, сочувствие горю жен и матерей, публицистическая страстность, правда, не с такой поэтической силой, как в этом гениальном памятнике, найдут, полностью или частично, отражение и в последующих древнерусских воинских повестях.

К. Маркс кратко и четко определил основной идейный смысл «Слова о полку Игореве»: «Суть поэмы — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием собственно монгольских полчищ»¹. Не прошло и полувека со времени похода Игоря и написания «Слова», как началась длительная и тяжелая борьба русского народа с монголо-татарскими завоевателями: концом мая 1223 года датируется первое столкновение русских с монголо-татарами на реке Калке. Зимой 1237 года под предводительством хана Батыя захватчики вторглись в пределы русских земель. Первым было разгромлено Рязанское княжество, затем столь же печальная участь — уничтожение городов и сел, массовая гибель населения, увод в плен мужчин, женщин, детей — постигла большинство остальных княжеств Северо-Восточной Руси, а позже и Юго-Западной (в 1240 году пал Киев). Роль, которую сыграла Русь в общевропейской истории, приняв на себя удар монголо-татарских орд, собиравшихся подчинить своему господству всю Европу, прекрасно выразил А. С. Пушкин: «России определено было высокое предназначение <...> Ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу порабощенную Русь и возвратились на степи своего востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией...»² Да, Русь была в буквальном смысле слова растерзана, но все же «варвары не осмелились оставить у себя в тылу» ее, и не только потому, что их силы поглотили «все необозримые равнины», но и потому, что сопротивление захватчикам было слишком самоотверженно и велико. Русь попала под монголо-татарское иго, но не была покорена, народ не примирился с чужеземным владычеством. Борьбе русского народа с полчищами Батыя, с монголо-татарским господством, окончательному свержению ордынского ига посвящено много древнерусских воинских повестей.

Летописные повести о монголо-татарском нашествии донесли до нас рассказы о кровопролитных сражениях, о гибели и разгромах русских городов, о жестоких бедствиях русского народа, о беспредельном мужестве и воинстве, и всего населения. В них отразились и документальные свидетельства очевидцев, и легендарные предания, и проникнутые глубоким сочувствием к всеобщему горю зарисовки ярких своих трагизмом эпизодов.

Летописец внешне скуп, как бы лишь перечисляя одно за другим происходящие события, повествует о том, как был осажден, захвачен и разгромлен Владимир. Но за этой скупостью ощущается особая напряженность, и отдельные эпизоды, по форме такие же краткие и сдержанные, как и остальной рассказ, придают всему по-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, 2-е изд., т. 29, с. 16.

² Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. XI. М.—Л., 1949, с. 268.

вествованию в целом особую выразительность и трагичность. Достаточно напомнить эпизод с пленением при захвате Москвы князем Владимиром, привезенным врагами к стенам его родного города Владимира, в котором находились, держа оборону, его братья: «И подняли татары близко к воротам, и начали спрашивать: «Узнаете ли княжича вашего Владимира?» И был Владимир печален лицом. Всеволод же и Мстислав стояли на Золотых воротах и узнали брата своего Владимира. О горестное и достойное слез зрелище! Всеволод и Мстислав с дружиной своей и все горожане плакали, глядя на Владимира».

В Тверской летописи в повесть о битве на реке Калке включен рассказ об Александре Поповиче, его слуге Торопе, Тимоне Золотом Поясе и богатырской дружине. Рассказ этот замечателен не только тем, что он связан с каким-то древним эпическим преданием о русских воинах-богатырях, но и своей идейной направленностью — резким осуждением княжеских междоусобиц: из-за княжеских распрь русские богатыри гибли в сражениях друг с другом и в конце концов гибнут все вместе в борьбе с внешними врагами Руси по вине русских князей, не сумевших согласовать своих действий. Летописец с горечью восклицает, что князья лишились разума. Эта мысль о неразумии русских князей, из-за которого Русь терпела поражения, характерна для всех повестей о монголо-татарском нашествии.

Силы были неравными; многочисленные, хорошо организованные, беспощадные завоеватели победоносно шли по землям русских княжеств, по всюду их встречало сопротивление. Беспредельная храбрость и самоотверженность всего населения нашли яркое отражение в кратком рассказе об осаде города Козельска. Жители города единодушно решили биться насмерть, но не сдаваться врагу; сеча была столь жестокой и кровопролитной, что Батый, по словам летописца, повелел «называть город не Козельском, но злым городом».

Шедевром древнерусской литературы является «Повесть о разорении Рязани Батыем». Это самостоятельное, независимое от летописи произведение. «Повесть» вобрала в себя элементы летописного характера, и устные предания о батысвщине, и эпическое повествование (возможно, историческую песню) о богатыре Евпатии Коловрате, и плач (жанр устный по происхождению, но в литературе Древней Руси широко встречающийся в книжной обработке), и литературно искусно оформленную похвалу.

В «Повести» все рязанские князья объединены в единую богатырскую рать (они названы здесь братьями), для нее характерны исторические анахронизмы (в числе участников сражения указаны князья, к 1237 году уже умершие, а среди погибших в битве упоминаются князья, которые на самом деле умерли позже 1237 года). Эти особенности произведения свидетельствуют о создании его по прошествии какого-то времени после самого события, когда в представлении людей действительные факты получили уже эпическое обобщение. Однако слишком отдалять время возникновения «Повести» от 1237 года не следует. «Повесть», видимо, появилась не позже середины XIV века. Об этом, по словам Д. С. Лихачева, «говорит и самая острота переживания событий Батыева нашествия, не сглажен-

ная и не смягченная еще временем, и ряд характерных деталей, которые могли быть памятны только ближайшим поколениям»¹.

Основной пафос «Повести», как, впрочем, и всех остальных произведений о монголо-татарском нашествии, можно выразить словами того призыва, с которым великий князь рязанский Юрий Ингваревич (Игоревич) обращается ко всем остальным рязанским князьям и ко всем воинам, призывая их биться с врагами: «Лучше нам смертью славу вечную добыть, нежели во власти поганных быть». Завязка «Повести» показывает неизбежность именно такого призыва. Из-за отказа великого князя владимирского Георгия Всеволодовича прийти на помощь Рязани (он хочет сам по себе бороться с Батыем), рязанцы вынуждены одни противостоять врагу. Так своекорыстные устремления разобщенных феодальной враждой князей оказываются сильнее интересов общего дела борьбы с врагом всех русских княжеств. (А ведь ведь за Рязанью будет разгромлено Владимирское княжество и Георгий Всеволодович сам погибнет в битве на реке Сити.) Не получив помощи и видя явное превосходство врага, великий князь рязанский пытается умиротворить Батю дарами. Однако попытка примириться с врагом равнозначна полному и позорному подчинению ему. Единственный выход — непримиримая борьба с захватчиками, несмотря на ее безнадежность. Кульминационным эпизодом этой самоотверженной и героической борьбы является рассказ о Евпатии Коловрате.

В неравной борьбе гибнут все князья, воины, жители Рязани, богатырь Евпатий вместе со своей богатырской дружиной. Однако звучание этого произведения оптимистично. Погибнув, рязанцы одержали духовную и моральную победу. Не случайно слова восхищения героизмом и мужеством Евпатия и его дружины вкладываются автором в уста самого Батыя. «Повесть о разорении Рязани» говорила о невозможности примирения с монголо-татарскими захватчиками, призывала к самоотверженной борьбе с врагом. В этом ее глубокий патриотизм. Художественная сила «Повести» заключается в той искренности, с какой автор описывает героизм рязанцев, в том сочувствии, с каким он рассказывает о бедах Рязанской земли.

Закачивается «Повесть о разорении Рязани» похвалой роду рязанских князей, в которой прославляется былое величие и слава Рязани и ее князей. В «Повести о нашествии Батыя на Владимир» мы читаем похвалу ростовскому князю Васильку и владимирскому князю Георгию Всеволодовичу. Такие похвальные слова русским князьям в произведениях, рассказывающих о трагических событиях, не только воздавали славу погибшим в бою, но и вселяли надежду на будущее: герои погибли, но слава их жива.

Такое же и еще более сильное патриотическое значение имела похвала всей Русской земле, дошедшая до нас в «Слове о погибели Русской земли». Заглавие, казалось бы, никак не соответствует характеру памятника. Однако это объясняется тем, что дошедший до нас текст — лишь отрывок, самое начало не сохранившегося более об-

¹ Лихачев Д. С. «Повесть о разорении Рязани Батыем». — В кн.: Воинские повести Древней Руси. М. — Л., 1949, с. 139—140.

ширного произведения, посвященного событиям Батыева нашествия («Слово» было написано не позже 1246 года). Рассматривая «Слово о погибели» в типологическом сопоставлении его с другими произведениями древней и средневековой литературы, В. В. Данилов пришел к заключению, что оно «сближается не со всякими патристическими произведениями в других литературах, а лишь со сходными по условиям своего появления, когда родина писателя страдала от войн, междоусобиц и произвола»¹. В произведениях такого рода повествованию об обрушившихся на страну несчастьях предшествовало или сопутствовало описание ее былой славы и величия. В «Слове о погибели» до нас дошла только эта похвальная часть. Автор «Слова» восторгается красотой и разнообразием природы Русской земли. Но Русь «украшено украшена» не только дарами природы, она славна «князьими грозными, боярами честными, вельможами многими». Идеалом русского князя — грозного (могучего) военачальника и мудрого правителя выступает в «Слове» Владимир Мономах, перед которым трепетали окрестные народы и племена. Этот гиперболизированный образ русского великого князя воплощал в себе идею сильной княжеской власти, воинской доблести. В обстановке монголо-татарского нашествия и военного поражения напоминание о силе и могуществе Мономаха служило укором современным князьям и, вместе с тем, должно было вселять надежду на лучшее будущее.

До нас «Слово о погибели Русской земли» дошло в двух списках как предисловие к одной из редакций «Повести о житии Александра Невского». Такое объединение двух независимо друг от друга возникших памятников не случайно: в «Повести о житии Александра Невского» (написана между 1263—1280 годами) грозным и великим князем, защитником Русской земли выступал современник батышщины — великий князь владимирский (с 1252 по 1263 год) Александр Ярославич.

С северо-запада русским землям угрожали немецко-шведские феодалы. Успешную борьбу с захватническими походами ливонских и шведских рыцарей на новгородские и псковские владения вел княживший в Новгороде с 1236 по 1251 год Александр Ярославич. Особо прославленными были его победы над шведами в 1240 году на реке Неве (за эту победу Александр получил прозвище Невский) и над ливонскими рыцарями в 1242 году (знаменитое Ледовое побоище). Александр Невский проводил объединение русских земель Северо-Восточной и Северо-Западной Руси, вел осторожную политику по отношению к Золотой Орде.

«Повесть о житии Александра Невского» писалась как житие святого, что нашло отражение в ряде особенностей ее (уничтожительные самохарактеристики автора, рассказ в конце произведения о якобы свершившемся чуде после смерти князя, отступление в тексте повествования церковно-риторического характера). Однако, написанная близким к князю человеком (автор называет себя «самовидцем»

¹ Данилов В. В. «Слово о погибели Русская земли» как произведение художественное.— Труды Отдела древнерусской литературы, т. 16. М.— Л., 1960, с. 137—138.

жизни и деяний князя), посвященная прежде всего ратным подвигам великого полководца, «Повесть о житии Александра Невского» стала не житием святого, а воинской повестью, донесшей до нас живой рассказ о полководческой и государственной деятельности этого великого полководца Древней Руси. Чувство глубокой симпатии рассказчика к Александру Невскому, его преклонение перед ним обусловили особую искренность и лиричность «Повести».

Рассказ об Александре Невском должен был показать, что, несмотря на подчинение русских княжеств монголо-татарам, на Руси остались князья, мужество и мудрость которых могут противостоять врагам Русской земли, а их воинская доблесть внушает страх и уважение окружающим народам. Даже Батый вынужден признать величие Александра. Увидев его, он говорит своим вельможам: «Истину мне сказали, что нет князя подобного ему». Автор «Повести о житии Александра Невского», описывая ратные подвиги князя, широко пользовался и воинскими эпическими преданиями, и средствами поэтики воинских повестей. И перед читателем предстает не характеристика святого подвижника, а яркий образ князя — защитника родины, полководца, воина. В последующей истории древнерусской литературы «Повесть о житии Александра Невского» служила своего рода эталоном для изображения русских князей при описании их воинских подвигов.

Таким образом она стала для памятника псковской литературы — «Повести о Довмонте» (XIV век). Это произведение во многом сходно с «Повестью о житии Александра Невского», но в нем нашли яркое отражение черты местной псковской литературы и псковского устного творчества. Воинские победы Александра над шведами и полный разгром в 1328 году новгородцами войск шведского короля Магнуса, вторгшихся в Новгородские владения, получили своеобразное преломление в публицистическом памятнике начала XV века — в «Рукописании Магнуша».

В XIV веке среди княжеств Северо-Восточной Руси на первое место выдвигается великое княжество Московское. Во второй половине XIV века Москва становится центром, объединяющим княжества Северо-Восточной Руси, в Москве зреет мысль о единении всех русских земель. К этому времени активизируется борьба русского народа с Золотой Ордой, чему способствуют начавшиеся междоусобицы распри между золотоордынскими ханами. В 70-е годы фактическим правителем Орды становится воснаачальник Мамай (при нем в Орде сидели номинальные ханы, так как Мамай, не являясь прямым потомком Чингисхана, не мог называться ханом, хотя и был женат на дочери хана Бердибека). Он укрепляет единовластие в Орде. Понимая, что политическое, экономическое и военное усиление Москвы, достигшей высокого расцвета при московском князе Дмитрии Ивановиче (1350—1389), грозит ослаблением власти Золотой Орды над всеми русскими землями, Мамай принимает решительные меры против великого князя московского.

В 1378 году Мамай посылает на Москву войско во главе с воеводой Бегичем. До похода Бегича карательные набеги такого рода оканчивались успехом золотоордынцев и жестокой расправой Орды

с насилием. Дмитрий Иванович, не ожидая прихода золотоордынского войска, идет навстречу Бегичу и на реке Воже, в Рязанской земле, наносит ему сокрушительное поражение. Победа побудила Мамай решиться на большой поход против Руси. Он собирает огромную армию, усиленную отрядами наемников из подчиненных Орде земель, заключает союз с великим князем литовским Ягайлом (отец Ягайла князь Ольгерд несколько раз пытался овладеть Москвой), заключается также тайное соглашение между Мамаем и рязанским князем Олегом Ивановичем, который обязался выступить на стороне Орды. Узнав о приготовлениях Мамай, великий князь московский, как и во время битвы на Воже, решает идти навстречу врагу. На стороне великого князя московского выступали все союзные Москве княжества Северо-Восточной Руси и ряд других русских земель. Поход против Мамай приобретает общерусский характер. В сентябре 1380 года на Куликовом поле, вблизи Дона, произошла знаменитая Куликовская битва, называемая также Мамаевым побоищем, которая завершилась полной победой русского войска. Великий князь московский Дмитрий Иванович получил после этой битвы прозвище Донской.

Победа на Куликовом поле не привела к окончательному падению монголо-татарского ига. Уже в 1382 году Москву, подходя к ней «изгоном» (стремительным рейдом), захватывает хан Тохтамыш. Однако характер отношений Орды и Руси после Куликовской битвы, несмотря на успех Тохтамыша, резко изменился. Победа над Мамаем показала силу русского оружия, реальную возможность противостоять монголо-татарам, она знаменовала собой неизбежность падения ордынского господства, подняла значение Москвы в сознании всего русского народа. Куликово поле стало символом возрождения Руси после полуторавекового господства Золотой Орды.

Куликовской битве посвящено несколько произведений древнерусской литературы. В этой книге публикуются три из них: «Задонщина», пространная летописная повесть, и «Сказание о Мамаевом побоище».

«Задонщина», по мнению большинства исследователей, созданная вскоре после Куликовской битвы, от начала и до конца перекликается со «Словом о полку Игореве». Обращение автора «Задонщины» к «Слову», как к образцу для своего произведения, имеет принципиально важное значение в его идейном замысле. Пользуясь поэтическими образами «Слова о полку Игореве», заимствуя оттуда отдельные обороты, целые фразы и отрывки текста, автор «Задонщины» не просто подражал своему гениальному предшественнику, а сопоставлял и противопоставлял события, описанные в «Слове», с событиями Куликовской победы. Если у князей «врозь полотнища знамен развеваются», как было во времена, воспетые «Словом», и в последующие годы, то Русская земля будет терпеть поражения от врагов, а вот если все они объединятся под знаменем одного князя — великого князя московского, — то тогда, как это и произошло на Куликовом поле, враг будет побежден.

Противопоставляя печальное прошлое радости победы, автор «Задонщины» искусно пользуется «Словом о полку Игореве». Он твор-

чески перерабатывает поэтические образы «Слова», привлекает нужные ему элементы для построения своего произведения. Текст «Слова о полку Игореве» приобретает в «Задонщине» противоположный смысл, все меняется местами: торжество врагов Русской земли сменяется торжеством русских людей; теми выражениями, которыми в «Слове» описывались беды Руси, теперь в «Задонщине» описываются беды ордынцев. Когда Игорь выступил в поход, то «солнце ему тьмой путь преграждало». А когда из Москвы выходит со своим войском Дмитрий Донской, то «солнце ему ясно на востоке сияет и путь указывает». Продвижение войск Игоря в Половецкую степь сопровождается грозными предзнаменованиями: «Уже гибели его ожидают птицы по дубравам, волки грозу навывают по яругам, орлы клекотом зверей на кости зовут, лисицы брешут на червленые шиты». В «Задонщине» же эти грозные предзнаменования относятся к силам Мамаю: «А уже гибель их (воинов Мамаю.— Л. Д.) подстергают крылатые птицы, паря над облаками, вороны немолчно грают, а галки по-своему говорят, орлы клекочут, волки грозно воют, а лисицы брешут — кости чуют».

«Задонщина» — это не сюжетно-последовательный рассказ, а страстный лирический отклик, пронизанный чувством глубокой любви к родине, к «земле Русской» неизвестного нам свидетеля, а может быть и участника Куликовской битвы. Сам автор «Задонщины» определил свое сочинение как «жалость и похвалу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его, князю Владимиру Андреевичу». «Жалость» — это плач по погибшим на Куликовом поле, «похвала» — слава мужеству и воинской доблести русских воинов. Прославляя героев Куликовской битвы, автор «Задонщины» считает, что великий поход Дмитрия Донского и его победа должны прогреметь во всех странах, потому что только благодаря верной политике московского великого князя, объединившего всех русских князей, русские люди смогли одержать победу: «Русь великая одолела рать татарскую на поле Куликовом, на речке Непрядве!»

Обстоятельный рассказ о событиях 1380 года в их хронологической последовательности дошел до нас в пространной летописной повести и в «Сказании о Мамаевом побоище». Пространная летописная повесть, в основу которой положена более ранняя краткая летописная повесть, освещает многие подробности Куликовской битвы, в ней повествуется и о подготовке к походу на Русь Мамаю и о приготовлениях к походу за Дон, на поле Куликово, Дмитрия Донского, сообщает она и о судьбе Мамаю после поражения, в ней перечисляются имена князей и бояр, погибших на Куликовом поле. Много внимания уделено в летописной повести измене рязанского князя Олега, заключившего союз с Мамаем. Автор повести страстно и резко осуждает Олега. Вообще вся повесть отличается страстно-публицистическим тоном, в ней много риторических отступлений, рассуждений о благочестии великого князя московского и о нечестии его врагов. Повесть эта ценна и интересна и как исторический источник и как литературно-публицистический памятник конца XIV — начала XV века. Наибольший интерес, однако, как памятник литературы представляет самое обширное из всех произведений о Ку-

ликовской битве — насыщенное множеством подробностей «Сказание о Мамасвом побойше».

Точными данными о времени написания «Сказания» мы не располагаем. Эпические обобщения в произведении, встречающиеся в нем исторические ошибки приводят ряд исследователей к заключению, что памятник этот был создан значительно позже описанных в нем событий. Однако в основных исторических ошибках этого произведения (вместо действительного литовского союзника Мамая Ягайла в «Сказании» назван его отец Ольгерд, умерший за два с лишним года до Куликовской битвы, активным участником событий 1380 года выступает митрополит Киприан, которого в 1380 году в Москве не было, — он находился в это время в Киеве) есть основание видеть не анахронизмы, а публицистический прием автора «Сказания»¹. Поэтому относить время создания этого произведения к периоду, слишком отдаленному от 1380 года, едва ли есть основания. Как бы то ни было, не приходится сомневаться, что целый ряд подробностей Куликовской битвы, дошедших до нас только благодаря «Сказанию», — отражение реальных событий, не зафиксированных другими памятниками Куликовского цикла (так принято называть всю совокупность произведений, посвященных событиям 1380 года) и историческими документами. Только из «Сказания» нам известно, что исход боя решили действия засадного полка, которым командовал Владимир Андреевич Серпуховской (в «Задонщине» на это имеется только намек), только в «Сказании» рассказывается о поединке перед началом боя Пересвета с ордынским воином, только в «Сказании» перечисляются «купцы-сурожане», отправившиеся с войском Дмитрия Донского, чтобы наблюдать за ходом сражения, только в «Сказании» приводятся подробные данные об «уряжении» (расстановке) полков на разных этапах боевого движения и сражения и т. д. Эта сторона «Сказания» придает ему особое значение как историческому источнику о Куликовской битве. Вместе с тем «Сказание» — одно из популярнейших в Древней Руси литературных произведений, и ценность его прежде всего заключается именно в этом.

«Сказание о Мамасвом побойше» во многом продолжает традиции предшествующих ему древнерусских воинских повестей, но вместе с тем оно значительно развивает их.

Многие эпизоды «Сказания» представляют собой легендарно-эпическое осмысление реальных событий. Таково, например, описание поединка Пересвета с татарским богатырем. Легендарно-эпический характер носит эпизод «испытания примет» и ночь накануне сражения воеводой Дмитрием Боброком Волинским, но в основе его лежит реальное событие — ночная разведка перед боем. Параллель этому эпизоду «Сказания» встречается в рассказе «Повести временных лет» под 1097 годом о ночной разведке хана Бояка.

¹ Подробнее об этих особенностях «Сказания» и проблемах датировки произведения см.: Дмитриев Л. А. Литературная история памятников Куликовского цикла. — В кн.: Сказания и повести о Куликовской битве. Изд. подгот. Л. А. Дмитриев и О. П. Лихачева. Л., 1982, с. 332—347.

Некоторые эпизоды «Сказания», в соответствии с мировоззрением эпохи и требованиями литературного этикета, имеют характер «чуждес». Это рассказы о чудесных видениях: небесное воинство, явившееся по воздуху на помощь русским войскам, спускающиеся с неба вены, сообщение о том, что тела убитых врагов, пораженных небесными воинами, лежали там, куда русские воины не доходили, и т. п. Сходные мотивы встречаются в «Повести о житии Александра Невского».

«Сказание о Мамаевом побоище» создавалось в эпоху, когда человеческий характер еще не являлся предметом изображения писателя. В соответствии с требованиями древнерусского литературного этикета герой выступал не индивидуальной личностью, а идеальным воплощением тех черт, которыми он должен был обладать как идеальный представитель своего класса. Таким идеальным князем — мудрым государственным деятелем и опытным полководцем — изображается в «Сказании» и Дмитрий Донской — центральный герой произведения. Таков же характер — схематически-этикетный — и всех остальных персонажей. Но все же в рамках этой схематичности и этикетности проглядывают черты индивидуального, личностно-человеческого начала. В определенной мере это создается по сути своей наиболее отвлеченными и этикетно-риторичными молитвами великого князя. Автор в данном случае не имел в виду индивидуализировать этими молитвами образ своего героя, но у читателя они создавали впечатление не только «правильного» поведения князя с точки зрения этикета и морали эпохи, но и трагичности положения героя, его колебаний и сомнений, величия взятой им на себя миссии. Индивидуальное начало в какой-то степени проступало и в описании, пусть схематичном и риторическом, эмоций великого князя в различных ситуациях (сетования Дмитрия, когда он узнает о готовящемся походе Мамай, гнев и недоумение при известии об измене рязанского и литовского князей, описание прощания князя с женой и т. п.). В определенной степени с индивидуальными характерами (правда, очень схематичными и обобщенными) изображены и антиподы великого князя — Мамай, Олег Рязанский, Ольгерд Литовский. Эти черты «Сказания» придавали ему особую живость, обостряли читательский интерес к произведению. Об огромной популярности «Сказания» у древнерусских читателей свидетельствует большое количество дошедших до нас списков его, разнообразие редакций и вариантов памятника.

От предшествующих «Сказанию о Мамаевом побоище» древнерусских воинских повестей этот памятник отличается значительно большим объемом. Разумеется, это не основное и не главное отличие, однако оно весьма знаменательно, и этот внешний признак принципиально важен. Увеличение объема текста происходит за счет стремления осветить все подробности описываемого события, изложить предшествующие и последующие главному событию обстоятельства. Автор произведения стремится, оставаясь в границах литературной этикетности своего времени, передать внутреннее, душевное состояние своих героев. Вместе с тем, осознавая важность и величие того, о чем он повествует, он обильно украшает свой рассказ

риторическими отступлениями, сравнениями и сопоставлениями происходящего с мировой историей, что в соответствии со средневековым мировоззрением приобретало характер библейских параллелей. «Сказание о Мамасе и побойше», при сохранении в нем традиционных черт воинских повестей предшествующего времени, представляло собой и качественно новое явление. Это было уже полностью отошедшее от летописания (с сохранением многих черт летописного стиля) обширное повествование самостоятельного, завершенного характера с ярко выраженной публицистичностью, стремлением придать рассказу сюжетную увлекательность и вместе с тем обильно насыщенное риторикой. Все эти особенности «Сказания» определили тип воинских повестей более позднего времени, в которых часто встречается немало и прямых заимствований из «Сказания о Мамасе и побойше».

«Повесть о нашествии Тохтамыша» и «Повесть о стоянии на Угре» завершают собой круг воинских повестей о борьбе Руси с монголо-татарами.

«Повесть о нашествии Тохтамыша» дошла до нас в двух видах — кратком и пространном. Здесь публикуется пространный вид «Повести». В целом произведение это примыкает по своему типу к воинским летописным повестям, но отличается и рядом характерных, присущих только ей черт. Особенно примечательна она тем, что в ней более заметно, чем во всех остальных произведениях этого вида, освещается роль народа в происходящих событиях. В рассказе об осаде Москвы повествуется о мужественном сопротивлении всех горожан. При этом автор отмечает, что москвичам, оставшимся по существу без воинов, приходится противостоять гораздо более опытному в военном деле противнику. Несмотря на это, Тохтамыш, только обманув осажденных, смог овладеть городом. Наибольшими симпатиями неизвестного нам автора «Повести о нашествии Тохтамыша» пользуются «гости» — купцы, торговые люди. Не случайно автор подробно рассказывает о подвиге «сукольника» (по-видимому, торговца сукинами) Адама, который поразил из самострела с городской стены сына ордынского князя. С искренним горем описывает автор «Повести» разгром захватчиков города, патетически восклицая, каким цветущим, красивым и богатым был он до нападения на него врагов. Возможно, автор «Повести» происходил из средних слоев населения и был свидетелем героической обороны Москвы и жестокой расправы с жителями ее, убитой ордынцами.

«Повесть о стоянии на Угре», донесшая до нас рассказ об окончательном свержении ордынского господства в 1480 году, ровню через сто лет после Куликовской битвы, носит публицистический характер и интересна своей антибоярской направленностью.

Завершается книга тремя произведениями, в которых нашла отражение героическая борьба русского народа за свою самостоятельность и независимость в XVI и XVII веках.

Одной из наиболее ярких и важных в политическом отношении страниц двадцатичетырехлетней Ливонской войны Ивана Грозного была борьба за Псков в 1581 — начале 1582 года. Стотысячное войско польского короля Стефана Батория (более 60 тысяч составляли

наемные солдаты почти из всех стран Европы) летом 1581 года двинулось на Псков. Успешные действия до этого похода против сил Ивана IV давали основание одному из опытейших полководцев той эпохи Стефану Баторию надеяться на успешный и быстрый захват Пскова, что открывало путь в глубь Русской земли. Однако надежды на легкую победу не оправдались. Псков оказался хорошо подготовленным к длительной осаде и тяжелым боям, и Стефану Баторию не удалось, несмотря на превосходство в военной силе и многочисленные штурмы, овладеть городом. В успешной обороне Пскова большую роль сыграли опытные воспачальники, возглавившие ее, военный гарнизон крепости, но решающее значение имел всенародный характер защиты города. Самоотверженное участие в борьбе с врагом всего населения, включая женщин и детей, обеспечило успех этой военной операции. Подробный рассказ участника этих событий «изографа» (художника-иконописца) Василия, псковича по происхождению, донесла до нас его «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков» — один из интереснейших литературных памятников 80-х годов XVI века.

«Повесть» отличается документальной точностью и обстоятельностью (автор называет не только дни, но нередко даже часы наиболее важных событий), Василий прекрасно знает топографию Пскова и Псковской земли. Судя по фактам, которые ему известны, он, видимо, был близок к руководителям обороны Пскова (особую симпатию Василий питает по отношению к И. П. Шуйскому, возглавлявшему оборону города). «Повесть» замечательна не только точностью и обстоятельностью рассказа о пятимесячной борьбе за Псков, но и своими литературными особенностями. Василий (о нем, кроме его имени и того, что он был «изографом», мы больше ничего не знаем) знаком с целым рядом древнерусских оригинальных и переводных литературных памятников, в том числе с «Повестью о жизни Александра Невского» и «Сказанием о Мамаевом побоище». В соответствии с литературными вкусами второй половины — конца XVI века «Повесть» написана витиеватым языком. Риторическая изощренность языка «Повести» подчас производит впечатление нарочитости, излишней искусственности («гордопапорная» литва, «храбродобропобедный», «высокогорделивый» и т. д. и т. п.). Эта особенность стиля произведения должна объясняться не только литературными требованиями эпохи (следует им, автор «Повести» подчас впадает в крайность), но и той эмоциональной приподнятостью, которую вызывает у него восхищение подвигом своих земляков-псковичей. Необходимо отметить вместе с тем, что сквозь эту нарочитую риторичность часто пробивается живой русский язык с меткими остротами, Василий не пренебрегает и пословицами и поговорками.

Не менее героической, чем оборона Пскова, была и шестнадцатимесячная оборона в 1609 году Троицкого Сергиева монастыря. Кларь монастыря Авраамий Палицын, автор повести, посвященной осаде монастыря, не был участником описанных им событий. Создавая свой рассказ, он широко пользовался общими местами воинских повестей и традиционными ситуативными сюжетами чудесной помощи свыше. Но Авраамий обращался также к летописным записям,

ведшимся в монастыре, к рассказам очевидцев. Объединенные в едином повествовании, эти источники приобрели характер живого и яркого описания длительной и тяжелой борьбы за Троицкий монастырь.

«Повесть об Азовском осадном сидении» так же, как и две предыдущие, рассказывает о героической борьбе осажденных с наступающим врагом. Публикуемая повесть — одно из трех произведений, посвященных борьбе за Азов в 1637—1641 годах донских казаков с войсками турецкого султана — так называемая «поэтическая» (две другие определяются как «историческая» и «сказочная»). Автор «поэтической» повести, есаул Федор Иванович Порошин, беглый холоп князя Н. И. Одоевского, участник борьбы за Азов, был широко читаемым человеком. В частности, при создании своего произведения он обращался к «Сказанию о Мамаевом побоище». Но написанное Порошиным произведение, традиционно связанное с древнерусскими воинскими повестями, отличается ярко выраженной оригинальностью. Порошин, художественно переработав, использовал в своем повествовании о беспримерной храбрости казаков, защищающих Азов от огромной армии врага, приемы жанра деловых документов и широко привлек устное творчество казаков.

Читая собранные в этой книге воинские повести Древней Руси, нельзя забывать, что от времени создания их нас отделяет несколько столетий и с точки зрения современного читателя целый ряд ситуаций, образов, выражений выглядит непривычно. Очень часто мы встречаемся со ссылками на божественное провидение, помощь святых. Для своего времени это являлось обязательными атрибутами литературного повествования, что объяснялось религиозным мировоззрением эпохи. Ф. Энгельс в статье «Крестьянская война в Германии» писал, что в эпоху средневековья «во всех областях умственной деятельности» преобладало «господство богословия», что являлось «необходимым следствием того положения, которое занимала церковь в качестве наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции существующего феодального строя»¹. Кроме того, сравнивая и сопоставляя события русской истории с библейской, древнерусские писатели тем самым стремились подчеркнуть величие и важность того, о чем писали они: факты русской истории становились в один ряд с фактами истории всемирной. Наконец, многие церковно-религиозные ситуации и сопоставления — это общие места, литературные штампы. Вместе с тем мы видим, что древнерусские книжники прекрасно понимали реальную сущность описываемых ими событий. Действительными героями в воинских повестях выступают все русские люди, русские воины и русские полководцы. И представления о патриотизме, долге, чести, героизме, человеческом достоинстве, о которых мы узнаем из напечатанных в этой книге произведений древнерусской литературы, так же близки и понятны нам, как они были близки и понятны древнерусскому читателю.

Л. А. Дмитриев

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, 2-е изд., т. 7, с. 360—361.

ПОХОДЫ СВЯТОСЛАВА

Из «Повести временных лет»

Древнерусский текст

Въ лѣто 6472. Князю Святославу възрастѣшу и възмужавшу, нача вои совокупляти многи и храбры, и легько ходя, аки пардусъ, войны многи творяше. Ходя възъ по собѣ не возяше, ни котъла, ни мясъ варя, но потонку изрѣзавъ конину ли, звѣрину ли или говядину на углех испекъ *ядяше*, ни шатра имяше, но подькладъ *постлавъ* и сѣдло в головахъ; тако же и прочии вои его вси бяху. *И* посылаше къ странамъ, глаголя: «Хочю на вы ити». И иде на Окуръку и на Волгу, и налѣзе вятичи, и рече вятичемъ: «Кому дань даете?» Они же рѣша: «Козаромъ по нѣзлягу от рала даемъ».

Въ лѣто 6473. Иде Святославъ на козары; слышавше же козари, изидоша противу съ княземъ своимъ Каганомъ, и съступишася *битися*, и бывши брани, одолѣ Святославъ козаромъ и градъ ихъ и Бѣлу Вежю взя. *И* ясы побѣди и касоги.

Въ лѣто 6474. Вятичи побѣди Святославъ, и дань на нихъ възложи.

Въ лѣто 6475. Иде Святославъ на Дунай на Болгары. *И* бившемся обомъ, одолѣ Святославъ болгаромъ, и взя городъ 80 по Дунаеви, и сѣде княжа ту въ Перяславци, емля дань на грѣцѣхъ.

Въ лѣто 6476. Придоша печенѣзи на Руску землю первое, а Святославъ бѣше Перяславци, и затворися Волга

въ градъ со унуки своими, Ярополкомъ и Ольгомъ и Володимеромъ, въ градъ Киевъ. И оступиша *печенѣзи* градъ в силѣ велицѣ, бещислено множество около града, и не бѣ лъзѣ изъ града вылѣсти, ни вѣсти послати; изнемогаху же людье голодомъ и водою. Собравшеся людье оная страны Днѣпра в лодяхъ, об ону страну стояху, и не бѣ лъзѣ внити в Киевъ ни единому ихъ, ни изъ града к онѣмъ. И вѣстужиша людье въ градъ и рѣша: «*Нѣсть* ли кого, иже бы могъ на ону страну дойти и речи имъ: *аще не подступите завтра*, предатися имамъ печенѣгомъ?» И рече единъ отрокъ: «Азъ преиду». И рѣша: «Иди». Онъ же изиде изъ града с уздою, и *ригаше* сквозъ печенѣги, глаголя: «Не видѣ ли коня никтоже?» Бѣ бо умѣя печенѣжскыи, и мняхуть ѣ своего. И яко приближися к рѣцѣ, *свергъ* порты сунуся въ Днѣпръ, и побреде. Видѣвше же печенѣзи, устремившася на нь, стрѣляюще его, и не могоша ему ничтоже створити. Они же видѣвше с оная страны, и приѣхаша в лодыи противу ему, и взяша ѣ в лодью и привезоша ѣ къ дружинѣ. И рече имъ: «Аще не *подступите* завтра къ городу, предатися хотять людье печенѣгомъ». Рече же воевода ихъ, имянемъ Прѣтичъ: «Подступимъ завтра в лодяхъ, и, попадше княгиню и княжичѣ, умчимъ на сю страну. Аще ли сего не створимъ, погубити ны имать Святославъ». Яко бысть завтра, всѣдше в *лодыи противу* свѣту и вѣструбиша вельми, и людье въ градъ кликнуша. Печенѣзи же мнѣша князя пришедша, побѣгоша разио от града. И изиде Ольга со унуки и с людми к *лодыямъ*. Видѣвше се князь печенѣжскыи, вѣзратися единъ къ воеводѣ Прѣтичию и рече: «Кто се приде?» И рече ему: «*Людье* оная страны». И рече князь печенѣжскыи: «А ты князь ли еси?» Онъ же рече: «Азъ есмь мужъ его, и пришелъ есмь въ сторожѣхъ, и по мнѣ идеть полкъ со княземъ, бещисла множество». Се же рече, грозя имъ. Рече же князь печенѣжскыи къ Прѣтичию: «Буди ми другъ». Онъ же рече: «Тако створю». И подаста руку межю собою, и вѣдасть печенѣжскыи князь Прѣтичию конь, саблю, стрѣлы. Онъ же дасть ему бронѣ, щитъ, мечъ. И *отступиша* печенѣзи от града, и не бѣаше лъзѣ коня напоити: на Лыбеди печенѣзи. И послаша кияне къ Святославу, глаголюще: «Ты, княже, чюжся земли нищши и блюдеши, а свося ся охабивъ, малы бо насъ не взяша печенѣзи, и матеръ твою и дѣти твои. Аще не поидеши, ни обратиши насъ, да пакы ны

возмутъ. Аще ти не жаль очины своя, ни матере, стары суща, и дѣтий своих?» То слышавъ Святославъ, вѣборзѣ всѣде на конѣ съ дружиною своею, и приде Кіеву, цѣлова мать свою и дѣти своя, и съжалися о бывшемъ от печенѣгъ. И собра вон, и прогна печенѣги в поли, и бысть миръ. <...>

Въ лѣто 6479. Приде Святославъ в Переяславецъ, и затворишася болгаре въ градъ. И излѣзоша болгаре на сѣчу противу Святославу, и бысть сѣча велика, и *одолаху* болгаре. И рече Святославъ своимъ: «Уже намъ сде пасти; потягнемъ мужьски, братья и дружино!» И къ вечеру одолѣ Святославъ, и взя градъ копьемъ, и посла къ грекомъ, глаголя: «Хочю на вы ити и взяти градъ вашъ, яко и сей». И рѣша грѣци: «Мы не дужи противу вамъ стати, но возми дань на насъ, и на дружину свою, и повѣжьте ны, колько васъ, да вдамы по числу на главы». Се же рѣша, грѣци, лѣстяче подъ Русью; *суть бо грѣци лѣстивы и до сего дни*. И рече имъ Святославъ: «Есть насъ 20 тысящъ». И прирече 10 тысящъ, бѣ бо руси 10 тысящъ *толко*. И пристроиша грѣци 100 тысящъ на Святослава, и не даша дани. И поиде Святославъ на греки, и изидоша противу руси. Видѣвъ же русь убояшася зѣло множества вой, и рече Святославъ: «Уже намъ нѣкамо ся дѣти, волею и неволею стати противу; да не посраимъ землѣ Рускиѣ, но ляжемъ костьми, мертвыи бо срама не имамъ. Аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ. Не имамъ убѣжати, но станемъ крѣпко, азъ же предъ вами поиду: аще моя глава ляжеть, то промыслите собою». И рѣша вон: «Идеже глава твоя, ту и свои главы сложимъ». И исполнишася русь, и бысть сѣча велика, и одолѣ Святославъ, и бѣжаша грѣци. И поиде Святославъ ко граду, воюя и грады разбивая, *яже стоятъ и до днешняго дне пусты*. И созва царь боляре своя в полату, и рече имъ: «Што створимъ, яко не можемъ противу ему стати?» И рѣша ему боляре: «Посли к нему дары, искусимъ ѣ, любѣзнимъ ли есть злату, ли *паволокамъ*?» И посла к нему злато, и паволоки, и мужа мудра, рѣша ему: «Глядай взора и лица его и смысла его». Онъ же, взявъ дары, приде къ Святославу. И повѣдаша Святославу, яко придоша грѣци с поклономъ. И рече: «Въведѣте я сѣмо». Придоша, и поклонилися ему, и положиша пред нимъ злато и паволоки. И рече Святославъ, кромѣ зря, отрокомъ своимъ: «Схороните». Они же придоша ко царю, и созва царь боляры. Рѣша же послании, яко «Придо-

хомъ к нему, и вдахомъ дары, и не *возрѣ* на ня, и повелѣ схоронити». И рече единъ: «Искуси ѿ еще, послѣ ему оружье». Они же *послушаша* его, и послаша ему мечъ и ино оружье, и принесоша к нему. Онъ же, примѣ, нача хвалити, и любити, и *цѣловати* царя. Придоша опять ко царю, и повѣдаша ему вся бывшая. И рѣша бояре: «Лютъ се мужъ *хочеть* быти, яко имѣнья не брежеть, а оружье емлетъ. Имися по дань». И посла царь, глаголя сице: «Не ходи къ граду, возми дань, еже хоцещи»; за маломъ бо бѣ не дошелъ Царяграда. И даша ему дань; имашеть же и за убьенныя, глаголя, яко «Род его возметь». Взя же и дары многы, и възратися в Переяславецъ с *похвалою* великою. Видѣвъ же мало дружины своея, рече в собѣ: «Еда како прельстивше изъбѣють дружину мою и мене», бѣша бо многи погibli на полку. И рече: «Поиду в Русь, приведу боле *дружины*».

И послѣ слы ко цареви въ *Деревѣстрѣ*, бо бѣ ту царь, рѣка сице: «Хочю имѣти миръ с *тобою* твердъ и любовь». Се же слышавъ *царь* радъ бысть и послѣ к нему дары больша первыхъ. Святославъ же прия дары, и почѣ думати съ дружиною своею, рѣка сице: «Аще не створимъ мира со царемъ, а увѣсть царь, яко мало насъ есть, пришедше оступять ны въ градъ. А Руска земля далеча, а печенѣзи с нами ратьни, а кто ны поможеть? Но створимъ миръ со царемъ, се бо ны ся по дань яли, и то буди доволно намъ. Аще ли почнеть не управляти дани, да изнова из Руси, совкупивше *вои множайша*, поидемъ Царюгороду». Люба бысть рѣчь си дружинѣ, и послаша лѣпшиѣ мужи ко цареви, и придоша въ *Деревѣстрѣ*, и повѣдаша цареви. Царь же наутрия призва ѿ, и рече царь: «Да глаголють сли русиѣ». Они же рѣша: «Тако глаголетъ князь нашъ: хочю имѣти любовь со царемъ гречьскимъ свершеную прочая вся лѣта». Царь же радъ бысть и повелѣ писцю писати вся рѣчи *Святослави* на харатью. Нача глаголати солъ вся рѣчи и нача писецъ писати. Глагола сице:

«Равно другаго свѣщанья, бывшаго при Святославѣ, велицѣмъ князи русѣмъ, и при Свѣналѣдѣ, писано при Фсфелѣ синкелѣ и к Ивану, парицаемому Цѣмьскию, царю гречьскому, въ Дерестрѣ, мѣсяца июля, индикта въ 14, в лѣто 6479. Азъ Святославъ, князь руский, якоже кляхъся, и утвержаю на свѣщанѣ семь роту свою: хочю имѣти миръ и свершену любовь со *всякимъ*

великимъ царемъ гречьскимъ, съ Васильемъ и Костянтиномъ, и съ богодохновенными цари, и со всѣми людьми вашими и иже суть подо мною Русь, боляре и прочии, до конца вѣка. Яко николиже помышлю на страну вашу, ни собираю вой, ни языка иного приведу на страну вашу и елико есть подѣ властью гречьскою, ни на власть корсуньскую и елико есть городовъ ихъ, ни на страну болгарьску. Да еще инъ кто помыслитъ на страну вашу, да и азъ буду противенъ ему и борюся с нимъ. Якоже кляхъся ко царемъ гречьскимъ, и со мною боляре и Русь вся, да схранимъ правая свѣщанья. Еще ли отъ тѣхъ самѣхъ прежереченыхъ не схранимъ, азъ же и со мною и подо мною, да имѣемъ клятву отъ бога, въ его же вѣруемъ — в Перуна и въ Волоса, скотья бога, и да будемъ *золоти*, яко золото, и своимъ оружьемъ да истребени будемъ. Се же имѣйте во истину, якоже *сотворихомъ* нынѣ къ вамъ, и написахомъ на харатыи сей и своими печатями запечатахомъ».

Створив же миръ Святославъ съ греки, поиде в лодяхъ къ порогомъ. И рече ему воевода отенъ *Свѣналдъ*: «Поиди, княже, на конихъ около, стоятъ бо печенѣзи в порозѣхъ». И не послуша его и поиде в лодяхъ. И послаша переяславци къ печенѣгомъ, глаголюще: «Сидеть вы Святославъ в Русь, возьмъ имѣнье много у грекъ и полонъ бещисленъ, съ *маломъ* дружины». Слышавше же се печенѣзи, заступиша пороги. И приде Святославъ къ порогомъ, и не бѣ лѣзъ проити порогъ. И ста зимовати в Бѣлобережьи, и не бѣ у нихъ брашна уже, и бѣ гладъ великъ, яко по полугривнѣ глава коняча, и зимова Святославъ ту.

Веснѣ же приспѣвъши, в лѣто 6480, поиде Святославъ в пороги. И нападе на нь Куря, князь печенѣжскій, и убиша Святослава, и взяша главу его, и во лѣбъ его съдѣлаша чашю, *оковавши* лѣбъ его, и пяху *изъ него*. Свѣналдъ же приде Києву къ Ярополку. И всѣхъ лѣтъ княженя Святославля лѣтъ 20 и 8. <...>

ПОХОДЫ СВЯТОСЛАВА

Из «Повести временных лет»

Перевод

- В** год 6472 (964). Когда Святослав вырос и возмужал, стал он собирать много воинов храбрых, и легко ходил в походах, как пардус, и много воевал. В походах же не возил за собою ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину, или зверину, или говядину и зажарив на углях, так ел; не имел он и шатра, но спал, постилая потник, с седлом в головах,— такими же были и все прочие его воины. И посылал в иные земли со словами: «Хочу на вас идти». И пошел на Оку-реку и на Волгу, и встретил вятичей, и сказал вятичам: «Кому дань даете?» Они же ответили: «Хазарам — по щелягу с сохи даем».
- В год 6473 (965). Пошел Святослав на хазар. Услышав же, хазары вышли навстречу во главе со своим князем Каганом и сошлись биться, и в битве одолел Святослав хазар и столицу их и Белую Вежу взял. И победил ясов и касогов.
- В год 6474 (966). Вятичей победил Святослав и дань на них возложил.
- В год 6475 (967). Пошел Святослав на Дунай на болгар. И бились обе стороны, и одолел Святослав болгар, и взял городов их восемьдесят по Дунаю, и сел княжить там в Переяславце, беря дань с греков.
- В год 6476 (968). Пришли впервые печенеги на Русскую землю, а Святослав был тогда в Переяславце, и заперлась Ольга со своими внуками — Ярополком, Олегом и

Владимиром в городе Киеве. И осадили печенеги город силою великой: было их бесчисленное множество вокруг города, и нельзя было ни выйти из города, ни вести послать, и изнемогали люди от голода и жажды. И собрались люди той стороны Днепра в ладьях и стояли на том берегу, и нельзя было ни тем пробраться в Киев, ни этим из города к ним. И стали тужить люди в городе и сказали: «Нет ли кого, кто бы смог перебраться на ту сторону и сказать им: если не подступите утром к городу, — сдадимся печенегам». И сказал один отрок: «Я проберусь», и ответили ему: «Иди». Он же вышел из города, держа уздечку, и побежал через стаю печенегов, спрашивая их: «Не видели кто-нибудь коня?» Ибо знал он по-печенежски, и его принимали за своего. И когда приблизился он к реке, то, скинув одежду, бросился в Днепр и поплыл. Увидев это, печенеги кинулись за ним, стреляли в него, но не смогли ему ничего сделать. На том берегу заметили это, подъехали к нему в ладье, взяли его в ладью и привезли его к дружине. И сказал им отрок: «Если не подойдете завтра к городу, то люди сдадутся печенегам». Воевода же их, по имени Претич, сказал на это: «Пойдем завтра в ладьях и, захватив княгиню и княжичей, умчим на этот берег. Если же не сделаем этого, то погубит нас Святослав». И на следующее утро, близко к рассвету, сели в ладьи и громко затрубили, а люди в городе кричали. Печенегам же показалось, что пришел сам князь, и побежали они от города врассыпную. И вышла Ольга со внуками и людьми к ладьям. Печенежский же князь, увидев это, возвратился один и обратился к воеводе Претичу: «Кто это пришел?» А тот ответил ему: «Люди той стороны (Днепра)». Печенежский князь снова спросил: «А ты не князь ли уж?» Претич же ответил: «Я муж его, пришел с передовым отрядом, а за мною идет войско с самим князем: бесчисленное их множество». Так сказал он, чтобы их припугнуть. Князь же печенежский сказал Претичу: «Будь мне другом». Тот ответил: «Так и сделаю». И подали они друг другу руки, и дал печенежский князь Претичу коня, саблю и стрелы. Тот же дал ему кольчугу, щит и меч. И отступили печенеги от города, но нельзя было вывести коня напонтъ: стояли печенеги на Лыбеди. И послали киевляне к Святославу со словами: «Ты, князь, ищешь чужой земли и о ней заботишься, а свою покинул, а нас чуть было не взяли

печенегов, и мать твою и детей твоих. Если не придешь и не защитишь нас, то возьмут-таки нас. Неужели не жалеть тебе своей отчины, старой матери, детей своих?» Услышав это, Святослав с дружиною быстро сел на коней и вернулся в Киев; приветствовал мать свою и детей и сокрушался о том, что случилось с ними от печенегов. И собрал воинов и прогнал печенегов в поле, и наступил мир. <...>

В год 6479 (971). Пришел Святослав в Переяславец, и затворились болгары в городе. И вышли болгары на битву против Святослава, и была сеча велика, и стали одолевать болгары. И сказал Святослав своим воинам: «Здесь нам и умереть; постоим же мужественно, братья и дружина!» И к вечеру одолел Святослав, и взял город приступом, и послал к грекам со словами: «Хочу идти на вас и взять столицу вашу, как и этот город». И сказали греки: «Невмоготу нам сопротивляться вам, так возьми с нас дань себе и на всю свою дружину и скажи, сколько вас, чтобы разошлись мы по числу дружинников твоих». Так говорили греки, обманывая русских, ибо греки лживы и до наших дней. И сказал им Святослав: «Нас двадцать тысяч», и прибавил десять тысяч: ибо было русских всего десять тысяч. И выставили греки против Святослава сто тысяч и не дали дани. И пошел Святослав на греков, и вышли те против русских. Когда же русские увидели их — сильно испугались такого великого множества воинов, но сказал Святослав: «Нам некуда уже деться, хотим мы или не хотим — должны сражаться. Так не посраим земли Русской, но ляжем здесь костьми, ибо мертвые не примем позора. Если же побежим — позор нам будет. Так не побежим же, но станем крепко, а я пойду впереди вас: если моя голова ляжет, то о своих сами позаботьтесь». И ответили воины: «Где твоя голова ляжет, там и свои головы сложим». И исполнились русские, и была жестокая сеча, и одолел Святослав, а греки бежали. И пошел Святослав к столице, побеждая и завоевывая города, что стоят и доныне пусты. И созвал царь бояр своих в палату и сказал им: «Что нам делать: не можем ведь ему сопротивляться?» И сказали ему бояре: «Пошли к нему дары; испытаем его: любит ли он золото или паволоки?» И послал к нему золото и паволоки с мудрым мужем, наказавши ему: «Следи за его взглядом и выражением лица». Он же взял дары и пришел к Святославу. И поведали Святославу, что

пришли греки с поклоном. И сказал он: «Введите их сюда». Те вошли, и поклонились ему, и положили перед ним золото и паволоки. И сказал Святослав своим отрокам, смотря в сторону: «Спрячьте». Греки же вернулись к царю, и созвал царь бояр. Посланные же сказали: «Пришли-де мы к нему и поднесли дары, а он и не взглянул на них — приказал спрятать». И сказал один: «Испытай его еще раз: пошли ему оружие». Они же послушали его, и послали ему меч и другое оружие, и принесли ему. Он же взял и стал царя хвалить, выражать ему любовь и благодарность. Снова вернулись посланные к царю и поведали ему все, как было. И сказали бояре: «Лют будет муж этот, ибо богатством пренебрегает, а оружие берет. Плати ему дань». И послал к нему царь, говоря так: «Не ходи к столице, возьми дань сколько хочешь», ибо только немногим не дошел он до Царьграда. И дали ему дань; он же брал и на убитых, говоря: «Возьмет-де за убитого род его». Взял же и даров много и возвратился в Переяславец со славою великою. Увидев же, что мало у него дружины, сказал себе: «Как бы не погубили какой-нибудь хитростью и дружину мою и меня», так как многие были убиты в боях. И сказал: «Пойду на Русь, приведу еще дружины».

И отправил послов к царю в Доростол, где в это время находился царь, говоря так: «Хочу иметь с тобою прочный мир и любовь». Царь же, услышав это, обрадовался и послал к нему даров больше прежнего. Святослав же принял дары и стал думать с дружиною своею, говоря так: «Если не заключим мир с царем и узнает царь, что нас мало, то придут и осадят нас в городе. А Русская земля далеко, печенеги с нами в войне, и кто нам поможет? Заключим же с царем мир: ведь они уже обязались платить нам дань,— того с нас и хватит. Если же перестанут нам платить дань, то снова из Руси, собрав множество воинов, пойдем на Царьград». И была любя речь эта дружине, и послали лучших мужей к царю, и пришли они в Доростол и сказали о том царю. Царь же на следующее утро призвал их к себе и сказал: «Пусть говорят послы русские». Они же начали: «Так говорит князь наш: „Хочу иметь полную любовь с греческим царем на все будущие времена“». Царь же обрадовался и повелел писцу записывать все речи Святослава на хартию. И стал посол говорить все речи, и стал писец писать. Говорил же он так:

«Список с договора, заключенного при Святославе, великом князе русском, и при Свенельде, писано при Феофиле Синкеле к Иоанну, называемому Цимисхием, царю греческому, в Доростоле, месяца июля, 14 индикта, в год 6479. Я, Святослав, князь русский, как клялся, так и подтверждаю договором этим клятву мою: хочу вместе со всеми подданными мне русскими, с боярами и прочими, иметь мир и полную любовь с каждым великим царем греческим, с Василием и с Константином, и с боговдохновенными царями, и со всеми людьми вашими до конца мира. И никогда не буду замышлять на страну вашу, и не буду собирать на нее воинов, и не наведу иного народа на страну вашу, ни на ту, что находится под властью греческой, ни на Корсунскую страну и все города тамошние, ни на страну Болгарскую. И если иной кто замыслит против страны вашей, то я ему буду противником и буду воевать с ним. Как уже клялся я греческим царям, а со мною бояре и все русские, да соблюдем мы прежний договор. Если же не соблюдем мы чего-либо из сказанного раньше, пусть я и те, кто со мною и подо мною, будем прокляты от бога, в которого веруем,— в Перуна и в Волоса, бога скота, и да будем желты, как золото, и своим оружием посечены будем. Не сомневайтесь в правде того, что мы обещали вам ныне и написали в хартии этой и скрепили своими печатями».

Заключив мир с греками, Святослав в ладьях отправился к порогам. И сказал ему воевода отца его Свенельд: «Обойди, князь, пороги на конях, ибо стоят у порогов печенеги». И не послушал его и пошел в ладьях. А переславцы послали к печенегам сказать: «Вот идет мимо вас на Русь Святослав с небольшой дружиной, забрав у греков много богатства и пленных без числа». Услышав об этом, печенеги заступили пороги. И пришел Святослав к порогам, и нельзя было их пройти. И остановился зимовать в Белобережье, и не стало у них еды, и был у них великий голод, так что по полугривне платили за конскую голову, и тут перезимовал Святослав.

В год 6480 (972), когда наступила весна, отправился Святослав к порогам. И напал на него Куря, князь печенежский, и убили Святослава, и взяли голову его, и сделали чашу из черепа, оковав его, и пили из него. Свенельд же пришел в Киев к Ярополку. А всех лет княжения Святослава было двадцать восемь. <...>

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Древнерусский текст

СЛОВО О *ПЛЪКУ* ИГОРЕВѢ, ИГОРЯ,
СЫНА СВЯТЬСЛАВЛЯ, ВНУКА ОЛЬГОВА

Н

е лѣпо ли ны бяшетъ, братие, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстий о *плъку* Игоревѣ, Игоря Святъславлича? Начати же съ тѣй пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню!

Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслию по древу, сѣрымъ вѣлкомъ по земли, шизымъ орломъ подѣ облакы, помняшетъ бо, *рече*, пѣрвыхъ временъ усобицѣ. Тогда пушашеть 10 соколовъ на стадо лебедѣй, которыи дотечаше, та предъ *пѣснь* пояше старому *Ярославу*, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предѣ *плъкы* касожьскими, красному Романови Святъславличю. Боянъ же, братие, не 10 соколовъ на стадо лебедѣй пушаше, нѣ своя вѣщиа прѣсты на живая струны вѣскладаше, они же сами княземъ славу рокотаху.

Почнемъ же, братие, повѣсть сию отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря, иже истягну умъ крѣпостию своею и поостри сердца своего мужествомъ, наплывився ратнаго духа, наведе своя храбрыя *плъкы* на землю Половѣцкую за землю Рускую.

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты. И рече Игорь къ дру-

жинѣ своей: «Братие и дружино! Луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти, а всядемъ, братие, на свои бръзья комони да позримъ синего Дону». Спала князю умъ похоти, и жалость ему знаменне заступи искусити Дону Великаго. «Хощу бо,— рече,— копие приломити конецъ поля Половецкаго; съ вами, русици, хощу главу свою приложить, а любо испити шеломомъ Дону».

О Бояне, соловию стараго времени! А бы ты сна плѣкы ушекоталъ, скача, славию, по мыслену древу, летая умомъ подь облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы!

Пѣти было *пѣснь* Игореву, того внуку: «Не буря соколы занесе чресъ поля широкая — галици стады бѣжать къ Дону Великому». Чи ли въспѣти было, вѣщей Бояне, Велесовъ внуче: «Комони ржуть за Сулою — звенить слава въ Киевѣ!»

Трубы трубятъ въ Новѣградѣ, стоятъ стязи въ Путивлѣ, Игорь ждетъ мила брата Всеволода. И рече ему Буй Туръ Всеволодъ: «Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый — ты, Игорю! Оба освѣ Святъславличя! Съдлай, брате, свои бръзьи комони, а мои ти готови, осѣдлаши у Курьска напереди. А мои ти куряни свѣдоми кѣмети: подь трубами повити, подь шеломи възлелѣяны, конецъ копия въскрѣмлени; пути имъ вѣдоми, яругы имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени. Самы скачють, акы сѣрыи влѣщи въ полѣ, ищучи себе чти, а князю славу».

Тогда вѣступи Игорь князь въ златъ стремянь и поѣха по чистому полю. Солнце ему тѣмою путь заступаше, ношь стонуши ему грозою птичь убуди, свистъ звѣринъ вѣста, *збися* Дивъ, кличетъ врѣху древа, велитъ послушати земли незнаемъ, Влѣзъ, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, *Тьмутороканьскый* блѣванъ. А половци неготовыми дорогами побѣгоша къ Дону Великому: крычатъ *телѣгы* полунощы, рци, лебеди роспущени.

Игорь къ Дону вои ведетъ. Уже бо бѣды его пасетъ птичь по *дубию*, влѣщи грозу въсрожать по яругамъ, орли клектомъ на кости звѣри зовуть, лисици брешуть на чръленыя щиты.

О Руская земле! Уже за шеломянемъ еси!

Длѣго ночь *мръкнетъ*. Заря свѣтъ запала, мъгла поля покрыла, шекоть славий успе, говоръ галичь *убудися*. Русичи великая поля чрълеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а князю — славы.

Съ зараня въ *пѣтѣхъ* потопташа поганыя плѣкы поло-
вецкыя, и рассушясь стрѣлами по полю, помчаша
красныя дѣвки половецкыя, а съ ними злато, и паво-
локи, и драгыя оксамиты. Орьтьмами, и япончицами,
и кожухы начаша мосты мостити по болотомъ и гряз-
нымъ мѣстомъ, и всякими узорочьи половецкыми.
Чръленъ стягъ, бѣла хорюговъ, чрълена чолка, сереб-
но стружие — храброму Святъславличю!

Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо. Далече за-
летѣло! Не было *онѣ* обидѣ порождено ни соколу, ни
кречету, ни тебѣ, чръный воронъ, поганый половчине!
Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влѣкомъ, Кончакъ ему
слѣдъ править къ Дону Великому.

Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣда-
ютъ, чръныя тучя съ моря идутъ, хотятъ прикрыти 4
солнца, а въ нихъ трепещутъ синии млънии. Быти гро-
му великому, итти дождю стрѣлами съ Дону Великаго!
Ту ся копнемъ приламатъ, ту ся саблямъ потручати о
шеломы половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону Вели-
каго.

О Руская землѣ! Уже *за* шеломянемъ еси!

Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на
храбрыя плѣкы Игоревы. Земля тутнетъ, рѣкы мутно
текутъ, пороси поля прикрываютъ, стязи глаголютъ:
«Половци идутъ»; отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ
странъ рускыя плѣкы *оступиша*. Дѣти бѣсови кли-
комъ поля прегородиша, а храбрини русици преградиша
чрълеными щиты.

Яръ Туре Всеволодъ! Стоиши на борони, прыщеси на
вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харалужными.
Камо, Туръ, поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ
посвѣчивая, — тамо лежать поганыя головы половец-
кыя, поскепаны саблями калеными шеломы оварѣ-
скыя отъ тебѣ, Яръ Туре Всеволоде! Кая *рана* дорога,
братие, забывъ чти и живота, и града Чрънигова отня
злата стола, и своя милыя хоти, красныя Глѣбовици,
свычая и обычая!

Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля, были плѣци
Олговы, Ольга Святъславличя. Тѣй бо Олегъ мечемъ
крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше. Ступастъ
въ златъ стремянь въ градъ Тьмутороканъ, *той* же
звонъ слыша давный великій Ярославъ сынъ *Всево-*
лодъ, а Владимиръ по вся утра уши закладываше въ
Черниговъ. Бориса же Вячеславлича слава на судъ
приведе, и на Канину зелену паполому постла за оби-

ду Олгову, храбра и млада князя. Съ тоя же Каялы Святоплѣкъ *полелѣя* отца своего междю угорьскими иноходьцы ко святой Софии къ Киеву. Тогда при Олзѣ Гориславличи съяшется и растяшетъ усобицами, погубашеть жизнь Дажь-Божа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣщи челоувѣкомъ скратишась. Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нѣ часто врани граяхуть, трупна себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уедне.

То было въ ты рати, и въ ты плѣкы, а сицей рати не слышано! Съ заранна до вечера, съ вечера до свѣта летятъ стрѣлы каленыя, гримлютъ сабли о шеломахъ, трещатъ копиа харалужныя въ полѣ незнаемѣ среди земли Половецкыи. Чръна земля подѣ копыты костьми была посѣяна, а кровию поляна; тугою въздыша по Руской земли!

Что ми шумить, что ми звенить давеча рано предѣ зорями? Игорь плѣкы заворочаетъ; жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася другой, третьяго дни къ полудню падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы; ту кроваваго вина не доста, ту пирѣ докончаша храбрии русичи: сваты попойша, а сами полегоса за землю Рускую. Ничить трава жалошамъ, а древо с тугою къ земли преклонилось.

Уже бо, братие, невеселая година вѣстала, уже пустыни силу прикрыла. Вѣстала обида въ силахъ Дажь-Божа внука, *вступила* дѣвою на землю Трояню, всплескала лебединными крылы на синѣмъ море у Дону, плещучи, убуди жирныя времена. Усобица княземъ на поганая погыбе, рекоста бо братъ брату: «Се мое, а то мое же». И начяша князи про малое «се великое» мѣлвити, а сами на себѣ крамолу ковати, а погании съ всѣхъ странъ приходяху съ побѣдами на землю Рускую.

О, далече занде соколъ, птичь бя, — къ морю. А Игоревъ храбраго плѣку не крѣсити! За нимъ кликну Карна, и Жля поскочи по Руской земли, смагу *людемъ* мычючи въ пламянѣ розѣ. Жены руския въсплакашась, аркучи: «Уже намъ своихъ милыхъ ладѣ ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати!» А вѣстона бо, братие, Киевѣ тугою, а Черниговѣ напастьми. Тоска разлися по Руской земли, печаль жирна тече средѣ земли Рускыи. А князи сами на себе крамолу коваху,

а погании сами, побѣдами нарищуще на Рускую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора.

Тѣмъ бо два храбрая Святъславлича, Игорьъ и Всеволодъ, уже лжу *убудиста* *которою*; *ту* бѣше успилъ отецъ ихъ Святъславъ грозный великій Кіевскій грозою, бѣшесть *притрепалъ* своими сильными плѣкы и харалужными мечи; наступи на землю Половецкую, притопта хлѣми и яругы, взмути рѣки и озера, иссуши потоки и болота. А поганого Кобяка изъ луку моря, отъ желѣзныхъ великихъ плѣковъ половецкихъ, яко вихрь, выторже. И падеся Кобякъ въ градъ Кіевъ, въ гриднищъ Святъславли. Ту Нѣмци и Вснедици, ту Греци и Морава поютъ славу Святъславлю, каютъ князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы, рѣкы половецкия, рускаго злата насыпаша. Ту Игорьъ князь высѣдъ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кошиево. Уныша бо градомъ забралы, а вселие пониче.

А Святъславъ мутенъ сонъ видѣ въ Кіевѣ на горахъ. «*Синочи* съ вечера *одѣвахуть* мя,— рече,— чръною паполомою на *кровати* тисовѣ; чръпахуть ми синее вино съ трудомъ смѣшено, сыпахуть ми тѣщими тулы поганныхъ тѣлковинъ великій женчюгъ на лоно. и цѣгуютъ мя. Уже дѣскы безъ кнѣса в моемъ теремѣ златовръсѣмъ. Всю ночь съ вечера *бусови* врани възгряху у Плѣсньска на *болоньи*, бѣша дебрь Кисаню ч не сошлоу къ синему морю».

И ркоша бояре князю: «Уже, княже, туга умъ полошала. Се бо два сокола слѣтѣста съ отня стола злата поискасти града Тмутороканя, а любо испити шеломомъ Дону. Уже соколома крыльца припѣшали поганныхъ саблямъ, а *самою опуташи* въ путины желѣзны. Темно бо бѣ въ 3 день: два солища помѣркоста, оба багряная стѣла погасоста, и въ морѣ погрузиста, и съ *ними* молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ, тѣмою ся поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ тѣма свѣтъ покрывла: по Руской земли прострошася половци, аки пардуже гнѣздо, и великое буйство подасть Хиновъ. Уже спсесся хула на хвалу; уже тресну нужда на волю; уже врьжеса Дивь на землю. Се бо готскія красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю, звоня рускимъ златомъ, поютъ время Бусово, лелѣютъ мѣсть Шароканю. А мы уже, дружина, жадни веселія».

Тогда великій Святъславъ изрони злато слово, слезами смѣшено, и рече: «О, моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! Раю еста начала Половецкую землю мечи цвѣли-

ти, а себѣ славы искати. Нѣ нечестно одолѣсте, нечестно бо кровь поганую пролиясте. Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ скована, а въ буести закалена. Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ!

А уже не вижду власти сильнаго, и богатаго, и *многово* брата моего Ярослава, съ черниговьскими былями, съ могуты, и съ татраны, и съ шельбиры, и съ топчаки, и съ ревугы, и съ ольберы. Тии бо бес щитовъ, съ заса-ножники, кликомъ плѣкы побѣждають, звонячи въ праѣднюю славу. Нѣ рекосте: «Мужанмѣся сами: преднюю славу сами похитимъ, а заднюю *си* сами подѣлимъ». А чи диво ся, братие, стару помолодити? Коли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ, не дасть гнѣзда своего въ обиду. Нѣ се зло — княже ми непособие; наниче ся години обратша. Се у Римъ кричатъ подъ саблями половецкыми, а Володимиръ подъ ранами. Туга и тоска сыну Глѣбову!»

Великий княже Всеволоде! Не мыслию ти прелетѣти издалеча, отня злата стола поблюсти? Ты бо можеша Волгу веслы раскропити, а Донъ шелома выльяти. Аже бы ты былъ, то была бы чага по погатѣ, а кошей по резанѣ. Ты бо можеша посуху живыми шерешеры стрѣляти — удалыми сыны Глѣбовы.

Ты, буй Рюриче, и Давыде! Не ваю ли *вои* злачеными шелома по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкають аки турн, ранены саблями калеными, на полѣ незнаемъ? Вступита, господина, въ злата *стремена* за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, буюго Святславлича!

Галичкы Осмомыслѣ Ярославе! Высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ, подперъ горы Угорскыи своими желѣзными плѣки, заступивъ королевн путь, затворивъ Дунаю ворота, меча *бремени* чрезъ облаки, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землямъ текутъ, *отворяещи* Киеву врата, стрѣляещи съ отня злата стола салтани за землями. Стрѣляй, господине, Кончака, поганого кошея, за землю Рускую, за раны Игоревы, буюго Святславлича!

А ты, буй Романе, и Мстиславе! Храбрая мысль носить ваю умъ на дѣло. Высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрехъ ширяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти. Суть бо у ваю желѣзныи *наворзи* подъ шелома латинскими. *Тѣм* тресну земля, и многи страны — Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела и Половци — сулицы своя *повръгоша*, а главы своя *подклони-*

ша подъ тыи мечи харалужныи. Нъ уже, княже, Игорю *утрѣнѣ* солнцю свѣтъ, а древо не бологомъ листвие срони: по *Роси* и по Сули гради подѣлиша. А Игорева храбраго плѣку не крѣсити! Донъ ти, княже, кличетъ и зоветъ князи на побѣду. Олговичи, храбрыи князи, dospѣли на брань.

Инѣгварь и Всеволодъ, и вси три Мстиславичи, не худа гнѣзда шестокрилци! Не побѣдными жребии собѣ власти расхытите! Кое ваши златыи шеломы и сулицы ляцкии и щиты? Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами, за землю Русскую, за раны Игоревы, буюго Святъславлича!

Уже бо Сула не течетъ сребреными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ полочаномъ подъ кликомъ поганыхъ. Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвони своими острыми мечи о шеломы литовския, притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подъ чрълеными щиты на кровавъ травъ притрепанъ литовскими мечи. *Исхыти* юна кров, а тѣй рекъ: «Дружину твою, княже, птиць крылы приодѣ, а звѣри кровь полизаша». Не *бысть* ту брата Брючяслава, ни другаго — Всеволода, единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла чресъ злато ожереліе. *Уныли* голоси, пониче веселие. Трубы трубятъ городеньскіи.

Ярославли вси внуце и Всеславли! Уже *понижьте* стязи свои, *вонзите* свои мечи вережени, уже бо выскочисте изъ дѣдней славѣ. Вы бо своими крамолами начясте наводити поганя на землю Рускую, на жизнь Всеславлю: *которою* бо бѣше насилие отъ земли Половецкыи!

На седьмомъ вѣцѣ Трояни врѣже Всеславъ жребий о дѣвницю себѣ любу. Тѣй клюками подпрѣся о кони, и скочи къ граду Киеву, и дотчеся стружиемъ злата стола Кневскаго. Скори отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плѣночи изъ Бѣла-града, обѣсися синѣ мыглѣ, утрѣже *вазни* с три кусы: *отвори* врата Нову-граду, разшибе славу Ярославу, скочи влъкомъ до Немиги съ Дудутокъ.

На Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ чеппи харалужными, на тоцѣ животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхутъ посянни, посянни костыми рускихъ сыновъ.

Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше: изъ Кыева дориска-

ше до куръ Тматороканя, великому Хрѣсови влѣкомъ путь прерыскаше. Тому въ Полотскѣ позволиша заутреннюю рано у святыя Софеи въ колоколы, а онъ въ Кыевъ звонъ слыша. Аще и вѣща душа въ *дрѣзѣ* тѣлѣ, нѣ часто бѣды страдаше. Тому вѣшей Боянъ и прѣвое припѣвку, смысленый, рече: «Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда божиа не минути!»

О, стонати Руской земли, помянувшѣ прѣвую годину и прѣвыхъ князей! Того стараго Владимира нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Киевскимъ: сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзии — Давидовы, нѣ *розно* ся имъ хоботы пашуть. Копиа поють.

На Дунаи Ярославнынѣ гласъ слышитѣ, зегзицею *незна*-*ема* рано кычетѣ. «Полечю,— рече,— зегзицею по Дунаеви, омочю бѣбрянѣ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ».

Ярославна рано плачетѣ въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: «О *вѣтре* вѣтрило! Чему, господине, насильно вѣши? Чему мычещи хиновскыя стрѣлки на своєю не-трудною крилицю на моя ладѣ вон? Мало ли ти бяшетѣ *горѣ* подѣ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему, господине, мое веселіе по ковылино развѣя?»

Ярославна рано плачетѣ Путивлю городу на заборолѣ, аркучи: «О, Днепре Словутицю! Ты пробилѣ еси каменные горы, сквозѣ землю Половецкую. Ты лелѣялѣ еси на себѣ Святославли посадки до плѣку Кобыкова. Възлелѣй, господине, мою ладѣ къ мнѣ, а быхъ не стала къ нему слезѣ на море рано».

Ярославна рано плачетѣ въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: «Свѣтлое и тресвѣтлое слѣнце! Вѣемъ тепло и красно еси! Чему, господине, простре горячую свою лучю на ладѣ вон? Въ полѣ безводнѣ жаждею имъ лучи съпряже, тугою имъ тули затче».

Прысну море полунощи; идуть сморины мѣглами. Игореву князю богъ путь кажетѣ изъ земли Половецкой на землю Рускую, къ отню злату столу. Погасоша вечеру зари. Игорь спитѣ, Игорь бдитѣ, Игорь мыслию поля мѣритѣ отъ Великаго Дона до Малаго Дона. Комонѣ въ полуночи Овдурѣ свисну за рѣкою — велитѣ князю разумѣти князю Игорю не быти! Кликну, стукну земля, вѣшумѣ трава, вежи ся половецкыи *подвизаши*. А Игорь князь поскочи горнастемъ къ тростию, и бѣлымъ гоголемъ на воду, *възвръжеса* на брѣзѣ комонѣ, и скочи съ него босымъ влѣкомъ, и потече къ

лугу Донца, и полетѣ соколомъ подѣ мѣглами, избивая гуси и лебеди заутроку, и обѣду, и ужинѣ. Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влурѣ вѣлкомъ потече, труся собою студеную росу: претрѣгоста бо своя брѣзая ко-
моня.

Донецъ рече: «Княже Игорю! Не мало ти величия, а Кончаку нелюбия, а Руской земли веселиа!» Игорь рече: «О, Донче! Не мало ти величия, лелѣявшу князя на вѣлнахъ, стлавшу ему зелѣну траву на своихъ серебряныхъ брѣзѣхъ, одѣвавшу его теплыми мѣглами подѣ сѣнию зелену древу. Стрежаше *его* гоголемъ на водѣ, чаицами на струяхъ, чрѣнядьми на ветрѣхъ». Не тако ли, рече, рѣка Стугна: худу струю имѣя, пожрѣши чужи ручьи и стругы, рострена к усту, уношу князя *Ростислава* затвори днѣ *при* темнѣ березѣ. Плачется матери *Ростиславля* по уноши князи *Ростиславѣ*. Уныша цвѣты жалобою, и древо с тугою къ земли *прѣклонилось*.

А не сороки втрескоташа — на слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда врани не граахуть, галици помлѣкоша, сороки не трескоташа, *полозие* ползоша только. Дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ, соловии веселыми *пѣсньми* свѣтъ повѣдаютъ. Млѣвить Гзакъ Кончакови: «Аже соколъ къ гнѣзду летитъ,— соколича рострѣляевъ своими злачеными стрѣлами». Рече Кончакъ ко Гзѣ: «Аже соколъ къ гнѣзду летитъ, а въ соколца опутаевъ красною дивницею». И рече Гзакъ къ Кончакови: «Аще его опутаевъ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвице, то почнутъ наю птици бити въ полѣ Половецкомъ».

Рекъ Боянъ и Ходына Святѣславля, *пѣснотворца* старого времени Ярославля: «Ольгова коганя хоти! Тяжко ти головы кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ головы»,— Руской земли безъ Игоря!

Солнце свѣтитъ на небесѣ — Игорь князь въ Руской земли. Дѣвицы поютъ на Дунаи — выются голоси чрезъ море до Кіева. Игорь ѣдетъ по Боричеву къ святѣй Богородици Пирогощей. Страны ради, гради весели.

Пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ пѣти! Слава Игорю *Святѣславличю*, Буй Туру *Всеволоду*, Владимиру Игоревичу! Здрави, князи и дружина, побарая за христѣяны на поганѣя плѣки! Княземъ слава а дружинѣ!

Аминь.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Перевод

СЛОВО О ПОХОДЕ ИГОРЕВОМ, ИГОРЯ,
СЫНА СВЯТОСЛАВОВА, ВНУКА ОЛЕГОВА

Н

е пристало ли нам, братья, начать старыми словами ратных повестей о походе Игоревом, Игоря Святославича? Начаться же этой песне по былям нашего времени, а не по обычаю Боянову.

Ведь Боян вещий, если кому хотел песнь слагать, то растекался мыслию по древу, серым волком по земле, сизым орлом под облаками, ибо помнил он, говорят, первых времен усобицы. Тогда напускал он десять соколов на стаю лебедей, и какую лебедь настигал сокол — та первой и пела песнь старому Ярославу, храброму Мстиславу, зарезавшему Редю перед полками касожскими, прекрасному Роману Святославичу. А Боян, братья, не десять соколов на стадо лебедей напускал, но свои вещие персты на живые струны возлагал, а они уже сами славу князьям рокотали.

Начнем же, братья, повесть эту от старого Владимира до нынешнего Игоря, который обуздал ум своею доблестью и поострил сердца своего мужеством, преполнившись ратного духа, навел свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую.

Тогда Игорь взглянул на светлое солнце и увидел, что прикрыло оно все его войско тьмою. И сказал Игорь

дружине своей: «Братья и дружина! Лучше убитым быть, чем плененным быть; так сядем, братья, на своих борзых коней да посмотрим на сииий Дон». Страсть князю ум охватила, и желание изведать Дону Великого заслонило ему предзнаменование. «Хочу,— сказал,— копье преломить на границе Поля Половецкого, с вами, русичи, хочу либо голову сложить, либо шлемом испить из Дона».

О Боян, соловей старого времени! Если бы ты полки эти воспел, скача, соловей, по мысленному древу, взлетая умом под облака, свивая славы нашему времени, возносясь по тропе Трояновой с полей на горы! Так бы петь песнь Игорю, того внуку: «Не буря соколов занесла через поля широкие — стан галок несутся к Дону Великому». Или так бы ты пел, вещий Боян, внук Велесов: «Кони ржут за Сулою — звенит слава в Киеве!»

Трубы трубят в Новгороде, стоят стяги в Путивле, Игорь ждет милого брата Всеволода. И сказал ему Буй Тур Всеволод: «Один брат, один свет светлый — ты, Игорь! Оба мы Святославичи! Седлай же, брат, своих борзых коней, а мои готовы, уже оседланы у Курска. А мои куряне — бывалые вонны: под трубами повиты, под шлемами взлелеяны, с конца копья вскормлены; пути им ведомы, овраги известны, луки у них натянуты, колчаны открыты, сабли наточены; сами скачут, как серые волки в поле, ища себе чести, а князю — славы».

Тогда вступил Игорь-князь в золотое стремя и поехал по чистому полю. Солнце ему тьмой путь преграждало, ночь стенаниями грозными птиц пробудила, свист звериный поднялся, встрепенулся Див, кличет на вершины дерева, велит прислушаться земле неведомой, Волге и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, Тматороканский идол. А половцы непроторенными дорогами устремились к Дону Великому: скрипят телеги в полночь, словно лебеди встревоженные.

Игорь к Дону войско ведет. Уже гибели его ожидают птицы по дубравам, волки бедой грозят по оврагам, орлы клекотом зверей на кости зовут, лисцы брешут на червлёные щиты.

О Русская земля! Уже за холмом ты!

Долго темная ночь длится. Заря свет зажгла, туман поля покрыл, щебет соловьиный затих, галочий говор пробудился. Русичи широкие поля червлёными щитами перегородили, ища себе чести, а князю — славы.

Спозаранку в пятницу потоптали они поганые полки половецкие и, рассыпавшись стрелами по полю, помчали красных девушек половецких, а с ними золото, и паволоки, и дорогие аксамиты. Покрывалами, и плащами, и одеждами стали мосты мостить по болотам и топям, и всякими нарядами половецкими. Червлёный стяг, белая хоругвь, червлёный бунчук, серебряное древко — храброму Святославичу!

Дремлет в поле Олегово храброе гнездо. Далеко залетело! Не было оно на обиду рождено ни соколу, ни кречету, ни тебе, чёрный ворон, поганый половчанин! Гзак бежит серым волком, Кончак ему путь прокладывает к Дону Великому.

На другой день раным-рано кровавые зори рассвет возвещают, чёрные тучи с моря идут, хотят прикрыть четыре солнца, а в них трепещут синие молнии. Быть грому великому, идти дождю стрелами с Дона Великого! Тут копьям преломиться, тут саблям иступитьсь о шлемы половецкие, на реке на Каяле, у Дону Великого.

О Русская земля! Уже за холмом ты!

А вот уже ветры, Стрибоговы внуки, веют с моря стрелами на храбрые полки Игоревы. Земля гудит, реки мутно текут, пыль поля покрывает, стяги вешают: «Половцы идут!» От Дона, и от моря, и со всех сторон русские полки они обступили. Дети бесовы кликом поля перегородили, а храбрые русичи перегородили червлёнными щитами.

Яр Тур Всеволод! Стоишь ты всех впереди, осыпашь врагов стрелами, гремишь по шлемам мечами булатными. Куда, Тур, ни поскачешь, своим золотым шлемом посвечивая, — там лежат головы поганых половцев. Расщеплены саблями калеными шлемы аварские от твоей руки, Яр Тур Всеволод! Какая рана удержит, братья, того, кто забыл о почестях и богатстве, забыл и города Чернигова отчий золотой престол, и своей милой жены, прекрасной Глебовны, любовь и ласку.

Были века Трояна, минули годы Ярославовы, были и войны Ольговы, Олега Святославича. Тот ведь Олег мечом раздоры ковал и стрелы по земле сеял. Вступает он в золотое стремя в городе Тмутороканн, звон же тот слышал давний великий Ярославов сын Всеволод, а Владимир каждое утро уши закладывал в Чернигове. Бориса же Вячеславича жажда славы на смерть привела и на Каннине зеленую паполому пост-

лала ему за обиду Олега, храброго и молодого князя. С такой же Каялы и Святополк повез бережно отца своего между венгерскими иноходцами к святой Софии к Киеву. Тогда при Олеге Гориславиче заседалось и прорастало усобицами, гибло достояние Дажьбожьих внуков, в княжеских распрях вся людской сокращался. Тогда на Русской земле редко пахарь покрикивали, но часто вороны гаяли, трупы между собой деля, а галки по-своему лопотали, собираясь лететь на поживу.

То было в те рати и в те походы, а о такой рати и не слыхано! С раннего утра и до вечера, с вечера до рассвета летят стрелы каленые, гремят сабли о шеломя, трещат копыта булатные в поле чужом среди земли Половецкой. Черная земля под копытами косями засеяна, а кровью полита: горем взошли они на Русской земле!

Что шумит, что звенит в этот час рано перед зорями? Игорь полки заворачивает, ибо жаль ему много брата Всеволода. Бились день, бились другой, на третий день к полудню пали стяги Игоревы. Тут разлучились братья на берегу быстрой Каялы; тут кровавого вина не хватило, тут пир dokonчили храбрые русичи: сватов наполни, а сами полегли за землю Русскую. Никнет трава от жалости, а дерево в печали к земле приклонилось.

Вот уже, братья, невеселое время настало, уже пустыня войско прикрывала. Поднялась Обида в силах Дажьбожьих внуков, вступила девою на землю Троянову, всплескала лебедиными крылами на синем море у Дона, плеском испугнула времена обилья. Затихла борьба князей с погаными, ибо сказал брат брату: «Это мое, и то мое же». И стали князья про малое «это великое» молвить и сами себе беды ковать, а поганые со всех сторон приходили с победами на землю Русскую.

О, далеко залетел сокол, избивая птиц,— к морю. А Игорев храброго полка не воскресить! Вслед ему завопила Карна, и Жля помчалась по Русской земле, сея горе людям из огненного рога. Жены русские восплакались, причитая: «Уже нам своих милых лад ни в мысли помыслить, ни думою сдумать, ни глазами не повидать, а золота и серебра и в руках не поддержать!» И застонал, братья, Киев в горе, а Чернигов от напастей. Тоска разлилась по Русской земле, печаль потоками потекла по земле Русской. А князья сами себе невзгоды ковали, а поганые сами в победных набегах на Русскую землю брали дань по белке от двора.

Ведь те храбрые Святославичи, Игорь и Всеволод, непокорством зло пробудили, которое усыпил было отец их — Святослав грозный великий киевский — грозою своею, усмирил своими сильными полками и булатными мечами; вступил на землю Половецкую, притоптал холмы и яруги, взмутил реки и озера, иссушил потоки и болота. А поганого Кобяка из Лукоморья, из железных великих полков половецких, словно вихрем вырвал. И повержен Кобяк в городе Киеве, в гриднице Святослава. Тут немцы и венецианцы, тут греки и моравы поют славу Святославу, корят князя Игоря, который утопил богатство в Каяле, реке половецкой, — русское золото рассыпали. Тогда Игорь-князь пересел из золотого седла в седло невольничье. Уныли городские стены, и веселие поникло.

А Святослав тревожный сон видел в Киеве на горах. «Этой ночью с вечера одевали меня, — говорил, — черною паполомою на кровати тисовой, черпали мне черное вино, с горем смешанное, осыпали меня крупным жемчугом из пустых колчанов поганых и утешали меня. Уже доски без конька в моем тереме златоверхом. Всю ночь с вечера серые вороны граяли у Плесньска на лугу, и из дебри Кисановой понеслись к синему морю».

И сказали бояре князю: «Уже, князь, горе разум нам застилает. Вот ведь слетели два сокола с отцовского золотого престола добыть города Тмудорокани либо испить шеломам Дону. Уже соколам крылья подрезали саблями поганых, а самих опутали в путы железные. Темно стало на третий день: два солнца померкли, оба багряные столпа погасли и в море погрузились, и с ними оба молодых месяца тьмою заволоклись. На реке на Каяле тьма свет прикрыла; по Русской земле рассыпались половцы, точно выводок гепардов, и великую радость пробудили в хинове. Уже пала хула на хвалу, уже ударило насилье по свободе, уже бросился Див на землю. Вот уже готские красные девы запели на берегу синего моря, позванивая русским золотом, поют о времени Бусовом, лелеют месть за Шарукана. А мы, дружина, уже невеселы». Тогда великий Святослав изронил золотое слово, со слезами смешанное, и сказал: «О, племянники мои, Игорь и Всеволод! Рано вы начали Половецкую землю мечами терзать, а себе искать славу. Но не по чести одолели, не по чести кровь поганых пролили. Ваши храб-

рые сердца из твердого булата скованы и в дерзости закалены. Что же учинили вы моим серебряным сединам!

А уже не вижу власти сильного и богатого брата моего Ярослава, с воинами многими, с черниговскими боярами, с могутами, и с татранами, и с шельбирами, и с топчаками, и с ревугами, и с ольберами. Все они и без щитов, с засапожными ножами, кликом полки побеждают, звеня прадедовской славой. Но сказали вы: «Помужествуем сами: прежнюю славу сами поддержим, а нынешнюю сами же поделим». Но не диво ли, братия, старику помолодеть? Когда сокол возмужает, высоко птиц взбивает, не даст гнезда своего в обиду. Но вот мне беда — княжеская непокорность, вспять времена повернули. Вот у Римова кричат под саблями половецкими, а Владимир изранен. Горе и беда сыну Глебову!»

Великий князь Всеволод! Не помыслишь ли ты прилететь издалека, отцовский золотой престол побережь? Ты ведь можешь Волгу веслами расплескать, а Дон шлемами вычерпать. Если бы ты был здесь, то была бы невольница по ногате, а раб по резане. Ты ведь можешь посуху живыми шереширами стрелять, удалыми сынами Глебовыми.

Ты, дерзкий Рюрик, и Давыд! Не ваши ли войны злечеными шлемами в крови плавали? Не ваша ли храбрая дружина рыкает, словно туры, раненные саблями калеными, в поле чужом? Вступите же, господа, в золотые стремяна за обиду нашего времени, за землю Русскую, за раны Игоря, храброго Святославича!

Галицкий Осмомысл Ярослав! Высоко сидишь на своем златокованом престоле, подпер горы Венгерские своими железными полками, заступив королю путь, затворив Дунаю ворота, меча бремена через облака, суды рядя до Дуная. Страх перед тобой по землям течет, отворяешь Киеву ворота, стреляешь с отцовского золотого престола в султанов за землями. Стреляй же, господин, в Кончака, поганого половчанина, за землю Русскую, за раны Игоревы, храброго Святославича!

А ты, дерзкий Роман, и Мстислав! Храбрые замыслы влекут ваш ум на подвиг. Высоко летишь ты на подвиг в отваге, точно сокол, на ветрах паря, стремясь птицу в дерзости одолеть. Ведь у ваших воинов железные паворзи под шлемами латинскими. Потому и дрогнула земля, и многие народы — хинова, литва, ятвяги,

деремела и половцы — копья свои побросали и головы свои склонили под те мечи булатные. Но уже, князь, Игорю померк солнца свет, а дерево не к добру листву сронило: по Роси и по Суле города поделили. А Игорев храброго полка не воскресить! Дон тебя, князь, кличет и зовет князей на победу. Ольговичи, храбрые князи, уже успели на брань.

Ингварь и Всеволод и все три Мстиславича — не худого гнезда шестокрыльцы! Не по праву побед расхитили себе владения! Где же ваши золотые шлемы, и копья польские, и щиты? Загородите Полю ворота своими острыми стрелами, за землю Русскую, за раны Игоря, храброго Святославича!

Вот уже Сула не течет серебряными струями к городу Переяславлю, и Двина болотом течет у тех грозных полочан под кликами поганых. Один только Изяслав, сын Васильков, прозвенел своими острыми мечами о шлемы литовские, поддержал славу деда своего Всеслава, а сам под червлеными щитами на кровавой траве литовскими мечами изрублен. ...и сказал: «Дружину твою, князь, птицы крыльями приделали, а звери кровь полизали». Не было тут ни брата Брячислава, ни другого — Всеволода, так он один и изронил жемчужную душу из храброго своего тела через золотое ожерелье. Приуныли голоса, сникло веселье. Трубы трубят городенские.

Ярославовы все внуки и Всеславовы! Не вздымайте боления стягов своих, вложите в ножны мечи свои иступленные, ибо растеряли уже дедовскую славу. Вы же своими распрямами побуждали поганых нападать на землю Русскую, на достойные Всеславова: ведь из-за усобиц началось нашествие от земли Половецкой!

На седьмом веке Трояновом бросил Всеслав жребий о девице ему милой. Тот хитростью поднялся... достиг града Киева и коснулся копьем золотого престола киевского. А от них бежал, как лютый зверь, в полночь из Белгорода, бесом одержим в ночной мгле; трижды добывал победу: отворил ворота Новгороду, разбил славу Ярославову, доскакал волком до Немиги с Дудуток.

На Немиге снопы стелют из голов, молотят цепями булатными, на току жизнь кладут, веют душу от тела. Немиги кровавые берега не добрым засеяны, засеяны костями русских сынов.

Всеслав-князь людям суд правил, князьям города рядил, а сам ночью волком рыскал: из Киева до рассвета до-

рыскивал до Тмуторокани, великому Хорсу волком путь перебегал. Ему в Полоцке позвонили к заутрени рано у святой Софии в колокола, а он в Киеве звон тот слышал. Хотя и вещая душа была в дерзком теле, но часто от бед страдал. Ему вещий Боян еще давно припевку молвил, смысленный: «Ни хитрому, ни удачливому... суда божьего не избежать!»

О, печалиться Русской земле, вспоминая первые времена и первых князей! Того старого Владимира нельзя было пригвоздить к горам Киевским; а пыне стяги его — одни Рюриковы, а другие — Давыдовы, и порознь их хоругви развеваются. Копья поют...

На Дунае Ярославнин голос слышится, чайкою безвестною рано кличет. «Полечу,— говорит,— чайкою по Дунаю, омочу шелковый рукав в Каяле-реке, оботру князю кровавые его раны на горячем его теле».

Ярославна с утра плачет на стене Путивля, причитая: «О ветер, ветрило! Зачем, господин, наперекор веешь? Зачем мечешь хиновские стрелы на своих легких крыльях на воинов моего лады? Разве мало тебе под облаками веять, лелея корабли на синем море? Зачем, господин, мое веселье по ковылю развеял?»

Ярославна с утра плачет на стене Путивля, причитая: «О Днепр Словутич! Ты пробил каменные горы сквозь землю Половецкую. Ты лелеял на себе ладьи Святославовы до стана Кобякова. Возлелей, господин, моего ладу ко мне, чтобы не слала я спозаранку к нему слез на море».

Ярославна с утра плачет в Путивле на стене, причитая: «Светлое и тресветлое солнце! Для всех ты тепло и прекрасно! Почему же, владыко, простерло горячие свои лучи на воинов лады? В поле безводном жаждой им лукки стянуло, горем им колчаны заткнуло».

Вспенилось море в полночи, идут с тучами вихри. Игорю-князю бог путь указывает из земли Половецкой на землю Русскую, к отчему золотому престолу. Погасла вечерняя заря. Игорь спит и не спит: Игорь в мыслях поля мерит от Великого Дона до Малого Донца. В полночь свистнул Овлур коня за рекой — велит князю разуметь: не быть князю Игорю! Кликнул, стукнула земля, зашумела трава, задвигались вежи половецкие. А Игорь-князь горностаем прыгнул в тростники, белым гоголем — на воду, вскочил на борзого коня, соскочил с него босым волком, и помчался к лугу Донца, и полетел соколом под облаками, избивая гусей и

лебедей к завтраку, и к обеду, и к ужину. Когда Игорь соколом полетел, то Овлур волком побежал, отряхивая с себя студеную росу: загнали они своих быстрых коней.

Донец сказал: «Князь Игорь! Разве не мало тебе славы, а Кончаку досады, а Русской земле веселья!» Игорь сказал: «О Донец! Разве не мало тебе величия, что лелеял ты князя на волнах, расстилал ему зеленую траву на своих серебряных берегах, укрывал его теплыми туманами под сенью зеленого дерева. Стерег ты его гоголем на воде, чайками на струях, чернядьми в ветрах». Не такая, говорят, река Стugna: бедна водою, но, поглотив чужие ручьи и потоки, расширилась к устью и юношу князя Ростислава скрыла на дне у темного берега. Плачется мать Ростиславова по юноше князе Ростиславе. Уныли цветы от жалости, а дерево в печали к земле приклонилось.

То не сороки застрекотали — по следу Игоря рыщут Гзак с Кончаком. Тогда вороны не каркали, галки примолкли, сороки не стрекотали, только полозьи ползали. Дятлы стуком путь к реке указывают, соловьи веселыми песнями рассвет предвещают. Говорит Гзак Кончаку: «Если сокол к гнезду летит — расстреляем соколенка своими злачеными стрелами». Говорит Кончак Гзе: «Если сокол к гнезду летит, то опутаем мы соколенка красной девницей». И сказал Гзак Кончаку: «Если опутаем его красной девницей, не будет у нас ни соколенка, ни красной девницы, и станут нас птицы бить в поле Половецком».

Сказали Боян и Ходына Святославовы, песнотворцы старого времени Ярославова: «О, жена князя Олега! Тяжко ведь голове без плеч, горе и телу без головы». Так и Русской земле без Игоря.

Солнце светит на небе — Игорь-князь в Русской земле. Девницы поют на Дунае — выются голоса через море до Киева. Игорь сдет по Боричеву к святой Богородице Пирогошей. Страны рады, города веселы.

Спев песнь старым князьям, потом — молодым петь! Слава Игорю Святославичу, Буй Тур Всеволоду, Владимиру Игоревичу! Здравы будьте, князья и дружина, выступая за христиан против полков поганых! Князьям слава и дружине!

Аминь.

ЛЕТОПИСНЫЕ ПОВЕСТИ О МОНГОЛО-ТАТАРСКОМ НАШЕСТВИИ

Древнерусский текст

Из Лаврентьевской летописи

Въ лѣто 6731. Всеволодъ Гюргевич иде из Новгорода къ отцю своему в Володимеръ, новгородци же пояша к собѣ Ярослава Всеволодича ис Переяславля княжить.

Того же лѣта явишася языци, их же никто же добръ ясно не вѣсть, кто суть, и отколѣ изидоша, и что языкъ ихъ, и которого племени суть, и что вѣра ихъ. И зовутъ я татары, а инни глаголють таумены, а друзини печенѣзи. Инни глаголють, яко се суть, о них же Мефодий, Патомьскый епископъ, свѣдѣтельствуе, яко си суть ишли ис пустыни Етриевьскы, суще межю востокомъ и сѣверомъ. Тако бо Мефодій рече: «Яко къ скончанью время явится тѣмъ, яже загна Гсдеонъ, и поплѣнять вся землю от востока до Ефранта, и от Тигръ до Понетьскаго моря, кромѣ Ефиопья». Богъ же единъ вѣсть ихъ, кто суть и отколѣ изидоша, премудрини мужи вѣдять я добръ, кто книги разумно умѣсть. Мы же их не вѣмы, кто суть, но сдѣ вписахом о нихъ памяти ради русскихъ князій бѣды, яже бысть от нихъ.

И мы слышахом, яко многы страны поплѣниша: Ясы, Обезы, Касоги, и половець безбожныхъ множество избивша, а инѣхъ загнаша. И тако измроша убиваеми гнѣвомъ божьимъ и пречистыя его матере. Много бо зла створиша ти окаянии половци Руской земли. Того ра-

ди всемилостивый богъ хотя погубити и наказати безбожныя сыны Измаиловы, куманы, яко да отмъстятъ кровь христьянску; еже и бысть над ними безаконными. Прондоша бо ти *таурмени* всю страну Куманьску и придоша близъ Руси, иде же зовется валъ Половечскый. И слышавше я русстии князи Мстиславъ Кыевскый, и Мстиславъ Торопичскый и Черниговскый, и прочии князи, здумаша *ити* на ня, мняще яко ти поидут к ним. И послашася в Володимеръ к великому князю Юргю, сыну Всеволожу, прося помочи у него. Он же посла к ним *благочестиваго* князя Василька, сыновца своего, Костянтиновича с ростовци, и не утяну Василко прити к ним в Русь. А князи русстии идоша, и бишася с ними, и побѣжени быша от них, и мало ихъ избы от смерти; их же остави судъ жити, то ти убѣжаша, а прочии избѣени быша. Мстиславъ старый добрый князь ту убьенъ бысть, и другой Мстиславъ, и инѣхъ князей 7 избѣено бысть; а боляръ и прочихъ вой много множество. Глаголют бо тако, яко кыянъ одинѣхъ изгыбло на полку том 10 тысячъ.

И бысть плачь и туга в Руси и по всей земли слышавшим сию бѣду. Се же ся зло склочи месяца мая въ 30, на память святаго мученика Еремна. Се же слышавъ Василко приключышееся в Русь, възвратися от Чернигова, сохраненъ богомъ, и силою креста честнаго, и молитвою отца своего Костянтина, и стрия своего Георгия. И вниде в свой Ростовъ славя бога и святую богородицу. <...>

В лѣто 6745. Благовѣрный епископъ Митрофанъ постави кивотъ в святѣй Богородицѣ зборнѣй над трапезою и украси его златомъ и серебромъ при благовѣрнѣмъ князи велицѣмъ Георгии. Того же лѣта исписа притворъ святое Богородици.

Того же лѣта на зиму придоша от восточныхъ страны на Рязаньскую землю лѣсом безбожнии татары, и почаша воевати Рязаньскую землю, и плѣноваху и до Проньска, поплѣнивши Рязань весь, и пожгоша, и князя ихъ убиша. Их же емше овы рабаихуть, другия же стрѣлами растрѣлаху в ня, а инши опаки руцѣ связывахуть. Много же святыхъ церкви огневи предаша, и манастирь, и села пожгоша, имѣнья не мало обою страну взяша; потом пондоша на Коломну. Тое же зимы поиде Всеволодъ, сынъ Юрьевъ, внук Всеволожъ, противу татаром. И сступишася у Коломны, и бысть съча велика. И убиша у Всеволода воеводу Еремѣя Глѣбовича

и иных мужий много убиша у Всеволода, и приѣѣжа Всеволодъ в Володимерь в малъ дружинѣ. А татарове идоша к Москвѣ. Тое же зны взяша Москву татарове, и воеводу убиша Филипа Нянка за правовѣрную христьянскую вѣру, а князя Володимера яша руками, сына Юрьева. А людѣ избиша от старьца и до сущаго младенца, а град и церкви святыя огнеси предаша, и монастыри вси и села пожгоша, и много имѣнья въземше, отидоша.

Тое же зны выѣѣжа Юрьи из Володимеря в малъ дружинѣ, урядивъ сыны своя в собе мѣсто Всеволода и Мстислава. И ѣѣжа на Волъгу с сыновци своими с Васильком, и со Всеволодом, и с Володимером, и ста на Сити станом, а ждучи к собѣ брата своего Ярослава с полки и Святослава с дружиною своею. И нача Юрьи князь великий совокупляти воѣ противу татаром, а Жиррославу Михайловичю приказа воеводство в дружинѣ своей.

Тое же зны придоша татарове к Володимерю, месяца февраля въ 3, на память святаго Семсона, во вторникъ преже мясопуста за неделю. Володимерци затворишася в градѣ, Всеволод же и Мстиславъ бяста, а воевода Петръ Ослядюковичъ. Володимерцем не отворящимся, приѣѣжаша татары к Золотым воротом, вода с собою Володимера Юрьевича, брата Всеволожа и Мстиславля. И начаша просити татарове князя великого Юрья, естли в градѣ. Володимерци пустиша по стрѣльѣ на татары, и татарове тако же пустиша по стрѣльѣ на Золотая ворота, и по сем рекоша татарове володимерцем: «Не стрѣляйте!» Они же умолчаша. И приѣѣжаша близъ к воротом, и начаша татарове молвити: «Знаете ли княжича вашего Володимера?» Бѣ бо уныль лицом. Всеволодъ же и Мстиславъ стояста на Золотых воротѣх и познаста брата своего Володимера. О умилное видѣнье и слезъ достойно! Всеволодъ и Мстиславъ с дружиною своею и вси гражане плакахуся, зряще Володимера.

А татарове отшедше от Золотых воротъ, и объѣѣжаша весь градъ, и сташа станом пред Золотыми враты на зрѣмѣ — множество вои бесчислено около всего града. Всеволод же и Мстиславъ сжалистася брата своего дѣля Володимера и рекоста дружинѣ своей и Петру воеводѣ: «Братья, лучше ны есть умерети перед Золотыми враты за святую Богородицю и за правовѣрную вѣру христьянскую»; и не да воли ихъ быти Петръ Ос-

лядюковичъ. И рекоста оба князя: «Си вся наведе на ны богъ грѣх ради наших»; яко же пророкъ глаголетъ: «Нѣсть человеку мудрости, ни е мужства, ни есть думы противу господеву. Яко господеву годѣ бысть, тако и бысть. Буди имя господне благословено вѣкы». Створися велико зло в Суждальской земли, яко же зло не было ни от крещенья, яко же бысть нынѣ; но то оставимъ.

Татарове станы своѣ урядивъ у города Володимеря, а сами идоша взяша Суждаль, и святу Богородицю разграбиша, и дворъ княжъ огнемъ пожгоша, и монастырь святого Дмитрия пожгоша, а прочии разграбиша. А черньци и черници старыя, и попы, и слѣпыя, и хромыя, и слукыя, и трудоватыя, и люди всѣ иссѣкоша, а что чернецъ уных, и черницъ, и поповъ, и попадий, и дьяконы, и жены ихъ, и дчери, и сыны ихъ, то все ведоша в станы своѣ, а сами идоша к Володимерю. В субботу мясопустную почаша наряжати лѣсы, и пороки ставиша до вечера, а на ночь огородиша тыномъ около всего города Володимеря. В неделю мясопустную по заутрени приступиша к городу, месяца февраля въ 7, на память святого мученика Феодора Стратилата.

И бысть плачь велик в градѣ, а не радость, грѣх ради наших и неправды. За умноженъе безаконий наших попусти богъ поганыя не акы милуя ихъ, но нас кажа, да быхом встягнулися от злыхъ дѣлъ. И сими казньми казнить нас богъ, нахоженъемъ поганыхъ; се бо есть батога его, да негли встягнувшеся от пути своего злаго. Сего ради в праздники нам наводитъ богъ сѣтованъе, яко же пророкъ глаголаше: «Преложю праздники ваша в плачь и пѣсни ваша в рыданъе». И взяша град до объѣда от Золотыхъ воротъ, у святого Спаса внидоша по примету чересь город, а сюдѣ от сѣверныя страны от Лыбеди ко Орининымъ воротомъ и к Мѣдянымъ, а сюдѣ от Клязмы к Волжьскимъ воротомъ, и тако вскорѣ взяша Новый град. И бѣжа Всеволодъ и Мстиславъ, и вси людье бѣжаша в Печерный городъ.

А епископъ Митрофанъ, и княгини Юрьева съ дчерью, и с снохами, и со внучаты и прочіи, княгини Володимеря с дѣтми, и множество много бояръ, и всего народа людий затворишася в церкви святыя Богородица. И тако огнемъ безъ милости запалени быша. И помолися боголюбивый епископъ Митрофанъ, глаголя: «Господи боже силъ, свѣтодавче, сѣдай на хърувимѣхъ; и на-

учивъ Осифа, и окрѣпивъ пророка своего Давида на Гольяда, и въздвигнувый Лазаря четверодневнаго из мертвыхъ, прости руку свою невидимо и прими в миръ душа рабъ своихъ»; и тако скончашася. Татарове же силою отвориша двери церковныя и видѣша овы огнем скончавшася, овы же оружемъ до конца смерти предаша.

Святую Богородицу разграбиша, чюдную икону одраша украшену златом, и серебром, и каменьемъ драгим, и монастырѣ всѣ и иконы одраша, а иныѣ исѣкоша, а ины поимаша, и кресты честныя, и ссуды священные, и книги одраша, и порты блаженныхъ первыхъ князей, еже бяху повѣшали в церквахъ святыхъ на память собѣ. То же все положиша собѣ в полонъ, яко же пророкъ глаголетъ: «Боже, придоша языци в достоянье твое, оскверниша церковь святую твою, положиша Иерусалима яко овощное хранилище, положиша трупья рабъ твоихъ брашно птицамъ небеснымъ, плоть преподобныхъ твоихъ звѣремъ земнымъ, прольяха кровь ихъ акы воду». И убьенъ бысть Пахоми, архимандритъ монастыря Рожества святы богородица, да игуменъ Успенский, Феодосий Спасьский, и прочии игумени, и черньци, и черници, и попы, и дьяконы от уного и до старца и сушаго младенца. И та вся исѣкоша, овы убивающе, овы же ведуще босы и безъ покровенъ въ станы своѣ, издыхающа мразомъ.

И бѣ видѣти страхъ и трепетъ, яко на христьянскѣ родѣ страхъ, и колѣбанье, и бѣда упространися. Согрешихомъ казними есмы, яко же ны видѣти бѣдно пребывающа. И се намъ сущую радость скорбѣ, да и не хотяще всякъ в будущий вѣкъ обрящетъ милость. Душа бо сдѣ казнима всяко в будущий судъ милость обрящетъ и лгыню от муки. О неиздреченному ти человеколюбыю! И тако подобаетъ благому владыцѣ казати. И се бо и азъ грѣшный много и часто бога прогнѣваю и часто согрѣшаю по вся дни; но нынѣ на предреченая взидемъ. Татарове поплѣниша Володимеръ, и пондоша на великаго князя Георгия оканнии ти кровопийци. И ови идоша к Ростову, а ини к Ярославлю, а ини на Волгу на Городецъ, и ти плѣниша все по Волзѣ доже и до Галича Мерьскаго; а ини идоша на Переяславль, и тѣ взяша, и оттолѣ всю ту страну и грады многы все то плѣниша доже и до Торжку. И нѣсть мѣста, ни вси ни селѣ тацѣхъ рѣдко, иде же не воеваша на Суждальской земли. И взяша городовъ 14 опричь свободѣ и пого-

стовъ во одинъ мѣсяць февраль, кончевающуюся 45-тому лѣту; но мы на предняя взидѣмъ.

Яко приде вѣсть к великому князю Юрью: «Володимеръ взятъ, и церкы зборъная, и епископъ, и княгини з дѣтми, и со снохами, и со внучаты огнемъ скончашася, а старѣйшая сына Всеволодъ с братомъ внѣ града убита, люди избиты, а к тобѣ идутъ». Он же, се слышавъ, възпни гласомъ великимъ со слезами, плача по правовѣрнѣй вѣрѣ христьянстѣй, преже и наипаче о церкви, и епископа ради, и о людехъ (бѣша бо милостивъ), нежели себе, и жены, и дѣтий. И въздохнувъ из глубины сердца, рекъ: «Господи, се ли бы годъ твоему милосердью?» Новый Иовъ бысть терпѣннемъ и вѣрою яже к богу. И нача молитися, глаголя: «Увы мнѣ, господи, лучше бы ми умерети, нежели жити на свѣтѣ семь. Нынѣ же что ради остахъ азъ единъ?» И сице ему молящюся со слезами, и се внезапно поидоша татарове. Он же, отложивъ всю печаль, глаголя: «Господи, услыши молитву мою и не вниди в судъ с рабомъ своимъ, яко не оправдится предъ тобою всякъ живой, яко погна врагъ душу мою». И пакы второе помолися: «Господи боже мой, на тя уповахъ, и спас мя и от всѣхъ гонящихъ избави мя». И поидоша безбожнии татарове на Сить противу великому князю Гюргю.

Слышавъ же князь Юрги с братомъ своимъ Святославомъ, и с сыновци своими Василкомъ, и Всеволодомъ, и Володимеромъ, и с мужи своими, поидоша противу поганымъ. И сступишася обои, и бысть съча зла, и побѣгоша наши предъ иноплеменники. И ту убьенъ бысть князь Юрьи, а Василка яша руками безбожнии и поведоша в станы своѣ. Се же зло здѣяся мѣсяца марта въ 4 день, на память святою мученику Павла и Ульяны. И ту убьенъ бысть князь великій Юрьи на Сити на рѣцѣ, и дружины его много убиша. Блаженный же епископъ Кирилъ взя князя мертва, иды изъ Бѣлаозера, и принесе и в Ростовъ. И пѣвъ надъ нимъ обычныя пѣснь, со игумены, и с клирошаны, и с попы со многими слезами вложиша и в гробъ у святое Богородици.

А Василка Костянтиновича ведоша с многою нужею до Шерньскаго лѣса, и яко стаща станомъ, нудиша и много проклятии безбожнии татарове обычаю поганьскому, быти въ ихъ воли и воевати с ними. Но никако же не покоришася ихъ безаконью и много сваряше я, глаголя: «О глухое цесарство осквернѣное! Никако же мене не отведете христьянское вѣры, аще и велми в

велицѣ бѣдѣ есмѣ. Богу же какѣ отвѣтъ дасте, ему же многы душа погубили есте бес правды, их же ради мучити вы имать богъ в бесконечныя вѣки; истяжет бо господь душѣ тѣ, их же есте погубили». Они же въскрежташа зубы на нь, желаяще насытитися крове его. Блаженный же князь Василко помолися, глаголя: «Господи Исусе Христе, помагавый ми многожды, избави мя от сих плотоядецъ». И паки помоливъся, рече: «Господи вседержителю и нерукотвореный цесарю, спаси любящих тя, и прошенья, его же азъ прошю, дажь ми, помози христьяном и спаси рабы твоя: чада моя Бориса и Глѣба и отца моего епископа Кирила». И паки 3-ее помолися: «Благодарю тя, господи боже мой, кую похвальную память мою вижю, яко младая моя память желѣзом погыбает, и тонкое мое тѣло увядает». И прочее помолися: «Господи Исус Христе вседержителю, прими духъ мой, да и азъ почию в славѣ твоей»; и се рек абѣ безъ милости убьенъ бысть.

И повержену на лѣсѣ, видѣ и етера жена вѣрна, повѣда мужю богобоязнову, поповичю Андрияну. И взя тѣло князя Василка, и понявицею обить, реку саваном, и положи его в скровнѣ мѣстѣ. Увѣдѣвъ же боголюбивый епископъ Кирилъ и княгыни Василкова, послаша по князя, принесоша и в Ростовъ. И яко понесоша и в град, и множество народа изидоша противу ему, жалостныя слезы испущающа, оставше такого утѣшения. Рыдаху же народа множество правовѣрных, зряще отца сирым и кормителя отходящим, печальным утѣшенье великое, омрачным звѣзду свѣтоносну зашедшую. На весь бо церковный чинъ отверзлъ бяшетъ ему богъ очи сердечныи, и всѣмъ церковником, и нищим, и печальным яко възлюбленный бяше отецъ; паче же и на милостыню, поминая слово господне глаголющее: «Блажении милостивии, яко ти помиловани будутъ». И Соломонъ глаголетъ: «Милостынями и вѣрою очищаются грѣси». Тѣм же и не погрѣши надежи, его же просяше у бога: «Господи, спаси любящих тя». Сего бо блаженнаго князя Василка спричте богъ смерти подобно Андрѣевъ; кровью мученичьскою омывъся прегрѣшений своих с братом и отцомъ Георгием с великим князем. Се бо и чудно бысть, ибо и по смерти совкупи богъ телесн ею; принесоша Василка и положиша и в церкви святыя Богородица в Ростовѣ, иде же и мати его лежить. Тогда же принесоша голову великаго князя Георгия и вложиша ю в гроб к своему тѣлу.

Бѣ же Василко лицом красенъ, очима свѣтелъ и грозенъ, хоробрѣ паче мѣры на ловѣхъ, сердцемъ легокъ, до боярѣ ласковъ. Никто же бо от боярѣ, кто ему служилъ, и хлѣбъ его ѣлъ, и чашю пилъ, и дары ималъ, тотъ никакъ же у иного князя можаше быти за любовь его. Излише же слугы свои любяше, мужьство же и умъ в нем живяше, правда же и истина с ним ходяста. Бѣ бо всему хытръ и гораздо умѣя, и посѣдъ в добродѣнствѣ на отни столѣ и дѣдни; и тако скончася, яко же слышаше.

В лѣто 6746. Ярославъ, сынъ Всеволода великаго, сѣде на столѣ в Володимерѣ. И бысть радость велика христьяномъ, ихъ же избави богъ рукою своею крѣпкою от безбожныхъ татаръ. И поча ряды рядити, яко же пророкъ глаголетъ: «Боже, судъ твой цареви даждь, и правду твою сынови цесареви — судити людемъ твоимъ в правду и нищимъ твоимъ в суд». И потомъ утвердися в своемъ честнѣмъ княженіи. Того же лѣта князь Ярославъ великій отда Суждаль брату своему Святославу. Того же лѣта отда Ярославъ Ивану Стародубъ. Того же лѣта было мирно.

В лѣто 6747. Посла Ярославъ князь великій по брата своего Георгия в Ростовъ, и привезоша и к Володимерю, и не дошедше ста. Изидоша из града противу ему епископъ Кирилъ и Дионисій архимандритъ; понесоша и в градъ с епископомъ, и игуменѣ, и попове, и черноризци. И не бѣ слышати пѣнья в плачи и велици вопли, плака бо ся весь град Володимеръ по немъ. Ярославъ же, и Святославъ, и князи рускыи плакахуся по немъ с дружиною своею, и множество боярѣ и слугъ плакахуся лишения своего князя, убозны кормителя. Пѣвше обычныя пѣсни и положиша и в гробъ камень в святой Богородици в гробницѣ, иде же лежить Всеволодъ, отецъ его. Бѣ Юрьи, сынъ благовѣрнаго отца Всеволода, украшенъ добрыми нравы, ихъ же имена в малѣ повѣмъ.

Се бо чудный князь Юрьи потщася божья заповѣди хранити и божий страхъ присно имѣя в сердци, поминая слово господне, еже рече: «О семь познаютъ вы вси челоуцы, яко мои ученици есте, аще любите друг друга. Не токмо же друга, но и врагы ваша любите и добро творите ненавидящимъ васъ». Всякъ зломысль его прѣжемыненъ безбожныя татары отпускаше одарены. Бяхуть бо прѣже прислали послы своѣ злыи ти кровопийци, рекуще: «Мирися с нами». Онъ же того не хотяше,

яко же пророкъ глаголет: «Брань славна луче есть мира студна». Си бо безбожнии со лживым миром живуще велику пакость землям творять, еже и здѣ многа зла створиша. Богъ бо казнить напастми различными, да явятся яко злато искушено в горнилѣ — христьяном бо многими напастми внити в царство небесное. Сам бо Христосъ богъ: «Нужно е царство небесное, и нужници въсхытают е». Георгие, мужество тезоимените, кровью омывъся страданья ти! Аще бо не напасть, то не вънець, аще не мука, ни дарове. Всякий бо держася добродѣтели, не может безъ многих враг быти.

Милостивъ же бѣше паче мѣры, поминая слово господне: «Блажени милостиви, яко ти помиловани будут». Тѣмъ и не щадяше имѣния своего, раздавая требующим; и церкви зижа и украшая иконами безцѣнными и книгами, и грады многы постави, паче же Новѣгородъ второй постави на Волзѣ усть Оки, и церкы многы созда и монастырь святыя Богородица Новѣгородѣ. Чтяшет же излиха чернечскый чинъ и поповскый, подая имъ еже на потребу. Тѣм и богъ прошения его свершаше, исполни лѣтъ его в доброденствии. И поспѣвъ в Володимерѣ на отни столѣ лѣтъ 20 и 4, а на 5-е убьенъ бысть от безбожных и поганых татаръ. Се же все сдѣяся грѣх ради наших.

Но не предай же нас до конца имени твоего ради святого и не остави милости твоя от нас молитвою святыя Богородица и блаженаго епископа Кирила. Не презрѣ господь молитвы его и слезъ, иже приношаше господеву, моляся день и ночь, абы не оскудѣла правовѣрная вѣра христьянская. Еже и бысть: сдѣя господь спасенье велико князем нашим, избавилъ есть от враг наших; «очи бо господни на боящаяся его, а уши его в молитву ихъ». Гониша по них татарове и не обрѣтоша. Яко же и Саулъ гоняше Давида, но богъ избави от руку его, тако и сих богъ избави от руки иноплеменик, благочестиваго и правовѣрнаго великаго князя Ярослава с благородными своими сыны. Бѣ же ихъ 6: Олександръ, Андрѣй, Костянтинъ, Офонасий, Данило, Михайло, а Святославъ с сыномъ с Дмитрием, Иванъ Всеволодичъ, Володимеръ Костянтинович, Василковича 2 — Борисъ и Глѣбъ, Всеволодичъ Василий. И си вси схранени быша божьею благодатью; но мы на предреченая взидем.

Того же лѣта татарове взяша Переяславль Рускый, и епископа убиша, и люди избиша, и град пожгоша ог-

нем, и люди, и полона много взявше, отидоша. Того же лѣта Ярославъ иде г Каменьцю; градъ взя Каменьць, а княгиню Михайлову со множествомъ полона приведе в своя си. Того же лѣта священна бысть церкви Бориса и Глѣба в Кидекшии великимъ священствомъ на праздникъ Бориса и Глѣба священнымъ епископомъ Кириломъ. Того же лѣта взяша татарове Черниговъ, князи ихъ выѣхаша въ Угры, а градъ пожегше, и люди избиша, и монастырь пограбиша, а епископа Перфурья пустиша в Глуховъ; а сами идоша в станы свои. Того же лѣта Ярославъ иде Смолинску на Литву, и Литву побѣди, и князя ихъ ялъ; а смольняны урядивъ князя Всеволода посади на столъ, а сам со множествомъ полона с великою честью отиде в своя си. Того же лѣта на зиму взяша татарове Мордовскую землю, и Муромъ пожгоша, и по Клязмѣ воеваша, и градъ святыя Богородица Гороховець пожгоша, а сами идоша в станы своя. Тогда же бѣ пополохъ золь по всей земли, и сами не вѣдяху и гдѣ хто бѣжити.

В лѣто 6748. Родися Ярославу дщи и наречена бысть в святомъ крещении Марья. Того же лѣта взяша Киевъ татарове и святую Софью разграбиша и монастыри всѣ. И иконы, и кресты честныя и взя, узорочья церковная взяша, а люди от мала и до велика вся убиша мечем. Си же злоба приключися до Рожества господня на Николинъ день.

В лѣто 6749. Родися Ярославу сынъ и нареченъ бысть въ святомъ крещении Василий. Того же лѣта татарове побѣдиша угры. Того же лѣта татарове убиша Мстислава Рыльского.

Из Тверской летописи

Повѣсть о Калкацкомъ побоищѣ, и о князехъ русскихъ, и о храбрыхъ 70. Въ лѣто 6732. По грѣхомъ нашимъ приидоша языци незнаеми, безбожнии моявитяне, ихъ же никто же добръ не вѣсть ясно, кто суть, и отколѣ изыдоша, и что языкъ ихъ, и которого племени суть, и что вѣра ихъ. И зовуть я татары, а инии глаголють таурмени, а друзии печенѣзи. Инии же глаголють, яко сии суть, о нихъ же Мефодий, епископъ Патормскій, свѣдѣтельствуе, яко сии суть вышли ис пустыни Ефровския, сущи межи востока и сѣвера. Тако бо глаголетъ Мефодий: «Яко въ

скончание времени явится имъ, их же загна тамо Гедеонъ, и изшедше оттуду, поплѣняютъ всю землю отъ востока до Ефранта, и отъ Тигра до Понетскаго моря, кромѣ Ефиопиа». Богъ же вѣсть единъ, кто суть и отколѣ изыидоша, премудрии мужи вѣдять я добръ кто книги разумѣтъ. Мы же ихъ не вѣмы, кто суть, но и здѣ написахомъ о нихъ памяти ради русскихъ князь и бѣды, яже бысть отъ нихъ.

Но не сихъ же ради сие случися, но гордости ради и величаниа русскихъ князь попусти богъ сему быти. Бѣша бо князи храбры мнози, и високоумны, и мнящеся своею храбростию съдѣловающе. Имѣяхуть же и дружину многу и храбру, и тою величающеся, отъ них же о единомъ въспомянемъ здѣ, описаниа налѣзше.

Бѣ нѣкто отъ ростовскихъ житель Александръ, глаголемый Поповичъ, и слуга бѣ у него именемъ Торопъ; служаше бо той Александръ великому князю Всеволоду Юриевичу. Повнегда же дасть князь великий Всеволодъ градъ Ростовъ сыну своему князю Костантину, тогда и Александръ начатъ служити Костантину. Егда же преставися великий князь Всеволодъ, Костантину не восхотѣвшу быти въ Володимери, но у пречистиа Ростовския и чудотворцевъ излюбы жити. Тѣмъ и прошаше Вълодимера къ Ростову, а не Ростова къ Володимерю, ту бо омышляше столу быти великому княжению; но не въсхотѣ сего пречистая Богородица. И дасть князь великий Всеволодъ столъ свой меншему отъ Костантина сыну своему Юрию. Тѣмъ Костантинъ гнѣвашеся на брата о княжении, а князь великий Юрий многы браны на Костантина въздвиже, хотя съ Ростова съгнати его; и не попусти ему господъ.

Пришедшу бо ему на нѣ ратию, Костантинъ отъиде къ Костромѣ и тоа съжже. Князь великий Юрий стоаше подъ Ростовомъ, въ Пужбалѣ, а войско стояше за двѣ версты отъ Ростова, по рѣцѣ Ишнѣ, бяхуть бо ся вмѣсто острога обѣ рѣку Ишню. Александръ же выходя многы люди великого князя Юрна избиваше. Их же костей накладены могыли великы и донынѣ на рѣцѣ Ишнѣ, а инии по ону страну рѣки Усии: много бо людей бяше съ великимъ княземъ Юриемъ. А инии побиени отъ Александра же подъ Угодичами, на Узѣ, тѣ бо храбрии выскочивше на кою либо страну обороняху градъ Ростовъ молитвами пречистыа. Многажды бо князь великий Юрий на братне достоание прихождаше, но съ срамомъ възвращашеся.

Единоу выйде на него изъ Ростова Костантинь, и бысть имъ бой за Юриевымъ на рѣцѣ Гзѣ, и тамо побѣди Костантинь, молитвами пречистыа, своею правдою и тѣми же храбрыми Александромъ съ слугою Торопомъ; ту же бѣ и Тимоня Золотой Поясъ. И ту убиша у великого князя храбраго Юрята, о семъ велми опечалися князь великий Юрий; побѣжденъ же смирися съ братомъ. Потомъ прииде на Ярослава Переяславскаго Мъстиславъ Мъстиславичъ, тестъ его, и инии князи, съ собою же и Костантина подвигоша, а за Ярослава сталъ князь великий Юрий за брата. И бысть имъ бой на Липицахъ и на Юриевѣ горѣ, а ту всѣ полки великого князя Юриа избыти. Въ нихъ же убиень бысть храбрый и безумный бояринъ Ратиборъ, иже похвалися сѣдлы наметати супротивныхъ. Князя же Юриа побѣдивше, и на столъ въ Володимерѣ Костантина посадиша. Два же лѣта Костантинь бывъ князь великий, паки столъ дастъ брату Георгию, а дѣтемъ Ростовъ и Ярославль, а самъ къ госпуду отходитъ.

Видѣвъ же Александръ князя своего умрѣша, а Юриа сѣдша на столъ, размышляше о животѣ, еда како отдасть мѣщение князь великий, Юрята ради, и Ратибора, и инѣхъ мнозѣхъ отъ дружины его, ихъ же изби Александръ. Вскорѣ смысливъ посылаетъ своего слугу, ихъ же знаше храбрыхъ, прилучившихся въ то время, и съзываетъ ихъ къ собѣ въ городъ, обрѣтъ подѣ Гремячимъ колодяземъ на рѣцѣ Гдѣ, иже и нынѣ той сопъ стоитъ пустъ. Ту бо събравшеся съвѣтъ сѣтвориша, аще послужити начнутъ княземъ по разнымъ княжениямъ, то и не хотя имутъ перебитися, понеже княземъ въ Руси велико неустройство и части боеве. Тогда же рядъ положивше, яко послужити имъ единому великому князю въ матери градомъ Киевѣ. Бѣ же тогда въ Киевѣ князь великий Мъстиславъ храбрый Романовичъ Смоленскаго и Володимеръ Руриковичъ Ростиславича, въ то же время Мъстиславъ Мъстиславичъ въ Галичи. И быша челомъ вси тии храбрыи великому князю Мъстиславу Романовичу, о нихъ же князь великий велми гордящеся и хвалящеся, донеле же сиа злоба съключися, о ней же повѣсть предлежитъ.

Начать бо слухъ проходити, яко сии безбожнии многы страны поплѣниша: Ясы, Обезы, Касагы, и половецъ безбожныхъ множество избыша, и приидоша на землю Половеческую. Половци же не могуше противися бѣжаша, и многихъ избыша, а иныхъ погнаша по До-

ну въ лукоморя, и тамо избиваеми гнѣвомъ божиимъ и пречистыа его матери. Много бо зла сътвориша тѣ окаании половци Руской земли. Того ради всемилостивый богъ хотя погубити безбожныа сына Измаиловы, куманы, яко да отъмъстятъ кровь христьянскую; еже и бысть надъ ними. Придоша бо ти таурмени на всю страну Куманскую и гониша ихъ до рѣки Днѣпра близъ Руси.

И прибѣгоша окаяннии половци, иде же зовется валъ Половеческий, остатокъ избытыхъ: Котягъ, князь половеческий, съ инѣми князи; а Данило Кобяковичъ съ нимъ и Юрий Кончаковичъ убьена быста. Сей же Котянъ тестъ бѣ князю Мъстиславу Мъстиславичу Галичскому, и приде съ поклономъ съ князи половеческими къ зятю Мъстиславу въ Галичъ и къ всѣмъ княземъ рускимъ. И принесе дары многы, кони, и велбуди, и буйволы, и дѣвки, и одариша всѣхъ князей русскихъ, кланяся, ркуще: «Дньсь нашу землю отъяли суть, а вашу пришедше завтра възмутъ, то помозѣте намъ». И възмолися Котянъ зятю своему Мъстиславу; князь же Мъстиславъ посла къ братии своей, княземъ рускимъ, съ молбою, рекъ: «Поможемъ симъ; аще ли же мы симъ не поможемъ, то сии имуть предатися къ нимъ, то онимъ болши будетъ сила, а намъ тяготиѣ будетъ отъ нихъ». И тако думавше много о себѣ, и поклону для и молбы князей половеческихъ яшася Котягу помагати.

Начаша вои пристраивати, кождо свою власть: князь великий Мъстиславъ Романовичъ Ростиславича Киевский, и Мъстиславъ Святославичъ Черниговский Всеволодича Козельский, и Мстиславъ Мъстиславичъ Галичский, сии бо старѣйшии земли Руской; съ ними же и младии князи: Данило Романовичъ Мъстиславича, и князь Михайло Всеволодичъ Черниговский, и князь Всеволодъ Мъстиславичъ Киевского сынъ, и инии князи мнози. Бывшу же съвѣту ихъ въ Киевѣ всѣхъ князей, послаша къ Володимеру къ великому князю Юрию Всеволодичу на помочъ; онъ же посла имъ Василка Ростовскаго. Съвѣщаша же князи, яко срѣсти ихъ на чужой земли (тогда же половецкий князь крестыся Бастый), и съвъкупивше всю землю Рускую, поидоша противу татаромъ. Пришедши же имъ къ Днѣпру на Зарубъ, къ острову Варяжскому, то же слышавше татарове, оже идутъ князи рустии противу имъ, послаша къ нимъ послы своа, глаголюще: «Се слы-

шахомъ, оже идете противъ насъ, послушающе половець. А мы ваша земля не заяхомъ, ни городовъ вашихъ, ни селъ вашихъ, ни на васъ приидохомъ. Но приидохомъ, богомъ пушонн, на конюхи и на холопы свои, на поганыхъ половцы, а вы възмѣте съ нами миръ. А половцы, аще прибѣжатъ къ вамъ, то не принимайте ихъ, и бийте ихъ отъ себе, а товаръ ихъ възмите къ собѣ. Зане же слышахомъ, яко и вамъ много зла творятъ, того ради и мы биемъ». Князи же русстии того не послушаша, но послы ихъ избыша, а сами поидоша противу имъ. И не дошедше Олѣшиа, и стаха на Днѣпрѣ. И прислаха къ нимъ татарове второе послы, ркуше тако: «Аще есте послушали половець, а послы наши избыли, а идѣте противу насъ, то вы поидите. А мы васъ ничимъ не занимали, а всѣмъ намъ богъ». Они же отпустиша послы ихъ.

Ту прииде къ нимъ вся земля Половецкая и съ князи своими. Тогда же Мѣстиславъ Мѣстиславичъ Галичскій, въ тысячи войска, перебродися рѣку Днѣпръ на сторожи татарския, и побѣди ихъ. А останокъ ихъ въбѣже въ курганъ Половецкій съ своимъ воеводоу Гемябкомъ, и ту имъ не бысть помочи. И погребоша воеводу своего Гемябка живого въ землю, хотяще его ублюсти. И ту его налѣзоша, испросивше его половцы у Мстислава, и убиша его. То же слышавше князи русстии, поидоша за Днѣпръ на множествомъ лодей: Мѣстиславъ князь великий Романовичъ съ кияны, Володимерь Руриковичъ съ смолянны, черниговьстии князи, галичане, и волынцы, и куряне, и трубчане, и путивльци, и вся страны руския, и вси князи и множество вой. Приидоша же выгонцы галичскіе въ лодяхъ по Днѣстру въ море, бѣ же тысяща лодей. Изъ моря выидоша въ Днѣпръ, и възведше пороги, стаха у рѣки Хортици, на бродѣ у Протолчии; воевода же у нихъ Юрій Домарѣвичъ, а другой Держикрай Водиславича.

Приидоша же имъ вѣсти, яко татарове приидоша къ нимъ посмотри русскыхъ полковъ; Данило же Романовичъ и ннии князи, всѣдше на коня, погнаша видѣти рати татарския. И видѣвше послаха къ великому князю ко Мстиславу Романовичу, рекуше: «Мѣстиславе и Мѣстиславъ! Не стойте, поидемъ противу имъ». И поидоша въ поле, и срѣтоша ихъ татарове, и ту стрѣлци русстии погнаша ихъ въ поле далече, ихъ съкуше; и взяша скоты ихъ, а съ стады утекоша. И оттуду идо-

ша по нихъ осмь дний до рѣки Калка, и послаша въ сторожехъ Яруна съ половци, а сами станомъ сташту. И ту срътошася съ сторожи, и убиша Ивана Дмитриевича и ина два съ нимъ; а татарове възвратишася. Князь же Мъстиславъ Мъстиславичъ Галицкий повелѣ Данилу Романовичу перейти рѣку Калку съ полки, а самъ по нихъ прииде; перешедъ стаща станомъ. Поиша же и самъ на сторожи Мъстиславъ, и видѣвъ полки татарьскіе, прииша и повелѣ въоружатися воємъ своимъ. А два Мъстислава въ стану бяху, того не вѣдающе: не повѣда бо имъ зависти ради, бѣ бо межи ихъ пря велика.

Такъ съступишася полки, и напередъ ихъ на татарове и Данило Романовичъ, и Семень Олюевичъ, и Василко Гавриловичъ. Ту Василка събодоша, и Данилу убодену бывшу въ перси, но не чюяше, буести ради и мужества; бѣ бо младъ, осминадесяти лѣтъ, но крѣпокъ бѣ на брань, избиваше татаръ мужественъ полкомъ своимъ. Тако же и Мъстиславъ Нѣмый потече на нихъ, и той бѣ крѣпокъ, и видѣвъ яко събодоша Данила. Бѣ бо ужика отцу его, любовь имѣа къ нему, ему же и власть по себѣ обща. Тако же и Олгу Курскому крѣпко биющюся; тако же и Ярунъ съ половци прииде, съступыся съ татары, хотя съ ними бытися. Но пакы половци въскорѣ побѣгоша назадъ, не успѣвъше ничто же, и потопташа бѣжучи станы русскихъ князей. А князи не успѣша исполчитися противу имъ; и тако смятошася полци рустии, и бысть сѣча зла, грѣхъ ради нашихъ. И бысть побѣда на князи рускиа, яко же не бывала отъ начала Рускіе земли.

Князь великий же Мъстиславъ Романовичъ Киевскій, внукъ Ростиславль Мъстиславича, сына Владимерова Манамахова, и князь Андрѣй, зять его, и Александръ Дубровский, видѣвше се зло, не двигошася никамо же съ мѣста. Стали бо на горѣ надъ рѣкою Калкою, бѣ бо мѣсто то каменно, и учиниша себѣ городъ колиемъ. И бишася съ ними изъ города того по 3 дни. Татарове же поидоша по русскихъ князехъ, гониша ихъ биюще до Днѣпра. А у города того оставшася два воеводи, Чегырканъ и Тешуканъ, на Мъстислава Романовича, и на зятя его Андрея, и на Александра на Дубровского; тии бо два князя съ Мъстиславомъ. Быша же съ татары и бродницы, а воевода у нихъ Плоскинъ. И той окаянный воевода цѣлова крестъ къ великому князю Мъстиславу, и къ обѣма князема, и къ всѣмъ сущимъ

съ нимъ, яко не избыти ихъ, но окупъ взяти на нихъ, и солгавъ окаянный, предасть ихъ татаромъ, связавъ. А городъ вземъ людей изсѣкоша, и ту костию падоша. А князей издавиша, подкладше подъ доски, а сами на верху сѣдоша обѣдати; и тако издохошася и животъ свой скончаша.

А иныхъ князей, опроче того, до Днѣпра гоняще, избыша 6: князя Святослава Каневского, Изяслава Ингваревича, Святослава Шумского, Мъстислава Черниговского съ сыномъ, Юриа Несвѣжского, а вой толко десятый прииде. И Александръ Поповичъ ту убиень бысть съ инѣми седмьдесятиу храбрыхъ. Князь же Мъстиславъ Мъстиславичъ Галичскій переже всѣхъ пребѣгъ за Днѣпръ, повелъ лодии пережечь, а иныя отъ берега отрѣа, боячися погони; а самъ едва убѣже въ Галичъ. А Володимеръ Руриковичъ, братаничъ Романовъ, внукъ Ростиславль Мъстиславича, сѣде в Киевѣ, мѣсяца июня 16 день.

А злоба случилася мѣсяца маа 30, на память святаго мученика Еремеа. Войска же остатокъ десятый прииде кождо во своа, а иныхъ половци избыша ис коня, а иныхъ ис порта. И тако за грѣхы наша богъ вложи недоумѣние въ насъ, и погыбе множество бес числа людий. Татарове же гнашася по Руси до Новагорода Святополчего. Христиане же, не вѣдуще лести татарския, выидоша противу ихъ съ кресты, и тако избыша ихъ. Глаголаху же, яко единѣхъ же кианъ изгыбе тогда 30 тысячъ.

И бысть плачь и вопль по всѣмъ градомъ и по селомъ. Татарове же възвратишася отъ рѣки Днѣпра, и не свѣдаемъ откуда были пришли, и камо ся дѣли. Единъ богъ вѣсть, откуда приведе за грѣхы наша и за похвалу и гордость великого князя Мъстислава Романовича. Глаголють бо, яко прииде слухъ про сихъ татаръ, яко многы земли плѣнуютъ, а приближаются Рускимъ странамъ, и сповѣдаша ему о нихъ; онъ же отрече: «Дондеже есмь на Киевѣ, то по Яико, и по Понтийское море, и по рѣку Дунай саблѣ не махивати».

Василка же Константиновича тогда богъ съблюде, прииде бо съ полки ко Чернигову въ помощь. Слышавъ се зло, случившеся въ Руси, възвратися въ свой Ростовъ, съхранень богомъ. <...>

Въ лѣто 6745. <...> О плѣнении Рускыа земля отъ Батиа. Слышано бысть на восточнѣй странѣ въ родѣ Измаиловѣ, сына Агарина, рабыни Авраамовы, яко сми-

ри господь богъ Рускую землю нахождениемъ безбожныхъ иноплеменникъ, таурмень. Еже на Калкы и побѣждение рускыхъ князей прослу, и храбрыхъ онѣхъ 72 избиение вѣдомо тамо бысть, и межиусобныа брани Рускыа земля, и глады, и морѣ велицѣи, и оскудѣние рускаго воинства, и разньствие въ братии, и просто все земское неустроение. Наипаче же обнажися грѣховнаа злоба, и вопль грѣховный въ уши господа Саваофа вънииде. Тѣмъ и попусти на землю нашу таковую всепагубную рану. Еще бо и сеа крови не отмыхомъ, Калкацкого бою, и паки народися людей по велицѣмъ мору по всей земли, кромѣ Киева. Но киевѣстии людие на Калкахъ съ великимъ княземъ Мѣстиславомъ Романовичомъ, и съ инѣми 10-ю князи и съ 72-ю храбрыми костью тамо падоша; новгородстии людие отъ гладныа смерти изѣмроша, а живыи разыдошася по чюжимъ землямъ; тако же и смоленскаа, и вси просто гради столнии смерти тоа вкусивше, въскорѣ осиротѣша. Не много бо лѣтъ мину, отъ Калкатцкиа рати до потрясения земли 8 лѣтъ, тогда же и гладъ бысть, а отъ потрясения земли до Батыева прихождения 8 лѣтъ. Того ради не исполнися земля наша, но и наипаче всѣмъ животнымъ опустѣ.

Мы же приведемъ слово къ повѣсти, како ублюде богъ великого князя Юриа Всеволодича, и Ярослава, брата его, и братѣнича ихъ Василка Ростовского Костантиновича отъ Калокъ, тако же и люди оставшая отъ мору, и како не угонѣзнуша своеа смерти, обща бо есть всей Руской земли. Слышавше бо безбожнии татарове таковое смирение руское, а имѣние великое, многими лѣты събраное, двигнушася съ восточныа страны, и поплѣниша пръвое Болгарскую землю. А на третій годъ на Рускую землю приидоша бесчисленное множество, яко пружи траву поядюще, тако и сии сыроядци християньскій родъ потребляюще.

Въ лѣто 6746. Зимоваша окаанныи татарове подъ Чернымъ лѣсомъ и оттолѣ приидоша безвѣстно на Рязанскую землю лѣсомъ съ царемъ ихъ Батиемъ. И пръвое приидоша и стаха о Нузлѣ, и взяша ю, и стаха ту станомъ. И оттолѣ послаха посломъ жену чародѣицу, а съ нею два татарина, въ Рязань къ княземъ рязанскимъ, просяще у нихъ десятыны: десятого въ князехъ, десятого въ людехъ, и въ конехъ, десятого въ бѣлыхъ, десятого въ вороныхъ, десятого въ бурыхъ, десятого въ пѣгыхъ, и въ всемъ десятого. Князи же

рязаньстии, Юрий Иньгваревичъ и брата его Олегъ и Романъ Иньговоровичи, и муромские князи, и проньские хотѣша съ ними брань сѣтворити, не выпустячи въ свою землю. И выидоша противу ихъ въ Вороножъ, и ркоша посломъ Батыевымъ: «Колѣ насъ не будетъ всѣхъ, то все то ваше будетъ». И оттолъ послаша ихъ къ великому князю Юрию Всеволодичу въ Володимерь, и оттолъ пустиша татаре въ Воронажи. Послаша же рязаньстии князи пословъ своихъ въ Володимерь къ великому князю Юрию, просяще помощи, или самому поити и вмѣстѣ постоати за землю Рускую. Князь великий же Юрий не послуша молбы рязаньскихъ князей, самъ не поиде ни посла къ нимъ; но всхотѣ самъ о себѣ съ татары брань сѣтворити. Но уже бѣаше божию гнѣву не възможно противитися, яко же древле речено бысть господемъ Исусу Навгину; егда веде ихъ господь въ землю обѣтованную, тогда рече: «Азъ послю во нихъ прежде въ васъ недоумѣнное, и грозу, и страхъ, и трепеть». Тако же и у насъ отъятъ господь прежде силу, а за грѣхы наша вложи въ насъ грозу, и страхъ, и трепеть, и недоумѣние.

Погании же татарове начаша воевати землю Рязанскую, и оступиша Рязань, мѣсяца декабря въ 16 день, на память святаго пророка Аггеа, и острогомъ оградѣша его. Князь же Юрий Рязаньский затворися въ градъ съ людьми, а князь Романъ отступи къ Коломнѣ съ своими людьми. И взяша градъ татарове, в 21 день, приступивше, того мѣсяца, на память святаго мученицѣ Иулианы, князя Юрия Иньгваревича убиша и княгиню его, а люди изсѣкоша, мужа, и жены, и дѣти, и чрънца, и чрънорызыца, иереа, овыхъ огнемъ, а иныхъ мечемъ; поругание чръницамъ, и попадамъ, и добрымъ женамъ, и дѣвицамъ предъ матерями и сестрами. А епископа же ублюде богъ, отъиха въ то время прочь, егда татарове городъ оступиша. И изсѣкше люди, а иныхъ плѣнивше, зажгоша градъ. И кто, братие, отъ насъ не поплачется о семъ, кто насъ осталъ живыхъ, како они горкую и нужную смерть подъяша! Да и мы, то видѣвши, уstraшилися быхомъ и плакалися грѣховъ своихъ день и ночь съ въздыханиемъ; мы же творимъ съпротивное, пекущеся о имѣнии и о ненависти братни. Мы же на подлежащее възвратимся.

Князь же великий Юрий Всеволодичъ Володимерский посла въ сторожехъ Иеремѣя воеводою, и сняся съ Романомъ Ингваревичемъ. Татарове же, взявше Рязань,

поидоша х Коломнѣ, и ту прииде противу ихъ сынъ великого князя Юриа Всеслодича изъ Володимера и Романъ Ингваревичъ съ своими людьми. И оступиша ихъ татарове, и ту бысть имъ бой, и бишася крѣпко, и пригониша ихъ къ надолобамъ, и ту убиша князи Романа Ингваревича и Еремеа Глѣбовича, воеводу Всесложа, и ту паде много людей съ княземъ и съ Иеремѣемъ; а москвичи побѣгоша, ничего же не видѣвше. А Всеслодъ Юриевичъ бѣжа в малѣ въ Володимеръ. А татарове пришедше взяша Москву, и князя Володимера, сына великого князя Юриа, поимаша. И поидоша къ Володимеру многое множество кровопролитецъ крови христіанскыа.

Слышавъ же то князь великій Юрій, уряди въ себе мѣсто въ Володимери сыны своя, Всеслода и Мстислава, а самъ поиде къ Ярославлю, и отголъ за Волгу, а съ нимъ сыновци его Костантиновичи — Василко, и Всеслодъ, и Вѣлодимеръ, и пришедъ ста на Сити, ждучи къ себѣ брата Ярослава и Святослава. А въ Володимери затворися сынъ его Всеслодъ съ матерію, и съ владыкою, и съ братомъ, и съ всею областію своею.

Безаконнии же татарове приидоша къ Володимеру, мѣсяца февраля 3 день, на память святаго Симеона богоприемца, въ вторникъ мясопустныа недѣли. Приведоша же со собою Володимера Юриевича къ Золотымъ воротамъ, глаголюще: «Знаете ли княжича вашего?» Братіа же его, Ослядюковичъ и вси людие видѣвше и, многы слезы излиаша, видяще его въ мнозѣ истомлении. Татарове же отступльше отъ вратъ града, и градъ обыхавше, и потомъ сташа станы противу Золотыхъ воротъ на зрѣимъ. Юриевичи же, Всеслодъ и Мѣстиславъ, хотѣша выйти на нихъ, не дасть имъ брати Петръ воевода, глаголя: «Нѣсть мужества, ни думы, ни силы противу божія посѣщенія, за наше сѣгрѣшеніа».

Татарове же шедше взяша Суздаль, и приидоша къ Володимеру, въ пятокъ преже мясопуста. Во утрии же, въ субботу мясопустную, февраля 7, на память святаго отца Парфенія, начаша татарове полки рядити, въ нощи той градъ весь тыномъ отыниша. Въ утрѣи же видивше князи Всеслодъ и Мѣстиславъ и владыка Митрофанъ, яко уже граду ихъ взяту быти, ни надѣяхуся не откудо же помощи, и внидоша вси въ церковь святаа Богородица, и начаша каятися грѣховъ

своихъ. И елици отъ нихъ хотяху въ аггелскый образъ, постриже ихъ всѣхъ владыка Митрофанъ: князей, и княгиню Юриеву, и дочь, и сноху, и добрыа мужи и жены. А татарове начаша пороки рядити, и къ граду приступиша, и выбывше стѣну градную, наметавше въ ровъ сырого лѣса, и тако по примету внидоша въ градъ, тако же и отъ Лебеди внидоша въ Оринины ворота, и отъ Клязмы въ Мѣдяные ворота и Волжские ворота, и тако взяша градъ и огнемъ запалиша. Увидѣвше же князи, и владыка, и княгыни, яко зажжень бысть градъ, а людие уже огнемъ скончаются, а инии мечемъ, и бѣжаша князи въ Средний градъ. А владыка, и княгыни съ снохами, и съ дочерью, княжною Феодорою, и съ внучаты, инии княгыни, и боярыни, и люди мнози вѣбѣгоша въ церковь святыа Богородица и затворишася на полатехъ. А татарове и тотъ градъ взяша, и у церкви двери изсѣкше, и много древиа наволочиша, и около церкви обволочивше древиемъ, и тако запалиша. И вси сущии тамо издѣхошася, и тако предаша душа своа въ руцѣ господевы; а прочихъ князей и людей оружиемъ избыша.

И оттолѣ разсыпашася татарове по всей земли той, къ Ростову, иные по великомъ князи погнаша на Ярославль, и на Городецъ, и по Волзѣ вся грады поплѣниша и до Галича Мерскаго; а инии къ Юриеву, и къ Переяславлю, и къ Дмитрову, и тѣхъ взяша; а инии Тѣфрь шедше взяша, въ ней же сына Ярославля убиша. И вся грады поимаша по Ростовской земли и по Суздальской въ единъ мѣсяць февраль, нѣсть же мѣсто и до Торжъку, иде же не быша.

Прииде же си вѣсть къ великому князю Юрию на рѣку Сить, сущу ему тамо, а мѣсяцю февралю уже исходящу, яко «Володимеръ взять бысть и сущаа въ немъ вся взята, люди вся, и епископъ, и княгыни твоя, и сынове, и снохы вся избыти, а къ тебѣ идетъ». Онъ же бысть въ велицѣ тузѣ, яко себе не видѣти, о церковномъ разореніи и о погыбели христианской. И посла Дорожа въ просоки въ трехъ тысящахъ пытаты татаръ. Онъ же прибѣже, глаголя: «Господине, княже, уже обошли суть на насъ татарове». Онъ же съ братомъ Святославомъ, и съ сыновци своими, Василкомъ, и Всеволодомъ, и Володимеромъ, и съ полки исполчившеся, и поидоша противу ихъ, и постави полки около себе, но не успѣша ничто же. А татарове пришедше къ нимъ на Сить, и бысть съча зла, и побѣдиша рус-

кихъ князей. Ту же убиень бысть князь великий Юрий Всеволодичъ, внукъ Юриевъ Долгорукого, сына Манамахова, и мнози вои его избиени быша.

А Василка Костантиновича Ростовского руками яша, и того ведоша съ собою до Шеренского лѣса, нудяще его въ своей волѣ жити и воевати съ ними. Онъ же не повинуся имъ и ни вкуси ничто же, яже суть въ рукахъ ихъ, но и много хулна изрекъ на царя ихъ и на всѣхъ ихъ. Они же много мучивше его, предаша смерти марта въ 4, въ средохрестие, повергоша тѣло его на лѣсъ. То же видѣ нѣкаа жена, повѣда мужу богобоязливу; взявше тѣло его, обвиша плащеницею и положиша въ скровеннѣ мѣстѣ.

Они же оттолѣ възвращьшеся, яко же выше рѣхъ, взяша Переяславль, и Москву, и Юриевъ, и Дмитровъ, и Волокъ, и Тѣрь, и оттолѣ придоша къ Торжку, въ недѣлю 1 поста, мѣсяца февраля въ 22 день, на обрѣтение мощей святыхъ мученикъ иже въ Евгении. И отыниша его тыномъ весь около, яко же инии грады имаху, и бишася ту окааннии по 2 недѣли. Изнемогоша же людие въ градъ, а изъ Новгорода не бысть имъ помощи, но уже кто же собѣ сталъ бѣ въ недоумѣнии и въ страхѣ. И тако погании взяша градъ, изсѣкоша вся отъ мужеска полу и до женска, иерейский чинъ весь и чръноризческій. А все избожено и поругано, горкою и бѣдною смертию предаша душа своа въ руцѣ господевы мѣсяца марта въ 5 день, на память святаго Канона, въ среду 4-ю недѣлю поста. Ту же убиени быша: Иванко, посадникъ новоторжескій, Якимъ Влуньковичъ, Глѣбъ Борисовичъ, Михаилъ Моисевичъ. А за прочими людьми гнашася безбожнии татарове Серегѣрьскимъ путемъ до Игнача креста, а все сѣкучи люди, яко траву, и толику не дошедше за 100 верстъ до Новгорода. Новъ же городъ заступи богъ, и святая и великаа съборнаа и апостольскаа церковь Софія, и святыи преподобный Кирилъ, и святыхъ правовѣрныхъ архиепископъ молитва, и благовѣрныхъ князей, и преподобныхъ чръноризецъ иерейскаго събора.

Да кто, братие, и отци, и дѣти, видѣвши таковое божие попущение се на всей Рустѣй земли, и не плачется? Грѣхъ ради нашихъ попусти богъ найты на ны поганыя; наводитъ бо богъ, по гнѣву своему, иноплеменники на землю, и тако съкрушеномъ имъ въспомнутся къ богу; усобная же рать бываетъ отъ наваждения

днавола. Богъ бо не хошетъ зла въ чловѣцѣхъ, но блага; а днаволъ радуется злему убийству и кровопролитию. Земли же коей съгрѣшивши, казнить богъ смертию, или голодомъ, или поганыхъ навидениемъ, или ведромъ, или дождемъ сильнымъ, или пожаромъ, или иными казньми; аще ли покаемся, въ немъ же ны богъ велитъ жити, глаголетъ бо къ намъ пророкомъ: «Обратитесь къ мнѣ всѣмъ сердцемъ вашимъ, постомъ, и плачемъ, и стенаниемъ». Да аще сице сътворимъ, вснхъ грѣхъ прощени будемъ. Но мы на злое възращаемся, яко пси на своа бльвотины и яко свиниа валяющесе въ калѣхъ грѣховныхъ присно, и тако пребываемъ. Сего бо ради казни примлемъ отъ бога,—нахождение поганыхъ, по божию повелѣнню, грѣхъ ради нашихъ. Кирилу же, епископу ростовскому, въ то время бывшу на Бѣлѣозерѣ и оттуду идушу ему, пришедъ на Сить, иде же сконча животъ свой князь великий Юрий, богъ вѣсть како скончася, много бо инде глаголетъ о немъ. Кирилъ же епископъ обрѣтъ тѣло его, главы же его не обрѣте въ мнозѣ трупий мертвыхъ; и несе тѣло его въ Ростовъ, и положи въ церкви святыа Богородица съ многими слезами. Потомъ же увѣдъ о Василки, шедъ взя тѣло его, и принесе въ Ростовъ съ многымъ плачемъ.

Бѣ бо сей князь лицомъ красенъ, очима свѣтелъ, взоромъ грозенъ, паче мѣры храборъ, сердцемъ же легокъ; но, яко же рече Соломонъ, «въ оскудѣнни людей бываетъ съкрушение сильному». Тако и сий храбрый князь и воинство его; много храбрыхъ служаше ему, но что сихъ, яко противу пругомъ. Кто же служилъ ему, и отъ тоа рати кто его остался, и кто его хлѣбъ илъ и чашу пилъ, тотъ, по его животъ, не можаше служити ни единому князю за его любовь. Еще же бысть милостивъ на убогыа и на церковный чинъ паче мѣры. По семь же пришедше, нашедше главу князя Юриа, привезше въ Ростовъ, положиша въ гробъ къ тѣлу его. Батый оттуду поиде къ Козелску. Бѣ же въ немъ князь младъ, именемъ Василий. Козличи же горожане сами о собѣ сътворше съвѣтъ, яко не датися поганымъ, но и главы своа положити за христьянскую вѣру. Татарове же пришедше подъ Козелскъ стаща, яко и подъ прочими грады, и начаша бити пороки, и выбивше стѣну, взыйдоша на валъ. И ту бысть брань велика, яко и ножи туто съ ними граждане рѣзахуся; а инии враты изшедше на полкы ихъ много избыша, яко до

4-хъ тысячь изсѣкоша ихъ. И тако вземъ градъ ихъ, избы и до отрочаты. А про князя ихъ вѣсти не бѣ; глаголаху бо, яко въ крови утопе. И повелѣ Батый оттолѣ не зваты Козельскомъ, но злымъ городомъ; убиша бо ту 3 сыны темничи, их же не обрѣтоша въ множествѣ мертвыхъ.

Оттуду иде Батый въ Поле въ землю Половецкую. Избави же тогда богъ отъ нахождения поганыхъ: князя Ярослава, сына великого князя Всеволода, и сыновъ его: Александра, Андрѣа, Костантина, Афанасиа, Данила, Михаила, и братию Ярославлю: Святослава Всеволодича Юриевского съ сыномъ Дмитриемъ, Иоанна Всеволодича, и Володимера Костантиновича, и Василковича два — Борнса и Глѣба, и Василиа Всеволодича. Ярославъ же по плѣненіи томъ пришедъ сѣде въ Володимери, очисти церковь отъ трупий мертвыхъ и кости мертвыхъ съхрани, а люди оставшаа събра и утѣши; и дасть брату Святославу Суздаль, а Ивану Стародубъ.

Княжение великого князя Ярослава Всеволодича. Въ лѣто 6747. Князь великий Ярослав Всеволодичъ повелѣ принести тѣло брата своего, великого князя Юриа, изъ Ростова въ Володимеръ. Того же лѣта князь великий Ярославъ ходи на Литву ратию, смолнянъ бороня; и посади у нихъ на столѣ шурина своего Всеволода Мьстиславича, внука Романа Мьстиславича. Того же лѣта оженися князь Александръ Ярославичъ, княжа въ Новѣгородѣ, понялъ дочь у Полоцкого князя у Брячислава. И вѣнчався въ Торопцѣ; и ту свадьбу игра, а въ Новѣгородѣ другую. Того же лѣта Александръ Ярославичъ съ новгородци сруби Городецъ въ Шелонѣ. Того же лѣта посла Батый татарове, и взяша градъ Переяславль Рускій, а епископа Симеона убиша. Сей бысть Семионъ 9 епископъ Переяславлю, то и послѣдний; 1 бо бысть епископъ Переяславлю Петръ, 2 Ефремъ, 3 Лазарь, 4 Спливестръ, 5 Иоанъ, 6 Маркель, 7 Еуфимий, 8 Павелъ, 9 Семионъ, иже и послѣдний; отъ того донынѣ безъ пяти лѣтъ 300 лѣтъ какъ тамо епископа нѣтъ, а и градъ безъ людей. А иныхъ татаръ посла Батый на Черниговъ. Слышавъ то Мьстиславъ Глѣбовичъ, внукъ Святослава Олговича, и прииде на нихъ съ многими вои къ Чернигову, и бысть брань люта. А изъ града

на нихъ камене съ пороковъ метаху за полтора перестрѣла, а камене два человекъ възднимаху. Но и тако татарове побѣдиша Мьстислава, и многы воа избыша, а градъ взяша и огнемъ запалиша, а епископа ихъ доведъ Глухова отпустиша. А инии татарове Батыеви Мордву взяша, и Муромъ, и Городецъ Радимовъ на Волзѣ, и градъ святыа Богородица Владимирская. И бысть пополохъ золь по всей земли, не вѣдаху кто камо бѣжаше.

Княжение великого князя Михаила Киевского. Въ лѣто 6748. Посла Батый Менгукана съгладати Киева. Онъ же шедъ, ста у городка Пѣсочнаго, видѣвъ Киевъ, удивися красотѣ его и величеству; посла на ны послы къ князю Михаилу Всеволодичу Черниговскому съ лестию. Князь Михайло же послы избы, а самъ бѣжа ис Киева за сыномъ въ Угорскую землю; а Ростиславъ Мьстиславичъ, внукъ Давыда Смоленского, пришедъ сѣде въ Киевѣ. Данило же Романовичъ, внукъ Мьстислава Изяславича, пришедъ на Ростислава ятъ его; а Киевъ дасть Дмитрови, своему посаднику, дрѣжати противу безбожныхъ. Тогда же прииде самъ безбожный Батый съ всею своею силою х Киеву. Яша же тогда татарина, именемъ Туврила, и сказа всѣхъ князей, и сущихъ съ Батыемъ, и силу ихъ; бяху же братиа Батыевы, воеводы его: Урду, Бардаръ, Бичюръ, Кайданъ, Бечонъ, Менгуй, Коюкъ (сей же не бѣ отъ рода его, но пръвый воевода его), Себеда боктуръ, Бурандай, Бастыръ, иже поплѣни всю землю Болгарскую и Суздальскую, инѣхъ же бѣ множество воеводъ, их же не написахомъ. Нача же Батый пороки ставити, и бити безпрестани градъ, день и ночь, и выбы стѣну у Лятскихъ воротъ. И ту гражане на избытыхъ стѣнахъ многу брань сѣтвориша, но побѣжени бывше, а Дмитрови ранену бывшу. И взыидоша татарове на стѣну, и отъ многаго истомления стѣны падоша, а граждане въ ночь ту иный градъ сѣтвориша около святыа Богородица. Наутрия же приидоша на ныхъ, и бысть ту сѣча зла; възбѣгоша людие на комари церковныя съ товары ихъ, и отъ тягосты стѣны повалишася. Взяша градъ декабря 6, на память иже въ святыхъ отца нашего Николы, въ лѣто 6749. А Дмитра не убиша, мужества его ради, язвень бысть велми. Вземше Батый градъ Киевъ, и слыша о вели-

комъ князи Данилъ Романовичи, яко въ Угрѣхъ, поиде къ Володимеру въ Русь. Тоя же зыми родися великому князю Ярославу сынъ Василей.

Плѣнение Вльнынскыа земли. Въ то же лѣто 6749 пришедъ Батый къ граду къ Лодяжну, и би градъ двѣнадцати пороки, и не може взяти его; и пришедъ х Каменцу Изяславлю, и взя его; Кременца же княже Данилова не може взяти. Оттолѣ шедъ взя Володимеръ Руский, на рѣцѣ Бугу; тако же и Галичъ взя и вся грады бес числа поима. По сѣвѣту Дмитрову иде на угры, и срѣте его король Велий и Коломанъ у Солоной рѣкы, на ней же грады велиньские: Изборско, Лвовъ великий, Велинь. На той рѣцѣ бысть имъ бой, и Батый побѣди, и побѣгоша угры, а Батыевы погнавшу до Дунаа. И стоа ту 3 лѣта, и воеваша до Володавы, възвратишася въ поле, вся земля поплѣнивше. Того же лѣта убиша татарове князя Мьстислава Рылскаго, иже градъ его на Сѣмѣ рѣцѣ.

ЛЕТОПИСНЫЕ ПОВЕСТИ О МОНГОЛО-ТАТАРСКОМ НАШЕСТВИИ

Перевод

Из Лаврентьевской летописи

В год 6731 (1223). Всеволод Юрьевич ушел из Новгорода к отцу своему во Владимир, а новгородцы призвали к себе на княжение Ярослава Всеволодовича из Переяславля.

В тот же год пришли народы, о которых никто точно не знает, кто они, и откуда появились, и каков их язык, и какого они племени, и какой веры. И называют их татары, а иные говорят — таурмены, а другие — печенеги. Некоторые говорят, что это те народы, о которых Мефодий, епископ Патарский, сообщает, что они вышли из пустыни Етриевской, находящейся между востоком и севером. Ибо Мефодий говорит так: «К скончанию времени появятся те, которых загнал Геден, и пленят всю землю от востока до Евфрата, и от Тигра до Понтийского моря, кроме Эфиопии». Один бог знает, кто они и откуда пришли, о них хорошо известно премудрым людям, которые разбираются в книгах. Мы же не знаем, кто они такие, а написали здесь о них на память о русских князьях и о бедах, которые были от этих народов.

И мы слышали, что татары многие народы пленили: ясов, обезов, касогов, — и избили множество безбожных половцев, а других прогнали. И так погибли половцы, убиваемые гневом бога и пречистой его матери.

Ведь эти окаянные полсвцы сотворили много зла Русской земле. Поэтому всемилостивый бог хотел погубить и наказать безбожных сыновей Измаила, куманов, чтобы отомстить за христианскую кровь; что и случилось с ними, беззаконными. Эти таурмены прошли всю страну куманов и подошли близко к Руси на место, которое называется Половецкий вал. Узнав об этом, русские князья Мстислав Киевский, и Мстислав Торопецкий, и Мстислав Черниговский, и прочие князья решили идти против татар, полагая, что татары нападут на них. И послали князья во Владимир к великому князю Юрию, сыну Всеволода, прося у него помощи. И он послал к ним племянника своего благочестивого князя Василька Константиновича, с ростовцами, но Василько не успел прийти к ним на Русь. А русские князья выступили в поход, и сражались с татарами, и были побеждены ими, и немногие только избегли смерти; кому выпал жребий остаться в живых, те убежали, а прочие перебиты были. Тут убит был старый добрый князь Мстислав, и другой Мстислав, и еще семь князей погибло, а бояр и простых воинов многое множество. Говорят, что только одних киевлян в этой битве погибло десять тысяч.

Плакали и тужили на Руси и по всей земле слышавшие о той беде. А случилось это зло месяца мая в тридцатый день, на память святого мученика Ермия. Услышав о том, что случилось на Руси, Василько повернул назад от Чернигова, сохраненный богом, и силой креста честного, и молитвой отца своего Константина, и дяди своего Георгия. И вернулся он в город Ростов, славя бога и святую богородицу. <...>

В год 6745 (1237). При благоверном великом князе Георгии благоверный епископ Митрофан поставил над трапезой в святом соборном храме Богородицы киот и украсил его золотом и серебром. В тот же год был расписан придел церкви святой Богородицы.

В тот же год зимой пришли из восточных стран на Рязанскую землю лесом безбожные татары, и начали завоевывать Рязанскую землю, и пленили ее до Пронска, и взяли все Рязанское княжество, и сожгли город, и князя их убили. А пленников одних распинали, других — расстреливали стрелами, а иным связывали сзади руки. Много святых церквей предали они огню, и монастыри сожгли, и села, и взяли отовсюду немалую добычу; потом пошли к Коломне. В ту же зиму высту-

пил Всеволод, сын Юрия, внук Всеволода, против татар. И встретились они у Коломны, и была битва великая. И убили воеводу Всеволодова Еремея Глебовича, и многих других мужей Всеволода убили, а Всеволод прибежал во Владимир с малой дружиной. А татары пошли к Москве. В ту же зиму взяли татары Москву, и воеводу убили Филиппа Нянка за правоверную христианскую веру, а князя Владимира, сына Юрия, взяли в плен. А людей избили от старца до грудного младенца, а город и церкви святые огню предали, и все монастыри и села сожгли, и, захватив много добра, ушли.

В ту же зиму выехал Юрий из Владимира с небольшой дружиной, оставив своих сыновей, Всеволода и Мстислава, вместо себя. И поехал он на Волгу с племянниками своими, с Васильком, и со Всеволодом, и с Владимиром, и встал на Сити лагерем, поджидая братьев своих Ярослава с полками и Святослава с дружиной. И начал князь великий Юрий собирать воинов против татар, а Жирослава Михайловича назначил воеводой в своей дружине.

В ту же зиму пришли татары к Владимиру, месяца февраля в третий день, на память святого Симеона, во вторник, за неделю до мясопуста. Владимирцы затворились в городе, Всеволод и Мстислав были в нем, а воеводой был Петр Ослядюкович. Увидев, что владимирцы не открывают ворот, подъехали татары к Золотым воротам, ведя с собой Владимира Юрьевича, брата Всеволода и Мстислава. И начали спрашивать татары, есть ли в городе великий князь Юрий. Владимирцы пустили в татар по стреле, и татары также пустили по стреле на Золотые ворота, и затем сказали татары владимирцам: «Не стреляйте!» Те перестали. И подъехали татары близко к воротам, и начали спрашивать: «Узнаете ли княжича вашего Владимира?» И был Владимир печален лицом. Всеволод же и Мстислав стояли на Золотых воротах и узнали брата своего Владимира. О умильное и достойное слез зрелище! Всеволод и Мстислав с дружиной своей и все горожане плакали, глядя на Владимира.

А татары отошли от Золотых ворот, и объехали весь город, и расположились лагерем на видимом расстоянии перед Золотыми воротами — бесчисленное множество воинов вокруг всего города. Всеволод же и Мстислав пожалели брата своего Владимира и сказали

дружине своей и Петру-воеводе: «Братья, лучше нам умереть перед Золотыми воротами за святую богородицу и за правоверную веру христианскую»; но не разрешил им этого Петр Ослядюкович. И сказали оба князя: «Это все навел на нас бог за грехи наши»; ведь говорит пророк: «Нет у человека мудрости, и нет мужества, и нет разума, чтобы противиться господу. Как угодно господу, так и будет. Да будет имя господа благословенно в веках». Свершилось великое зло в Суздальской земле, и не было такого зла от крещения, какое сейчас произошло; но оставим это.

Татары станы свои разбили у города Владимира, а сами пошли и взяли Суздаль, и разграбили церковь святой Богородицы, и двор княжеский огнем сожгли, и монастырь святого Дмитрия сожгли, а другие разграбили. Старых монахов, и монахинь, и попов, и слепых, и хромых, и горбатых, и больных, и всех людей убили, а юных монахов, и монахинь, и попов, и попадей, и дьяконов, и жен их, и дочерей, и сыновей — всех увели в станы свои, а сами пошли к Владимиру. В субботу мясопустную начали татары готовить леса и пороки устанавливали до вечера, а на ночь поставили ограду вокруг всего города Владимира. В воскресенье мясопустное после заутрени пошли они на приступ к городу, месяца февраля в седьмой день, на память святого мученика Федора Стратилата.

И стоял в городе из-за наших грехов и несправедливости великий плач, а не радость. За умножение беззаконий наших привел на нас бог поганных, не им покровительствуя, но нас наказывая, чтобы мы воздержались от злых дел. Такими карами казнит нас бог — нашествием поганных; ведь это бич его, чтобы мы свернули с нашего дурного пути. Поэтому и в праздники бог насыляет на нас печаль, как говорит пророк: «Обращу праздники ваши в плач и песни ваши в рыдание». Взяли татары город до обеда от Золотых ворот; у церкви святого Спаса они перешли по примету через стену, а с севера от Лыбеди подошли к Ирининым воротам и к Медным, а от Клязьмы подступили к Волжским воротам и так вскоре взяли Новый город. Всеволод, и Мстислав, и все люди бежали в Печерный город.

А епископ Митрофан, и княгиня Юрия с дочерью, и снохами, и с внучатами, и другие, княгиня Владимира с детьми, и многое множество бояр и простых людей

заперлись в церкви святой Богородицы. И были они здесь без милости сожжены. И помолился боголюбивый епископ Митрофан, говоря так: «Господи боже сил, податель света, сидящий на херувимах, и научивший Иосифа, и укрепивший своего пророка Давида на Голиафа, и воскресивший на четвертый день из мертвых Лазаря, протяни руку свою невидимо и прими с миром души рабов твоих»; и так он скончался. Татары же силой выбили двери церковные и увидели, что одни в огне скончались, а других они оружием доби́ли.

Церковь святой Богородицы татары разграбили, сорвали оклад с чудотворной иконы, украшенный золотом, и серебром, и камнями драгоценными, разграбили все монастыри и иконы ободрали, а другие разрубили, а некоторые взяли себе вместе с честными крестами и сосудами священными, и книги ободрали, и разграбили облачения блаженных первых князей, которые те повесили в святых церквах на память о себе. Все это татары взяли себе в полон, по слову пророка: «Боже, пришли язычники в наследие твое, осквернили церковь святую твою, Иерусалим превратили в овощное хранилище, трупы рабов твоих отдали на съедение птицам небесным, тела преподобных твоих — зверям земным, пролили кровь их, как воду». Убит был Пахомий, архимандрит монастыря Рождества святой богородицы, и игумен Успенский, Феодосий Спасский, и другие игумены, и монахи, и монахини, и попы, и дьяконы, начиная с юных и кончая старцами и грудными младенцами. Расправились татары со всеми, убивая одних, а других уводя босых и раздетых, умирающих от холода в станы свои.

И было видеть страшно и трепетно, как в христианском роде страх, и сомнение, и несчастье распространялись. Мы согрешили — и наказаны, так что жалко было видеть нас в такой беде. И вот радость наша превратилась в скорбь, чтоб и помимо своей воли быть нам помилованными в будущей жизни. Ведь душа, всячески казнямая в этом мире, на будущем суде обретет помилование и облегчение от муки. О сколь неизреченно, боже, твое человеколюбие! Именно так должен наказывать добрый владыка. И я, грешный, также многократно и часто бога гневаю и часто грешу каждодневно; но теперь вернемся к нашему рассказу.

Пленив Владимир, пошли татары, эти окаянные кровопийцы, на великого князя Георгия. И одни пошли к Ростову, а другие — к Ярославлю, а иные пошли на Волгу на Городец, и пленили они все земли по Волге до самого Галича Мерьского; а другие татары пошли на Переяславль, и взяли его, а оттуда пленили все окрестные земли и многие города вплоть до Торжка. И нет ни одного места, и мало таких деревень и сел, где бы не воевали они на Суздальской земле. Взяли они, в один месяц февраль, четырнадцать городов, не считая слобод и погостов, к концу сорок пятого года; но мы вернемся к нашему рассказу.

Пришла весть к великому князю Юрию: «Владимир взят, и церковь соборная, а епископ, и княгини с детьми, и со снохами, и с внучатами скончались в огне, а старшие твои сыновья, Всеволод с братом, вне города убиты, люди перебиты, а теперь татары идут на тебя». Князь же, услышав это, в слезах закричал громким голосом, оплакивая правоверную христианскую веру, и особенно сокрушаясь о гибели церкви, епископа и всех людей (ведь он был милостив), нежели о себе, о жене и о детях. И, вздохнув из глубины сердца, он сказал: «Господи, это ли нужно было тебе, милосердному?» И был он как новый Иов терпением и верой в бога. Начал он молиться, говоря так: «Увы мне, господи, лучше бы мне умереть, чем жить на этом свете. Чего же ради теперь остался я один?» И когда он так молился со слезами, внезапно подошли татары. Он же, отбросив всякую печаль, сказал: «Господи, услышь молитву мою и не судись с рабом своим, ведь не оправдается перед тобой ни один из живущих, потому что угнетена врагом душа моя». И вторично помолился: «Господи боже мой, я на тебя уповал, и ты спас меня, и избавь меня теперь от всех преследующих». И пришли безбожные татары на Сить против великого князя Юрия.

Услышав об этом, князь Юрий с братом своим Святославом, и с племянниками своими Васильком, и Всеволодом, и Владимиром, и с воинами своими пошел против поганых. И встретились оба войска, и была битва жестокой, и побежали наши перед иноплемениками. И тут убит был князь Юрий, а Василька взяли в плен безбожные и повели в станы свои. А случилось это несчастье месяца марта в четвертый день, на память святых мучеников Павла и Ульяны. Так был убит

великий князь Юрий на реке Сити, и многие из его дружины погибли здесь. Блаженный же епископ Кирилл пришел с Белоозера, взял тело князя, и принес его в Ростов. И совершив над ним погребальные песнопения с игуменами, и с клирошанами, и с попами, со многими слезами положили его в гробницу в церкви святой Богородицы.

А Василька Константиновича вели насильно до Шерньского леса, и когда стали станом, проклятые безбожные татары упорно принуждали его принять их поганные обычаи, быть вместе с ними и воевать на их стороне. Но он не покорился их беззаконию и, не переставая, обличал их, говоря так: «О глухое царство скверное! Ничем не заставите вы меня отречься от христианской веры, хотя я и в великой беде пребываю. Какой вы ответ дадите богу, погубив несправедливо многие души, за которые бог вас будет мучить в бесконечные веки; ведь бог будет судить души тех, кого вы погубили». Татары же заскрежетали на него зубами, желая насытиться его кровью. Тогда блаженный князь Василько, помолившись, сказал: «Господи Иисусе Христе, многократно мне помогавший, избавь меня от этих плотоядцев». И, еще раз помолившись, сказал: «Господи вседержитель и нерукотворный царь, спаси любящих тебя и выполни просьбу, с которой я обращаюсь,— помоги христианам и спаси рабов твоих: детей моих Бориса и Глеба и отца моего духовного епископа Кирилла». И в третий раз он снова помолился: «Благодарю тебя, господи боже мой, предвижу, что обо мне останется славная память, потому что молодая моя жизнь от железа погибает и мое юное тело увядает». И вновь помолился он: «Господи вседержитель Иисусе Христе, прими дух мой, чтобы и я почил в славе твоей»; и после того как сказал это, без милости убит был.

Когда тело Василька было брошено в лесу, увидела его некая благочестивая женщина и рассказала об этом богобоязненному мужу, поповичу Адриану. Взял он тело князя Василька, и завернул его в понывицу, то есть в саван, и положил его в тайном месте. Узнав об этом, боголюбивый епископ Кирилл и княгиня Василька послали за телом князя, и принесли его в Ростов. И когда понесли его в город, навстречу ему вышло множество людей, проливая слезы жалостные, горя, что остались без такого утешителя. Многие

правоверные люди рыдали, глядя на погребение отца и кормителя сиротам, великого утешителя печальным, закатившуюся светоносную звезду во мраке пребывающим. Ведь бог открыл ему глаза сердца на всех служителей божьих, и он был как бы возлюбленным отцом для всех церковнослужителей, и нищих, и печальных; щедр он был на милостыню, помня слово господа, гласящее: «Блаженны милостивые, ибо они будут помилованы». И Соломон говорит: «Милостынями и верой очищаются грехи». И так не обманули его надежды на то, о чем он просил бога: «Господи, спаси любящих тебя». Этому блаженному князю Васильку послал бог смерть, как Андрею; смысл он мученической кровью свои прегрешения со своим братом и отцом, великим князем Георгием. И удивительно было, что даже после смерти бог соединил тела их; принесли тело Василька и положили его в церкви святой Богородицы в Ростове, где и мать его похоронена. Тогда же принесли голову великого князя Георгия и положили ее в гробницу, где уже лежало тело его.

Был же Василько лицом красив, очами светел и грозен, храбр безмерно на охоте, сердцем легок, с боярами ласков. Кто из бояр ему служил, и хлеб его ел, и пил из его чаши, и дары получал, тот из-за преданности Васильку никакому другому князю уже не мог служить. Крепко любил Василько слуг своих, мужество и ум в нем жили, правда и истина с ним ходили. Был он сведущ во всем и искусен, и княжил он мудро на отцовском и дедовском столе; а скончался он так, как вы слышали.

В год 6746 (1238). Ярослав, сын великого Всеволода, занял стол во Владимире. И была радость великая среди христиан, которых бог избавил рукой своей крепкой от безбожных татар. И начал князь творить суд, как говорит пророк: «Боже, даруй царю твой суд и сыну царя твою правду — да судит праведно людей своих и нищих твоих на суде». И потом он утвердился на своем честном княжении. В тот же год великий князь Ярослав отдал Суздаль брату своему Святославу. В тот же год отдал Ярослав Ивану Стародуб. И в тот год было мирно.

В год 6747 (1239). Великий князь Ярослав послал за телом брата своего Георгия в Ростов, и привезли его к Владимиру, и остановились, не доехав. Навстречу телу вышли из города епископ Кирилл и Дионисий

архимандрит; понесли его в город с епископом, и игуменами, и попами, и монахами. И не слышно было пения за великим плачем и воплем, ибо весь город Владимир оплакивал князя. А Ярослав, и Святослав, и князья русские оплакивали его с дружиной своею, и множество бояр и слуг оплакивало смерть своего князя, кормильца убогих. После заупокойной службы положили его тело в гробницу каменную в церкви святой Богородицы в усыпальнице, где погребен и Всеволод, отец его. Был Юрий, сын благоверного отца Всеволода, украшен добродетелями, о которых расскажем вкратце.

Этот дивный князь Юрий старался божественные заповеди соблюдать и всегда имел страх божий в сердце, помня слово господа, которое так звучит: «Все люди узнают, что вы мои ученики, если будете любить друг друга. Любите не только друзей, но и ваших врагов и делайте добро ненавидящим вас». Всякого его недруга эти безбожные татары отпускали, наградив. Ведь сначала злые эти кровопийцы прислали к нему послов своих, призывая: «Мирись с нами». Он же не хотел этого, как говорит пророк: «Славная война лучше постыдного мира». Ведь эти безбожники, лживый мир предлагая, великое зло землям творят, и нам они сотворили много зла. Бог наказывает людей различными несчастьями, чтобы они стали как золото, очищенное в горниле,— ведь христиане, преодолев много напастей, войдут в царство небесное. Ведь сам Христос бог говорит: «Усилием берется царство небесное, и употребляющие усилие получают его». Георгий, воплощенное мужество,— кровью омылись страдания твои! Если не будет испытания, не будет и венца, если нет мук, нет и воздаяния. Всякий, кто привержен добродетели, не может прожить без многих врагов.

Был Юрий милостив безмерно, помня слово господа: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут». Поэтому он не дорожил своим имуществом, раздавая его нуждающимся; он строил церкви, украшая их иконами бесценными и книгами, и много городов основал, прежде всего Новгород второй на Волге в устье Оки, и многие церкви воздвиг, и монастырь святой Богородицы в Новгороде. Особенно же почитал он иноков и священников, наделяя их всем необходимым. Поэтому и бог внимал его прошениям, исполнив дни его

благоденствием. И сидел Юрий во Владимире на отеческом престоле двадцать четыре года, а на двадцать пятый год был убит безбожными и погаными татарами. И все это произошло из-за наших грехов.

Но не погуби нас, господи, до конца ради твоего святого имени и не лишай нас своей милости ради молитвы святой богородицы и блаженного епископа Кирилла. Не презрел господь молитв и слез князя Юрия, что приносил он господу, молясь днем и ночью, чтобы не оскудела правоверная вера христианская. Так и случилось: господь послал нам великое спасение ради нашего князя, избавил нас бог от врагов наших; «ведь очи господа обращены к боящимся его, а уши его к их молитве». За князьями гнались татары, но не настигли их. Как и Саул преследовал Давида, но бог спас Давида от его руки, так и этих князей бог спас от руки иноплеменников, благочестивого и правоверного великого князя Ярослава и его благородных сыновей. А было их шесть: Александр, Андрей, Константин, Афанасий, Даниил, Михаил, а Святослав с сыном Дмитрием, Иван Всеволодович, Владимир Константинович, два сына Василька — Борис и Глеб, Василий Всеволодович. И все они были сохранены божьей благодатью; но мы вернемся к прежнему рассказу.

В тот же год татары взяли Переяславль Русский, и епископа убили, и людей перебили, а город сожгли огнем, и, захватив много пленников и добычи, отступили. В тот же год Ярослав пошел к Каменцу; он захватил город Каменец, а княгиню Михаила и большую добычу забрал с собой. В тот же год освящена была великим освящением церковь Бориса и Глеба в Кидекше в праздник Бориса и Глеба священным епископом Кириллом. В том же году татары взяли Чернигов, князья же оттуда выехали в Венгрию, а город татары сожгли, и людей перебили, и монастыри разграбили, а епископа Порфирия отпустили в Глухове; а сами вернулись в станы свои. В тот же год Ярослав выступил в поход из Смоленска против литвы, и победил литву, а князя их взял в плен; уладив дела со смольнянами, он посадил у них князем Всеволода, а сам с большой добычей и с великой славой вернулся в свои земли. В тот же год зимой захватили татары Мордовскую землю, и Муром сожгли, и воевали по Клязьме, и город святой богородицы Гороховец сожгли, а затем вернулись в станы свои. Тогда было смятение ве-

ликое по всей земле, и сами люди не знали, кто куда бежит.

В год 6748 (1240). У Ярослава родилась дочь и была названа при святом крещении Марией. В тот же год взяли татары Киев и храм святой Софии разграбили и монастыри все. И иконы, и честные кресты взяли, и церковные украшения забрали, и всех людей от мала до велика поубивали мечами. А случилось это несчастье в николин день до рождества господа.

В год 6749 (1241). У Ярослава родился сын и был назван при святом крещении Василием. В тот же год татары победили венгров. В тот же год татары убили Мстислава Рыльского.

Из Тверской летописи

Повесть о битве на Калке, и о князьях русских, и о семидесяти богатырях. В год 6732 (1223). Из-за грехов наших пришли народы неизвестные, безбожные моавитяне, о которых никто точно не знает, кто они, и откуда пришли, и каков их язык, и какого они племени, и какой веры. И называют их татарами, а иные говорят — таурмены, а другие — печенеги. Некоторые говорят, что это те народы, о которых Мефодий, епископ Патарский, сообщает, что они вышли из пустыни Етриевской, находящейся между востоком и севером. Ибо Мефодий говорит так: «К скончанию времен появятся те, которых загнал Геден, и, выйдя оттуда, пленят всю землю от востока до Евфрата и от Тигра до Понтийского моря, кроме Эфиопии». Один бог знает, кто они и откуда пришли, о них хорошо известно премудрым людям, которые разбираются в книгах. Мы же не знаем, кто они такие, а написали здесь о них на память о бедах, которые они принесли, и русских князьях.

Но все это случилось не из-за татар, а из-за гордости и высокомерия русских князей допустил бог такое. Ведь много было князей храбрых, и надменных, и похваляющихся своей храбростью. И была у них многочисленная и храбрая дружина, и они хвалились ею; из дружины вспомним здесь об одном, найдя рассказ о нем.

Среди жителей Ростова был некто Александр по прозвищу Попович, и был у него слуга по имени Тороп; а служил этот Александр великому князю Всеволоду

Юрьевичу. А когда великий князь Всеволод отдал город Ростов сыну своему князю Константину, тогда и Александр начал служить Константину. После смерти великого князя Всеволода Константин не захотел княжить во Владимире, но пожелал жить близ чудотворцев и церкви пречистой Богородицы в Ростове. Поэтому и захотел присоединить он Владимир к Ростову, а не Ростов к Владимиру и замыслил, чтоб здесь был стол великокняжеский; но не допустила этого пречистая богородица. И завещал великий князь Всеволод престол свой следующему после Константина сыну своему Юрию. Тогда Константин разгневался на брата из-за его княжества, а великий князь Юрий начал войну против Константина, желая выгнать его из Ростова; но не допустил этого господь.

Когда Юрий пришел на брата с войском, Константин ушел в Кострому и сжег ее. Князь великий Юрий стоял в Пужбале под Ростовом, а войско его находилось в двух верстах от Ростова на реке Ишне, и была для них река Ишна как крепкая стена. Тогда Александр вышел из города и перебил многих людей великого князя Юрия. А кости их собраны в большие могилы, которые и ныне есть на реке Ишне, а также по другую сторону реки Усии: ведь с князем Юрием много пришло людей. А другие перебиты были Александром под Угодичами, на реке Узе, потому что богатыри Александра, делая вылазки с различных сторон, обороняли молитвами пречистой богородицы город Ростов. Так великий князь Юрий многократно приходил во владения брата, но возвращался посрамленный.

Однажды вышел против него Константин из Ростова и вступил в бой с Юрием на реке Гзе, и здесь Константин победил молитвами пречистой богородицы, своей правдою и с богатырями Александром и его слугой Торопом; здесь же был и Тимоня Золотой Пояс. А у великого князя убили тут храброго Юрята, о чем сильно горевал великий князь Юрий; но, побежденный братом, помирился с ним. А затем на Ярослава Переяславского пришел Мстислав Мстиславич, тесть его, и другие князья, и привлекли они на свою сторону Константина, а на стороне Ярослава выступил великий князь Юрий, брат его. И был у них бой на Липицах и на Юрьевой горе, и здесь все полки великого князя Юрия погибли. В числе их был убит храбрый и безрассудный боярин Ратибор, который хвастался,

что закидает противников седлами. Победив князя Юрия, посадили на престол во Владимире Константина. Константин был великим князем два года и затем вновь отдал престол брату Георгию, детям отдал Ростов и Ярославль, а сам скончался.

Когда Александр увидел, что его князь умер, а на престол взошел Юрий, он стал бояться за свою жизнь, как бы великий князь не отомстил ему за Юряту, и Ратибора, и многих других из его дружины, которых перебил Александр. Быстро сообразив все это, посылает он своего слугу к богатырям, которых он знал и которые были в то время поблизости, и призывает их к себе в город, устроенный под Гремячим колодезем на реке Гзе,— а теперь это укрепление запустело. Собравшись здесь, богатыри решили, что если они будут служить князьям в разных княжествах, то они поневоле перебьют друг друга, поскольку между князьями на Руси постоянные раздоры и частые сражения. И тогда договор они положили служить одному великому князю в матери всех городов Киеве. А был тогда великим князем в Киеве храбрый Мстислав, сын Романа Смоленского, а [в Смоленске] Владимир Рюрикович (оба внуки князя Ростислава), а Мстислав Мстиславич в это время был в Галиче. Били челом все эти богатыри великому князю Мстиславу Романовичу, и князь великий очень гордился и хвалился ими, пока не приключилось то несчастье, о котором пойдет речь.

Начали приходить слухи, что эти безбожные татары пленили многие страны: ясов, обезов, касогов, уничтожили множество безбожных половцев и пришли в Половецкую землю. Половцы же, не в силах сопротивляться, бежали, и татары многих избили, а других преследовали вдоль Дона до залива, и там они убиты были гневом Божиим и его пречистой матери. Ведь эти оканные половцы сотворили много зла Русской земле. Поэтому всемилостивый бог хотел погубить безбожных сынов Измаила, куманов, чтобы отомстить за кровь христианскую; что и случилось с ними. Ведь эти таурмены прошли всю землю Куманскую и преследовали половцев до реки Днепра около Руси.

И прибежали оканные половцы к месту, которое называется Половецкий вал, остаток их: Котян, князь половецкий, с другими князьями; а Даниил Кобякович вместе с Юрием Кончаковичем были убиты. Этот Ко-

тян был тесть князя Мстислава Мстиславича Галицкого, и пришел он с князьями половецкими в Галич с поклоном к своему зятю Мстиславу и ко всем князьям русским. И принес он многие дары — коней, и верблюдов, и буйволов, и невольниц и, кланяясь, одарил всех русских князей, говоря: «Сегодня нашу землю отняли, а вашу завтра придут и возьмут, и поэтому помоги нам». Умолял Котян зятя своего Мстислава; а князь Мстислав послал к своим братьям, князьям русским, за помощью, говоря так: «Поможем половцам; если мы им не поможем, то они перейдут на сторону татар, и у тех будет больше силы, и нам хуже будет от них». Долго они советовались, и, уступив просьбам и мольбам половецких князей, решили пойти на помощь Котяну.

И начали князья собирать воинов каждый в своей области: великий князь Мстислав Романович Киевский, внук Ростислава, и Мстислав Святославич Козельский, внук Всеволода Черниговского, и Мстислав Мстиславич Галицкий — эти старшие князья в Русской земле; а с ними и младшие князья: Даниил Романович, внук Мстислава, и князь Михаил Всеволодович Черниговский, и князь Всеволод Мстиславич, сын киевского князя, и многие другие князья. Когда все князья собрались на совет в Киеве, они послали во Владимир к великому князю Юрию Всеволодовичу за помощью; а он отправил к ним Василька Ростовского. Посоветовавшись, князья решили встретить врага на чужой земле (тогда же крестился половецкий князь Бастый) и, собрав всех русских воинов, выступили в поход против татар. Когда они пришли к Днепру на Заруб, к острову Варяжскому, услышали татары, что русские князья идут против них, и прислали своих послов, говоря: «Слышали мы, что идете вы против нас, послушавшись половцев. А мы вашей земли не занимали, ни городов ваших, ни сел ваших, и пришли не на вас. Но пришли мы, посланные богом, на конюхов и холопов своих, на поганных половцев, а вы заключите с нами мир. И если прибегут половцы к вам, вы не принимайте их, и прогоняйте от себя, а добро их берите себе. Ведь мы слышали, что и вам они много зла приносят, поэтому мы их также бьем». Князья же русские не стали слушать этого, но послов татарских перебили, а сами пошли против татар. Не доходя до Олешья, остановились они на Днепре.

И прислали татары вторично послов, говоря: «Если вы послушались половцев, послов наших перебили и идете против нас, то идите. А мы вас не трогали, и пусть рассудит нас бог». Князя отпустили этих послов. И пришли к Олешью все половцы со своими князьями. Тогда князь Мстислав Мстиславич Галицкий с тысячью воинов перешел Днепр вброд, ударил по татарским сторожевым полкам и победил их. А оставшиеся татары убежали на курган Половецкий с воеводой Гемябеком, и не было им здесь помощи. И зарыли они своего воеводу Гемябека живым в землю, желая его уберечь. Но здесь его нашли половцы и, выпросив его у князя Мстислава, убили. Услышав это, князя русские стали переправляться через Днепр на множестве ладей: великий князь Мстислав Романович с киевлянами, Владимир Рюрикович со смолянами, черниговские князья, галичане, и волынцы, и куряне, и трубчане, и путивличы, все земли русские, все князья и множество воинов. А выгнанные галичане спустились на ладьях по Днестру в море, и была у них тысяча ладей. Из моря вышли они в Днепр и, пройдя пороги, остановились у реки Хортицы на броне у Протоочи; а воеводой у них был Юрий Домамерич, а другим воеводой Держикрай Володиславич.

Пришла весть русским, что пришли татары осматривать русские полки; тогда Даниил Романович и другие князья сели на коней и погнались, чтобы увидеть татарские войска. И, увидев их, послали к великому князю Мстиславу Романовичу, призывая: «Мстислав и другой Мстислав! Не стойте, пойдем против них». И вышли в поле, и встретились с татарами, и тут русские стрелки погнали их далеко в поле, рубя их, взяли их скот, и вернулись назад со стадами. И оттуда шли русские полки за ними восемь дней до реки Калки и отправили со сторожевым отрядом Яруна с половцами, а сами разбили здесь лагерь. И здесь они встретились с татарскими дозорами, и убили татары Ивана Дмитриевича и с ним еще двоих; а татары повернулись назад. Князь же Мстислав Мстиславич Галицкий повелел Даниилу Романовичу перейти реку Калку с полками, а сам отправился вслед за ними; переправившись, стали они станом. Тогда Мстислав сам поехал в дозор, и, увидев татарские полки, вернулся, и повелел воинам своим вооружаться. А оба Мстислава оставались в стане, не зная об этом: Мстислав Га-

лицкий не сказал им ничего из зависти, ибо между ними была великая распря.

И так встретились полки, а выехали вперед против татар Даниил Романович, и Семен Олюевич, и Василько Гаврилович. Тут Василька поразили копьем, а Даниил был ранен в грудь, но он не ощутил раны из-за смелости и мужества; ведь он был молод, восемнадцати лет, но силен был в сражении и мужественно побивал татар со своим полком. Мстислав Немой также вступил в бой с татарами, и был он разъярен, когда увидел, что Даниила ранили копьем. Был ведь Даниил родственником его отца, и Мстислав очень любил его и завещал ему свои владения. Также и Олег Курский мужественно сражался; также и Ярун с половцами подоспел и напал на татар, желая с ними сразиться. Но вскоре половцы обратились в бегство, ничего не достигнув, и во время бегства потоптали станы русских князей. А князья не успели отбиться от них; и пришли в смятение русские полки, и было сражение гибельным, грехов наших ради. И были побеждены русские князья, и не бывало такого от начала Русской земли.

Князь же великий Мстислав Романович Киевский, внук Ростислава, правнук Мстислава, который был сыном Владимира Мономаха, и князь Андрей, зять Мстислава, и Александр Дубровский, видя это несчастье, никуда не двинулись с места. Разбили они стан на горе над рекой Калкой, так как место было каменистое, и устроили они ограду из кольев. И сражались из-за этой ограды с татарами три дня. А татары наступали на русских князей и преследовали их, избивая, до Днепра. А около ограды остались два воеводы, Чегирхан и Тешухан, против Мстислава Романовича, и его зятя Андрея, и Александра Дубровского; с Мстиславом были только эти два князя. Были вместе с татарами и бродники, а воеводой у них Плоския. Этот окаянный воевода целовал крест великому князю Мстиславу, и двум другим князьям, и всем, кто был с ними, что татары не убьют их, а возьмут за них выкуп, но солгал окаянный: передал их, связав, татарам. Татары взяли укрепление и людей перебили, все легли они здесь костью. А князей придавили, положив их под доски, а татары наверху сели обедать; и так испустили дух князья и жизнь свою скончали.

А других князей, которых татары преследовали до Днепра, было убито шесть: князь Святослав Каневский,

Изяслав Ингваревич, Святослав Шумский, Мстислав Черниговский с сыном, Юрий Несвижский, а из воинов только десятый вернулся домой. И Александр Попович тут был убит вместе с другими семьюдесятью богатырями. Князь же Мстислав Мстиславич Галицкий раньше всех переправился через Днепр, велел сжечь лады, а другие оттолкнуть от берега, боясь погони; а сам он едва убежал в Галич. А Владимир Рюрикович, племянник Романа, внук Ростислава Мстиславича, сел на престоле в Киеве месяца июня в шестнадцатый день.

А случилось это несчастье месяца мая в тридцатый день, на память святого мученика Ермия. Только десятая часть войска вернулась домой, а у некоторых половцы отняли коня, а у других одежду. Так за грехи наши бог отнял у нас разум и погибло бесчисленное множество людей. Татары же гнались за русскими до Новгорода-Святополча. Христиане, не зная коварства татар, выходили им навстречу с крестами, и все были избиты. Говорили, что одних киевлян погибло тогда тридцать тысяч.

И был плач и вопль по всем городам и селам. Татары же повернули назад от реки Днепра, и мы не знаем, откуда они пришли и куда исчезли. Один только бог знает, откуда он привел их за наши грехи, и за похвальбу, и высокомерие великого князя Мстислава Романовича. Говорят, что, когда распространился слух про этих татар, что завоевывают они многие земли и приближаются к русским пределам, великому князю сказали о них; а он ответил: «Доколе я в Киеве — по эту сторону Яика, и Понтийского моря, и реки Дуная сабле не махать».

А Василька Константиновича, который пришел на помощь с войсками к Чернигову, тогда сохранил бог. И услышав о несчастье, случившемся на Руси, он возвратился в свой Ростов, сохранный богом. <...>

В год 6745 (1237). <...> О пленении Русской земли Батыем. Стало известно в восточных странах среди потомков Измаила, сына Агаря, рабыни Авраама, что бог смирил Русскую землю нашествием безбожных иноплеменников, таурмен. Распространились слухи о поражении русских князей на Калке, и стало известно о гибели семидесяти двух богатырей, и о междоусобных войнах в Русской земле, и о голоде, и о великом море, и об оскудении русских войск, и о ссорах

между братьями, и вообще обо всех бедах Русской земли. Особенно же обнаружилась греховная злоба, и дошел вопль греховный до ушей господина Саваофа. Поэтому он напустил на нашу землю такое пагубное наказание. Не отмыли мы еще кровь после битвы на Калке, и снова народились люди после великого мора по всей земле, кроме Киева. А киевляне погибли костью на Калке с великим князем Мстиславом Романовичем, и с другими десятью князьями, и с семьюдесятью двумя богатырями; новгородцы же частью умерли голодной смертью, а живые разошлись по чужим землям; так же и Смоленск, и все другие города постигла такая же смерть, и вскоре опустели они. От битвы на Калке до землетрясения прошло немного времени — восемь лет, и тогда случился голод, а от землетрясения до нашествия Батыя прошло восемь лет. Поэтому не разбогатела наша земля, но, напротив, еще более оскудела.

Мы же приложим к повести рассказ о тех, кого бог спас при Калке, — о великом князе Юрии Всеволодовиче, и брате его Ярославe, и племяннике их Васильке Константиновиче Ростовском, также и о людях, оставшихся после мора, и расскажем, как они не избегли смерти, постигшей всю Русскую землю. Узнали безбожные татары о таком уничтожении русских и о великом богатстве, собранном за многие годы, и двинулись они из восточных стран, и пленили сначала Булгарскую землю. А в третий год пришло их на Русскую землю бесчисленное множество — как саранча, пожирающая траву, так и эти сыроядцы христианский род истребляли.

В год 6746 (1237). Окаянные татары зимовали около Черного леса и отсюда пришли тайком лесами на Рязанскую землю во главе с царем их Батыем. И сначала пришли и остановились у Нузы, и взяли ее, и стали здесь станом. И оттуда послали своих послов, женщину-чародейку и двух татар с ней, к князьям рязанским в Рязань, требуя у них десятой части: каждого десятого из князей, десятого из людей и из коней: десятого из белых коней, десятого из вороных, десятого из бурых, десятого из пегих, и десятой части от всего. Князья же рязанские, Юрий Ингваревич, и братья его Олег и Роман Ингваревичи, и муромские князья, и пронские решили сражаться с ними, не пуская их в свою землю. Вышли они против татар на Воронеж и

так ответили послам Батые: «Когда нас всех не будет в живых, то все это ваше будет». Потом они послали к великому князю Юрию Всеволодовичу во Владимир, и тогда отпустили татарских послов от Воронежа. А к великому князю Юрию во Владимир послали рязанские князья своих послов, прося помощи, или чтобы сам пришел вместе постоять за землю Русскую. Но великий князь Юрий не внял мольбе рязанских князей, сам не пошел и не прислал помощи; хотел он сам по себе биться с татарами. Но гневу божьему уже невозможно было противиться, как в древности сказано было господом Иисусу Навину; когда господь вел иудеев в землю обетованную, тогда он сказал: «Я пошлю сначала на них недомыслие, и грозу, и страх, и трепет». Так и у нас господь отнял сначала силы, а за наши грехи послал на нас грозу, и страх, и трепет, и недомыслие.

Поганые же татары начали завоевывать землю Рязанскую, и месяца декабря в шестнадцатый день, на память святого пророка Аггея, осадили Рязань и огородили ее острогом. Князь же Юрий Рязанский заперся в городе с жителями, а князь Роман отступил к Коломне со своими людьми. И взяли татары приступом город двадцать первого декабря, на память святой мученицы Ульяны, убили князя Юрия Ингваревича и его княгиню, а людей умертвили — одних огнем, а других мечом, мужчин, и женщин, и детей, и монахов, и монахинь, и священников; и было бесчестие монахиням, и попадьям, и добрым женам, и девицам перед матерями и сестрами. Только епископа сохранил бог, он уехал в то время, когда татары окружили город. И, перебив людей, а иных забрав в плен, татары зажгли город. И кто, братья, из нас, оставшихся в живых, не оплачет того, какая горькая и мучительная смерть их постигла! И мы, видя это, должны устрашиться и оплакивать свои грехи с покаянием денно и нощно; а мы поступаем по-другому, заботимся о своем имуществе и ненавидим братьев. Но вернемся к прежнему рассказу. Великий князь Юрий Всеволодович Владимирский послал передовое войско с воеводой Еремеем, и оно соединилось с Романом Ингваревичем. А татары, захватив Рязань, пошли к Коломне, и здесь вышли против них сын великого князя Юрия Всеволодовича Владимирского и Роман Ингваревич со своими людьми. Окружили их татары, и произошло сражение, и бились

ожесточенно, и оттеснили русских к городским укреплениям, и убили здесь князя Романа Ингваревича и Еремея Глебовича, воеводу Всеволода, и убито было с князем и с Еремеем много народа; а москвичи обратились в бегство, ничего не видя кругом. А Всеволод Юрьевич с остатками войска убежал во Владимир. А татары пошли и захватили Москву, а князя Владимира, сына великого князя Юрия, взяли в плен. И пошли в несметной силе, проливая кровь христианскую, к Владимиру.

Услышав об этом, великий князь Юрий оставил вместо себя во Владимире сыновей своих Всеволода и Мстислава, а сам пошел к Ярославлю и оттуда за Волгу, а с ним пошли племянники Василько и Всеволод и Владимир Константиновичи, и, придя, остановился Юрий на реке Сити, ожидая на помощь братьев Ярослава и Святослава. А во Владимире заперся его сын Всеволод с матерью, и с епископом, и с братом, и со всеми людьми своего владения.

Беззаконные же татары пришли к Владимиру месяца февраля в третий день, на память святого Симеона-богоприимца, во вторник мясопустной недели. Привели они с собой Владимира Юрьевича к Золотым воротам, спрашивая: «Узнаете ли княжича вашего?» Братья его, воевода Ослядюкович и все люди проливали обильные слезы, видя горькие мучения князя. Татары же отошли от городских ворот, объехали город, а затем разбили лагерь на видимом расстоянии перед Золотыми воротами. Всеволод и Мстислав Юрьевичи хотели выйти из города против татар, но Петр-воевода запретил им сражаться, сказав: «Нет мужества, и разума, и силы против божьего наказания за наши грехи».

А татары пошли, и взяли Суздаль, и вернулись к Владимиру в пятницу перед мясопустом. Утром же в субботу мясопустную, седьмого февраля, на память святого отца Парфения, начали татары готовить войско и ночью окружили тыном весь город. Утром увидели князя Всеволода и Мстислава и епископ Митрофан, что город будет взят, и, не надеясь ни на чью помощь, вошли они все в церковь святой Богородицы и начали каяться в своих грехах. А тех из них, кто хотел принять схиму, епископ Митрофан постриг всех: князей, и княгиню Юрия, и дочь его, и сноху, и благочестивых мужчин и женщин. А татары начали готовить пороки, и подступили к городу, и проломли городскую стену,

заполнили ров наломанными ветками и так по примету вошли в город; так от Лыбеди вошли они в Иринины ворота, а от Клязьмы в Медные и Волжские ворота, и так взяли город и подожгли его. Увидели князя, и епископ, и княгини, что зажжен город и люди умирают в огне, а других рубят мечами, и бежали князя в Средний город. А епископ, и княгиня со снохами, и с дочерью, княжной Феодорой, и с внучатами, другие княгини, и боярыни, и многие люди вбежали в церковь святой Богородицы и заперлись на хорах. А татары взяли и Средний город, и выбили двери церкви, и собрали много дров, обложили церковь дровами и подожгли. И все бывшие там задохнулись, и так предали души свои в руки господя; а других князей и людей татары порубили.

И оттуда рассеялись татары по всей земле Владимирской, одни пошли к Ростову, иные погнались за великим князем в Ярославль и к Городцу, и пленили все города по Волге до самого Галича Мерьского; а иные пошли к Юрьеву, и к Переяславлю, и к Дмитрову, и взяли эти города; а еще иные пошли, и взяли Тверь, и убили в ней сына Ярослава. И все города захватили в Ростовской и Суздальской земле за один февраль месяц, и нет места вплоть до Торжка, где бы они не были.

На исходе февраля месяца пришла весть к великому князю Юрию, находящемуся на реке Сити: «Владимир взят и все, что там было, захвачено, перебиты все люди, и епископ, и княгиня твоя, и сыновья, и снохи, а Батый идет к тебе». И был князь Юрий в столь великом горе от церковного разорения и гибели христиан, что даже себя не помнил. И послал он на разведку Дорожа с тремя тысячами воинов узнать о татарах. Он же вскоре прибежал назад и сказал: «Господин, князь, уже обошли нас татары». Тогда князь Юрий с братом Святославом и со своими племянниками Васильком, и Всеволодом, и Владимиром, исполнив полки, пошли навстречу татарам, и каждый поставил полки, но ничего не смогли сделать. Татары пришли к ним на Сить, и была жестокая битва, и победили русских князей. Здесь был убит великий князь Юрий Всеволодович, внук Юрия Долгорукого, сына Владимира Мономаха, и убиты были многие всchnы его.

А Василька Константиновича Ростовского татары взяли

в плен и вели его до Шерньского леса, принуждая его жить по их обычаю и воевать на их стороне. Но он не покорился им и не принимал пищи из рук их, но много хульных слов изрек на их царя и всех их. Они же, жестоко мучив его, умертвили четвертого марта, в средину Великого поста, и бросили его тело в лесу. Видев это, некая женщина поведала мужу богобоязненному, и тот взял тело князя, завернул его в плащаницу и положил в тайное место.

Татары, вернувшись от Владимира, взяли, как я сказал уже, Переяславль, и Москву, и Юрьев, и Дмитров, и Волок, и Тверь, а затем подошли к Торжку в первую неделю поста, месяца февраля в двадцать второй день, на обретение мощей святых мучеников в Евгении. И окружили они весь город тыном, так же как и другие города брали, и осаждали окаянные город две недели. Изнемогли люди в городе, а из Новгорода им не было помощи, потому что все были в недоумении и в страхе. И так поганые взяли город, убив всех — и мужчин и женщин, всех священников и монахов. Все разграблено и поругано, и в горькой и несчастной смерти предали свои души в руки господя месяца марта в пятый день, на память святого Конона, в среду четвертой недели поста. И были здесь убиты: Иванко, посадник новоторжский, Аким Влункович, Глеб Борисович, Михаил Монсеевич. А за прочими людьми гнались безбожные татары Селигерским путем до Игнатьева креста и секли всех людей, как траву, и не дошли до Новгорода всего сто верст. Новгород же сохранил бог, и святая и великая соборная и апостольская церковь Софии, и святой преподобный Кирилл, и молитвы святых правоверных архиепископов, и благоверных князей, и преподобных монахов иерейского чина.

Кто, братья, и отцы, и дети, не восплачет, видя такое божье наказание всей Русской земле? За грехи наши бог напустил на нас поганых; ведь бог, в гнев своем, приводит иноплеменников на землю, чтобы побежденные ими люди обратились к нему; а междоусобные войны бывают из-за наваждения дьявола. Ведь бог хочет не зла, но добра людям; а дьявол радуется жестокому убийству и кровопролитию. А если какая-нибудь земля согрешит, бог наказывает ее смертью, или голодом, или нашествием поганых, или засухой, или сильным дождем, или пожаром, или иными наказания-

ми; и нужно нам покаяться и жить, как велит бог, который говорит нам устами пророка: «Обратитесь ко мне всем вашим сердцем, с постом, и плачем, и στε-наннем». Если так сделаем, простятся нам все грехи. Но мы возвращаемся к злодеяниям, как псы на свою блевотину, и как свинья постоянно валяется в греховных нечистотах, так и мы живем. Поэтому и наказание приемлем от бога — нашествие поганных, по повелению бога, за наши грехи. Кирилл же, епископ ростовский, в то время был на Белоозере, и когда он шел оттуда, то пришел на Сить, где погиб великий князь Юрий, а как он погиб, знает лишь бог — различно рассказывают об этом. Епископ Кирилл нашел тело князя, а головы его не нашел среди множества трупов; и принес он тело Юрия в Ростов, и положил его со многими слезами в церкви святой Богородицы. А потом, узнав о судьбе Василька, пошел и взял его тело, и принес в Ростов, горько рыдая.

Был же Василько лицом красив, очами светел, грозен взглядом, необыкновенно храбр, а сердцем легок; но, как говорит Соломон, «когда слабеют люди, побеждается и сильный». Так случилось и с этим храбрым князем и войском его; ведь ему служило много богатырей, но что они могут против саранчи? А из тех, кто служил ему и уцелел в сражении, кто ел его хлеб и пил из его чаши, никто не мог из-за преданности Васильку после его смерти служить другому князю. Василько также щедро наделял убогих и церковнослужителей. А позднее пришли и нашли голову князя Юрия, и привезли ее в Ростов, и положили в гроб вместе с телом.

Батый оттуда пошел к Козельску. Был в Козельске князь юный по имени Василий. Жители Козельска, посоветовавшись между собой, решили сами не сдаваться поганым, но сложить головы свои за христианскую веру. Татары же пришли и осадили Козельск, как и другие города, и начали бить из пороков, и, пробив стену, вошли на вал. И произошло здесь жестокое сражение, так что горожане резались с татарами на ножах; а другие вышли из ворот и напали на татарские полки, так что перебили четыре тысячи татар. Когда Батый взял город, он убил всех, даже детей. А что случилось с князем их Василием — неизвестно; некоторые говорили, что в крови утонул. И повелел Батый с тех пор называть город не Козельском, но

злым городом; ведь здесь погибло три сына темников, и не нашли их среди множества мертвых.

Оттуда пошел Батый в Поле, в Половецкую землю. Бог тогда избавил от нашествия поганых князя Ярослава, сына великого князя Всеволода, и его сыновей: Александра, Андрея, Константина, Афанасия, Даниила, Михаила, а также братьев Ярослава: Святослава Всеволодовича Юрьевского с сыном Дмитрием, Иоанна Всеволодовича, и Владимира Константиновича, и двух сыновей Василька — Бориса и Глеба, и Василия Всеволодовича. А Ярослав после того нашествия пришел и сел на престол во Владимире, очистил церковь от трупов и похоронил останки умерших, а оставшихся в живых собрал и утешил; и отдал брату Святославу Суздаль, а Ивану — Стародуб.

Княжение великого князя Ярослава Всеволодовича. В год 6747 (1239). Великий князь Ярослав Всеволодович велел принести тело своего брата, великого князя Юрия, из Ростова во Владимир. В тот же год великий князь Ярослав ходил в поход на литву, обороняя смолян; и посадил у них на престоле своего шурина Всеволода Мстиславича, внука Романа Мстиславича. В тот же год женился князь Александр Ярославич, княживший в Новгороде, взял дочь полоцкого князя Брючислава. Венчался он в Торопце и здесь сыграл свадьбу, а в Новгороде — еще раз. В тот же год Александр Ярославич с новгородцами основал Городец на Шелони. В тот же год Батый послал татар, и они взяли город Переяславль Русский, а епископа Симеона убили. Этот Симеон был девятым и последним епископом в Переяславле; а первым епископом в Переяславле был Петр, вторым Ефрем, третьим Лазарь, четвертым Сильвестр, пятым Иоанн, шестым Маркел, седьмым Евфимий, восьмым Павел, девятым Симеон, который и был последним; с тех пор до нынешнего времени без пяти лет триста в Переяславле не было епископа, да и людей нет в городе. А других татар Батый послал к Чернигову. Мстислав Глебович, внук Святослава Ольговича, услышав об этом, пришел на татар с большим войском к Чернигову, и произошла жестокая битва. Из города на татар метали пороками камни на полтора выстрела, а камни могли поднять только два человека. Но татары все же победили Мсти-

слава, и многих воинов избили, а город взяли и огнем запалили, но епископа их довели до Глухова и отпустили. А другие татары Батыея пленили Мордовскую землю, и Муром, и Городец Радилов на Волге, и город святой Богородицы Владимирской. И было большое смятение по всей земле, и сами люди не знали, кто куда бежит.

Княжение великого князя Михаила Киевского. В год 6748 (1240). Батый послал Менгухана осмотреть Киев. Пришел он и остановился у городка Песочного и, увидев Киев, был поражен его красотой и величиной; отправил он послов к князю Михаилу Всеволодовичу Черниговскому, желая его обмануть. Но князь Михаил послов убил, а сам убежал из Киева вслед за сыном в Венгерскую землю; а в Киеве взошел на престол Ростислав Мстиславич, внук Давыда Смоленского. Но Даниил Романович, внук Мстислава Изяславича, выступил против Ростислава и взял его в плен; а Киев поручил оборонять против безбожных татар своему посаднику Дмитрию. В это время пришел к Киеву сам безбожный Батый со всей своей силой. Киевляне же взяли в плен татарина по имени Товрул, и сообщил он обо всех князьях, пришедших с Батыем, и о войске их; и были там братья Батыея, воеводы его: Урдюй, Байдар, Бичур, Кайдан, Бечак, Менгу, Куюк (он не был из рода Батыея, но был у него первым воеводой), Себедяй-богатырь, Бурундай, Бастырь, который пленил всю землю Булгарскую и Суздальскую, и много было других воевод, о которых мы не написали. И начал Батый ставить пороки, и били они в стену безостановочно, днем и ночью, и пробили стену у Лядских ворот. В проломе горожане ожесточенно сражались, но были побеждены, а Дмитрий был ранен. И вошли татары на стену, и от большой тяжести стены упали, горожане же в ту же ночь построили другие стены вокруг церкви святой Богородицы. Утром татары пошли на приступ, и была сеча кровопролитной; народ спасался на церковных сводах со своим добром, и от тяжести стены обрушились. Взяли татары город шестого декабря, на память отца нашего святого Николы, в год 6749 (1240). А Дмитрия, который был тяжело ранен, не убили из-за его мужества. Взял Батый город Киев, и, услышав, что великий

князь Даниил Романович находится в Венгрии, пошел он к Владимиру на Русь. В ту же зиму родился у великого князя Ярослава сын Василий.

Пленение Волынской земли. В тот же год 6749 (1240) подошел Батый к городу Лодяжну и бил город из двенадцати пороков, но не смог его взять; и пришел к Каменцу Изяслава и взял его; а Кременец князя Даниила не смог взять. Потом пошел он и захватил Владимир Русский на реке Буг; взял также Галич и пленил бесчисленные города. Затем по совету Дмитрия двинулся он против венгров, и встретил его король Бела и Коломан около Солоной реки, на которой находятся волынские города: Изборско, великий Львов, Велин. На этой реке произошел бой, и Батый победил, и венгры обратились в бегство, а Батый гнал их до Дуная. И оставался здесь Батый три года, и разорял земли до Володавы, а затем возвратился в степь, пленив все земли. В тот же год убили татары князя Мстислава Рыльского, город которого на реке Сейме.

ПОВЕСТЬ О РАЗОРЕНИИ РЯЗАНИ БАТЫЕМ

Древнерусский текст

Въ лѣто 6745. Въ фторое на десят лѣто по принесении чюдотворнаго образа Николина ис Корсуня. Прииде безбожный царь Батый на Русскую землю со множество вой татарскими, и ста на рѣце на Воронеже близ Резанския земли. И присла на Резань к великому князю Юрью Ингоревичю Резанскому послы бездѣльны, просяща десятины въ всем: во князех и во всяких людех, и во всем. И услыша великий князь Юрьи Ингоревич Резанский приход безбожнаго царя Батыя, и воскорѣ посла въ град Владимир к благовѣрному к великому князю Георгию Всеволодовичю Владимирскому, прося помощи у него на безбожнаго царя Батыя, или бы сам пошел. Князь великий Георгий Всеволодович Владимирской сам не пошел и на помощь не послал, хотя особе сам сотворити брань з Батыем. И услыша великий князь Юрьи Ингоревич Резанский, что нѣсть ему помощи от великаго князя Георгія Всеволодовича Владимирскаго, и вскоре посла по братью свою по князя Давида Ингоревича Муромскаго, и по князя Глѣба Ингоревича Коломенскаго, и по князя Олга Краснаго, и по Слеваде Проньскаго, и по прочии князи. И начаша совещевати, яко нечестиваго подобает утолати дары. И посла сына своего князя Федора Юрьевича Резань-

скаго к безбожному царю Батыю з дары и молении великими, чтобы не воевал Резанския земли. Князь Федоръ Юрьевич прииде на реку на Воронеже к царю Батыю, и принесе ему дары и молн царя, чтобы не воевал Резанския земли. Безбожный царь Батый, лстив бо и немилосердъ, приа дары, охалися лестию не воевати Резанския земли. И яряся-хваляся воевати Русскую землю. И нача просити у рязаньских князей тщери или сестры собѣ на ложе. И нѣкий от велмож резанских завистию насочи безбожному царю Батыю на князя Федора Юрьевича Резанскаго, яко имѣет у собе княгиню от царьска рода, и лѣпотою-тѣлом красна бѣ зело. Царь Батый лукав естъ и немилостивъ в невѣрии своем, пореваем в похоти плоти своея, и рече князю Федору Юрьевичю: «Дай мнѣ, княже, вѣдети жены твоей красоту». Благовѣрный князь Федор Юрьевич Резанской и посмѣяся, и рече царю: «Не полезно бо естъ нам християном тобѣ нечестивому царю водити жены своя на блуд. Аще нас приодолѣеши, то и женами нашими владѣти начнеши». Безбожный царь Батый возярился и огорчился, и повелѣ вскорѣ убити благовѣрнаго князя Федора Юрьевича, а тѣло его повелѣ поврещи зверем и птицам на разтерзание; и инех князей, нарочитых людей воиньских побилѣ.

И единъ от пѣстун князя Федора Юрьевича укрыся именем Апоника, зря на блаженое тѣло честнаго своего господина горко плачущися, и видя его ни ким брегома, и взя возлюбленаго своего государя, и тайно сохрани его. И ускори к благовѣрной княгине Еупраксѣ, и сказа ей, яко нечестивый царь Батый убий благовѣрнаго князя Федора Юрьевича.

Благовѣрная княгиня Еупраксѣ стоаше в превысоком храме своемъ и держа любезное чадо свое князя Ивана Федоровича, и услыша таковыя смертоносныя глаголы, и горести исполнены, и абие ринуся из превысокаго храма своего с сыном своим со князем Иваномъ на среду земли, и заразися до смерти. И услыша великий князь Юрьи Ингорович убиеение возлюбленаго сына своего блаженнаго князя Федора, инѣх князей, нарочитых людей много побито от безбожнаго царя, и нача плакатися, и с великою княгинею, и со прочими княгинями, и з братею. И плакашеса весь град на многъ час. И едва отдохнув от великаго того плача и рыданна, и начаша совокупляти воинство свое, и учредиша. Князь великий Юрьи Ингорович, видя братию

свою и боярь своих и воеводе храбрыи мужествены ѣздяше, и воздѣ руцѣ на небо со слезами и рече: «Изми нас от враг наших, боже. И от востающих на нь избави нас, и покрый нас от сонма лукавнующих, и от множества творящих безаконне. Буди путь их тма и ползок». И рече братии своей: «О господня и братиа моа, аще от руки господня благая прияхом, то злая ли не потерпим! Лутче нам смертию живота купити, нежели в поганой воли быти. Се бо я, брат ваш, напред вас изопью чашу смертную за святыа божиа церкви, и за вѣру христьянскую, и за очину отца нашего великаго князя Ингваря Святославича». И поидоша в церковь пресвятыя владычицы богородици честнаго ея Успения. И плакася много пред образом пречистыа богородици и великому чюдотворцу Николе и сродником своим Борису и Глѣбу. И дав последнее целование великой княгини Агреппѣне Ростиславне, и прием благословение от епископа и от всего священнаго собора. И поидоша против нечестиваго царя Батыя, и стретоша его близ придел резанских. И нападоша на нь, и начаша битися крепко и мужественно, и бысть съча зла и ужасна. Мнози бо силнии полки падоша Батыеви. Царь Батый, и видяше, что господство резаньское крѣпко и мужественно бьяшеся, и возбоися. Да противу гнѣву божію хто постоит! А Батыеве бо и силе велице и тяжце, един бьяшеся с тысящей, а два со тмою. Видя князь великий убиение брата своего князя Давида Ингоревича, и воскричаша: «О братие моя милая! князь Давидъ, брат наш, наперед нас чашу испил, а мы ли сея чаши не пьем!» И преседоша с коня на кони, и начаша битися прилѣжно. Мнозиа силныя полки Батыевы проеждяа, храбро и мужественно бьяшеся, яко всѣм полком татарским подивитися крѣпко и мужеству резанскому господству. И едва одолѣша их силныя полки татарскыа. Ту убиен бысть благовѣрный князь велики Георгій Ингоревич, братья его князь Давидъ Ингоревич Муромской, брат его князь Глѣбъ Ингоревич Коломенской, брат их Всеволод Проньской, и многая князи мѣсныа и воеводы крѣпкыа, и воинство: удалцы и резвецы резанскыа. Все равно умроша и едину чашу смертную пиша. Ни один от них возвратися вспять: вси вкупе мертвыи лежаша. Сиа бо наведе богъ грех ради наших.

А князя Олга Ингоревича яша еле жива суца. Царь же, видя свои полки мнози падоша, и нача велми

скръбѣти и ужасатися, видя своя силы татарския множество побѣеныхъ. И начаша воевати Резанскую землю, и веля бити, и съчи, и жещи без милости. И град Прѣнескъ, и град Бѣл, и Ижеславецъ розари до основания, и всѣ люди побиша без милости. И течаше кровь христьянская, яко река сильная, грѣх ради нашихъ.

Царь Батый и видя князя Олга Ингоровича велми красна и храбра, и изнемогаючи от великихъ ран, и хотя его изврачевати от великихъ ран и на свою прелесть возвратити. Князь Олег Ингорович укори царя Батыа, и нарек его безбожна, и врага христьянска. Окаянный Батый и дохну огнем от мерскаго сердца своего, и въскоре повелѣ Олга ножи на части раздробити. Сий бо есть второй страстоположникъ Стефанъ, приа венецъ своего страдания от всемилостиваго бога, и испи чашу смертную своею братею равно.

Царь Баты окаянный нача воевати Резанскую землю, а поидоша ко граду к Резани. И обступиша град, и начаша битися неотступно пять дней. Батыево бо войско пременишася, а граждане непременно бѣяшеся. И многихъ граждан побиша, а иныхъ уязвиша, а инии от великихъ тродовъ изнемогша. А въ шестой день рано приидоша погани ко граду, овии с огни, а инии с пороки, а инии со тмочисленными лѣствицами, и взяша град Резань месяца декабря 21 день. И приидоша в церковь соборную пресвятыя Богородици, и великую княгиню Агрепѣну мать великаго князя, и с снохами и с прочими княгинями мечи исекоша, а епископа и священнический чинъ огню предаша, во святей церкви пожгоша, а инии мнози от оружия падоша. А во граде многихъ людей, и жены, и дѣти мечи исекоша. И иныхъ въ рѣцѣ потопиша, и ерѣи черноризца до останка исекоша, и весь град пожгоша, и все узорочье нарочитое, богатство резанское и сродникъ ихъ киевское и черниговское поимаша. А храмы божии разориша, и во святыхъ олтарехъ много крови пролиша. И не оста во граде ни едины живыхъ: вси равно умроша и едину чашу смертную пиша. Нѣсть бо ту ни стонуща, ни плачуща — ни ни отцу и матери о чадахъ, или чадомъ о отци и о матери, ни брату о брате, ни ближнему роду, но вси вкупѣ мертви лежаща. И сна вся наиде грѣхъ ради нашихъ.

Безбожный царь Батый и видя велне пролитие крови христьянска, и возяръся зело, и огорчися, и поиде

на град Суздаль и Владимиръ, и желая Рускую землю попленити, и вѣру христіянскую искоренити, и церкви божии и до основанія разорити.

И нѣкій от велмож резанскихъ именемъ Еупатій Коловратъ в то время былъ в Чернигове со княземъ Ингваремъ Ингоровичемъ, и услыша приходъ зловѣрнаго царя Батыя, и иде из Чернигова съ малою дружиною, и гнаша скоро. И приѣха в землю Резаньскую, и видѣ ея опустѣвшую, грады разорены, церкви пожены, люди побѣены. И пригна во градъ Резань и видѣ градъ разоренъ, государи побиты, и множества народа лежаща: ови побѣены и посячены, а ины позжены, ины в рецѣ истоплены. Еупатій воскрича в горести душа своя и распалаяся въ сердцы своемъ. И собра мало дружины: тысящу семсотъ человекъ, которыхъ богъ соблюде быша внѣ града. И погнаша во следъ безбожнаго царя и едва угнаша его в земли Суздалстей, и внезапно нападоша на станы Батыевы. И начаша съчи без милости, и сметоша яко всѣ полки татарскыя. Татарове же сташа, яко пияны, или неистовы. Еупатию тако ихъ бѣяше нещадно, яко и мечи притупишася, и емля татарскыя мечи и съчаша ихъ. Татарове мняша, яко мертви восташа. Еупатій силныя полки татарскыя проеждя, бѣяше ихъ нещадно. И ездя по полкомъ татарскимъ храбро и мужественно, яко и самому царю возбоитися.

И едва поимаша от полку Еупатиева пять человекъ воиныхъ, изнемогшихъ отъ великихъ ранъ. И привелоша ихъ къ царю Батыю. Царь Батый нача вопрошати: «Коеа вѣры еста вы, и коеа земля, и что мнѣ много зла творите?» Они же рѣша: «Вѣры христіянскыя есве, раби великаго князя Юрья Ингоровича Резанскаго, а от полку Еупатиева Коловрата. Посланы от князя Ингваря Ингоровича Резанскаго тебѣ силна царя почитити и честна проводитьи, и честь тобѣ воздати. Да не подиви, царю, не успевати наливати чашъ на великую силу — рать татарскую». Царь же подивися отвѣту ихъ мудрому. И посла шурича своего Хостоврула на Еупатія, а съ нимъ силныя полки татарскыя. Хостоврулъ же похвалися предъ царемъ, хотя Еупатія жива предъ царя привести. И ступишася силныя полки татарскыя, хотя Еупатія жива яти. Хостоврулъ же съехася съ Еупатиемъ. Еупатей же исполни силою и разсѣче Хостоврула на полы до седла. И начаша съчи силу татарскую, и многихъ тут нарочитыхъ багатырей Батыевыхъ побил, овихъ на полы пресекоша, а иныхъ до седла краяше. Та-

тарове возбояшесе, видя Еупатия крѣпка исполина. И навадиша на него множество пороков, и нача бити по нем ис тмочисленных пороков, и едва убиша его. И принесоша тѣло его пред царя Батыа. Царь Батый посла по мурзы, и по князи, и по санчакбѣи, и начаша дивитися храбрости, и крѣпости, и мужеству резанскому господству. Они же рекоша царю: «Мы со многими цари, во многих землях, на многихъ бранех бывали, а таких удалцов и резвцов не видали, ни отци наши возвестиша нам. Сии бо люди крылатыи, и не имеюще смерти: тако крѣпко и мужественно ездя, бѣяшесе един с тысящею, а два со тмою. Ни один от них может съехати жив с побоища». Царь Батый и зря на тело Еупатиево, и рече: «О Коловрате Еупатие! гораздо еси меня подщивал малою своею дружиною, да многих богатырей силной орды побил еси, и многие полкы падоша. Аще бы у меня такой служилъ,— держал бых его против сердца своего». И даша тѣло Еупатиево его дружинѣ останочной, которые пойманы на побоище. И веля их царь Батый отпустить, ни чем вредити.

Князь Ингварь Ингорович в то время был в Чернигове у брата своего князя Михаила Всеволодовича Черниговского богѣмъ соблюден от злаго того отметника врага христьянскаго. И прииде из Чернигова в землю Резанскую во свою отчину, и видя ея пусту, и услыша, что братья его всѣ побинены от нечестиваго законпреступника царя Батыа, и прииде во град Резань и видя град разорен, а мать свою, и снохи своа, и сродник своих, и множество много мертвых лежаща, и град разоренъ, церкви позжены и все узорочье в казне черниговской и резанской взято. Видя князь Ингварь Ингорович великую конечную погибель грѣх ради наших, и жалостно возкричаша, яко труба рати глас подавающе, яко сладкий арган вещающи. И от великаго кричання, и вопля страшнаго лежаща на земли, яко мертвъ. И едва отльеяша его и носяша по вѣтру. И едва отдохну душа его в нем.

Кто бо не возплачетца толкниа погибели, или хто не возрыдает о селище народе людей православных, или хто не пожалит толико побито великих государей, или хто не постонет таковаго пленения.

Князь Ингварь Ингорович, разбирая трупна мертвых, и нанде тѣло матери своей великия княгини Агренены Ростиславны, и позна снохи своя, и призва попы из ве-

ся, которых богъ соблюде, и погребе мать свою, и снохи своа плачем великим во псалмов и пѣсней мѣсто: кричаше велми и рыдаше. И похраняше прочиа трупиа мертвых, и очисти град, и освяти. И собращася мало людей, и даша имъ мало утешенна. И плачася безпрестано, поминая мать свою и братню свою, и род свой, и все узорочье резанское — вскоре погibe. Сла бо вся наиде грѣх ради наших. Сий бо град Резань и земля Резанская изменися доброта ея, и отиде слава ея, и не бе в ней ничто благо видѣти — токмо дым и пепел, а церкви всѣ погорѣша, а великая церковь внутрь погоре и почернѣша. Не един бо сий град плененъ бысть, но и инии мнози. Не бѣ бо во граде пѣнниа, ни звона, в радости мѣсто всегда плач творяще.

Князь Ингварь Ингорович поиде и гдѣ побѣени быша братья его от нечестиваго царя Батыа: великий князь Юрьи Ингорович Резанской, брат его князь Давидъ Ингорович, брат его Всеволод Ингоровичъ и многиа князи мѣсныа, и бояре, и воеводы, и все воинство, и удалцы и резвцы, узорочие резанское. Лежаша на земли пuste, на травѣ ковыле, снѣгом и ледом померзоша, ни ким брегома. От зверей телеса их снѣдаема, и от множества птиц разѣстерзаемо. Всѣ бо лежаша, купно умроша, едину чашу пиша смертную. И видя князь Ингварь Ингорович велиа трупиа мертвых лежаша, и воскрича горько велием гласом, яко труба распалаяся, и в персьи свои рукама биюще, и ударяшеся о земля. Слезы же его от очию, яко потокъ, течаше и жалосно вещающи: «О милая моа братья и господие! како успе животе мои драгии! Меня единаго оставиша в толице погибели. Про что аз преже вас не умрох? И камо заидесте очию моею, и где отошли есте сокровища живота моего? Про что не промолвите ко мнѣ, брату вашему, цвѣты прекрасныи, винограде мои не-созрѣлыи? Уже не подасте сладости души моей! Чему, господине, не зрите ко мнѣ — брату вашему, не промолвите со мною? Уже ли забыли есте мене брата своего, от единаго отца роженаго, и единые утробы честнаго плода матери нашей — великии княгини Агрепѣны Ростиславне, и единым соспом воздоеных многоплоднаго винограда? И кому приказали есте меня — брата своего? Солнце мое драгое, рано заходящее, месяци красныи, скоро изгибли есте, звѣзды восточныи, почто рано зашли есте! Лежите на земли

пуде, ни ким брегома, чести-славы ни от кого приемлемо! Изменися бо слава ваша. Гдѣ господство ваше? Многимъ землямъ государи были есте, а нынѣ лежите на земли пуде, зракъ лица вашего изменися во истлѣнии. О милая моя братиа и дружина ласкова, уже не повеселюся съ вами! Свѣте мои драгии, чему помрачился есте? Не много нарадовахся съ вами! Аще услышитъ богъ молитву вашу, то помолитесь о мнѣ, о брате вашемъ, да вкупе умру съ вами. Уже бо за веселие плачъ и слезы придоша ми, а за утѣху и радость сетование и скръбь яви ми ся! Почто азъ не прежде васъ умрохъ, да быхъ не видѣлъ смерти вашей, а своя погибели. Не слышите ли бѣдныхъ моихъ словесъ жалостно вещающа? О земля, о земля, о дубравы поплачите со мною! Како нареку день той, или како возпишу его — в онъ же погибѣ толико господарей и многіе узорочье резанское храбрыхъ удалцевъ. Ни одинъ отъ нихъ возвратися вспять, но вси равно умроша, едину чашу смертную пиша. Се бо въ горести души моя языкъ мой связается, уста загражаются, зракъ опустеваетъ, крѣпость изнемогаетъ».

Бысть убо тогда многіи туги и скорби, и слезъ, и воздыханія, и страха, и трепета отъ всѣхъ злыхъ, находящихъ на ны. Великій князь Ингваръ Ингоровичъ воздѣ руцѣ на небо со слезами возва, глаголаша: «Господи, боже мой, на тя уповахъ, спаси мя, и отъ всѣхъ гонящихъ избави мя. Пречиста владычице богородице Христа бога нашего, не остави мене во время печали моя. Великіе стратотерпцы и сродники наши Борисъ и Глѣбъ, буди мнѣ помощники, грешному, во бранехъ. О братіе моя и господіе, помогайте мнѣ во святыхъ своихъ молитвахъ на супостаты наши — на агаряне и внуци измаительска рода».

Князь Ингваръ Ингоровичъ начаша разбирати труписъ мертвыхъ, и взя тѣло братиѣ свое, и великаго князя Георгия Ингоровича, и князя Давида Ингоровича Муромскаго, и князя Глѣба Ингоровича Коломенскаго, и инехъ князей мѣсныхъ — своихъ сродниковъ, и многіхъ бояръ, и воеводъ, и ближнихъ знаемыхъ, принесѣ ихъ во градъ Резань, и похраняше ихъ честно, а инехъ тутъ на мѣстѣ на пуде собираше и надгробное пѣша. И похраняше князь Ингваръ Ингоровичъ, и поидѣ ко граду Пронску, и собра раздроблены уды брата своего благоговѣрнаго и христілюбиваго князя Олга Ингоровича и несоша его во градъ Резань, а честную его главу самъ

князь великий Ингвар Иньгорович и до града понеси, и целова ю любезно, положиша его с великим князем Юрьем Ингоровичем во единой раце. А братью свою князя Давида Ингоровича, да князя Глѣба Ингоровича положиша у него близ гроба их во единой рацѣ. Поиде же князь Ингвар Ингоровичъ на реку на Воронеж, иде убьен бысть князь Федор Юрьевич Резанской, и взя честное тѣло его, и плакася над ним на долгъ час. И принесе во область его к великому чюдотворцу Николе Корсунскому, и его благовѣрную княгиню Еупраксѣю, и сына их князя Ивана Федоровича Посника во едином мѣстѣ. И поставиша над ними кресты камены. И от сея вины да зовется великий чюдотворецъ Николае Заразский, яко благовѣрная княгиня Еупраксѣя и с сыном своим князем Иваном сама себе зарази.

Сии бо государи рода Владимера Святославича — сродника Борису и Глѣбу, внучата великаго князя Святослава Олговича Черниговьского. Бяше родом христоролюбивыи, братолюбивыи, лицом красны, очима светлы, взором грозны, паче мѣры храбры, сердцем легкы, к бояром ласковы, к приеждим привѣтливы, к церквам прилѣжны, на пиrowанье тщывы, до осподарьских потех охочи, ратному дѣлу велми искусны, к братье своей и ко их посолником величавы. Мужествен умъ имѣяше, в правде-истине пребываща, чистоту душевную и телесную без порока соблюдаща. Святаго корени отрасли, и богом насажденного сада цвѣты прекрасныи. Воспитани быша въ благочестии во всяцем наказании духовнем. От самых пеленъ бога возлюбили. О церквах божиих велми печашеся, пустошных бесѣд не творяще, срамных человекѣ отвращашеся, а со благыми всегда бѣсѣдоваша, божественых писаниих всегода во умилении послушаше. Ратным во бранех страшения ивляшеся, многия враги, востающи на них, побежаша, и во всех странах славна имя имяща. Ко греческим царем велику любовь имуща, и дары у нихъ многи взиmachа. А по браце целомудрено живяща, смотряющи своего спасения. В чистой совести, и крѣпости, и разума предержа земное царство и к небесному приближаяся. Плоти угодие не творяще, соблюдающи тѣло свое по браце греху непричасна. Государьскій сан держа, а посту и молитве прилежаста; и кресты на рамя своем носяща. И честь и славу от всего мира

принмаста, а святыа дни святого поста честно храняста, а по вся святыа посты причащастася святых пречистых бесмертных таин. И многи труды и побѣды по правой вѣре показаста. А с погаными половцы часто бѣяшася за святыа церкви и православную вѣру. А отчину свою от супостат велми без лѣности храняща. А милостину неоскудно даяше, и ласкою своею многих от невѣрных царей, детей их и братью к собѣ принимаста, и на вѣру истинную обращаста.

Благовѣрный во святом крещении Козма сяде на столе отца своего великаго князя Ингоря Святославича. И обнови землю Резаньскую, и церкви постави, и монастыри согради, и пришелцы утѣши, и люди собра. И бысть радость християном, их же избави богъ рукою своею крѣпкою от безбожнаго зловѣрнаго царя Батыя. А Кир Михайло Всеволодовича Пронского посади на отца его отчине.

ПОВЕСТЬ О РАЗОРЕНИИ РЯЗАНИ БАТЫЕМ

Перевод

В год 6745 (1237). В двенадцатый год по перенесении чудотворного образа Николина из Корсуни. Пришел на Русскую землю безбожный царь Батый со множеством воинов татарских и стал на реке на Воронеже близ земли Рязанской. И прислал послов непутевых на Рязань к великому князю Юрию Ингоровичу Рязанскому, требуя у него десятой доли во всем: во князьях, и во всяких людях, и в остальном. И услышал великий князь Юрий Ингорович Рязанский о нашествии безбожного царя Батыя, и тотчас послал в город Владимир к благоверному великому князю Георгию Всеволодовичу Владимирскому, прося у него помощи против безбожного царя Батыя или чтобы сам на него пошел. Князь великий Георгий Всеволодович Владимирский и сам не пошел, и помощи не послал, задумав один сразиться с Батыем. И услышал великий князь Юрий Ингорович Рязанский, что нет ему помощи от великого князя Георгия Всеволодовича Владимирского, и тотчас послал за братьями своими: за князем Давыдом Ингоровичем Муромским, и за князем Глебом Ингоровичем Коломенским, и за князем Олегом Красным, и за Всеволодом Пронским, и за другими князьями. И стали совет держать — как утолить нечестивца дарами. И послал сына своего князя Федора Юрьевича Рязанского к безбожному царю Батыю с дарами и мольбами ве-

ликими, чтобы не ходил войной на Рязанскую землю. И пришел князь Федор Юрьевич на реку на Воронеж к царю Батыю, и принес ему дары, и молил царя, чтобы не воевал Рязанской земли. Безбожный же, лживый и немилосердный царь Батый дары принял и во лжи своей притворно обещал не ходить войной на Рязанскую землю. Но хвалился-грозился повоевать всю Русскую землю. И стал просить у князей рязанских дочерей и сестер к себе на ложе. И некто из вельмож рязанских по зависти донес безбожному царю Батыю, что есть у князя Федора Юрьевича Рязанского княгиня из царского рода и что всех прекраснее она красотой телесною. Царь Батый лукав был и немилостив в неверии своем, распалился в похоти своей и сказал князю Федору Юрьевичу: «Дай мне, княже, изведать красоту жены твоей». Благоверный же князь Федор Юрьевич Рязанский посмеялся и ответил царю: «Не годится нам, христианам, водить к тебе, нечестивому царю, жен своих на блуд. Когда нас одолеешь, тогда и женами нашими владеть будешь». Безбожный царь Батый разъярился и оскорбился и тотчас повелел убить благоверного князя Федора Юрьевича, а тело его велел бросить на растерзание зверям и птицам, и других князей и воинов лучших поубивал.

Но один из пестунов князя Федора Юрьевича, по имени Апоница, уцелел и горько плакал, смотря на славное тело честного своего господина; и увидев, что никто его не охраняет, взял возлюбленного своего государя и тайно схоронил его. И поспешил к благоверной княгине Евпраксии, и рассказал ей, как нечестивый царь Батый убил благоверного князя Федора Юрьевича.

Благоверная же княгиня Евпраксия стояла в то время в превысоком тереме своем и держала любимое чадо свое — князя Ивана Федоровича, и как услышала она эти смертоносные слова, исполненные горести, бросилась она из превысокого терема своего с сыном своим князем Иваном прямо на землю и разбилась до смерти. И услышал великий князь Юрий Ингорович об убийстве безбожным царем возлюбленного сына своего, блаженного князя Федора, и других князей и что перебито много лучших людей, и стал плакать о них с великой княгиней и с другими княгинями и с братией своей. И плакал город весь много времени. И едва отдохнул князь от великого того плача и рыдания, стал собирать воинство свое и расставлять полки. И увидел

князь великий Юрий Ингорович братию свою, и бояр своих, и воевод, храбро и мужественно скачущих, воздел руки к небу и сказал со слезами: «Избавь нас, боже, от врагов наших. И от поднимающихся на нас освободи нас, и сокрой нас от сборища нечестивых и от множества творящих беззаконие. Да будет путь им темен и скользок». И сказал братии своей: «О государи мои и братия, если из рук господних благое приняли, то и злое не потерпим ли?! Лучше нам смертью жизнь вечную добыть, нежели во власти поганных быть. Вот я, брат ваш, раньше вас выпью чашу смертную за святые божии церкви, и за веру христианскую, и за отчину отца нашего великого князя Ингваря Святославича». И пошел в церковь Успения пресвятой владычицы богородицы. И плакал много перед образом пречистой богородицы, и молился великому чудотворцу Николе и сродникам своим Борису и Глебу. И дал последнее целование великой княгине Агриппине Ростиславовне, и принял благословение от епископа и всех священнослужителей. И пошли против нечестивого царя Батые, и встретили его около границ рязанских. И напали на него, и стали биться с ним крепко и мужественно, и была сеча зла и ужасна. Много сильных полков Батыевых пало. И увидел царь Батый, что сила рязанская бьется крепко и мужественно, и испугался. Но против гнева божия кто постоит! Батыевы же силы велики были и непреодолимы; один рязанец бился с тысячей, а два — с десятью тысячами. И увидел князь великий, что убит брат его, князь Давыд Ингорович, и воскликнул: «О братия моя милая! Князь Давыд, брат наш, наперед нас чашу испил, а мы ли сей чашы не изопьем!» И пересели с коня на конь и начали биться упорно. Через многие сильные полки Батыевы проезжали насквозь, храбро и мужественно сражаясь, так что все полки татарские подивились крепости и мужеству рязанского воинства. И едва одолели их сильные полки татарские. Здесь убит был благоверный великий князь Юрий Ингорович, брат его князь Давыд Ингорович Муромский, брат его князь Глеб Ингорович Коломенский, брат их Всеволод Пронский, и многие князья местные, и воеводы крепкие, и воинство: удалыцы и резвцы рязанские. Все равно умерли и единую чашу смертную испили. Ни один из них не повернул назад, но все вместе легли мертвые. Все это навел бог грехов ради наших.

А князя Олега Ингоровича захватили еле живого. Царь же, увидев многие свои полки побитыми, стал сильно скорбеть и ужасаться, видя множество убитых из своих войск татарских. И стал воевать Рязанскую землю, веля убивать, рубить и жечь без милости. И град Пронск, и град Бел, и Ижеславец разорил до основания и всех людей побил без милосердия. И текла кровь христианская, как река обильная, грехов ради наших.

И увидел царь Батый Олега Ингоровича, столь красивого и храброго, изнемогающего от тяжких ран, и хотел уурачевать его от тяжких ран, и к своей вере склонить. Но князь Олег Ингорович укорил царя Батыя и назвал его безбожным и врагом христианства. Окаянный же Батый дохнул огнем от мерзкого сердца своего и тотчас повелел Олега ножами рассечь на части. И был он второй страстотерпец Стефан, принял венец страдания от всемилостивого бога и испил чашу смертную вместе со всею своею братьею.

И стал воевать царь Батый окаянный Рязанскую землю, и пошел ко граду Рязани. И осадил град, и бились пять дней неотступно. Батыево войско переменялось, а горожане бессменно бились. И многих горожан убили, а иных ранили, а иные от великих трудов изнемогли. А в шестой день спозаранку пошли поганые на город — одни с огнями, другие с пороками, а третьи с бесчисленными лестницами — и взяли град Рязань месяца декабря в двадцать первый день. И пришли в церковь соборную пресвятой Богородицы, и великую княгиню Агриппину, мать великого князя, со снохами и прочими княгинями посекали мечами, а епископа и священников огню предали — во святой церкви пожгли, и иные многие от оружия пали. И в городе многих людей, и жен, и детей мечами посекали. А других в реке потопили, а священников и иноков без остатка посекали, и весь град пожгли, и всю красоту прославленную, и богатство рязанское, и сродников их — князей киевских и черниговских — захватили. И храмы божии разорили и во святых алтарях много крови пролили. И не осталось в городе ни одного живого: все равно умерли и единую чашу смертную испили. Не было тут ни стонущего, ни плачущего — ни отца и матери о детях, ни детей об отце и матери, ни брата о брате, ни сродников о сродниках, но все вместе лежали мертвые. И было все то за грехи наши.

И увидел безбожный царь Батый страшное пролитие крови христианской, и еще больше разъярился и ожесточился, и пошел на город Суздаль и на Владимир, собираясь Русскую землю пленить, и веру христианскую искоренить, и церкви божии до основания разорить.

И некий из вельмож рязанских по имени Евпатий Коловрат был в то время в Чернигове с князем Ингварем Ингоровичем, и услышал о нашествии зловерного царя Батыя, и выступил из Чернигова с малою дружиною, и помчался быстро. И приехал в землю Рязанскую, и увидел ее опустевшую, города разорены, церкви пожжены, люди убиты. И помчался в город Рязань, и увидел город разоренный, государей убитых и множество народа полегшего: одни убиты и посечены, другие пожжены, а иные в реке потоплены. И воскричал Евпатий в горести души своей, распаляясь в сердце своем. И собрал небольшую дружину — тысячу семьсот человек, которых бог сохранил вне города. И погнались вослед безбожного царя, и едва нагнали его в земле Суздальской, и внезапно напали на станы Батыевы. И начали сечь без милости, и смешались все полки татарские. И стали татары точно пьяные или безумные. И бил их Евпатий так нещадно, что и мечи притуплялись, и брал он мечи татарские и сек ими. Почудилось татарам, что мертвые восстали. Евпатий же, насквозь проезжая сильные полки татарские, бил их нещадно. И ездил среди полков татарских так храбро и мужественно, что и сам царь устрасился.

И едва поймали татары из полка Евпатьяева пять человек воинских, изнемогших от великих ран. И привели их к царю Батыю. Царь Батый стал их спрашивать: «Какой вы веры, и какой земли, и зачем мне много зла творите?» Они же отвечали: «Веры мы христианской, слуги великого князя Юрия Ингоровича Рязанского, а от полка мы Евпатия Коловрата. Посланы мы от князя Ингваря Ингоровича Рязанского тебя, сильного царя, почествовать, и с честью проводить, и честь тебе воздать. Да не дивись, царь, что не успеваем наливать чаш на великую силу — рать татарскую». Царь же подивился ответу их мудрому. И послал шурича своего Хостоврула на Евпатия, а с ним сильные полки татарские. Хостоврул же похвалился перед царем, обещал привести к царю Евпатия живого. И обступили Ева-

тия сильные полки татарские, стремясь его взять живым. И съехался Хостоврул с Евпатием. Евпатий же был исполин силою и рассек Хостоврула на-попы до седла. И стал сечь силу татарскую, и многих тут знаменитых богатырей Батыевых побил, одних пополам отсекал, а других до седла разрубал. И возбоялись татары, видя, какой Евпатий крепкий исполин. И навели на него множество пороков, и стали бить по нему из бесчисленных пороков, и едва убили его. И принесли тело его к царю Батыю. Царь же Батый послал за мурзами, и князьями, и санчакбеями, и стали все дивиться храбрости, и крепости, и мужеству воинства рязанского. И сказали они царю: «Мы со многими царями, во многих землях, на многих битвах бывали, а таких удалцов и резвцов не видали, и отцы наши не рассказывали нам. Это люди крылатые, не знают они смерти и так крепко и мужественно, на конях разъезжая, бьются — один с тысячею, а два — со тьмою. Ни один из них не съедет живым с побоища». И сказал царь Батый, глядя на тело Евпатьево: «О Коловрат Евпатий! Хорошо ты меня попотчевал с малою своею дружиною, и многих богатырей сильной орды моей побил, и много полков разбил. Если бы такой вот служил у меня, — держал бы его у самого сердца своего». И отдал тело Евпатия оставшимся людям из его дружины, которых захватили в битве. И велел царь Батый отпустить их и ничем не вредить им.

Князь Ингварь Ингорович был в то время в Чернигове, у брата своего князя Михаила Всеволодовича Черниговского, сохранен богом от злого того отступника и врага христианского. И пришел из Чернигова в землю Рязанскую, в свою отчину, и увидел ее пусту, и услышал, что братья его все убиты нечестивым законопреступным царем Батыем, и пришел во град Рязань, и увидел город разоренным, а мать свою, и снох своих, и сродников своих, и многое множество людей лежащих мертвыми, город разорен и церкви пожжены, и все узорочье из казны черниговской и рязанской взято. Увидел князь Ингварь Ингорович великую последнюю погибель за грехи наши и жалостно воскричал, как труба, созывающая на рать, как сладкий орган звучащий. И от великого того крика и вопля страшного пал на землю, как мертвый. И едва отлили его и отходили на ветру. И с трудом ожила душа его в нем.

Кто не восплачется о такой гибели, кто не возрыдает о стольких людях народа православного, кто не пожалеет стольких убитых великих государей, кто не застонет от такого пленения?

Разбирая трупы убитых, князь Ингварь Ингорович нашел тело матери своей, великой княгини Агриппины Ростиславовны, и узнал снов своих, и призвал попов из сел, которых бог сохранил, и похоронил мать свою и снов своих с плачем великим вместо псалмов и песнопений церковных: сильно кричал и рыдал. И похоронил остальные тела мертвых, и очистил город, и освятил. И собралось малое число людей, и немного утешил их. И плакал беспрестанно, поминая мать свою, и братию свою, и род свой, и все узорочье рязанское, без времени погибшее. Все то случилось по грехам нашим. Был город Рязань, и земля была Рязанская, и исчезло богатство ее, и отошла слава ее, и нельзя было увидеть в ней никаких благ ее — только дым и пепел; и церкви все погорели, а великая церковь внутри изгорела и почернела. И не только этот город пленен был, но и иные многие. Не стало в городе ни пения, ни звона; вместо радости — плач непрестанный.

И пошел князь Ингварь Ингорович туда, где побиты были нечестивым царем Батыем братья его: великий князь Юрий Ингорович Рязанский, брат его князь Давыд Ингорович, брат его Всеволод Ингорович, и многие князья местные, и бояре, и воеводы, и все воинство, и удалыцы, и резвцы, узорочье рязанское. Лежали они все на земле опустошенной, на траве ковыле, снегом и льдом померзнувшие, никем не блюдомые. Звери тела их поели, и множество птиц их растерзало. Все лежали, все вместе умерли, единую чашу испили смертную. И увидел князь Ингварь Ингорович великое множество мертвых тел лежащих, и воскричал горько громким голосом, как труба звучащая, и бил себя в грудь руками, и падал на землю. Слезы его из очей как поток текли, и говорил он жалостно: «О милая моя братия и воинство! Как уснули вы, жизни мои драгоценные? Меня одного оставили в такой гибели! Почему не умер я раньше вас? И куда скрылись вы из очей моих, и куда ушли вы, сокровища жизни моей? Почему ничего не промолвите мне, брату вашему, цветы прекрасные, сады мои несозревшие? Уже не подарите сладость душе моей! Почему, государи мои,

не посмотрите вы на меня, брата вашего, и не поговорите со мною? Ужели забыли меня, брата вашего, от единого отца рожденного и от единой утробы матери нашей — великой княгини Агриппины Ростиславовны, и единою грудью многоплодного сада вскормленного? На кого оставили вы меня, брата своего? Солнце мое дорогое, рано заходящее, месяц мой красный! скоро погibli вы, звезды восточные; зачем же закатились вы так рано? Лежите вы на земле пустой, никем не охраняемые; чести-славы ни от кого не получаете вы! Помрачилась слава ваша. Где сила ваша? Над многими землями государями были вы, а ныне лежите на земле пустой, лица ваши потемнели от тления. О милая моя братия и дружина ласковая, уже не повеселюся с вами! Светочи мои ясные, зачем потускнели вы? Не много порадовался с вами! Если услышит бог молитву вашу, то помолитесь обо мне, брате вашем, чтобы умер я вместе с вами. Уже ведь за веселием плач и слезы пришли ко мне, а за утехой и радостью сетование и скорбь явились мне! Почему не прежде вас умер, чтобы не видеть смерти вашей, а своей гибели? Слышите ли вы горестные слова мои, жалостно звучащие? О земля, о земля! о дубравы! Поплачьте со мною! Как опишу и как назову день тот, в который погibло столько государей и многое узорочье рязанское — удалцы храбрые? Ни один из них не вернулся, но все равно умерли, единую чашу смертную испили. От горести души моей язык мой не слушается, уста закрываются, взор темнеет, сила изнемогает».

Было тогда много тоски, и скорби, и слез, и вздохов, и страха, и трепета от всех тех напастей, нашедших на нас. И воздел руки к небу великий князь Ингварь Ингоревич, и воззвал со слезами, говоря: «Господи боже мой, на тебя уповал, спаси меня и от всех гонящих избавь меня. Пречистая владычица, мать Христа, бога нашего, не оставь меня в годину печали моей. Великие страстотерпцы и сродники наши Борис и Глеб, будьте мне, грешному, помощниками в битвах. О братия мои и воинство, помогите мне во святых ваших молитвах на врагов наших — на агарян и внуков рода Измаила».

И стал разбирать князь Ингварь Ингоревич тела мертвых, и взял тела братьев своих — великого князя Юрия Ингоревича, и князя Давыда Ингоревича Муромского, и князя Глеба Ингоревича Коломенского, и

других князей местных — своих сродников, и многих бояр, и воевод, и ближних, знаемых ему, и принес их во град Рязань, и похоронил их с честью, а тела других тут же на пустой земле собрал и надгробное отпевание совершил. И, похоронив так, пошел князь Ингварь Ингорович ко граду Пронску, и собрал рассеченные части тела брата своего благоверного и христоролюбивого князя Олега Ингоровича, и повелел нести их во град Рязань, а честную главу его сам князь великий Ингварь Ингорович до града понес, и целовал ее любезно, и положил его с великим князем Юрием Ингоровичем в одном гробу. А братьев своих, князя Давыда Ингоровича да князя Глеба Ингоровича, положил в одном гробу близ могилы тех. Потом пошел князь Ингварь Ингорович на реку на Воронеж, где убит был князь Федор Юрьевич Рязанский, и взял тело честное его, и плакал над ним долгое время. И принес в область его к иконе великого чудотворца Николы Корсунского, и похоронил его вместе с благоверной княгиней Евпраксией и сыном их князем Иваном Федоровичем Постником во едином месте. И поставил над ними кресты каменные. И по той причине зовется великого чудотворца Николы икона Заразской, что благоверная княгиня Евпраксия с сыном своим князем Иваном сама себя на том месте «заразила» (разбила).

Те государи из рода Владимира Святославича — отца Бориса и Глеба, внуки великого князя Святослава Ольговича Черниговского. Были они родом христоробивы, братолюбивы, лицом прекрасны, очами светлы, взором грозны, сверх меры храбры, сердцем легки, к боярам ласковы, к приезжим приветливы, к церквам прилежны, на пиrowание скоры, до государских потех охочи, ратному делу искусны, и перед братией своей и перед послами величавы. Мужественный ум имели, в правде-истине пребывали, чистоту душевную и телесную без порока соблюдали. Отрасль они святого корени и богом насажденного сада цветы прекрасные! Воспитаны были в благочестии и во всяческом наставлении духовном. От самых пеленок бога возлюбили. О церквах божиих усердно пеклись, пустых бесед не творили, злонравных людей отвращались, с добрыми только беседовали, и божественные писания всегда с умилением слушали. Врагам в сражениях страшными

являлись, многих суностатов, поднимавшихся на них, побеждали и во всех странах имена свои прославили. К греческим царям великую любовь имели и дары от них многие принимали. А в браке целомудренно жили, помышляя о своем спасении. С чистой совестью, и крепостью, и разумом держали свое земное царство, и к небесному приближаясь. Плоти своей не угождали, соблюдая тело свое после брака непричастным греху. Государев сан держали, а к постам и молитвам были прилежны и кресты на груди своей носили. И честь и славу от всего мира принимали, а святые дни святого поста честно хранили и во все святые посты причащались святых пречистых и бессмертных тайн. И многие труды и победы по правой вере показали. А с погаными половцами часто бились за святые церкви и православную веру. А отчину свою от врагов безленостно оберегали. И милостыню неоскудную давали и ласкою своей многих из неверных царей, детей их и братьев к себе привлекали и к вере истинной обращали.

Благоверный князь Ингварь Ингорович, названный во святом крещении Козьмой, сел на столе отца своего великого князя Ингоря Святославича. И обновил землю Рязанскую, и церкви поставил, и монастыри построил, и пришельцев утешил, и людей собрал. И была радость христианам, которых избавил бог рукою своею крепкою от безбожного и зловерного царя Батыя. А господина Михаила Всеволодовича Пронского посадил на отца его отчине,

СЛОВО О ПОГИБЕЛИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ

Древнерусский текст

СЛОВО О ПОГИБЕЛИ РУССКЯЯ ЗЕМЛИ
И ПО СМЕРТИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ЯРОСЛАВА

, свѣтло свѣтлая и украсно украшена, земля Руськая! И многими красотами удивлена еси: озера многими удивлена еси, рѣками и кладязьми мѣсточестными, горами, крутыми холми, высокими дубравами, чистыми полями, дивными звѣрьми, *различными* птицами, бесчисленными городами великими, селы дивными, винограды обителными, дома церковными и князьми грозными, бояры честными, вельможами многими. Всего еси исполнена земля Руская, о прававѣрная вѣра хрестиянская!

Отсель до угоръ и до ляховъ, до чаховъ, от чахов до ятвязи и от ятвязи до литвы, до пемець, от нѣмець до корѣлы, от корѣлы до Устьяга, гдѣ тамо бяху тоймици поганини, и за Дышючимъ моремъ; от моря до болгаръ, от болгаръ до буртась, от буртась до чермись, от чермись до морѣдви,— то все покорено было богомъ хрестиянскому языку, поганьскыя страны, великому князю Всеволоду, отцю его Юрюю, князю киевскому; дѣду его Володимеру и *Манамаху*, которымъ то половоци дѣти своя *полошаху* в колыбѣли. А литва из болота на свѣтъ не выныкиваху, а угры твердаху каменные города желѣзными вороты, абы на них великий Володимеръ тамо на въѣхалъ, а нѣмци радовахуся,

далече будуче за Синимъ моремъ. Буртасы, черемиси, вѣда и морѣдва бортыничаху на князя великого Володимера. И жюръ Манулъ цесарегородскый опасъ имѣя, поне и великыя дары посылаша к нему, абы под нимъ великый князь Володимеръ Цесарягорода не взял.

А в ты дни болѣзнь крестияном от великаго Ярослава и до Володимера, и до ныняшняго Ярослава, и до брата его Юрья, князя володимерскаго...

СЛОВО О ПОГИБЕЛИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ

Перевод

СЛОВО О ПОГИБЕЛИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ ПОСЛЕ
СМЕРТИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ЯРОСЛАВА

, светло светлая и прекрасно украшенная земля Русская! Многими красотами прославлена ты: озерами многими славишься, реками и источниками местнотимыми, горами, крутыми холмами, высокими дубравами, чистыми полями, дивными зверями, разнообразными птицами, бесчисленными городами великими, селениями славными, садами монастырскими, храмами божьими и князьями грозными, боярами честными, вельможами многими. Всем ты преисполнена, земля Русская, о правоверная вера христианская!

Отсюда до угров и до ляхов, до чехов, от чехов до ятвягов, от ятвягов до литовцев, до немцев, от немцев до карелов, от карелов до Устьяга, где обитают поганые тоймичи, и за Дышащее море; от моря до болгар, от болгар до буртасов, от буртасов до черемисов, от черемисов до мордвы — то все с помощью божьею покорено было христианскому народу, поганые эти страны повиновались великому князю Всеволоду, отцу его Юрию, князю киевскому, деду его Владимиру Мономаху, которым половцы своих малых детей пугали. А литовцы из болот своих на свет не показывались, а угры укрепляли каменные стены своих городов железны-

ми воротами, чтобы их великий Владимир не покорил, а немцы радовались, что они далеко — за Синим морем. Буртасы, черемисы, вяда и мордва бортничали на великого князя Владимира. А император царьградский Мануил от страха великие дары посылал к нему, чтобы великий князь Владимир Царьград у него не взял.

И в те дни, — от великого Ярослава, и до Владимира, и до нынешнего Ярослава, и до брата его Юрия, князя владимирского, — обрушилась беда на христиан...

ПОВЕСТЬ О ЖИТИИ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

Древнерусский текст

ПОВѢСТИ О ЖИТИИ И О ХРАБРОСТИ
БЛАГОВѢРНАГО И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА

А

<...>

зъ худый и многгрѣшный, малосъмысля, покушаюся писати житие святого князя Александра, сына Ярославля, а внука Всеволожа.

Понеже слышах от отецъ своихъ и самовидецъ есмь възраста его, радъ бых исповѣдалъ святое и честное и славное житие его. Но яко же Приточникъ рече: «Въ злохытру душу не виидеть прѣмудрость: на вышнихъ бо краихъ есть, посреди стезь стояше, при вратѣхъ же сильныхъ присѣдитъ». Аще и грубъ есмь умомъ, но молитвою святыа богородица и поспѣшенемъ святого князя Александра начатокъ положю.

Съй бѣ князь Александръ родися от отца милостилюбца и мужелюбца, паче же и кротка, князя великаго Ярослава и от матере Феодосии. Яко же рече Исайя пророк: «Тако глаголетъ господь: „Князя азъ учиняю, священни бо суть, и азъ вождю я“». Воистинну бо безбожия повелѣния не бѣ княженне его.

Но и взоръ его паче шѣхъ человекъ, и глас его — аки труба в народѣ, лице же его — аки лице Иосифа, иже бѣ поставилъ его египетскый царь втораго царя въ Египтѣ, сила же бѣ его — часть от силы Самсона, и далъ бѣ ему богъ премудрость Соломоноу, храборство

же сго — аky царя римскаго Еуспесиана, иже бѣ плѣнилъ всю землю Иудейскую. Инѣгдѣ исполчися къ граду Асафату приступити, и исшедше гражане, побѣдиша плѣкъ его. И остася единѣ, и възврати к граду силу ихъ, къ вратом граднымъ, и посмѣяся дружинѣ своей, и укори я, рекъ: «Остависте мя единого». Тако же и князь Александръ — побѣжая, а не побѣдимъ.

И сего ради нѣкто силенъ от Западныхъ страны, иже нарицаются слугы божия, от тѣхъ прииде, хотя видѣти дивный възрастъ его, яко же древле царица Южичская приходи к Соломону, хотяши слышати премудрость его. Тако и сей, именемъ Андрѣяшъ, видѣвъ князя Александра и, възвратився къ своимъ, рече: «Прошед страны, языкъ, не видѣх таковаго ни въ царехъ царя, ни въ князехъ князя».

Се же слышавъ король части Римскыя от полунощныя страны таковое мужество князя Александра и помысли в собѣ: «Пойду и плѣню землю Александрову». И събра силу велику и наполни корабля многы полковъ своихъ, подвижеся в силѣ тяжцѣ, пыхая духомъ ратнымъ. И прииде в Неву, шатаяся безумнемъ, и посла слы своя, загордѣвся, в Невъгородъ къ князю Александру, глаголя: «Аще можеша противитися мнѣ, то се есмь уже zde, плѣняя землю твою».

Александръ же, слышавъ словеса сии, разгорѣся сердцемъ, и вниде в церковь святыя Софїи, и, пад на колѣну. пред ольтаремъ, нача молитися съ слезами: «Боже хвалный, праведный, боже великий, крѣпкий, боже превѣчный, основавый *небо и землю* и положи вы предѣлы языкомъ, повелѣ жити не прѣступающе в чюжую часть». Въсприимъ же пророческую пѣснь, рече: «Суди, господи, обидящимъ мя и возбрани борющимся со мною, прими оружие и щитъ, стани в помощь мнѣ».

И, скончавъ молитву, вставъ, поклонися архиепископу. Епископъ же бѣ тогда Спиридонъ, благослови его и отпусти. Он же, изшед ис церкви, утеръ слезы, нача крѣпити дружину свою, глаголя: «Не в силахъ богъ, но въ правдѣ. Помянемъ Пѣснотворца, иже рече: „Сии въ оружїи, а сїи на конѣхъ, мы же во имя господа бога нашего призовемъ, тии спяти быша и падоша, мы же стахом и прости быхом“». Сїи рѣкъ, поиде на шихъ в малѣ дружинѣ, не съждався съ мноюю силою своею, но уповая на святую троицу.

Жалостно же бѣ слышати, яко отецъ его, князь великій Ярославъ, не бѣ въдалъ такового вѣстанія на сына своего, милаго Александра, ни оному бысть когда послати вѣсть къ отцю своему, уже бо ратнии приближишася. Тѣмъ же и мнози новгородци не совокупилися бѣша, понеже ускори князь пойти. И поиде на ня въ день въскресенна, нуля въ 15, имѣяше же вѣру велику къ святыма мученикома Борису и Глѣбу.

И бѣ нѣкто мужъ старѣйшина в земли Ижерстей, именемъ Пелугий, поручено же бысть ему стража пошная морская. Въсприя же святое крѣщение и живяше посреди рода своего, погана суша, наречено же бысть имя его въ святѣмъ крѣщении Филиппъ, и живяше богоугодно, в среду и в пятокъ пребываше въ *алчбѣ*, тѣмъ же сподоби его богъ видѣти видѣние страшно в тѣй день. Скажемъ вкратцѣ.

Увѣдавъ силу ратныхъ, иде противу князя Александра, да скажетъ ему станы. Стоящю же ему при край моря и стрѣжаше обою пути, и пребысть всю ночь въ бдѣнии. И яко же пача въсходити солнце, слыша шумъ страшенъ по морю и видѣ насадъ единъ гребущъ по морю, и посреди насада стояща святая мученика Бориса и Глѣбъ въ одеждахъ чрѣвленихъ, и бѣста руки дръжаща на рамяхъ. Гребци же съяху, аky мглою одѣани. Рече Борисъ: «Брате Глѣбе, вели грести, да поможемъ сроднику своему князю Александру». Видѣвъ же таковое видѣние и слышавъ таковой гласъ от мученику, стояще трепетень, донде же насадъ отъиде от очию его.

Потомъ скоро поезде Александръ, *он же, видѣвъ князя Александра* радостныма очима, исповѣда ему единому видѣние. Князь же рече ему: «Сего не рци никому же».

Оттолъ потщався наеха на ня въ *6 часъ дне*, и бысть съча велика над Римляны, и изби ихъ множество бесчисленно, и самому королю възложи печать на лице острымъ своимъ копиемъ.

Здѣ же явишася 6 мужъ храбрыхъ с самѣмъ с нимъ ис полку его.

Единъ именемъ Гаврило Олексичъ. Се наѣха на шнеку, видѣвъ королевича, мча подѣ руку, и възвѣха по досцѣ и до самогу корабля, по ней же хожяху с королевичемъ, иже текоша передъ нимъ, а самого, емше, свергоша и с конемъ в воду з доски. И божьею милостью невреженъ бысть, и пакы наѣха, и бися с самѣмъ воеводою среди полку ихъ.

- 2 — именем Сбыславъ Якуновичъ, новгородецъ. Се наѣха многажды на полкъ ихъ и бѣяшеся единѣмъ топоромъ, не имѣя страха въ души своей, и паде нѣко-
лико отъ руку его, и подивишася силѣ и храбрѣству его.
- 3-и — Яковъ, родомъ полочанинъ, ловчий бѣ у князя. Се наѣха на полкъ с мечемъ, и похвали его князь.
- 4 — новгородецъ, именемъ Мѣша. Се пѣшъ патче на корабли и погуби 3 корабли з дружиною своею.
- 5-и — отъ молодыхъ его, именемъ Сава. Се вѣѣха в шатерь великий королевъ золотоверхий и подѣсѣче столпъ шатерный. Полци Олександрови, видѣвше шатра паденье, вѣрадовашася.
- 6-и — отъ слугъ его, именемъ Ратмѣръ. Се бѣся пѣшъ, и оступиша и мнози. Он же отъ многихъ ранъ паде и тако скончася.
- Си же вся слышахъ отъ господина своего великого князя Олександра и отъ инѣхъ, иже в то время обрѣтошася в той сѣчи.
- Бысть же в то время чюдо дивно, яко же во древнѣя дни при Езекии цесари. Еда приде Санахиримъ Асурійскій цесарь на Иерусалимъ, хотя плѣнити градъ свя-
тый Ерусалимъ, внезапно изиде ангелъ господень, изби и отъ полка Асурійска 185 тысящъ, и, вѣставше утро, обрѣтошася трупья мертвы вся. Тако же бысть при побѣдѣ Александровъ, егда побѣди короля, объ онъ полъ рѣки Ижжеры, иде же на бѣ проходно полку Александрову, здѣ обрѣтоша много множество избѣ-
енныхъ отъ ангела господня. Останокъ же ихъ побѣже, и трупиа мертвыхъ своихъ наметаша корабля и потопиша в мори. Князь же Александръ возвратися с побѣдою, хваля и славя имя своего творца.
- Въ второе же лѣто по возвращении с побѣды князя Алек-
сандра приидоша паки отъ Западныя страны и возгра-
диша градъ въ отечествѣ Александровъ. Князь же Александръ воскорѣ иде и изверже градъ ихъ из основа-
ния, а самыхъ извѣша и овѣхъ с собою поведе, а инѣхъ, помиловавъ, отпусти, бѣ бо милостивъ паче мѣры.
- По побѣдѣ же Александровъ, яко же побѣди короля, в
третий годъ, в зимнее время, поиде на землю немец-
кую в величѣ силѣ, да не похвалятся, ркуще: «Уко-
римъ Словенскій языкъ ниже себе».
- Уже бо бѣше градъ Псковъ взятъ и намѣстники отъ немецъ посажени. Он же вѣскорѣ градъ Псковъ изгна и не-
мецъ изсѣче, а инѣхъ повяза и градъ свободи отъ безбож-
ныхъ немецъ, а землю ихъ повоева и пожже и полона

взя бес числа, а овѣх иссече. Они же, гордици, совокупишася и рекоша: «Пондемъ и побѣдимъ Александра и имемъ его руками».

Егда же приближишася, и очютиша я стражие. Князь же Александръ оплѣчися, и пондоша противу себе, и покриша озеро Чюдское обои от множества вои. Отець же его Ярославъ прислалъ бѣ ему брата меньшаго Андрѣя на помощь въ множество дружинѣ. Тако же и у князя Александра множество храбрыхъ, яко же древле у Давыда царя сицини, крѣпцини. Тако и мужи Александровы исполнишася духомъ ратнымъ, бяху бо сердца ихъ, акы сердца лвомъ, и рѣша: «О княже нашъ честный! Нынѣ приспѣ врѣмя намъ положити главы своя за тя». Князь же Александръ воздѣвъ руцѣ на небо и рече: «Суди ми, боже, и разсуди прю мою от языка не-преподобна и помози ми, господи, яко же древле Моисию на Амалика и прадѣду нашему Ярославу на оканнаго Святополка».

Бѣ же тогда субота, възходящую солнцю, и съступишася обои. И бысть съча зла, и трусь от копий ломления, и звукъ от сѣчения мечнаго, яко же и езеру померзѣшу двинути, и не бѣ видѣти леду, покры бо ся кровію.

Се же слышахъ от самовидца, иже рече ми, яко видѣхъ полкъ божій на въздуѣ, пришедши на помощь Александрови. А тако побѣди я помощію божіею, и даша плеща своя, и съчахуть я, гоняще, акы по иаеру, и не бѣ камо утеша. Зде же прослави богъ Александра предъ всѣми полкы, яко же Исуса Наввина у Ерехома. А иже рече, имемъ Александра руками, сего дасть ему богъ в руцѣ его. И не обрѣтеся противникъ ему въ брани никогда же. И возвратися князь Александръ съ побѣдою славною, и бяше множество полоненыхъ в полку его, и ведяхутъ босы подле коний, иже именуютъ се-бе божии ритори.

И яко же приближися князь къ граду Пскову, игуменъ же и попове и весь народъ срѣтоша и предъ градомъ съ кресты, подающе хвалу богови и славу господину князю Александру, поюще пѣснь: «Пособивый, господи, кроткому Давыду побѣдити иноплеменики и вѣрно-му князю нашему оружіемъ крестнымъ и свободи градъ Псковъ от иноязычникъ рукою Александровою».

И рече Александръ: «О пѣвѣгласи псковичи! Аще сего забудете и до правнучать Александровыхъ, и уподобитеся жидомъ, ихъ же препита господь в пустыни манною

и крастелми печеными, и сихъ всѣхъ забыша и бога своего, изведшаго я от работы изъ Египта».

И нача слыти имя его по всѣмъ странамъ, и до моря Хонужьскаго, и до горъ Араратскихъ, и об ону страну моря Варяжьскаго, и до великаго Риму.

В то же время ужножися языка литовьскаго и начаша пакостити волости Александрове. Он же выездя и избиваше я. Единою ключися ему выехать, и побѣди 7 ратий единымъ выездомъ и множество князей их изби, а овѣхъ рукама изыма, слугы же его, ругающесе, вязахуть их къ хвостомъ коней своихъ. И начаша оттолѣ блюсти имени его.

В то же время бѣ царь силенъ на Вѣсточнѣй странѣ, иже бѣ ему богъ покорилъ языки многы, от вѣстока даже и до запада. Тѣмъ же царь, слышавъ Александра тако славна и храбра, посла к нему послы и рече: «Александрѣ, вѣси ли, яко богъ покори ми многы языки. Ты ли един не хочещи покорити ми ся? Но аще хочещи съблюсти землю свою, то приеди скоро къ мнѣ и видиши честь царства моего».

Князь же Александръ прииде в Володимеръ по умертвии отца своего в силѣ велицѣ. И бысть грозенъ приездъ его, и промчеса вѣсть его и до устья Волгы. И начаша жены моавитьскыя полошати дѣти своя, ркуще: «Александръ едет!»

Съдумав же князь Александръ, и благослови его епископъ Кирилъ, и поиде к цареви въ Орду. И видѣвъ его царь Батый, и подивися, и рече велможамъ своимъ: «Истинну ми скажете, яко нѣсть подобна сему князю». Почьстивъ же и честно, отпусти и.

По сем же разгнѣвася царь Батый на брата его меньшаго Андрѣя и посла воеводу своего Неврюня повоевати землю Суждальскую. По плѣнении же Неврюневъ князь великий Александръ церкви въздвигну, грады испольни, люди распуженыа събра в дома своя. О таковых бо рече Исайя пророкъ: «Князь благъ въ странахъ — тихъ, увѣтливъ, кротокъ, сѣмѣренъ, по образу божию естъ». Не внимая богатства и не презря кровь праведническую, сиротъ и вдовицъ въправду судяй, милостилубецъ, благъ домочадцемъ своимъ и вѣнѣшнимъ от странъ приходящимъ кормитель. На таковыя богъ призирает, бог бо не аггеломъ любит, но человекомъ си щедра ущедряет и показатъ на мирѣ милость свою. Распространи же богъ землю его богатствомъ и славою, и удолжи богъ лѣтъ ему.

Нѣкогда же приидоша къ нему послы от папы из великого Рима, ркуще: «Папа нашъ тако глаголет: „Слышахом тя князя честна и дивна, и земля твоя велика. Сего ради прислахом к тобѣ от двоюнадесять кординалу два хыгреша — Агалдада и Гѣмонта, да послушашаши учения ихъ о законѣ божии“».

Князь же Александръ, здумавъ съ мудреци своими, въсписа к нему и рече: «От Адама до потопа, от потопа до разделения языкъ, от разъмѣшенна языкъ до начяла Авраамля, от Авраама до проитна Исраиля сквозе море, от исхода сыновъ Исраилевъ до умертвия Давыда царя, от начала царства Соломона до Августа и до Христова рожества, от рожества Христова до страсти и воскресения, от въскресения же его и на небеса възшествна и до царства Константинова, от начала царства Константинова до перваго збора и седмаго — си вся добръ съвѣдаемъ, а от вас учения не приемлем». Они же възвратишася въсвои.

И умножишася дни живота его в велицѣ славѣ, бѣ бо перѣлюбець и мынхолобець, и нищая любя, митрополита же и епископы чтыше и послушааше их, аки самого Христа.

Бѣ же тогда нужда велика от иноплеменникъ, и гоняхут христианъ, веляще с собою воиньствовати. Князь же великий Александръ поиде к цареви, дабы отмолити людни от бѣды тоя.

А сына своего Дмитрия посла на Западныя страны и вся полъкы своя посла с нимъ и ближних своих домочадецъ, рекши к ним: «Служите сынови моему, акы самому мнѣ, всѣмъ животоу своимъ». Поиде князь Димитрий в силѣ велицѣ, и плѣни землю нѣмецкую, и взя град Юрьевъ, и възвратися к Новугороду съ многымъ полоном и с великою корыстию.

Отецъ же его князь великий Александръ възвратися из Орды от царя, и доиде Новагорода Нижняго. И ту пребывъ мало здрав, и, дошед Городца, разболѣся. О горѣ тобѣ, бѣдный человече! Како можеша написати кончину господина своего! Како не упадета ти зѣниці вкупѣ съ слезами. Како же не урвется сердце твое от коренія! Отца бо оставити человекъ может, а добра господина не мощно оставити: аще бы лзѣ, и въ гробъ бы лѣзлъ с ним!

Пострада же богови крѣпко, остави же земное царство и бысть мних, бѣ бо желание его паче мѣры аггельскаго образа. Сподоби же его богъ и болший чин приа-

ти — скиму. И так богови духъ свой предасть с миромъ месяца ноябрю въ 14 день, на память святаго апостола Филиппа.

Митрополит же Кирилъ глаголаше: «Чада моя, разумѣйте, яко уже заиде солнце *земли* Суздальской!» Иерѣи и диаconi, черноризци, нищии и богатии и вси людие глаголааху: «Уже погыбаемъ!»

Святое же тѣло его понесоша къ граду Володимерю. Митрополитъ же, князи и бояре и весь народ, малии, велиции, срътоша и въ Боголюбивѣмъ съ свѣщами и с кандилы. Народи же съгнатахутся, хотяще прикоснуться честнѣмъ одрѣ святаго тѣла его. Бысть же вопль, и кричаніе, и туга, яка же нѣстъ была, яко и земли потрястися. Положено же бысть тѣло его въ Рождестве святыя богородица, въ архимандритѣи велицѣй месяца ноябрю, въ 24, на память святаго отца Амфилохія.

Бысть же тогда чюдо дивно и памяти достойно. Егда убо положено бысть святое тѣло его в раку, тогда Савастіян икономъ и Кирилъ митрополит хотя розъяти ему руку, да вложат ему грамоту душевную. Он же, акы живъ сущи, распростеръ руку свою и взят грамоту от руки митрополита. И приять же я ужась, и одва отступиша от раки его. Се же бысть слышано всѣмъ от господина митрополита и от иконома его Савастіяна. Кто не удивится о семъ, яко тѣлу, бездушну сущю и везому от далних градъ в зимное время!

И тако прослави богъ угодника своего.

ПОВЕСТЬ О ЖИТИИ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

Перевод

ПОВЕСТЬ О ЖИТИИ И О ХРАБРОСТИ
БЛАГОВЕРНОГО И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА

Я <...>
, жалкий и многогрешный, недалекий умом, осмеливаюсь описать житие святого князя Александра, сына Ярославова, внука Всеволодова. Поскольку слышал я от отцов своих и сам был свидетелем зрелого возраста его, то рад был поведать о святой, и честной, и славной жизни его. Но как сказал Приточник: «В лукавую душу не войдет премудрость: ибо на возвышенных местах пребывает она, посреди дорог стоит, при вратах людей знатных останавливается». Хотя и прост я умом, но все же начну, помолившись святой богородице и уповая на помощь святого князя Александра.

Сей князь Александр родился от отца милосердного и человеколюбивого, и более всего — кроткого, князя великого Ярослава и от матери Феодосии. Как сказал Исайя-пророк: «Так говорит господь: „Князей я ставлю, священны ибо они, и я их веду“». И воистину — не без божьего повеления было княжение его.

И красив он был, как никто другой, и голос его — как труба в народе, лицо его — как лицо Иосифа, которого египетский царь поставил вторым царем в Египте, сила же его была частью от силы Самсона, и дал ему

бог премудрость Соломона, храбрость же его — как у царя римского Веспасиана, который покорил всю землю Иудейскую. Однажды приготовился тот к осаде города Иоатапаты, и вышли горожане, и разгромили войско его. И остался один Веспасиан, и обратил выступивших против него вспять, к городу, к городским воротам, и посмеялся над дружиною своею, и укорил ее, сказав: «Оставили меня одного». Так же и князь Александр — побеждал, но непобедим был.

Потому-то один из именитых мужей Западной страны, из тех, что называют себя слугами божьими, пришел, желая видеть зрелость силы его, как в древности приходила к Соломону царица Савская, желая послушать мудрых речей его. Так и этот, по имени Андреаш, повидав князя Александра, вернулся к своим и сказал: «Прошел я страны, народы и не видел такого ни царя среди царей, ни князя среди князей».

Услышав о такой доблести князя Александра, король страны Римской из северной земли подумал про себя: «Пойду и завоюю землю Александрову». И собрал силу великую, и наполнил многие корабли полками своими, двинулся с огромным войском, пылая духом ратным. И пришел в Неву, опьяненный безумием, и отправил послов своих, возгордившись, в Новгород, к князю Александру, говоря: «Если можешь, защищайся, ибо я уже здесь и разоряю землю твою».

Александр же, услышав такие слова, разгорелся сердцем, и вошел в церковь святой Софии, и, упав на колени пред алтарем, начал молиться со слезами: «Боже славный, праведный, боже великий, сильный, боже превечный, сотворивший небо и землю и установивший пределы народам, ты повелел жить, не преступая чужих границ». И, припомнив слова пророка, сказал: «Суди, господи, обидящих меня и огради от борющихся со мною, возьми оружие и щит и встань на помощь мне».

И, окончив молитву, он встал, поклонился архиепископу. Архиепископ же был тогда Спиридон, он благословил его и отпустил. Князь же, выйдя из церкви, осушил слезы и начал ободрять дружину свою, говоря: «Не в силе бог, но в правде. Вспомним Песнотворца, который сказал: „Одни с оружием, а другие на конях, мы же имя господа бога нашего призовем; они, поверженные, пали, мы же устояли и стоим прямо“». Сказав это, пошел на врагов с малою дружиною, не дожидая-

ясь своего большого войска, но уповая на святую тропцу.

Скорбно же было слышать, что отец его, князь великий Ярослав, не знал о пашествии на сына своего, милого Александра, и ему некогда было послать весть отцу своему, ибо уже приближались враги. Потому и многие новгородцы не успели присоединиться, так как поспешил князь выступить. И выступил против них в воскресенье пятнадцатого июля, имея веру великую к святым мученикам Борису и Глебу.

И был один муж, старейшина земли Ижорской, именем Пелугий, ему поручена была ночная стража на море. Был он крещен и жил среди рода своего, язычников, наречено же имя ему в святом крещении Филипп, и жил он богоугодно, соблюдая пост в среду и пятницу, потому и удостоил его бог видеть видение чудное в тот день. Расскажем вкратце.

Узнав о силе неприятеля, он вышел навстречу князю Александру, чтобы рассказать ему о станах врагов. Стоял он на берегу моря, наблюдая за обоими путями, и провел всю ночь без сна. Когда же начало всходить солнце, он услышал шум сильный на море и увидел один насад, плывущий по морю, и стоящих посреди насада святых мучеников Бориса и Глеба в красных одеждах, держащих руки на плечах друг друга. Гребцы же сидели, словно мглой одетые. Произнес Борис: «Брат Глеб, вели грести, да поможем сроднику своему князю Александру». Увидев такое видение и услышав эти слова мучеников, Пелугий стоял, трепетен, пока насад не скрылся с глаз его.

Вскоре после этого пришел Александр, и Пелугий, радостно встретив князя Александра, поведал ему одному о видении. Князь же сказал ему: «Не рассказывай этого никому».

После того Александр поспешил напасть на врагов в шестом часу дня, и была сеча великая с римлянами, и перебил их князь бесчисленное множество, а на лице самого короля оставил след острого копья своего.

Проявили себя здесь шесть храбрых, как он, мужей из полка Александра.

Первый — по имени Гаврило Олексич. Он напал на шнеки, увидев королевича, влекомого под руки, въехал до самого корабля по сходням, по которым бежали с королевичем; преследуемые им схватили Гаврилу Олексича и сбросили его со сходен вместе с конем. Но по

божьей милости он вышел из воды невредим, и снова напал на них, и бился с самим воеводою посреди их войска.

Второй — по имени Сбыслав Якунович, новгородец. Этот много раз нападал на войско их и бился одним топором, не имея страха в душе своей; и пали многие от руки его, и дивились силе и храбрости его.

Третий — Яков, родом полочанин, был ловчим у князя. Этот напал на полк с мечом, и похвалил его князь.

Четвертый — новгородец, по имени Меша. Этот пеший с дружиною своею напал на корабли и потопил три корабля.

Пятый — из младшей дружины, по имени Сава. Этот ворвался в большой королевский златоверхий шатер и подсек столб шатерный. Полки Александровы, видевши падение шатра, возрадовались.

Шестой — из слуг Александра, по имени Ратмир. Этот бился пешим, и обступили его враги многие. Он же от многих ран пал и так скончался.

Все это слышал я от господина своего великого князя Александра и от иных, участвовавших в то время в этой битве.

Было же в то время чудо дивное, как в прежние дни при Езекии-царе. Когда пришел Сенахирим, царь ассирийский, на Иерусалим, желая покорить святой град Иерусалим, внезапно явился ангел господень и перебил сто восемьдесят пять тысяч из войска ассирийского, и, встав утром, нашли только мертвые трупы. Так было и после победы Александровой: когда победил он короля, на другом берегу реки Ижоры, где не могли пройти полки Александровы, здесь нашли несметное множество убитых ангелом господним. Оставшиеся же обратились в бегство, и трупы мертвых воинов своих набросали в корабли и потопили их в море. Князь же Александр возвратился с победою, хваля и славя имя своего творца.

На второй же год после возвращения с победой князя Александра вновь пришли из Западной страны и построили город на земле Александровой. Князь же Александр вскоре пошел и разрушил город их до основания, а их самих — одних повесил, других с собою увел, а иных, помиловав, отпустил, ибо был безмерно милостив.

После победы Александровой, когда победил он короля, на третий год, в зимнее время, пошел он с великой си-

лой на землю немецкую, чтобы не хвастались, говоря: «Покорим себе славянский народ».

А был ими уже взят город Псков и наместники немецкие посажены. Он же вскоре изгнал их из Пскова и немцев перебил, а иных связал и город освободил от безбожных немцев, а землю их повоевал и пожег и пленных взял бесчисленное множество, а других перебил. Немцы же, дерзкие, соединились и сказали: «Пойдем, и победим Александра, и захватим его».

Когда же приблизились немцы, то проводали о них стражи. Князь же Александр приготовился к бою, и пошли они друг против друга, и покрылось озеро Чудское множеством тех и других воинов. Отец Александра, Ярослав, прислал ему на помощь младшего брата Андрея с большою дружиною. Да и у князя Александра было много храбрых воинов, как в древности у Давида-царя, сильных и стойких. Так и мужи Александра исполнились духа ратного, ведь были сердца их как сердца львов, и воскликнули: «О княже наш славный! Ныне пришло нам время положить головы свои за тебя». Князь же Александр воздел руки к небу и сказал: «Суди меня, боже, рассуди спор мой с народом неправедным и помоги мне, господи, как в древности помог Моисею одолеть Амалика и прадеду нашему Ярославу окаянного Святополка».

Была же тогда суббота, и когда взошло солнце, сошлись противники. И была сеча жестокая, и стоял треск от ломающихся копий и звон от ударов мечей, и казалось, что двинулось замерзшее озеро, и не было видно льда, ибо покрылось оно кровью.

А это слышал я от очевидца, который поведал мне, что видел воинство божие в воздухе, пришедшее на помощь Александру. И так победил врагов помощью божьей, и обратились они в бегство. Александр же рубил их, гоня, как по воздуху, и некуда было им скрыться. Здесь прославил бог Александра пред всеми полками, как Иисуса Навина у Иерихона. А того, кто сказал: «Захватим Александра», — отдал бог в руки Александра. И никогда не было противника, достойного его в бою. И возвратился князь Александр с победою славною, и было много пленных в стане его, и вели босыми подле коней тех, кто называет себя «божьими рыцарями».

И когда приблизился князь к городу Пскову, то игумены, и священники, и весь народ встретили его перед горо-

дом с крестами, воздавая хвалу богу и прославляя господина князя Александра, поюще ему песнь: «Ты, господи, помог кроткому Давиду победить иноплеменников и верному князю нашему оружием крестным освободить город Псков от иноязычников рукою Александровою».

И сказал Александр: «О невежественные псковичи! Если забудете это до правнуков Александровых, то уподобитесь иудеям, которых питал господь в пустыне манною небесною и перепелами печеными, но забыли все это они и бога своего, избавившего их от плена египетского».

И прославилось имя его во всех странах, от моря Хонужского и до гор Араратских, и по ту сторону моря Варяжского и до великого Рима.

В то же время набрал силу народ литовский и начал грабить владения Александровы. Он же выезжал и избивал их. Однажды случилось ему выехать на врагов, и победил он семь полков за один выезд и многих князей их перебил, а иных взял в плен, слуги же его, насмехаясь, привязывали их к хвостам коней своих. И начали они с того времени бояться имени его.

В то же время был в восточной стране сильный царь, которому покорил бог народы многие от востока и до запада. Тот царь, прослышав о такой славе и храбрости Александра, отправил к нему послов и сказал: «Александр, знаешь ли, что бог покорил мне многие народы. Что же — один ты не хочешь мне покориться? Но если хочешь сохранить землю свою, то приди скорее ко мне и увидишь славу царства моего».

После смерти отца своего пришел князь Александр во Владимир в силе великой. И был грозен приезд его, и промчалась весть о нем до устья Волги. И жены моавитские начали страшить детей своих, говоря: «Вот идет Александр!»

Решил князь Александр пойти к царю в Орду, и благословил его епископ Кирилл. И увидел его царь Батый, и поразился, и сказал вельможам своим: «Истину мне сказали, что нет князя, подобного ему». Почтив же его достойно, он отпустил Александра.

После этого разгневался царь Батый на меньшего брата его, Андрея, и послал воеводу своего Неврюя разорить землю Суздальскую. После разорения Неврюем земли Суздальской князь великий Александр воздвиг церкви, города отстроил, людей разогнанных собрал в дома

их. О таких сказал Исайя-пророк: «Князь хороший в странах — тих, приветлив, кроток, смиренен — и тем подобен богу». Не прельщаясь богатством, не забывая о крови праведников, сирот и вдов по правде судит, милостив, добр для домочадцев своих и радушен к приходящим из чужих стран. Таким и бог помогает, ибо бог не ангелов любит, но людей в щедрости своей щедро одаривает и являет в мире милосердие свое.

Наполнил же бог землю Александра богатством и славою, и продлил бог дни его.

Однажды пришли к нему послы от папы из великого Рима с такими словами: «Папа наш так говорит: „Слышали мы, что ты князь достойный и славный и земля твоя велика. Потому и прислали к тебе из двенадцати кардиналов двух умнейших — Агалдада и Гемонта, чтобы послушал ты речи их о законе божьем“».

Князь же Александр, подумав с мудрецами своими, написал ему такой ответ: «От Адама до потопа, от потопа до разделения народов, от разделения народов до начала Авраама, от Авраама до прохождения израильтян сквозь море, от исхода сынов Израилевых до смерти Давида-царя, от начала царствования Соломона до Августа и до Христова рождества, от рождества и до распятия его и воскресения, от воскресения же его и вознесения на небеса и до царствования Константинова, от начала царствования Константинова до первого собора и седьмого — обо всем этом хорошо знаем, а от вас учения не примем». Они же возвратились вояси.

И умножились дни жизни его в великой славе, ибо любил священников, и монахов, и нищих, митрополитов же и епископов почитал и внимал им, как самому Христу.

Было в те времена насилие великое от иноверных, преследовали они христиан, заставляя их воевать на своей стороне. Князь же великий Александр пошел к царю, чтобы отмолить людей своих от этой беды.

А сына своего Дмитрия послал в Западные страны, и все полки свои послал с ним, и ближних своих домочадцев, сказав им: «Служите сыну моему, как самому мне, всей жизнью своей». И пошел князь Дмитрий в силе великой, и завоевал землю Немецкую, и взял город Юрьев, и возвратился в Новгород со множеством пленных и с большою добычею.

Отец же его великий князь Александр возвратился из Орды от царя, и дошел до Нижнего Новгорода, и там занемог, и, прибыв в Городец, разболелся. О горе тебе, бедный человек! Как можешь описать кончину господина своего! Как не выпадут зеницы твои вместе со слезами! Как не вырвется сердце твое с корнем! Ибо отца оставить человек может, но доброго господина нельзя оставить; если бы можно было, то и в гроб бы сошел с ним!

Много потрудившись богу, он оставил царство земное и стал монахом, ибо имел безмерное желание принять ангельский образ. Сподобил же его бог и больший чин принять — схиму. И так с миром богу дух свой предал месяца ноября в 14 день, на память святого апостола Филиппа.

Митрополит же Кирилл говорил: «Дети мои, знайте, что уже зашло солнце земли Суздальской!» Иереи и диаконы, черноризцы, нищие и богатые и все люди восклицали: «Уже погибает!»

Святое же тело Александра понесли к городу Владимиру. Митрополит же, князья и бояре и весь народ, малые и большие, встречали его в Боголюбове со свечами и кадилами. Люди же толпились, стремясь прикоснуться к святому телу его на честном одре. Стояли же вопль, и стон, и плач, каких никогда не было, так что и земля содрогнулась. Положено же было тело его в церкви Рождества святой богородицы, в великой архимандритии, месяца ноября в 24 день, на память святого отца Амфилохия.

Было же тогда чудо дивное и памяти достойное. Когда было положено святое тело его в гробницу, тогда Севастьян-эконом и Кирилл-митрополит хотели разжать его руку, чтобы вложить грамоту духовную. Он же, будто живой, простер руку свою и принял грамоту из руки митрополита. И смятение охватило их, и едва отступили они от гробницы его. Об этом возвестили всем митрополит и эконом Севастьян. Кто не удивится тому чуду, ведь тело его было мертво и везли его из дальних краев в зимнее время.

И так прославил бог угодника своего.

СКАЗАНИЕ О ДОВМОНТЕ

Древнерусский текст

СКАЗАНИЕ О БЛАГОВѢРНЕМЪ КНЯЗИ ДОВМОНТѢ
И О ХРАБРОСТИ ЕГО

Вѣсто 6773-е. Побѣдася Литва межѣ собою
нѣкиа ради нужа, блаженный же князь До-
мантъ съ друженою своею и съ всѣмъ родомъ
своимъ оставль отечество свое, землю Литовскую, и
прибѣже в Пльсков. Си бысть князь Домонтъ от пле-
мени литовского, прѣвѣ имѣа ко идоломъ служение по
отцю преданию, егда богъ восхотѣ избрати собѣ люди
новы, и вдохну в онъ благодать святого духа, и
възбнувся, яко от сна, от идолского служения и помыс-
ли своими бояры креститися во имя отца и сына и свя-
того духа. И крещен бысть въ соборной церкви, въ
святѣй Троици, и наречено бысть имя ему въ святомъ
крещении Тимофѣй. И бысть радость велика во Плес-
кове, и посадиша его мужи псковичи на княжение въ
градъ Псковъ.

По неколицѣхъ днѣхъ помысли ехати съ мужи псковичи,
съ 3-ми девяносты, и плени землю Литовскую, и отече-
ство свое повоева, и княгиню Герденевую полони и
дѣти ся, и все княжение его повоева, и възратися съ
множествомъ полона ко граду Плескову. Перебродився
Двину, и отѣха за 5 верстъ, и ста шагры на бору
чистѣ, а стражи постави на рѣцѣ на Двинѣ Давыда
Якуновича, внука Жаврова, с Лувою с Литовникомъ,
двѣ же девяностъ мужъ отпровади с полономъ, а во

едином девяносте сам ся оста, жда по собѣ погони. Герденю же съ своими князи дома не бывшо, и приехали в дома своя, аже домовѣ их и земля их вся плсена. Ополчився Гордений и Гойторть и Люмби и Югайло и прочии князи, в семисотѣ погнаша в слѣд Домонта, хотяще его руками яти и лютой смерти продати, а мужи псковичи мечи иссѣчи, и пресбродившеся Двину рѣку и стаха на брезѣ. И стражи же, видѣвше рать велику, пригнавше, поведавше Домонту: рать перебродилася Двину. Домонтъ же рече Давыду и Лувѣ: «Помози вама богъ и святаа Троица, оже еста устерегла рать велику, полезѣта доловѣ». И рече Давыдъ и Лувѣ: «Не лезова доловѣ, хотя животъ свой дати на славу и кровь свою пролити с мужи съ псковичи за святую Троицу и за вся церкви святаа. А ты, господине княже, поеди борзо с мужи съ псковичи на поганую Литву». Домонтъ же рече псковичемъ: «Братѣа мужи псковичи, кто старѣ, то отецъ, а кто млад, той братъ! Слышалъ есмь мужество ваше во всѣхъ странах, се же, братѣа, намъ предлежитъ животъ и смерть. Братѣа мужи псковичи, потягнѣте за святую Троицу и за святаа церкви, за свое отечество!»

Тогда же бѣ приспѣлъ день великого и славнаго воеводы, мученика Христова Леонтия, и рече Тимофѣй князь: «Святаа Троица, и святой великий воевода Леонтий, и благовѣрный княже Всеволоде, помози намъ в часъ сий на супротивныя врагы». И ехавъ, князь Домонтъ с мужи псковичи божиею силою и святого Христова мученика Леонтия единомъ девяностомъ 7 сот побѣди. Тогда же убиенъ бысть князь великий литовский *Гойторть*, и инѣхъ князей много избиша; а инаа Литва въ Двине истопоша, а инѣхъ Двина изверже 70 их на островъ Гондовъ, а инии на прочаа острова извержени быша, а инии вниз по Двине поплыша. Тогда же убиенъ бысть Онтонъ единъ псковитинъ, сынъ Лочковъ, братъ Смолиговъ, а инии вси безъ вреда съхранени быша молитвою святого Христова мученика Леонтия. И възвратишася с радостию великою ко Пскову граду съ многою користию, и бысть радость и веселіе велико въ градѣ во Пскове о пособии святаа Троица, и славнаго великого Христова мученика Леонтия, и благовѣрнаго князя Всеволода, ихъ молитвами на супостаты побѣда.

И пакы же по томъ времени, в лѣто 6775-е, великий князь Дмитрий Олександровичъ съ зятемъ своимъ с Домон-

томъ и с мужи с новгородци и со псковичи и иде к Раковору, и бысть съча велика с погаными немци на полѣ чистѣ, и помощию святыа Софна премудрости божна и святыа Троици немецкия полкы побѣдиша февраля 18 суботу сыропусную. И прошед горы непроходимаа, и иде на вируяны, и плени землю их и до моря, и повосва Поморье, и паки возвратився, и исполни землю свою множеством полона. И славна бысть вся земля ею во всехъ странах страхом грозы храброства великого князя Дмитрея, и зятя его Домонта, и мужь ею новгородцовъ и псковичь.

И по томъ по неколикихъ дняхъ останок собравше поганое латины, и пришед тайно, и взяша с украины нѣколько псковскихъ сълѣ, и възвратишася вскорѣ. И боголюбивы же князь Домонтъ не стерпѣ обидимъ быти земли и дому святыа Троица от нападения поганыхъ немещь, выхавъ в погоню с малою дружиною в пяти насадах с шестьюдесятью мужь псковичь, божиею силою 8 сотъ немѣц побѣди на рѣцѣ на Миropовнѣ, а два насада бѣжаше в ыныа острова. Боголюбивый же князь Домонтъ, ехав и зажже островъ, и пожже ихъ под травою, а инни побѣгоша, а власи их зажжени горять, а инных исѣче, а инни истопоша в водѣ пособием святыа Троици, и славнаго великого воина Георгия, и молитвою благовърнаго князя Всеволода, месяца априля в 23 день, на память святого славнаго мученика Христова Георгия. И възвратишася с радостію великою въ град во Псковъ, и бысть радость и веселие въ граде во Пскове о пособии святыа Троица и святого воина великого Христова мученика Георгия.

Слышав же местерь земля Ризския мужство Домонтово, ополчився в силѣ тяжцѣ без бога, и прииде ко Пскову в корабляхъ, и в лодьях, и на конехъ, и с пороки, хотя плѣнити домъ святыа Троица, а князя Домонта руками яти, а мужь псковичь мечи исѣчи, а иныа люди плесковскыа в работу ввѣсти. Слышав же то Домонтъ, ополчающаяся люди без ума, во множествѣ силы, без бога, и вниде въ церковь святыа Троица и, положивъ мечъ свой пред олтаремъ господнимъ, пад, моляся много с плачемъ, сице глаголя: «Господи боже силъ, мы, людие твои и овца пажити твоя, имя твое призываемъ, призри на кроткия и смиренныа възвыши, и гордыхъ высокия мысли низложи, да не опуститъ пажить овцъ твоихъ». И взем же игумень Сидоръ мечъ, и всь нерѣйскій чинъ, препоясавше мечемъ, и благословивша

и отпустиша. Домонѣ же въ множествѣ ярости мужства своего, не дождавъ полковъ новгородскихъ, с малою дружиною с мужи съ псковичи выехавъ, божіею силою побѣди и изби полки ихъ, самого же местера раниша по лицу. Они же трупѣ своя многи учаны накладоша, вѣзоша в землю свою, а останокъ ихъ устрѣмиша на бѣгъ, месяца июня в 8 день, на память святого мученика Федора Стратилата принесению мощей.

И паки же по временехъ княжения его начаша поганая латына силу дѣлати на псковичехъ нападеніемъ и работою. Боголюбивый же князь Тимофѣй, не стерпѣ обидимъ быти, ехавъ с мужи съ псковичи, и плѣни землю и грады ихъ пожже.

И по томъ по малѣ времѣни бысть знамение в лунѣ, месяца сентября. Тоа же зимы грѣхъ ради нашихъ изгониша немци изгонною ратью посад у Пскова, в лѣто 6807-е, месяца марта въ 4 день, на память святого мученика Павла и Ульяны, и избиша игумены; тогда убиенъ бысть Василей, игумень святого Спаса, Иосифъ прозвутерь, Иасаф, игумень святѣй Богородици Снятой горѣ, и с ними 17 мнихъ, и чернѣца, и черницы, и убогы, и жены, и малыа дѣтки, а мужъ богъ ублюдѣ. Въ утрий же день погании немци оступиша градъ Псковъ, хотяще его плѣнити. Боголюбивый же князь Тимофѣй не стерпѣ дождати мужъ своихъ болшея рати и выеха с малою дружиною с мужи съ псковичи и с Ѳваномъ с Дорогомиловичемъ и съ его дружиною, противо имъ вполчився. Помощью святыа Троица у святого Петра и Павла не бѣрезѣ удари на нихъ; и бысть съча зла, яко же николи же не бывала у Пскова, и раниша самого мѣдѣря по главѣ, а вельневици, изымавъ, посла к великому князю Андрѣеви, а прочии вскорѣ повергъша оружиа и устрѣмишася на бѣгъ страхомъ грозы храборства Домонтова и мужъ его псковичъ.

Тогда же бѣаше и моръ золъ на людехъ.

Сей же бѣ князь не однимъ храборствомъ показанъ бысть от бога, но и боголюбець показася, в мирѣ приветливъ, и церкви украшаа, и попы и нищаа любя, и вся праздники честно проводя, и попы и чернѣца кормля, и милостыню даа и сиротамъ и вдовицамъ. Яко же рече Исайя пророкъ: «Князь благъ въ странѣ, увѣтливъ, боголюбивъ, страннолюбець, кротокъ, смѣренъ, по образу божію; богъ бо мира не аггеломъ любить, но челоуѣкомъ щедря си ущедряеть и показуеть милость свою на мирѣ».

И прославися имя князей нашихъ во всѣхъ странахъ, и бысть имя ихъ грозно на ратехъ, и быша князи княземъ и воеводы воеводамъ, и бысть грозенъ гласъ ихъ предъ полки, аки труба звѣнящи, и бысть побѣжаа и не бѣ побѣдимъ, яко же бѣ и Акрита, единъ побѣжая полки в крѣпости силы своеа. Тако же и великий князь Александръ и Дмитрей, сынъ его, с своими бояры и с новгородци, и съ зятемъ своимъ с Домонтомъ и съ его мужи с плесковичи побѣжаа страны поганыа Немець, Литву, Чюдъ, Корелу. То единого ли ради Езекиа съхраненъ бысть Иерусалимъ от плѣненія Синахиримля, царя Асурска. Паки же и великимъ княземъ Александромъ, и сыномъ его Дмитреемъ, и зятемъ его Домонтомъ спасенъ бысть градъ Новгород и Псковъ от нападенія поганныхъ немѣць.

И по томъ времени мало здоровъ бывъ благовѣрный князь Тимофей и нача болѣти, и в той болѣзни и преставися к богу в жизнь вѣчную месяца майя в 20, на память святого мученика Фалѣла. И проводиша его все поповство, и игумены, и чернцы, и все множество людей плакахуся его, и тако положиша и в святѣй Троици с похвалами, и пѣсньми, и пѣнии духовными. Бысть же тогда жалость велика въ Плѣсковѣ мужемъ, и женамъ, и малымъ дѣтемъ по добромъ господине благовѣрномъ князи Тимофѣи, и много бо дне пострада за домъ святыа Троица и за мужей за псковичъ стояниемъ дому святыа Троица.

СКАЗАНИЕ О ДОВМОНТЕ

Перевод

СКАЗАНИЕ О БЛАГОВЕРНОМ КНЯЗЕ
ДОВМОНТЕ И О ХРАБРОСТИ ЕГО

В

6773 (1266) году из-за какой-то распри побились литовцы друг с другом, блаженный же князь Довмонт с дружиною своею и со всем родом своим покинул отечество свое, землю Литовскую, и прибежал во Псков. Был этот князь Довмонт из рода литовского, сначала поклонялся он идолам по заветам отцов, а когда бог восхотел обратить в христианство людей новых, то снизошла на Довмонта благодать святого духа, и, пробудившись, как от сна, от служения идолам, задумал он со своими боярами креститься во имя отца и сына и святого духа. И крещен был в соборной церкви, в святой Троице, и наречено было ему имя во святом крещении Тимофей. И была радость великая во Пскове, и посадили его мужи-псковичи на княжение в городе Пскове.

Несколько дней спустя задумал Довмонт отправиться в поход с мужами-псковичами, с тремя девяносто, и покорил землю Литовскую, и отечество свое завоевал, и полонил княгиню Герденю и детей их, и все княжество его разорил, и направился со множеством пленных к городу Пскову. Перейдя вброд через Двину, отошел на пять верст и поставил шатры в бору чистом, а на реке Двине оставил двух стражей — Давыда Якуновича, внука Жаврова, с Лувою Литовником. Два же девяносто воинов он отправил с добычей, а с одним девяносто остался, ожидая погони.

В то время Гердень и князя его были в отъезде, когда же приехали они домой, то увидели, что дома их и земля разорены. Ополчились тогда Гердень, и Гойторт, и Люмби, и Югайло, и другие князья, с семью сотнями воинов погнались вслед за Довмонтом, желая схватить его и лютой смерти предать, а мужей-псковичей мечами посечь; и, перейдя вброд реку Двину, встали они на берегу. Стражи, увидев войско великое, прискакали и сообщили Довмонту, что рать литовская перешла Двину. Довмонт же сказал Давыду и Лузе: «Помогли вам бог и святая Троица за то, что устерегли войско великое, ступайте отсюда». И ответили Давыд и Луза: «Не уйдем отсюда, хотим умереть со славой и кровь свою пролить с мужами-псковичами за святую Троицу и за все церкви святые. А ты, господин и князь, выступай быстрее с мужами-псковичами против поганных литовцев». Довмонт же сказал псковичам: «Братья мужи-псковичи! Кто стар — тот отец мне, а кто млад — тот брат. Слышал я о мужестве вашем во всех странах, сейчас же, братья, нам предстоит жизнь или смерть. Братья мужи-псковичи, постоим за святую Троицу и за святые церкви, за свое отечество!».

Это был день великого и славного воеводы, мученика Христова Леонтия, и произнес князь Тимофей: «Святая Троица, и святой великий воевода Леонтий, и благоверный князь Всеволод, помогите нам в час сей одолеть ненавистных врагов». Выехал князь Довмонт с мужами-псковичами и божиею силою и помощью святого Христова мученика Леонтия с одним девяносто семьсот врагов победил. В этой битве был убит великий литовский князь Гойторт, и иных князей многих убили, многие литовцы в Двине утонули, а семьдесят из них выбросила река на остров Гоидов, а иные на другие острова были выброшены, некоторые же вниз по Двине поплыли. Из псковичей же тогда был убит один Антон, Лочков сын, брат Смолигов, а другие остались невредимыми, благодаря молитве святого Христова мученика Леонтия. И возвратились они с радостью великой к Пскову-городу и с многой добычей, и были радость и веселье всеобщее в городе Пскове о заступничестве святой Троицы, и славного великого Христова мученика Леонтия, и благоверного князя Всеволода, ибо их молитвами были побеждены супостаты. И снова, спустя некоторое время, в год 6775 (1268), великий князь Дмитрий Александрович с зятем своим

Довмонтом и с мужами-новгородцами и псковичами пошли к Раковору, и было побоище великое с безбожными немцами на поле чистом, и с помощью святой Софии премудрости божьей и святой Троицы победили они полки немецкие 18 февраля в субботу сыропустную. Довмонт, пройдя земли непроходимые, пошел на вируян, и завоевал землю их до моря, и Поморье разорил, и возвратился обратно, и пополнил землю свою множеством пленных. И прославилась земля их во всех странах, уstraшенных грозою храбрости великого князя Дмитрия Александровича, и зятя его Довмонта, и мужей их — новгородцев и псковичей.

Через несколько дней собрались поганые латиняне, те, кто остались живы, и пришли тайно, и взяли несколько псковских сел по окраинам, и быстро возвратились вспять. Боголюбивый же князь Довмонт не потерпел обиды Псковской земле и церкви святой Троицы от нападения поганых немцев, выехав в погоню с малою дружиною в пяти насадах с шестьюдесятью воинами-псковичами, божьею силою восемьсот немцев победил на реке Мироповне, а два их насада скрылись на островах. Боголюбивый князь Довмонт, подъехав, зажег остров и пожег их в траве, — одни побежали, и волосы их горели, а других Довмонт посек, а третьи потонули в воде помощью святой Троицы, и славного великого воина Георгия, и молитвою благоверного князя Всеволода месяца апреля в двадцать третий день, на память святого славного мученика Христова Георгия. И возвратились они с радостью великою в город Псков, и были радость и веселие в городе Пскове о заступничестве святой Троицы и святого воина великого Христова мученика Георгия.

Прослышал магистр земли Рижской о мужестве Довмонта, ополчился в силе страшной, безбожной и пришел ко Пскову в кораблях, и в ладьях, и на конях, и с орудиями стенобитными, намереваясь пленить дом святой Троицы и князя Довмонта схватить, а мужей-псковичей мечами посечь, а остальных людей псковских в плен увести. Услышав о том, что ополчилось на него множество сильных врагов без ума и без бога, Довмонт вошел в церковь святой Троицы и, положив меч свой пред алтарем господним, пал на колени, молясь со слезами, говоря так: «Господи боже сил, мы, люди твои и овцы пажити твоей, имя твое призываем, смилуйся над кроткими, и смиренных возвысь, и надменные мыс-

ли гордых смири, да не опустеет пажить овец твоих». И взял игумен Сидор и все священники меч и, препоясав Довмонта мечом и благословив его, отпустили. Довмонт в ярости мужества своего, не дождавшись полков новгородских, с малою дружиною мужей-псковичей выехав, божьею силою победил и побил полки врагов, самого же магистра ранил в лицо. Те же, положив трупы убитых во многие учаны, повезли их в землю свою, а оставшиеся в живых, обратились в бегство месяца июня в восьмой день, на память перенесения мощей святого мученика Федора Стратилата.

И снова во времена княжения Довмонта начали поганые латиняне угрожать псковичам набегами и неволей. Боголюбивый же князь Тимофей не потерпел обиды, выехал с мужами-псковичами и разорил землю их и города сжег.

Вскоре после этого, в сентябре месяце, было лунное затмение. В ту же зиму за грехи наши ворвались немцы легкими отрядами в предместья Пскова в год 6807 (1299) 4 марта, на память святого мученика Павла и Ульяны, и перебили игуменов; тогда был убит Василий, игумен святого Спаса, пресвитер Иосиф, Иоасаф, игумен монастыря святой Богородицы на Сметной горе, и с ними семнадцать монахов, много чернецов, и черниц, и убогих, и женщин, и малых детей, а мужчин бог сохранил. Наутро поганые немцы обступили город Псков, собираясь его захватить. Боголюбивый же князь Тимофей в ностерпении не дождался своего основного войска и выехал с малою дружиною мужей-псковичей и с Иваном Дорогомилловичем и его дружиною и приготовился к битве. С помощью святой Троицы ударил по ним Довмонт у церкви святых Петра и Павла на берегу, и была сеча жестокая, какой никогда не бывало у Пскова, и самого командора ранили в голову, а вельневичан, взяв в плен, послали к великому князю Андрею, а остальные вскоре бросили оружие и побежали, страшась гнева храбрости Довмонта и его мужей-псковичей.

Тогда же был мор жестокий среди народа.

Сей князь не только одной храбростью отмечен был от бога, но отличался боголюбием, был приветлив в миру, и украшал церкви, и любил священников, и все праздники достойно соблюдал, наделял необходимым священников и чернецов, был милостив к сиротам и вдо-

вицам. Как сказал Исайя-пророк: «Хороший князь в стране — приветлив, боголюбив, любит странников, кроток и смиренен по образу божью; ибо бог в мире не к ангелам питает любовь, но к людям, наделяя их щедро, благодетельствует им и на земле проявляет милосердие свое».

И прославилось имя князей наших во всех странах, и было имя их грозою во время ратное, и были они князья князьям и воеводы воеводам, и был голос их грозен перед полками, как звенящая труба, и побеждали они, но были непобедимыми, подобно Акриту, в одиночку побеждавшему полки мужеством силы своей. Так и великий князь Александр, и Дмитрий, сын его, со своими боярами, и с новгородцами, и с зятем своим Довмонтом, и с его мужами-псковичами побеждали народы иноверные — немцев, литовцев, чудь и корелу. Не ради ли одного Иезекии был сохранен Иерусалим от разорения Сенахиримом, царем ассирийским? Так и великим князем Александром, и сыном его Дмитрием, и зятем его Довмонтом спасены были Новгород и Псков от нашествия поганых немцев.

И потом занемог благоверный князь Тимофей и в болезни отошел к богу в жизнь вечную месяца мая в двадцатый день, на память святого мученика Фалалея. И провожали его всем собором, игумены и чернецы, и многие люди оплакивали его, и положили его в святой Троице с похвалами и песнопеньями духовными. И скорбели в Пскове мужи, и жены, и малые дети о добром господине, благоверном князе Тимофее, ибо много он потрудился ради дома святой Троицы и мужей-псковичей, отстаивая дом святой Троицы.

РУКОПИСАНИЕ МАГНУША

Древнерусский текст

Влѣто 6860. Рукописание Магнуша, короля свѣйскаго. Се язъ, князь Магнушь, король свѣйскій, нареченый въ святомъ крещеньи Григорій, отходя сего свѣта, пишу рукописание при своемъ животѣ, а приказываю своимъ дѣтемъ, и своей братѣ, и всей земли Свѣйской: не наступайте на Русь на крестномъ цѣлованьи, занеже намъ не посабляется.

Первие сего подьялься местерь Бельгеръ и шелъ в Неву, и срѣте его князь великий Александръ Ярославич на Ижерѣ-рѣцѣ, и самого прогна, а рать его побѣ.

И потом брат мой Маскалка, вшедъ в Неву, городъ постави на Охтѣ-рѣцѣ и посадники своя посади съ множествомъ нѣмецъ, а самъ поиде за море. И пришед великий князь Андрѣй Александрович, городъ взя, а намѣстники и нѣмѣць побѣ.

И потом было намъ розмирие с Русью 40 лѣтъ.

И потом за сорок лѣтъ с великимъ княземъ Юрьемъ Даниловичемъ взяли есмя миръ вѣчный на Невѣ, земли есмя и водѣ учинили роздѣлъ, кому чѣмъ владѣти, и грамоты есмя пописали и попечатали.

И потом за 30 лѣтъ, язъ, Магнушь-король, того не порядя, поднялся есмь съ всею землею Свѣйскою, и вшед в Неву, и взя городъ Орѣховъ и намѣстники есмь свои в городъ посадилъ, и съ ними нѣколко силы моей оставих, а самъ есмь пошелъ за море. И потомъ новгородци пришед, городъ свой взяли, а намѣстниковъ и нѣмѣць побѣли, которы сидѣли в городѣ.

И язъ, того не поряда, за одинъ годъ, опять пошелъ к Орѣхову съ всею Свѣйскою землею; и стрѣти мя вѣсть, что новгородци под Орѣховцемъ. И язъ опять пошел под Копорью, и под Копорьею есмь ночь ночевал; и вѣсть ко мнѣ пришла: новгородци на *украѣ* земли. И язъ слышавъ, побѣглъ за море, ино в валу парусовъ не знати; и вѣста буря силна, и потопа рати моей много на усть-Неровы-рѣкы. И пошелъ есмь в землю свою съ *останкомъ* рати.

И от того времени наиде на нашу землю Свѣйскую погыбель: потопъ, моръ, голодъ и бысть съча между собою. У самого у мене богъ отъя умъ, и сѣдѣх в полате год прикованъ къ стѣнѣ чепию желѣзною и задѣланъ есмь был в полатѣ.

И потомъ приѣхалъ сын мой Сакунъ из Мурманской земли, и выня мя ис полаты, и повезе в землю свою Мурманскую. И удари на мене опять потопъ, корабли мои и люди мои истопи вѣтръ, а сам сътворихся на днѣ корабленемъ, и с торцнемъ пригвоздихся, три дни и три нощи. И по божию повелѣнью, принесе мя вѣтръ под манастырь святаго Спаса в Полную рѣку, и сняху мя со дьскы черньци, и внесоша мя в манастырь и постригоша мя в черньци и въ скыму. И сътвори мя господь три дни и три нощи жива; а все то мене богъ казнилъ за мое высокоумие, что есмь наступалъ на Русь на крестномъ целовании.

И нынѣ приказываю своимъ дѣтем и своей братии и всей земли Свѣйской: не наступайте на Русь на крестномъ целовании, а кто наступитъ, на того огнь и вода, им же мене богъ казнилъ. А все то створилъ *богъ* къ моему спасению.

РУКОПИСАНИЕ МАГНУША

Перевод

В

6860 (1352) год. Завещание Магнуша, короля шведского. Вот я, князь Магнуш, король шведский, нареченный в святом крещении Григорием, уходя из этого мира, пишу завещание при жизни своей и приказываю своим детям, и своим братьям, и всей земле Шведской: не нападайте на Русь, если крест в том целовали; нет нам в этом удачи.

Первым пошел войной мессер Бельгер и вошел в Неву; и встретил его князь великий Александр Ярославич на Ижоре-реке, и самого прогнал, а рать его побил.

И потом брат мой Маскалка, войдя в Неву, город поставил на Охте-реке, посадников своих со множеством немцев там посадил, а сам пошел за море. И пришел великий князь Андрей Александрович, город взял, а наместников и немцев побил.

И потом было нам размирие с Русью сорок лет.

И потом, через сорок лет, заключили мы мир вечный на Неве с великим князем Юрием Даниловичем, земли и воды разделили, кому чем владеть, грамоты написали и скрепили печатями.

И потом, через тридцать лет, я, Магнуш-король, нарушив мир, поднялся со всею землею Шведскою, и вошел в Неву, и взял город Орехов, и наместников своих в городе посадил, а с ними часть войска оставил, а сам пошел за море. И потом новгородцы пришли, город свой взяли, а наместников и немцев, которые были в городе, перебили.

И я, не остерегшись этого, через год опять пошел к Орехову со всею Шведскою землею; и дошла до меня весть, что новгородцы под Ореховцем. И потом я опять пошел под Копорье, и под Копорьем ночь ночевал; и весть ко мне пришла: новгородцы совсем близко. И я, услышав это, побежал за море; из-за воли с парусами было не справиться, и поднялась буря сильная, и потопила рати моей много в устье Наровы-реки. И пошел я в землю свою с остатком войска.

И с того времени пришла на нашу землю Шведскую погибель: потоп, мор, голод и война междоусобная. У меня самого господь отнял разум, и сидел я в палате год прикованным к стене цепью железною, и заключен был я в этой палате.

И потом приехал сын мой Сакун из Мурманской земли, и взял меня из палаты, и повез меня в землю свою Мурманскую. И опять налетела буря: корабли мои и людей моих потопил ветер, а сам я очутился на дне корабельном и, уцепившись за доску, плавал три дня и три ночи. И по божью повелению принес меня ветер к монастырю святого Спаса в Полную реку, и сняли меня с доски монахи, и внесли меня в монастырь, и постригли меня в иноки, и принял схиму; сохранял меня господь три дня и три ночи живым, а все это — божья кара за мою гордыню, за то, что пошел войною на Русь, нарушив крестное целованье.

И теперь приказываю своим детям, и своим братьям, и всей земле Шведской: не наступайте на Русь, если крест в том целовали; а кто пойдет — против того будут и огонь и вода, как и меня ими бог казнил. А все это сотворил господь для моего спасения.

ПОВЕСТЬ О ПОБОИЩЕ НА РЕКЕ ПЬЯНЕ

Древнерусский текст

О ПОБОИЩЕ ИЖЕ НА ПИАНѢ

Въ лѣто 6885. <...> Того же лѣта перебѣжа из Синие Орды за Волгу нѣкоторый царевичъ именем Арапша, и въсхотѣ ити ратью к Новугороду к Нижнему. Князь же Дмитрей Костянтинович посла въсть къ зятю своему къ князю великому Дмитрею Ивановичю. Князь же великий Дмитрей събравъ воя многы и прииде ратью к Новугороду к Нижнему въ силѣ тяжцѣ.

И не бысть въсти про царевича Арапшу, и възвратися на Москву. А посла на них воеводы своя, а с ними рать володимерскую, переяславскую, юрьевскую, муромскую, ярославскую. А князь Дмитрей Суждальскый посла сына своего, князя Ивана, да князя Семена Михайловича, а с ними воеводы и воя многы.

И бысть рать велика зѣло, и поидоша за рѣку за Пиану, и прииде к ним въсть, повѣда имъ царевича Арапшу на Волчьи Водѣ. Они же оплошишася и небрежением хожаху, доспѣхи своя на телѣги своя въскладаху, а инии — в сумы, а у иных сулицы еще не пасажены бяху, а щиты и копья не приготовлены. А ѣздят, порты своя с плечь спущав, а петли розстѣгавъ, аки роспрѣли, бяхе бо им варно, бѣ бо в то время зпойно. А гдѣ паѣхажу в зажитыи мед или пиво, и испиважу до пьяна без мѣры и ѣздят пьяни. Поистиннѣ — за Пьяною пья-

ни! А старѣйшины их или князи их, или бояре старѣй-
шиа, велможы, или воеводы, тѣ всѣ побѣхаша ловы
дѣюще, утѣху си творяще, мнящеся, аки дома.

А в то время погании князи мордовьстии подведоша
втаю рать татарскую из мамаевы Орды на князей на-
ших. А князем не вѣдущим, и про то им вѣсти не было.
И доидоша на Шипару, абие погании борзо раздѣли-
шася на 5 полковъ, и внезапно из невѣсти удариша на
нашу рать в тылъ, бьюще и колюще и съкуще без ве-
сти. Наши же не успѣша ничто же, что бы им сѣтвори-
ти, побѣгоша к рѣцѣ ко Пьянѣ, а татарове послѣ, бью-
ще.

И ту убиша князя Семена Михайловича и множество
бояръ. Князь же Иван Дмитриевич прибѣгоша в ото-
ропѣ к рѣцѣ ко Пьянѣ, гоним напрасно, и вержеся на
конѣ в рѣку и ту утопе, и с ним истопоша в рѣцѣ мно-
жество бояръ и слугъ и народа безчислено. Сиа же
злоба съдѣяся мѣсяца августа въ 2 день, на память
святаго мученика Стефана, в недѣлю, въ 6 час дне от
полудне.

Татарове же одолѣвше христіаном, и стаха на костех,
полонѣ весь и грабеж оставиша ту, а сами поидоша к
Новугороду к Нижнему изгоном, без вести. Князю же
Дмитрею Костянтиновичю не бысть силы стати проти-
ву ихъ на бой, но побѣжа в Суждаль. А люди горожане
новгородстии разбѣжашася в судѣх по Волзѣ к Го-
родцу.

Татарове же приидоша к Новугороду к Нижнему мѣся-
ца августа въ 5 день, въ среду, на память святаго му-
ченика Еусегниа, в канунѣ Спасову дни, остаточных
людей горожанъ избиша, а град весь и церкви и мона-
стыри пожгоша, и згорѣло церквей въ градѣ 32. Отъ-
идоша же погании от града в пятницу иноплеменици,
волости новгородстии воюючи, а села жгучи и мно-
жество людей посякоша, а жены и дѣти и дѣвицы в
полонѣ без числа поведоша.

Того же лѣта пришед прежереченный царевич Арапша и
пограби Засурье и огнем пожже ѣ тогда.

Того же мѣсяца августа приѣха князь Василей Дмитре-
вич из Суждаля в Новѣгород в Нижний, посла и по-
велѣ выняти из рѣкы изо Пьяны брата своего, князя
Ивана. И привезоша его в Новѣгород, и плакашася
над ним, и положиша его въ церкви каменной святаго
Спаса, в притворѣ, на правой сторонѣ, за недѣлю по
Оспожинѣ дни, в той же день мѣсяца августа въ 23.

ПОВЕСТЬ О ПОБОИЩЕ НА РЕКЕ ПЬЯНЕ

Перевод

О ПОБОИЩЕ, БЫВШЕМ НА РЕКЕ ПЬЯНЕ

В год 6885 (1377). <...> В этом же году перешел из Синей Орды за Волгу некий царевич по имени Арапша, и захотел он пойти ратью на Нижний Новгород. Князь же Дмитрий Константинович послал об этом весть к зятю своему, ко князю великому Дмитрию Ивановичу. Князь же великий Дмитрий, собрав много воинов, пришел ратью к Нижнему Новгороду с войском большим и грозным.

И не было никаких известий о царевиче Арапше, и возвратился великий князь в Москву. А против татар он послал воевод своих, а с ними рать владимирскую, переяславскую, юрьевскую, муромскую, ярославскую. А князь Дмитрий Суздальский отправил сына своего, князя Ивана, да князя Семена Михайловича, а с ними воевод и множество воинов.

И собралось великое войско, и пошли они за реку за Пьяну. И пришла к ним весть, что царевич Арапша на Волчьей Воде. Они же повели себя беспечно, не помышляя об опасности: одни — доспехи свои на телеги сложили, а другие — держали их во выюках, у иных сулицы оставались не насаженными на древко, а щиты и копья не приготовлены к бою были. А ездили все, расстегнув застежки и одежды с плеч спустив, разо-

прев от жары, ибо стояло знойное время. А если находили по зажитьям мед или пиво, то пили без меры, и напивались допьяна, и ездили пьяными. Поистине — за Пьяною пьяные! А старейшины, и князья их, и бояре старшие, и вельможи, и воеводы, те все разъехались, чтобы поохотиться, утеху себе устроили, словно они дома у себя были.

А в это самое время поганые князья мордовские подвели тайно рать татарскую из мамоевой Орды на князей наших. А князья ничего не знали, и не было им никакой вести об этом. И когда дошли до Шипары, то поганые, быстро разделившись на пять полков, стремительно и неожиданно ударили в тыл нашим и стали безжалостно рубить, колоть и сечь. Наши же не успели приготовиться к бою и, не в силах ничего сделать, побежали к реке к Пьяне, а татары преследовали их и избивали.

И тогда убили князя Семена Михайловича и множество бояр. Князь же Иван Дмитриевич, жестоко преследуемый, прибежал в оторопи к реке Пьяне, бросился на коне в реку и утонул, и с ним утонули в реке многие бояре и воины, и народа без числа погибло. Это несчастье свершилось второго августа, в день памяти святого мученика Стефана, в воскресенье, в шестом часу пополудни.

Татары же, одолев христиан, стали на костях и весь полон и все награбленные богатства здесь оставили, а сами пошли изгоном, не подавая вестей, на Нижний Новгород. У князя же Дмитрия Константиновича не было войск, чтобы выйти на бой с ними, и он побежал в Суздаль. А новгородские жители убежали на судах вверх по Волге к Городцу.

Татары же пришли к Нижнему Новгороду пятого августа, в среду, в день памяти святого мученика Евсигния, накануне спасова дня, и оставшихся в городе людей перебили, а город весь и церкви и монастыри сожгли, и сгорело тогда в городе тридцать две церкви. Ушли же поганые иноплеменики из города в пятницу, разоряя нижненовгородские волости, сжигая села, и множество людей посекали, и бесчисленное количество женщин, и детей, и девиц повели в полон.

В том же году пришел прежде названный царевич Арапша, и повоевал, и пожег тогда Засурье.

И в том же месяце августе приехал князь Василий Дмитриевич из Суздаля в Нижний Новгород. И послал он

людей, и повелел вынуть из реки из Пьяны тело брата своего, князя Ивана. И привезли того в Нижний Новгород, и сотворили плач над ним, и похоронили его в каменной церкви святого Спаса, в притворе, на правой стороне, через неделю после господина дня, двадцать третьего августа.

ПОВЕСТЬ О БИТВЕ НА РЕКЕ ВОЖЕ

Древнерусский текст

О ПОБОИЩИ НА РѢЦѢ НА ВОЖѢ В РЯЗАНСКОЙ ЗЕМЛИ

Въ лѣто 6886. <...> Того же лѣта ординский князь, поганый Мамай, събравъ воя многы и посла Бѣгича ратью на князя великаго Дмитрея Ивановичя и на всю землю Русскую.

Се же слышавъ, князь великий Дмитрий Иванович събравъ воя многы и поиде противу их в силѣ тяжцѣ. И, переѣхавъ за Оку, вниде в землю Рязанскую и срѣтошася с татари у рѣки у Вожи, и стояху, промежу собою рѣку имуще.

Не по мнозѣх же днех татарове переѣхаша на сю сторону и, удариша в кони свои, и скочиша вборзѣ и, нюкнуша гласы своими, и поидоша на грунах и ткнуша на наших. И удари на них: съ одну сторону Тимофѣй околничий, а съ другую сторону князь Данилей Пронский, а князь великий удари в лице. Татарове же в том часѣ повергоша копыя своя и побѣгоша за рѣку за Вожою, а наши послѣ за ними быючи их, и съкучи, и колючи, и убиша их множество, а инии в рѣцѣ истопоша. А се имена избитых князей: Хазибѣй, Коверга, Карабулукъ, Костровъ, Бѣгичка.

По сих же приспѣ вечеръ, и заиде солнце, и смерчеся свѣтъ, и наста пощь, и бысть тма, и нелзѣ бѣше гнати-

ся за ними за рѣку. А на завѣтрее бысть мѣгла велики велика. А татарове тако и побѣгоша еще суши с вечера и чрес всю ночь бѣжаху. Князь же великий на заутрие уже перед обѣдом поиде за ними слѣдом ихъ, и погнаша ихъ убѣжавшихъ далече. Обрѣтоша бо в полѣ повержены двory ихъ, и шатры ихъ, и всежи ихъ, и юртовища ихъ, и алачюгы, и тѣлѣги ихъ, а в нихъ товаръ безчисленъ весь пометанъ. А самѣхъ не обрѣтоша — бяху бо побѣжали к Орду.

Князь же великий Дмитрей възвратися оттуду на Москву с побѣдою великою и рати роспусти съ многою корыстью. Тогда убѣенъ бысть Дмитрей Монастыревъ да Назаръ Даниловъ Кусакова. Се бысть побоище прилучися мѣсяца августа 11 день, на память святаго мученика Еупла диакона, въ среду при вечерѣ. И поможе богъ князю великому Дмитрею Ивановичю, одолѣ ратнымъ и побѣди врагы своя, и прогна поганыхъ татаръ.

И посрамлени быша окаяннии половци, възвратишася съ стыдомъ, без успѣха, нечестивии измалтяне, побѣгоша гоними гнѣвомъ божиимъ! Прибѣгоша в Орду къ своему царю, паче же къ пославшему Мамаю, понеже царь ихъ, иже в то врѣмя имѣаху себе, не владѣаше ничимъ же и не смѣаше ничто же сътворити предъ Мамаемъ, но всяко старѣйшинство съдержаше Мамай и всеми владѣаше в Орду.

Видѣвъ же Мамай изнеможение дружины своей, прибѣгшесъ к нему, а иныя избиты князи и велможи и алпауты и многыя воя своя изгибша. И разгнѣва же ся зѣло Мамай и възъярися злобою. И тоя же осени, събравъ останочную силу свою и съвѣкупи воя многы, поиде ратью въборзѣ, без вести, изгономъ на Рязанскую землю. А князь великий Олегъ не приготовился бѣ и не сталъ противу ихъ на бой, но выбѣжали из своей земля, а град свой поверже и пребѣжа за Оку рѣку. Татарове же пришедше и градъ Переяславль и прочии грады взяша и огнемъ пожгоша, и волости и села повоеваша, а людей много посѣкоша, а иныя в полонъ поведоша, и възвратишася въ страну свою, много зла сътворивше земли Рязанской.

ПОВЕСТЬ О БИТВЕ НА РЕКЕ ВОЖЕ

Перевод

О ПОБОИЩЕ НА РЕКЕ ВОЖЕ В РЯЗАНСКОЙ ЗЕМЛЕ

В год 6886 (1378). <...> В этом же году ордынский князь, поганный Мамай, собрав многочисленное войско, послал Бегича ратью на великого князя Дмитрия Ивановича и на всю землю Русскую.

Великий же князь Дмитрий Иванович, услышав об этом, собрал много воинов и пошел навстречу врагу с войском большим и грозным. И, переправившись через Оку, вошел в землю Рязанскую и встретился с татарами у реки у Вожи, и остановились обе силы, а между ними была река.

По прошествии немногих дней татары переправились на эту сторону реки, и, нахлестывая коней своих и закричав на своем языке, пошли рысью, и ударили на наших. А наши ринулись на них: с одной стороны Тимофей-окольничий, а с другой стороны — князь Даниил Пронский, а князь великий ударил в лоб татарам. Татары же сразу побросали копья свои и побежали за реку за Вожу, а наши стали преследовать их, рубя и коля, и великое множество перебили их, а многие из них в реке утонули. И вот имена убитых князей их: Хазибей, Коверга, Карабулук, Костров, Бегичка.

А когда приспел вечер, и зашло солнце, и померк свет, и наступила ночь, и сделалось темно, то нельзя было гнаться за ними за реку. А на другой день с утра стоял сильный туман. А татары, как побежали вечером, так и продолжали бежать в течение всей ночи. Князь же великий в этот день только в предобеденное время пошел вслед за ними, преследуя их, а они уже далеко убежали. И наехали в поле на брошенные становища их, и шатры, и вежи, и юрты, и алачуги, и телеги их, а в них бесчисленное множество всякого добра, и все это брошено, а самих нет никого — все побежали в Орду.

Князь же великий Дмитрий возвратился оттуда в Москву с победой великой и рати свои распустил по домам с большой добычей. Тогда убиты были Дмитрий Монастырев да Назарий Данилов Кусаков. А побонце это произошло одиннадцатого августа, в день памяти святого мученика Евпла-дника, в среду вечером. И помог бог князю великому Дмитрию Ивановичу, и одолел он ратных, и победил врагов своих, и прогнал поганых татар.

И посрамлены были окаянные половцы, возвратились со стыдом, потерпев поражение, нечестивые измалытчане, побежали, гонимые гневом божьим! И прибежали они в Орду к своему царю, вернее же к пославшему их Мамаю, потому что царь их, которого они в то время имели у себя, никакой властью не обладал и ничего не смел делать без согласия Мамаю, а вся власть была в руках у Мамаю, и он владел Ордой.

Мамаю же, увидев разгром дружины своей, остатки которой прибежали к нему, и узнав, что погибли князья, и вельможи, и алпауты и что много воинов его побито, сильно разгневался и разъярился злобой. И в ту же осень, собрав уцелевшие силы свои и набрав много новых воинов, пошел стремительно ратью, изгоном, не подавая вестей, на Рязанскую землю. А князь великий Олег не изготовился и не встал на бой против них, но побежал из своей земли, а города свои бросил и бежал за Оку-реку. Татары же пришли и захватили город Переяславль и другие города, и сожгли их, и волости и села повоевали, и много людей убили, а иных в полон увели, и вернулись в свою страну, причинив много зла земле Рязанской.

ЗАДОНЩИНА

Древнерусский текст

СЛОВО О ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ ДМИТРЕЕ ИВАНОВИЧЕ
И О БРАТЕ ЕГО КНЯЗЕ ВЛАДИМЕРЕ АНДРѢВИЧЕ,
ЯКО ПОБѢДИЛИ СУПОСТАТА СВОЕГО ЦАРЯ МАМАЯ

Князь великий Дмитрей Ивановичъ с своим братомъ, с княземъ Владимиромъ Андрѣвичемъ, и своими воеводами были на пиру у Микулы Васильевича: «Вѣдомо намъ, брате, что у быстрого Дону царь Мамай пришел на Рускую землю, а идет к намъ в Залѣскую землю».

Пойдем, брате, тамо в полунощную страну — жребия Афетова, сына Ноева, от него же родися русь *православная*. Взыдем на горы Киевския и посмотрим *славного* Непра и посмотрим по всей земли Руской. И оттоля на восточную страну — жребий Симова, сына Ноева, от него же родися *хиновя* — поганые татаровя, бусормановя. Тѣ бо на рекѣ на Каялѣ одолѣша родъ Афѣтов. И оттоля Руская земля сѣдитъ невесела; а от Калатѣския рати до Мамаева побоища тугою и печалню покрывшася, плачущися, чады своя *поминаючи* — князи и бояря и удалые люди, иже оставиша вся дома своя и богатество, жены и дѣти и скот, честь и славу мира сего получивши, главы своя положиша за землю за Рускую и за вѣру *християньскую*.

Преже восписах жалость земли Руские и прочее от кних приводя, потом же списах жалость и похвалу великому

князю Дмитрею Ивановичю и брату его, князю Владимиру Андрѣевичю.

Снидемся, братия и друзи и сынове руский, составим слово к слову, возвѣселим Рускую землю и возвѣрзем печаль на Восточную страну — в Симов жребий и воздадим поганому Момаю побѣду, а великому князю Дмитрею Ивановичю похвалу и брату его, князю Владимиру Андрѣевичю. И рцем таково слово: лудчи бо нам, брате, начати повѣдати иными словесы *о* похвалных сихъ *о* нынешных повѣстех *о полку* великого князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Андрѣевича, а внуки святого великого князя Владимира Киевскаго. Начаша ти повѣдати по дѣлом и по былинам. Не проразимся мыслию но землями, помянем первых лѣтъ времена, похвалим *вѣщаго Бояна*, гораздо гудца в Кieve. Тот *бо вѣщій Боянъ* воскладоша горазная своя персты на живыя струны, *поише* руским князем *славы: первую славу великому князю киевскому Игорю Рюриковичю, 2 — великому князю Владимиру Святославичю Киевскому, третью — великому князю Ярославу Володимировичю.*

Аз же помяну резанца Софония, и восхваляю пѣснями и гусленными *буйными* словесы сего великого князя Дмитрея Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, а внуки святого великого князя Владимира Киевскаго. И пѣние князем руским за вѣру христьянскую!

А от Калатские рати до Момаева побоища 160 лѣт.

Се бо князь великий Дмитрей Ивановичъ и братъ его, князь Владимиръ Андрѣевичъ, помолися богу и пречистей его матери, истезавше ум свой *крѣпостию*, и поостриша сердца свои мужеством, и *наполнишася* ратного духа, уставиша собѣ храбрыя *полѣкы* в Руской землѣ и помянуша прадѣда своего, великого князя Владимира Киевскаго.

Оле жаворонок, лѣтняя птица, красных *дней* утѣха, возлѣти под *синие облакы*, посмотри к силному граду Москвѣ, воспой славу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его, князю Владимиру Андрѣевичю! Цибура соколи *зонесет* из земля Залѣския в полѣ *Половецкое!* На Москвѣ кони ржут, звѣнит слава по всей земли Руской, *трубы* трубят на Коломнѣ, *бубны* бьют в Серпугове, стоят стязи у *Дону* великого на брезѣ.

Звонятъ *колоколы* вѣчныя в Вѣликом Новегородѣ, стоят мужи навгородцкне у *святыя Софии*, а *ручичи* тако:

«Уже нам, брате, не поспѣть на *пособъ* к великому князю Дмитрею Ивановичю?» И как слово изговаривают, уже аки орли слѣтѣшася. То ти были не орли слѣтѣшася — выехали посадники из Великого Новагорода, а с ними 7000 войска к великому князю Дмитрею Ивановичю и к брату его, князю Владимиру Андрѣевичю, на *пособе*.

К славному граду Москвѣ съехались вси князи руские а *ркучи* таково слово: «У *Дону* стоят татаровя поганые, и Момай царь на реки на Мечи, между Чюровым и Михайловым, брѣсти хотят, а предати живот свой нашей славѣ».

И *рече* князь великий Дмитрий Ивановичъ: «Брате, князь Владимиръ Андреевичъ, *пойдем* тамо, укупим животу своему славы, *учиним* землям *диво*, а старым повесть, а молодым *память*! А храбрых своих испытаем а реку Дон кровью прольем за землю за Рускую и за вѣру крестьянскую!»

И *рече* им князь великий Дмитрий Иванович: «Братия и князи руские, гнѣздо есмя были великого князя Владимира Киевскаго! Не в обиде есми были по рождению *ни соколу*, *ни ястребу*, *ни крѣчату*, *ни черному ворону*, *ни поганому сему Момаю*!»

О соловей, лѣтняя птица, что бы ты, соловей, *выщекотал* славу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимиру Андрѣевичю, и земли Литовской дву братом Олгордовичем, Андрѣю и брату его Дмитрею, да Дмитрею Волыньскому! Тѣ бо суть сынове храбры, кречаты в ратном времени и вѣдомы *полководцы*, под трубами *повити*, под шеломы *вззлелѣаны*, *конецъ копия* *вскормлены*, с *востраго меча* *поены* в Литовской земли.

Молвяше Андрѣй Олгордович своему брату: «Брате Дмитрий, сами есмя собѣ два браты, сынове Олгордовы, а внуки есмя *Едимантовы*, а правнуки есми Сколомендовы. Збѣрем, брате, милые пановя удалые Литвы, храбрых удалцов, а сами сядем на *свои борзи комоны* и посмотрим быстрого *Дону*, *испиемъ шеломом воды*, испытаем мечев своих литовских о шеломы татарские, а сулицъ немецких о боеданы бусорманские!»

И *рече* ему Дмитрий: «Брате Андрѣй, не пошадим живота своего за землю за Рускую и за вѣру крестьянскую и за обиду великаго князя Дмитрея Ивановича! Уже бо, брате, стук стучит и гром грѣмит в каменом граде

Москвѣ. *То ти, брате, не стукъ стучить, ни гром гремит,*—стучит *силая* рать великаго князя Дмитрея *Ивановича, гремят* удальцы руские злачеными доспѣхи и черлеными щиты. Съдлай, брате Андрѣй, свои *борзи комони, а мои готови*—*напреди твоих осѣдлани*. Выедем, брате, в чистое полѣ и посмотрим своих полковъ, колько, брате, с нами храбрые литвы. А храбрые литвы с нами 70 000 окованные рати».

Уже бо, брате, *возвѣяша сильнии вѣтри с моря* на усть Дону и Непра, *прилелѣяша великиа* тучи на Рускую землю, из них *выступают* кровавые зори, а в них *трепеишут синие молнии*. Быти стуку и грому великому на речке *Непрядвѣ*, между Доном и Непром, пасти трупъ человеческому на поле Куликовѣ, пролитися крови на речкѣ *Непрядвѣ!*

Уже бо *въскрипѣли* телегы между Доном и Непром, *идут хинове на Русскую землю!* И притѣкоша сѣрые волцы от усть Дону и Непра и ставши воют на рекѣ, на Мечи, *хотят наступати на Рускую землю*. *То ти* были не сѣрые волцы,—приидоша поганые татаровя, *хотят пройти* воюючи всю Рускую землю.

Тогда гуси *возгоготаша* и лѣбѣди *крылы въсплескаша*. *То ти не гуси возгоготаша, ни лѣбѣди крылы въсплескаша*, но поганый Момай пришел на Рускую землю и *вои* своя привел. А уже бѣды их пасоша птицы крылати, под облакы *летают*, вороны часто грают, а галицы своею рѣчью говорят, орли хлѣкчют, а волцы грозно воют, а лисицы на *кости брешут*.

Руская земля, то первое еси как за царем за Соломоном побывала.

А уже соколи и *кречати, белозерские* ястреби *рвахуся* от златых колодицъ ис камена града Москвы, *обриваху шевковыя опутины, возвиваючися* под синия небеса, *звонечи* злачеными колоколы на быстром Дону, *хотят ударити на многие стады гусиныя и на лебединыя, а богатыри руския удальцы хотат ударити на великия силы поганого царя Мамай*.

Тогда князь великий Дмитрий Ивановичъ воступив во златое свое стрѣмя, *всѣдъ на свой борзый конь* и взял свой мечъ в правую руку, и помолился богу и пречистой его матери. Солнце ему *ясно на вѣстоцы* сияет и путь повѣдает, а Борис и Глѣбъ молитву воздают за сродники своя.

Что шумит и что грѣмит рано пред зорями? Князь Владимиръ Андрѣевичъ полки пребирает и ведет к Велико-

му Дону. И молвяше брату своему, великому князю Дмитрею Ивановичю: «Не *ослабляй*, брате, поганым татаровям — уже бо поганые поля руские наступают и вотчину *нашу* отнимают!»

И *рече* ему князь великий Дмитрий Ивановичь: «Брате Владимиръ Андрѣевичь! Сами *себѣ* есми *два брата*, а внуки великаго князя Владимира Киевскаго. А воеводы у нас уставлены — 70 бояринов, и крѣпцы бысть князи бѣлозѣрстии Федор Семеновичь да Семен Михайловичь, да Микула Васильевичь, да два брата Олгордовичи, да Дмитрий Волинской, да Тимофей Волеувичь, да Андрѣй Серкизовичь, да Михайло Ивановичь, а вою с нами триста тысящ окованные рати. А воеводы у нас *крепкия*, а дружина *свѣдома*, а под собою имѣем *борзыхъ комоны*, а на собѣ злаченны доспѣхи, а шеломы черкасские, а щиты московские, а сулицы немѣцкіе, а кинжалы фряские, а мѣчи булатные; а *пути им сведомы*, а *перевозы им изготовлены*, но еще хотят сильно головы своя положить за землю за Рускую и за *вѣру крестьянскую*. Пашут бо ся аки живи хоругови, ищут собѣ чести и славного имени».

Уже бо тѣ *соколи и кречати*, бѣлозерскыя ястреби, за Дон борзо перелѣтъли и ударилися на многие стада на *гусиные и на лѣбѣдиные*. То ти быша ни *соколи ни кречети*, то ти насхали руские князи на силу татарскую. И удариша *копья харалужныя* о доспѣхи татарские, *возгрѣмѣли мечи булатные* о шеломы хиновские на полѣ Куликове на рѣчке *Непрядвѣ*.

Черна земля под копыты, а костми татарскими поля насяша, а кровью ихъ земля пролита бысть. А силныи полки ступишася вмѣсто и протопташа холми и луги, и возмутишася рѣки и потоки и озера. *Кликнуло Диво* в Руской земли, *велит послушати грознымъ землям*. Шибла слава к Желѣзным Вратам, и къ Караначи, к Риму, и к *Кафе* по морю, и к *Торнаву*, и оттолѣ ко Царюграду на похвалу руским князем: *Русь великая* одолѣша рать татарскую на полѣ Куликове на рѣчкѣ *Непрядвѣ*.

На том полѣ силныи тучи ступишася, а из них часто сняли *молыни и гремѣли* громы велицыи. То ти ступишася руские *сынове* с погаными татарами за свою великую обиду. А в них сияли *доспѣхи* злаченые, а гремѣли князи руские мечьми булатными о шеломы хиновские.

А билися из утра до полудни в субботу на Рожество святѣй богородицы.

Не тури *возрыкали* у *Дону* великаго на полѣ Куликове. То ти нѣ тури побѣждени у *Дону* великаго, но посѣчены князи руские и бояры и воеводы великаго князя Дмитрея Ивановича. Побѣждени князи бѣлозерстни от поганых татаръ, Федор Семеновичъ, да Семен Михайловичъ, да Тимофѣй Волуевичъ, да *Микула Васильевич*, да Андрѣй Серкизовичъ, да Михайло Ивановичъ и иная многая дружина.

Пересвѣта чернеца, брянскаго боярина, на суженое мѣсто привели. И рече Пересвѣт чернецъ великому князю Дмитрею Ивановичю: «Лутчи бы нам потятым быть, нежели полоненым *быти* от поганых татаръ!» Тако бо Пересвѣт поскакивает на своем *борзом* конѣ, а злаченым доспѣхом *посвѣчивает*, а иные лѣжат посечены у *Дону* великаго на брезѣ.

И в то время стару надобно помолодѣти, а удалым людям плечъ своих попытать. И молвяше Ослябя чернецъ своему брату Пересвѣту старцу: «Брате Пересвѣте, вижу на телѣ твоём раны великия, уже, брате, лѣтѣти главе твоей на траву ковыль, а чаду *моему* Иякову лѣжати на зелѣнѣ ковылѣ траве на полѣ Куликове на речкѣ *Непрядвѣ* за вѣру крестьянскую, и за землю за Рускую, и за обиду великаго князя Дмитрея Ивановича».

И в то время по Резанской земле около *Дону* ни ратаи, ни пастухи в полѣ не кличут, но *толко* часто вороны грают *труп*у ради *человеческаго*, грозно бо *бѣше* и *жалостно* тогда слышати; занеже трава кровию пролита бѣсть, а древеса тугою к земли приклонишася.

И воспѣли бѣше птицы жалостные пѣсни — восплакашася вси княгини и боярыни и вси воеводские жены о избивенных. *Микулина жена Васильевича Марья* рано плакаша у Москвы града на *забралах*, а *ркучи* тако: «Доне, Доне, быстрая река, прорыла еси ты каменные горы и течеша в землю Половецкую. Прилѣлѣй моего господина Микулу Васильевича ко *мнѣ*!» А Тимофѣева жена Волуевича *Федосья* тако же *плакашеся*, а *ркучи* тако: «Се уже веселие мое пониче во славном граде Москве, и уже не вижу своего государя Тимофея Волуевича в *животѣ*!» А Ондрѣева жена Марья да Михайлова жена Оксинья рано плакашася: «Се уже объмя нам солнце померкло в славном граде Москвѣ,

припахнули к нам от быстрого Дону полоняныя вѣсти, носяще великую бѣду: и выседоша удалыцы з боръзыхъ коней на суженое мѣсто на полѣ Куликове на речке Непрядвѣ!»

А уже Диво кличет под саблями татарскими, а тѣм русскимъ богатыремъ под ранами.

Туту щурове рано възспѣли жалостныя пѣсни у Коломны на забралахъ, на воскресение, на Акима и Аннинъ день. То ти было не щурове рано възспѣша жалостныя пѣсни, восплакалися жены коломенские, а ркучи тако: «Москва, Москва, быстрая река, чему еси залелѣяла мужей нашихъ от насъ в землю Половецкую?» А ркучи тако: «Можеши ли, господине князь великий, веслы Нѣпръ зоградити, а Донъ шоломы вычрѣпати, а Мечу рѣку трупы татарскими запрудити? Замкни, государь князь великий, Окъ рекъ ворота, чтобы потомъ поганые татаровя к намъ не ѣздили. Уже мужей нашихъ рать трудила».

Того же дни в субботу на Рожество святыя богородицы исекша христиани поганые полки на полѣ Куликове на речкѣ Непрядвѣ.

И нюкнувъ князь Владимиръ Андрѣевичъ гораздо, и скакаша по рати во полцехъ поганыхъ в татарскихъ, а злаченымъ шелономъ посвѣчиваючи. Грѣмятъ мечи булатныя о шеломахъ хиновскихъ.

И восхвалитъ брата своего, великого князя Дмитрея Ивановича: «Брате Дмитрей Ивановичъ, ты еси у златошна времени желѣзное зобороло. Не оставай, князь великий, съ своими великими полками, не потакай крамольникомъ! Уже бо поганые татары поля наша наступаютъ а храбрую дружину у насъ истеряли, а в трупы чловѣчье борзѣ кони не могутъ скочити, а в крови по колѣно бродятъ. А уже бо, брате, жалостно видети кровь крестьянская. Не уставай, князь великий, съ своими бояры».

И князь великий Дмитрей Ивановичъ рече своимъ боярамъ: «Братия бояра и воеводы и дѣти боярские, то ти ваши московские слаткіе мѣды и великіе мѣста! Туту добудѣте себѣ мѣста и своимъ женамъ. Туту, брате, стару помолодѣть, а молодому чести добыть».

И рече князь великий Дмитрей Ивановичъ: «Господи боже мой, на тя уповахъ, да не постыжуся въ вѣкъ, ни да посмѣютъ ми ся враги моя мнѣ». И помолился богу и пречистой его матери и всѣмъ святымъ его, и прослезился горко, и утеръ слезы.

И тогда аки соколы борзо *полѣтъша на быстрый Донь*. *То ти не соколи полѣтъша*: поскакивает князь великий Дмитрий Иванович с своими полки за Дон со всею силою. И рече: «Брате князь Владимир Андрѣевич, тут, брате, испити *медовыа чары повѣденые*, наеждаем, брате, своими полки сильными на рать татаръ поганных».

Тогда князь великий *почалъ наступати*. *Гремят мѣчи булатные* о шеломах *хиновские*. И *поганые* покрыва главы своя руками своими. Тогда поганые борзо *вспяты* отступиша. И от великого князя Дмитрия Ивановича стези режут, а поганые бѣжать, а русские *сынове* широкие поля кликом огородиша и злечеными доспѣхами осветиша. Уже бо ста тур на оборонѣ!

Тогда князь великий Дмитрий Иванович и брат его, князь Владимиръ Андрѣевичъ, полки поганных вспять поворотили и нача *ихъ* бити и сечи *горазно, тоску имъ подаваше*. И князи их падоша с коней, а трупми татарскими поля наесяша и кровию ихъ реки протекли. Тут поганые разлучишася розно и побѣгше неуготованными дорогами в лукоморье, скрегчюще зубами своими, и *дерущи* лица своя, а *ркуче* такъ: «Уже нам, брате, в земли своей не *бывати* и дѣтей своих не *видати*, а *катунъ* своих не *трепати*, а *трепати* намъ сырая земля, а *цѣловати* намъ зелена мурова, а в Русь ратню нам не *хаживати*, а выхода нам у русских князей не *прашивати*». Уже бо *въстонала* земля татарская, бѣдами и тугою *покрываша*; *уныша* бо *царемъ их хотѣние* и *княземъ похвала на Рускую землю ходити*. Уже бо веселие их пониче.

Уже бо русские сынове разграбиша татарские узорочья, и доспѣхи, и кони, и волы, и верблуды, и вино, и сахар, и дорогое узорочье, *камкы, насычеве везут женам своимъ*. Уже жены русские восплескаша татарским златом.

Уже бо по Руской земле простресе веселіе и буйство. *Вознесся слава руская на поганных хулу*. Уже бо вержено Диво на землю, и уже грозы великаго князя Дмитрия Ивановича и брата его князя Владимира Андрѣевича по всем землям *текут*. *Стрѣляй, князь великий, по всѣмъ землям, стрѣляй, князь великий, с своею храброю дружиною поганого Мамаю хиновина за землю Рускую, за вѣру христьянскую*. Уже поганые оружия своя *повергоша*, а главы своя подклониша под мечи руские. И трубы их не трубят, и уныша гласи их. И *отскочи* поганый Мамай от своего дружины серым вол-

ком и притече к *Кафе* граду. Молвяше же ему фрязове: «Чему ты поганый Мамай, посягаешь на Рускую землю? То ты била орда Залъская. А не бывати тобѣ в Батыя царя: у Батыя царя было чотыреста тысящ окованные рати, а воевал всю Рускую землю от востока и до запада. А казнил богъ Рускую землю за своя согрѣшения. И ты пришел на Рускую землю, царь Мамай, со многими силами, з дѣвятью ордами и 70 князями. А нынѣ ты, поганый, бѣжишь сам-девят в лукоморье, не с кем тебѣ зимы зимовати в полѣ. Нѣшто тебя князи рускые гораздо подчивали: ни князей с тобою, ни воевод! Нѣшто гораздо упилися у быстрого Дона на полѣ Куликовѣ на травѣ ковылѣ! Побѣжи ты, поганый Момай, от насъ *по задлѣшью!*»

Уподобилася еси земля Руская милому младенцу у матери своей: его же мати тешитъ, а рать лозою казнит, а добрая дѣла милуютъ его. Тако господь богъ помиловал князей русских, великого князя Дмитрея Ивановича и брата его, князя Владимира Андрѣевича, меж Дона и Непра, *на полѣ Куликовѣ, на рѣчки Непрядвѣ.*

И стал великий князь Дмитрей Ивановичъ съ своим братом, с князем Владимиром Андрѣевичем, и со остальными своими воеводами на костѣхъ на полѣ Куликове на речке *Непрядвѣ*. Грозно бо и жалосно, брате, в то время посмотри, иже лѣжат трупы крестьянскыя *акы сѣнныи стоги у Дона* великого на брѣзе, а Дон река три дни кровню текла. И рече князь великий Дмитрей Ивановичъ: «Считайтесь, братия, колько у нас воевод нѣтъ и колько молодых людей нет».

Тогда *говорит* Михайло Александровичъ, московский боярин, князю Дмитрѣю Ивановичю: «*Господине князь великий Дмитрѣй Ивановичъ!* Нѣту, государь, у нас 40 бояринов московских, 12 князей бѣлозѣрских, 30 новгородских посадников, 20 бояринов коломенских, 40 бояр серпуховских. 30 панов литовскихъ, 20 бояр переславских, 25 бояр костромских, 35 бояр володимеровских, 50 боярѣ суздальских. 40 боярѣ муремских, 70 бояр рѣзаньских, 34 бояринов ростовских. 23 бояр дмитровских, 60 бояр можайских, 30 бояр звенигородских, 15 бояр углецкихъ. А посечено от бѣзбожнаго Мамай полтретя ста тысящ и три тысящи. И *помилова богъ Рускую землю, а татарѣ пало безчислено многое множество*».

И рече князь великий Дмитрей Ивановичъ: «Братия, бояра и князи и дѣти боярские, то вам сужено мѣсто меж

Доном и Непром, на полѣ Куликове на речке *Не-
прядвѣ*. И положили есте головы своя за святыя церьк-
ви, за землю за Рускую и за вѣру крестьянскую.
Простите мя, братия, и благословите в сем вѣце и в
будущем. И пойдем, брате, князь Владимир Андрѣс-
вичъ, во свою Залескую землю к славному граду Моск-
ве и сядем, брате, на своем княжение, а чести есми,
брате, добыли и славного имени!»

Богу нашему слава.

ЗАДОНЩИНА

Перевод

СЛОВО О ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ ДМИТРИИ ИВАНОВИЧЕ
И О БРАТЕ ЕГО КНЯЗЕ ВЛАДИМИРЕ АНДРЕЕВИЧЕ,
КАК ПОБЕДИЛИ СУПОСТАТА СВОЕГО ЦАРЯ МАМАЯ

Князь великий Дмитрий Иванович со своим братом, князем Владимиром Андреевичем, и со своими воеводами был на пиру у Микулы Васильевича, и сказал он: «Пришла к нам весть, братья, что царь Мамай стоит у быстрого Дона, пришел он на Русь и хочет идти на нас в Залесскую землю».

Пойдем, братья, в северную сторону — удел сына Ноева Афета, от которого берет свое начало православный русский народ. Взойдем на горы Киевские, взглянем на славный Днепр, а потом и на всю землю Русскую. И после того посмотрим на земли восточные — удел сына Ноева Сима, от которого пошли хинове — поганные татары, басурманы. Вот они-то на реке на Каяле и одолели род Афетов. С той поры земля Русская невесела; от Калкской битвы до Мамаева побоища тоской и печалью охвачена, плачет, сыновей своих поминая — князей, и бояр, и удалых людей, которые оставили дома свои, жен и детей, и все достояние свое и, заслужив честь и славу мира этого, головы свои положили за землю за Русскую и за веру христианскую.

Стародавние дела и жалость Русской земли описал я по книжным сказаньям, а далее опишу жалость и похва-

лу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его, князю Владимиру Андреевичу.

Братья и друзья, сыновья земли Русской! Соберемся вместе, составим слово к слову, возвеселим Русскую землю, отбросим печаль в восточные страны — в удел Симов, и восхвалим победу над поганым Мамаем, а великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, прославим! И скажем так: лучше, ведь, братья, возвышенными словами вести нам этот рассказ про поход великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, потомков святого великого князя Владимира Киевского. Начнем рассказывать об их деяниях по делам и по былям... Вспомним давние времена, восхвалим вещего Бояна, искусного гусляра в Киеве. Тот ведь вещий Боян, перебирая быстрыми своими перстами живые струны, пел русским князьям славы: первую славу великому князю киевскому Игорю Рюриковичу, вторую — великому князю Владимиру Святославичу Киевскому, третью — великому князю Ярославу Владимировичу.

Я же помяну рязанца Софония и восхваляю песнями, под звонкий наигрыш гуслей, нашего великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, потомков святого великого князя Владимира Киевского. Воспоем деяния князей русских, постоявших за веру христианскую!

А от Калкской битвы до Мамаева побойща сто шестьдесят лет.

И вот князь великий Дмитрий Иванович и брат его, князь Владимир Андреевич, помолившись богу и пречистой его матери, укрепив ум свой силой, закалив сердца свои мужеством, преисполнившись ратного духа, урядили свои храбрые полки в Русской земле и помянули прадеда своего, великого князя Владимира Киевского.

О жаворонок, летняя птица, радостных дней утеха, взлети к синим небесам, взгляни на могучий город Москву, воспой славу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его, князю Владимиру Андреевичу! Словно бурей занесло соколов из земли Залесской в поле Половецкое! Звенит слава по всей земле Русской: в Москве кони ржут, трубы трубят в Коломне, бубны бьют в Серпухове, стоят знамена русские у Дона Великого на берегу.

Звонят колокола вечевые в Великом Новгороде, собрались мужи новгородские у храма святой Софии и говорят так: «Неужто нам, братья, не поспеть на подмогу к великому князю Дмитрию Ивановичу?» И как только слова эти промолвили, уже как орлы слетелись. Нет, то не орлы слетелись — выехали посадники из Великого Новгорода и с ними семь тысяч войска к великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его, князю Владимиру Андреевичу, на помощь.

К славному городу Москве съехались все князья русские и говорили таково слово: «У Дона стоят татары поганые, Мамай-царь у реки Мечи, между Чуровом и Михайловом, хотят реку перейти и с жизнью своей расстаться нам во славу».

И сказал князь великий Дмитрий Иванович: «Брат, князь Владимир Андреевич, пойдем туда, прославим жизнь свою, удивим земли, чтобы старые рассказывали, а молодые помнили! Испытаем храбрецов своих и реку Дон кровью наполним за землю Русскую и за веру христианскую!»

И сказал всем князь великий Дмитрий Иванович: «Братья и князья русские, гнездо мы великого князя Владимира Киевского! Не рождены мы на обиду ни соколу, ни ястребу, ни кречету, ни черному ворону, ни поганому этому Мамаю!»

О соловей, летняя птица, вот бы тебе, соловей, пеньем своим прославить великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, и из земли Литовской двух братьев Ольгердовичей, Андрея и брата его Дмитрия, да Дмитрия Волынского! Те ведь — сыновья Литвы храбрые, кречеты в ратное время и полководцы прославленные, под звуки труб их пеленали, под шлемами летяли, с конца копья они вскормлены, с острого меча вспоены в Литовской земле.

Молвит Андрей Ольгердович своему брату: «Брат Дмитрий, два брата мы с тобой, сыновья Ольгердовы, а внуки мы Гедиминовы, а правнуки мы Сколомендовы. Соберем, брат, любимых панов удалой Литвы, храбрых удалцов, и сами сядем на своих борзых коней и поглядим на быстрый Дон, напьемся из него шлемом воды, испытаем мечи свои литовские о шлемы татарские, а сулицы немецкие о кольчуги басурманские!»

И сказал ему Дмитрий: «Брат Андрей, не пощадим жизни своей за землю за Русскую, и за веру христианскую, и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича!

Уже ведь, брат, стук стучит и гром гремит в белокаменной Москве. То ведь, брат, не стук стучит, не гром гремит, то стучит могучая рать великого князя Дмитрия Ивановича, гремят удальцы русские золочеными доспехами и червлеными щитами. Седлай, брат Андрей, своих борзых коней, а мои уже готовы — раньше твоих оседланы. Выедем, брат, в чистое поле и сделаем смотр своим полкам, — сколько, брат, с нами храбрых литовцев. А храбрых литовцев с нами семьдесят тысяч латников».

Вот уже, братья, подули сильные ветры с моря к устьям Дона и Днепра, принесли грозные тучи на Русскую землю, из них выступают кровавые зарницы, и в них трепещут синие молнии. Быть стуку и грому великому на речке Непрядве, меж Доном и Днепром, покрыться трупами человеческими полю Куликову, потечь кровью Непрядве-реке!

Вот уже закрипели телеги меж Доном и Днепром, идут хинове на Русскую землю! Набежали серые волки с устьев Дона и Днепра, воют, притаившись на реке Мече, хотят ринуться на Русскую землю. То не серые волки были — пришли поганые татары, хотят пройти войной всю Русскую землю.

Тогда гуси загоготали и лебеди крыльями заплескали. Нет, то не гуси загоготали и не лебеди крыльями заплескали: то поганый Мамай пришел на Русскую землю и воинов своих привел. А уже гибель их подстерегают крылатые птицы, паря под облаками, вороны немолчно грают, а галки по-своему говорят, орлы клекочут, волки грозно воют, а лисицы брешут, кости чуют. Русская земля, ты теперь как за царем за Соломоном побывала.

А уже соколы, и кречеты, и белозерские ястребы рвутся с золотых колодок из каменного города Москвы, обрывают шелковые путы, взвиваясь под синие небеса, звоня золочеными колокольчиками на быстром Дону, хотят ударить на несчетные стада гусиные и лебединые — то богатыри и удальцы русские хотят ударить на великие силы поганого царя Мамай.

Тогда князь великий Дмитрий Иванович вступил в золотое свое стремя, сел на своего борзого коня, и взял свой меч в правую руку, и помолился богу и пречистой его матери. Солнце ему ясно на востоке сияет и путь указывает, а Борис и Глеб молитву возносят за сродников своих.

Что шумит, что гремит рано пред рассветом? То князь Владимир Андреевич полки устанавливает и ведет их к Великому Дону. И молвил он брату своему, великому князю Дмитрию Ивановичу: «Не поддавайся, брат, поганым татарам — ведь поганые уже поля русские топчут и вотчину нашу отнимают!»

И сказал ему князь великий Дмитрий Иванович: «Брат Владимир Андреевич! Два брата мы с тобой, а внуки мы великого князя Владимира Киевского. Воеводы у нас уже поставлены — семьдесят бояр, и отважны князья белозерские Федор Семенович и Семен Михайлович, да Микула Васильевич, да оба брата Ольгердовичи, да Дмитрий Волынский, да Тимофей Волуевич, да Андрей Серкизович, да Михайло Иванович, а воинов с нами — триста тысяч латников. А воеводы у нас надежные, а дружина в боях испытанная, а кони под нами борзые, а доспехи на нас золоченые, а шлемы черкасские, а щиты московские, а сулицы немецкие, а кинжалы фряжские, а мечи булатные; а пути им известны, а переправы для них наведены, и все, как один, готовы головы свои положить за землю за Русскую и за веру христианскую. Словно живые трепещут стяги, жаждут воины себе чести добыть и имя свое прославить».

Уже ведь те соколы и кречеты и белозерские ястребы за Дон скоро перелетели и ударили по несметным стадам гусиным и лебединым. То ведь были не соколы и не кречеты — то обрушились русские князья на силу татарскую. И ударили копья каленые о доспехи татарские, загремели мечи булатные о шлемы хиновские на поле Куликовом на речке Непрядве.

Черна земля под копытами, костями татарскими поля усеяны, а кровью их земля залита. Это сильные рати сошлись вместе и растоптали холмы и луга, а реки, потоки и озера замутились. Кликнул Див в Русской земле, велит послушать грозным землям. Понеслась слава к Железным Воротам, и к Орначу, к Риму, и к Кафе по морю, и к Тырнову, а оттуда к Царьграду на похвалу русским князьям: Русь великая одолела татарскую на поле Куликовом, на речке Непрядве.

На том поле грозные тучи сошлись, а из них беспрерывно молнии сверкали и гремели громы великие. То ведь сошлись русские сыновья с погаными татарами за свою великую обиду. Это сверкали доспехи золоченые, а

гремели князя русские мечами булатными о шлемы хиновские.

А бились с утра до полудня в субботу на рождество святой богородицы.

Не туры возревели у Дона Великого на поле Куликовом. То ведь не туры побиты у Дона Великого, а посечены князя русские, и бояре, и воеводы великого князя Дмитрия Ивановича. Полегли побитые погаными татарами князя белозерские, Федор Семенович и Семен Михайлович, да Тимофей Волуевич, да Микула Васильевич, да Андрей Серкизович, да Михайло Иванович и много иных из дружины.

Пересвета-чернеца, брянского боярина, на судное место привели. И сказал Пересвет-чернец великому князю Дмитрию Ивановичу: «Лучше нам убитыми быть, нежели в плен попасть к поганым татарам!» Поскакивает Пересвет на своем борзом коне, золочеными доспехами сверкая, а уже многие лежат посечены у Дона Великого на берегу.

В такое время старому человеку следует юность вспомнить, а удалым людям мужество свое испытать. И говорит Ослябя-чернец своему брату старцу Пересвету: «Брат Пересвет, вижу на теле твоём раны тяжкие, ужс, брат, лететь голове твоей на траву ковыль, а сыну моему Якову лежать на зеленой ковыль-траве на поле Куликовом, на речке Непрядве, за веру христианскую, и за землю Русскую, и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича».

И в ту пору по Рязанской земле около Дона ни пахари, ни пастухи в поле не кличут, лишь вороны не переставая каркают над трупами человеческими, страшно и жалостно было это слышать тогда; и трава кровью залита была, а деревья от печали к земле сложились.

Запели птицы жалостные песни — запричитали все княгини и боярыни и все воеводские жены по убитым. Жена Микулы Васильевича Марья рано поутру плакала на заборах стен московских, так причитая: «О Дон, Дон, быстрая река, прорыла ты каменные горы и течешь в землю Половецкую. Принеси на своих волнах моего господина Микулу Васильевича ко мне!» И жена Тимофея Волуевича Федосья тоже плакала, так причитая: «Вот уже веселие мое поникло в славном городе Москве, и уже не увижу я своего государя Тимофея Волуевича живым!» А Андреева жена Марья да Михайлова жена Аксинья на рассвете причитали:

«Вот уже для нас обеих солнце померкло в славном городе Москве, домчались к нам с быстрого Дона горестные вести, неся великую печаль: повержены наши удалцы с борзых коней на суженом месте, на поле Куликовом, на речке Непрядве!»

А уже Див кличет под саблями татарскими, а русским богатырям быть израненными.

Щуры запели жалостные песни в Коломне на забралах городских степ, на рассвете в воскресенье, в день Акима и Анны. То ведь не щуры рано запели жалостные песни — запричитали жены коломенские, приговаривая так: «Москва, Москва, быстрая река, зачем унесла на своих волнах ты мужей наших от нас в землю Половецкую?» Так говорили они: «Можешь ли ты, господин князь великий, веслами Днепр загородить, а Дон шлемами вычерпать, а Мечу-реку трупами татарскими запрудить? Замкни, государь, князь великий, у Оки реки ворота, чтобы больше поганые татары к нам не ходили. Уже ведь мужья наши побиты на ратях».

В тот же день, в субботу, на рождество святой богородицы, разгромили христиане полки поганых на поле Куликовом, на речке Непрядве.

И, кликнув клич, ринулся князь Владимир Андреевич со своей ратью на полки поганых татар, золоченым шлемом посвечивая. Гремят мечи булатные о шлемы хиновские.

И восхвалял он брата своего, великого князя Дмитрия Ивановича: «Брат Дмитрий Иванович, в злое время горькое ты нам крепкий щит. Не уступай, князь великий, со своими великими полками, не потакай крамольникам! Уже ведь поганые татары поля наши топчут и храброй дружины нашей много побили — столько трупов человеческих, что борзые кони не могут скакать: в крови по колено бродят. Жалостно ведь, брат, видеть столько крови христианской. Не медли, князь великий, со своими боярами».

И сказал князь великий Дмитрий Иванович своим боярам: «Братья, бояре и воеводы, и дети боярские, здесь ваши московские сладкие меды и великие места! Тут-то и добудьте себе места и женам своим. Тут, братья, старый должен помолодеть, а молодой честь добыть».

И воскликнул князь великий Дмитрий Иванович: «Господи боже мой, на тебя уповаю, да не будет на мне позора никогда, да не посмеются надо мной враги

мои!» И помолился он богу, и пречистой его матери, и всем святым, и прослезился горько, и утер слезы.

И тогда как соколы стремглав полетели на быстрый Дон. То ведь не соколы полетели: поскакал князь великий Дмитрий Иванович со своими полками за Дон, а за ним и все русское войско. И сказал: «Брат, князь Владимир Андреевич, тут, брат, изопьем медовые чары круговые, нападём, брат, своими полками сильными на рать татар поганных».

И начал тогда князь великий наступать. Гремят мечи булатные о шлемы хиновские. Поганные прикрыли головы свои руками своими. И вот поганные бросились вспять. Ветер ревет в стягах великого князя Дмитрия Ивановича, поганные спасаются бегством, а русские сыновья широкие поля кликом огородили и золочеными доспехами осветили. Уже встал тур на бой!

Тогда князь великий Дмитрий Иванович и брат его, князь Владимир Андреевич, полки поганных вспять повернули и начали их бить и сечь беспощадно, тоску на них наводя. И князья их попадали с коней, а трупами татарскими поля усеяны, и кровью их реки потекли. Тут рассыпались поганные в смятении и побежали непроторенными дорогами в лукоморье, скрежеща зубами и раздирая лица свои, так приговаривая: «Уже нам, братья, в земле своей не бывать, и детей своих не видать, и жен своих не ласкать, а ласкать нам сырую землю, а целовать нам зеленую мураву, а в Русь ратью нам не хаживать и даней нам у русских князей не прашивать». Вот уже застонала земля татарская, бедами и горем исполнившись; пропала охота у царей и князей их на Русскую землю ходить. Уже веселье их поникло.

Теперь уже русские сыновья захватили татарские узорочья, и доспехи, и коней, и волов, и верблюдов, и вина, и сахар, и дорогие убранства, тонкие ткани и шелка везут женам своим. И вот уже русские жены забряцали татарским золотом.

Уже по Русской земле разнеслось веселье и ликование. Одолела слава русская хулу поганных. Уже низвергнут Див на землю, а гроза и слава великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, по всем землям пронеслись. Стреляй, князь великий, по всем землям, рази, князь великий, со своей храброй дружиной поганого Мамай-хиновина за землю Русскую, за веру христианскую. Уже пога-

ные оружие свое побросали, а головы свои склонили под мечи русские. И трубы их не трубят, и приуныли голоса их.

И метнулся поганый Мамай от своей дружины серым волком и прибежал к Кафе-городу. И молвили ему фряги: «Что же это ты, поганый Мамай, зарышься на Русскую землю? Ведь побила теперь тебя орда Залесская. Далско тебе до Батыя-царя: у Батыя-царя было чотыреста тысяч латников, и полонил он всю Русскую землю от востока и до запада. А наказал бог Русскую землю за ее прегрешения. И ты пришел на Русскую землю, царь Мамай, с большими силами, с девятью ордами и семьюдесятью князьями. А ныне ты, поганый, бежишь сам-девят в лукоморье, не с кем тебе зиму зимовать в поле. Видно, тебя князья русские крепко попотчевали: нет с тобой ни князей, ни воевод! Видно, сильно упились у быстрого Дона на поле Куликовом, на траве-ковыле! Беги-ка ты, поганый Мамай, от нас за темные леса!»

Как милый младенец у матери своей земля Русская: его мать ласкает, а за баловство розгой сечет, а за добрые дела хвалит. Так и господь бог помиловал князей русских, великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, меж Дона и Днепра, на поле Куликовом, на речке Непрядве.

И стал великий князь Дмитрий Иванович со своим братом, с князем Владимиром Андреевичем, и с остальными своими воеводами на костях на поле Куликовом, на речке Непрядве. Страшно и горестно, братья, было в то время смотреть: лежат трупы христианские словно сенные стога у Дона Великого на берегу, а Дон-река три дня кровью текла. И сказал князь великий Дмитрий Иванович: «Сосчитайтесь, братья, сколько у нас воевод нет и сколько молодых людей недостает?»

Тогда отвечает Михайло Александрович, московский боярин, князю Дмитрию Ивановичу: «Господин князь великий Дмитрий Иванович! Нет, государь, у нас сорока бояр московских, двенадцати князей белозерских, тридцати новгородских посадников, двадцати бояр коломенских, сорока бояр серпуховских, тридцати панов литовских, двадцати бояр переяславских, двадцати пяти бояр костромских, тридцати пяти бояр владимирских, пятидесяти бояр суздальских, сорока бояр муромских, семидесяти бояр рязанских, тридцати четырех бояр ростовских, двадцати трех бояр дмитровских,

шестидесяти бояр можайских, тридцати бояр звенигородских, пятнадцати бояр угличских. А посечено безбожным Мамаем двести пятьдесят три тысячи. И помиловал бог Русскую землю, а татар пало бесчисленное множество».

И сказал князь великий Дмитрий Иванович: «Братья, бояре и князья и дети боярские, суждено вам то место меж Дона и Днепра, на поле Куликовом, на речке Непрядве. Положили вы головы свои за святые церкви, за землю за Русскую и за веру христианскую. Простите меня, братья, и благословите в этом веке и в будущем. Пойдем, брат, князь Владимир Андреевич, во свою Залесскую землю к славному городу Москве и сядем, брат, на своем княжении, а чести мы, брат, добыли и славного имени!»

Богу нашему слава.

ПРОСТРАННАЯ ЛЕТОПИСНАЯ ПОВЕСТЬ О КУЛИКОВСКОЙ БИТВЕ

Древнерусский текст

О ПОБОИЩИ, ИЖЕ НА ДОНУ, И О ТОМ,
КНЯЗЬ ВЕЛИКИЙ КАКО БИЛСЯ СЪ ОРДОЮ

оѣ же осени прииде ордыньскій князь Мамай съ единомысленики своими и съ всеѣми прочими князми ордыньскими и съ всею силою тотарьскою и *половецкою*, и еще к тому рати понапмовавъ: бессермены, и армены, и фрязи, черкасы, и *ясы*, и буртасы. Тако же с Мамаемъ вкупѣ, въ единомыслии, въ единой думѣ, и литовьскій Ягайло, съ всею силою литовьскою и лятскою, с ними же въ одиначестве Олегъ Ивановичъ князь рязаньскій, съ всеѣми сими свѣтники, поиде на великаго князя Дмитрея Ивановича и на брата его Володимера Андрѣевича. Но хотя чловѣколюбивый богъ спасти и свободити родъ крестьяньскій молитвами пречистыя его матере отъ работы измалтескна, отъ поганого Мамаеа и отъ сонма — нечестиваго Ягайла и отъ вельречиваго и худаго Олга Рязаньскаго, не снабдившему своего крестьяньства. И прииде ему день великий господень в судъ аду и схижду.

Оканый же Мамай, разгордѣвся мнѣвъ себѣ аки царя, начать *злый советъ* творити, тѣмныя своа князи поганыя звати. И рече имъ: «Поидемъ на рускаго князя и на всю силу рускую, яко же при Батыи было — крестьяньство потяряемъ, и церкви божна попадимъ, и кровь

ихъ прольемъ, и законы ихъ погубимъ». Сего ради нечестивый лють гнѣвавшеся о своихъ друзѣхъ и *любовницѣхъ*, о князѣхъ избѣеныхъ на рѣцѣ на Вождѣ. И нача свѣрѣпо и напрасно силы своя сбирати, съ яростию подвижеся силою многою, хотя пленити крестьянъ. И тогда двинушася вся колѣна *тотарьская*.

И нача посылати к Литвѣ, к поганому Ягайлу, и къ *лстивому* сътонщнику, дьяволу свѣтнику, *отлученному* сына божиа, помраченному тмою грѣховною и не хотѣ разумѣти, Олгу Рязаньскому, поборнику бессерменьскому, лукавому сыну. Яко же рече Христось: «От нас изидоша и на ны быша». И учини собѣ старий злодѣй Мамай свѣтъ нечестивый с поганою Литвою и съ душегубивым Олгом, стати им у рѣкѣ у Окѣ на *Семень* день на благовѣрнаго князя. Душегубивый же Олегъ нача зло къ злу прикладати: посылаше къ Мамаю и къ Ягайлу своего си боярина единомысленаго, антихристова предтечу, именем Епифана Корѣева, веля имъ быти *на той же* срокъ и, той же свѣтъ свѣща, стати у Окѣ с треглавными звѣрми сыродци, а кровь прольяти.

Враже, измѣнниче Олже! Лихонмства открываеши образы, а не вѣси, яко мечъ божий острится на тя! Яко же пророкъ рече: «Оружие извлекоша грѣшници и напругоша лукъ стрѣляти въ мракъ правыхъ сердцемъ, и оружиа ихъ внидутъ въ сердца ихъ, и луци ихъ съкрушатся».

И бысть мѣсяца *августа*, приидоша от Орды таковыя вѣсти къ христілюбивому князю, оже въздвигается на крестьяны измалтеский род. Олгу же, уже отпадшему саа своего от бога, иже злый свѣтъ сътвори с погаными, и пославъ къ князю Дмитрею вѣсть лестную, что: «Мамай идетъ съ вѣмъ своимъ царствомъ в мою землю Рязаньскую на менѣ и на тебѣ. А и то ти буди свѣдомо — и литовскій идетъ на тебѣ Ягайло съ всею силою своею». Дмитрий же князь, се слыша, въ *невеселую* ту годину, что идутъ на него вся царствна, творященъ *безаконие*, а глаголюще: «Еще наша рука высока есть!» Иде къ зборней церкви матере божии Богородици и, прольа слезы, и рече: «О, *господи*, ты — всемошный и всесилный, крѣпкій въ бранехъ, вѣистинну еси царь ставы, сътворивый небо и землю, помилуй ны пресвятаяти матере молитвами, не остави насъ, *егда* унываемъ. Ты бо еси богъ нашъ, и мы людие твои, пошли руку твою свыше и помилуй ны, и посрами враги наша и оружья ихъ притупи. Силенъ еси, господи, кто противитъ

ся тебѣ? Помяни, господи, милостью своєю, иже от вѣка
имаши на роду крестьяньском. О, многоименитаа дѣво,
госпоже, царице небесным чиномъ, госпоже приспо
всѣя вселенныя и всего живота чловѣчьскаго кормител
нице, въздвигни, госпоже, руцѣ свои пречистаа, има же
посила еси бога воплощенна, *не презри* крестьянъ сих
и избави нас от сыроядецъ сихъ и помилуй мя!»

Въставъ от молитвы, изидѣ изъ церкви и посла по брата
своего Володимера и по всѣхъ князей рускихъ и по вое
воды великиа. И рече брату своему Володимерю и къ
всемъ княземъ рускимъ и воеводамъ: «Пойдемъ противу
сего оканнаго и безбожнаго, печестиваго и темнаго
сыроядка Мамаа за правую вѣру крестьяньскую, за
святыя церкви и за вся младенца и старцы и за вся
крестьяны сущаа и не сущаа; възьмемъ съ собою ски
петръ царя небснаго, непобѣдимую побѣду, и възпри
имемъ Аврамлю доблестъ». И нарекъ бога и рече: «Гос
поди, в помощь мою воими! Боже, на помощь мою под
тщися! И да постыдятся и посрамляются, и познаютъ,
яко нма тебѣ — господь, яко ты еси единъ вышній по
всей земли».

И, съвокупився съ всеми князми рускими и съ всею си
лою, и поиде противу ихъ вборзе с Москвы, и хотя бо
ронити своа отчины, и прииде на Коломну и събравъ
вои своихъ 100000 и 50000, опрочно рати княжей и вое
вод мѣстныхъ. И от начала миру не бывала такова сила
рускихъ князей и воеводъ мѣстныхъ, яко же при семъ кня
зи. Бѣаше всеа силы и всѣхъ ратей числомъ с *полтора*ста
тысящъ или съ двѣсте. Еще же к тому приспѣша в той
чинъ рагозны издалеца велиции князи Олгердовичи по
клонитися и послужити: князь Ондръй Полочкой и съ
плесковици, брат его князь Дмитрий Бряньскій съ все
ми своими мужи.

В то время Мамай ста за Дономъ, възбужаяся и гордяся и
гнѣваяся, съ вѣсьмъ своимъ царствомъ, и стоа 3 недѣли.
Паки прииде князю Дмитрию *другая* вѣсть. Повѣдааше
ему Мамаа за Дономъ събравшеся, в полѣ стояще, жду
ще к собѣ на помощь Ягайла с литвою, да егда сберут
ся вкупѣ, и хотять побѣду сътворити съединного.

И нача Мамай слати къ князю Дмитрию выхода просити,
како было при Чанибѣ цари, а не по своему доконча
нню. Христолюбивый же князь, не хотя кровопролитья,
и хотѣ ему выход дати по крестьяньской силѣ и по
своему докончанию, како с нимъ докончалъ. Он же не
въсхотѣ, но высокомысляше, ожидаше своего печести

ваго съвета литовскаго. Олег же, отступникъ нашъ, приединившійся ко зловѣрному и поганому Мамаю и нечестивому Ягайлу, нача выход ему давати и силу свою слати к нему на князя Дмитриа.

Князь же Дмитрий увѣдавъ лѣсть лукаваго Олга, кровопивца крестьянскаго, новаго Иуду предателя, на своего владыку бѣсится, Дмитрий же князь въздохнувъ из глубины сердца своего, и рече: «Господи, свѣты неправедныхъ разори, а зачинающихъ рати погуби. Не азъ почать кровь проливати крестьянскую, но онъ, Святополкъ новый. И въздай же ему, господи, семь седмицею, яко въ тмѣ ходить и забы благодать твою. *Поострю*, яко молнию, мечь мой, и примет судъ рука моя: въздамъ мечь врагомъ, и ненавидящимъ мя въздамъ, и упою стрелу мою отъ кровъ ихъ, да не ркутъ невѣрнии: «Гдѣ есть богъ ихъ?» Огврати, господи, лице свое отъ нихъ, и покажи имъ, господи, вся злаа, на послѣдокъ, яко родъ развращенъ *есть* и нѣсть вѣри въ нихъ твоеа, господи, и прелии на нихъ гнѣвъ твой, господи, на языки, не знающаа тебѣ, господи, и имени твоего святаго не зваща. Кто богъ велий, яко богъ нашъ? Ты еси богъ, творий чудеса, — единый!»

И скончавъ молитву, иде къ Пречистѣй и къ епископу Герасиму, и рече ему: «Благослови мя, отче, понти противу оканнаго сего сыроядца Мамаа, и нечестиваго Ягайла и отступника нашего Олга, *отступившаго* отъ свѣта въ тму». Святитель же Герасимъ благослови князя и вся воя его понти противу нечестивыхъ агарянъ.

И понде с Коломны с великою силою противу безбожныхъ татаръ, мѣсяца августа 20, а уповая на милосердіе божіе и на пречистую его мать богородицю, на приснодѣвицю Марію, призываа на помощь честный крестъ. И, прошед свою отчину и великое свое княжение, ста у Окъ на усть Лопастны, переимаа вѣсти отъ поганыхъ. Ту бо наѣхалъ Володимеръ, братъ его, и великий его воевода Тимофей Васильевичъ и вси вонъ оставшійся, что были оставлены на Москвѣ. И начаша возитися за Оку, за недѣлю до Семеня дни, въ день недѣльный. Переѣхавше за рѣку, внидоша въ землю Рязанскую. А самъ князь въ понедѣльникъ перебрѣде своимъ дворомъ, а на Москвѣ остави воеводъ своихъ у великой княгини у Евдокіи и у сыновъ своихъ, у Василья и у Юрья и у Ивана — Феодора Ондѣевича.

Слышавше въ градѣ на Москвѣ, и въ Переяславли, и на Костромѣ, и въ Володимѣре, и въ всѣхъ градѣхъ велика-

го князя и всѣхъ князей русскихъ, что пошелъ за Оку князь великій, и бысть въ градъ Москвѣ туга велика и по всѣмъ граду его приделомъ плачь *горекъ* и гласъ и риданіе, и слышано бысть спречь высокыхъ Рахиль же есть *рыданіе* крѣпко: плачущіеся чадъ своихъ и великимъ рыданіемъ, въздыханіемъ, не хотя утѣшиться, за не пошли с великимъ княземъ за всю землю Рускую на остраа коньа. Да кто уже не плачется женъ оныхъ рыданна и горкаго ихъ плача, зряще убо ихъ? Каяждо к собѣ глаголаше: «Увы мнѣ, убогаа наша чада! Уне бы намъ было, аще бы ся есте не родили, за сиа зло-страстныя и горкыя печали вашего убійства не подняли быхом. Почто быхомъ повинни пагубѣ вашей?»

Великій же князь прииде к рѣцѣ к Дону за два дни до Рожества святаа богородица. И тогда приспѣла грамота отъ преподобнаго игумена Сергіа — и отъ святаго старца благословеніе. Въ ней же написано благословеніе таково, велѣ ему битися съ тотары: «Чтобы еси, господи, такъ пошелъ, а поможетъ ти богъ и святаа богородица». Князь же рече: «Сии на колѣсницахъ, а сии на конѣхъ, мы же во имя господа бога нашего призовемъ: побѣды дай ми, господи, на супостаты и пособи ми, оружіемъ крестнымъ низложи *враги* наша, на тя бо уповающе, побѣждаемъ, молящеся прилѣжно къ пречистѣй ти матерѣ». И сиа изрекше, нача полци ставити, и устрояше и во одѣжду ихъ мѣстную, яко великіи ратници, и восводы ополчиша свои полки. Приидоша к Дону и сташа ту, и много думавше, ови глаголаше: «Поиде, княже, за Донъ», а друзии рѣша: «Не ходи ти, бо понеже умножишася врази наши — не токмо тотарове, но и литва, и рязанци».

Мамай же, слышавъ приходъ княжъ къ Дону и сеченыа свои видѣвъ, и възъярився зракомъ и смутися умомъ и распался лютою яростию, аки аспидъ нѣкаа, гнѣвомъ дышуще. И рече Мамай: «Двингитесь силы моа темныа и власти и князи. И поидемъ и станемъ у Дону противу князя Дмитріа доколѣ приспѣеть к намъ съвѣтникъ нашъ Ягайдо съ своею силою».

Князь же слышавшу хвалу Мамаеву, и рече: «Господи, не повѣдаѣ еси въ чуждѣхъ приидѣть ступати, азъ же, господи, не преступихъ. Сии же, господи, преступааше, аки змиа къ гнѣзду; оканнѣй Мамай, печестивѣй сыроядецъ на крѣстьянство дръзнулъ еси, кровь мою хотя пролѣяти, и всю землю осквернити, и святаа божна церква разорити». И рече: «Что есть великое свѣрьпы-

ство Мамаево? Аки пѣкаа ехидна прискающе пришедше от пѣкиа пустыни, пожрети ны хошет. Не предай же менѣ, господи, сироядцю сему Мамаю. Покажи ми славу своего божества, владыко. Гдѣ ти ангелстии лица? И гдѣ ти хѣрувимское предстояниѣ? Гдѣ серафимьское шестокрильное служенне? Тебѣ трепещет вся тварь, тебѣ покланяются небесныя силы, ты солнце и луну сътвори, и землю украси всеми лѣпотами, яви ми, боже, славу свою, и нынѣ, господи, *преложи* печаль мою на радость и помилуй мя, яко же помиловал еси слугу своего Моисеа, в горести душа възпивша к тебѣ, и столпу огненому повѣлѣлъ еси ити пред ним, и морьскія глубины на сушу *преложи*, яко владыка сый господь страшное възмущение на тишину *преложилъ* еси». И си вся изрекше, брату своему и всѣмъ княземъ и воеводамъ великим и рече: «Приспѣ, братие, время брани нашеа; и прииде праздникъ царици Марин, матере божии богородици, и всѣхъ небесныхъ чиновъ госпожи и всеа вселѣныа и честнаго еа Рожества. Аще оживем — господеви есмы, аще ли умрем за миръ сий — господеви есмы».

И повелѣ мосты мостити на Дону и бродовъ пытати *тоа нощи*, в канун пречистыа матере божиа богородица. Заутра в субботу порану, мѣсяца септября 8 день в самый праздникъ — Огоспожинъ день, възходящую солнцю, бысть тма велика по всей земли: мѣглане бо было бѣаше того от утра до третьяго часа. И повели тмѣ уступити, а пришествие свѣту дарова. Князь же исполни свои полки великии, и вся его князи рускиа свои полци устроивше, и велиции его воеводы облачишася во одѣжди мѣстныа. И ключа смертныа растерзахуся, трусь бѣ страшень, и ужась събраннымъ чадомъ издаляча, от востокъ и западѣ. Поидоша за Донъ, в далняя части земля и, преидоша Дон въскорѣ, люто и свѣрепо и напрасно, яко основанию земному подвижатися от множества силъ.

Князю же перешедшу за Донъ в полѣ чисто, в Мамаеву землю, на усть Непрядвы, господь богъ единъ въжааше его, и ѣ бѣ с ними богъ чюждѣ. О, крѣпкыа и твердыа дерзости мужество! О, како не убояся, ни усумняся толлика множества народа ратныхъ? Ибо въсташа на нь три земли, три рати: первое — тотарьскаа, второе — литовьскаа, третье — рязаньскаа. Но обаче всѣхъ сихъ не убояся, никако же не устрашися, но, еже к богу вѣроу вѣоружився, и креста честнаго силою укѣпився,

и молитвами пресвятыа богородица оградився, и богу помолнися, глагола: «Помози ми, господи боже мой, и спаси милости твоя ради, виждь враги моя, яко умножишася на мя. Господи, что ся умножишася стужающии мнѣ? Мнози вѣсташа на мя, мнози борющися съ мною, мнози, гонящии мя, стужающии ми, вси язици обидоша мя. Именемъ господнимъ противляхся имъ».

И бысть въ шестую годину дни, начаша появляватися поганнии измалтянѣ в полѣ, бѣ бо полѣ чисто и велико зѣло. И ту исполнишася тотарьстии полци противу крестьянѣ. И ту сретошася *полци*. И, велиа силы узревше, пондоша, и земля тутняше, горы и холми трясахуся от множества вой бесчисленных, извлекоша оружие обоуду оstri в руках их. И орли събирахуся, яко же есть писано: «Гдѣ трупы, ту и орлы». Пришедшемъ рокомъ, прежде бо начаша ся *сѣждати* сторожевыи полки и рускии с тотарьскими. Самъ же великий князь наѣха наперед въ сторожевых полцѣх на поганнаго царя Теляка, нареченаго плотнаго дьявола, Мамаа; таче потомъ, не долго попустя, отѣхъ князь въ великий полкъ. И се поиде великаа рать Мамаева и вся сила тотарьскаа, а отсель великий князь Дмитрий Ивановичъ съ всеми князи рускими, изрядивъ полки, поиде противу поганых половецъ и съ всѣми ратми своими. И възрѣвъ на небо умилнима очима, *въздохнувъ* изъ глубины сердца, рече слово псаломское: «Братье, богъ намъ — прибѣжище и сила».

И абие сступишася обои *силы велицѣи* их на долгъ час вмѣсто, и покрыша полки полѣ, яко на десяти верстѣ, от множества вой. И бысть сеча зла и велика и брань крѣпка, трусь великѣ зѣло, яко же от начала миру сѣча не была такова великим княземъ руским, яко же сему великому князю всеа Руси. Бьющим же ся им от 6-го часа до 9, проляша кровь, аки дождева туча, обонх — руских сынов и паганых; множество бесчисленное падоша трупля мертвых обонх: и много руси побѣenni быша от татаръ, и отъ руси тотари, паде трупъ на трупе, и паде тѣло тотарьское на тѣлеси крестьяньском. Инди видѣти бѣаше русинѣ за тотариномъ ганяшеся, а тотаринѣ сии настигаше. Смятоша бо ся и размѣсиша, конждо бо своего супротивника искааше побѣдити.

И рече к собѣ Мамай: «Власи наши растерзаются, очи наши не могутъ огненныхъ слѣзъ истачати, язици наши связаются, и гортан ми присыхает, и *сердце* раставает,

чресла ми растерзаются, колѣни ми изнемогают, а руцѣ очнѣиваютъ».

Что намъ рещи или глаголати, видяще пагубную смерть? Инии бо мечемъ пресѣкаемъ бывааху, инии же на копья взимаемъ. Да тѣмъ же рыданиемъ исполнишася москвичи мнози небывалци, то видѣвше, устрашишася, и живота отчаявшися, и на бѣги обратившися, и побѣгоша, а не помянуша, яко мученици глаголаху другъ къ другу: «Братие, потерпимъ мало: зима яра, но рай сладокъ, и страстенъ меч, но сладко въичание». А ины сыны агаряны на бѣгъ възвратишася отъ крича велика, зряще злаго убійства.

И по сихъ же, въ 9 часъ дни, призри господь милостивыми очима на вси князи рускии и на крѣпкия воеводы и на вся крестьяны и дръзнувшие за крестьянство и не устрашившися, яко великии ратници. Видиша бо върнии, яко въ 9 часъ быюще ангели помогаютъ крестьяномъ и святыхъ мученикъ полкъ, воина *Георгия* и славнаго Дмитрия и великихъ князей тезоименитыхъ Бориса и Глѣба, в нихъ же бѣ воевода свѣршеннаго полка небесныхъ вой архистратигъ Михаилъ. Двои воеводы видѣша полци, тресолнечный полкъ и пламенные ихъ стрѣлы, яже идутъ на нихъ. Безбожнии же татарове отъ страха божна и отъ оружья крестьянскаго падаху. И възнесе богъ нашего князя на побѣду *иноплеменикъ*.

А Мамай съ страхомъ въстрепетавъ и велики въстонавъ, и рече: «Великъ богъ крестьянский и велика сила его: братья изманловичи, незаконнии агаряне, побѣдите неготовыми дорогами». А самъ, вдавъ плещи свои, и побѣже скоро наки къ Ордѣ. И, то слышавше, вси его тѣмныя власти и князи побѣгоша. И то видѣвше, и прочии иноплеменици, гоними гнѣвомъ божнимъ, и страхомъ божнимъ одрѣжени суще, отъ мала и до велика на бѣгъ устремившася. *Видѣвше* крестьяне, яко татарове съ Мамаемъ побѣгоша, и погнаша за ними, быюще и съкующе поганыхъ безъ милости. Богъ бо *невидимою* силою устращи полки татарьскии, и побѣждени обративши плещи свои на язвы. И в погони той озири же татарове отъ крестьянъ язвени и оружемъ падоша, а дружинъ в рѣцѣ истопоша. И гониша ихъ до рѣцѣ до Мѣчи, и тамо бѣжавшихъ бесщеленое множество погибоша. Князнии же полци гнаша содомлянъ, быюще, до стана ихъ, и полониша бѣгства много и вся имѣния ихъ содомьскаа.

Тогда же на том побоищи убиени быша на съступѣ: князь Феодоръ Романовичъ Белозѣрьскій, сынъ его Иванъ, князь Феодоръ *Торусскій* и братъ его Мъстиславъ, князь Дмитрій Монастыревъ, Семен Михайловичъ, Микѹла, сынъ Васильевъ тысячкого, Михайло *Ивановъ*, сынъ *Анкифовичъ*, Иванъ Александровичъ, Андрѣй Серкизовъ, Тимофей Васильевичъ Акатъевичъ, нарѣчаеми Волуй, Михайло Бренковъ, Левъ Мозыревъ, Семень Меликовъ, Дмитрей Мининичъ, Александръ Пересвѣтъ, бывшій прежде бояринъ брянскій, и мнози мнози, ихъ же имена не суть писана въ книгахъ сихъ. Сии же писана быша князи токмо, и воеводы, и парочитыхъ и старѣйшихъ бояръ имена, а прочихъ бояръ и слугъ оставихъ имена и не писахъ ихъ множества ради именъ, яко чело превосходить ми: мнози бо на той брани побѣдени быша.

Самому же князю великому бѣаше видѣти весь дѣспѣхъ его битъ и язвелъ, но на тѣлеси его не бѣше язвы ни коея же, а бился съ тотары въ лице, ставъ напредѣ, на первомъ сунмѣ. О семъ убо мнози князи и воеводы многожды глаголаше ему: «Княже, господинъ! Не ставися напредѣ битися, но назадѣ, или криавъ, или нѣгдѣ въ опришнѣмъ мѣстѣ». Онъ же отвѣщааше имъ: «Да како азъ възглаголю: «Братъаа моа, да потягнемъ вси съ единого», а самъ лице свое почну крыти и хоронитися назадѣ? Не могу в томъ быти, но хочу яко же словомъ, такожде и дѣломъ напредѣ всѣхъ и предъ всеми главу свою положити за свою братью и за вся крестьяны, да и прочыи, то видѣвше, примутъ съ усердиемъ дръзнове-ние». Да яко же рече, и тако сътвори: бѣяшеся съ тотары тогда, ставъ напредѣ всѣхъ. А елико одѣсную и ошююю его, дружину его биша, самого же въкругъ оступиша около, аки вода многа обаполы, и многа ударенна ударишася по главѣ его и по плещема его и по утробѣ его, но отъ всѣхъ сихъ богъ заступилъ его въ день брани щитомъ истиннымъ и оружеемъ *благоволенна* осы-нилъ есть надъ главою его: десницею своею *защитилъ* его, и рукою крѣпкою и *мышцею* высокою богъ избавилъ есть, укрѣпивый его, и тако промежи ратными многими цѣлъ съхраненъ бысть. «Не на лукъ бо мой уповаю, и оружие мое не спасетъ менѣ,— яко же рече Давыдъ пророкъ,— вышняго положилъ еси прибожище твое; не придетъ къ тебѣ зло и раны не приблизятся къ тѣлеси твоему, яко ангеломъ своимъ заповѣсть о тебѣ съхранитъ тя въ всѣхъ путехъ твоихъ, и не убоиши-ся отъ стрѣлы, лѣтяща въ день».

Се же бысть грѣх ради наших: въоружаются на ны ино-
племенники, да быхом ся отступили от своих неправдъ,
от братоненавиденна, и от сребролюбна, и в неправду
судящих, и от насилья. Нѣ милосердѣ бо есть богъ чло-
вѣколюбець: не до конца прогнѣвается на ны, ни въ
вѣки враждуетъ.

А отсель, от страны литовския, Ягайло, князь литовь-
ский, прииде съ всею силою литовскою Мамаю пособ-
ляти, тотаром поганым на помощь, а крестьяном на
пакость, но и от тѣх богъ избавил: не поспѣша бо на
срок за малымъ — за единою динце или меныши. Но
точно слышавъ Ягайло *Олгердович* и вся сила его, яко
князю великому с Мамаемъ бой был, и князь великий
одолѣ, а Мамай побѣжденъ *побѣже*, и без всякого по-
ждания литва съ *Ягайлом* побѣгоша назад съ многою
скоростию, ни ким же гоними. Не видѣша бо тогда кня-
зя великаго, ни рати его, ни оружья его, токмо имени
его Литва бояхуся и *трепетаху*. А не яко при нонеш-
них временех — литва над *нами* издѣваются и поруга-
ются. Но мы сию бѣсѣду оставлеше и на подлежащее
възвратимся.

Князь же Дмитрий съ братом своим с Володимиром, и съ
князми рускими, и с воеводами, и с прочьми боляри,
и съ всѣми вон оставшемися, ставъ той пощи на пога-
ных *обѣдищихъ*, на костех тотарьских, утеръ поту свое-
го и отдохнувъ от труда своего, *велико* благодарение
принесе к богу, давшему такову на поганых побѣду,
избавляющему раба своего от оружия люта: «Помя-
нулъ еси, господи, милость свою, избавил ны еси, гос-
поди, от сироядец сих, от поганого Мамаа и от нече-
стивых измаилович и от незаконных агарянъ, подаваа
честь, яко сынъ своей матери. Уставилъ еси стремление
страстное, яко же еси уставил служь своему Моисею,
и древнему Давыду, и новому Костянтину, и Ярославу,
сроднику великих князей, на оканнаго и на проклятаго
братоубийцю, безглавнаго звѣря Святополка. И ты,
богородице, помиловала еси милостию своею нас,
грѣшных рабъ своих, и весь род крестьяньский, умолила
еси безлѣтнаго сына своего». И мнози князи русии и
воеводы прехвалными похвалами прославиша пречис-
тую мать Божию богородицу.

И паки христолюбивый князь похвали дружину свою,
иже крѣпко бишася съ иноплеменники, и твердо *брав-*
шеся и мужески храброваша, и дерзнуша по бозѣ за
вѣру крестьяньскую.

И възвратися оттуду въ богохранимый град на Москву, въ свою отчину, с побѣдою великою, одолѣвъ ратнымъ, побѣди врагы своя. И мнози вои его възрадовашася, яко обрѣтающе користь многу: пригна бо съ собою многа стада коней, и велблуды, и воли, им же нѣсть числа, и доспѣхъ, и порты, и товаръ.

Повѣдаша князю великому, что князь Олегъ Рязаньскій посылалъ Мамаю на помощь свою силу, а самъ на рѣкѣ перѣмѣталъ мостъ, а кто поѣхалъ съ Доновскаго побонща домов *сквозъ* его отчину, Рязанскую землю, бояре или слуги, а тѣхъ велѣтъ имати и грабити и нагихъ пущати. Князь же Дмитрій про то възсхотѣ на Олгарать послати свою. И се внезапно приѣхаше къ нему бояри рязаньскіи и повѣдаше, что князь Олегъ повергъ свою землю да самъ побѣждалъ, и съ княгинею и съ дѣтми и зъ бояри. И молиша его много о семь, дабы на нихъ рати не слалъ, а сами биша ему челомъ и рядишася у него въ рядъ. Князь же послуша ихъ, примъ чело-битіе ихъ, рати на нихъ не посла, а на Рязанскомъ княженіи посади свои намѣстники.

Тогда же Мамай не въ *мнозъ* убѣжа и прибѣжа въ свою землю въ малъ дружинѣ. Видя себѣ бита и бѣжавша, посрамлена и поругана, паки гнѣваашася и яряся, зѣло *смуцашеся*, и събра остаточною свою силу, еще възсхотѣ ити изгономъ на Русь. Сіце же ему умыслившу, и се прииде ему вѣсть, что идетъ на него царь нѣкій съ Въстока, Тахтamyшь, изъ Синѣй Орды. Мамай же *иже* уготовалъ рать на *ны*, с тою ратью готовою поиде противу его, и сретошася на Калкахъ, и бысть имъ бой, и царь Тахтamyшь побѣди Мамаа и прогна его. Мамаевы же князи, *сшедше* с коней своихъ, и биша челомъ царю Тахтamyшу, и даша ему правду по своей вѣрѣ, и яшася за него, а Мамай оставиша поругана.

Мамай же то видѣвъ, и скоро побѣжа съ своими единомысленики. Царь же Тахтamyшь посла за ними въ погоню воа своя. Мамай же, гонимъ сый, и бѣгаа предъ Тахтamyшевыми гонители, и прибѣжа близъ града Кафы и съслася с кафинци по докончанію и по опасу, дабы его приняли на избавление, дождеже избудетъ отъ всѣхъ гонящихъ его. И повелѣша ему. И прибѣже Мамай въ Кафу съ множествомъ имѣнна, злата и сребра. Кафинци же, свѣщавшеся, и сътвориша надъ *нимъ* облесть и ту отъ нихъ убѣенъ бысть. И тако бысть конецъ Мамаю.

А самъ Тахтamyшь шедъ взя орду Мамаеву, и царицу его, и казны его, и улусъ весь поима, и богатство Ма-

маево раздѣли дружинѣ своей. И туто послы своа отпусти къ князю Дмитрию и къ всѣмъ княземъ руским, повѣдаа имъ свой приход, и како въцарися, како супротивника своего и ихъ врага Мамаю побѣди, а самъ, шедъ, сѣдѣ на царствии Волжескомъ. Князи же руски посла его отпустиша в Орду съ честию и з дары многими, а сами на зиму ту и на весну за ними отпустиша в Орду кождо своихъ клнчнѣвъ съ многими дары.

ПРОСТРАННАЯ ЛЕТОПИСНАЯ ПОВЕСТЬ О КУЛИКОВСКОЙ БИТВЕ

Перевод

О ПОБОИЩЕ, КОТОРОЕ БЫЛО НА ДОНУ, И О ТОМ,
КАК КНЯЗЬ ВЕЛИКИЙ БИЛСЯ С ОРДОЮ

ой же осенью пришел ордынский князь Мамай с единомышленниками своими, и со всеми другими князьями ордынскими, и со всей силой татарской и половецкой, и кроме того еще рати нанял: басурман, и армян, и фрягов, черкесов, и ясов, и буртасов. А с Мамаем вместе, в союзе с ним, и литовский князь Ягайло со всею силой литовской и ляхской, и с ними же заодно и Олег Иванович, князь рязанский,—с этими своими сообщниками пошел на великого князя Дмитрия Ивановича и на брата его, Владимира Андреевича. Но человеколюбивый бог хотел спасти и освободить род христианский молитвами пречистой своей матери от рабства измаильтян, от поганого Мамаю и от союзников его — нечестивого Ягайла и лстивого и лживого Олега Рязанского, который не соблюл своего христианства. Ожидает его ад и дьявол в день великого суда господнего.

Окаянный же Мамай, возгордившись и возомнив себя царем, начал собирать совет нечестивый, призвав к себе темников своих, князей поганых. И сказал он им: «Пойдем на русского князя и на всю силу русскую, как при Батые было,—христианство искореним и

церкви божии спалим, и кровь их прольем, и обычаи их уничтожим». Нечестивый люто гневался из-за того, что были убиты его друзья, любимцы и князья на реке на Воже. И начал решительно и поспешно силы свои собирать и в ярости пошел с многочисленным войском, чтобы пленить христиан. И двинулись тогда все племена татарские.

И начал Мамай посылать в Литву, к поганому Ягайлу, и к лютливому слуге сатаны, сообщнику дьявола, отлученному от сына божия, омраченному тьмою греховною и не желающему слышать голоса разума, Олегу Рязанскому, прислужнику басурманскому, лукавому сыну. Как сказал Христос: «От нас отошли и на нас ополчились». И заключил старый злодей Мамай нечестивый уговор с поганой Литвой и с душегубцем Олегом, чтобы соединиться им против благоверного князя у реки Оки на семенов день. Душегубец же Олег начал зло к злу присовокуплять: стал посылать к Мамаю и к Ягайлу своего боярина единомышленника Елифана Кореева, антихристову предтечу, призывая их прийти точно в назначенный срок и, как договорились, стать у Оки с трехглавыми зверями-сыроядцами, чтобы кровь пролить.

Враг и изменник Олег! Надеешься выгоду получить, а не ведаешь того, что меч божий острится на тебя! Как сказал пророк: «Оружие извлекли грешники и натянули лук, чтобы во мраке застрелить праведников, и оружие их вонзится в их же сердца, и луки их ломаются».

И наступил месяц август, дошли из Орды известия и до христоролюбивого князя, что поднимаются на христиан измаильянские племена. Олег же, совсем отступивший от христианской веры из-за союза с погаными, послал к князю Дмитрию весть обманную: «Мамай идет со всем своим царством в мою землю Рязанскую на меня и на тебя. Да будет тебе известно и то, что идет на тебя литовский Ягайло со всею силою своею». Князь же Дмитрий, услышав в невеселое это время, что идут на него все царства, творящие беззаконие, сказал: «Еще наша рука высока!» Пошел он в соборную церковь матери божьей, богородицы и, проливая слезы, начал молиться: «О господи, ты — всемогущий и все-сильный, крепкий в битвах, воистину ты царь славы, сотворивший небо и землю, помилуй нас молитвами пресвятой твоей матери, не оставь нас в беде. Ты ведь

бог наш, а мы люди твои, простри руку свою свыше и помилуй нас, посрами врагов наших и оружие их притупи. Велик ты, господи, кто может противиться тебе? Помяни, господи, милость свою, которую ты от века изливаешь на род христиан. О, многоименитая дева, госпожа, царица небесных чинов, вечная повелительница всей вселенной и кормилица всей жизни человеческой, простри, госпожа, руки свои пречистые, которыми ты носила бога, воплотившегося от тебя, не отвергай христиан сих, избавь нас от сыроядцев этих и помилуй меня!»

Восстав от молитвы, вышел он из церкви и послал за братом своим Владимиром и за всеми князьями русскими и за воеводами великими. И сказал он брату своему Владимиру и всем князьям русским и воеводам: «Пойдем против этого окаянного и безбожного, нечестивого и мрачного сыроядца Мамай за православную веру христианскую, за святые церкви, и за всех младенцев и старцев, и за всех христиан нынешних и будущих; возьмем с собою скипетр царя небесного, непобедимую победу, и восприимем тем Авраамову доблесть». И призвал он бога и сказал: «Господи, услышь мольбу мою о помощи! Боже, на помощь приди мне! Пусть покроются враги наши стыдом и срамом и узнают, что имя твое — господь, что ты един вышний во всей земле».

И соединившись со всеми князьями русскими и собрав всю силу, без промедления пошел он из Москвы против врагов, желая защитить свою вотчину, и пришел в Коломну и собрал воинов своих сто тысяч и пятьдесят тысяч, и это без полков княжеского и воевод поместных. И от начала мира не бывало такой силы русских князей и воевод поместных, как при этом князе. Было всей силы и всех ратей числом с полтораста тысяч или с двести. И к этому еще приспели издалека в ту смутную годину великие князья Ольгердовичи поклониться и послужить: князь Андрей Полоцкий с псковичами да брат его князь Дмитрий Брянский со всеми своими мужами.

В это время Мамай стал за Доном, возносясь, и гордясь, и гневаясь, и стоял так со всем царством своим три недели. И вот пришла к князю Дмитрию новая весть. Поведали ему, что Мамай за Доном, собрав силы, стоит в поле, ожидая к себе на помощь Ягайла с литов-

цами, чтобы, когда соберутся вместе, одержать общую победу.

И начал Мамай посылать к князю Дмитрию и дань просить, как было при Чангиске-царе, а не по своему соглашению. Христоролюбивый же князь, не желая кровопролития, согласился Мамаю дань дать по христианской силе и по своему соглашению, как с ним договорился. Мамай же не захотел этого в своей гордыне, ожидая своего печестивого сообщника литовского. Олег же, изменник наш, присоединившийся к зловерному и поганому Мамаю и печестивому Ягайлу, начал Мамаю дань давать и силу свою посылать к нему на князя Дмитрия.

И когда узнал князь Дмитрий об обмане лукавого Олега, кровопийцы христианского, нового Иуды-предателя, поднявшегося на своего владыку, вздохнул он из глубины сердца своего и сказал: «Господи, замыслы неправедных разрушь, а зачинающих войны погуби. Не я начал кровь проливать христианскую, но он, Святополк новый. Воздай же ему, господи, в семикжды семь раз больше, ибо во тьме он пребывает и забыт благодать твою. Заострю, как молнию, меч мой, и пусть свершит суд рука моя, отомщу врагам и неправдящим меня отомщу и напою стрелу мою кровью их, чтобы не говорили неверные: «Где же бог их?» Отврати, господи, лицо свое от них и покажи им, господи, весь гнев свой наконец, так как род их развращен и нет в них веры в тебя, господи, и пролей на них гнев свой, господи, на народы, которые не признают тебя, господи, и имени твоего святого не призывают. Какой бог более велик, чем бог наш? Ты бог, творящий чудеса,— один!»

И, окончив молитву, пошел он в церковь Пречистой к епископу Герасиму и сказал ему: «Благослови меня, отче, пойти против окаянного этого сыроядца Мамаю, и печестивого Ягайла, и изменника нашего Олега, отступившего от света во тьму». Святитель же Герасим благословил князя и всех воинов его на поход против печестивых агарян.

И пошел князь Дмитрий из Коломны с великой силой против безбожных татар 20 августа, уповая на милосердие божие и на пречистую его мать богородицу, на приснодеву Марию, призывая на помощь честной крест. И, пройдя свою вотчину и великое свое княжество, стал на Оке около устья реки Лопасни, перехва-

тивная вести о поганных. Тут догнали князя Дмитрия Владимир, брат его, и великий его воевода Тимофей Васильевич и все остальные воины, что были оставлены в Москве. И начали переправляться через Оку за неделю до семенова дня, в день воскресный. Переехав за реку, вошли в землю Рязанскую. А сам князь в понедельник переправился со своим двором, а в Москве оставил воевод своих у великой княгини у Евдокии, а у сыновей своих, у Василия, и у Юрия, и у Ивана, — Федора Андреевича.

И когда услышали в городе Москве, и в Переяславле, и в Костроме, и во Владимире, и во всех городах великого князя и всех князей русских, что пошел за Оку князь великий, то была в городе Москве печаль великая, и во всех концах города поднялся плач горький, и вопли, и рыдания, и казалось, будто Рахиль рыдает горько: оплакивали жены русские детей своих, рыдая в голос и захлебываясь слезами, не в силах сдержаться, потому что пошли те с великим князем за всю землю Русскую на острые копья. Да и кто не погорюет из-за рыдания женщины этих и горького их плача? Каждая в душе своей говорила: «Увы мне, бедные наши дети! Лучше бы нам было, если бы вас не родили, тогда не страдали и не печаловались бы мы из-за гибели вашей. Почему виноваты мы в гибели вашей?»

Великий же князь пришел к реке к Дону за два дня до рождения святой богородицы. И тогда подоспела грамота от преподобного игумена Сергия — от святого старца благословение. В ней же написано благословение, призывающее великого князя биться с татарами: «Господни, иди на врага, да поможет тебе бог и святая богородица». Князь же сказал: «Эти на колесницах, а эти на конях, мы же во имя господя нашего призовем: даруй мне, господи, победу над супостатами и помоги мне, оружием креста низложи врагов наших, ведь, уповаю на тебя, побеждаем мы, прилежно молясь пречистой матери твоей». И, сказав так, начал полки расставлять и велел всем облачиться в одежды праздничные, как подобает великим ратникам, а воеводы вооружили свои полки. И подошли к Дону, и стали тут, и долго совещались, ибо одни говорили: «Иди, князь, за Дон», а другие советовали: «Не ходи, потому что умножились враги наши — не только татары, но и литовцы и рязанцы».

Мамай же, узнав о приходе князя Дмитрия к Дону и видя побитых своих воинов, разъярился взором и помутился умом и распалился лютой яростью, словно змея какая-то, дышащая гневом. И воскликнул Мамай: «Выступайте, силы мои бесчисленные, и власти, и князья. Пойдем и станем у Дона против князя Дмитрия и будем ждать прихода сообщника нашего Ягайла с его силой».

Когда князь услышал о похвальбе Мамае, то сказал: «Господи, не повелел ты в чужие пределы вступать, и я, господи, не преступил этой заповеди. Этот же, господи, подкрался, как змей к гнезду; окаянный Мамай, несчастливый сыродец, на христианство дерзнул, кровь мою желая пролить, и всю землю осквернить, и святые божии церкви разорить». И сказал он: «Что такое великое свирепство Мамаево? Как некая ехидна, брызжащая ядом и из неведомой пустыни приползшая, пожрать нас хочет. Не предай же меня, господи, сыродецу этому Мамаю. Покажи мне славу своего божества, владыка. Где ангельские лики? Где херувимское предстояние? Где серафимов шестикрылых служение? Пред тобой трепещет вся тварь, тебе поклоняются небесные силы, ты солнце и луну сотворил и землю украсил всеми красотами, яви мне, боже, славу свою, и ныне, господи, обрати печаль мою в радость, и помилуй меня, как помиловал ты слугу своего Моисея, в горести души возопившего к тебе, и столпу огненному повелел идти пред ним, и морские глубины в сушу превратил, как владыка истинный господь страшное возмущение в тишину превратил». И, произнеся это все, брату своему и всем князьям и воеводам великим сказал он: «Приспело, братья, время битвы нашей; и наступил праздник царицы Марии, матери божьей, богородицы и всех небесных чинов госпожи и всей вселенной — честное ее рождество. Если останемся живы, — мы в руках господя, если же умрем за мир сей, — мы в руках господя».

И приказал он мосты мостить через Дон и бродов искать той же ночью, в канун рождества пречистой матери божьей богородицы. На другой день, в субботу рано утром, восьмого сентября, в самый праздник — госпожи день, когда стало всходить солнце, была великая тьма по всей земле: стоял туман с утра и до третьего часа. И повелел господь тьме отступить и пришествие света даровал. Князь же подготовил к бою свои полки

великие, и все его князья русские свои полки к бою подготовили, и великие его воеводы облачились в одежды воинские. И отверзлись запоры смертные, задрожала земля, охватил ужас воинов, собравшихся издалека, с востока и запада. Пошел гул земной за Дон, в дальние концы земли, и, лютый и страшный, стремительно перекатился он через Дон, так что и основание земли заколебалось от множества сил.

И когда князь перешел за Дон в поле чистое, в Мамаеву землю, на устье Непрядвы, то один господь бог вел его, не был ему бог чужд. О, крепкая и твердая дерзость мужества! О, как не испугался, не устранился такого множества вражеских воинов? Ведь поднялись на него три земли, три рати: первая — татарская, вторая — литовская, третья — рязанская. И все же всех их не испугался, несколько не устранился, но, верою в бога вооружившись, и силою креста честного укрепившись, и молитвами пресвятой богородицы оградившись, богу помолился, так говоря: «Помоги мне, господи боже мой, и спаси меня милости твоей ради, видишь, как враги мои умножились против меня. Господи, почему так умножились враждующие со мной? Многие поднялись на меня, многие борются со мною, многие, враждующие со мной, преследуют меня, все народы ополчились на меня. Именем господним сопротивляюсь им».

И был шестой час дня, и начали появляться поганые измайльтяне в поле, ведь было это поле чисто и велико очень. И тут изготовились татарские полки против христиан. И тут сошлись полки. И, великие силы увидев, пошли войска, и земля загудела, горы и холмы затряслись от множества бесчисленных воинов, извлекавших в руки оружие обоюдоострое. И слетелись орлы, как написано: «Где трупы, там и орлы». Когда пришел срок, прежде всех начали сходить сторожевые полки русские и татарские. Сам же великий князь ринулся сначала в сторожевых полках на поганого царя Теляка, дьявола во плоти, прозываемого Мамаем; после этого, немного погодя, вернулся князь в главный полк. И вот пошла великая рать Мамаева и вся сила татарская, а отсюда великий князь Дмитрий Иванович со всеми князьями русскими, изготовив полки, пошел против поганых половцев со всеми войсками своими. И, с умилением воззрев на небо, вздохнул он из глу-

бины сердца и произнес слово псаломское: «Братья, бог нам — прибежище и сила».

И тотчас сошлись обе силы великие на долгое время, и покрыли полки поле будто на десять верст — столь много было воинов. И была эта великая сеча жестокой и битва упорной, так что земля содрогнулась, и от начала мира не бывало такой сечи у великих князей русских, как у этого великого князя всея Руси. И бились они так с шестого часа до девятого, как дождь из тучи, лилась кровь тех и других — русских сынов и поганых; бесчисленное множество пало убитыми с той и другой стороны: много русских побито татарами, а русскими — татар, падал труп на труп, и падало тело татарское на тело христианское. И было видно, как в одном месте русский за татаринном гонится, в другом — татарин русского настигает. Сменялось все и перепуталось, ибо каждый стремился своего противника одолеть.

И сказал сам себе Мамай: «Волосы наши рвутся, очи наши не могут горячих слез источать, языки наши немеют, горло мое пересохло, и сердце замирает, чресла мои окостеневают, колени мои подгибаются, а руки цепенеют».

Что нам промолвить или сказать, видя пагубную смерть! Одних мечами рубили, других на конья вздымали. И охваченные страхом москвичи многие неопытные, увидев это, устрашились и отчаялись в своей жизни и обратились в бегство, и побежали, забыв, как мученики говорили друг другу: «Братья, потерпим немного: зима люта, но рай сладок, и страшен меч, но сладка награда». И иные сыновья татарские бросились бежать, слыша крик страшный и видя злое убийство.

И вот потом, в девятый час дня, обратил господь милостивый взор свой на всех князей русских, и на мужественных воевод, и на всех христиан, дерзнувших встать за христианство и не устравившихся, как не устрашаются великие воины. Видели праведные, как в девятом часу во время боя помогали христианам ангелы и святых мучеников полк, воина Георгия и славного Дмитрия, и великих князей тезоименитых Бориса и Глеба, был среди них и воевода высшего полка небесных воинов архистратиг Михаил. Двое воевод видели эти полки, трехсолнечный полк и пламенные их стрелы, которые летели на врагов. Безбожные же та-

тары от страха божия и от оружия христианского падали. И даровал бог нашему князю победу над иноплемениками.

А Мамай, затрепетав от страха и громко восстенав, воскликнул: «Велик бог христианский и велика сила его: братья измаильтяне, беззаконные агаряне, бегите непроторенными дорогами». А сам, повернув назад, без промедления побежал в Орду. И, услышавши, что сказал Мамай, побежали и все его темники и князья. Видев это, и остальные иноплеменники, гонимые гневом божиим и охваченные страхом божиим, от мала и до велика в бегство устремились. Христиане, увидев, что татары с Мамаем побежали, погнались за ними, избивая и рубя поганых без милости. Ведь бог невидимою силою устрасил полки татарские, и, побежденные, обратили они тыл свой под удары. И в погоне этой одни татары, уязвленные оружием христиан, пали, а другие в реке потонули. И гнали их до реки до Мечи, и в ней бесчисленное множество бежавших погибло. Княжеские же полки гнали содомлян, избивая, до стана их, и захватили много богатств и все достояние их содомское.

И тогда на этом побойще убиты были в схватке: князь Феодор Романович Белозерский, сын его Иван, князь Феодор Тарусский, брат его Мстислав, князь Дмитрий Монастырев, Семен Михайлович, Микула, сын Василия-тысяцкого, Михайла Иванович, сын Акифа, Иван Александрович, Андрей Серкизов, Тимофей Васильевич Акатьевич, по прозвищу Волуй, Михайла Бренков, Лев Мозырев, Семен Мелик, Дмитрий Мининич, Александр Пересвет, бывший прежде боярином брянским, и многие другие, имена которых не записаны в этих книгах. Это записаны только имена князей, и воевод, и знатных и именитых бояр, а остальных бояр и слуг опустил я имена и не записал из-за их множества, так как число их выше моего разумения, ибо многие в этой битве убиты были.

У самого же князя великого все доспехи его были разбиты и повреждены, но на теле не было ни единой раны, а бился с татарами лицом к лицу, впереди всех, в первой же схватке. Поэтому-то многие князья и воеводы несколько раз говорили ему: «Князь наш и господин, не становись биться впереди, но стань в тылу, или с краю, или где-нибудь в укромном месте». А он отвечал им: «Да как же я призову: «Братья мои, ри-

немся в бой все, как один», — а сам буду лицо свое прятать и хорониться сзади? Не могу я так поступить, но хочу как на словах, так и на деле впереди всех и перед всеми голову свою положить за своих братьев и за всех христиан, чтобы и остальные, видя это, с усердием ринулись в бой». И как сказал, так и поступил: бился тогда с татарами, став впереди всех. И справа и слева от него дружины его перебили, самого же вокруг обступили, как вода в половодье со всех сторон, и много ударов нанесли и по голове его, и по плечам, и по телу, но от всего этого бог защитил его в день битвы щитом истины, и оружием благоволения осенил голову его, десницей своей защитил его, и рукой крепкой и мышцей высокой бог избавил и укрепил его, и так среди многих ратников остался он невредим. «Не на лук мой уповаю, и оружие мое не спасет меня, — так сказал пророк Давид, — всевышнего сделал ты прибежищем твоим; не постигнет тебя беда, и раны не приблизятся к телу твоему, ибо ангелам своим поручил тебя, чтобы хранили тебя во всех путях твоих, и не утратишься стрелы, летящей днем».

Было же это из-за грехов наших: ополчаются на нас иноплеменики, чтобы отступили мы от своих неправд, от братоненавистничества и от сребролюбия, и от суда неправедного, и от насилия. Но милосерд бог-человеколюбец: не до конца гневается на нас, не вечно наказывает.

А из страны литовской Ягайло, князь литовский, пришел со всею силою литовскою пособлять Мамаю, татарам поганым на помощь, а христианам на пакость, но и от них бог избавил: не успели к сроку совсем немного — на один день пути, а то и меньше. А как только услышал Ягайло Ольгердович и вся сила его, что у князя великого с Мамаем бой был и князь великий одолел, а Мамай побежден и бежал, то без всякого промедления литовцы с Ягайлом побежали назад стремглав, никем не преследуемые. В то время, не видя князя великого, ни рати его, ни вооружения его, а только слыша имя его, Литва приходила в страх и трепет. Не так, как в нынешние времена, когда литовцы издеваются и насмеваются над нами. Но мы этот разговор оставим и к прежнему вернемся.

Князь же Дмитрий с братом своим Владимиром и с князьями русскими, и с воеводами, и с остальными боярами, и со всеми уцелевшими воинами, став той

ночью на поганных обеднищах, на костях татарских, утерев пот свой и отдохнув от труда своего, великую благодарность вознес к богу, который даровал такую победу над погаными и избавил раба своего от лютого оружия: «Вспомнил ты, господи, милость свою, избавил нас, господи, от сыроядцев этих, от поганого Мама и от нечестивых измаильян, и от беззаконных агарян, воздавая честь, как сын своей матери. Укрепил ты стремление к подвигу, как наставлял на подвиг слугу своего Моисея, и древнего Давида, и нового Константина, и Ярослава, родича великих князей, пошедшего на окаянного и на проклятого братоубийцу, безрассудного зверя Святополка. И ты, богородица, помиловала милостию своею нас, грешных рабов твоих, и весь род христианский, умолила бессмертного сына своего». И многие князья русские и воеводы превеликими похвалами прославили пречистую мать божью богородицу.

И снова христоролюбивый князь похвалил дружину свою, которая крепко билась с иноплемениками, и твердо сражалась, и мужественно встала, и отстояла с божьей помощью веру христианскую.

И возвратился князь Дмитрий в богом хранимый город Москву, в свою вотчину, с победой великой, одолев в сражении, победив врагов своих. И многие воины его возрадовались, так как захватили богатую добычу: пригнали с собою большие стада коней, и верблюдов, и волов, а их невозможно сосчитать, принесли и доспехи, и одежды, и много добра.

Тогда поведали князю великому, что князь Олег Рязанский посылал Мамаю на помощь свою силу и на реке разрушил мост, а тех, кто поехал домой с Донского побоища через его вотчину, Рязанскую землю, бояре или слуги, велел он тех хватать и грабить и нагими отпускать. За это князь Дмитрий хотел на Олега послать рать свою. И тут внезапно приехали к нему бояре рязанские и рассказали, что князь Олег бросил свою землю и сам убежал и с княгиней, и с детьми, и с боярами. И много молили рязанцы великого князя, чтобы он на них рати не посылал, а сами били ему челом и заключили с ним договор. Князь же послушал их, принял их челобитье, рати на них не послал, а на Рязанское княжество посадил своих наместников.

Тогда же и Мамай с немногими убежал и прибежал в свою землю с небольшой дружиной. И, видя себя раз-

громленным, посрамленным и поруганным, снова разгневался и разъярился он, и, в сильной тревоге, собрал остатки своего войска, и опять хотел пойти изгном на Русь. И когда он это задумал, пришла к нему весть, что идет на него царь некий с Востока, Тохтамыш, из Синей Орды. Мамай же с той ратью, которую он приготовил на нас, пошел против него, и встретились они на Калке, и был у них бой, и царь Тохтамыш победил Мамаю и прогнал его. Мамаевы же князья, сшедши с коней своих, били челом царю Тохтамышу, и поклялись ему по законам своей веры, и подчинились ему, а Мамай оставили поруганным.

Мамай же, увидев это, без промедления бежал со своими единомышленниками. Царь же Тохтамыш послал за ними в погону воинов своих. Мамай же, гонимый, спасаясь от Тохтамышевых преследователей, прибежал к окрестностям города Кафы и спеша с кафинцами по договору и по обещанной ему защите, чтобы они его укрыли у себя, пока не отступят от него все его преследователи. И они разрешили ему. И Мамай прибежал в Кафу со множеством богатств, золота и серебра. Кафинцы же, сговорившись, обманули его, и был он тут ими убит. Таков был конец Мамаю.

А сам Тохтамыш пошел и захватил орду Мамаеву, и царя его, и казну его, и улус весь его взял, и богатство Мамаево раздал дружине своей. И тогда послов своих отправил к князю Дмитрию и ко всем князьям русским, извещая их о своем приходе и о том, как он воцарился, как своего и их врага Мамаю победил, а сам пошел и сел на царство Воицкое. Князья же русские послов его отпустили в Орду с честью и с дарами многими, а сами зимой той и весною вслед за послами отправили каждый своих килчеев со многими дарами.

СКАЗАНИЕ О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ

Древнерусский текст

НАЧАЛО ПОВѢСТІИ, КАКО ДАРОВА БОГЪ ПОБѢДУ
ГОСУДАРЮ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ ДМИТРЕЮ ИВАНОВИЧУ
ЗА ДАНОМЪ НАД ПОГАНЫМ МАМАЕМЪ, И МОЛЕНИЕМЪ
ПРЕЧИСТЫЯ БОГОРОДИЦА И РУСЬСКИХЪ
ЧЮДОТВОРЦЕВЪ ПРАВОСЛАВНОЕ ХРИСТИАНСТВО
РУССКУЮ ЗЕМЛЮ БОГЪ ВЪЗВЫСИ, А БЕЗБОЖНЫХЪ
АГАРЯНЪ ПОСРАМИ

ошу вамъ, братне, брань повѣдати новыя
побѣды, како случися брань на Дону вели-
кому князю Дмитрию Ивановичю и всѣмъ
православнымъ христианомъ с поганымъ Мамаемъ и зъ
безбожными агаряны. И възвыси богъ родъ христиан-
скій, а поганыхъ уничижи и посрами ихъ суровство,
яко же въ прежняя вѣремена Гедсону надъ мадами и
преславному Моисею надъ фараономъ. Подобастъ намъ
повѣдати величество и милость божию, како сътвори
господь волю боящихся его, како пособьствова гос-
подь великому князю Дмитрию Ивановичю и брату его
князю Владимиру Андрѣевичю надъ безбожными полов-
ци и агаряны.

Попущениемъ Божиимъ за грѣхы наша, отъ навожденна
дьяволя въздвижеся князь отъ восточныя страны, имя-
немъ Мамай, еллинъ сый вѣроу, идолжрецъ и иконо-
борецъ, злый христианскій укоритель. И начать под-

стрѣкати его днаволъ и вниде въ сердце его папастъ роду христіанскому, и наустѣ его, како разорити православную вѣру и осквернити свѣтлыя церкви и всему христіанству хоцетъ покорену от него быти, яко бы ся не славилъ господне имя в людех его. Господь же нашъ богъ, царь и творецъ всеа твари, елико хоцетъ, тѣ и творить.

Онъ же безбожный Мамай начатъ хвалитися и поревновавъ второму Иудѣану-отступнику, царю Батюю, и нача спрашивать старыхъ татаръ како царь Батый плѣнилъ Русскую землю. И начаша ему сказывати старые татарове, како плѣнилъ Русскую землю царь Батый, какъ взялъ Кіевъ и Владимиръ, и всю Русь, словенскую землю, и великого князя Юрья Дмитревича убилъ, и многихъ православныхъ князей избилъ и свѣтлыя церкви оскверни, и многы монастыри и села пожже, и въ Володимиръ вселенскую церковь златаверхую разграбилъ. Ослѣплену же ему умомъ, того бо не разумъ, како господу годѣ, тако и будетъ. Яко же въ оны дни Иерусалимъ плѣненъ бысть Титомъ римскимъ и Навходнасоромъ, царемъ вавилонскимъ за ихъ сѣгрѣшения и маловѣріе — нѣ не до конца прогнѣвается господь, ни въ вѣкы враждуетъ.

Слышавъ же безбожный Мамай от своихъ старыхъ татаръ и нача подвиженъ быти и днаволомъ палимъ непрестанно, ратуа на христіанство. И бѣ в себѣ нача глаголати къ своимъ еулпатомъ и ясауломъ, и княземъ, и воеводамъ, и всѣмъ татаромъ, яко: «Азъ не хошу тако сѣтворити, яко же Батый, нѣ егда доиду Руси и убю князя ихъ, и которые грады красныя довлѣють намъ, и ту сядемъ и Русью владѣемъ, тихо и безмятежно поживемъ». А не вѣдый того оканный, яко господня рука высока есть.

И по малехъ дняхъ перевезеся великую реку Волгу съ всѣми силами. И ины же многы орды къ своему великому вѣинству съвокупи и глагола имъ: «Пойдемъ на Русскую землю и обогатѣемъ русскимъ златомъ!» Поиде же безбожный на Русь, акы левъ ревый пыхаа, акы неутолимая ехыдна гнѣвомъ дыша. И доиде же до усть рѣкы Вороножа и распусти всю силу свою и заповѣда всѣмъ татаромъ своимъ яко: «Да не пашете ни единъ васъ хлѣба, будите готовы на русскыя хлѣбы!»

Слышавъ же то князь Олегъ Резанскый, яко Мамай кочуетъ на Вороножѣ, а хоцетъ ити на Русь, на великого князя Дмитрия Ивановича Московскаго. Скудость же бысть ума въ главѣ его, посла сына своего к безбож-

ному Мамаю с великою честию и съ многими дары и писа грамоты своа к нему сице: «Въсточному великому и волному, царемъ царю Мамаю — радоватися! Твой посаженникъ и присяжникъ Олегъ, князь резанскый, много тя молить. Слышах, господине, яко хочещи ити на Русскую землю, на своего служебника князя Дмитрия Ивановича Московскаго, огрозитися ему хочещи. Нынѣ же, господине всесвѣтлый царю, приспѣ твое врѣмя: злата и сребра и богатства много наплѣнися земля Московскаа и всякого узорочиа твоему царству на потребу. А князь Дмитрий Московской человекъ христьянъ, егда услышитъ имя ярости твоеа, то отбежитъ в дальни отоки своа: любо в Новъгород Великий, или на Белоозеро или на Двину, а многое богатство московское и злато — все въ твоихъ рукахъ будетъ и твоему вѣйску в потребу. Меня же раба твоего, Олга Резанскаго, дрѣжава твоя пощадить, царю. Азъ бо ти велми устрашаю Русь и князя Дмитрия. И еще молимъ тя, царю, оба раби твои, Олегъ Резанскый и Ольгордъ Литовскый, обиду приахомъ велику от того великого князя Дмитрия Ивановича, и гдѣ будетъ о своей обидѣ твоимъ именемъ царьскимъ погрозимъ ему, онъ же о томъ не радить. И еще, господине царю, град мой Коломну за себя заграбилъ. И о томъ о всемъ, царю, жалобу творимъ тебѣ».

А другаго же посла скоро своего вѣстника князь Олегъ Резанскый с своимъ написаниемъ, написание же таково в грамотахъ: «Къ великому князю Олгорду Литовскому — радоватися великою радостію! Вѣдомо бо, яко издавна еси мыслилъ на великого князя Дмитрия Ивановича Московскаго, чтобы его згонити с Москвы, а самому владѣти Москвою. Нынѣ же, княже, приспѣ врѣмя наше, яко великий царь Мамай грядетъ на него и на землю его. Нынѣ же, княже, мы оба приложимся къ царю Мамаю, вѣмъ бо, яко царь дастъ тебѣ град Москву, да и иные грады, которые от твоего княженна, а мнѣ дастъ град Коломну, да Владимиръ, да Муромъ, иже от моего княженна близъ стоять. Азъ же послахъ своего посла къ царю Мамаю с великою честию и съ многими дары. Еще же и ты пошли своего посла и каковы имаша дары и ты пошли к нему, и грамоты свои списавъ, елико самъ вѣси, паче мене разумѣеши». Князь же Олгордъ Литовскый, слышавъ то, велми рад бысть за велику похвалу другу своему князю Олгу Резанскому. И посыластъ скоро посла къ царю Мамаю

с великими дары и съ многою тѣшью царьскою. А пи-
шетъ свои грамоты сице: «Въсгочному великому царю
Мамаю! Князь Олгордь Литовскый, присяжннкъ твой,
много тя молить! Слышах, господине, яко хоцещи
казннть свой улусъ, своего служебника, московскаго
князя Дмитриа. И того ради молю тя, волный царю,
рабъ твой, яко велику обиду творить князь Дмитрей
Московской улуснику твоему князю Ольгу Резанскому,
да и мнѣ тако же велику пакость дѣсть. Господине
царю волный Мамаю! Да придетъ дръжава твоего
царства нынѣ до нашихъ мѣсть. да внидетъ, царю, твое
смотрение нашеа грубости от московскаго князя Дми-
трия Ивановича».

Помышляше же в себѣ, глаголющи, Олегъ Резанскый и
Олгордь Литовскый яко: «Егда услышитъ князь Дмит-
рей царевъ приход и ярость его и нашу присягу к нему,
тѣ отбѣжыть с Москвы въ Великый Новѣград или на
Бѣлоозеро, или на Двину. А мы сядемъ на Москвѣ и
на Коломнѣ. Егда же царь придетъ, и мы его з бол-
шими дары срящем и с великою честнью и умолимъ
его, и възвратится царь въ свои орды, а мы княжение
Московское царевым велѣниемъ раздѣлим себѣ, ово
к Вилнѣ, ово к Резани, и имать нам дати царь Мамай
ярлыкы своя и родомъ нашим по насъ». Не въдаху бо,
что помышляюще и что се глаголюще, акы несмысле-
ни молодые дѣти, невѣдяще божна силы и владычня
смотренна. По истиннѣ бо рече: «Аще кто к богу въру-
з добрыми дѣлы и правду въ сердци дръжит и на бога
упование възлагаетъ, и того человека господь не дастъ
в попошение врагом быти и в носмѣх».

А огосударь князь великый Дмитрій Ивановичъ сми-
ренъ человекъ и образъ нося смиреномудрия, небес-
ныхъ желая и чаа от бога будущихъ вѣчныхъ благъ, не
въдый того, что на него съвѣщаваютъ золь съвѣтъ
ближнии его друзи. О таковыхъ бо пророкъ рече: «Не
сътвори ближнему своему зла и не рой, ни копай вра-
гу своему ямы. На бога творца въскладай. Господь
богъ можетъ живити и мертвити».

Приидоша же послы къ царю Мамаю от Олгорда Литов-
скаго и от Олга Резанскаго и принесоша ему многы
дары и писаныя кннги. Царь же приять дары с лю-
бовнью и кннги, и розслушавъ въ грамотахъ, и пословъ
чествовавъ отпусти, и написа отписание сицева: «Ол-
горду Литовскому и Ольгу Резанскому. На дарѣхъ ва-
шихъ и за хвалу вашу, что принсастесе ко мнѣ, слик

хощете от мене вотчины русские тѣмъ отдарю вас. А вы ко мнѣ присягу имѣйте и срътите мене, елико гдѣ успѣете, и одолѣйте своего недруга. Мнѣ убо ваша помощь не добръ удобна: нѣ аще быхъ азъ нынѣ хотѣлъ своею силою великою и азъ бы древній Иерусалимъ плѣнилъ, яко же и халдѣи. Нѣ нынѣ чести вашей хощу, моимъ пиянемъ царьскимъ и грозою, а вашею присягою и рукою вашею распуженъ будетъ князь Дмитрей Московскій, и огрозится имя ваше въ странахъ вашихъ моею грозою. Мнѣ убо царю достонѣтъ побѣдѣти царя, подобна себѣ, то мнѣ подобаетъ и довлѣть царская чesть получитьи. А вы нынѣ пойдите отъ меня и рците княземъ своимъ глаголы моя».

Послы же възвратившеся отъ царя къ своимъ княземъ и сказаша имъ, яко: «Царь Мамай здравитъ и велми вамъ за хвалу вашу великую, добръ глаголетъ глаголетъ». Они же скуднѣи умомъ възрадовашася о суетнѣмъ привѣтѣ безбожнаго царя, а не въдуше того, яко богъ даетъ власть, ему же хощетъ. Нынѣ же единая вѣра, единое крещеніе, а къ безбожному приложившеся въкупѣ гонити православную вѣру Христову. О такихъ бо пророкъ рече: «Поистинѣ сами отсѣкошася своеа добрыа масличны и присадишася къ дивнѣи масличнѣ».

Князь же Олегъ Резанскій начатъ поспѣшывати, слати къ Мамаевѣ послы и рече: «Подвизайся, царю, скорѣе къ Руси». Глаголетъ бо премудрость: «Путьъ нечестивыхъ не спѣшится, нѣ събираютъ себѣ досаженіа и поносъ». Нынѣ же сего Олга окапнаго новаго Святоплѣка нареку.

Слышавъ же то князь великій Дмитрей Ивановичъ, яко грядетъ на него безбожный царь Мамай и съ многими ордами и съ всѣми силами, неуклонно яряся на христіанство и на Христову вѣру и ревнуя безглавному Батыю, князь же великій Дмитрій Ивановичъ велми опечалися о безбожныхъ нахожденіи. И ставъ предъ святою иконою господня образа, яже въ зглавнѣи его стояще, и падъ на колѣну свою, нача молитися и рече: «Господи! Азъ, грѣшный, смѣю ли молитися тебѣ, смиренный рабъ твой? то къ кому простру уныніе мое? нѣ на тебя надѣюся, господи, и възвергу печаль мою. И ты, господи, царю, владыко, свѣтодателю, не сътвори намъ, господи, яко же отцемъ нашимъ, иже наведе на нихъ и на грады ихъ злаго Батыа, и еще бо, господи, тому страху и трепету въ насъ суще велику. И нынѣ, гос-

поди, царю, владыко, не до конца прогнѣвайся на нас, вѣм бо, господи, яко мене ради, грѣшнаго, хощещи всю землю нашу погубити; аз бо съгрѣших пред тобою паче всѣх человекъ. Сътвори ми, господи, слез моих ради, яко Иезекию, и укроти, господи, сердце свирѣпому сему звѣрю!» Всклонся и рече: «На господа уповах — и не изнемогу». И посла по брата своего по князя Владимира Андрѣевича в Боровескъ, и по всѣ князи русскіе скорые гонци розославъ, и по вся воеводы мѣстныя, и по дѣти боярскыя, и по всѣ служилыя люди. И повелѣ имъ скоро быти у себя на Москвѣ.

Князь же Владимиръ Андрѣевичъ прииде вборзѣ к Москвѣ и вси князи и воеводы. Князь же великій Дмитрей Ивановичъ, поимъ брата своего князя Владимира Андрѣевича, прииде къ преосвященному митрополиту Киприану и рече ему: «Вси ли, отче нашъ, нынѣ настоащую сию бѣду великую, яко безбожный царь Мамай грядетъ на нас, неуклонным образом ярость пося?» Митрополитъ же рече великому князю: «Повѣжь ми, господине, чимъ сси пред нимъ не исправился?» Князь же великій рече: «Испытахомся, отче, повелику, яко все по отецъ нашихъ преданию, еще же нѣпаче въздахом ему». Митрополитъ же рече: «Видиши ли, господине, попущениемъ божнимъ, наших ради съгрѣшений идеть плѣнити землю нашу, нѣ вамъ подобаетъ, княземъ православнымъ, тѣхъ нечестивыхъ дарми утолити четверницею сугубъ. Аще того ради не смѣрится, ино господь его смирить, того ради господь грѣдымъ противится, а смиреннымъ благодать дает. Тако же случися иногда Великому Василию в Кесарии: егда злый отступникъ Иулнанъ, идый в прѣсы, и хотѣ разорити град его Кесарию, Василий же Великій помолися съ всѣми христианы господу богу и събра много злата и посла к нему, дабы его пресѣстунника утолити. Онъ же оканный паче възарися, и господь посла на него вѣина своего Меркурна погубити его. И невидимо пронзенъ бысть въ сердце нечестивый, жывоть свой злѣ сконча. Ты же, господине, възми злато. слико имаша, и пошли противу его и паче исправися пред нимъ». Князь же великій Дмитрей Ивановичъ избраннаго своего юношу, доволна суца разумомъ и смысломъ, именемъ Захарію Тютѣшова и дасть ему два толмача, умѣюща языкъ половетцскій, и посыласть с нимъ много злата к нечестивому царю Мамаю. Захаріа же, доиде земли Резанской и слышавъ яко Олегъ Резанскій и Ол-

гордъ Литовскый приложилися поганому царю Мамаю, пославъ скоро вѣстника тайно к великому князю. Князь же великий Дмитрей Ивановичъ, слышавъ ту вѣсть, нача сердцемъ болѣти и наплѣнися ярости и горести, и нача молитися: «Господи боже мой, на тя надѣюся, правду любящаго. Аще ми врагъ пакости дѣсть, то подобаетъ ми трѣпѣти, яко искони есть ненавистникъ и врагъ роду христианскому; си же мои друзи искреннии тако умыслиша на мя. Суди, господи, между ими и мною, аз бо имъ ни единого зла не сѣтворих, развѣ даровъ и чѣсти от них принимах, а имъ противу тако же даровах. Нѣ суди, господи, по правдѣ моей, да скончается злоба грѣшныхъ».

И понмъ брата своего, князя Владимирера Андрѣевича, и понде второе къ преосвященному митрополиту и повѣдаа ему, како Олгордъ Литовскый и Олегъ Резанскый съвокупилися с Мамаем на ны. Преосвященный же митрополить рече: «Самъ паки, господине, кою обиду сѣтворѣ сси има?» Князь же великий прослезися и рече: «Аще есми пред богомъ грѣшенъ или человеки, а пред ними есми ни единыа черты не преступих по отецъ своихъ закону. Вѣси бо, отче, и самъ, яко доволенъ есьми своими злоки, а имъ никою обиду не сѣтворих и не вѣм, что ради умножышися на мя стужающей ми». Преосвященный же митрополить рече: «Сыну мой, господине князь великий, просвѣти си веселнемъ очи сердца: законъ божий чтеши и твориши правду, яко праведенъ господь и правду възлюбил. Нынѣ же обыдоша тя, яко пси мнози, суетно и тщетно поучаются, ты же имянемъ господнимъ противися имъ. Господь правдивъ и будетъ ти въ правду помощникъ. А от всевидящего ока владычня гдѣ можетъ избыти от крѣпкыа руки его?»

Князь же великий Дмитрей Ивановичъ з братом своимъ съ княземъ Владимиромъ Андрѣевичемъ и съ вѣсьми русскими князи и воеводами здумаеша, яко сторожу твердо уготовити в полѣ. И посла на сторожу избранныхъ своихъ крѣпкихъ оруженникъ: Родиона Ржевскаго, Аньдрѣа Волосатаго, Василюа Тупика, Якова Ослябтова и иныхъ с ними крѣпкихъ юношъ. И повелѣ имъ на Тихой Соснѣ сторожу дѣати съ всякимъ усердиемъ и под Орду ехати и языкъ добыти, истину слышати царева хотѣнна.

А самъ князь великий по всей Русской земли скорые гонци розославъ с своими грамотами по вѣсьмъ градомъ:

«Да вси готови будете на мою службу, на брань з безбожными половци агаряны. Съвокуплени вси на Коломнѣ, на Мясопустъ святыа богородица».

И ти же сторожы замедлиша в полѣ, князь же великий вторую сторожу посла: Климента Полянина, Ивана Святослава Свесланиша, Григория Судоква и иных с ними,— заповѣда имъ въскорѣ възвратитися. Они же стрѣтоша Василия Тупика: ведеть языкъ к великому князю, языкъ же царева двора, сановитых мужъ. А повѣдаеть великому князю, что неуклонно Мамай грядеть на Русь и како обослалися и съвокупилися с ним Олегъ Резанскый и Олгордь Литовскый. Не спѣшитъ бо царь того ради итти — осени ожыдаеть.

Слышавъ же князь великий от языка такову изложеную мысль и таково вѣстаніе безбожнаго царя, нача утѣшатися о бозѣ и укрѣпляше брата своего князя Владимира и вси князи русские и рече: «Братіе князи русские, гнѣздо есмя князя Владимира Святославича Киевскаго, ему же откры господь познати православную вѣру, яко же оному Еустафию Плакидѣ; иже просвѣти всю землю Русскую святым крещением, изведе нас от страстей еллинскихъ и заповѣда нам ту же вѣру святую крѣпко дрѣжати и хранити и поборати по ней. Аще кто ея ради постражеть, то въ ономъ вѣцѣ съ святыми прѣвомучившимися по вѣрѣ Христовѣ причтенъ будетъ. Азъ же, братис, за вѣру Христову хошу пострадати даже и до смерти». Они же ему рѣша вси купно, аки единѣми усты: «Вѣистинну еси, государь, съврѣшилъ законъ божий и исплѣнилъ еси евангельскую заповѣдь, рече бо господь: «Аще кто постражеть имени моего ради, то въ будущий вѣкъ сторицею възприиметь животь вѣчный». И мы, государь, днесъ готови есмя умерети с тобою и главы своя положить за святую вѣру христіанскую и за твою великую обиду».

Князь же великий Дмитрей Ивановичъ, слышавъ то от брата своего князя Владимира Андрѣевича и от всѣхъ князей русских, яко дрѣзаятъ по вѣрѣ поборати, и повелѣ всему вѣинству своему быти на Коломнѣ на Успение святыа богородица, яко: «Да переберу плѣкы и коемуждо плѣку вѣводу учиню». И все множество людей, яко едиными усты рѣша: «Дай же нам, господи, течение се съврѣшити, имени твоего ради святого».

И приидоша к нему князи бѣлоозерскыа, подобни суще к боеви и велми учрежено вѣинство их: князь Фео-

доръ Семеновичъ, князь Семень Михайловичъ, князь Андрѣй Кѣмъскій, князь Глѣбъ Каргополской, и андомскыа князи; приидоша же ярославскыа князи с своими силами: князь Андрѣй Ярославскій, князь Романъ Прозоровскій, князь Левъ Курбскій, князь Дмитрей Ростовскій, и иныа убо многыа князи.

То уже, братие, стукъ стучить и аки гром гремить въ славнемъ градѣ Москвѣ, то идеть силнаа рать великого князя Дмитрея Ивановича, а гремять русскіе сынове своими злачеными доспѣхы.

Князь же великій Дмитрий Ивановичъ поимъ с собою брата своего, князя Владимира Андрѣевича, и вся князи русскіе, и поеде к живоначалной Троици на поклонъ къ отцу своему, преподобному старцу Сергию, благословеніа получить от святыа тоа обители. И моли его преподобный игумень Сергій, дабы слушалъ святую литургию, бѣ бо тогда день въскресный и память святыхъ мученикъ Флора и Лавра. По отпусте же литургии, моли его святой Сергій съ всею братьею, великого князя, дабы вкусилъ хлѣба в дому живоначалныа Троица, въ обители его. Великому же князю нужно есть, яко приидоша к нему вѣстници, яко уже приближаются поганиа половци, моляше преподобнаго, дабы его отпустилъ. И рече ему преподобный старецъ: «Се ти замедление сугубо ти поспѣшенье будетъ. Не уже бо ти, господине, еще вѣнецъ сиа побѣды носити, нѣ по минувшихъ лѣтахъ, а инымъ убо многимъ нынѣ вѣнци плетутся». Князь же великій вкуси хлѣба ихъ, игумень же Сергій в то врѣмя повелѣ воду освящати с мощей святыхъ мученикъ Флора и Лавра. Князь же великій скоро от трапезы встаетъ, преподобный же Сергій окропи его священною водою и все христіюбное его вѣиство и дасть великому князю крестъ Христовъ — знамение на челѣ. И рече: «Пойди, господине, на поганыа половци, призывая бога, и господь богъ будетъ ти помощникъ и заступникъ». И рече ему тайно: «Имаши, господине, побѣдити супостаты своя, елико довлѣетъ твоему государству». Князь же великій рече: «Дай ми, отче, два вѣина от своего плѣку — Пересвѣта Александра и брата его Андрѣа Ослябу, ты и самъ с нами пособьствуеши». Старецъ же преподобный повелѣ има скоро уготовитися с великимъ княземъ, бѣ бо вѣдоми суть ратници въ бранѣхъ, не единому сту наездници. Они же скоро послушание сътворивша преподобному старцу и не отвръгошася повелѣніа

его. И дасть имъ в тѣхъ мѣсто оружїе нетлѣнное — крестъ Христовъ нашить на сѣкахъ, и повелѣть имъ вмѣсто шоломовъ золоченыхъ възлагати на себя. И дасть ихъ в руцѣ великому князю и рече: «Се тѣ мои оружїи, а твои изволници». И рече имъ: «Миръ вамъ, братїе моя, крѣпко постражите, яко добрии вѣрїи по вѣрѣ Христовѣ и по всемъ православномъ христіанствѣ съ погаными половци!» И дасть Христово знаменїе всему вѣрїи великого князя, миръ и благословенїе.

Князь же великій обвеселися сердцемъ и не повѣдаетъ никому же, еже рече ему преподобный Сергїй. И поиде къ славному своему граду Москвѣ, радуясь, аки съкровище некрадомо обрѣте, благословенїе святаго старца. И приѣхавъ на Москву, поиде зъ братомъ своимъ, съ княземъ Владимеромъ Андрѣевичемъ, къ преосвященному митрополиту Киприану и повѣдаетъ единому митрополиту, еже рече ему старецъ святый Сергїй тайно и како благословенїе дасть ему и всему его православному вѣйску. Архїепископъ же повелѣ сїя словеса хранити, не повѣдати никому же.

Прїспѣвшу же дни четвертку августа 27, на память святаго отца Пимина Отходника, в той день възсхотѣ князь великій изыти противу безбожныхъ татаръ. И поимъ с собою брата своего князя Владимира Андрѣевича, и ста в церкви свята Богородица предъ образомъ господнимъ, пригнувъ руцѣ къ персемъ своимъ, источникъ слезъ проливающе, моляся, и рече: «Господи боже нашъ, владыко страшный и крѣпкій, вѣистинну ты еси царь славы, помилуй насъ, грѣшныхъ, егда унываемъ, к тебѣ единому прибѣгаемъ, нашему спасителю и благодателю, твоею бо рукою създани есмы. Но вѣмъ, господи, яко съгрѣшениа моя превзыдоша главу мою, и нынѣ не остави насъ грѣшныхъ, ни отступи от насъ. Суди, господи, обидящимъ мя и възбрани борющимся съ мною, приими, господи, оружїе и щитъ и стани в помощь мнѣ. Дай же ми, господи, побѣду на противныа врагы, да и ти познають славу твою». И пакы приступи къ чудотворному образу госпожи царицы, юже Лука евангелистъ, живъ сый написа, и рече: «О чудотворнаа госпоже царице, всеа твари человѣчская заступница, тобою бо познахомъ истиннаго бога нашего, вѣплотьшагося и рождышагося от тебе. Не дай же, госпоже, в разоренїе градовъ нашихъ поганымъ половцемъ, да не осквернятъ святыхъ твоихъ церквей и вѣры христіанския. Умоли,

госпоже царице, сына своего Христа, бога нашего, тѣмъ
смирить сердце врагомъ нашимъ да не будетъ рука вы-
сока. И ты, госпоже пресвятаа богородице, пошли намъ
свою помощь и нетлѣнную свою ризою покрый насъ,
да не страшливи будемъ къ ранамъ, на тя бо надѣмся,
яко твои есмя раби. Вѣмъ бо, госпоже, аще хошеши и
можеши намъ помощи на противныа сна врагы, пога-
ныа половци, иже не призываютъ твоего имени, мы же,
госпоже пречистаа богородице, на тебя надѣмся и на
твою помощь. Нынѣ подвизаемся противу безбожныхъ
печенѣгъ, поганныхъ татаръ, да умоленъ будетъ тобою
сынъ твой, богъ нашъ». И пакы прииде къ гробу бла-
женнаго чудотворца Петра митрополита, любезно к
нему припадаа, и рече: «О чудотворный святителю
Петре, по милости божии непрестанно чудодѣйствуеши.
И нынѣ приспѣ ти вѣрѣ за ны молитися къ общему
владыцѣ всѣхъ, царю, милостивому спасу. Нынѣ убо на
мя оплѣчишася супостати погании и на град твой Мо-
скову крѣпко въоружаются. Тебе бо господь прояви
последнему роду нашему и вжегъ тебе намъ, свѣт-
лую свѣщу, и посъстави на свѣщницѣ высоцѣ свѣтити
всей земли Русской. И тебѣ нынѣ подобаетъ о насъ,
грѣшныхъ, молитися, да не приидеть на насъ рука смерт-
наа и рука грѣшница да не погубить насъ. Ты бо еси
стражъ нашъ крѣпкій отъ супротивныхъ нападений, яко
твоя есмы паствина». И скончавъ молитву, поклонися
преосвященному митрополиту Киприану, архиепископъ
же благослови его и отпусти поити противу поганныхъ
татаръ и дать ему Христово знамение — крестъ на
челѣ и посла богосвященный съборъ свой съ кресты и
съ святыми иконами и съ священою водою въ Фро-
ловъскыа врата, и в Никольскыа, и в Констянтино-
Еленскыа, да всякъ въинѣ благословенъ изыдетъ и
священною водою кропленъ.

Князь же великий Дмитрий Ивановичъ зъ братомъ своимъ,
с княземъ Владимиромъ Андрѣевичемъ, поиде въ цер-
ковь небеснаго вѣводы архистратига Михаила и бѣеъ
челомъ святому образу его, и потомъ приступи къ гро-
бю православныхъ князей прародителей своихъ, и тако
слезно рекуще: «Истиннии хранители, русскыа князи,
православныа вѣры христіанскыа поборьници, родите-
лие наши! Аще имате дрѣзновение у Христа, то нынѣ
помолитесь о нашемъ унынѣ, яко велико вѣстание
нынѣ приключися намъ, чадомъ вашимъ, и нынѣ подвизай-
тесь с нами». И се рекъ, изыде изъ церкви.

Княгини же великая Евдокѣя, и княгини Владимерова Мариа, и иных православныхъ князей княгини, и многы жены воеводскыя, и боярыни московскыя, и служина жены ту стояще, проводы дѣющи, въ слезахъ и въ склищании сердцемъ не могуще ни слова изрещи, отдавающе послѣднее цѣлованіе. И прочаа княгини и боярыни, и служини жены тако же отдаша своимъ мужемъ конечное цѣлованіе и възвратишася съ великою княгинею. Князь же великій, самъ мало ся удрѣжа отъ слезъ, не давъ ся прослезити народа ради, а сердцемъ своимъ велики слезяше, и утѣшаа свою княгиню, и рече: «Жено, аще богъ по насъ, то кто на ны!»

И възыде на избранный свой конь, и вси князи и воеводы всѣдоша на коня своа.

Солнце ему на вѣстоцѣ ясно сияеть, путь ему повѣдаеть. Уже бо тогда аки соколи урвашася отъ златыхъ колодицъ ис камена града Москвы и възлѣтѣша подъ синія небеса и възгремѣша своимъ златыми колоколы, и хотятъ ударитися на многы стада лебедины и гусины; то, брате, не соколи вылетѣли ис каменна града Москвы, то выехали русскыя удалци съ своимъ государемъ, съ великимъ княземъ Дмитреемъ Ивановичемъ, а хотятъ наѣхати на великую силу татарскую.

Князи же бѣлоозерскыя особѣ своимъ плѣкомъ выѣхали; урядно убо видѣти вѣйско ихъ.

Князь же великій отпусти брата своего, князя Владимира, на Брашеву дорогою, а бѣлозерскыя князи — Болвановскою дорогою, а самъ князь великій понде на Котель дороною. Напреди же ему солнце добръ сияеть, а по немъ кроткій вѣтрѣцъ вѣеть. Того бо ради разлучися князь великій зъ братомъ своимъ, яко не вмѣститися имъ единою дороною.

Княгини же великаа Евдокиа съ своею снохою, княгинею Володимеровою Мариною, и съ воеводскими женами и зъ боярынями възыде въ златоверхый свой теремъ в набережный и сяде на урундуцѣ подъ стеколчаты окны. Уже бо конечное зрѣніе зрѣть на великого князя, слезы люща, аки рѣчьную быстрину. Съ великою печалию приложывъ руцѣ свои къ персемъ своимъ и рече: «Господи боже мой, вышній творецъ, призри на мое смиреніе, сподоби мя, господи, еще видѣти моего государя, славнаго въ чловецѣхъ великого князя Дмитрия Ивановича. Дай же ему, господи, помощь отъ своеа крѣпкыя руки побѣдити противныа ему поганыа половци. И не сътвори, господи, яко же прежде сего за

мало лѣтъ велика брань была русским князем на Калках с погаными половци съ агаряны; и нынѣ избави, господи, от такія бѣды и спаси ихъ, и помилуй! Не дай же, господи, погынѣти оставъшему христианству, да славится имя твое святое в Русьстѣй земли. От тоа бо галадцкыя бѣды и великого побоища татарскаго и нынѣ еще Русскаа земля уныла и не имать уже надежи ни на кого, токмо на тебя, всемилостиваго бога, можеши бо живити и мертвити. Аз бо, грѣшная, имѣю нынѣ двѣи отрасли, еще млада суще, князи Василиа и князя Юриа: егда поразить их ясное солнце съ юга или вѣтръ повѣетъ противу запада — обоего не могутъ еще трѣпѣти. Азъ же тогда грѣшнаа, что съворю? Нѣ възврати имъ, господи, отца ихъ, великого князя, поздорову, тѣ и земля их спасется, а они въ вѣкы царствуютъ».

Князь же великий поиде, поимъ с собою мужей нарочитых, московских гостей сурожанъ десяти человекъ видѣнна ради, аще что богъ ему случить, и они имуть повѣдати в далних землях, яко гости хозяеве, быша: 1. Василиа Капицу, 2. Сидора Олферьева, 3. Константина Петунова, 4. Козму Коврю, 5. Семена Онтонова, 6. Михаила Саларева, 7. Тимофѣя Всеякова, 8. Дмитриа Чернаго, 9. Дементиа Саларева, 10. Ивана Шиха.

И подвигошяся князь великий Дмитрий Иванович по велицѣй шыроцѣ дорожѣ, а по немъ грядуть русские сынове успѣшно, яко медвяныа чяши пити и сътеблиа винаго ясти, хотять себѣ чѣсти добыти и славнаго имени: уже бо, братие, стукъ стучить и громъ гремитъ по ранней зорѣ, князь Владимиръ Андрѣевичъ Москву-рѣку перевозится на красном перевозѣ в Боровѣсцѣ.

Князь же великий прииде на Коломну в субботу, на память святого отца Моисеа Мурина. Ту же быша мнози воеводы и ратници и стрѣтоша его на рѣчке на Сѣверке. Архиепискупъ же Геронтей коломенскый срѣте великого князя въ вратѣх градных съ живоносными кресты и съ святыми иконами съ вѣсѣмъ съборомъ и оѣсни его живоносным крестомъ и молитву сътвори «Спаси, боже, люди своя».

На утрие же князь великий повелѣ выѣхати вѣсѣмъ воемъ на поле к Дивичю.

Въ святую же недѣлю по заутренни начаша многих трубъ ратных гласы гласити, и органы многы бити, и стязи ревуть наволочены у саду Панфилова.

Сынове же русскыа наступиша на великиа поля коломенскыа, яко не мощно вмѣститися от великого вѣиства, и невмѣстно бѣ никому же очи перезрѣти рати великого князя. Князь же великий, выехавъ на высоко мѣсто з братом своимъ, съ княземъ Владимиромъ Андрѣвичемъ, видяще множество много людей урядныхъ, и възрадовався и урядиша коемуждо плъку въводу. Себѣ же князь великий взя в полкъ бѣлозерскыа князи, а правую руку уряди себѣ брата своего, князя Владимира, дасть ему в полкъ ярославскыа князи, а лѣвую руку себѣ сътвори князя Глѣба Брянскаго. Передовой же плъкъ — Дмитрей Всеволожъ, да братъ его Владимиръ Всеволожъ, с коломничи — вѣвода Микула Васильевичъ, владимерскый же вѣвода и юрьевскый — Тимофѣй Волуевичъ, костромскый же вѣвода — Иванъ Квашня Родивоновичъ, переславскый же вѣвода — Андрѣй Серкизовичъ. А у князя Владимира Андрѣвича вѣводы: Данило Бѣлбуть, Константинъ Конановъ, князь Феодоръ Елетьцскый, князь Юрьи Мещерскый, князь Андрѣй Муромскый.

Князь же великий, урядивъ плъкы, и повелѣ имъ Окурѣку возитися и заповѣда коемуждо плъку и вѣводамъ: «Да аще кто поидеть по Резанской земли, то же не коснися ни единому власу!» И вземъ благословение князь великий от архиепископа коломенскаго, и перевезеся рѣку Оку съ всѣми силами и отпусти в поле третью сторожу, избранныхъ своихъ витязей, яко да купно видятся съ стражми татарскими в полѣ: Семена Мелика, Игнатъя Креня, Фому Тынину, Петра Горьскаго, Карпа Олексина, Петрушу Чюрикова и иныхъ многихъ с ними вѣдомцовъ поляницъ.

Рече же князь великий брату своему князю Владимиру: «Поспѣшимъ, брате, противъ безбожныхъ половцовъ, поганыхъ татаръ и не утолимъ лица своего от безстудиа ихъ; аще, брате, и смерть намъ приключится, то не проста, ни безъ ума намъ сия смерть, нѣ животь вѣчный». А самъ государь князь великий, путемъ ѣдучи, призываетъ сродники своа на помощь — святыхъ страсто-трѣпецъ Бориса и Глѣба.

Слышавъ же то князь Олегъ Резанскый, яко князь великий съвѣкупися съ многыми силами и грядеть въ стрѣтенне безбожному царю Мамаю, и наипаче же въоруженъ тврѣдо своєю вѣрою, еже къ богу вседръжителю вышнему творцу всю надежу възлагаа. И нача блюстися Олегъ Резанскый и с мѣста на мѣсто прехо-

дители съ единомысленики своими, и глаголя: «Аще бы нам мощно послати вѣсть къ многоразумному Олгорду Литовскому противу такова приключника, како иметь мыслити, но застали нам путь. Азъ чаях по преднему, яко не подобаетъ русскимъ княземъ противу вѣсточнаго царя стояти, и нынѣ убо что разумѣю? Откуда убо ему помощь сиа прииде, яко противу трехъ насъ въоружися?»

Глаголаша ему бояре его: «Намъ, княже, повѣдали отъ Москвы за 15 дний, мы же устыдѣхомся тебѣ сказати: како же въотчинѣ его есть, близъ Москвы, живетъ калугеръ, Сергиемъ зовутъ, велми прозорливъ. Тѣмъ паче въоружа его и отъ своихъ калугеръ далъ ему пособники». Слышавъ же то, князь Олегъ Резанскій начать бояться и на бояре свои нача опалатися и яритися: «Почто ми не повѣдали прежде сего? Тѣмъ азъ быхъ послалъ и умолилъ нечестиваго царя, да ничто же бы зло сѣтворилося! Горе мнѣ, яко изгубихъ си умъ, не азъ бо единъ оскудѣхъ умомъ, нѣ и паче мене разумнѣе Олгордъ Литовскій: нѣ обаче онъ почитаетъ законъ латыньскій Петра Гугниваго, азъ же, окаанный, разумѣхъ истинный законъ божій! Нѣ что ради поплѣзюхся? И збудетъся на мнѣ реченное господомъ: «Аще рабъ, вѣдаа законъ господина своего, преступитъ, бѣенъ будетъ много». Нынѣ убо что сѣтворихъ? Вѣдый законъ бога, сѣтворителя небу и земли, и всея твари, а приложихся нынѣ къ нечестивому царю, хотящу попрасти законъ божій! Нынѣ убо, которому моему худу разумнѣю вдахъ себе? Аще бы нынѣ великому князю помоглъ, тѣмъ отнудъ не приметь мя — вѣсть бо измѣну мою. Аще ли приложуся къ нечестивому царю, тѣмъ поистиннѣ яко древній гонитель на Христову вѣру, тѣмъ пожреть мя земля жива, аки Святоплѣка: не токмо княжения лишень буду, нѣ и живота гонѣзну и преданъ буду въ гену огненую мучитися. Аще бо господь по нимъ, никто же на нихъ. Еще же молитва выину о немъ прозорливаго оногo мниха! Аще ли ни единому помощи не сѣворю, тѣмъ въ прокъ отъ обоихъ како могу прожыти? И нынѣ азъ то мыслю: которому ихъ господь поможетъ, тому и азъ приложуся!»

Князь же Олгордъ Литовскій, по предреченному сѣвѣту, сѣвокупи литвы много и варягъ, и жемоти и поиде на помощь Мамаю. И прииде къ граду Одоеву, и слышавъ, яко князь великій сѣвокупи многое множество вѣинства, всю русь и словены, и пошолъ къ Дону противу царя

Мамаа, и слышавъ, яко Олегъ убоася,— и пребысть ту оттоле неподвижимъ, и нача разумѣти суетныя свои помыслы, бѣ съвокупленне свое съ Олгомъ Резаньскимъ разномысляще, нача рватися и сердитися, глаголя: «Елико человеку не достанеть своеа мудрости, тѣй въсуде чужую мудрость требуетъ: николи же бо Литва от Резани учима была! Нынѣ же изведе мя ума Олегъ, а самъ паче погыблъ. Нынѣ же убо пребуду здѣ, дондеже услышу Московскаго побѣду».

В то же врѣмя слышавъ князь Андрѣй Полотскый и князь Дмитрей Брянскый, Олгордовичи, яко велика туга и попечение належить великому князю Дмитрию Ивановичу Московскому и всему православному христианству от безбожнаго Мамаа. Бѣста бо тѣ князи отцомъ своимъ, княземъ Олгордомъ, ненавидими были, мачехи ради, нѣ нынѣ богомъ възлюблены бысть и святое крещение приали. Бѣста бо, аки нѣкна класы доброплодныя, терниемъ подавляеми: живуши межу нечестиа, не бѣ имъ коли плода достойна расплодити. И посылаетъ князь Андрѣй къ брату своему, князю Дмитрию, тайно буквицу малу, в ней же писано бѣ: «Вѣси, брате мой възлюбленный, яко отецъ нашъ отвръже нас от себе, нѣ господъ богъ, отецъ небесный, паче възлюби насъ и просвѣти насъ святымъ крещениемъ, и давъ намъ законъ свой — ходити по нему, и отрѣши нас от пустошнаго суетиа и от нечистаго сътворения брашенъ; мы же нынѣ, что о томъ богу въздадимъ? Нѣ подвигнемся, брате, подвигомъ добрымъ подвижнику Христу, началнику христьянскому, поидемъ, брате, на помощь великому князю Дмитрию Московскому и всему православному христианству, велика бо туга належить имъ от поганыхъ измаилтянъ, нѣ еще и отецъ нашъ и Олегъ Резанскый приложилися безбожнымъ а гонять православную вѣру Христову. Намъ, брате, подобаетъ святое писание съврѣшити, глаголющее: «Братие, въ бѣдахъ пособивнъ бывайте!» Не сумняй же ся, брате, яко отцу противитися намъ, яко же евангелистъ Лука рече усты господа нашего Иисуса Христа: «Предани будете родители и братнею и умрѣтвуетеся, имени моего ради; претрѣпѣвъ же до конца — тѣй спасется!» Излѣземъ, брате, от подавляющаго сего трънна и присадимся истинному плодовитому Христову винограду, дѣлательному рукою Христовою. Нынѣ убо, брате, подвижаемъ не земнаго ради живота, нѣ небесныя почести желающе, юже господъ даетъ творящимъ волю его».

Прочетъ же князь Дмитрей Ольгордовичъ писание брата своего старийшаго, нача радоватися и плакати от радости, глаголя: «Владыко господи человеколюбче, дай же рабом твоим хотѣние съврѣшити симъ путем подвига сего добраго, яко открылъ еси брату моему старѣйшему добраа!» И рече братню послу: «Рци брату моему, князю Андрѣю: готовъ есьми днесъ по твоему наказанию, брате и господине. Колико есть вѣйска моего, то вси вкупъ съ мною, божимъ бо промыслом съвкуплени належащая ради брани от дунайских татаръ. И нынѣ рци брату моему: слышах убо, яко приидоша ко мнѣ медокормци ис Сѣверы, а кажутъ уже великого князя Дмитриа на Дону, ту бо ждати хочеть злых сыроядцевъ. И намъ подобаетъ итти к Сѣверъ и ту съвокупитися нам: предлежитъ бо нам путь на Сѣверу и тѣм путем утаимся отца своего, да не възбранитъ нам студно».

По малехъ же днех снидошася оба брата желанно съ всѣми силами, к Сѣверъ, и увидѣвъше, възрадовашася яко же иногда Иосифъ съ Веньямином, видѣвши у себе множество людей, усердно бо и урядно нарочити ратници. И приспѣша борзо на Донъ, и наѣхаша великого князя Дмитрея Ивановичя Московскаго еще объ сию страну Дону, на мѣстѣ рекомое Березуй, и ту съвокупишася.

Князь же великий Дмитрей з братомъ своим Владимиром възрадовастася радостию великою, яко бо такова милость божия: яко не удобъ бѣ мощно таковому быти, яко дѣти отца оставляють и поругашася, яко иногда вѣлси Ироду, и приидоша на помощь нашу. И многими дарми почтивъ их, и поехаша путем, радующеся и веселящеся о святѣм душѣ, земнаго уже всего отврѣгшеся, чающе себѣ бесмертнаго иного премѣненія. Рече же к ним князь великий: «Братиа моа милаа, киа ради потребы приидосте съмо?» Они же рекоша: «Господь богъ посла насъ к тебѣ на твою помощь». Князь же великий рече: «Вѣистинну ревнители есте праотца нашего Авѣраама, яко тѣй въскорѣ Лоту поможе, и еще есте ревнители доблестному великому князю Ярославу, яко тѣй отмсти кровь братья своя.

И въскорѣ посла вѣсть князь великий к Москвѣ къ преосвященному митрополиту Киприану, яко «Олгордовичи князи приидоша къ мнѣ съ многими силами, а отца своего оставиша». Скоро же вѣстникъ прииде къ преосвященному митрополиту. Архиепископъ же, слышавъ,

и вѣставъ помолнѣя, глаголюя съ слезами: «Господи владыко челоуеколюбче, яко съпротивили наши вѣтри на тихость прелагаеши!» И посла въ вся съборныя церкви и въ обители, повелѣ сугубо молитву творити день и ношь къ вседръжителю богу. И посла въ обитель преподобнаго игумена Сергія, да негли их молитвъ послушасть богъ. Княгини же великаа Евдокиа, слышавъ то великое божие милосердіе и нача сугубы милостыни творити и непрестанно нача ходити въ святую церковь молитися день и ношь.

Си же пакы оставимъ, на прѣвое вѣзвратимся.

Великому же князю бывшу на мѣстѣ, нарицаемом Березуе, яко за двадесять и три поприща до Дону, приспѣ же въ 5 день мѣсяца септевриа, на память святаго пророка Захаріи, в той же день убиение сродника его князя Глѣба Владимировича, приѣхаша два от стражсго, Петръ Горьскій да Карпъ Олексинъ и приведоша языкъ нарочитъ от сановитыхъ царева двора. Тѣмъ языкъ повѣдаеть: «Уже царь на Кузминъ гати стоитъ, нѣ не спѣшитъ, ождаеть Олгорда Литовскаго и Олга Резаньскаго, а твоего царь събраниа не вѣсть, ни стрѣтеніа твоего не чаеть, по предписаннымъ ему книгамъ Олговымъ, и по трехъ днѣхъ имать быти на Дону». Князь же великій спроси его о силѣ царевъ, онъ же рече: «Неисчетно многое множество вѣинства его силы, никому же мощно исчести».

Князь же великій нача думати зъ братомъ своимъ и с новонареченною братіею, съ литовскими князи: «Здѣ ли пакы пребудемъ или Донъ перевеземся?» Рекоша же ему Олгордовичи: «Аще хоцеша крѣпкаго вѣйска, то повели за Донъ возитися, да не будетъ ни единому же помышленіа вѣспять; а о велицей силѣ не помышлай, яко не в силѣ богъ, нѣ в правдѣ: Ярославъ, перевезеся рѣку, Святоплѣка побѣди, прадѣдъ твой князь великій Александръ, Неву-реку перешедъ, короля побѣди, а тебѣ, нарекиши бога, подобаеть то же творити. И аще побѣдемъ, тѣ вси спасемся, аще ли умремъ, тѣ вси общую смерть примемъ отъ князей и до простыхъ людей. Тебѣ же нынѣ, государю великому князю, оставити смертнаа, буйными глаголы глаголати и тѣми словесы крѣпится вѣйско твое: мы убо видимъ, яко много множество избранныхъ витязей въ вѣйску твоёмъ».

Князь же великій повелѣ вѣинству всему Донъ возитися.

А в то врѣмя вѣстници ускоряють, яко погании приближаются татарове. Мнози же сынове русскыя възрадовахся радостию великою, зряще своего желаемаго подвига, его же еще на Руси въждельша.

За многы же дни мнози вльци притекоша на мѣсто то, выюще грозно, непрестанно по вся ноши, слышати гроза велика. Храбрымъ людямъ в плѣкъхъ сердце укрѣпляется, а иныя же людие в плѣкохъ, ту слышавъ грозу, паче укротѣша: зане же мнози рати необычно събращася, не умлѣкаючи глаголють, галици же своею рѣчию говорятъ, орли же мнози от усть Дону слѣтошася, по аеру лѣтаючи клекчють, и мнози звѣрие грозно выють, ждуще того дни грознаго, богомъ изволенаго, въ нь же имать пасти трупа челоуеча, таково кровопролитие, акы вода морскаа. От таковаго бо страха и грозы великыа дрѣва прекланяются и трава посѣстиляется.

Мнози людие от обоихъ унывають, видяще убо предъ очима смерть.

Начаша же погании половци съ многымъ студомъ омрачати о погибели живота своего, понеже убо умре нечестивый, и погыбе память ихъ съ шумомъ. А правовѣрнии же челоуѣци паче процвѣтоша радующеся, чающе съвършеннаго оногъ обѣтованна, прекрасныхъ вѣнцовъ, о нихъ же повѣда великому князю преподобный игумень Сергій.

Вѣстници же ускоряють, яко уже близько погании приближаются. Въ шестый же часъ дни прибѣже Семень Меликъ з дружиною своею, а по нихъ гонишася мнози от татаръ. Толико безстудно гнашася нълни и плѣкы русскыа узрѣша и възвратишася скоро къ царю и повѣдаша ему, яко князи русскыа оплѣчишася при Дону. Божимъ бо промысломъ узрѣша множество велико людей уряжено, и повѣдаша царю, яко «князей русскыхъ вѣинство четверицею болши нашего събранна». Онъ же нечестивый царь, разженъ диаволомъ на свою пагубу, крикнувъ напрасно, испусти гласъ: «Тако силы моа, аще не одолѣю русскыхъ князей, тѣ како имамъ възвратитися въсвоаси? Сраму своего не могу трѣпѣти». И повелѣ поганымъ своимъ половцемъ въоружатися.

Семень же Меликъ повѣдаа великому князю, яко: «Уже Мамай царь на Гусинъ брод прииде, и едину ночь имѣемъ межу собою, на утрие бо имать приити на Непрядву. Тебѣ же, государю великому князю, подобаетъ днесь исплѣчитися, да не предварять поганинъ».

Начать князь великий Дмитрий Ивановичъ з братом своим князем Владимиром Андрѣевичем и с литовскими князи Андрѣем и Дмитреем Олгордовичи до шестаго чяса плѣци учрежати. Нѣкто воевода прииде с литовскими князи, именем Дмитрий Боброковъ, родом Волынские земли, иже нарочитый бысть плѣководецъ, велми уставиша плѣци по достоанию, елико гдѣ кому подобаетъ стояти.

Князь же великий, поим с собою брата своего князя Владимира и литовские князи и вси князи русские и воеводы и взехавъ на высоко мѣсто и увидѣвъ образы святых, иже суть въображени въ христіанскихъ знаменіих, аки нѣкии свѣтилници солнечнии свѣтящися въ врѣмя вѣдра; и стязи ихъ золоченыя ревуть, просътирающися, аки облаци, тихо трепещущи, хотять промолвити; богатыри же русские и их хоругви, аки живи пашутся, dospѣхы же русскихъ сыновъ, аки вода въ вся вѣтры колыбашеся, шоломы злаченыя на главахъ ихъ, аки заря утреняя въ врѣмя ведра свѣтящися, яловци же шоломовъ ихъ, аки пламя огненное, пашется.

Умилено бо видѣти и жалостно зрѣти таковыхъ русскихъ събрания и учреждения ихъ, вси бо равнодушни, единъ за единого, другъ за друга хошетъ умерети, и вси единогласно глаголюще: «Боже, с высоты призри на ны и даруй православному князю нашему, яко Константину побѣду, покори под нозѣ его врагы Амалика, яко же иногда кроткому Давиду». Сему же удивишася литовскіи князи, рекуще в себѣ: «Нѣсть было прежде нас, ни при насъ, ни по насъ будетъ таково вѣиство уряжено. Подобно есть Александра царя макидонскаго вѣиству, мужеством бысть Гедеоновы снузници, господь бо своею силою въоружилъ их!»

Князь же великий, видѣвъ плѣци свои достойно уряжены, и сшед с коня своего и паде на колѣни свои прямо великому плѣку чернаго знамени, на немъ же въображенъ образ владыкы господа нашего Исуса Христа, из глубины душа нача звати велегласно: «О владыко вседръжителю! Виждь смотреливым оком на люди сия, иже твоею десницею сътворени суть и твоею кровию искуплени работы вражиа. Вѣнуши, господи, гласъ молитвъ нашихъ, обрати лице свое на нечестивых, иже творять злаа рабом твоим. И нынѣ, господи Исусе Христе, молю и покланяюся образу твоему святому

и пречистѣй твоей матери и всѣм святым, угодившим тебѣ, и тврѣдому и необоримому заступнику нашему и молебнику иже о насъ, к тебѣ, русскому святителю, новому чудотворцу Петру, на его же милость надѣемся, дрѣзаем призывати и славити святое и великолѣпное имя твое, отца и сына и святого духа, нынѣ и присно и въ вѣки вѣкомъ! Аминь».

Скончавъ молитву и всѣд на конь свой и нача по плѣком ѣздити съ князи и вѣводами. Коемуждо полку рече: «Братиа моа милаа, сынове русскыа, от мала и до велика! Уже, братие, ночь приспѣ, и день грозный приближися — в сию ночь бдите и молитесь, мужайтесь и крѣпитесь, господь с нами, силенъ въ бранех. Здѣ пребудите, братие, на мѣстех своих, немятушеся. Койждо вас нынѣ учредитесь, утрѣ бо неудобь мощно тако учредитися: уже бо гости наши приближаются, стоятъ на рецѣ Непрядвѣ, у поля Куликова оплѣчишася, утрѣ бо нам с ними пити общую чашу, межу събою поведеную, ея же, друзи мои, еще на Руси вѣждельша. Нынѣ, братья, уповайте на бога жива, миръ вам буди о Христѣ. Аще утрѣ ускорять на нас приити погании сыроядцы».

Уже бо ночь приспѣ свѣтоноснаго праздника Рождества святыа богородица. Осѣни же тогда удолжившися и деньми свѣтлыми еще сияючи, бысть же въ ту ночь теплота велика и тихо велми, и мрази роснии явишася. Поистинѣ бо рече пророкъ: «Ночь не свѣтла невѣрным, а вѣрным просвѣщена».

Рече же Дмитрѣй Волынецъ великому князю: «Хощу, государь, в ночь сию примѣту свою испытати». И уже заря померкла, ночи глубоцѣ суши, Дмитрѣй же Волынецъ, поимъ с собою великого князя единого, и выѣхавъ на поле Куликово и, ставъ посреди обоих плѣковъ и обратився на плѣкъ татарский, слышитъ стукъ великъ и кличъ, и вопль, аки трѣги снимаются, аки град зиждуше, и аки гром великий гремитъ; създи же плѣку татарскаго волѣци выють грозно велми, по десной же странѣ плѣку татарскаго ворони кличуще и бысть трепетъ птицей, великъ велми, а по лѣвой же странѣ, аки горам играющимъ — гроза велика зѣло; по рецѣ же Непрядвѣ гуси и лебеди крылми плещуще, необычную грозу подающе. Рече же князь великий Дмитрею Волынцу: «Слышим, брате, гроза велика есть велми». И рече Волынецъ: «Призывай, княже, бога на помощь!»

И обратився на плъкъ русский — и бысть тихость велика. Рече же Волынецъ: «Видиши ли что, княже?» Онъ же рече: «Вижу: многы огнены зари снимахуся...» И рече Волынецъ: «Радуйся, государь, добри суть знамена, токмо бога призывай и не оскудѣй вѣрою!» И пакы рече: «И еще ми есть примѣта искусити». И сниде с коня и прилече к землѣ десным ухом на долгъ час. Въставъ, и понече и въздохну от сердца. И рече князь великий: «Что есть, брате Дмитрей?» Онъ же млѣчаше и не хотя сказати ему, князь же великий много нуди его. Онъ же рече: «Едина бо ти на плъзу, а другая же — скръбна. Слышах землю плачущую надвое: едина бо съ страна, аки нѣкаа жена, напрасно плачущися о чадѣх своихъ еллинскимъ гласом, другаа же страна, аки нѣкаа девица, единою възопи велми плачевнымъ гласом, аки в свирель нѣкую, жалостно слышати велми. Азъ же преже сего множество тѣми примѣтами боевъ искусихъ, сего ради нынѣ надѣюся милости божия — молитвою святыхъ страсотрѣпецъ Бориса и Глѣба, сродниковъ вашихъ, и прочихъ чудотворцовъ, русскихъ поборниковъ, азъ чаю побѣды поганныхъ татаръ. А твоего христіюлюбиваго вѣиинства много падеть, нѣ обаче твой врѣхъ, твоя слаза будетъ».

Слышавъ же то, князь великий прослезися и рече: «Господу богу вся възможна: всѣхъ насъ дыхание в руцѣ его!» И рече Волынецъ: «Не подобаетъ тебѣ, государю, того в плъцѣхъ повѣдати, токѣмо коемуждо вѣиину повели богу молитися и святыхъ его угоудниковъ призывати на помощь. И рано утре вели имъ подвизатися на коня своа, всякому вѣиину, и вѣоружатися крѣпко и крестомъ огражатися: тѣй бо есть оружие на противныа, утрѣ бо хошуть с нами видѣтися».

В ту же ноцъ нѣкто мужъ, имянемъ Фома Кацибѣй, разбойникъ, поставленъ бысть стражемъ от великого князя на рецѣ на Чуровѣ, мужества его ради на крѣпцѣ сторожѣ от поганныхъ. Сего увѣряа, богъ откры ему в ноцъ ту видѣти видѣние велико. На высокоѣ мѣсте стоя, видѣти облакъ от вѣстока великъ зѣло изрядно приа, аки нѣкакна плъкн, к западу идушь. От полуденныа же страны придоша два уноши, имуща на себѣ свѣтлы багряница, лица ихъ снающа, аки солнце, въ обоихъ рукахъ у нихъ острые мечи, и рекуще плѣковникомъ: «Кто вы повелѣ требити отечесѣтво наше, его же намъ господь дарова?» И начаша ихъ сѣщи и всѣхъ изсѣкоша, ни единъ от нихъ не избысть. Той же Фома цѣломудръ

и разумень оттолѣ увѣренъ бысть, и то видѣние повѣда на утрѣ великому князю единому. Князь же великий рече ему: «Не глаголи того, друже, никому же» и, въздѣвъ руцѣ на небо, нача плакаться, глаголя: «Владыко господи челоувѣколюбче! Молитвъ ради святых мученикъ Бориса и Глѣба помози ми, яко же Моисию на Амалика и прѣвому Ярославу на Святоплѣка, и прадѣду моему великому князю Александру на хвалящегося короля римскаго, хотящаго разорити отечество его. Не по грѣхом моим въздай же ми, нѣ излий на ны милость свою, простри на нас благоутробіе свое, не дай же нас въ смѣх врагом нашим, да не порадуются о нас врази наши, и рекутъ страны невѣрных: «Гдѣ есть богъ их, на нь же уповаша?» Нѣ помози, господи, христіаном, ими же величается имя твое святое!»

И отпусти князь великий брата своего, князя Владимира Андрѣевича, въверхъ по Дону в дуброву, яко да тамо утаится плѣкъ его, давъ ему достойных вѣдомцовъ своего двора, удалыхъ витязей, крѣпкихъ вѣиновъ. И еще с нимъ отпусти извѣстнаго своего вѣводу Дмитрея Волынскаго и иныхъ многихъ.

Приспѣвшу же, месяца септевриа въ 8 день, великому празднику Рождеству святыа богородица, свитающу пятку, възходящу солнцу, мгляну утру сушу, начаша христіанскыя стязи простиратися и трубы ратныя многы гласити. Уже бо русскыя кони окрѣпишася от гласа трубнаго, и койждо вѣинъ идеть под своимъ знаменемъ. И видѣти добръ урядно плѣкы уставлены поучениемъ крѣпкаго вѣводы Дмитрея Боброкова Волынца.

Наставшу же второму чясу дни, и начаша гласи трубнии обоихъ плѣковъ сниматися, тагарскыя же трубы яко онемѣша, а русскыя трубы паче утвѣдишася. Плѣкы же еще не видятися, запече утро мгляно. И в то врѣмя, братье, земля стонеть, велми, грозу велику подаваущи на востокъ нолны до моря, а на запад до Дунаа, великое же то поле Куликово прегигающееся, рѣкы же выступаху из мѣстъ своихъ, яко николи же быти толикимъ людемъ на мѣстѣ томъ.

Великому же князю пресѣдающу на избранный конь, ѣздя по плѣкомъ и глаголаше от великыа горести сердца своего, слезы аки рѣка течаше от очию его: «Отци и братиа моа, господа ради подвижайтеся и святыхъ ради церквей и вѣры ради христіанскыа, сиа

бо смерть нам нынѣ нѣсть смерть, нѣ животь вѣчный; и ничто же, братие, земнаго помышляйте, не уклонимся убо, да вѣнци побѣдными увяземся от Христа бога и спаса душамъ нашимъ».

Утвердивъ же плѣкы, и паки прииде под свое знамя черное и сѣде с коня и на инъ конь зсяде и сѣвече с себя приволоку царскую и въ ину облечеса. Тѣмъ конь свой дасть под Михаила Андрѣевича под Бреника и ту приволоку на него положилъ, иже бѣ ему любимъ паче мѣры, и тѣ знамя черное повелѣ рыделю своему над нимъ возити. Под тѣмъ знаменемъ и убиенъ бысть за великого князя.

Князь же великий ста на мѣсте своемъ и, вынявъ из надръ своихъ живоносный крестъ, на немъ же бѣ въображены страсти Христовы, в немъ же бѣ живоносное дѣво, и въсплакася горко и рече: «На тебе убо надѣмъся, живоносный господень кресте, иже симъ образомъ явивыйся греческому царю Константину, егда ему на брани сушу с нечестивыми и чюднымъ твоимъ образомъ побѣди ихъ. Не могутъ бо погании нечестивии половци противу твоему образу стати, тако, господи, удиви милость свою на рабѣ твоємъ!»

В то же врѣмя прииде к нему посолъ с книгами от преподобнаго старца игумена Сергия, въ книгахъ писано: «Великому князю и всѣмъ русскимъ княземъ, и всему православному вѣску миръ и благословение!» Князь же великий, слышавъ писание преподобнаго старца и цѣловавъ посольника любезно, тѣмъ писаниємъ утвердися, акы нѣкими крѣпкими бранями. Еще же дасть посланный старецъ от игумена Сергия хлѣбецъ пречистыа богородица, князь же великий снѣде хлѣбецъ святой и простеръ руцѣ свои, възопи велегласно: «О велико имя всесвятыа троица, о пресвятая госпоже богородице, помогай намъ тоя молитвами и преподобнаго игумена Сергия, Христе боже, помилуй и спаси душа наша!»

И вѣде на избранный свой конь и, взявъ копье свое и палицу желѣзную, и подвижеса ис полку, и въсхотѣ прежде всѣхъ самъ битися с погаными от великиа горести душа своеа, за свою великую обиду и за святыа церкви и вѣру христьянскую. Мнози же русские богатыри, удрѣжавше его, възбраниша ему, глаголюще: «Не подобаетъ тебѣ, великому князю, напередъ самому в плѣку битися, тебѣ подобаетъ особъ стояти и нас смотрити, а намъ подобаетъ битися и мужество свое и

храбрость пред тобою явити: егда ты господь упасеть милостию своею, и ты разумѣешь, кого чим даровати. Мы же готови есмя в сий день главы своя положити за тебе, государя, и за святыхъ церкви и за православное христіанство. Тебѣ же подобаетъ, великому князю, рабомъ своимъ, елико кто заслужить своею главою, память сѣтворити, якоже Леонтий царь Феодору Тирону, въ книги съборныа написати насъ, памяти ради русскимъ сыномъ, иже по насъ будутъ. Аще тебе единого изгубимъ, тѣ отъ кого имамы чаяти, кто по насъ память сѣтворить? Аще вси спасемъся, а тебе единого останемъ, тѣ кий намъ успѣхъ? И будемъ аки стадо овчье, не имущее пастыря, влачими по пустыни, и пришедше дивии влѣци распудятъ ѱ, и разбѣжатся овцы кои куды. Тебѣ, государю, подобаетъ себѣ спасти да и насъ».

Князь же великій прослезися и рече: «Братія моа милаа, русскыя сынове, доброй вашей рѣчи азъ не могу отвѣщати, нѣ токмо похваляю васъ, вы бо есте вѣистинну блазнии раби божии. Паче же вѣсте мучение христова страсготрѣпца Арефы. Внегда мученъ бысть, и повелѣ царь вести ѱ на позорище и мечемъ иссѣщи, а добліи же его друзи, единъ предъ единымъ скорить, койждо ихъ свою главу усѣкателю подъ мечъ клонять за Арефу, вѣводу своего, вѣдяще убо почестъ побѣды своеа. Арефа же вѣвода рече въиномъ своимъ: «Вѣсте убо, братія моа, у земнаго царя не азъ ли преже васъ почтенъ быхъ, земныа чѣсти и дары взимахъ? И нынѣ же преди ити подобаетъ ми и къ небесному царю, и главѣ моей преже усѣченъ быти, паче же веньчанъ». И приступль мечникъ и усѣкну главу его, послѣжде и въиномъ его усѣкну главы. Тако же и азъ, братіе. Кто болши мене в русскыхъ сыновѣхъ почтенъ бѣ и благаа беспрестани приимахъ отъ господа? А нынѣ злаа приидоша на мя, ужели не могу трѣпѣти: мене бо ради единого сиа вся въздвигошася. Не могу видѣти васъ, побѣжаемыхъ, и прочее къ тому не могу трѣпѣти, и хошу съ вами ту же общую чашу испити и тою же смертію умрети за святую вѣру христіанскую! Аще ли умру — съ вами, аще ли спасуся — съ вами!»

Уже бо, братіе, в то врѣмя плѣкы ведутъ: передовой плѣкъ ведетъ князь Дмитрей Всеволодищъ, да братъ его — князь Владимеръ Всеволодищъ, а с правую руку плѣкъ ведетъ Микула Васильевичъ с коломничѣи, а лѣвую же руку плѣкъ ведетъ Тимофѣй Волуевичъ с костромичѣи. Мнози же плѣкы поганыхъ бредутъ оба пол:

от великна силы нѣсть бо имъ мѣста, гдѣ разступитися. Безбожный же царь Мамай, выѣхав на высоко мѣсто с трема князи, зряи человечьскаго кровопролитна.

Уже бо близ себе сходящеся силныя плѣкы, выѣде злый печенѣгъ из великого плѣку татарьскаго, пред всѣми мужеством являся, подобенъ бо бысть дрѣвнему Голладу: пяти сажень высота его, а трех сажень ширина его. Видѣвъ же его Александръ Пересвѣтъ, старецъ, иже бѣ в плѣку Владимира Вселодовича и, двигнувся ис плѣку, и рече: «Сей человекъ ищетъ подобна себѣ, азъ хочу с нимъ видѣтися!» Бѣ же на главѣ его шлем архангельскаго образа, въоруженъ скимою повелѣнием игумена Сергия. И рече: «Отци и братна, простите мя грѣшнаго! Брате Андрѣй Ослебя, моли бога за мя. Чаду моему Иакову — миръ и благословение». Напусти на печенѣга и рече: «Игумень Сергий, помогай ми молитвою!» Печенѣгъ же устремися противу ему, христиане же вси въскликнуша: «Боже, помози рабу своему!» И ударишася крѣпко копии, едва мѣсто не проломися под ними, и спадше оба с коней на землю и скончашеся.

Наставшу же третьему часу дни, видѣвъ же тѣ, князь великий и рече: «Се уже гости наши приблизилися и вѣдутъ промеж собою поведеную, преднии уже испиша и весели быша и уснуша, уже бо врѣмя подобно, и час прииде храбрость свою комуждо показати». И удари всякъ въинѣ по своему коню и кликнуша единогласно: «С нами богъ!» — и паки: «Боже христианский, помози нам!» Погании же половци свои богы начаша призывати.

И съступишася грозно обѣ силы великна, крѣпко бьющеся, напрасно сами себе стираху, не токѣмо оружиемъ, нѣ и от великна тѣсноты под коньскими ногами издыхаху, яко немощно бѣ вмѣститися на том полѣ Куликовѣ: бѣ мѣсто то тѣсно межу Доном и Мечею. На том бо полѣ силнии плѣци съступишася, из нихъ же выступали кровавыя зари, а в них трепеталися силнии мѣлїи от облистания мечнаго. И бысть трускъ и звукъ великъ от копейнаго ломления и от мечнаго сѣчения, яко не мощно бѣ сего грѣкого часа зрѣти никако же и сего грознаго побойща. Въ единѣ бо час, въ мегновении ока, о колико тысущъ погыбе душъ человечьскихъ, сздания божна! Воля господня съврѣшается: часъ же третій, и четвертый, и пятый, и шестый

крѣпко бьющесе неослабно христiane с погаными по-
ловци.

Наставшу же седмому часу дни, божимъ попущенемъ наших ради грѣховъ начаша погании одолѣвати. Уже бо от сановитых мужей мнози побииени суть, богатыри же русскыя и воеводы, и удалыя люди, акы дрѣва дубравнаа, клонятся на землю под коньскыя копыта: мнози же сынове русскыя сътрошася. Самого же великого князя уязвиша велми и с коня его збиша, онъ же ну-
жею склонився с побонща, яко не мощно бѣ ему к тому битися, и укрыся в дебри, божиею силою съхрапенъ бысть. Многожды стязи великого князя подскоша, нъ не истребишася божиею милостию, нъипаче укрѣпшася.

Се же слышахом от вѣрнаго самовидца, иже бѣ от плѣку Владимира Андрѣевича, поведаа великому князю, глаголя: «Въ шестую годину сего дни видѣх над вами небо разврѣсто, из него же изыде облакъ, яко багрянаа заря над плѣком великого князя, дрѣжашесе низко. Тѣм же облакъ исплненъ рукъ человеческих, яже руки дрѣжаше по велику плѣку ово проповѣдники, ово пророческы. Въ седмый же часъ дни облакъ тѣм много вѣнцевъ дрѣжаше и опустишася над плѣком, на головы христianeскыя».

Погании же начаша одолѣвати, христianeскыя же плѣци оскудѣша — уже мало христianeвъ, а все погании. Видѣвъ же то князь Владимиръ Андрѣевичъ падение русских сыновъ не мога трѣпѣти и рече Дмитрею Волицу: «Что убо плѣза стояние наше? Который успѣх нам будетъ? Кому нам пособити? Уже наши князи и бояре, вси русскыя сынове напрасно погибають от поганых, акы трава клонится!» И рече Дмитрий: «Бѣда, княже, велика, не уже пришла година наша: начинаай без времени, вред себѣ приемлеть; класы бо пшеничныя подавляеми, а трѣвье растуше и буяюще над благородными. И мало убо потрѣпим до времени подобна, вѣн же час имаем въздарие отдати противником. Нынѣ токмо повели всякому вѣину богу молитися прилѣжно и призывати святых на помощь, и от сего часа имать быти благодать божия и помощь христianeомъ». Князь же Владимиръ Андрѣевичъ, въздѣвъ руцѣ на небо, и прослезися горко и рече: «Боже отецъ наших, сътвори-
вый небо и землю, дай же помощь роду христianeскому! Не дай же, господи, порадоватися врагом нашим о нас, мало показни, а много помилуй, безднѣ бо еси

и милости». Сынове же русскыа в полку его грѣко плачуше, видяще друзи свои побиваеми от поганых, не престанно покушаюшеся, яко званнии на бракъ сладкаго вина пити. Волюнецъ же възбраняше им, глаголя: «Пождите мало, буавни сынове русские, будетъ ваше врѣмя коли утѣшится, есть вы с кем възвеселитися!»

Приспѣ же осмый час дню, духу южну потянувшу създи нам, възопи же Вълынецъ гласом великим: «Княже Владимиръ, наше врѣмя приспѣ, и часъ подобный прииде!» И рече: «Братъа моа, друзи, дрѣзайте: сила бо святого духа помогаетъ нам!»

Единомыслении же друзи высѣдоша из дубравы зелены, аки соколи искушеныа урвалися от златых колодицъ, ударилися на великиа стада жировины, на ту великую силу татарскую; а стязи их направлены крѣпким въеводою Дмитреем Волынцем: бяху бо, аки Давидови отроци, иже сердца имуща аки лвовы, аки лютии влѣци на овчии стада приидоша и начаша поганых татаръ същи немилостивно.

Поганин же половци увидѣша свою погыбель, кликнуша еллинским гласом, глаголюще: «Увы нам, Русь паку умудрися: уншии с нами брашася, а доблии вси съблюдошася!» И обратишася поганин, и даша плещи, и побѣгоша. Сынове же русские, силою святого духа и помощию святых мученикъ Бориса и Глѣба, гоняще, съчаху их, аки лѣс клоняху, аки трава от косы постилается у русских сыновъ под конскыя копыта. Поганин же бѣжаше кричаху, глаголюще: «Увы нам, честный нашъ царю Мамаю! Вънесе бо ся высоко — и до ада сшелъ еси!» Мнози же уязвении наши и тѣ помагаху, съкуще поганых без милости: единъ русинъ сто поганых гонить.

Безбожный же царь Мамай, видѣвъ свою погыбель, нача призывати богы своа: Перуна и Салавата, Ираклиа и Гурса, и великого своего пособника Махмета. И не бысть ему помощи от них, сила бо святого духа, аки огонь, пожигаетъ их.

Мамай же, видѣвъ новыа люди, яко лютии звѣрие ристаху и изрываху, аки овчье стадо, и рече своим: «Побѣгнем, ничто же бо добра имам чаати, нѣ поне свои главы унесем!» И абие побѣже поганый Мамай с четырьми мужы в лукоморие, скрегча зубы своими, плачуши грѣко, глаголя: «Уже нам, братие, в земли своей не бывати, а катунъ своих не трепати, а дѣтей своих не видати, трепати нам сыраа земля, целовати нам зеле-

наа мурова, а съ дружиною своею уже нам не видатися, ни съ князи ни съ алпауты!»

Мнози же гонишася по них и не одолѣша их, понеже кони их утомишася, у Мамае же цѣлы суть кони его, и убѣже.

Сия же суть милостию всемогущаго бога и пречистыа матери божия и молениемъ и помощію святыхъ страстотрѣпецъ Бориса и Глѣба, ихъ же видѣ Фома Кацибѣевъ разбойникъ, егда на сторожы стоя, яко же прежде писано есть. Етери же суще женяху, внигда всѣхъ доступиша и възвращахуся, койждо под свое знамя.

Князь же Владимиръ Андрѣевичъ ста на костѣхъ под чернымъ знаменемъ. Грозно, братие, зрѣти тогда, а жалостно видѣти и грѣко посмотрити человечьскаго кровопролитіа — аки морская вода, а трупъ человечьа — аки сѣнныа громады: борзъ конь не можетъ скочити, а в крови по колѣни бродяху, а рѣки по три дни кровію течаху.

Князь же Владимиръ Андрѣевичъ не обрѣте брата своего, великаго князя, в плѣку, нѣ толко литовскіе князи Олгордовичи, и повелѣ трубити в собранныя трубы. Пожда час и не обрѣте великаго князя, нача плакати и кричати, и по плѣкомъ ѣздити начать сам и не обрѣте и глаголаша всѣмъ: «Братѣа моа, русскыа сынове, кто видѣ или кто слыша пастыря нашего и начальника?» И рече: «Аще пастырь пораженъ — и овцы разыдутся. Кому сиа честь будетъ, кто побѣдѣ сей явится?»

И рекоша литовскіе князи: «Мы его мнимъ, яко живъ есть, уязвенъ велми; егда въ мертвомъ трупѣ лежатъ?» Инъ же вѣинъ рече: «Азъ видѣхъ его на седмомъ часу крѣпко бьющася съ погаными палицею своею». Инъ же рече: «Азъ видѣхъ его поздѣе того; четыри татарини належахуть ему, онъ же крѣпко бияшеся съ ними». Нѣкто князь, имянемъ Стефанъ Новосилской, тѣй рече: «Азъ видѣхъ его предъ самымъ твоимъ приходомъ, пѣша и идуща съ побоища, уязвена велми. Того ради не могахъ азъ ему помощи — гонимъ есмь трема татарини, нѣ милостию божіею едва от нихъ спасохся, а много зла от нихъ приимахъ и крѣпко пострадахъ».

Князь же Володимеръ рече: «Братіа и друзи, русскыа сынове, аще кто жива брата моего обрящетъ, тѣй по истиннѣ пръвѣй будетъ у наю!» И разсыпашася вси по велику, силну и грозну побоищу, ищущи побѣдѣ побѣдителя. Ови же наѣхаша убитаго Михаила Андрѣевича Бренка: лежать въ приволоцѣ и въ шоломѣ, что ему

далъ князь великий; инни же наѣхаша убитого князя Феодора Семеновича Бѣлозерскаго, чающе его великимъ княземъ, занеже приличенъ бѣ ему.

Два же етера вѣина уклонишася на десную страну в дуброву, единъ имянемъ Феодоръ Сабуръ, а другой Григорей Холопишевъ, оба родомъ костромичи. Мало выѣхавъ с побоища и наѣхаша великого князя бита и язвена вельми и трудна, отдыхаючи ему под сѣнию ссѣчена дрѣва березова. И видѣша его и, спадше с коней, поклонишася ему. Сабуръ же скоро възвратися повѣдати князю Владимиру, и рече: «Князь великий Дмитрей Ивановичъ здравъ бысть и царствуетъ в вѣки!»

Вси же князи и вѣводы, слышавше, и скоро сунушася и падше на ногу его, глаголюще: «Радуйся, князю нашъ, дрѣвний Ярославъ, новый Александръ, побѣдитель врагомъ: сиа же побѣды честь тобѣ довлѣетъ». Князь же великий едва рече: «Что есть, повѣдайте ми». Рече же князь Владимиръ: «Милостью божиею и пречистыа его матери, пособиемъ и молитвами сродникъ нашихъ святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба и молениемъ русскаго святителя Петра и пособника нашего и вѣоружителя игумена Сергіа,— и тѣхъ всѣхъ святыхъ молитвами врази наши побѣжени суть, мы же спасохомся».

Князь же великий, слышавъ то и вѣставъ, рече: «Сій день сѣтвори господь, възрадуемся и възвеселимся, людие!» И паки рече: «Сій день господень веселитесь, людие! Велий еси, господи, и чюдна дѣла твоа суть: вечеръ въдворится плач, а завтра — радость!» И паки рече: «Хвалю тя, господи боже мой, и почитаю имя твое святое, яко не предалъ еси насъ врагомъ нашимъ, и не далъ еси имъ похвалитися, иже сии на мя умыслиша злаа: нѣ суди имъ, господи, по правдѣ ихъ, азъ же господи, уповаю на тя!»

И привелоша ему конь и, всѣд на конь и выѣхавъ на велико, сильно и грозно побоище, и видѣвъ вѣйска своего бито вельми много, а поганыхъ татаръ четверицею сугубъ того боле бито и, обратився къ Волинцу, рече: «Вѣистину, Дмитрей, не ложна есть примѣта твоа, подобаетъ ти всегда вѣведою быти».

И нача з братомъ своимъ и съ оставшими князи и вѣводами ѣздити по боищу, сердцемъ боля кричаше, а слезами мыся, и рече: «Братиа, русскыа сынове, князи и бояре, и вѣводы, и дѣти боярьскыя! Суди вамъ господь богъ тою смертию умерети. Положили есте главы своа за свѣтыа церкви и за православное христіанство».

И поѣхавъ мало, наехаше мѣсто, на немъ же лежать побѣни вкупѣ князи бѣлозерскыя: толма крѣпко бишася, яко единъ за единого умре. Ту же близъ лежить убит Михайло Васильевич; над ними же ставъ князь великий, над любезными вѣводами, и нача плакати и глаголати: «Братѣ моа князи, сынове русскыя, аще имате дрѣзновение у бога, помолитесь о нас, вѣм бо, яко послушаеть вас богъ, да вкупѣ с вами у господа бога будем!»

И паки приѣде на иное мѣсто и наѣхавъ своего напръстника Михаила Андрѣевича Бренка, и близ его лежить тврѣдый стражъ Семень Меликъ, близъ же имъ Тимофѣй Волуевич убиень. Над ними же ставъ, князь великий прослезися и рече: «Брате мой възлюбленный, моего ради образа убиень еси. Кий бо рабъ тако можетъ господину служыти, яко меня ради самъ на смерть смыслено грядыше? Въистинну древнему Авису подобень, иже бѣ от плѣку Дарѣва Перскаго, иже и сей тако сътвори». Лежашу же ту Мелику, рече над ним: «Крѣпкій мой стражу, тврѣдо пасомый есмя твоею стражею». Приѣде же на иное мѣсто, видѣ Пересвѣта черныца, а пред ним лежатъ поганый печенѣгъ, злый татаринъ, аки гора, и ту близъ лежить нарочитый богатырь Григорей Капустинъ. Обратився князь великий и рече: «Видите, братие, починальника своего, яко сий Александръ Пересвѣт, пособникъ нашъ, благословенъ игуменомъ Сергиемъ и побѣди велика, силна, зла татарина, от него же было пити многимъ людемъ смертнаа чаша».

И отѣхавъ на иное мѣсто, и повелѣ трубити в събранныя трубы, съзывати людии. Храбрии же витязи, до вѣлно испытавше оружье свое над погаными половѣцъ, съ всѣхъ странъ бредутъ под трубный гласъ. Грядуще же весело, ликующе, пѣсни пояху, овии поаху богородичныи, друзии же — мученичныи, инии же — псаломъ, — то есть христіанское пѣние. Кийждо въинь едетъ, радуася, на трубный гласъ.

Събраннымъ же людемъ всѣмъ, князь великий ста посреди ихъ, плача и радуася: о убиеныхъ плачется, а о здравыхъ радуется. Глаголаше же: «Братіа моа, князи русскыя и боаре мѣстныя, и служылыя люди всеа земля! Вамъ подобаеть тако служыти, а мнѣ — по достоаію похвалити вас. Егда же упасеть мя господъ и буду на своемъ столѣ, на великомъ княженіи, въ градѣ Москвѣ, тогда имамъ по достоаію даровати вас. Нынѣ же сіа

управим: коиждо ближняго своего похороним, да не будутъ звѣрем на снѣдение телеса христьянскаа».

Стоялъ князь великий за Даном на костѣх осмь дний, дондеже розобраша христьянъ с нечестивыми. Христьянскаа телеса в землю покопаша, а нечестивых телеса поврѣжена звѣрем и птицам на расхищение.

И рече князь великий Дмитрей Ивановичъ: «Считайтесь, братие, колких въевод нѣтъ, колких служылых людей?» Говорить бояринъ московской, именем Михайло Александрович, а был в плѣку у Минкулы у Васильевича, росчетливъ бысть велми: «Нѣтъ у нас, государь, 40 боариновъ московских, да 12 князей бѣлозерских, да 13 боаринов посадниковъ новгородских, да 50 боаринов Новагорода Нижнего, да 40 боаринов серпоховских, да 20 боаринов переславских, да 25 боаринов костромских, да 35 боаринов владимерских, да 50 боаринов суздальских, да 40 боаринов муромских, да 33 боаринов ростовских, да 20 боаринов дмитровских, да 70 боаринов можайских, да 60 боариновъ звенигородских, да 15 боаринов углетцких, да 20 боаринов галитцских, а молодым людем счета нѣтъ; нѣ токмо въдаем: изгыбло у нас дружины всеа полтретѣя ста тысящъ и три тысящи, а осталось у нас дружины пятьдесят тысящъ».

Рече же князь великий: «Слава тебѣ, вышний творецъ, царю небесный, милостивый Спасъ, яко помиловал еси нас, грѣшных, не предалъ еси нас в руцѣ врагом нашим, поганым сыядцем. А вам, братья, князи и боаре, и въеводы, и молодые люди, русские сынове, сужено мѣсто лежати между Доном и Непром, на полѣ Куликовѣ, на рѣчкѣ Непрядвѣ. Положили есте головы своа за землю Русскую, за вѣру христьянскую. Простите мя, братие, и благословите в сем вѣцѣ и в будущем!» И прослезися на длѣгъ час и рече князем и въеводам своим: «Поѣдем, братье, въ свою землю Залѣскую, къ славному граду Москвѣ и сядем на своих вѣтчинах и дѣдинах: чести есмя себѣ доступили и славнаго имени!»

Поганый же Мамай тогда побѣже с побоища и прибѣже къ граду Кафѣ и, потаивъ свое имя, прибѣже въ свою землю и не мога трѣпѣти, видя себе побѣжена и посрамлена, и поругана. И паки гнѣвашеся, яряся зѣло, и еще зло мысля на Русскую землю, аки левъ рыкаа и аки неутолимаа ехидна. И събравъ остаточную свою силу, и еще хотяше изгоном итти на Русскую землю.

И сие ему мысляшу, внезапно прииде к нему вѣсть, яко царь имянем Тактамышъ съ востока, нолны из Синие орды, идеть на него. Мамай же, яже бѣ уготовилъ рать ити было ему на Русскую землю, и онъ с тою ратью пошел противу царя Тактамыша. И стрѣтошася на Калках, и бысть им бой великъ. И царь Тактамышъ, побѣдивъ царя Мамаа, и прогна его, мамаревы же князи и рядци, и ясовулы, и алпауты биша челом царю Тактамышу. И приять их и взя Орду, и сѣде на царствѣ. Мамай же прибѣже паки в Кафу единъ; потаивъ свое имя, пребываше ту, и познавъ бысть нѣким купцем и ту убиенъ бысть фрязы и испровръже злѣ живот свой. Сна же оставим здѣ.

Слышавъ же Олгордъ Литовскый, яко князь великий Дмитрей Иванович побѣдил Мамаа, възвратися въ свои с студом многым. Олегъ же Резанскый, слышавъ, яко хочет князь великий послати на него рать, убоася и побѣже из своеа отчины и съ княгинею и з боары; и резанци добиша челом великому князю, и князь великий посади на Резани свои намѣстники.

СКАЗАНИЕ О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ

Перевод

НАЧАЛО ПОВЕСТИ О ТОМ, КАК ДАРОВАЛ БОГ
ПОБЕДУ ГОСУДАРЮ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ ДМИТРИЮ
ИВАНОВИЧУ ЗА ДОНОМ НАД ПОГАНЫМ МАМАЕМ
И КАК МОЛИТВАМИ ПРЕЧИСТОЙ БОГОРОДИЦЫ
И РУССКИХ ЧУДОТВОРЦЕВ ПРАВОСЛАВНОЕ
ХРИСТИАНСТВО — РУССКУЮ ЗЕМЛЮ БОГ ВОЗВЫСИЛ,
А БЕЗБОЖНЫХ АГАРЯН ПОСРАМИЛ

очу вам, братья, поведать о брани недавней
войны, как случилась битва на Дону вели-
кого князя Дмитрия Ивановича и всех пра-
вославных христиан с поганым Мамаем и с безбож-
ными агарянами. И возвысил бог род христианский, а
поганых унизил и посрамил их дикость, как и в ста-
рые времена помог Гедону над мадиамлянами и пре-
славному Моисею над фараоном. Надлежит нам по-
ведать о величии и милости божьей, как исполнил
господь пожелание верных ему, как помог великому
князю Дмитрию Ивановичу и брату его, князю Вла-
димиру Андреевичу, над безбожными половцами и
агарянами.

Попущением божьим, за грехи наши, по наваждению
дьявола поднялся князь восточной страны, по имени
Мамай, язычник верой, идолопоклонник и иконоборец,
злой преследователь христиан. И начал подстрекать
его дьявол, и вошло в сердце его искушение против

мира христианского, и подучил его враг, как разорить христианскую веру и осквернить святыя церкви, потому что всех христиан захотел покорить себе, чтобы не славилось имя господне средь верных богу. Господь же наш, бог, царь и творец всего сущего, что пожелает, то и исполнит.

Тот же безбожный Мамай стал похваляться и, позавидовав второму Юлиану-отступнику, царю Батыю, начал расспрашивать старых татар, как царь Батый покорил Русскую землю. И стали ему сказывать старые татары, как покорил Русскую землю царь Батый, как взял Киев и Владимир, и всю Русь, славянскую землю, и великого князя Юрия Дмитриевича убил, и многих православных князей перебил, а святыя церкви осквернил и многие монастыри и села пожег, а во Владимире соборную церковь златоверхую пограбил. И так как был ослеплен он умом, то того не постиг, что, как господу угодно, так и будет: так же и в давние дни Иерусалим был пленен Титом-римлянином и Навуходоносором, царем вавилонским, за прегрешения и маловерие иудеев — но не бесконечно гневается господь и не вечно он ненавидит.

Узнав все от своих старых татар, начал Мамай поспешать, дьяволом распаляемый непрестанно, ополчаясь на христиан. И, забывшись, стал говорить своим алпаутам, и есаулам, и князьям, и воеводам, и всем татарам так: «Я не хочу так поступить, как Батый, но когда приду на Русь и убью князя их, то какие города наилучшие достаточны будут для нас — тут и осядем, и Русью завладеем, тихо и беззаботно заживем», — а не знал того, проклятый, что господня рука высока.

И через несколько дней перешел он великую реку Волгу со всеми силами, и другие многие орды к великому воинству своему присоединил и сказал им: «Пойдем на Русскую землю и разбогатеет от русского золота!» Пошел же безбожный на Русь, будто лев ревуший ярься, будто неуголимая гадюка злобой дыша. И дошел уже до устья реки Воронеж, и распустил всю силу свою, и наказал всем татарам своим так: «Пусть не пашет ни один из вас хлеба, будьте готовы на русские хлеба!»

Прознал же о том князь Олег Рязанский, что Мамай кочует на Воронеже и хочет идти на Русь, на великого князя Дмитрия Ивановича Московского. Скучность ума была в голове его, послал сына своего к безбожному

Мамаю с великою честью и с многими дарами и писал грамоты свои к нему так: «Восточному великому и свободному, царям царю Мамаю — радоваться! Твой ставленник, тебе присягавший Олег, князь рязанский, много тебя молит. Слышал я, господин, что хочешь идти на Русскую землю, на своего слугу князя Дмитрия Ивановича Московского, утратить его хочешь. Теперь же, господин и пресветлый царь, настало твое время: золотом, и серебром, и богатством многим переполнилась земля Московская, и всякими драгоценностями твоему владению на потребу. А князь Дмитрий Московский — человек христианский — как услышит слово ярости твоей, то отбежит в дальние пределы свои: либо в Новгород Великий, или на Белоозеро, или на Двину, а великое богатство московское и золото — все в твоих руках будет и твоему войску на потребу. Меня же, раба твоего, Олега Рязанского, власть твоя пощадит, о царь: ведь ради тебя я крепко устрашаю Русь и князя Дмитрия. И еще просим тебя, о царь, оба раба твои, Олег Рязанский и Ольгерд Литовский: обиду приняли мы великую от этого великого князя Дмитрия Ивановича, и как бы мы в своей обиде твоим именем царским ни грозили ему, а он и в том не тревожится. И еще, господин наш царь, город мой Коломну он себе захватил — и о всем том, о царь, жалобу воссылаем тебе».

И другого послал скоро своего вестника князь Олег Рязанский со своим письмом, написано же в грамоте было так: «К великому князю Ольгерду Литовскому — радоваться великою радостью! Известно ведь, что издавна ты замышлял на великого князя Дмитрия Ивановича Московского, с тем, чтобы изгнать его из Москвы и самому завладеть Москвою. Ныне же, княже, настало наше время, ибо великий царь Мамай грядет на него и на землю его. И сейчас, княже, присоединимся мы оба к царю Мамаю, ибо знаю я, что царь даст тебе город Москву, да и другие города, что поближе к твоему княжеству, а мне отдаст он город Коломну, да Владимир, да Муром, которые к моему княжеству поближе стоят. Я же послал своего гонца к царю Мамаю с великою честью и со многими дарами, так же и ты пошли своего гонца, и что у тебя есть из даров, то пошли ты к нему, грамоты свои написав, а как — сам знаешь, ибо больше меня понимаешь в том».

Князь же Ольгерд Литовский, прознав про все это, очень рад был великой похвале друга своего князя Олега Рязанского и отправляет быстро посла к царю Мамаю с великими дарами и подарками для царских забав. А пишет свои грамоты так: «Восточному великому царю Мамаю! Князь Ольгерд Литовский, присягавший тебе, много тебя молит. Слышал я, господин, что хочешь наказать свой удел, своего слугу, московского князя Дмитрия, потому и молю тебя, свободный царь, раб твой: великую обиду наносит князь Дмитрий Московский улуснику твоему князю Олегу Рязанскому, да и мне также большой вред чинит. Господин царь, свободный Мамай! Пусть придет власть твоего правления теперь и в наши места, пусть обратится, о царь, твое внимание на наши страдания от московского князя Дмитрия Ивановича».

Помышляли же про себя Олег Рязанский и Ольгерд Литовский, говоря так: «Когда услышит князь Дмитрий о приходе царя, и о ярости его, и о нашем союзе с ним, то убежит из Москвы в Великий Новгород, или на Белоозеро, или на Двину, а мы сядем в Москве и в Коломне. Когда же царь придет, мы его с большими дарами встретим и с великою честью, и умолим его, и возвратится царь в свои владения, а мы княжество Московское по царскому велению разделим меж собою — то к Вильне, а то к Рязани, и даст нам царь Мамай ярлыки свои и потомкам нашим после нас». Не понимали ведь, что замышляют и что говорят, как несмышленные малые дети, не ведающие божьей силы и господнего предначертания. Ибо воистину сказано: «Если кто к богу веру с добрыми делами и правду в сердце держит и на бога уповает, то такого человека господь не предаст врагам в уничижение и на осмеяние».

Государь же князь великий Дмитрий Иванович — добрый человек — образцом был смиренномудрия, небесной жизни желал, ожидая от бога грядущих вечных благ, не ведая того, что на него замышляют злой заговор ближние его друзья. О таких ведь пророк и сказал: «Не сотвори ближнему своему зла и не рой, не копай врагу своему ямы, но на бога-творца надейся, господь бог может оживить и умертвить».

Пришли же послы к царю Мамаю от Ольгерда Литовского и от Олега Рязанского и принесли ему большие дары и грамоты. Царь же принял дары и письма бла-

госклонно и, заслушав грамоты и послов почтя, отпустил и написал ответ такой: «Ольгерду Литовскому и Олегу Рязанскому. За дары ваши и за восхваление ваше, ко мне обращенное, каких захотите от меня владений русских, теми одарю вас. А вы в верности мне присягните и скорее идите ко мне навстречу и одолейте своего недруга. Мне ведь ваша помощь не очень пужна: если бы я теперь пожелал, то своею силою великою я бы и древний Иерусалим покорил, как прежде халдеи. Теперь же поддержать вас хочу; моим именем царским и силою, а вашею клятвой и властью вашею разбит будет князь Дмитрий Московский, и грозным станет имя ваше в странах ваших моею угрозой. Ведь если мне, царю, предстоит победить царя, подобного себе, то мне подобает и надлежит царскую честь получить. Вы же теперь идите от меня и передайте князьям своим слова мои».

Послы же, возвратясь от царя к своим князьям, сказали им: «Царь Мамай приветствует вас и очень, за восхваление ваше великое, благорасположен к вам!» Те же, скудные умом, порадовались суетному привету безбожного царя, не ведая того, что бог дает власть кому пожелает. Теперь же — одной веры, одного крещения, — а с безбожным соединились вместе преследовать православную веру Христову. О таких ведь пророк сказал: «Вонстину сами себя отсекали от доброго масличного дерева и привились к дикой маслине».

Князь же Олег Рязанский стал торопиться и отправлять к Мамаю послов, говоря: «Выступай, царь, скорее на Русь!» Ибо говорит великая мудрость: «Путь нечестивых не будет удачным, ибо собирают на себя досаду и поношение». Ныне же этого Олега окаянного новым Святополком назову.

И прослышал князь великий Дмитрий Иванович, что надвигается на него безбожный царь Мамай со многими ордами и со всеми силами, неустанно ярясь на христиан и на Христову веру и завидуя безголовому Батыю, и сильно опечалился князь великий Дмитрий Иванович из-за нашествия безбожных. И став пред святою иконою господня образа, что в изголовье его стояла, и упав на колени свои, стал молиться и сказал: «Господи! Я, грешный, смею ли молиться тебе, смиренный раб твой? Но к кому обращаю печаль мою? Лишь на тебя надеюсь, господи, и к тебе вознесу печаль мою. Ты же, господи, царь, владыка, светодатель,

не сотвори нам, господи, того, что отцам нашим сотворил, наведя на них и на их города злого Батыя, ибо еще и сейчас, господи, тот страх и трепет великий в нас живет. И ныне, господи, царь, владыка, не до конца прогневайся на нас, знаю ведь, господи, что из-за меня, грешного, хочешь всю землю нашу погубить; ибо я согрешил пред тобою больше всех людей. Сотвори мне, господи, за слезы мои, как Иезекии, и укроти, господи, сердце свирепому этому зверю!» Поклонился и сказал: «На господа уповал — и не погибну». И послал за братом своим, за князем Владимиром Андреевичем в Боровск, и за всеми князьями русскими скорых гонцов разослал, и за всеми воеводами на местах, и за детьми боярскими, и за всеми служилыми людьми. И повелел им скоро быть у себя в Москве.

Князь же Владимир Андреевич прибыл быстро в Москву, и все князья и воеводы. А князь великий Дмитрий Иванович, взяв брата своего, князя Владимира Андреевича, пришел к преосвященному митрополиту Киприану и сказал ему: «Знаешь ли, отче наш, предстоящее нам испытание великое, — ведь безбожный царь Мамай движется на нас, неумолимую в себе ярость распаляя?» И митрополит отвечал великому князю: «Поведай мне, господин мой, чем ты пред ним провинился?» Князь же великий сказал: «Проверил я, отче; все точно, что все по заветам наших отцов, и даже еще больше, выплатил дани ему». Митрополит же сказал: «Видишь, господин мой, попущением божьим, ради наших грехов, идет он полонить землю нашу, но вам надлежит, князьям православным, тех нечестивых дарамн удовлетворить хотя бы и вчетверо. Если же и после того не смирится, то господь его усмирит, потому что господь дерзким противится, а смиренным благодать подает. Так же случилось когда-то с Великим Василием в Кесарии: когда злой отступник Юлиан, идя на персов, захотел разорить город его Кесарию, Василий Великий помолился со всеми христианами господу богу, собрал много золота и послал к нему, чтобы утолить жадность преступника. Тот же, скаянный, только сильнее разъярился, и господь послал на него воина своего, Меркурия, уничтожить его. И невидимо пронзен был в сердце нечестивый, жизнь свою жестоко окончил. Ты же, господин мой, возьми золота, сколько есть у тебя, и пошли навстречу ему — и больше ему угодишь».

Князь же великий Дмитрий Иванович послал к нечестивому царю Мамаю избранного своего юношу, по имени Захарий Тютчев, испытанного разумом и смыслом, дав ему много золота и двух переводчиков, знающих татарский язык. Захарий же, дойдя до земли Рязанской и узнав, что Олег Рязанский и Ольгерд Литовский присоединились к поганому царю Мамаю, послал быстро вестника скрытно к великому князю.

Князь же великий Дмитрий Иванович, услышав ту весть, восскорбел сердцем, и исполнился ярости и печали, и начал молиться: «Господи боже мой, на тебя надеюсь, правду любящего. Если мне враг вред наносит, то следует мне терпеть, ибо истинно он является ненавистником и врагом роду христианскому; но вот друзья мои близкие замыслили против меня. Суди, господи, их и меня, я ведь им никакого зла не причинил, кроме того, что дары и почести от них принимал, но и им в ответ я также дарил. Суди же, господи, по правде моей, пусть покончится злоба грешных».

И, взяв брата своего, князя Владимира Андреевича, пошел во второй раз к преосвященному митрополиту и поведал ему, как Ольгерд Литовский и Олег Рязанский соединились с Мамаем на нас. Преосвященный же митрополит сказал: «А сам ты, господин, не нанесли какой обиды им обоим?» Князь же великий прослезился и сказал: «Если я перед богом грешен или перед людьми, то перед ними ни единой черты не преступил по закону отцов своих. Ибо знаешь и сам, отче, что удовлетворен я своими пределами, и им никакой обиды не нанес, и не знаю, отчего преумножились против меня вредящие мне». Преосвященный же митрополит сказал: «Сын мой, господин князь великий, да осветятся веселием очи твои сердечные: закон божий почитаешь и творишь правду, так как праведен господь, и ты возлюбил правду. Ныне же окружили тебя, как псы многие; суетны и тщетны их попытки, ты же именем господним обороняйся от них. Господь справедлив и будет тебе истинным помощником. А от всевидящего ока господня где можно скрыться — и от твердой руки его?»

И князь великий Дмитрий Иванович с братом своим, князем Владимиром Андреевичем, и со всеми русскими князьями и воеводами обдумали, как сторожевую заставу крепкую устроить в поле, и послали в заставу лучших своих и опытных воинов: Родиона Ржевского,

Андрея Волосатого, Василия Тупика, Якова Ослябтева и других с ними закаленных воинов. И повелел им на Тихой Сосне сторожевую службу нести со всяким усердием, и ехать к Орде, и языка добыть, чтобы узнать истинные намерения царя.

А сам князь великий по всей Русской земле быстрых гонцов разослал со своими грамотами по всем городам: «Будьте же все готовы идти на мою службу, на битву с безбожными агарянами — татарами; соединимся все в Коломне на мясопуст перед постом святой богородицы».

И так как сторожевые отряды задержались в степи, князь великий вторую заставу послал: Клементия Поляшина, Ивана Святославича Свесланина, Григория Судакова и других с ними, — приказав им скорее возвращаться. Те же встретили Василия Тупика: ведет языка к великому князю, язык же из людей царского двора, из сановных мужей. И сообщает великому князю, что неотвратимо Мамай надвигается на Русь и что списались друг с другом и соединились с ним Олег Рязанский и Ольгерд Литовский. А не спешит царь оттого идти, что осени дожидается.

Услышав же от языка такое известие о нашествии безбожного царя, великий князь стал утешаться в боге и призывал к твердости брата своего, князя Владимира, и всех князей русских, говоря: «Братья князя русские, из рода мы все князя Владимира Святославича Киевского, которому открыл господь познать православную веру, как и Евстафию Плакиде; просветил он всю землю Русскую святым крещением, извел нас от муки языческой, и заповедал нам ту же веру святую твердо держать, и хранить, и биться за нее. Если кто за нас пострадает, тот в будущей жизни ко святым первомученикам за веру Христову причислен будет. Я же, братья, за веру Христову хочу пострадать даже и до смерти». Они же ему ответили все согласно, будто одними устами: «Вонистину ты, государь, исполнил закон божий и последовал евангельской заповеди, ибо сказал господь: «Если кто пострадает имени моего ради, то после воскресения сторицей получит жизнь вечную». И мы, государь, сегодня готовы умереть с тобою и головы свои положить за святую веру христианскую и за твою великую обиду».

Князь же великий Дмитрий Иванович, услышав это от брата своего, князя Владимира Андреевича, и от всех

князей русских, что решаются за веру сразиться, повелел всему войску своему быть у Коломны на успение святой богородицы: «Тогда пересмотрю полки и каждому полку воеводу назначу». И все множество людей будто одними устами сказало: «Дай же нам, господи, решение это исполнить имени твоего ради святого!»

И пришли к нему князья белозерские, готовы они к бою, и прекрасно снаряжено войско их: князь Федор Семенович, князь Семен Михайлович, князь Андрей Кемский, князь Глеб Каргопольский и андомские князья; пришли и ярославские князья со своими полками: князь Андрей Ярославский, князь Роман Прозоровский, князь Лев Курбский, князь Дмитрий Ростовский и прочие многие князья.

Тут же, братья, стук стучит и будто гром гремит в славном городе Москве — то идет сильная рать великого князя Дмитрия Ивановича и гремят русские сыны своими золочеными доспехами.

Князь же великий Дмитрий Иванович, взяв с собою брата своего, князя Владимира Андреевича, и всех князей русских, поехал к живоначальной Троице на поклон к отцу своему духовному, преподобному старцу Сергию, благословение получить от святой той обители. И упросил его преподобный игумен Сергей, чтобы прослушал он святую литургию, потому что был тогда день воскресный и чтилась память святых мучеников Флора и Лавра. По окончании же литургии просил святой Сергей со всею братьею великого князя, чтобы откушал хлеба в доме живоначальной Троицы, в обители его. Великий же князь был в замешательстве, ибо пришли к нему вестники, что уже приближаются поганые татары, и просил он преподобного, чтобы его отпустил. И ответил ему преподобный старец: «Это твое промедление двойным для тебя поспешеньем обернется. Ибо не сейчас еще, господин мой, смертный венец носить тебе, но через несколько лет, а для многих других теперь уж венцы плетутся». Князь же великий откушал хлеба у них, а игумен Сергей в то время велел воду освящать с мощей святых мучеников Флора и Лавра. Князь же великий скоро от трапезы встал, и преподобный Сергей окропил его священной водою и все христолюбивое его войско, и осенил великого князя крестом Христовым — знамением на челе. И сказал: «Пойди, господин, на поганых половцев, призывая бо-

га, и господь бог будет тебе помощником и заступником», и добавил ему тихо: «Победншь, господин, супостатов своих, как и подобает тебе, государь наш». Князь же великий сказал: «Дай мне, отче, двух воинов из своей братии — Пересвета Александра и брата его Андрея Ослябу, тем ты и сам нам поможешь». Старец же преподобный велел тем обоим быстро сготовиться идти с великим князем, ибо были известными в сражениях ратниками, не одно нападение встретили. Они же тотчас послушались преподобного старца и не отказались от его повеления. И дал он им вместо оружия тленного нетленное — крест Христов, нашитый на схимах, и повелел им вместо шлемов золоченых возлагать его на себя. И передал их в руки великого князя, и сказал: «Вот тебе мои воины, а твои избранные», — и сказал им: «Мир вам, братья мои, твердо сражайтесь, как славные воины, за веру Христову и за все православное христианство с погаными половцами». И осенил Христовым знаменем все войско великого князя, и дал мир и благословение.

Князь же великий возвеселился сердцем, но никому не поведал, что сказал ему преподобный Сергей. И пошел он к славному своему городу Москве, радуясь благословиению святого старца, которым сокровище непохищаемое получил. И, вернувшись в Москву, пошел с братом своим, с князем Владимиром Андреевичем, к преосвященному митрополиту Киприану, и поведал ему тайно все, что сказал лишь ему старец святой Сергей, и какое благословение дал ему и всему его православному войску. Архиепископ же повелел эти слова сохранить в тайне, не говорить никому.

Когда же наступил четверг 27 августа, день памяти святого отца Пимена Отшельника, в тот день решил князь великий выйти навстречу безбожным татарам. И взяв с собою брата своего, князя Владимира Андреевича, стал в церкви святой Богородицы пред образом господним, сложив руки на груди, потоки слез проливая, молясь, и сказал: «Господи боже наш, владыко великий, твердый, воистину ты — царь славы, помилуй нас, грешных, когда унываем, к тебе единому прибегаем, нашему спасителю и благодетелю, ибо твою рукою созданы мы. Но знаю я, господи, что прегрешения мои уже покрывают голову мою, и теперь не оставь нас, грешных, не отступи от нас. Суди, господи, притесняющих меня и оборони от борющихся со мною;

возьми, господи, оружие и щит и стань на помощь мне. Дай же мне, господи, победу над моими врагами, пусть и они познают славу твою». И затем приступил к чудотворному образу госпожи богородицы, который Лука-евангелист написал, и сказал: «О чудотворная госпожа богородица, всего создания человеческого заступница,— ибо благодаря тебе познали мы истинного бога нашего, воплотившегося и рожденного тобою. Не отдай же, госпожа, городов наших в разорение поганым половцам, да не осквернят святых твоих церквей и веры христианской. Умоли, госпожа богородица, сына своего Христа, бога нашего, чтобы смирил он сердца врагам нашим, да не будет рука их над нами. И ты, госпожа наша пресвятая богородица, пошли нам свою помощь и нетленную свою ризою покрой нас, чтобы не страшились мы ран, на тебя ведь надеемся, ибо твои мы рабы. Знаю же я, госпожа, если захочешь — поможешь нам против злобных врагов, этих поганных половцев, которые не призывают твоего имени; мы же, госпожа пречистая богородица, на тебя надеемся и на твою помощь. Ныне выступаем против безбожных язычников, поганных татар, умоли же ты сына своего, бога нашего». И потом пришел к гробу блаженного чудотворца Петра-митрополита и, сердечно к нему припадая, сказал: «О чудотворный святой Петр, по милости божьей непрестанно творишь чудеса. И теперь настало время тебе за нас молиться общему владыке всех, царю и милостивому спасителю. Ибо теперь на меня ополчились супостаты поганные и на город твой Москву готовят оружие. Тебя ведь господь показал последующим поколениям нашим и возжег тебя нам, светлую свечу, и поставил на подсвечнике высоком светить всей земле Русской. И тебе ныне подобает о нас, грешных, молиться, чтобы не нашла на нас рука смерти и рука грешника не погубила нас. Ты ведь — страж наш твердый от вражеских нападений, ибо твоя мы паства». И окончив молитву, поклонился преосвященному митрополиту Киприану, архиепископ же благословил его и отпустил в поход против поганных татар; и, перекрестив ему чело, осенил его Христовым знамением, и послал богосвященный собор свой с крестами, и со святыми иконами, и со священной водой во Фроловские ворота, и в Никольские, и в Константино-Еленинские, чтобы каждый воин вышел благословенным и святою водою окропленным.

Князь же великий Дмитрий Иванович с братом своим, с князем Владимиром Андреевичем, пошел в церковь небесного воеводы архистратига Михаила и бил челом святому образу его, а потом приступил к гробам православных князей, прародителей своих, так слезно говоря: «Истинные охранители, русские князья, православной веры христианской поборники, родители наши! Если имеете дерзновение предстоять Христу, то помолитесь теперь о нашем горе, ибо великое нашествие грозит нам, детям вашим, и ныне помогите нам». И это сказав, вышел из церкви.

Княгиня же великая Евдокия, и Владимира княгиня Мария, и других православных князей княгини, и многие жены воевод, и боярыни московские, и жены слуг тут стояли, провожая, от слез и кликов сердечных не могли и слова сказать, свершая прощальное целование. И остальные княгини, и боярыни, и жены слуг так же совершили со своими мужьями прощальное целование и вернулись вместе с великой княгиней. Князь же великий, еле удерживаясь от слез, не стал плакать при народе, в сердце же своем сильно прослезился, утешая свою княгиню, и сказал: «Жена, если бог за нас, то кто против нас!»

И сел на лучшего своего коня, и все князья и воеводы сели на коней своих.

Солнце ему на востоке ясно сияет, путь ему показывает. Тогда ведь как соколы сорвались с золотых колодок из каменного града Москвы, и взлетели под синие небеса, и возгремели своими золотыми колокольцами, захотели ударить на большие стада лебединые и гусиные; то, братья, не соколы вылетели из каменного града Москвы, то выехали русские удалцы со своим государем, с великим князем Дмитрием Ивановичем, а наехать захотели на великую силу татарскую.

Князья же белозерские отдельно со своим войском выехали; видно, как хорошо изготовилось войско их.

Князь же великий отпустил брата своего, князя Владимира, дорогою на Брашево, а белозерских князей — Болвановскою дорогою, а сам князь великий пошел на Котел дорогою. Перед ним солнце ярко сияет, а вслед ему тихий ветерок веет. Потому же разлучился князь великий с братом своим, что не пройти им было одной дорогой.

Княгиня же великая Евдокия со своею невесткою, княгинею Владимира Марией, и с воеводскими женами, и с боярынями взошла в златоверхий свой терем в набережный и села на рундуке под стекольчатыми окнами. Как будто в последний раз видит великого князя, слезы проливая, как речной поток. С великою печалью, приложив руки свои к груди, говорит: «Господи боже мой, всевышний творец, взгляни на мое смирение, удостои меня, господи, увидеть вновь моего государя, славнейшего среди людей великого князя Дмитрия Ивановича. Помогни же ему, господи, своей твердой рукой победить вышедших на него поганных половцев. И не допусти, господи, того, что за много лет прежде сего было, когда страшная битва была у русских князей на Калке с погаными половцами, с агарянами; и теперь избавь, господи, от подобной беды, и спаси, и помилуй! Не дай же, господи, погибнуть сохранившемуся христианству, и пусть славится имя твое святое в Русской земле! Со времени той калкской беды и страшного побоища татарского и ныне уныла Русская земля, и нет уже у нее надежды ни на кого, но только на тебя, всемилостивого бога, ибо ты можешь оживить и умертвить. Я же, грешная, имею теперь две отрасли малых, князя Василия и князя Юрия: если встанет ясное солнце с юга или ветер повеет к западу — ни того, ни другого не смогут еще вынести. Что же тогда я, грешная, поделаю? Так возврати им, господи, отца их, великого князя, здоровым, тогда и земля их спасется и они всегда будут царствовать».

Великий же князь отправился, захватив с собою мужей знатных, московских купцов-сuroжан десять человек как свидетелей: что бы бог ни устроил, а они расскажут в дальних странах, как купцы знатные, и были: первый — Василий Капица, второй — Сидор Алферьев, третий — Константин Петунов, четвертый — Кузьма Ковря, пятый — Семен Антонов, шестой — Михаил Саларев, седьмой — Тимофей Весяков, восьмой — Дмитрий Черный, девятый — Дементий Саларев и десятый — Иван Шиха.

И двигался князь великий Дмитрий Иванович по большой широкой дороге, а за ним русские сыны идут скоро, будто медвяные чаши пить и гроздья виноградные есть, желая себе чести добыть и славного имени: уже ведь братья, стук стучит и гром гремит на ранней за-

ре, князь Владимир Андреевич через Москву-реку переправляется на добром перевозе на Боровском.

Князь же великий пришел в Коломну в субботу, в день памяти святого отца Моисея Эфиопа. Тут уже были многие воеводы и воины и встретили его на речке на Северке. Архиепископ же коломенский Геронтий со всем своим клиром встретил великого князя в воротах городских с живоносными крестами и со святыми иконами, и осенил его живоносным крестом, и молитву сотворил «Спаси, боже, люди своя».

Наутро же князь великий повелел выехать всем воинам на поле к Девичьему монастырю.

В святое же воскресенье после заутрени зазвучали многие трубы боевые, и литавры загремели, и зашумели расшитые знамена у сада Панфилова.

Сыновья же русские вступили в обширные поля коломенские, но и тут не вместиться огромному войску, и невозможно было никому очами окинуть рати великого князя. Князь же великий, въехав на возвышенное место с братом своим, с князем Владимиром Андреевичем, видя великое множество людей снаряженных, возрадовался и назначил каждому полку воеводу. Себе же князь великий взял под командование белозерских князей, и в полк правой руки назначил брата своего, князя Владимира, и дал ему под командование ярославских князей, а в полк левой руки назначил князя Глеба Брянского. Передовой же полк — Дмитрий Всеволодович да брат его Владимир Всеволодович, с коломенцами — воевода Микула Васильевич, владимирский же воевода и юрьевский — Тимофей Волуевич, а костромской воевода — Иван Родионович Квашня, переяславский же воевода — Андрей Серкизович. А у князя Владимира Андреевича воеводы: Данило Белеут, Константин Кононов, князь Федор Елецкий, князь Юрий Мещерский, князь Андрей Муромский.

Князь же великий, распределив полки, повелел им через Оку-реку переправляться и приказал каждому полку и воеводам: «Если же кто пойдет по Рязанской земле — не коснитесь ни единого волоса!» И взяв благословение от архиепископа коломенского, князь великий перешел реку Оку со всеми силами и отправил в поле третью заставу, лучших своих витязей, чтобы они сошлись со сторожей татарской в степи: Семена Мелика, Игнатия Креня, Фому Тынину, Петра Горского, Карпа Олекс-

на, Петрушу Чурикова и других многих с ними удалых паездников.

Сказал же князь великий брату своему, князю Владимиру: «Поспешим, брате, навстречу безбожным язычникам, поганым татарам, и не отвернем лица своего от наглости их, а если, брате, и смерть нам суждена, то не без пользы, не без смысла для нас эта смерть, но в жизнь вечную!» А сам государь князь великий, в пути будучи, призывал родственников своих на помощь — святых страстотерпцев Бориса и Глеба.

Князь же Олег Рязанский услышал, что князь великий соединился со многими силами и следует навстречу безбожному царю Мамаю, да к тому же вооружен твердо своею верою, которую на бога-вседержителя, всевышнего творца, со всею надеждой возлагает. И начал остерегаться Олег Рязанский и с места на место переходить с единомышленниками своими, так говоря: «Вот если бы нам можно было послать весть об этой напасти к многоразумному Ольгерду Литовскому, узнать, что он об этом думает, да нельзя: перекрыли нам путь. Думал я по старинке, что не следует русским князьям на восточного царя подниматься, а теперь как все это понять? И откуда князю помощь такая пришла, что смог против нас трех подняться?»

Отвечали ему бояре его: «Нам, княже, сообщили из Москвы за пятнадцать дней до сего,— но мы побоялись тебе передать,— о том, что в вотчине его, близ Москвы, живет монах, Сергием зовут, весьма прозорлив он. Тот сверх меры и вооружил его, и из своих монахов дал ему помощников». Услышав же то, князь Олег Рязанский испугался и на бояр своих осердился и разъярился: «Почему мне не поведали до сих пор? Тогда бы я послал к нечестивому царю и умолил его, и никакое бы зло не приключилось! Горе мне, потерял я разум свой, но не я один ослабел умом, но и больше меня разумный Ольгерд Литовский; но, однако, он почитает веру латинскую Петра Гугнивого, я же, окаянный, познал истинный закон божий! И отчего совратился я? И сбудется со мною сказанное господом: «Если раб, зная закон господина своего, нарушит его, бит будет сильно». Ибо ныне что натворил? Зная закон бога, сотворившего небо, и землю, и всю тварь, присоединился ныне к нечестивому царю, решившему попрасть закон божий! И теперь какому своему неразумному помыслу вверил себя? Если бы теперь

великому князю помощь предложил, то никак он не примет меня, ибо узнал об измене моей. Если же присоединюсь к нечестивому царю, то воистину стану как прежний гонитель Христовой веры, и тогда поглотит меня земля живьем, как Святополка: не только княжения лишен буду, но и жизни лишусь, и брошен буду в геенну огненную мучиться. Если же господь за них, то никто их не одолеет, да еще и прозорливый тот монах будет помогать ему молитвой своей постоянной! Если же никому из них помощи не окажу, то впредь от них обоих как смогу устоять? А теперь я так думаю: кому из них господь поможет, к тому и я присоединюсь!»

Князь же Ольгерд Литовский, в согласии с прежним замыслом, собрал литовцев много, и варягов, и жмуди и пошел на помощь Мамаю. И пришел к городу Одоеву, но, прослышав, что князь великий собрал великое множество воинов — всю русь и словен, да пошел к Дону против царя Мамаю, — прослышав также, что Олег испугался, — и стал тут с тех пор недвижимо, и понял тщетность своих помыслов, о союзе своем с Олегом Рязанским теперь сожалел, метался и негодовал, говоря: «Если человеку не хватает своего ума, то напрасно чужого ума ищет: никогда ведь не бывало, чтобы Литву поучала Рязань! Ныне же свел меня с ума Олег, а сам и пуще погиб. Так что теперь побуду я здесь, пока не услышу о московской победе».

В то же время прослышали князь Андрей Полоцкий и князь Дмитрий Брянский, Ольгердовичи, что великая беда и забота придавила великого князя Дмитрия Ивановича Московского и все православное христианство от безбожного Мамаю. Были же те князья отцом своим, князем Ольгердом, нелюбимы из-за мачехи их, но ныне богом возлюблены были и святое крещение приняли. Были они, будто какие колосья плодовые, сорняком подавляемые: живя среди нечестия, не могли плода достойного породить. И посылает князь Андрей к брату своему, князю Дмитрию, тайно письмо небольшое, в нем же написано так: «Знаешь, брат мой возлюбленный, что отец наш отверг нас от себя, но отец наш небесный, господь бог, сильнее возлюбил нас и просветил святым крещением, дав нам закон свой, — чтобы жить по нему, и отрешил нас от пустой суеты и от нечистой пищи; мы же теперь чем за то богу воздадим? Так устремимся, брате, на подвиг благой для

подвижника Христа, источника христианства, пойдем, брате, на помощь великому князю Дмитрию Московскому и всем православным христианам, ибо большая беда наступила для них от поганных измаильтян, да еще и отец наш с Олегом Рязанским присоединились к безбожным и преследуют православную веру христианскую. Нам, брате, следует святое писание исполнить, говорящее: «Братья, в бедах отзывчивы будьте!» Не сомневайся же, брат, будто отцу мы противиться будем, ведь вот как евангелист Лука сказал устами господина нашего Иисуса Христа: «Преданы будете родителями и братьями и умрете за имя мое; претерпевший же до конца — спасется!» Выберемся, брат, из гнетущего этого плевела и привьемся к истинному плодовиному Христову винограду, возделанному рукою Христовой. Теперь ведь, брат, устремляемся мы не земной ради жизни, но почести в небесах желая, которую господь дает творящим волю его».

Князь же Дмитрий Ольгердович, прочтя письмо брата своего старшего, возрадовался и заплакал от радости, говоря: «Владыко, господи человеколюбец, дай же рабам твоим желание совершить таким путем подвиг этот благой, что открыл ты брату моему старшему!» И велел послу: «Скажи брату моему, князю Андрею: готов я сейчас же по твоему приказу, брат и господин. Сколько есть войска моего, то все вместе со мною, потому что по божьему промыслу собрались мы для предстоящей войны с дунайскими татарами. И еще скажи брату моему: слышал я также от пришедших ко мне сборщиков меда из Северской земли, говорят, что уже великий князь Дмитрий на Дону, ибо там дожидаться хочет злых сыроядцев. И нам следует идти к Севере и там соединиться: надо держать нам путь на Северу и таким путем утаимся от отца своего, чтобы не помешал нам постыдно».

Через несколько дней сошлись оба брата, как решили, со всеми силами в Северской земле и, свидясь, порадовались, как некогда Иосиф с Венямином, видя с собою множество людей, бодрых и снаряженных умелых ратников. И достигли быстро Дона, и догнали великого князя Дмитрия Ивановича Московского еще на этой стороне Дона, на месте, называемом Березуй, и тут соединились.

Князь же великий Дмитрий с братом своим Владимиром возрадовались оба радостью великою такой милости

божьей: ведь невозможно такому быть, чтобы дети отца оставили и перехитрили его, как некогда волхвы Ирода, и пришли нам на помощь. И многими дарами почтил их, и поехали своею дорогой, радуясь и славя святого духа, от земного уже всего отрешась, ожидая себе бессмертного иного искупленья. Сказал же им князь великий: «Братья мои милые, по какой нужде пришли вы сюда?» Они же ответили: «Господь бог послал нас к тебе на помощь!» Князь же великий сказал: «Воистину подобны вы праотцу нашему Аврааму, который быстро Лоту помог, и еще вы подобны доблестному великому князю Ярославу, который отомстил за кровь братьев своих».

И тотчас послал такую весть князь великий в Москву преосвященному митрополиту Киприану: «Ольгердовичи-князья пришли ко мне со многими силами, а отца своего оставили». И вестник быстро добрался до преосвященного митрополита. Архиепископ же, прослышав о том, встал на молитву, говоря со слезами: «Господи владыко человеколюбец, что и противные нам ветры в тихие превращаешь!» И послал во все соборные церкви и в монастыри, повелел усердно молитвы творить день и ночь к вседержителю-богу. И послал в монастырь к преподобному игумену Сергию, чтобы внял их молитвам бог. Княгиня же великая Евдокия, прослышав о том великом божьем милосердии, начала вдвойне милостыни творить и постоянно пребывала в святой церкви, молясь день и ночь.

Это же снова оставим и к прежнему возвратимся.

Когда князь великий был на месте, называемом Берзуй, за двадцать три поприща от Дона, настал уже пятый день месяца сентября — день памяти святого пророка Захарии (в тот же день и убийство предка Дмитрия — князя Глеба Владимировича), и прибыли двое из его сторожевой заставы, Петр Горский да Карп Олексин, привели знатного языка из числа сановников царского двора. Рассказывает тот язык: «Уже царь на Кузьмине гати стоит, но не спешит, поджидает Ольгерда Литовского да Олега Рязанского, как писал ему Олег; о твоих сборах царь не ведает и встречи с тобою не ожидает; через три же дня должен быть на Дону». Князь великий спросил его о силе царской, и тот ответил: «Несчетное множество войск его сила, никто их не сможет перечесть».

Князь же великий стал совещаться с братом своим и со вновь обретенною братьею, с литовскими князьями: «Здесь ли и дальше останемся или Дон перейдем?» Сказали ему Ольгердовичи: «Если хочешь твердого войска, то прикажи за Дон перейти, чтобы не было ни у одного мысли об отступлении; о великой же силе врага не раздумывай, ибо не в силе бог, но в правде: Ярослав, перейдя реку, Святополка победил, прадед твой, князь великий Александр, Неву-реку перейдя, короля победил, и тебе, призывая бога, следует то же сделать. И если разобьем врага, то все спасемся, если же погибнем, то все общую смерть примем — от князей и до простых людей. Тебе же, государю великому князю, ныне нужно забыть о смерти, смелыми словами речь говорить, чтобы от тех речей укрепилось войско твое: мы ведь видим, какое великое множество избранных витязей в войске твоём».

И князь великий приказал войску всему через Дон переправляться.

А в это время разведчики поторапливают, ибо приближаются поганые татары. И многие силы русские возрадовались радостью великою, чая желанного своего подвига, о котором еще на Руси мечтали.

А за многие дни множество волков стекло на место то, завывая страшно, непрерывно все ночи, предчувствуя грозу великую. У храбрых людей в войсках сердца укрепляются, другие же люди в войсках, ту прослышав грозу, совсем приуныли: ведь небывалая рать собралась, безумолчно перекликаются, и галки своим языком говорят, и орлы, во множестве с устья Дона слетевшись, по воздуху паря, клекчут, и многие звери свирепо воют, ожидая того дня грозного, богом предопределенного, в который должны лечь тела человеческие: такое будет кровопролитие, будто вода морская. От того-то страха и ужаса великие деревья преклоняются и трава расстилается.

Многие люди из обеих войск печалятся, предвидя свою смерть.

Начали же поганые половцы в великом унынии сокрушаться о конце своей жизни, потому что если умрет нечестивый, то исчезнет и память о нем с шумом. Правоверные же люди еще и больше воссияют в радости, чая уготованного им блаженства, прекрасных венцов, о которых поведал великому князю преподобный игумен Сергий.

Разведчики же поторапливают, ибо уже близко поганные и всё приближаются. А в шестом часу дня примчался Семен Мелик с дружиной своею, а за ним гналось множество татар; нагло гнались почти до нашего войска, и, лишь только русских увидев, возвратились быстро к царю и сообщили ему, что князья русские изготовились к бою у Дона. Ибо божьим промыслом увидели великое множество людей расставленных и сообщили царю: «Князей русских войско вчетверо больше нашего сборища». Тот же нечестивый царь, распаленный дьяволом себе на пагубу, вскричав вдруг, так заговорил: «Таковы мои силы, и если не одолею русских князей, то как возвращусь восвоюси? Позора своего не перенесу!» — И повелел поганым своим половцам готовиться к бою.

Семен же Мелик поведал князю великому: «Уже Мамай-царь на Гусни брод пришел, и одна только почь между нами, ибо к утру он дойдет до Непрядвы. Тебе же, государю великому князю, следует сейчас изготовиться, чтоб не застали врасплох поганные».

Тогда начал князь великий Дмитрий Иванович с братом своим, князем Владимиром Андреевичем, и с литовскими князьями Андреем и Дмитрием Ольгердовичами вплоть до шестого часа полки расставлять. Некий воевода пришел с литовскими князьями, именем Дмитрий Боброк, родом из Волынской земли, который знатным был полководцем, хорошо он расставил полки, как и где кому подобает стоять.

Князь же великий, взяв с собою брата своего, князя Владимира, и литовских князей, и всех князей русских, и воевод и взъехав на высокое место, увидел образа святых, шитые на христианских знаменах, будто какие светильники солнечные, светящиеся в лучах солнечных; и стяги их золоченые шумят, расстилаясь как облаки, тихо трепеща, словно хотят промолвить; богатыри же русские стоят, и их хоругви, точно живые, колышутся, доспехи же русских сынов будто вода, что при ветре струится, шлемы золоченые на головах их, словно заря утренняя в ясную погоду, светятся, яловцы же шлемов их, как пламя огненное, колышутся.

Горестно же видеть и жалостно зреть на подобное русских собрание и устроение их, ибо все единодушны, один за другого, друг за друга хотят умереть, и все единогласно говорят: «Боже, с высот взгляни на нас и даруй православному князю нашему, как Константи-

ну, победу, брось под ноги ему врагов-амалкидян, как некогда кроткому Давиду». Всеми этому дивились литовские князья, говоря себе: «Не было ни до нас, ни при нас и после нас не будет такого войска устроенного. Подобно оно Александра, царя македонского, войску, мужеством подобны Гедеоновым всадникам, ибо господь своей силой вооружил их!»

Князь же великий, увидев свои полки достойно устроенными, сошел с коня своего и пал на колени свои прямо перед большого полка черным знаменем, на котором вышел образ владыки господа нашего Иисуса Христа, и из глубины души стал взывать громогласно: «О владыка-вседержитель! Взгляни проницательным оком на этих людей, что твоею десницею созданы и твоею кровью искуплены от служения дьяволу. Воими, господи, гласу молитв наших, обрати лицо на нечестивых, которые творят зло рабам твоим. И ныне, господи Иисусе Христе, молюсь и поклоняюсь образу твоему святому, и пречистой твоей матери, и всем святым, угодившим тебе, и крепкому и необоримому заступнику нашему и молебнику за нас, тебе, русский святитель, новый чудотворец Петр! На милость твою надеясь, дерзаем взывать и славить святое и прекрасное имя твое, и отца и сына и святого духа, ныне и присно и во веки веков! Аминь».

Окончив молитву и сев на коня своего, стал он по полкам ездить с князьями и воеводами и каждому полку говорил: «Братья мои милые, сыны русские, все от мала и до великого! Уже, братья, ночь наступила, и день грозный приблизился — в эту ночь бдите и молитесь, мужайтесь и крепитесь, господь с нами, сильный в битвах. Здесь оставайтесь, братья, на местах своих, без смятения. Каждый из вас пусть теперь изготавится, утром ведь уже невозможно будет приготовиться: ибо гости наши уже приближаются, стоят на реке на Непрядве, у поля Куликова изготавились к бою, и утром нам с ними пить общую чашу, друг другу передаваемую, ее ведь, друзья мои, еще на Руси мы возжелали. Ныне, братья, уповайте на бога живого, мир вам пусть будет с Христом, так как утром не замедлят на нас пойти поганые сыродяды».

Ибо уже ночь наступила светоносного праздника рождества святой богородицы. Осень тогда затянулась и днями светлыми еще радовала, была и в ту ночь теплыми большая и очень тихо, и туманы от росы встали. Ибо

истинно сказал пророк: «Ночь не светла для неверных, а для верных она просветленная».

И сказал Дмитрий Волынец великому князю: «Хочу, государь, в эту ночь примету свою проверить». Когда заря померкла и наступила глубокая ночь, Дмитрий Волынец, взяв с собою великого князя только, выехал на поле Куликово и, став между двумя войсками и поворачиваясь на татарскую сторону, слышал стук громкий, и клики, и вопль, будто торжища сходятся, будто город строится, будто гром великий гремит; с тылу же войска татарского волки воют грозно весьма, по правой стороне войска татарского вороны кличут и гомон птичий, громкий очень, а по левой стороне будто горы шатаются — гром страшный, по реке же Непрядве гуси и лебеди крыльями плещут, небывалую грозу предвещающая. И сказал князь великий Дмитрию Волынцу: «Слышим, брат, — гроза страшная очень». И ответил Волынец: «Призывай, княже, бога на помощь!»

И повернулся он к войску русскому — и была тишина великая. Спросил тогда Волынец: «Видишь ли что-нибудь, княже?» Тот же ответил: «Вижу: много огненных зорь поднимается...» И сказал Волынец: «Радуйся, государь, добрые это знамения, только бога призывай и не оскудевай верою!»

И снова сказал: «И еще у меня есть примета проверить». И сошел с коня, и приник к земле правым ухом на долгое время. Поднявшись, поник и вздохнул тяжело. И спросил князь великий: «Что там, брат Дмитрий?» Тот же молчал и не хотел говорить ему, князь же великий долго понуждал его. Тогда он сказал: «Одна примета тебе на пользу, другая же — к скорби. Услышал я землю, рыдающую двояко: одна сторона, точно какая-то женщина громко рыдает о детях своих на чужом языке, другая же сторона, будто какая-то дева вдруг вскрикнула громко печальным голосом, точно в свирель какую, так что горестно слышать очень. Я ведь до этого много теми приметами битв проверил, оттого теперь и рассчитываю на милость божию — молитвою святых страстотерпцев Бориса и Глеба, родичей ваших, и прочих чудотворцев, русских хранителей, я жду поражения поганых татар. А твоего христолюбивого войска много падет, но, однако, твой верх, твоя слава будет».

Услышав это, князь великий прослезился и сказал: «Господу богу все возможно: всех нас дыхание в его ру-

ках!» И сказал Волепец: «Не следует тебе, государю, этого войску рассказывать, но только каждому воину прикажи богу молиться и святых его угодников призывать на помощь. А рано утром прикажи им сесть на коней своих, каждому воину, и вооружиться крепко и крестом осенить себя: это ведь и есть оружие на противников, которые утром свидятся с нами».

В ту же ночь некий муж, именем Фома Кацибей, разбойник, поставлен был в охранение великим князем на реке на Чурове за мужество его для верной охраны от поганых. Его исправляя, бог удостоил его в ночь эту видеть зрелище дивное. На высоком месте стоя, увидел он облако, с востока идущее, большое весьма, будто какне войска к западу шествуют. С южной же стороны пришли двое юношей, одетые в светлые багряницы, лица их сияли, будто солнца, в обеих руках острые мечи, и сказали предводителям войска: «Кто вам велел истребить отечество наше, которое нам господь даровал?» И начали их рубить и всех порубили, ни один из них не спасся. Тот же Фома с тех пор целомудрен и разумен, уверовал в бога, а о том видении рассказал наутро великому князю одному. Князь же великий сказал ему: «Не говори того, друже, никому», — и, воздев руки к небу, стал плакать, говоря: «Владыко господи человеколюбец! Молитв ради святых мучеников Бориса и Глеба помоги мне, как Моисею на амаликитян, и как старому Ярославу на Святополка, и прадеду моему великому князю Александру на похвалявшегося короля римского, пожелавшего разорить отечество его. Не по грехам же моим воздай мне, но излей на нас милость свою, прости на нас милосердие свое, не дай нас в осмеяние врагам нашим, чтобы не издевались над нами враги наши, не говорили страны неверных: «Где же бог, на которого они так надеялись?» Но помоги, господи, христианам, ими ведь славится имя твое святое!»

И отослал князь великий брата своего, князя Владимира Андреевича, вверх по Дону в дубраву, чтобы там застал полк его, дав ему сведущих людей из своей свиты, удалых витязей, твердых воинов. А еще с ним отправил знаменитого своего воеводу Дмитрия Волепского и других многих.

Когда же настал, месяца сентября в восьмой день, великий праздник рождества святой богородицы, на рассвете в пятницу, когда всходило солнце и туманное

утро было, начали христианские стяги развеваться и трубы боевые во множестве звучать. И вот уже русские кони взбодрились от звука трубного, и каждый воин идет под своим знаменем. И радостно было видеть полки, выстроенные по совету твердого воеводы Дмитрия Боброка Волынца.

Когда же наступил второй час дня, начали звуки труб у обоих войск возноситься, но татарские трубы словно онемели, а русские трубы загремели громче. Полки же еще не видят друг друга, ибо утро было туманное. А в это время, братья, земля стонет страшно, грозу великую предрекая на восток вплоть до моря, а на запад до самого Дуная, и огромное то поле Куликово прогибается, а реки выступали из берегов своих, ибо никогда не было стольких людей на месте том.

Когда же князь великий пересел на лучшего коня, поехал по полкам и говорил в великой печали сердца своего, то слезы потоками текли из очей его: «Отцы и братья мои, господа ради сражайтесь и святых ради церквей и веры ради христианской, ибо эта смерть нам ныне не смерть, но жизнь вечная; и ни о чем, братья, земном не помышляйте, не отступим ведь, и тогда венцами победными увенчает нас Христос-бог и спаситель душ наших».

Укрепив полки, снова вернулся под свое знамя черное, и сошел с коня, и на другого коня сел, и сбросил с себя одежду царскую, и в другую оделся. Прежнего же коня своего отдал Михаилу Андреевичу Бренку и ту одежду на него воздел, ибо любил он его сверх меры, и знамя свое черное повелел оруженосцу своему над Бренком держать. Под тем знаменем и убит был вместо великого князя.

Князь же великий стал на месте своем, и, сняв с груди своей живоносный крест, на котором были изображены страдания Христовы и в котором находился кусочек живоносного древа, восплакал горько, и сказал: «Итак, на тебя надеемся, живоносный господень крест, в том же виде явившийся греческому царю Константину, когда он вышел на бой с нечестивыми, и чудесным твоим видом победил их. Ибо не могут поганные нечестивые половцы твоему образу противостоят; так, господи, и покажи милость свою на рабе твоим!»

В это же время пришел к нему посланный с грамотами от преподобного старца игумена Сергия, а в грамотах написано: «Великому князю, и всем русским князьям,

и всему православному войску — мир и благословение!» Князь же великий, прослушав писание преподобного старца и расцеловав посланца с любовью, тем письмом укрепился, точно какими-нибудь твердыми бронями. А еще дал посланный старец от игумена Сергия хлебец пречистой богородицы, князь же великий принял хлебец святой и простер руки свои, вскричав громогласно: «О великое имя всесвятой троицы, о пресвятая госпожа богородица, помоги нам молитвами той обители и преподобного игумена Сергия; Христе-боже, помилуй и спаси души наши!»

И сел на лучшего своего коня и, взяв копье свое и палицу железную, выехал из рядов, хотел раньше всех сам сразиться с погаными от великой печали души своей, за свою великую обиду, за святые церкви и веру христианскую. Многие же русские богатыри, удержав его, помешали ему сделать это, говоря: «Не следует тебе, великому князю, прежде всех самому в бою биться, тебе следует в стороне стоять и на нас смотреть, а нам нужно биться и мужество свое и храбрость перед тобой показать: если тебя господь спасет милостью своею, то ты будешь знать, кого чем наградить. Мы же готовы все в этот день головы свои положить за тебя, государь, и за святые церкви, и за православное христианство. Ты же должен, великий князь, рабам своим, насколько кто заслужит своей головой, память сотворить, как Леонтий-царь Феодору Тирону, в книги соборные записать наши имена, чтобы помнили русские сыны, которые после нас будут. Если же тебя одного погубим, то от кого нам и ждать, что по нас поминовение устроит? Если все спасемся, а тебя одного оставим, то какой нам успех? И будем как стадо овечье, не имеющее пастыря: влачится оно по пустыне, а набежавшие дикие волки рассеют его, и разбегутся овцы кто куда. Тебе, государь, следует себя спасти, да и нас».

Князь же великий прослезился и сказал: «Братья мои милые, русские сыны, доброй вашей речи я не могу ответить, а только благодарю вас, ибо вы воистину благие рабы божьи. Ведь хорошо вы знаете о мучении Христова страстотерпца Арефы. Когда его мучили и приказал царь вести его перед народом и мечом зарубить, доблестные его друзья, один перед другим торопясь, каждый из них свою голову палачу под меч преклонял вместо Арефы, вождя своего, понимая сла-

ву поступка своего. Арефа же, вождь, сказал воинам своим: «Так знайте, братья мои, у земного царя не я ли больше вас почтен был, земную славу и дары приняв? Так и ныне, к небесному царю, подобает идти мне первым, и главе моей первой отсеченной быть, а поистине — увенчанной». И, подступив, палач отрубил голову его, а потом и воинам его отсек головы. Так же и я, братья. Кто больше меня из русских сынов почтен был и благое беспрестанно принимал от господ? А ныне зло нашло на меня, неужели не смогу я претерпеть: ведь из-за меня одного это все и воздвиглось. Не могу видеть вас, побеждаемых, и все, что последует, не смогу перенести, потому и хочу с вами ту же общую чашу испить и тою же смертью погибнуть за святую веру христианскую! Если умру — с вами, если спасусь — с вами!»

И вот уже, братья, в то время полки ведут: передовой полк ведет князь Дмитрий Всеволодович да брат его, князь Владимир Всеволодович, а с правой руки полк ведет Микула Васильевич с коломенцами, а с левой руки полк ведет Тимофей Волуевич с костромичами. Многие же полки поганных бредут со всех сторон: от множества войска нет им места, где сойтись. Безбожный же царь Мамай, выехав на высокое место с тремя князьями, следит за людским кровопролитием.

Уже близко друг к другу подходят сильные полки, и тогда выехал злой печенег из большого войска татарского, перед всеми доблестью похваляясь, видом подобен древнему Голиафу: пяти сажень высота его и трех сажень ширина его. И увидел его Александр Пересвет, монах, который был в полку Владимира Всеволодовича, и, выступив из рядов, сказал: «Этот человек ищет подобного себе, я хочу с ним переведаться!» И был на голове его шлем архангельского чина, вооружен же он схимою по велению игумена Сергия. И сказал: «Отцы и братья, простите меня, грешного! Брат мой, Андрей Ослябя, моли бога за меня! Чаду моему Якову — мир и благословение!» — бросился на печенега и добавил: «Игумен Сергий, помоги мне молитвою!» Печенег же устремился навстречу ему, и христиане все воскликнули: «Боже, помоги рабу своему!» И ударились крепко копьями, едва земля не проломила под ними, и свалились оба с коней на землю и скончались.

Когда же настал третий час дня, увидевши то, князь великий произнес: «Вот уже гости наши приблизились и передают друг другу круговую чашу, первые уже испили ее, и возвеселились, и уснули, ибо уже время пришло и час настал храбрость свою каждому показать». И стегнул каждый воин своего коня, и воскликнули все единогласно: «С нами бог!» — и еще: «Боже христианский, помоги нам!» А поганые татары своих богов стали призывать.

И сошлись грозно обе силы великие, твердо сражаясь, жестоко друг друга уничтожая, не только от оружия, но и от ужасной тесноты под конскими копытами испускали дух, ибо невозможно было втиснуться всем на том поле Куликове: было поле то тесное между Доном и Мечею. На том ведь поле сильные войска сошлись, из них выступали кровавые зори, а в них трепетали сверкающие молнии от блеска мечей. И был треск и гром великий от преломленных копий и от ударов мечей, так что нельзя было в этот горестный час никак обозреть то свирепое побоище. Ибо в один только час, в мановение ока, сколько тысяч погибло душ человеческих, созданий божьих! Воля господня свершается: час, и третий, и четвертый, и пятый, и шестой крепко бьются, не слабея, христиане с погаными половцами.

Когда же настал седьмой час дня, по божьему попущению и за наши грехи начали поганые одолевать. Вот уже из знатных мужей многие перебиты, богатыри же русские, и воеводы, и удалые люди, будто деревья дубравные, клонятся к земле под конские копыта: многие сыны русские сокрушены. И самого великого князя ранили сильно, и с коня его сбросили, он с трудом выбрался с поля, ибо не мог уже биться, и укрылся в чаще и божьею силою сохранен был. Много раз стяги великого князя подсекали, но не истребили их божьею милостью, они еще больше утвердились.

Это мы слышали от верного очевидца, который находился в полку Владимира Андреевича; он поведал великому князю, говоря: «В шестой час этого дня видел я, как над вами разверзлось небо, из которого вышло облако, будто багряная заря над войском великого князя, скользя низко. Облако же то было наполнено руками человеческими, и те руки распростерлись над великим полком как бы проповеднически или пророчески. В седьмой час дня облако то много венцов

держало и опустило их на войско, на головы христиан».

Поганые же стали одолевать, а христианские полки поредели — уже мало христиан, а все поганые. Увидев же такую гибель русских сынов, князь Владимир Андреевич не смог сдержаться и сказал Дмитрию Волынец: «Так какая же польза в стоянии нашем? какой успех у нас будет? кому нам пособлять? Уже наши князья и бояре, все русские сыны жестоко погибают от поганых, будто трава клонится!» И ответил Дмитрий: «Беда, княже, велика, но еще не пришел наш час: начинающий раньше времени вред себе принесет; ибо колосья пшеничные подавляются, а сорняки растут и буйствуют над благорожденными. Так что немного потерпим до времени удобного и в тот час воздадим по заслугам противникам нашим. Ныне только повели каждому воину богу молиться прилежно и призывать святых на помощь, и с этих пор снизойдет благодать божья и помощь христианам». И князь Владимир Андреевич, воздев руки к небу, прослезился горько и сказал: «Боже, отец наш, сотворивший небо и землю, помоги народу христианскому! Не допусти, господи, радоваться врагам нашим над нами, мало накажи и много помилуй, ибо милосердие твое бесконечно!» Сыны же русские в его полку горько плакали, видя друзей своих, поражаемых погаными, непрестанно порывались в бой, словно званные на свадьбу сладкого вина испить. Но Волынец запретил им это, говоря: «Подождите немного, буйные сыны русские, наступит ваше время, когда вы утешитесь, ибо есть вам с кем повеселиться!»

И вот наступил восьмой час дня, когда ветер южный потянул из-за спины нам, и воскликнул Волынец голосом громким: «Княже Владимир, наше время настало и час удобный пришел!» И прибавил: «Братья мои, друзья, смелее: сила святого духа помогает нам!»

Соратники же, друзья выскочили из дубравы зеленой, словно соколы испытанные сорвались с золотых колодок, бросились на бескрайние стада откормленные, на ту великую силу татарскую; а стяги их направлены твердым воеводою Дмитрием Волынцем; и были они, словно Давидовы отроки, у которых сердца будто львиные, точно лютые волки на овечьи стада напали и стали поганых татар сечь немилосердно.

Поганые же половцы увидели свою гибель, закричали на своем языке, говоря: «Увы нам, Русь снова переселась: младшие с нами бились, а лучшие все сохранились!» И повернули поганые, и показали спины, и побежали. Сыны же русские, силою святого духа и помощью святых мучеников Бориса и Глеба, разгоняя, посекали их, точно лес вырубали — будто трава под косой ложится за русскими сынами под конские копыта. Поганые же на бегу кричали, говоря: «Увы нам, чтимый нами царь Мамай! Вознесся ты высоко — и в ад сошел ты!» И многие раненые наши, и те помогали, посекая поганых без милости: один русский сто поганых гонит.

Безбожный же царь Мамай, увидев свою гибель, стал призывать богов своих: Перуна и Салавата, Ираклия и Хорса и великого своего пособника Магомета. И не было ему помощи от них, ибо сила святого духа, точно огонь, пожигает их.

И Мамай, увидев новых воинов, что, будто лютые звери, скакали и разрывали врагов, как овечье стадо, сказал своим: «Бежим, ибо ничего доброго нам не дожидаться, так хотя бы головы свои унесем!» И тотчас побежал поганый Мамай с четырьмя мужами в излучину моря, скрежеща зубами своими, плача горько, говоря: «Уже нам, братья, в земле своей не бывать, а жен своих не ласкать, а детей своих не видеть, ласкать нам сырую землю, целовать нам зеленую мураву, и с дружиной своей уже нам не видаться, ни с князьями, ни с боярами!»

И многие погнались за ними и не догнали, потому что кони их утомились, а у Мамаи свежие кони его, и ушел он от погони.

И это все случилось милостью бога всемогущего и пречистой матери божьей и молением и помощью святых страстотерпцев Бориса и Глеба, которых видел Фома Кацибей-разбойник, когда в охранение стоял, как уже написано выше. Некоторые же гнались за татарами и, всех добив, возвращались, каждый под свое знамя.

Князь же Владимир Андреевич стал на поле боя под черным знаменем. Страшно, братья, зреть тогда, и жалостно видеть, и горько взглянуть, как лилась кровь человеческая, будто морская вода, а трупы человеческие лежали как сенные стога: быстрый конь не может скакать, и в крови по колено брели, а реки три дня кровью текли.

Князь же Владимир Андреевич не нашел брата своего, великого князя, на поле, но только литовских князей Ольгердовичей, и приказал трубить в сборные трубы. Подождал час и не нашел великого князя, начал плакать и кричать, и по полкам ездить сам стал, и не сыскал, и говорил всем: «Братья мои, русские сыны, кто видел или кто слышал пастыря нашего и начальника?» И добавил: «Если пастух погиб — и овцы разбегутся. Для кого эта честь будет, кто победителем сейчас предстанет?»

И сказали литовские князья: «Мы думаем, что жив он, но ранен тяжело; что, если среди мертвых трупов лежит?» Другой же воин сказал: «Я видел его в седьмом часу твердо бьющимся с погаными палицею своею». Еще один сказал: «Я видел его позже того: четыре татарина напали на него, он же твердо бился с ними». Некий князь, именем Стефан Новосильский, тот сказал: «Я видел его перед самым твоим приходом, пешим шел он с побоища, израненный весь. Оттого не мог я ему помочь, что преследовали меня три татарина и милостью божьей едва от них спасся, а много зла от них принял и очень измучился».

Князь же Владимир сказал: «Братья и други, русские сыны, если кто в живых брата моего сыщет, тот воистину первым будет среди нас!» И рассыпались все по великому, могучему и грозному полю боя, ищущи победе победителя. И некоторые набрали на убитого Михаила Андреевича Бренка: лежит в одежде и в шлеме, что ему дал князь великий; другие же набрали на убитого князя Федора Семеновича Белозерского, сочтя его за великого князя, потому что похож был на него.

Два же каких-то воина отклонились на правую сторону в дубраву, один именем Федор Сабур, а другой Григорий Холопищев, оба родом костромичи. Чуть отошли от места битвы — и набрали на великого князя, избитого и израненного всего и утомленного, лежал он в тени срубленного дерева березового. И увидели его и, слезши с коней, поклонились ему, Сабур же тотчас вернулся поведать о том князю Владимиру и сказал: «Князь великий Дмитрий Иванович жив и царствует вовеки!»

Все князья и воеводы, прослышав об этом, быстро устремились и пали в ноги ему, говоря: «Радуйся, князь наш, подобный прежнему Ярославу, новый Александр,

- победитель врагов: победы этой честь тебе принадлежит!» Князь же великий едва проговорил: «Что там, — поведайте мне». И сказал князь Владимир: «Милосты божьей и пречистой его матери, помощью и молитвам сродников наших святых мучеников, Бориса и Глеба и молитвами русского святителя Петра, и пособник нашего и вдохновителя игумена Сергия, — тех все молитвами враги наши побеждены, мы же спаслись»
- Князь великий, слыша это, встал и сказал: «Сей день сотворил господь, возрадуемся и возвеселимся, люди! И еще сказал: «В сей день господень веселитесь, люди! Велик ты, господи, и дивны дела твои все: вечером вселится плач, а наутро — радость!» И добавил: «Благодарю тебя, господи боже мой, и почитаю им твое святое за то, что не отдал нас врагам нашим: не дал похвалиться тем, кто замыслил на меня злое: так суди их, господи, по делам их, я же, господи, надеюсь на тебя!»
- И привели ему коня, и, сев на коня и выехав на великое страшное и грозное место битвы, увидел войска своего убитых очень много, а поганных татар вчетверо больше того убитых, и, обратясь к Волинцу, сказал: «Воистину, Дмитрий, не лжива примета твоя, подобает тебе всегда воеводою быть».
- И поехал с братом своим и с оставшимися князьями воеводами по месту битвы, восклицая от боли сердца своего и слезами обливаясь, и так сказал: «Братья: русские сыны, князья, и бояре, и воеводы, и слуги боярские! Судил вам господь бог такую смертью умереть: Положили вы головы свои за святые церкви и за православное христианство». И немного погодя подъехал к месту, на котором лежали убитые вместе князья белозерские: настолько твердо бились, что один за другого погибли. Тут же поблизости лежал убитый Михаил Васильевич; став же над ними, любезными воеводами, князь великий начал плакать и говорит: «Братья мои, князья, сыны русские, если имеете смелость пред богом, помолитесь за нас, чтобы вместе с вами нам у господа бога быть, — ибо знаю, что послышает вас бог!»
- И дальше поехал, и нашел своего наперсника Михаила Андреевича Бренка, а около него лежит стойкий стражник Семен Мелик, поблизости от них Тимофей Волеуев убитый. Став же над ними, князь великий прослезился и сказал: «Брат мой возлюбленный, из-за меня уби-

ты. Какой же раб так может господину служить, как этот, ради меня сам на смерть добровольно пошедший! Воистину древнему Авису подобен, который был в войске Дария Персидского и так же, как ты, поступил». Так как лежал тут и Мелик, сказал князь над ним: «Стойкий мой страж, крепко охраняем был я твоею стражею». Приехал и на другое место, увидел Пересвета-монаха, а перед ним лежит поганый печенег, злой татарин, будто гора, и тут же вблизи лежит знаменитый богатырь Григорий Капустин. Повернулся князь великий к своим и сказал: «Видите, братья, зачинателя битвы, ибо этот Александр Пересвет, пособник наш, благословенный игуменом Сергием, победил великого, сильного, злого татарина, от которого испили бы многие люди смертную чашу».

И отъехав на новое место, повелел он трубить в сборные трубы, созывать людей. Храбрые же витязи, достаточно испытав оружие свое на поганых татарах, со всех сторон бредут на трубный звук. Шли весело, ликуя, песни пели: те пели богородичные, другие — мученические, иные же — псалмы — все христианские песни. Каждый воин идет, радуясь, на звук трубы.

Когда же собрались все люди, князь великий стал среди них, плача и радуясь: об убитых плачет, а о здоровых радуется. Говорил же: «Братья мои, князья русские, и бояре поместные, и служилые люди всей земли! Подобаает вам так служить, а мне — по достоинству восхвалить вас. Если же сбережет меня господь и буду на своем престоле, на великом княжении в граде Москве, тогда по достоинству одарю вас. Теперь же вот что сделаем: каждый ближнего своего похороним, чтобы не попали зверям на съедение тела христианские».

Стоял князь великий за Доном на поле боя восемь дней, пока не отделили христиан от нечестивых. Тела христиан в землю погребли, нечестивых тела брошены были зверям и птицам на растерзание.

И сказал князь великий Дмитрий Иванович: «Сосчитайте, братья, скольких воевод нет, скольких служилых людей». Говорит боярин московский, именем Михаил Александрович, а был он в полку у Микулы у Васильевича, счетчик был гораздый: «Нет у нас, государь, сорока бояр московских, да двенадцати князей белозерских, да тринадцати бояр — посадников новгородских, да пятидесяти бояр Новгорода Нижнего, да со-

рока бояр серпуховских, да двадцати бояр переяславских, да двадцати пяти бояр костромских, да тридцати пяти бояр владимирских, да пятидесяти бояр суздальских, да сорока бояр муромских, да тридцати трех бояр ростовских, да двадцати бояр дмитровских, да семидесяти бояр Можайских, да шестидесяти бояр Звенигородских, да пятнадцати бояр Угличских, да двадцати бояр Галичских, а младшим дружинникам и счета нет; но только знаем: погубило у нас дружины всей двести пятьдесят тысяч и три тысячи, а осталось у нас дружины пятьдесят тысяч».

И сказал князь великий: «Слава тебе, высший творец, царь небесный, милостивый Спас, что помиловал нас, грешных, не отдал в руки врагов наших, поганых сыроедцев. А вам, братья, князья, и бояре, и воеводы, и младшая дружина, русские сыны, суждено место между Доном и Непрядвой, на поле Куликове, на речке Непрядве. Положили вы головы свои за землю Русскую, за веру христианскую. Простите меня, братья, и благословите в сей жизни и в будущей!» И плакал долгое время, и сказал князьям и воеводам своим: «Поедем, братья, в свою землю Залесскую, к славному граду Москве, вернемся в свои вотчины и дедины: чести мы себе добыли и славного имени!»

Поганый же Мамай тогда побегал с побоища, и достиг города Кафы, и, утаив свое имя, вернулся в свою землю, но не мог стерпеть, видя себя побежденным, посрамленным и поруганным. И снова гневался, сильно ярясь, и еще зло замышляя на Русскую землю, словно лев рыкая и будто неутолимая ехидна. И собрав оставшиеся силы свои, снова хотел изгоном идти на Русскую землю. И когда он так замыслил, внезапно пришла к нему весть, что царь по имени Тохтамыш с востока, из самой Синей Орды, идет на него. И Мамай, который изготовил войско для похода на Русскую землю, с тем войском пошел против царя Тохтамыша. И встретились на Калке, и был между ними бой большой. И царь Тохтамыш, победив царя Мамай, прогнал его, Мамаевы же князья, и союзники, и есаулы, и бояре били челом Тохтамышу, и принял тот их, и захватил Орду, и сел на царстве. Мамай же убежал снова в Кафу один; утаив свое имя, скрывался здесь, и опознан был каким-то купцом, и тут убил он был фрягами; и так зло потерял жизнь свою. Об этом же кончим здесь.

Ольгерд же Литовский, прослышав, что князь великий Дмитрий Иванович победил Мамая, возвратился вос-
вояси со стыдом великим. Олег же Рязанский, узнав,
что хочет князь великий послать на него войско, испу-
гался и убежал из своей вотчины с княгинею и с боя-
рами; рязанцы же били челом великому князю, и князь
великий посадил в Рязани своих наместников.

ПОВЕСТЬ О НАШЕСТВИИ ТОХТАМЫША

Древнерусский текст

О ПЛѢНЕНИИ И О ПРИХОЖЕНИИ ТАХТАМЫША ЦАРЯ,
И О МОСКОВСКОМЪ ВЗЯТЫИ

Бысть нѣкое проявление по многы пощи: являшеся таково знамение на небеси на вѣстоцѣ пред раннею зарею — звѣзда нѣкаа, аки хвостата и аки копейнымъ образомъ, овогда в вечерней зарѣ, овогда же въ утресней; то же многажды бываше. Се же знамение проявляше злое пришествие Тахтамышево на Рускую землю и горкое поганых татаръ нахождение на христианы, яко же и бысть гнѣвомъ божиимъ за умножение грѣхов наших. Бысть въ третие лѣто царства Тахтамышева, царствующу ему въ Ордѣ и в Саран. И того лѣта царь Тахтамыш посла слуги своя в град, нарицаемый Бѣлгары, еже есть на Волзѣ, и повелѣ торговци рускии и гости христѣанскыя грабити, а суды их и с товаромъ отимати и провадити к собѣ на перевоз. А самъ потщася съ яростию, събрав вой многы, и подвижеся к Волзѣ, съ всею силою своею перевезеся на сию страну Волги, съ всѣми своими князьми, з безбожными вои, с татарскими плѣки, и поиде изгономъ на великого князя Дмитриа Ивановича и на всю Русь. Ведяше же рать внезапно из невѣсти умѣнемъ тацѣмъ злохитриемъ — не даюши вѣсти преди себе, да не услышано будет на Руси устремление его.

И то слышав, князь Дмитрий Костянтинович Суждалский посла к царю Тахтамышу два сына своя, Василья да Семена. Они же, пришедше, не обрѣтоша его, бѣаше бо грядя борзо на христианѣ, и гнаша вслѣд его нѣколько днии, и переяша дорогу его на мѣстѣ, нарицаемѣмъ Сернацѣ, и пондоша по дорожѣ его съ тшаниемъ, и постигоша его близ предѣлѣ Рязанскыя земля. А князь Олегъ Рязанский срѣте царя Тахтамыша прежде даже не вниде в землю Рязанскую, и бивъ ему челомъ, и бысть ему помощникъ на побѣду Руси, но и споспѣшникъ на пакость христианомъ. И ина нѣкаа слова изнесе о томъ, како плѣнити землю Рускую, како бес труда взяти камень град *Москву*, како побѣдити и издобыти князя Дмитрия. Еще же к тому обведе царя около всей своей отчинѣ, Рязанские земли, хотяше бо добра не намъ, но своему княжению помагаше.

А в то время поздѣ нѣкако си, едва прииде вѣсть князю великому, възвѣщающу татарскую рать, аще бо и не хотяше Тахтамышъ, дабы кто принеслъ вѣсть на Русь о его приходѣ, того бо ради вси гости руские поимани быша и пограблени, и удержани, дабы не было вѣсти Руси. Но обаче суть нѣщии доброхоты на предѣлахъ ордынскихъ на то устроени, поборники суще земли Русѣи.

Слышав же князь великий таковую вѣсть, оже идеть на него самъ царь въ множество силы своея, нача собирать вой и съвокупляти плѣки своя, и выеха из града *Москвы*, хотя ити противу татарѣ. И ту начаша думу думати князь же Дмитрий с прочими князьми рускими, и с воеводами, и с думци, и с велможи, с бояры старѣйшими, и всячьскы гадавше. И обрѣтесе въ князех розность, и не хотѣху пособляти друг другу, и не изволиша помагати брат брату, не помянуша Давидова пророка, глаголюща: «Се коль добро и коль красно, еже жити братни вкупѣ», и другому, присно помнимому, рекшу: «Друг *другу* посабляя и брат брату помагаа, яко град твердѣ», бывшу же промежи ими не единачеству по неимовѣрству. И то познав, и разумѣвъ, и *разсмотрѣвъ*, благовѣрный бысть в недоумѣнии и в размышлении велицѣ, и убояся стати в лице противу самого царя. И не ста на бой противу его, и не подъя руки на царя, но поеха в град свой в Переяславль, и оттуду — мимо Ростова, и, паки реку, вборзѣ на Кострому. А Киприанъ митрополит приеха на *Москву*.

А на Москвѣ бысть замѣтна велика и мятеж великъ зѣло. Бяху людие смущени, яко овца, не имуще пастуха, гражданстии народи възмѣтошася и възколибашася яко и пѣани. Овии сѣдѣти хотяху, затворившеся въ градѣ, а друзии бѣжати помышляша. И бывши промежи ими распри велицѣ: овии с рухлядыю въ град вмѣсахуся, а друзии из града бѣжаху, ограблени суще. И створиша вѣче, позвониша въ вся колоколы. И всташа вѣчемъ народи мятежници, недобрини челоувѣцы, людие крамолници: хотящих изити из града не токмо не пушаху вонъ из града, но и грабяху, ни самого митрополита не постыдѣшася, ни боярь лучших не усрамишася, ни усрамишася сѣдинъ старецъ многолѣтних. Но на вся огрозишася, ставше на всѣх вратех градскихъ, сверху каменiemъ шибаху, а долѣ на земли с рогатинами, и с сулицами, и съ обнаженнымъ оружіемъ стояху, и не дадуше вылѣсти из града, и едва умолени быша поздѣ нѣкогда выпустиша их из града, и то ограбивше.

Граду же единаче в мятежи смущающуся, аки морю мутящуся в бури велицѣ, и ниоткуда же утѣшенна обрѣтающе, но паче болших и пущих золь ожидаху. Сим же тако бывающимъ, и потом приеха к нимъ въ град нѣкоторый князь литовскый, именемъ Остѣй, внукъ Олгердов. И тѣй окрѣпивъ народы, и мятеж градный укротивъ, и затворися с ними в градѣ въ осаду съ множествомъ народа, с тѣми, елико осталось граждан, и елико бѣжанъ збѣжалося с волостей, и елико от нѣх градов и от странъ. Приключишася в то время бояре, сурожане, сукопники и прочии купци, архимандрити и игуменни, протопопы, прозвиреры, дьяконы, чернѣцы, и всякъ възрастъ — мужескъ пол и женескъ, и съ младенци.

Князь же Олегъ обведъ царя около своей земли и указа ему вся броды, сущаа на рѣцѣ на Оцѣ. Царь же перешедъ рѣку Оку и прежде всѣх взя град Серпохов и огнемъ пожже. И оттуду поиде к Москвѣ, напрасно устремився, духа ратнаго наполнился, волости и села жгуще и воююще, а народ христианскый сѣкуще и всячески убивающе, а инии люди в полон емлюще. И прииде ратью к граду Москвѣ. А сила татарская прииде мѣсяца августа 23 в понедельник. И приехавши не вси плѣци к граду, начаша *кличюще* въпрашивати, въпьюще и глаголюще: «Есть ли зде князь Дмитрій?» Они же из града с заборолъ отвѣщавше, рекоша: «Нѣтъ». Татарове же, отступивше педалече, и поехаша около

града, обзирающе и разсматривающе приступы и рвы, и врата, и забралы, и стрѣлници. И паки стояху, зряще на град.

А тогда в градѣ внутрѣду добрии людие моляхуся богу день и ношь, предстояще посту и молитвѣ, ожидающе смерти, готовляхуся с покаяньемъ, и с причастиемъ, и слезами. Нѣции же недобрии челоувѣци начаша обходить по дворомъ, износяще ис погребов меды господьскыя и съсуды сребреныя, и стѣкланницы драгыя, и упивахуся даже и до пиана, и к шатанию дерзость прилагаху, глаголюще: «Не уstraшаемся нахоженна поганых татаръ, селикъ твердъ град имущи, еже суть стѣны камены и врата желѣзна. Не терпят бо ти долго стояти под градом нашимъ, сугубъ страх имуще, изнутрь града — бойци, а извнѣ — князей нашихъ съвокупляемыхъ устремления боятся». И паки възлазяще на град, пиани суще шатахуся, ругающеся татаромъ, образомъ бестуднымъ досажаяще, и нѣкаа словеса износяще, испльнь укоризны, и хулы, и кидаху на ня, мняху бо толкно то и есть силы татарскыя. Татарове же прямо к нимъ на градъ голема сабли машуще, образомъ акы тинаху, напивающе издалуче.

И в той день к вечеру ти полци от града отступиша, и на утриа самъ царь приступи съ всею силою и съ всеми полки своими под град. Граждане же з града узрѣвъше силу велику и убояшася зѣло. Татарове же такъ и поидоша к граду. Граждане же пустишя на ня по стрѣлѣ, и они паче стрѣляше, и идяху стрѣлы их на град акы дождева тучя умножена зѣло, не дадущи ни прозрѣти. И мнози на градѣ стояще и на забралех от стрѣлѣ падаху, одоляху бо татарскыя стрѣлы паче, нежели гражданскыя, бяху бо у них стрѣлци горазди вельми. Ови от них стояще стрѣляху, а друзии скоро рещуще изучени суще, инни на конѣ борзо гоняще на обѣруцѣ, и паки и напред и назадъ скорополучно без прогрьхы стрѣляху. А друзии от них, створше лѣствици и присланяюще я, лазяху на стѣны. Граждане же воду в котлех варяще кипятию и ляху на ня, и тако възбраняхуть им. Отшедшимъ же симъ, и паки приступльшимъ. И тако по три дни бяхуся промеж собою пренемагающеся. Егда бо татарове приступаху к граду, близ приступающе к стѣнамъ градскимъ, тогда граждане, стрегущи града, супротивишася имъ възбраняюще: ови стрѣлами стрѣляху съ заборол, ови же каменiemъ шибаху на ня, друзии же тюфяки пушаху на них, а

инни самострѣлы, напязающе, пругаху и пороки. Есть же пѣцни, сгда и самыа ты пушки пушаху. В них же бѣ единый пѣкто гражданшѣ москвитин, суконникъ, именемъ Адамъ, иже бѣ над враты Фроловскими примѣтив и назпаменава единого татарина нарочита и славна, иже бѣ сынъ нѣкоего князя ордынского, напругъ стрѣлу самострѣльную, юже испусти напрасно, ею же и уиже и в сердце гнѣвливое, вѣскорѣ и смерть ему нанесе. Се же бысть велика язва вѣсѣмъ татаромъ, яко и самому царю стужити о семъ. Сим же тако бывающимъ, царь стояв у града 3 дни, а на 4 день оболга князя Остѣя лживыми рѣчми и лживымъ миромъ, и вызва его воиъ из града, и уби его пред враты града, а ратемъ своимъ вѣсѣмъ повелѣ оступити град съ вси стороны.

Какова же бысть облестъ Остѣю и вѣсѣмъ гражаномъ, сущимъ въ осаду? И понеже царю стоявшу 3 дни, а на 4 и наутриа, в полюбѣда, по повелѣнню цареву приѣхаша татарове нарочити, болшии князи ордынские и рядци его, с ними же два князя суждалские, Василей да Семень, сынове князя Дмитриа Суждальского. И пришедше под град, приближившеся близ стѣнъ градскихъ по опасу, и начаша глаголати к народу, сущему в градѣ: «Царь вас, своихъ люди, хочетъ жаловати, понеже неповинни есте, и нѣсте достойни смерти, не на васъ бо воюя прииде, но на Дмитриа, ратую, оплѣчися. Вы же достойни бысте милованна. Иного же ни что же не требуетъ отъ васъ, развѣе токмо *изыдете* противу его въ срѣтение ему с честию и з дары, купно и с своимъ княземъ, хочетъ бо видѣти градъ сѣй и в оны внити, и в немъ побывать, а вамъ даруетъ миръ и любовь свою, а вы ему врата градныя отворите». Также и князи Нижняго Новаграда глаголаху: «Имѣте вѣры намъ, мы есмы ваши князи христіанские, вамъ на томъ правду даемъ». Народи же гражанстии вѣрующа словесемъ ихъ, си помыслиша и прелестишася, ослѣпи бо ихъ злоба татарская и омрачи я прелесть бесерменская; ни познаша, ни помянуша глаголющаго: «Не всякому духу вѣру имѣте». И отвориша врата градная, и выйдоша съ своимъ княземъ и с дары многими к царю, также и архимандритове, игумени и попове съ кресты, по нихъ бояре и лучшии мужи и потомъ народъ и черныи люди.

И в томъ часѣ начаша татарове сѣчи ихъ по ряду напрасно. Преже вѣсѣхъ ихъ убиенъ бысть князь Остѣй пред градомъ, и потомъ начаша сѣчи поповъ и игуменовъ, аще и

в ризах съ кресты, и черных люди. И ту бяше видѣти свята иконы повержены и на земли лежаща, и кресты честныа без чести небрегомы, ногами топчемы, обоиманы же и одраны. Татарове же поидоша пакы в град съкуше, а иные по лѣствицамъ на град взидоша, никому же възбраняющу съ забрал, не сущу забралнику на стѣнах, и не сущу избавляющу, ниже спасающу. И бысть внутрь града съча велика, а внѣуду такоже. Толико же съчаху, дондеже руцѣ их и плеща их измолкошя, и сила их изнеможе, сабли их не имут — остріа их притупишася. Людие *християньстии*, сущии тогда в градѣ, бѣгающе по улицамъ съмо и овамо, скоро ришуще толпами, въпиюще и глаголюще, и в перси своя бьюще. Нѣгде избавления обрѣсти, и нѣгде смерти избыти, и нѣсть где остріа меча укрытися! Оскудѣ князь и воевода, и все воинство их потребися, и оружиа их до конца изчезоша! Ови в церквахъ съборныхъ каменныхъ затворишася, но и тамо не избыша, безбожнии бо силою разбиша двери церковныа и сих мечи изсъкошя. Вездѣ же крикъ и вопль великъ страшень бываше, яко не слышати друг друга въпиюще, множествомъ народа кричаща. Они же, христиан изводяще изъ церкви, лупяще и обнажающе, съчаху, и церкви съборныа разграбиша, и олтаря свята мѣста попраша, и кресты честныа и иконы чюдныа одраша, украшенныа златомъ и серебромъ и женчюгомъ и бисеромъ, и каменiemъ драгымъ; и пелены, златомъ шитыа и женчюгомъ саженыа, оборвашя, и съ святыхъ иконъ кузнь съдравше, а свята иконы попраша, и съсуды церковныа служебныа священныа, златокванныа и серебряныа, многоцѣнныа, поимашя, и ризы поповскыа многоцѣнныа расхитиша. Книгъ же много множество спесено съ всего града и из селъ в соборныхъ церквахъ до стропа наметано, спроважено съхранення ради — то все без вѣсти сътвориша. Что же изърцѣмъ о казнѣ великаго князя, яко и тоя многоскоровеное скровище скоро истощися, и велехранное богатство и богатотворное имѣние быстрообразно разнесено бысть.

Приндемъ в сказание и прочихъ и многихъ бояръ старѣйшихъ: ихъ же казны долговременствомъ собираемы и благоденствомъ наплѣняемы, и хранилища ихъ исплънь богатства и имѣния многоцѣннаго и неизчетнаго — то все взяша и понесоша. И пакы другыа сущии в градѣ купци, яже суть богатии людие, храмины ихъ наполнены всякого добра, и клѣти ихъ напесены всякого

товара разноличнаго — то все взяша и расхитиша. Многы монастыри и многы церкви разрушиша, въ святыхъ церквахъ убийство сдѣяша, и въ священныхъ олтарехъ кровопролитие створиша окаянии, и святаа мѣста погании оскверниша. Яко же пророкъ глаголаше: «Боже, приидоша языци в достоинство твое и оскверниша церковь святую твою, положиша Иерусалима яко овощное хранилище, положиша трупна раба твоихъ — брашно птицамъ небеснымъ, плоти преподобныхъ твоихъ — звѣремъ земнымъ, пролиаша кровь ихъ, яко воду», окрестъ Москвы, не бѣ погрѣбаяи, и девицы ихъ не осытованы быша, и вдовица ихъ не оплаканы быша, и священницы ихъ оружиемъ падоша. Была бо тогда съча зла зѣло, и много безчисленное множество ту паде трупна руси, от татаръ избиеныхъ, многихъ мертвыхъ лежаху телеса, мужи и жены не покровены. И ту убиен бысть Семень, архимандритъ спасьскый, и другый архимандритъ Иаковъ, и ннии мнози игумени, попове, дьякони, крилошане, четци, пѣвци, чернцы и простци, от юнаго и до старца, мужска полу и женска, — ти вси посѣчени быша, а друзии огнемъ изгорѣша, а ннии в водѣ истопоша, а ннии множайшии отъ нихъ в полон поведени быша и в работу поганскую, и въ страну татарскую пленени быша.

И бѣаше видѣти тогда в градѣ плачъ и рыдание, и вопль многъ, слезы неисчетныя, крикъ неутолимый, стонанье многое, оханье *сытованное*, печаль горкая, скорбь неутѣшимая, бѣда нестерпимая, пужа ужасная, горестъ смертная, страхъ, трепетъ, ужасъ, дряхлованье, исчезновение, поправление, безчестие, поруганье, посмѣяние враговъ, укоръ, студъ, срамота, поношенье, уничиженье.

Си вся приключишася на христіанскомъ родѣ отъ поганыхъ за грѣхы наша. И тако вскорѣ злии взяша градъ Москву месяца августа въ 26 на память святаго мученика Андреана и Натальи въ 7 часъ дни в четвергъ по обѣдѣ. Товаръ же и всяческаа имѣнія пограбиша, и градъ огнемъ зажгоша — градъ убо огню предаша, а людii — мечю. А бысть оттолѣ огонь, а отселѣ мечъ: овии, огня бѣжаша, мечемъ умроша, а друзии — меча бѣжаше, въ огни сгорѣша. И бысть имъ четверообразная пагуба: прѣвое — от меча, второе — от огня, третье — в водѣ потопоша, четвертое — въ пленение поведени быша.

И бѣаше дотолѣ, преже видѣти, была Москва градъ великъ, градъ чуденъ, градъ многочеловѣченъ, в немъ же множество людii, в немъ же множество господства, в немъ

же множество всякого узорочья. И паки въ единомъ часѣ измѣнися видѣние его, егда взят бысть, и посѣченъ, и пожженъ. И видѣти его нѣчего, развѣ токмо земля, и персть, и прах, и пепел, и трупиа мертвых многа лежаща, и святыа церкви стояще акы разорены, акы осиротѣвши, акы овдовѣвши.

Плачется церкви о чядах церковных, паче же о избѣнных, яко матере о чадѣх плачущися. О, чада церковнаа, о, страсотерпци избѣнии, иже нужную кончину подъясте, иже сугубую смерть претрѣпѣсте — от огня и меча, от поганых насилства! Церкви стоаше не имущи лѣпоты, ни красоты! Где тогда красота церковнаа, понеже престала служба, ею же многа блага у господа просимъ, престала святаа литургия, престала святаа просфира приношение, еже на святомъ жрѣтвницѣ, престала молитва заутреняа и вечерняя, преста гласъ псалму, по всему граду умлѣкоша пѣсни! Увы мнѣ! Страшно се слышати, страшнѣе же тогда было видѣти! Грѣси наши то намъ створиша! Где благочиние и благостоаніе церковное? Где четци и пѣвци? Где клиросници церковнии? Где суть священники, служащии богу день и ночь? Все лежать и почиша, все уснуша, все посѣчени быша и избѣени быша, усѣченіемъ меча умроша. Нѣсть позвоненія в колоколы, и в било нѣсть зовущаго, ни текущаго; не слышати в церкви гласа поюща, нѣсть слышати славословіа, ни хвалословіа, не бысть по церквамъ стихословіа и благодаренія. Въистину суета челоувѣчскаяа, и бысть всеу мятежъ челоувѣчскій. Сиде же бысть конецъ московскому плѣненію.

Не токмо же единая Москва взята бысть, но и прочіи гради и страны плѣнены быша. Князь же великій съ княгиніею и съ дѣтми пребысть на Костромѣ, а брат его Володимиръ на Волоцѣ, а мати Володимерова и княгини в Торжкѣ, а Герасимъ владыка коломенскій в Новѣградѣ. И кто нас, братіе, о семъ не усташится, видя таковое смущеніе Руской земли! Яко же господъ глагола пророкомъ: «Аще хотите послушаете мене — благаа земнаа снѣсте, и положю страх вашъ на вразех ваших. Аще ли не послушаете мене, то побѣгнете никимъ же гоними, пошлю на вы страх и ужасъ, побѣгнет васъ от пяти сто, а от ста — тма».

Елма же царь распустил силу татарскую по земли Руской воевати княженіе великое, овин, шедше к Володимеру, многи люди посѣкоша и в полон ведоша, а

инии плъци ходиша къ Звенигороду и къ Юрьеву, а инии к Волоку и к Можайску, а друзии — к Дмитрову, а иную рать послалъ на град Переяславль. И они его взяша и огнемъ пожгоша, и переяславци выбъгоша из града, а град покинув и на озеръ избыша в судех. Татари же многы грады поимаша, и волости повоеваша, и села пожгоша, и монастыри пограбиша, а христианъ посъкоша, а иных в полон сведоша, и много зла Руси створиша.

Князь же Володимерь Андреевич стояше оплчився близъ Волока, събравъ силу около себе. И нѣци от татаръ не вѣдуше его, ни знающе наехаша на нь. Он же о бозѣ укрѣпился и удари на нихъ, и тако милостию божиею овыхъ уби, а иныхъ живыхъ пойма, а инии побѣгоша, и прибѣжаша к царю, и повѣдаша ему бывшее. Он же с того попудися и оттолѣ начатъ помалу поступати от града. Идущу же ему от Москвы, и ступи ратью к *Коломнѣ*, и ти, шед, взяша град Коломну и отидоша. Царь же перевезся за рѣку за Оку и взя землю Рязанскую, и огнемъ пожже, и люди посъче, а инии разбѣгошася, и множество безчисленное поведе в Орду полона. Князь же Олегъ Рязанскій то видѣвъ и побѣже. Царь же къ Ордѣ идуще от Рязани, отпусти посла своего, шюринна Шихмата, къ князю Дмитрію Суждальскому вкупѣ съ его сыномъ, съ княземъ Семеномъ, а другаго сына его, князя Василья, поят с собою въ Орду.

Отшедшим же татаромъ, и потомъ не по мнозѣхъ днѣхъ благовѣрный князь Дмитрій и Володимерь, кождо с своими бояры старѣйшими, въехаха в свою отчину, в град Москву. И видѣша градъ взятъ, и плѣненъ, и огнемъ пожженъ, и святыя церкви разорены, а людій побитыхъ трупна мертвыхъ без числа лежаще. И о семъ сжалиси зѣло, яко и расплакатися има съ слезами. Кто бо не плачется таковыя погибели градныя! Кто не жалуеть толика народа людій! Кто же послужитъ о селницѣ множествомъ христианъ! Кто не сътуеть снщеваго плѣнення и скрушения!

И повелѣша телеса мертвыхъ хоронить, и даваха от 40 мрътвець по полтинѣ, а от 80 по рублю. И съчтоша того всего дано бысть от погребанія мертвыхъ 300 рублей. А опрочъ того, елико здѣлаша татары напасти же и убытка Руси и княжению великому! Елико сотвориша протора своимъ ратнымъ нахоженіемъ, колико град плениша, колико злата и сребра и всякого товара взя-

ша и всякого узорочья, колико волостей и селъ повоеваша, колико огнемъ пожгоша, колико мечемъ посѣкоша, колико в полон поведоша. И аще бы мощно было то вси убытки, и напасти, и проторы исчитати, убо не смѣю рещи, мню, яко ни тысяща тысячъ рублев не имет число!

Не по мнозѣхъ же днехъ князь Дмитрей посла свою рать на князя Олга Рязанского. Олег же не въ мнозѣ дружинѣ едва утече, а землю его Рязанскую до останка взяша и пусту створиша — пуще ему бысть и татарские рати.

Тогда же бысть сущу Киприану митрополиту на Тфери, и тамо избывшу ему ратнаго нахоженна, и приеха на Москву октября 7.

Тое же осени приеха посол на Москву къ князю Дмитрию от Тахтамыша, именемъ Карац, яже о миру. Князь же повелѣ христианомъ ставити дворы и съзидати грады.

ПОВЕСТЬ О НАШЕСТВИИ ТОХТАМЫША

Перевод

О ПЛЕНЕНИИ ТОХТАМЫШЕМ-ЦАРЕМ,
И О НАШЕСТВИИ ЕГО, И О ВЗЯТИИ МОСКВЫ

Было некое предвестие на протяжении многих ночей — являлось знамение на небе на востоке перед раннею зарею: звезда некая, как бы хвостатая и как бы подобная копью, иногда в вечерней заре, иногда же в утренней; и так много раз бывало. Это знамение предвещало злое пришествие Тохтамыша на Русскую землю и горестное нашествие поганых татар на христиан, как и случилось то по гневу божию за умножение грехов наших. Было это в третий год царствования Тохтамыша, когда царствовал он в Орде и в Сарае. И в тот год царь Тохтамыш послал слуг своих в город, называемый Булгар, расположенный на Волге, и повелел торговцев русских и купцов христианских грабить, а суда с товаром отбирать и доставлять к нему на перевоз. А сам подвигся в гнев, собрал много воинов и направился к Волге со всеми силами своими, со всеми своими князьями, с безбожными воинами, с татарскими полками, переправился на эту сторону Волги и пошел изгоном на великого князя Дмитрия Ивановича и на всю Русь. Вел же войско стремительно и тайно, с такой коварной хитростью — не давал вестям обгонять себя, чтоб не услышали на Руси о походе его.

Проведав об этом, князь Дмитрий Константинович Суздальский послал к царю Тохтамышу двоих сыновей своих — Василия и Семена. Они же, придя, не застали его, так быстро он двигался на христиан, и догоняли его несколько дней, и вышли на его путь в месте, называемом Сернач, и пошли за ним следом поспешно, и настигли его вблизи границ Рязанской земли. А князь Олег Рязанский встретил царя Тохтамыша, когда он еще не вступил в землю Рязанскую, и бил ему челом, и стал ему помощником в одолении Руси, и пособником на пакость христианам. И еще немало слов говорил о том, как пленить землю Русскую, как без труда взять каменный град Москву, как победить и захватить ему князя Дмитрия. Еще к тому же обвел царя вокруг своей отчины, Рязанской земли, не нам добра желая, но своему княжению помогал.

Некоторое время спустя каким-то образом дошла весть до князя великого о татарской рати, хотя и не желал Тохтамыш, чтобы кто-либо принес весть на Русь о его приходе, и того ради все купцы русские схвачены были, и ограблены, и задержаны, чтобы не дошли вести до Руси. Однако есть некие доброхоты, для того и находящиеся в пределах ордынских, чтобы помогать земле Русской.

Когда князь великий услышал весть о том, что идет на него сам царь во множестве сил своих, то начал собирать воинов, и составлять полки свои, и выехал из города Москвы, чтобы пойти против татар. И тут начали совещаться князь Дмитрий и другие князья русские, и воеводы, и советники, и вельможи, и бояре старейшие, то так, то иначе прикидывая. И обнаружилось среди князей разногласие, и не захотели помогать друг другу, и не пожелал помогать брат брату, не вспомнили слов пророка Давида: «Как хорошо и достойно, если живут братья в согласии», — и другого, постоянно вспоминаемого, который говорил: «Друг, пособляющий другу, и брат, помогающий брату, подобны крепости твердой», — так как было среди них не единство, а недоверие. И то поняв, и уразумев, и рассмотрев, благоверный князь пришел в недоумение и в раздумье великое и побоялся встать против самого царя. И не пошел на бой против него, и не поднял руки на царя, но поехал в город свой Переяславль, и оттуда — мимо Ростова, и затем уже, скажу, поспешно к Костроме. А Киприан-митрополит приехал в Москву.

А в Москве было замешательство великое и сильное волнение. Были люди в смятении, подобно овцам, не имеющим пастуха, горожане пришли в волнение и неистовствовали, словно пьяные. Одни хотели остаться, затворившись в городе, а другие бежать помышляли. И вспыхнула между теми и другими распря великая: одни с пожитками в город устремлялись, а другие из города бежали, ограбленные. И созвали вече — позвонили во все колокола. И решил вечем народ мятежный, люди недобрые и крамольники: хотящих выйти из города не только не пускали, но и грабили, не устыдившись ни самого митрополита, ни бояр лучших не устыдившись, ни глубоких старцев. И всем угрожали, встав на всех вратах градских, сверху камнями швыряли, а внизу на земле с рогатинами, и с сулицами, и с обнаженным оружием стояли, не давая выйти тем из города, и, лишь насилу упрошенные, позже выпустили их, да и то ограбив.

Город же все так же охвачен был смятением и мятежом, подобно морю, волнующемуся в бурю великую, и ниоткуда утешения не получал, но еще больших и сильнейших бед ожидал. И вот, когда все так происходило, приехал в город некий князь литовский, по имени Остей, внук Ольгерда. И тот ободрил людей, и мятеж в городе усмирил, и затворился с ними в осажденном граде со множеством народа, с теми горожанами, которые остались, и с беженцами, собравшимися кто из волостей, кто из других городов и земель. Оказались здесь в то время бояре, сурожане, суконщики и прочие купцы, архимандриты и игумены, протопопы, священники, дьяконы, чернецы и люди всех возрастов — мужчины, и женщины, и дети.

Князь же Олег обвел царя вокруг своей земли и указал ему все броды на реке Оке. Царь же перешел реку Оку и прежде всего взял город Серпухов и сжег его. И оттуда поспешно устремился к Москве, духа ратного наполнившись, волости и села сжигая и разоряя, а народ христианский посекая и убивая, а иных людей в плен уводя. И пришел с войском к городу Москве. Силы же татарские пришли месяца августа в двадцать третий день, в понедельник. И подойдя к городу в небольшом числе, начали, крича, спрашивать, говоря: «Есть ли здесь князь Дмитрий?» Они же из города с заборол отвечали: «Нет». Тогда татары, отступив немного, поехали вокруг города, разглядывая и рассмат-

ривая подступы, и рвы, и ворота, и заборол, и стрельницы. И потом остановились, взирая на город.

А тем временем внутри города добрые люди молились богу день и ночь, предаваясь посту и молитве, ожидая смерти, готовились с покаянием, с причастием и слезами. Некие же дурные люди начали ходить по дворам, вынося из погребов меды хозяйские и сосуды серебряные и стеклянные, дорогие, и напивались допьяна и, шатаясь, бахвалились, говоря: «Не страшимся прихода поганых татар, в таком крепком граде находясь, стены его каменные и ворота железные. Не смогут ведь они долго стоять под городом нашим, двойным страхом одержимые: из города — воинов, а извне — соединившихся князей наших нападения убояться». И потом влезали на городские стены, бродили пьяные, насмехаясь над татарами, бесстыдным образом оскорбляли их, и слова разные выкрикивали, исполненные поношения и хулы, обращаясь к ним, — думая, что это и есть вся сила татарская. Татары же, стоя напротив стены, обнаженными саблями махали, как бы рубили, делая знаки издалека.

И в тот же день к вечеру те полки от города отошли, а наутро сам царь подступил к городу со всеми силами и со всеми полками своими. Горожане же, со стен городских увидев силы великие, немало устрешили. И так татары подошли к городским стенам. Горожане же пустили в них по стреле, и они тоже стали стрелять, и летели стрелы их в город, словно дождь из бесчисленных туч, не давая взглянуть. И многие из стоявших на стене и на заборол, уязвленные стрелами, падали, ибо больший урон приносили татарские стрелы, чем стрелы горожан, ведь были у татар стрелки очень искусные. Одни из них стоя стреляли, а другие были обучены стрелять на бегу, иные с коня на полном скаку, и вправо, и влево, а также вперед и назад быстро и без промаха стреляли. А некоторые из них, изготовив лестницы и приставляя их, влезали на стены. Горожане же воду в котлах кипятили, и лили кипятком на них, и тем сдерживали их. Отходили они и снова приступали. И так в течение трех дней бились между собой до изнеможения. Когда татары приступали к граду, вплотную подходя к стенам городским, тогда горожане, охраняющие город, сопротивлялись им, обороняясь: одни стреляли стрелами с заборол, другие камнями метали в них, иные же били по ним из тюфяков, а другие стре-

ляли, натянув самострелы, и били из пороков. Были же такие, которые и из самих пушек стреляли. Среди горожан был некий москвич, сукольник по имени Адам, с ворот Фроловских приметивший и облюбовавший одного татарина, знатного и известного, который был сыном некоего князя ордынского; натянул он самострел и, угадав момент, пустил стрелу, которой и пронзил его сердце жестокое, и скорую смерть ему принес. Это было большим горем для всех татар, так что даже сам царь тужил о случившемся. Так все было, и простоял царь под городом три дня, а на четвертый день обманул князя Остея лживыми речами и лживыми словами о мире, и выманил его из города, и убил его перед городскими воротами, а ратям своим приказал окружить город со всех сторон.

Как же обманули Остея и всех горожан, находившихся в осаде? После того как простоял царь три дня, на четвертый, наутро, в полуденный час, по повелению царя приехали знатные татары, великие князья ордынские и вельможи его, с ними же и два князя суздальских, Василий и Семен, сыновья князя Дмитрия Суздальского. И подойдя к городу и приблизившись с осторожностью к городским стенам, обратились они к народу, бывшему в городе: «Царь вам, своим людям, хочет оказать милость, потому что неповинны вы и не заслуживаете смерти, ибо не на вас он войной пришел, но на Дмитрия, ратую, ополчился. Вы же достойны помилования. Ничего иного от вас царь не требует, только выйдите к нему навстречу с почестями и дарами вместе со своим князем, так как хочет он увидеть город этот, и в него войти и в нем побывать, а вам дарует мир и любовь свою, а вы ему ворота городские отворите». Также и князья Нижнего Новгорода говорили: «Верьте нам, мы, ваши князья христианские, вам в том клянемся». Люди городские, поверив словам их, согласились и тем дали себя обмануть, ибо ослепило их зло татарское и помрачило разум их коварство бесерменское; позабыли и не вспомнили сказавшего: «Не всякому духу веруйте». И отворили ворота городские, и вышли со своим князем и с дарами многими к царю, также и архимандриты, игумены и попы с крестами, и за ними бояре и лучшие мужи, и потом народ и черные люди.

И тотчас начали татары сечь их всех подряд. Первым из них убит был князь Остей перед городом, а потом на-

чали сечь попов, и игуменов, хотя и были они в ризах и с крестами, и черных людей. И можно было тут видеть святые иконы, поверженные и на земле лежащие, и кресты святые валялись поруганные, ногами попираемые, обобранные и ободранные. Потом татары, продолжая сечь людей, вступили в город, а иные по лестницам взобрались на стены, и никто не сопротивлялся им на заборках, ибо не было защитников на стенах, и не было ни избавляющих, ни спасающих. И была внутри города сеча великая и вне его также. И до тех пор секли, пока руки и плечи их не ослабли и не обессилели они, сабли их уже не рубили — лезвия их притупились. Люди христианские, находившиеся тогда в городе, металась по улицам туда и сюда, бегая толпами, вопя, и крича, и в грудь себя бия. Негде спасения обрести, и негде от смерти избавиться, и негде от острия меча укрыться! Лишились всего и князь и воевода, и все войско их истребили, и оружия у них не осталось! Некоторые в церквах соборных каменных затворились, но и там не спаслись, так как безбожные проломили двери церковные и людей мечами иссекли. Везде крик и вопль был ужасный, так что кричащие не слышали друг друга из-за воплей множества народа. Татары же христиан, выволакивая из церквей, грабя и раздевая донага, убивали, а церкви соборные грабили, и алтарные святые места топтали, и кресты святые и чудотворные иконы обдирали, украшенные золотом и серебром, и жемчугом, и бисером, и драгоценными камнями; и пелены, золотом шитые и жемчугом сажанные, срывали, и со святых икон оклад содрал, те святые иконы топтали, и сосуды церковные, служебные, священные, златокованные и серебряные, драгоценные позабирали, и ризы поповские многоценные расхитили. Книги же, в бесчисленном множестве снесенные со всего города и из сел и в соборных церквах до самых стропил наложенные, отправленные сюда сохранения ради, — те все до единой погубили. Что же говорить о казне великого князя, — то многосокровенное сокровище в момент исчезло и тщательно сохранявшееся богатство и богатотворное имение быстро расхищено было.

Скажем и о прочих многих боярах старейших: их казны, долгие годы собираемые и всякими благами наполняемые, и хранилища их, полные богатств и имущества многоценного и неисчислимого, — то все захватили и растащили. И что было у других бывших в городе куп-

цов, богатых людей, палаты которых наполнены всякого добра, а в кладовых хранились всякие товары различные,— то все взяли и расхитили. Многие монастыри и многие церкви разрушили, в святых церквях убийства совершали, и в священных алтарях кровопролитие творили окаянные, и святые места поганые осквернили. Как говорит пророк: «Боже, пришли враги во владения твои и осквернили церковь святую твою, стал Иерусалим подобен овощному хранилищу, оставили трупы рабов твоих в пищу птицам небесным, плоть преподобных твоих — зверям земным, пролили кровь их, словно воду»; окрест Москвы не было кому погребать, и о девицах никто не сетовал, и вдовы оплаканы не были, и священники пали от оружия. Была тогда сеча жестока, и бесчисленное множество тут пало русских, татарами избитых, многих мертвых тела лежали обнаженные — мужчин и женщин. И тут убит был Семен, архимандрит спасский, и другой архимандрит Иаков, и иные многие игумены, попы, дьяконы, клирошане, чтецы церковные и певцы, чернецы и миряне, от юного и до старца, мужского пола и женского — все те посечены были, а другие в огне сгорели, а иные в воде потонули, множество же других в плен поведено было, в рабство поганское и в страну татарскую полонены были.

И тогда можно было видеть в городе плач, и рыдание, и вопль великий, слезы неисчислимые, крик неутолимый, стоны многие, оханье сетованное, печаль горькую, скорбь неутешную, беду нестерпимую, бедствие ужасное, горесть смертельную, страх, трепет, ужас, печалование, гибель, попрание, бесчестие, поругание, надругательство врагов, укор, стыд, срам, поношение, уничижение.

Все эти беды от поганных выпали роду христианскому за грехи наши. И так вскоре те злые взяли город Москву месяца августа в двадцать шестой день, на память святых мучеников Андриана и Натальи, в семь часов дня, в четверг после обеда. Добро же и всякое имущество пограбили, и город подожгли — огню предали, а людей — мечу. И был здесь огонь, а там — меч: одни, от огня спасаясь, под мечами умерли, а другие, меча избежав, в огне сгорели. И была им погибель четырех родов. Первая — от меча, вторая — от огня, третья — в воде потоплены, четвертая — в плен поведены были.

И до той поры, прежде, была Москва для всех градом великим, градом чудным, градом многолюдным, в нем было множество народа, в нем было множество господ, в нем было множество всякого богатства. И в один час изменился облик его, когда был взят, и посечен, и пожжен. И не на что было смотреть, была разве только земля, и пыль, и прах, и пепел, и много трупов мертвых лежало, и святые церкви стояли разорены, словно осиротевшие, словно овдовевшие.

Плачет церковь о чадах церковных, а всего более об убитых, как мать, о детях плачущая. О чада церковные, о страстотерпцы избитые, принявшие мучительную смерть, перенесшие двойную гибель — от огня и меча, от насилия поганых! Церкви стояли, утратившие великолепие и красоту! Где быть красоте церковной, если прекратилась служба, которой многих благ у господ просим, не стало святой литургии, не стало приношения святой просфоры на святом престоле, прекратились молитвы заутренние и вечерние, прервался глас псалмов, по всему городу умолкли песнопения! Увы мне! Страшно слышать, страшнее же тогда было видеть! Грехи наши то нам сотворили! Где благочиние и благостояние церковное? Где чтецы и певцы? Где клирошане церковные? Где священники, служащие богу и день и ночь? Все лежат и почли, все уснули, все посечены были и перебиты, под ударами мечей погибли. Нет звона в колокола, и нет зовущего ударами в било, ни спешащего на зов; не слышно в церкви голосов поющих, не слышно славословия, ни слов хвалы, нет в церквах стихословия и благодарения. Воистину суeta человеческая, и все суетность людская. Таков был конец московскому взятию.

Не только же одна Москва взята была, но и прочие города и земли пленены были. Князь же великий с княгинею и с детьми находился в Костроме, а брат его Владимир в Волоке, а мать Владимирова и княгиня его в Торжке, а Герасим, владыка коломенский, в Новгороде. И кто из нас, братья, не устрашится, видя такое смятение Русской земли! Как господь говорил пророкам: «Если захотите послушать меня — вкусите благ земных и убоятся вас враги ваши. Если не слушаете меня, то побежите, никем не гонимы, пошлю на вас страх и ужас, побежите вы от пяти — сто, а от ста — десять тысяч».

После того как царь разослал силы свои татарские по земле Русской завоевывать княжение великое, одни, направившиеся к Владимиру, многих людей посекли и в полон повели, а иные полки ходили к Звенигороду и к Юрьеву, а иные к Волоку и к Можайску, а другие — к Дмитрову, а иную рать послал царь на город Переяславль. И они его взяли и огнем пожгли, а переяславцы выбежали из города; город покинув, на озере спаслись в судах. Татары же многие города захватили, и волости повоевали, и села пожгли, и монастыри пограбили, а христиан посекли, иных же в полон увели, и много зла Руси принесли.

Князь же Владимир Андреевич стоял с полками близ Волока, собрав силы около себя. И некие из татар, не ведая о нем и не зная, наехали на него. Он же помыслом о боге укрепился и напал на них, и так божьей милостью одних убил, а иных живыми схватил, а иные побежали, и прибежали к царю, и поведали ему о случившемся. Он же того испугался и после этого начал понемногу отходить от города. И когда он шел от Москвы, то подступил с ратью к Коломне, и татары приступом взяли город Коломну и отошли. Царь же переправился через реку Оку, и захватил землю Рязанскую, и огнем пожег, и людей посек, а иные разбежались, и бесчисленное множество повел в Орду полон. Князь же Олег Рязанский, то увидев, обратился в бегство. Царь же, идя в Орду от Рязани, отпустил посла своего, шурина Шихмата, к князю Дмитрию Суздальскому вместе с его сыном, с князем Семеном, а другого сына его, князя Василия, взял с собой в Орду.

После того как татары ушли, через несколько дней, благоверный князь Дмитрий и Владимир, каждый со своими боярами старейшими, въехали в свою отчину, в город Москву. И увидели, что город взят, и пленен, и огнем пожжен, и святые церкви разорены, а люди побиты, трупы мертвых без числа лежат. И о том возгоревали немало и расплакались они горькими слезами. Кто не оплачет такую погибель города! Кто не поскорбит о стольких людях! Кто не потужит о таком множестве христиан! Кто не посетует о таком пленении и разрушении!

И повелели они тела мертвых хоронить, и давали за сорок мертвецов по полтине, а за восемьдесят по рублю. И сосчитали, что всего дано было на погребение мертвых триста рублей. А кроме того, сколько принес-

ли татары несчастий и убытка Руси и княжению великому! Сколько сотворили убытков своим ратным пахождением, сколько городов пленили, сколько золота, и серебра, и всякого товара взяли, и всякого добра, сколько волостей и сел разорили, сколько огнем пожгли, сколько мечом посекали, сколько в полон повели! И если бы можно было те все тяготы, и несчастья, и убытки сосчитать, то не смею сказать, но думаю, что и тысяча тысяч рублей не равна их числу!

По прошествии же нескольких дней князь Дмитрий послал свою рать на князя Олега Рязанского. Олег же с небольшой дружиной едва спасся бегством, а землю его Рязанскую всю захватили и разорили — страшнее ему было, чем татарская рать.

Киприан же митрополит был тогда в Твери, там и переждал он вражеское нашествие, и приехал в Москву седьмого октября.

Той же осенью приехал посол в Москву от Тохтамыша, именем Карач, к князю Дмитрию с предложением о мире. Князь же велел христианам ставить дворы и отстраивать города.

ПОВЕСТЬ О СТОЯНИИ НА УГРЕ

Древнерусский текст

Прииде же вѣсть к великому князю, яко допел-
на царь Ахмат *идеть* со своею ордою и царе-
вичи, уланы и князми, еще же и с королем во
единой думе с Казимером, король бо и подвел его на
великаго князя, хотя разорити християнство. Князь ве-
ликий поиде на Коломну и сам став на Коломне, а сы-
на своего, великаго князя Ивана, в Серпухове постави,
а князь Андрѣя Василевича Меньшаго в Торусе, про-
чии князи и воеводы по инем мѣстам и ниши по берегу.
Слышав царь Ахмат, что князь великий стоит у Оки по
берегу со вѣсми силами, поиде к Литовской земли, об-
ходя реку Оку и ожидая себѣ на помощь короля или
силы его, и знахори ведяху его ко Угрѣ рецѣ на бро-
ды. Князь же великий сына своего, и брата, и воевод
своих на Угру посла со вѣсми силами, и, шедше, ста-
ша на Угрѣ и броды и перевозки отняша. А сам князь
великий ѣха с Коломны на Москву ко всемплостивому
Спасу, и Пречистой госпоже богородицы, и ко святым
чюдотворцамъ, прося помощи и заступления право-
славному християнству, на совѣт и думу своему отцу
к митрополиту Горонтію, и к своей матери великой
княгини Марфе, и к своему дяди Михайлу Андрѣви-
чу, и к духовному своему отцу архиепископу ростов-
скому Васьяну, и ко вѣсмъ бояром, вси бо тогда быша
во осаде на Москвѣ. И молиша его великим молением,

чтобы стоял крѣпко за православное христіянство противу бесерменству.

Князь велики послуша моленія их; взем благословеніе, поиде на Угру и, пришед, ста на *Кременецъ* с малыми людьми, а людей всѣх отпусти на Угру. Тогда же на Москвѣ мати его великая княгини и с митрополитом Геронтием, и архиепископъ Васьян, и троецкой игумен Пансей молиша великаго князя о братіи его. Князь же великий приим моленіе их, повелѣ матери своей великой княгини послати по них, рекся жаловати их. Княгини же посла к ним и веля им прямо ити к великому князю на помощь вборзе.

Царь же и со всѣми татары поиде по Литовской землѣ мимо Мценскъ, и Лубутескъ, и Одоев и, пришед, ста у Воротынска, ожидая к себѣ помощи королевы. Король же не поиде к нему, ни посла, бѣша бо ему свои усобицы, тогда бо воева Менгирей, царь перекопскій, королеву Подольскую землю, служа *великому князю*. *Ахматъ же прииде къ Угрѣ* со всѣми силами, а хотя реку перепти.

И приидоша татарове, начаша стрѣляти, и наши на них, инии же приидоша противу князя Андрѣя, а инии противу великаго князя мнози, а овии противу воевод вдруг приступиша. Наши стрѣлами и пищальми многих побивша, а их стрѣлы между наших падаху и никого же уязвляху. И отбиха их от брегу. И по многи дни приступаху быющесе и не возмогоша, ждуще, егда река станет. Быша же мрази велики тогда, река нача бо ставитися. Бысть же страх на обоихъ,—едини других боящесе. И приидоша же и братія тогда к великому князю на Кременецъ—князь же Андрѣй и князь Борис. Князь же великий с любовію прия их.

Егда же ста река, тогда князь великий повелѣ сыну своему, великому князю, и брату своему князю Андрѣю, и всѣм воеводам со всѣми силами пренти к себѣ на Кременецъ, боящесе татарскаго прихоженія, яко да совокупляшася брань и сотворят с противными.

Во граде же Москвѣ всѣм во страхъ пребывающим и *долгъ общедательный* во ум принимающе, ни от кого же помощи ожидающе, токмо ко вседержителю Спасу и богу господу нашему Исусу Христу и пречистей его матери преславныя богородицы со слезами и воздыханіи молящесе непрестанно. Тогда же бысть преславное чудо пречистыя богородица: егда отступиша от брегу наши, татарове страхом обдержими побѣгоша, мняще,

яко берег даяху им Русь и хотят с ними битися. И наши, мнящи татар за ними реку прешедших, за ними женут, придоша на *Кременецъ*. Князь же великий с сыном своим, и братнею, и со всѣми воеводами поидоша к *Боровску*, глаголюще, яко «на тѣх полях бой с ними поставим», и *слушаючи* злых челоуѣкъ — сребролюбцев, богатых и брюхатых, предателей христианских, а наровников бесерменских, иже глаголютъ: «Побѣжди, не можеша с ними стати на бой». Сам бо диявол их же усты *глаголаше*, той же, иже древле вшед в змию и прельсти Адама и Евву. Бѣ бо дивно тогда свершися пречистые чудо: едини от других побѣже и никто же женяше.

Царь же бѣжаша во Орду, и прииде на него ногайский царь Ивак и Орду взя и его уби. Един же царевичъ хотя за рекой Окою имати украину, князь же великий посла братию свою, дву Андрѣевъ, и услыша татарове и тии побѣгоша. И тако избави богъ и пречистая Рускую землю от поганых. Бѣ бо тогда студен и мрази велицы. Царь побѣжал ноября 11.

В лѣто 6989 прииде князь великий на Москву из Боровска и похвали бога и пречистую богородицу, глаголюще: «Ни аггел, ни челоуѣкъ спасе нас, но сам господь спасе нас пречистые и всѣх святых *моленми*. Аминь».

Тогда же и братии своей дасть жалование князь великий и прият их в докончание, князя Андрѣя и князя Бориса, и князю Андрѣю дал Можайскъ, а князю Борису отступился сел его; и утвердившеся крестным цѣлованием, разоидошася.

Тое же зимы прииде великая княгиня Софья из-бѣгов, бѣ бо бѣгала на Белоозеро *от татаръ, а не гонялъ никто. И по которым странамъ ходила, тѣмъ пуще стало татаръ, и отъ боярскихъ холоповъ*, от кровопийцев христианских. Воздай же им, господи, по дѣлом их и по лукавству начинания их, по дѣлом рук их *дай же им*. Быша бо их жены тамо, возлюбиша бо паче жены, нѣже православную христианскую вѣру и святыя церкви, в них же просвѣтишася и породившеся банею святаго крещения, согласившеся предати христианство, ослѣпи бо я злоба их. Но премилостивый богъ не презре создания руку своею, слез христианских, помилова своим милосердием и молитвами пречистые матери и всѣх святых. Аминь.

Сие же писахомъ не укаряючи их, но да *не* похвалятся своим безумиемъ несмысленнии, глаголюще: «Мы сво-

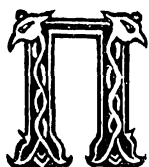
им оружием избавихом Рускую землю», но дадут славу богу и пречистой его матери богородицы, той бо спасе, и престанут от такового безумия, притяжут брань к брани и мужество к мужеству за православное христианство противу бессерменству, да воспримут в сем житии от бога милость и похвалу, а во ономъ вѣцѣ вѣнцы нетленными от вседержителя бога увязаются и царство небесное наслѣдят. Буди же *сие* получитьи и нам грѣшным молитвами богородица. Аминь.

О храбри мужествени сынове русии! Подщитесь свое отечество, Рускую землю, от поганых сохранить, не пощадите своих глав, да не узрят очи ваши разпленения и разграбления домов ваших, и убьяния чад ваших, и поругания над женами и дѣтми вашими, яко же *пострадаша инии* велиции славнии земли от *турков*. Еже глаголю: болгаре, и сербы, и грѣцы, и Трапизон, и Аммо-рея, и албанасы, и хрватыи, и Босна, и Манкуп, и Кафа и инии мнозии земли, иже не стяжа *мужства* и погибоша, отечество изгубиша и землю и государство, и скитаются по чюжим странамъ бѣдне воистину, и странне, и много плача, и слез достойно, укаряеми и поношаеми, оплюваеми, яко немужствении. Иже избѣгоша которыя именни многими и з женами и з дѣтми в чюжие страны, вкупѣ со златом и душа и телеса своя загубиша и ублажаютъ тѣх, иже тогда умерших, неже скитатися по чюжим странамъ, яко бездомномъ. Тако ми бога, видѣхъ своима очима грѣшними великихъ государей, избѣгшихъ от турковъ со имѣниемъ, и скитающихся, яко страннымъ и смерти у бога просящихъ, яко мздовоздаяния от такового бѣды. И пощади, господи, насъ, православныхъ христианъ, молитвами богородица и всѣхъ святыхъ. Аминь.

ПОВЕСТЬ О СТОЯНИИ НА УГРЕ

Перевод

Пришла весть к великому князю, что царь Ахмат идет в полном сборе, со своей ордой и царевичами, с уланами и князьми, да еще в соглашении с королем Казимиром — ибо король и на-правил его против великого князя, желая сокрушить христианство. Князь великий пошел на Коломну и стал у Коломны, а сына своего, великого князя Ивана, поставил у Серпухова, а князя Андрея Васильевича Меньшого в Тарусе, а прочих князей и воевод в иных местах, а других — на берегу.

Царь Ахмат, услышав, что князь великий стоит у Оки на берегу со всеми силами, пошел к Литовской земле, обходя реку Оку и ожидая на помощь себе короля или его силы, и опытные проводники вели его к реке Угре на броды. Князь же великий сына своего, и брата, и воевод послал на Угру со всеми силами, и, придя, они стали на Угре и заняли броды и перевозы. А сам князь великий поехал из Коломны на Москву к церквам Спа-са и Пречистой богородицы, к святым чудотворцам, прося помощи и защиты православному христианству, для совета с отцом своим митрополитом Геронтием, и со своей матерью великой княгиней Марфой, и своим дядей Михаилом Андреевичем, и со своим духовным отцом архиепископом ростовским Вассианом, и со сво-ими боярами — ибо все они тогда пребывали в осаде

в Москве. И молили его великим молением, чтобы он крепко стоял за православное христианство против басурман.

Князь великий послушался их мольбы: взяв благословение, пошел на Угру и, придя, стал у Кременца с небольшим числом людей, а всех остальных людей отпустил на Угру. Тогда же в Москве мать его великая княгиня с митрополитом Геронтием, и архиепископ Вассиан, и тронцкий игумен Паисий просили великого князя за его братьев. Князь же принял их просьбу и повелел своей матери, великой княгине, послать за ними, пообещав пожаловать их. Княгиня же послала к ним, веля им прямо отправиться к великому князю поскорее на помощь.

Царь же со всеми татарами пошел по Литовской земле мимо Мценска, Любутска и Одоева и, придя, стал у Воротынска, ожидая, что король придет к нему на помощь. Король же не пришел к нему и сил своих не послал — были у него свои междоусобия, воевал тогда Менгли-Гирей, царь перекопский, королевскую Подольскую землю, помогая великому князю. Ахмат же пришел к Угре со всеми силами, хотя перейти реку.

И пришли татары, начали стрелять, а наши — в них, одни наступали на войска князя Андрея, другие многие — на великого князя, а третьи внезапно нападали на воевод. Наши поразили многих стрелами и из пищалей, а их стрелы падали между нашими и никого не задевали. И отбили их от берега. И много дней наступали, сражаясь, и не одолели, ждали, пока станет река. Были же тогда большие морозы, река начала замерзать. И был страх с обеих сторон — одни других боялись. И пришли тогда братья к великому князю в Кременец — князь Андрей и князь Борис. Князь же великий принял их с любовью.

Когда же река стала, тогда князь великий повелел своему сыну, великому князю, и брату своему, князю Андрею, и всем воеводам со всеми силами перейти к себе в Кременец, боясь наступления татар, — чтобы, соединившись, вступить в битву с противником.

В городе же Москве в это время все пребывали в страхе и, помня о неизбежной участи всех людей, ни от кого не ожидали помощи, только непрестанно молились со слезами и воздыханиями Спасу-вседержителю и господу богу нашему Иисусу Христу и пречистой его матери, преславной богородице. Тогда-то и свершилось прс-

славное чудо пречистой богородицы: когда наши отступили от берега, татары, думая, что русские уступают им берег, чтобы с ними сражаться, одержимые страхом, побежали. А наши, думая, что татары перешли реку и следуют за ними, пришли в Кременец. Князь же великий с сыном своим и братней и со всеми воеводами отошел к Боровску, говоря, что «на этих полях будем с ними сражаться», а на самом деле слушая злых людей — сребролюбцев богатых и брюхатых, предателей христианских и угодников басурманских, которые говорят: «Беги, не можешь с ними стать на бой». Сам дьявол их устами говорил, тот, кто некогда вошел в змея и прельстил Адама и Еву. Вот тут-то и случилось чудо пречистой: одни от других бежали, и никто никого не преследовал.

Царь же бежал в Орду, и пришел на него ногайский царь Ивак, и Орду взял, и его убил. Один только царевич хотел захватить окраинные земли за рекой Окой, князь же великий послал братьев своих, двух Андреев, и слышали о том татары и побежали. И так избавил бог и пречистая Русскую землю от нехристей. Был же тогда холод и великие морозы. Царь побежал 11 ноября.

В 6989 (1481) году пришел князь великий в Москву из Боровска и воздал хвалу богу и пречистой богородице, говоря: «Не ангел, не человек спас нас, но сам господь спас нас по молитвам пречистой и всех святых. Аминь».

Тогда же князь великий и братью свою пожаловал, включил их в договор, князя Андрея и князя Бориса, и князю Андрею дал Можайск, а князю Борису уступил его села; и скрепив этот договор крестным целованием, они разошлись.

В ту же зиму вернулась великая княгиня София из побега, ибо она бегала на Белоозеро от татар, хотя никто за ней не гнался. А тем землям, по которым она ходила, стало хуже, чем от татар, от боярских холопов, от кровопийц христианских. Воздай же им, господи, по их делам и по коварству их поступков, по делам рук их дай им. Были же и жены их там, ибо возлюбили они больше жен, нежели православную христианскую веру и святые церкви, где просветились и начали жизнь через святое крещение, и согласились они предать христианство, ибо ослепила их злоба. Но премилостивый бог не презрел созданий рук своих, не презрел слез

христианских, помиловал их по своему милосердию и молитвам пречистой матери и всех святых. Аминь.

Это мы писали не для того, чтобы их укорять, но да не хвалятся неразумные в безумии своем, говоря: «Мы своим оружием избавили Русскую землю», но воздадут славу богу и пречистой его матери богородице, ибо он нас спас, и отринут это безумие, и множат битву за битвой и доблесть за доблестью ради православного христианства против басурманства, чтобы воспринять в этой жизни от бога милость и похвалу, а в том мире венчаться нетленными венцами бога-вседержителя и обрести царство небесное. Да получим и мы, грешные, все это по молитвам богородицы. Аминь.

О храбрые, мужественные сыновья русские! Потрудитесь, чтобы спасти свое отечество, Русскую землю, от неверных, не пощадите своей жизни, да не узрят ваши очи пленения и разграбления домов ваших, и убийства детей ваших, и поруганья над женами и детьми вашими, как пострадали иные великие и славные земли от турок. Назову их: болгары, и сербы, и греки, и Трапезунд, и Морея, и албанцы, и хорваты, и Босна, и Манкуп, и Кафа и другие многие земли, которые не обрели мужества и погибли, отечество загубили, и землю, и государство, и скитаются по чужим странам, воистину несчастные и бездомные, и много плача и достойные слез, укоряемые и поношаемые, оплевываемые за отсутствие мужества. Люди, которые сбежали с многим имуществом, и с женами, и с детьми в чужие страны, не только золото потеряли, но и душу и тело свои погубили и завидуют тем, кто тогда умер и не должен теперь скитаться по чужим странам бездомными. Ей-богу, видел я своими грешными очами великих государей, бежавших от турок с имением, и скитающихся, как странники, и смерти у бога просящих, как избавления от такой беды. И пощади, господи, нас, православных христиан, молитвами богородицы и всех святых. Аминь.

ПОВЕСТЬ О ПРИХОЖЕНИИ СТЕФАНА БАТОРИЯ НА ГРАД ПСКОВ

Древнерусский текст

ПОВѢСТЬ

О ПРИХОЖЕНИИ ЛИТОВСКОГО КОРОЛЯ
СТЕФАНА ВЕЛИКИМ И ГОРДЫМ ВОИНСТВОМ
НА ВЕЛИКИЙ И СЛАВНЫЙ БОГОСПАСАЕМЫЙ ГРАД
ПСКОВЪ. ОТКУДЫ И КАКО И КОИМ ОБРАЗОМ
ПОПУСТИ ЕГО БОГЪ НА РУСКУЮ ЗЕМЛЮ,
ГРЕХ РАДИ НАШИХ, И КАКО ВЕЛИКОЮ МИЛОСТИЮ
ПРЕБЕЗНАЧАЛЬНЫЯ ТРОИЦЫ К НАМ ГРЕШНЫМ
ХРИСТИЯНОМ ОТО ГРАДА ПСКОВА СО СТУДОМ
МНОГИМ И ВЕЛИКИМЪ СРАМОМ ОТИДЕ

Бѣ же сие в лѣто 7085-го, во царство благовѣрнаго и христіолюбиваго государя нашего, царя и великаго князя Ивана Васильевича, всеа Русии самодержца, и при благовѣрных его царевичех, царевиче князь Иване Ивановичѣ и царевиче князь Федоре Ивановичѣ.

Правящим и государем нашимъ добре православныи христіанство російское царство, от околныхъ же невѣрныхъ царей, и королей, и всякихъ начальникъ, воюющихъ и насилующихъ его, государя, російское царство православныхъ, и яже под его царскою *высокою* десницею всѣхъ живущихъ обороняше и защищаѣ. Наипаче за святыя церкви и честныя монастыри и за святую православную христіанскую вѣру изрядно на враги стояще и побораху, бѣ бо от бога первопрестольный хри-

стианский царь во вся четыре конца вселенныя, совершенныя его ради святыя христіанския вѣры хранящего и тверде сию держати и хранити непорочнаго и повелевающего.

В та же времена на его государство прииде к нему, государю, вѣсть от полуношныя страны российскаго его царство о насилнии и нахождении вои худѣйших, паче иных земли, от Вифлянскихъ земли нѣмец: не токмо же многимъ государевымъ страны тоя градомъ и весѣмъ много зла сотворяютъ и насилуютъ, но и чудотворное святое мѣсто Успение пречистыя богородицы Печерскаго монастыря около все обвоеваша и запустошиша и многозельная злая монастырю творяху.

Слышавъ же сие, христіолюбивый царь государь, князь великій Иванъ Васильевичъ всеа Русии, яко не токмо его государевымъ градомъ и весѣмъ тамо приближнымъ насилуютъ, но и чудотворное Печерское мѣсто крѣпце вооружаютца утесняютъ, сего ради не токмо во отмщеніе вое посылаетъ на вифлянскія нѣмцы, но и самъ царь государь за богородицынъ домъ на враги воополчатца и со благовѣрнымъ своимъ царевичемъ со княземъ Иваномъ Ивановичемъ. Приемши же царь государь благословеніе отъ отца своего Антонія митрополита, пути ся косяетъ. Достигшу же государю нашему своя вотчины, славнаго града Пскова, в томъ же граде Пскове благовѣрный царь государь по чину устрояетъ своихъ бояръ и воеводъ, коегождо надъ повелѣннымъ его полкомъ воеводствоватьи и по чину правити; бѣ бо той градъ на рубежѣ отъ невѣрныхъ градовъ, насилующихъ врагъ, пути же шестивену на враги начинающуся изъ славнаго града Пскова.

Приходитъ же благовѣрный царь государь в соборную церковь живоначальныя Троицы, и припадаетъ со слезами предъ святымъ образомъ живоначальней Троицы, и молитъ в троицы славимаго бога, дабы ему, государю, богъ подалъ милость свою свыше и побѣду на невѣрныхъ враги и насилующихъ во Христа вѣрующему народу. Тако еже приходитъ предъ чудотворную икону пречистыя богородицы, слезы же многи проливаетъ предъ святымъ ея образомъ: «Вѣмъ бо, рече, госпоже богородица, яко елико просиши у сына своего и бога, и не презритъ моления твоего. Молися, госпоже богородица, о рабѣ своемъ, и да исполнитъ богъ желанія сердца моего, яко да возвыситъ десницу мою, грѣшнаго раба твоего, на враги, насилующихъ на христіаны, ноипаче на святое мѣсто,

в нем же изволитися тебѣ и славится имени твоему святому, и за живущее в нем рабы сына твоего и бога, и словаславящих *пресвятое имя твое* и возвеличающих е». Также приходит к сроднику своему, к благовѣрному великому князю Гаврилу-Всеволоду, псковскому великому чюдотворцу, къ честныя его раки, сего же на мнозе со слезами на молитву призывает. Знаменовавше же се силою воображения креста Христова от печерского игумена Селивестра, также по чюдотворным иконам знаменовавшихся и многия обѣты святым мѣстом и чюдотворным и святым иконам воздати обещавшеся, ноипаче Печерскому монастырю, в дом пресвятыя богородицы, также благовѣрный царь государь насто-
ящему своему пути касаетца.

Достигшу же ему, государю, Лифлянскіе земли, слышав же сие жители Вифлянскія земли, нѣмцы, царское на них нашествіе и разумѣюще его в воинствѣ крѣпко силна, немощь же свою знающе, възмятошася и восколебашеся, яко пьянии. Овии же от них во ины страны бѣгаяше; инии же во градах своих затворишася, на твердости же града надѣющеся; овии же смущающеся: во градах ли седети крѣпко или покоритися и з дарми руского царя, великого князя государя срести, вѣдуше, яко твердая их укрепленныя каменныя стѣны против русских стенабитныхъ сосуд отстояти не могут.

Божіею же милостию и пречистыя богородицы молени-ем и святыхъ великихъ чюдотворцовъ царь государь и великий князь Иван Васильевичъ всеа Русіи не токмо отмстителемъ врагомъ божіимъ явися, но и государь всей земли той Вифлянской по достоянію прославися. Овии же их грады за щитомъ воспримаша, сии же никоея милости ни живота не получиша. Инии же нѣмцы из своихъ градовъ за многія поприще схожаша и со многими дарми, и з женами своими, и з детьми царю государю поклонишася, милосердіе же своего государя надъ таковыми показоваша. Елицы же их, на многолюдіе или на твердости града надѣющеся, крѣпцы вооружившася сидѣти, у нихъ же стѣны даже и до основанія разрушити повелѣ, самихъ же разными горкими различными смертми, и ихъ жены и ихъ дѣти, умрети повелѣ, да и прочіи страхъ примутъ.

Слышавъ же сие отъ окрестныхъ суседахъ сусѣди курланскія нѣмцы, яко отъ російского царя государя никоя же твердость отстояти не можетъ, а приходящии къ нему, ко государю, з дары и с честью великую ослабу приемлютъ,

сбравши же ся начальницы страны тоя, курланских нѣмец, совѣтъ сотворше, да пошлют к нашему государю со многими дарми послы своя, и да и милость руский государь да покажет над ними, и над ихъ землею милость, и наложит по своему государеву хотѣнию на них повселѣтнюю дань. Совѣту же их тако сотворившу, умиловив же ся государь до них, дары у них восприя и имъ же повелѣ на старых своих мѣstech жити, дани же на них повселѣтныя уложи и паки во свою землю отпусти их. В Вифлянскую же землю до конца повоива, многия грады восприя, живущее в них в плѣн отведе, богатство же их и безчисленное злато, и серебро, и узорочья всякия в царствующей град Москву прикати. Сам же царь государь, добръ, здоров, славен побѣдитель, во свою отчину на Рускую землю возвратися.

Приходит же государь первие в дом пречистыя богородицы честнаго и славнаго ея Успения Печерского монастыря и припадает к пречистой Богородицы чудотворныя иконы в подножие на мрамор помоста церковнаго, слезы же, яко струя, ото очию испущающе, от устъ же своих благодарныя пѣсни богородицы возсылающе, обѣты же своя вся богородицы устрояюще, отдающе, безчисленное множество злато и серебро пречистой в дом отдав, многия села и узорочья новопривлеченныя къ монастырю привосокупляет. И тако паки Пскова достизает, в соборную же церковь живоначальныя Троицы паки приходит и пред святыми иконами благодарныя слезы проливает, богу же и пречистой богородицы и всѣм святым и благовѣрному князю Гаврилу-Всеволоду многорадостно сплетенные хвалы возсылающе, обѣты же своя вся исправляюще. Паки же славнаго своего града Москвы достизает и тамо велехвален побѣдитель ото всѣх показася: не токмо в русийском его царствѣ, но и по всѣм окрестным царством и королевством произнесесе высокое над вифляны победительство.

Паки же по возвращении его государеве во свою ему государеву вотчину, в славный царствующий град Москву, слышавше же сия курланския нѣмцы царево от них отшествие и воя своя по домом своим упокоиватися распустившу, разстояние же многое от их земли знающе, въ сопротивлен же совѣтъ первому сотворяют со избѣгшимися к ним достальными вифлянскими нѣмцы. К себѣ же присовокупляют и литовския земли люди и вмѣсто дани воинством на новоприемныя государем

грады воополчаютца, многим же градом пакости сотворше, онии же от них паки восприемше.

Паки же сие слышав руский государь, яко не токмо обѣтов своих и по своим законом забыша, но и на брань воополчишася и грады паки восприемлют, розгнѣвавшеся на них царь государь, паки в третьєѣ лѣто первого своего походу во отмщение на них пути ся приемлет.

Слышавше же враги и лестицы нѣмцы царское на них свирѣпое ополчение, и кийждо во своем помысле помощи искаша, страхом же и трепетом многим восколебашася, безсилнии же себѣ, яко мрави, знающе. Приходят же в Литовскую землю к литовскому королю Степану, от сего же помощи своей погибели увидети молят, вкупе же и совоспринимают его на воспротивление брани с российским царемъ. Молебники же от себя к нему предпосылают богомерские христоненавидцы и поругательные христовы вѣре и силы креста Христова, вѣре не сохранительные, но преступницы целования на вѣре креста Христова, российского государя нашего измѣнников, князя Ондрѣя Курбского с товарищи. Сии же християннененавистцы, моления их слышав, яко желательны елени, по Писанию, на християнского государя помыслы воополчаютца, иудѣйским совѣтом на владыку своего воздвигнути ковь общеваютца, тщательне же и изрядно к литовскому королю приходят, на российского государя воинством подъемяют.

Сей же всегорделивый совѣт их радостно приемлет: бѣ бо и сам той литовской король, неистовый звѣрь и неутолимый аспид, люторския своя вѣры воин, и рад бѣ всегда кровопролитию и начинания бранем. Лютый и свирѣпый змиинный яд от своя несытыя утробы отрыгнув, войску же своему вооружатися повелѣ и готовитися, и с ними на Рускую землю устремися, к старому Литовския земли их граду к Полодцку, в седьмоенадесяти лѣто, отнеле же взял его от Литвы государь нашъ.

Рускому же государю нашему шествие пути на нѣмцы творяще, достигшу же ему, государю, славнаго града Пскова, вѣстницы же прибѣжа ис Полодцка, яко литовский король Степан со многим воинством идет на Полоцкий град. Слышавше же сия, царь государь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси напрасное его и тотебное звѣриноє устремление, воиводы же своя и многи воя во окрестныя грады Полотцку граду посла, воинские люди и стрельцы в Полотцко на осаду в при-

бавку посла; бѣ бо не то е украинны людие з государем в воинском великом его собрании.

Богу же попустившу крѣпкого сего врага на християны грѣх ради наших. Въсть же къ государю нашему во Псковъ прииде, яко литовский король Полотцко взял и со окрестными его грады. Многие же и бесчисленныя государевы воиводы и вои в Полотцки и во окрестных градах храбро мужествовавшие и крови своя за христову вѣру излижавше, не иначе во градъ Соколъ изрядише, паче ниже в иных градах. Слышавше же сие, царь государь кручиною объят быв, но токмо глаголаше: «Воля господня да будет, яко же господу годѣ, тако же и бысть». Сам же царь государь возвратися к царствующему граду Москвѣ.

По сем же, 87-го году под седмою тысяцею, во второе лѣто по Полотцком взятин, разсвирѣписа и розгордѣся лютый той варвар, литовской король Степан, паки устремление пути показывает на Рускую землю, попусценіем же божіим, грѣх ради наших. И начало болѣзнем Рускіе земли тамошныя украинны приемлет, яко забывше бога и возвратившися на *грехи*, яко рече Писания. Под Великия же Луки паки помышляет приити.

Слышав же сие царь государь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси свирѣпое его нашествіе, великою кручиною объят быв. В Великия же Луки восвод своих посылает и во окрестныя его грады многое войско во осаду приготовляет, к нему же послы своя посылает, дабы з государем нашим мирен был.

Он же, всегорделивый, *ни ко унѣсам* своим слышати о миру хотяще, государевых же пословъ безчестными и бездѣльными словесы своими отказав. К сему же и всезакрытый и злоядовитый, яко от адовы утробы, яд отрыгнув, яко не токмо на Луки Великіе свирѣпство свое и на окрестныя ему грады показаваше, но сотопписким своим превозношеніем превознесися на Великия же Луки и на славный град Псковъ. «Яко не токмо, рече, Луки Великіе восприиму со окрестными его грады, но и славный вашъ великий Псковъ, яко же камением жертвовным обратити сего имам и государь сему именоватися». Та же и о великом Новѣградѣ многогорделивою изрече. «Яко не может, рече, ни един град укрѣпитися или отсидѣтися от великого польского кроля и от множество храбрых литовских вои. О миру же никако ни в помысле, рече, прииму». Послы же госуда-

ревы с собою и под Луки повелѣ взять: «Да смотрите рече, како грады государя вашего восприму и поплещу».

Прииде же та вѣсть къ государю нашему, яко не токмо о миру от него прияти, но и послы его государевы бездѣльно с собою под Луки повезли, но и велехвальный свой помыслъ не токмо на Луки изрыгну, но вельми превознесся гордостію на Великий Новгород, паче же и преболе, еже на славный и богоспасаемый Псков град: «Той бо, рече, слышах, Псков град его превелик в земли вашей, каменооградными крѣпостми преболе и паче иных утвержен. Сего ми, рече, прежде подобаетъ взять; Великий Новѣград ни единого дни противу меня постояти не может».

Государь же се слышав, велми воздохнув из глубины сердца: «Воля, рече, господня да будет». В Великий же Новѣград воиводы посла. Во славный же и великий богоспасаемый град Псков посылаетъ благовѣрный царь государь и великій князь Иван Васильевич всеа Русии боярина своего и воиводу, князя Василья Федоровича Шуйского-Скопина, да боярина своего и воеводу, князя Ивана Петровича Шуйского, да воеводу Никиту Очина-Плещѣва, князя Ондрѣя Ивановича Хворостинина, князя Володимера Ивановича Бохтеярова-Ростовского, князя Василья Михайловича Ростовского-Лобанова и с ними воя многи. Сих же предпомянутых бояр своих и воивод государь царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всеа Русии, отпускаючи во Псковъ, наказуетъ их своими царскими наказаньи, како им за православную вѣру христіанскую, и за святыя церкви, и за его, государя, и за его государевы дѣти, и за все православное христіанство на враги стояти и битися с ними от всея душа и сердца и от всея крѣпости и с подручными вои, даже до смерти; и како всякими крѣпостми утвердити града Пскова стены и бой учинити по чину, яко же подобаетъ осаде крѣпце быти. Сими же многими наказаньи царскими наказа их царь государь и обѣты царскими обещая им: «Аще господь богъ избавитъ нас и вашим боярским и воиводским домыслом господь богъ град Псков утвердит, пожаловати обещаваетца их государь, яко ни на сердца у них кому чаянием таковыя от него милости». Бояре же и воиводы яко истиннии раби, обещаваетца своему владыцѣ творити по его наказанью, на том же и христіанскою вѣрою вѣровашеся ему. И тако отпусти их въ

богоспасаемый градъ Псков: «Бог, рече, и богородица и вси святѣи с вами да будут».

Бояре же и воиводы, приѣхав в богоспасаемый град Псков, по государеву приказу вся начаша творити: градовныя стѣны утвержати каменным и деревяным и всяким утверженнем, елико им бог в сердце влагаше, и осаду крѣпце утвержаше. Головы же и дѣти боярские, и головы стрелецкіе и стрельцы, и псковичи от мала и до велика, и всѣх избѣгшихся людей, иже во осаде быти, приводяще их к вѣре, рекше, х крестному целованью.

Королю же литовскому Степану под Луки Великія пришедшу, послы же государевы с собою приведшу, многозѣльнаго нашего грѣха, и многонеправдиваго ради ума беззаконнаго нашего, и за вся неправды наша пред богом и человеки, и всѣх злых грѣх ради наших, предаде бог сему агаренину Луки Великіе и со окрестными грады лѣта 7088-го. И паки возвратися в литовскую землю по Великих Луках взятыя со многим розгордѣніем и возвышением, воя же своя упокоиваша роспустившую.

На весну же паки готовитися повелевает: «Славнее же и похвальнее, рече, еже прежних, к нынешнему моему устремлению на Рускую землю быти подобает, занеже на славный град Псков итти. Вы же, любимая моя и храбрая воя и всего высокаго моего Полскаго королевства и Великаго княжества Литовскаго, со всѣми моими подручными землями, преудобрена и храбре утвержена, яры царскія отроки и непобедимыя витези, киждо по своим отчинам и панствам розѣжаетеся, телеса своя и крѣпкая мышца утверждаете, великія же своя кони упокоивайте, ратная же своя броня содѣловайте и укрѣпляйте, на славный град Псков ратью всяческии со мною уготовляйтеся! Имущии жены и хотящеся с ними во Пскове панствовать, сии же со своими паньими и з дѣтьми во Псков да приуготовляютца».

Сими же словесы лукавыми наказав извышних своих гетмановъ и рохмистов и всего войска своего, и тако роспустив их коегождо на свое панство, сие же прирече им, яко по времени шествіе пути листы *возвѣстательныя* к вам имаю прислати. Сии же начальныя волки ко кровопролитію, извычїи его гетманы с подручными имъ мертвотрупабѣдательными псы, немилостивныя их *воя*, обещеваютца к своему королю, яко неутолимо-

му аспиду, по его повелѣнню совершити; и розѣхашася
кождо во свояси.

Государю же нашему, царю и великому князю Ивану
Васильевичю всеа Руси сие слышавши, совершенное
ему устремление на его государеву отчину, на славный
град Псков, уготовляющуся. Времени же сего свирѣп-
ству приспевающе, нашимъ христіанскимъ закономъ
святому великому посту приходящу, благовѣрный царь
государь в преславный град Псков посылает по боя-
рина своего и воиводу, по князя Ивана Петровича
Шуйского. Сему же к нему, ко государю, к Москвѣ
приѣхавшу, розпрашивает же сего царь государь о гра-
деукрѣпленіи великого града Пскова, како от них
укрѣпишася великія крѣпости граду, и колицему на-
ряду и в коих мѣstech угодно стояти, и для которыя
обороны коему от которого мѣста быти, и всяческими
людцкими укрѣпленными колице осаде крѣпце быти.

Боярини же и воивода князь Иван Петрович Шуйской,
вся о том царю государю, порознь и по чину, и бого-
надежныя сотворенныя от них всякія крѣпости розка-
зав, к сему же и присовокупляет богонадежныя слова,
рече: «Надѣмся, государь, свершенно надежею крѣп-
це на бога, и на неборимую крѣпкую стену и покров,
христіанскую нашу заступницу, истинную богородицу,
и на вся святыя, и на твое государево царское высо-
кое имя, яко Псков град от литовского короля всякими
укрѣпленными может отстоятися». Еже и бысть Христо-
вою благодатию.

Слышав же сия благовѣрный царь государь от боярина
своего и воиводы, от князя Ивана Петровича Шуйско-
го, многоукрѣпленія от них во граде Пскове всякіе
крѣпости, боярское же и воиводцкое и всѣх подручных
им вой и крѣпкое и неослабное во осаде сидѣнія, и
всѣх жителей богохранимаго града Пскова непре-
клонную их вѣру, и всяким строением тѣшася за бога
и за своего государя, и за его государевы дѣти, и за
православную христову вѣру, и за своя дома и жены и
дѣтей умрети всѣм произволяющимъ за град Псков от
литовского короля, неже литовскимъ королемъ при ихъ
животѣ взяту быти граду Пскову. По семъ же, разсмот-
рительне боярина своего богонадежное о отстояніи от
литовского короля града Пскова царь государь слова
слышит, слезами же свое лице царское омакаше: «Бо-
гу, рече, и богородицы и святымъ великимъ чудотворцемъ
град сей Псков в руцѣ предаю, поипаче сроднику сво-

ему, благовѣрному князю Гаврилу-Всеволоду, еже сам изволи в том богоспасаемом граде Пскове в соборной церкви живоначальныя Троицы честным его мощем положеным быти, своею же милостию избавити имат сего от находящих враг на нь и сего ему в руцѣ предаю. Потом же и вам, бояром своим и воеводам, всѣм воем и псковичем, аще по своему обещанию сотворите, еже к богу и ко мнѣ обещаетеся, яко истинным рабом на руки того града Пскова предаю, яко да господь богъ наставляя всякими домысли, елико коего богъ вразумит, да утверждаютца во граде Пскове».

Благовѣрный царь государь и великий князь Иван Васильевичъ всеа Русии боярина своего и воеводу князя Ивана Петровича Шуйского паки отпускает в богоспасаемый град Псковъ, сего же паки наказует всякими царскими наказаньи и ученми, сему же едино вручает от своих царьских устъ и писменный наказ и высокую его царскую десницею утвержден. К сему же приглашает царь государь, яко: «На тебѣ ми на едином подобает всее тоя службы пытати, неже на иных товарищех твоих и воеводах». Он же сия внят, яко: «На тебѣ ми, рече, и мимо всѣх искати, еже во Пскове всего — осады и службы», — внятне же сия слова в сердцах воспрят. Рабски же противу своего государя никакже вещати смѣяше, ниже за многое наложеное от него, государя, толико бремя ни единого слова отрицатися нача, но токмо царю государю отвеща: «Еже богъ благоволи и тебѣ, государю, изволися, всячески по повелѣнию твоему тебѣ, государя, раб есмь яз. И елико господь и богородица наставит, вседушне сию врученную службу всесердечне истинно рад служить за град Псковъ». Ноипаче сих, премногими словесы и великими обѣты въ царствующем граде Москвѣ, в соборной церкви пречистыя Богородицы, пред чудотворным святым образом государю обещеваетца на том же вся творити по государеву наказу, и еже держати и сидѣти в осаде крѣпко со всѣми пребывающими во граде Пскове христіанскими народы, и битися во Пскове за град Псков безо всякого порока с литвою, даже до смерти, — еже и бысть благодатию Христовою, — и паки отпускает его во Псков.

Государевъ же боярин и воевода князь Иван Петрович Шуйской, приѣхав во Псков, паки з боярином и воеводами, со княземъ Васильемъ Федоровичемъ Шуйским-Скопинимъ с товарищи, о укреплении града Пскова вся-

кое тщание показываше, и непрестанно около града Пскова объѣзжая, и веляше утверждати всякими крѣпостными стены града. И паки, второе, приводятъ всѣхъ головъ боярскихъ, и детей боярскихъ, и головъ стрелецкихъ, и сотниковъ, и стрельцовъ, и всѣхъ псковичъ къ вѣре, рекше, къ крестному целованью, яко же прежде, абы за бога и за своего государя, царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии, и за его государевы дѣти, и за святые церкви, и за православную христіанскую вѣру, и за град Псковъ битися с литвою до смерти безо всякия хитрости. Во околные же псковския пригороды такоже непрестанно зъ гонцы зъ грамоты розсылаша о укреплении градовъ, всякому утверждению веляше. По околнымъ же селамъ и волостемъ такоже посылалъ, дабы кождо во свои приближныя города ѣхали зъ женами и зъ дѣтми, со всѣми животы въ осаду. И сицевымъ образомъ въ богоспасаемомъ граде Псковѣ и по околнымъ пригородомъ всякое утверждение по божѣ творяшеся.

Искушению же божію, грѣхъ ради нашихъ, христіанскій родъ всячески попускающуся, высокогорделивому литовскому королю Степану всяческии сердцемъ на богоспасаемый градъ Псковъ надымалъ. Разпалениемъ же сердце и разгорѣніи ради своея неутолимыя утробы, *вредъ* своея лютости горломъ и языкомъ *наружу изрыгаетъ*, время же своего походу на Рускую землю, на богоспасаемый градъ Псковъ, всѣ объяви, листы возврателныя во всю литовскую землю посылаетъ.

Во иныя же страны и во многіе языки молебносовѣщательными грамоты начальникомъ коеяждо земля и ихъ воиномъ посылаетъ, образомъ имуще писание сицево: «Король польской, князь великій литовскій, русскій, прусскій, жемодикскій, мозовецкскій, князь седмиградскскій и иныхъ Степан. Ближнимъ моимъ другомъ и сусѣдомъ (по имени начальному коегождо) на своемъ державствѣ радоватися! Да вѣсте, иже извѣсно слышасте, елико милошествовахъ два лѣта рускому царю пакости сотворихъ и колицы его грады приближныя къ моей землѣ отъ власти отняхъ и своему высокому присовокупихъ державству; и елико во сразительномъ бою надъ его войскомъ одолѣніи покововахъ; и елицемъ рускимъ богатствомъ обогатихъ и воины своя обогатихъ, въ землю мою накотихъ всякимъ преизобилованьемъ Рускія земли *сокровищей; и колико уничиженіе и страхъ Рускія земли* панесохъ; и колику славу высокому своему королевству Польскому и Великому княжеству Литовскому, и всѣмъ моимъ

подручным великим паном и гетманом, и всѣм бесчисленным воином приобретох. Сим же мимоходящих, на прежняя простиратися начинаю. На высоком же степени стою, на высочайшея же и превысокоя простираюся, яко же хитрословцы научат и пишут: «На высоком ли холму стоиши, высочайше же того и преизобильнейшу гору ищу и средѣ ю владѣти начинаи. Яко же и лев, аще держит зайца *и видит верблюда, оставляет зайца* и гонит верблюда». Сицевым образом, всеумудре разсудительне усмотрех, в нынешнее третьеѣ лѣто паче прежних многосильным подъемом подымаюся на Рускую землю. Сам же своим другом и сосѣдом ближним мудродруголюбныя совѣты совещаю, да аще хотите, вкупе совещавшися, да подыметесь со мною каждо со всесильным своим войском, и вкупе устремимся на Рускую землю, наипаче на славныя Руския земли великий град, именуемый Псковъ.

О сем же граде Пскове именно свещеваюся с вами и повѣдаю вам, яко же о нем слышахом. Первые, зѣло превеликого сказываху, паче же четверооградеи, всекаменными стенами, многославен же в земли той и многолюден. Чрез сего великого града Пскова, повѣдаху, рецѣ текущей скрозѣ каменная стѣны, по рецѣ же той во градѣ многопотребныя вещи стояху, богатством же паче мѣры сего сияти, сказываше. Сего ради великого и славнаго града Пскова всѣх вас, друзей своих, созываю. И сего же града великого восприиму и со окрестными его грады, превеликою же и многославною славою облекуся и вас с собою возвеличу, яко совѣтников моих и друзей. Богатством же многим во градѣ Пскове безчисленне обогащевся и вы, мои друзи, и вся наша великая и храбрая безчисленное войско обогатятца. Многолюдный же и благородный в великом том граде Пскове плѣн всякия по чину беззавистно разделим, непокоривыи же во граде и многолюдныя народы мечю предадим. Великия же своя гетманы во граде Пскове устроив, и здравыи высокия победителя в Литовскую землю возвратимся, и кииждо великим богатством и плѣном на свои панства розѣдемся. Рускому же великому князю конечное безчестия и срам напесем, и великую кручину и вредѣ в сердце о таком великом граде жалостно ему принесем. Мы же во всю вселенную прославимся, яко руского великого князя и славный его град Псковъ восприями есмь».

И тако написав и розослав многогорделивое и безбожное свое послания во многия страны и языки.

Сие же послание приидет от литовского короля Степана во многия земли начала. Онем же сия прочетшу, и паки кождо от себя отписывают, образом имуще писания сиево: «Честнейшему высокостольнийшему королю польскому и великому князю литовскому радоватися! Мудросложныя и друголюбныя и совѣтовальныя твоя к нам послания любезно прием и прочтох и разумѣх писания, к тобѣ же совѣта своего не отрицаемся, но и паче любезно предпосылаем. Сами же и с своими войсками с тобою итти на Псков град готови есмя и идев. А яже писал еси о граде том о Пскове, яже толико же и во всѣх наших странах и о богатствѣ его слава ношашеся. А яже о четверокаменных оградных стенах града того крѣпости писаше, и мы то вѣдаем. Аще и десять или дважды толико каменных стѣн во граде Пскове будет, но и толицими крѣпостями противу твоего великого и высокого имени никакая же твердость отстоятися может, и всякими хитростми и мудрым умыслением сего можетъ взяти». И тако всѣ совершают и посылают х королю своя хвалебныя послания.

Вкупе же и сами многочисленныя земли в Литву х королю Степану собираютца, на славный град Псков безчисленною ратью вооружаютца, многия же орды и многия земли с литовским королем Степаном поднимаютца на славный град Псков. Славы ради града собираютца языцы мнози, им же имена суть сия: литовския люди, полския люди, угорския люди, мозовшаня, нѣмцы цысарския, датския, свитския, шлоцкия, бруцвицкия, любския. И всяких наемных людей 60 000, а своих у него людей собрано 40 000; и всего у него войска 100 000, опричь торговых людей.

Собравшима же ся сима многима земляма в Литву х королю Степану, тогда видѣв всегорделивый той король много собравшуся у себя великую силу, тогда болма разгордѣся во своем высоком безбожном помысле, глаголя, яко: «Не токмо Псков град толикою силою возму и съ его пригороды, но и Великий Новгород и со всѣми предѣлы новгородскими». Также и приближныя его изналѣпшими гетманы сиевоя же глаголаху: «Милостивый государь, королю Степане, толико видево твое безчисленное войско, вся пребывающа люди во граде Пскове, государю, вси убоятца, и устрашатца, и не имут против толикаго силы и сами

стояти. Кая ли гора от каковы воды многи отстоятиса может, или, государю, кая градастеновная крѣпость против твоих великих стенобитных сосуд крепятца? Или, государю, еще к тому тобѣ воспоменем наизряднеѣ сию рѣчь. Милостивый государю, королю Степане, кий домыслъ таковъ будет в русских во Пскове воивод или всяких хитрецовъ, иже домыслитца против твоего великого разума и твоих великих гетмановъ мудрорумышленного ума? Или, государь, ский град или коя осада, прежде и нынѣ, от наших крѣпких и храбрых и непобедимых витезѣ и мудрых градоємцов отстоятца? Ныне же, государь, изрядне поспешествуй на путь на град Псковъ и здрав буди, в славном граде Пскове владычествуй. Также и до нас буди милостивъ, яко сердечне с тобою бѣхом, ко взятю толика града трудивеса».

Сия же многопохвальная рѣчи слышав король от своих первосовѣтников, тольми же паче гордынею и превознесеса на град Псков, яко же древний горделивый Сенахирим, царь асирийский. Егда многия грады окрестныя Ерусалимский за себя взя, тогда выотою помысли и на Ерусалим устремися, также на свою силу многую надѣяся, яко же рече: «Не токмо града Иерусалима от меня царю Езекию с народы отстояти, но и богу невозможно пособити против моего безчисленныя силы». Сего же горделивое превозношения и многобогохульныя глаголы услыша богъ, сицевым образом: егда приити ему под Ерусалим град и град осадившу, на утрии же воставшу Асихириму, царю асирийску, и обрѣте убитых своих вои 185 000; и сие увидев, в мале дружинѣ в Ниневгию убежа и тамо от своих детей убитен бысть. Тако же и сему горделивому королю Степану случися подо Псковом неизреченным промыслом божиним, яко и Насихириму царю. О нем же пространно впереди скажем, нынѣ настоящее да глаголетца.

Король же литовский Степан на прегорделивом своем мѣсте рядныя же своя паны с собою посади и начаша полки розряжати, коим сго великим паном и гетманом в коем полку воиводами быти. Первые же поставляет передовой полкъ. В передовом полку поставляет пана Миколая Родивила, виленского воиводу, гетмана великого литовского, да пана Остафья Воловича, пана виленского, да пана Яна Дорогостайского, воеводу полотцкого.

Правая рука. В правой рукѣ поставляет папа Яна Тишку Жамоцкого, да пана Мерихоря Шеметя, кувхиста литовского.

Лѣвая рука. В лѣвой же рукѣ поставляет пана Яна Глѣбова, пана менской, подскарбей земской литовской, да пана Миколая Сапѣгу, воеводу менского, да пана Хриштофа, воеводу ноугородцкого.

Сторожевой полкъ. В сторожевом полку поставляет пана троцкого Миколая Родивила, да пана Филона Хмиту, старосту оршинского.

Большой полкъ. В болшом полку поставляет пана канцлѣра, гетмана великого польского, а с ним многия рохмисты; и то словет большой полкъ польской. А самъ король пошел за канцлѣровым полком, а у короля приближныя люди с ним пошли: пан Тишка, воивода польской, пан Бекешъ, гетман угорский, пан Миколай Хриштопов, моршалокъ великий литовский, пан Онбрихтъ Радив, староста ковенский. А у паряду велѣл быти воиводе угровецкому, пану Юрью Зиновьеву, старосте чечерскому.

Сих же своих великих панов розрядивъ и наказав, литовский король Степан горделивому своему настоящему пути ся касает на славный великий град Псковъ.

В преименитом же и богоспасаемом градѣ Пскове государевы бояре и воеводы, слышав, яко уже литовский король идет на Псковъ град, всячески неослабно, попрежнему богомудрене во граде Пскове осаду укрѣпляя. В волости же и в села и в засады непрестанно посылая, всякия запасы веляше в город возити; дворы же и достальныя кормовыя запасы жеши повелевая, да некако врагом дома будут; живущих в селех, тѣх всѣх во Псковъ в осаду со многим запрещением бежати веляше.

Также и православный царь государь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси то слышавъ, яко сверженное литовский безбожный король на его государеву отчину, на Псковъ град, со многогорделивою и великою силою устремися; сие же слышав, царь государь паки во Псковъ къ бояром своим и воиводам, и всѣм воинским людям и псковичем умильне и богомудрене свои царьскіе грамоты пишет, неослабно и мужествене во осаде быти и до послѣдней смерти невозвратно с литвою за Псков град битися веляше.

Также и преосвященный архиепископъ Александра Великого Новаграда и Пскова во свое святительство, в

преименитый градъ Псковъ, ко государевым бояром и воиводам, и всѣм воям и псковичем благословения предпосылает. Вкупе же и той всячески и благоумилне, яко богомудрый врач и чадолюбимый отецъ, мужествовати на подвиг велит, и благословляет, и укрѣпляет, и святительскую свою молитву и честным своим прозвितерством и еже о Христе дьяконством, яко победительную руку помощи, предъявляет. Также и ко освященному всему священноиноческому и священническому и дьяконскому чину и всему причету церковному пишет. Тогда бѣше в преименитом и богоспасаемом граде Пскове от священных начальникъ Успение пречистыя богородицы Печерского монастыря игумен Тихон; в соборной церкви богохранимаго града Пскова пребожественей и нерозделимой Троицы настоятель протопоп Лука, протодиякон Олексѣй. Сим же предпомянутым начальником священническаго чину, и всему священническому и дьяконскому чину, и всему причету церковному пресвященный архиепископъ пишет, дабы безпрестанно в соборе неослабно молебны пѣли, такоже и по домом день и ночь бога молили за православнаго царя государя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Руси, и за его государевы дѣти, и за все православное христіанство, дабы господь бог отвратил праведный свойлежащий гнѣвъ, грѣх ради наших, на все православное христіанство, и призрѣлъ бы господь богъ неизреченным своим милосердіем на честное то мѣсто, на градъ Псковъ, и не предал бы господь богъ его в руцѣ враг, насилующих во Христа вѣрующему народу. Также и на постъ, и на колѣнное поклонения, и безпрестанное к богу моление, и чистоту, и целомудрия, и братолюбие, и на вся благія дѣтели научают; и дѣтей своих духовных научати повелевает и тако мир и благословение дает. Настоящее да глаголетца.

Времени же того свирѣпству приспевающе, литовскому королю Степану со многю своею силою на рубежи Руския земли пришедшу. Слухи же всячески во Псков про то приходящи, яко уже литовский король на псковскую землю, на Вороноч город пришол, за 100 поприщ ото Пскова града. Приближение же свое до Пскова увидѣвши, яко насытый ад, пропастанья своя челюсти роскидаша и оттоле града Пскова поглотити хотѣше. Спѣшнее же и радостнее ко Пскову, яко из великих пещер лютому великому змию, летѣше; страшилищами же своими, яко искры огненными дым темен, на Псковъ

летяше; не долетѣвъ, во утробе у себя того града Пскова слышати сказываше. Аспиды же свои и приближныя змии и скоропѣи великий той литовский король блеваньем насытити хваляшеся. И тако всѣ, яко змии на крылех, на Псков град леташе и сего горделивством своим, яко крылами, *повалити хотяше, змеиными языки* своими вся живущия во граде Пскове, яко жалами, уморити мняшеся. Вся же в нем благая во своих адовных утробах в свою Литовскую землю отнести хваляшеся, достальныя же живыя люди, яко сокровище, на хоботех по себѣ в дома своя принести глаголаху. И тако победитель змий мняшеся надо Псковом быти.

В богоспасаемом же граде Пскове государевы бояре и воиводы, и всѣ вои, и псковичи, и весь яже о Христе освященный собор, церковнаго кормила правителе, сие слышавше: первия, яко уже приближаютца ко граду Пскову; второе, яко лев ревый, живыи поглотити хочет. Богомудрене же совещащеся, государевы бояре и воиводы с печерским игуменом Тихоном и с протопопом Лукою и со всѣм освященным собором обходя около всего града Пскова с честными кресты и святыми чудотворными иконами и святыми чудотворными мощми благовѣрнаго великого князя Гаврила-Всеволода, псковскаго чудотворца, и со инѣми многими святыниами, молебная же к богу умильне и чиновне совершающе. По них же шествующе псковстии народи, мужие и жены, и с малыми младенцы, с плачем и рыданием о избавлении града Пскова молящеся; и вкупе вси братолюбне, священнический чин и воинские, и весь мужеский пол и женский, от мала и до велика, смиренномудрием и братолюбием непрестанно в сердцах своих богу моляше и смиренномудростию умудряшеся. Не высока мысляше, ниже горделиве в сердцах своих возпошашеся, ниже на что надѣяться хваляшеся, но токмо всѣм вкупе и сердце и уста глаголаху: «Надежда наша и упование, живоначальная и нерозделимая Троица; и стена наша и заступление и покров, пренепорочная богородица; способники нам и молитвенники о нас к богу, вси избранныи божии святыи; первейшего у себе имѣем воиводу, великого чиновника архангела Михаила и со всѣми святыми безплотными силами». Сими же словесы и богоумными совѣты въ богоспасаемом граде Пскове осада составляшася. Благодать же божия и упования на всеспильную помощь всѣм сердца на подвиг подвижашеся, *лед таяния* отчаянием на-

дежи ни единому во Пскове коснутися, огонь же благодати Христовы всѣм сердца на подвигъ возвари, вѣра на честное то дѣло, еже за Христову вѣру умерети, всѣ тела адаманта утвержая. И тако благодатно Христовою коемуждо во своем чину всячески на подвиг неослабно и безо всякого розмышления готовящуся. Паки же слышав во Пскове, яко литовский же король Степан под Остров пригород прошел за пятьдесят поприщъ от Пскова и по Острову по городу из норяду уже бьет; сие же слышав, государевы бояре и воиводы ничто же усумнѣшася или коему страху коснутися сердце их, но токмо на бога надѣющеся. Государевы же бояре и воеводы своя дѣла безпрестанно творяше, наряду мѣста творяше и наряд розстовляше, гдѣ в коем мѣсте угодно стояти. Также государевы бояре и воиводы промеж себя всю Окольную стѣну во Пскове на мѣста розделиша, в коем мѣсте коему воиводе быти. Также каждо у себя дѣтей боярских, и голов стрелецких, и стрельцов, потом уже и всѣх посадских псковских, наровцких стрельцов и всѣх пскович, по чину розчитав, поставиша. Всю же стѣну вооружиша людьми и народы, пушки же, и пищали, и ручницы, и всякими укрепленьми, против государева недруга уготовившеся. Сим же всѣмъ, по писанным рѣчем, тако бывающим.

От полуденныя страны богохранимаго града Пскова дым темен: литовская сила на черность псковския бѣлыя каменные стѣны предпослася, ея же ни вся литовская земля очертѣти не может. Сему же дыму, литовскому воинству, пришедшу за пять поприщъ до Пскова града. Государевы же дѣти боярския на том мѣсте, на Черехи реки, на заставе бѣше для тое вѣсти приходу литовских людей. Увидѣвше же приход ихъ на Череху реку и во Псковъ прибежавшу, возвестиша государевым бояром и воиводам, что уже литовския люди первыя на Череху пришли. Государевы же бояре и воиводы повелѣша в осадной колокол звонити, за Великою же рекою повелѣша достать посадку зажещи, да нѣкогда врагом жилище будет.

И тако в богоспасаемом граде Пскове первое начало осаде явися: начало лета 7089-го, августа въ 18 день, на память святых мученикъ Фрола и Лавра.

Потом же начаша литовския люди реку перевозитися Череху, также и под город являтися полками начаша. Государевы же бояре и воеводы противу выласку со-

творяют. Сии же пачало *своим* болѣзнем предпоказа-
ваше, беготворным образом всяческии начинаше, к го-
роду же ни приступити смѣяше.

И сий, яко дивий вепрь из пустыни, прииде сам литов-
ский король со всѣми своими многими силами того же
месяца августа въ 26 день, на память святых мученикъ
Ондрѣяна и Наталыи. Сий же неуголимый лютый
звѣрь, насытною своею гладною утробою пришед, и яко
видѣвъ великого града Пскова, яко великую гору, не-
удобъ восходимую, ниже величеством круглости скоро
обходну, всячески умом розполашесе, войску же сво-
ему около всего града Пскова объѣхати и осадити ве-
ляше.

Им же сие повелѣния, начинающим подалее града объ-
ѣзжати, государевы же бояре и воиводы из наряду по
них стреляти веляше. Пушкарем же по них стреляв-
шим, многия полки возмути и многих людей у них на-
рядом прибав. Они же, королю приѣхав, известиша, яко
не мощно около града Пскова объѣхати досегновения
ради и великого многого бою из града от наряда. Ко-
роль же повелѣ подалей града, лесами объѣзжати.
Они же егда поѣхаша, з города же токмо черности иду-
щу видѣв. Государевы же бояре и воиводы из боль-
шого наряда и тамо по них стреляти веляше, и также
от псковского наряда лѣсы преклони и многия полки
прислонивъ. Королю же и сие сказав, он же глагола:
«Кто ли водители мои, иже на Псковъ ведеху мя, иже
глаголаху, яко во Пскове болшого наряда нѣтъ, яко
князь великий весь наряд из Пскова вывести повелѣ
вонъ? Что же се вижу и слышу? Яко ни у меня с со-
бою нѣтъ, ни в Литвѣ остася такова хоти единая пищаль,
еже столь далече шествия пути кажет».

Единому же полку станом начаша ставитися и многия
шатры розставившим. Про сего же глаголаху, яко ко-
ролевскому быти у Николы чудотворца на Любятове,
на Московской дороге. Государевы же бояре и воиво-
ды не повелѣша по них днем стреляти, но весь наряд
днем по них приготовить. Егда же многии шатры из-
ставили, пощи же приспѣвъши, часу яко на третьем,
повелѣша по них ударити из большого наряда. На ут-
рии же ни единого шатра увидѣвши, и многих, сказыва-
вали языки, ту панов добрых побили.

Сие же видѣв, король паки побѣже к Черехъ рекѣ и та-
мо став своими стапами за великими и высокими горы
на Промѣщицы. Насытости же своя алчбу всячески

начала накормити искаше, ко граду градоемного умышления мѣста искаше, и со всѣми своими приближными первосовѣтниками усовѣтовав и смотрѣвъ мѣста — угол града от Великия рѣки, от Покровских ворот, и сие мѣсто из норяду розбив и тако взяти град Псков. Сему же его совѣту твердо уложившуся.

И тако повелѣь лукавый литовский король Степан градоемное дѣло начинати. Свирѣпнии же его лютии градоемцы радостно сие повелѣние восприемши, о градовзятии и всяко тщания показоваше. Первые дѣло начинают в начале индикта, сентября въ 1 день начальный девятодесятаго лѣта, под седьмою тысецею, начаша ко граду копати великие борозды от своих станов по большой по Смоленской дороге к Великим воротам, къ человеку божію Олексѣю, таже от Олексѣя и к городу, к Великим и к Свиным и к Покровским воротам. И выкопаша в три дня пять бороздъ великих, больших, да поперечных семь бороздъ. А в тѣх бороздах, яко же после ходивше и счет обрѣтоша, дворов больших в земли выкопано, сирѣчь, яко избышек и с печками, 132 избы да 904 менших. В болшия же тѣ дворы рохмисты и сотники сходилися, в меншия же гойдуки жити себѣ устроиша. И тако землею окопая, лукавым своим умышлением велми блиско города прикопашеся, яко единому городовому рву токмо меж ими и градныя стѣны быти. Злоумышленно же и люте лукаво ко граду приближишася, коплюще и рьюще землю, яко кроты; от града же и рвов тѣх выкопая, великия горы в земли соградиша, дабы не видѣти ходу их со градныя стены. Высыпныя же тыя земли многія безчисленныя окна провертѣша, из них же стреляти уготовившеся для градоемства и для вылазок на них из града.

Потом же, того же месяца сентября въ 4 день, в ночи, прикотив, поставиша туры. Первая — у Олексѣя человека божія, от града же Пскова яко полпоприша, туто повелѣь съѣзжемуся двору быти; таже другой двор поставили в турах, против того же, к Великой рѣкѣ; да двой туры бойчие: одни против Свиных ворот, вторыя туры против Покровской наугольной башни; третие туры бойчие — против того же угла, за Великою рекою. Всѣ тѣ туры пятеры тое же ночи и землею насыпали. В пятый день сентября в бойчие тѣ трои туры и наряд приволокли и поставили. И тако всякими градоемными образы лютин литовские градоемцы утвердишася, на богоспасаемый град Псковъ вооружишася.

Государевы же бояре и воиводы сия вся литовское умышление над градом Псковом увидѣвъше, также бога на помощь призвавше, и богородицу и заступницу имуще и вся святые ко богу молебники, также противу их в том мѣсте по божь утверждение творяще. Первые, печерский игумен Тихон со всѣм освещенным собором, с честными кресты, и с чудотворными образы, и со святыми мощми благовѣрнаго великого князя Гаврила-Всеволода на то мѣсто приходят в Угол, во храм пречистыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Покрова, против того мѣста, идѣже тѣ лютии литовские градоємцы многое градоємное умышление творяще. Молебное же к богу и къ богородицы туто пѣша и тако мѣсто крестом оградиша и святою водою окропиша. Также государевы бояре и воиводы крестом благословиша и святою водою окропиша и на подвиг вооружа, также и всѣх вои и псковичъ вооружа силою воображенья креста христова; и всѣ на подвиг готовившися.

Государевы же бояре и воиводы повелѣша противу того мѣста всякими укрепленными стены града утверждати, против каменные стены, подалѣя, деревянную дѣлати на чаша и всякия крѣпости уготовляя для пробития от норяда каменные стены от литовскихъ людей. И наряд уставиша, и дѣти боярския и стрелцы съ их головами противъ того мѣста уготовавшися, и псковския посадчкия стрельцы писаныя на том же мѣсте поставиша, идѣже начаяшися от литовскихъ людей, в Покровских ворот, приступу быти. И тако всякими образы в том мѣсте приготоуишися. Также и около всего Пскова града, на Большой Окольной стены и в Середнем городе, который же воивода в своем прясле по стѣнѣ утвержая и назирая и людьми и сторожами, неослабно день и ночь укрѣпляя.

В томъ же Покровском угле и Свиных ворот, у того прясла, бѣше государевъ воивода князь Ондрѣй Иванович Хворостииннѣ, изряднее же прилежа к тому мѣсту государевъ боярин и воивода князь Иван Петрович Шуйской. Также и всѣ государевы бояре и воиводы на то мѣсто на совѣт съѣзжаяся, совѣтоваху с ними же государевы дѣяки богом хранимаго того града Пскова Сулменѣ Булгаков да Офонасей Молыгин, с ними же и пушечнаго приказу дѣякъ Терентей Лихачов на совѣт к воиводам съѣзжаяся. И богомудрене о градаукрѣплении смышляху, коего конем образом в совѣте богъ вра-

зумит; понеже не множеством владѣлец исправляютца начинании, но добрым совѣтом, паче же богу помогающе, и благому их совѣту крѣпцѣ на добрыя подвиги утверждающеся и градному укрѣплению всячески богомъ крѣпящеся.

Литовского же короля гетман, которой же приставлен у наряду, пан Юрьи Зиновьевъ Угровецкий и староста чечерский, приѣхав х королю, возвести ему, яко: «Уже, государю кралю Степане, вся градаемныя вещи готовы суть: и наряд изготовлен и по надобным мѣстам бити по граду уставлен». Король же, сие слышавъ, радостен бысть и повелѣ пану Юрью Угровецкому по городу из норяду бити и великие проломы не в одном мѣсте сотворити для взятыя Пскова града. Он же повелѣние от короля прием.

Того же месяца сентября въ 7 день, в четвергъ, на первомъ часу дни, начаша бити из норяду по городу — из троих туров, из 20 пищалей; и биша по граду безпрестанно весь день до ночи. Также и паутрии 5 часов безпрестани по граду из норяду биша и выбиша у града городовыя стены 24 сажени до земли, да Покровскую башню всю до земли, да Наугольной башни охаб весь до земли, да Свиной башни половину до земли же збиша, *да местами стены городовые збиша* 69 сажень. Сие же збиша и городовую стѣну во многих мѣстех испроломаша. И сие же королю своему известиша; он же велми о сем радостен бысть и повелѣ — своим гетманом и рохмистом и з своимн гайдуки и всѣм воинскимъ людем у себя в наряде быти.

Сим же всѣм х королю сшедшимся, также литовской король Степан съд на своем горделивом королевском мѣсте, гетманы же своя и великия паны и вся своя первая сотники, и всѣ рохмисты, и всѣ воинския люди, и градоемцы, и гайдуки на обѣд к собѣ паки всѣх созва. По обѣде же город Псковъ взяти уготовитися повелѣ. Они же радостно и похвално сшедшеся х королю, совершенно и похвално сказывашеся, яко: «Тепере, государю кралю, милостивою ласкою обѣдаиве и пируиве в обозе у тебя, сего же дни, государю, в замце во Пскове вечеровати у тебя требуйе и здравуем тебя с великим и прекрасным градом Псковом».

Король же, сие слышав, всѣх гетманов и рохмистов и всѣх воинскихъ людей на обѣде у себя велнем учреждением учреди, и друголюбие и молебне о градаемстве конечное и безатступное сладко словесаваше, и вели-

кими обѣты всѣмъ воинскимъ людемъ милость свою и ласку показати обещавшеся, и все богатство псковское и весь плѣн и корысть беззавистно по чину с ними разделить сказываше. Они же противу его отвещеваше, яко: «Государю, совершенне сего дни замокъ Псков за щитомъ возмеве, или, государю, они сами имени твоему покорятца, не возмогутъ противъ твоея безчисленныя силы и мудрыхъ градоомцевъ отстоятися». Также и своимъ паньямъ изъ замка Пскова радостно и с корыстью себя стретати повеляше. И тако литовскій король Степанъ гетмановъ своихъ и рохмистовъ и всѣхъ градоомцевъ отпускаетъ Псковъ взяти.

Того же мѣсяца сентября въ 8 день, въ праздникъ Рожества пречистыя богородицы, въ пятомъ часу дни (тогда той седмичный день пяткъ бѣше), литовскіе же воиводы и рохмисты, и всѣ градоомцы и гайдуки спешне, и радостне, и надежде взяти градъ Псковъ идяше.

Государевы же бояре и воиводы и всѣ воинскіе люди и псковичи, увѣдѣвъше ис королевскихъ станов великія многія полки и з знаменами къ городу идяше и всѣ в борозды утеснене наполняшеся литовскихъ гайдуковъ, уразумѣвъше же, яко градоомствомъ на проломныя мѣста идяше, в осадный же колоколъ зазвонити веляше в Среднемъ городе на стѣнѣ градовней у Великаго Василья на Горке, вѣсть дающе литовскаго къ городу приступу всему псковскому множеству народному. Сами же государевы бояре и воеводы со всѣми воинскими людьми, стрелцами, коимъ приказано в томъ мѣстѣ быти, всѣ наготове стояху, изъ норяду же изо многого по полкомъ стреляти веляше. Изъ норяду же по полкомъ безпрестанно стреляюще, многіе же полки побивающе; безчисленныя же многіе литовскіе люди изъ норяду побивающе и сими поля пристилающе. Они же напорне, и дерзостне, и надежде къ городу идяше, страшилищемъ же своими, яко волнами морскими, устрашающе. Живоначальней же Троицы в соборной церкви освещенный соборъ с плачемъ, и со слезами, и воплемъ многимъ молебная совершающимъ, о избавлении града Пскова бога моляще; псковстии же народи з женами и з дѣтьми простившеся, на проломное мѣсто всѣ збежавшеся, и крѣпко на враги на бой уготовившеся, и всѣмъ сердцемъ богу обещавшеся за Христову вѣру и безвыдочно другъ з другомъ умерети за Псковъ градъ, и за своя дома, и за жены и дѣти.

Сим же тако бывающим, того же дни, въ 6 часть, яко многая вода возшумѣ и многий гром возгремѣ, и все безчисленное войско, возвижжавше, на проломныя мѣста на градовную стену скоро и спешне устремившеся, щитами же, и оружием своим, и ручницами, и бесчисленно копьеми, яко кровлею, закрывающеся.

Государевы же бояре и воеводы и со вѣм многим воинством такоже бога на помощь призывающе, крикнувше христьянским языком, руский ясак воззавше, такоже на стены града с ними крѣпко сразишеся. Литовская же безчисленная сила на градовую стѣну, яко вода многая, льющеся; христьянское же множество вой, яко звѣзды небесныя, противу крепящеся, восхода на стену не дающе. И бѣ яко гром велик, и шум много, и крикъ несказаненъ от множества обоиwo войска, и от пушечнаго звуку, и от ручного обоих войскъ стреляния и крика. Псковскому же воинству восходу на городовую стѣну литовскому воинству не дающе, онемъ же незаконному литовскому войску крѣпко и дерзостно на стѣну лѣзущим. Пролому же и восходу во град от литовьского наряду великую пробиту и удобовсходну, яко и на конех на градовую стѣну возможно ѣздити. Защищение же и затулы никоея же в тѣх в проломных мѣstech от литовского наряду, у Покровских и у Свиных ворот, за чѣм стояти, ничто же не оставлено бѣше. Против же проломных мѣсть защищения ради с литовскими о градоемстве бою во граде стена деревяная со многочисленными бои и в то время вся несогражена бѣше безчисленного ради и безпрестанного бою из норяду литовских людей, но токмо основанию основающюся. Того ради литовские люди многне на стены воскочиша града Пскова, и многне рохмисты и з гайдуки и з своими знамены в Покровскую и в Свиную башню влѣзше, из-за щитов же своих, из акон в город по крестьянскому войску стреляюще безпрестанно. Всѣ же надежныя, первовоскочивше первово на стену, лютии литовские градоемцы желѣзы и бронями крѣпце окованы и вооружени бѣше. Государевы же бояре и воеводы со вѣм христьянским воинством противу их непрестанно и безоотступно крѣпко стояше, изрядне же и мужественне быющеся, входу врагом во град неослабыми образы не дающе.

Литовский же всехвалыный король Степан, видѣв своих рохмистовъ и надежных градоемцовъ и гайдуковъ, яко влѣзше на стены града и в башнехъ и з знаменами уже

стоящих, и во град по народу безчисленно стреляюще, ко взятию града путь очишающе, нескозанныя радости исполнися и надежею ко взятю града збытья смотряюще. Сам же король ко граду приближися, во храм великого мученика Христова Никиты, от града яко поприще едино. Также и приближнии его первосовѣтники и его любимыя избранныя дворяне, радостне приступльше, х королю надежно и похвально глаголаху: «Свершен еси, государь нашъ, милостивый король Степане, владѣлец и победительный восприимникъ славному граду Пскову, прославися. Молим же твою преумноженную ласку, да отпустиши и послещи нас напред в замок Псков, и да не похвалятца пред тобою рохмисты, яко мы едины з гайдуки Псковъ град восприяли есмя».

Король же сие слышав от своих дворян и первосовѣтник, яко и тѣ радостно и своими промыслы сами его желание исполнити хотят, тогда король вельми радости наполнися. Веселым же лицом и радостным сердцем к ним, яко к своим братомъ, отвещеваша: «Вы, мои друзи, сицавая друголюбивая совѣты возвещаете, то и аз с вами иду и друзей своих, вас, не отстану». Они же ему отвещаше: «Ты, государь король Степане, своим великим и славным королевским входом в таковой великий град Псков да внидеши, яко же великий царь Александръ Макидонский и всее вселенныя владѣлец в Рим великий и славное свое вшествие показа. Мы же, государю, твоя рабы, яко же Александра царя из Рима, из ствоего великого града Пскова славна же стретем, и побѣдныя многохвальныя пѣсни принесем, и преумноженное псковское богатество твоему приходу все уготоваем. Также государевы бояре и воиводы, еже во граде Пскове великого князя руского, плѣнника приведем. Наипаче, государю, яко многочисленное сокровище и руского царя вещь, два его боярина и воиводы: ового, яко первоначального во граде Пскове великого гетмана, князя Василья Федоровича; ового же, яко славнаго, и крѣпкого, и непоколебимаго, великаго, храбраго гетмана, князя Ивана Петровича; обоих же в Руси и у нас славных Шуйских связанных пред тобою поставим. Ты же, государю, за их непокорство к тобѣ, еже хочещи над ними, также и надо всѣми начальники да твориши». Король же, сие слышав, с радостию отпускает их на стены града Пскова, сие же им прирек: «Яко вѣмы, друзи, по вашему доброму ве-

щанию доселе збывашеся и нынѣ збудетца. Еже хощете сотворити да сотворите, ничто же бо никогда противу вас и разумнаго умышления вашего укрѣпитца». Также отобравшеся их, избранных градоомец и приближных королевыхъ дворян, 2000, в розбитую от них сторону во Свиную башню надкашеся и начаша стреляти из оконъ по крестьянскому народу, противу их ополчения; яко от велика дождевна облака ручничными пулками, яко безчисленными каплями, народ поливающе и яко зминными жалами крестьян умурающе. Также и в Покровскую башню и по всему проломному мѣсту крѣпко литовские люди насилующе, отбивают от того мѣста руское христьянское воинство, ко взятию града путь очищают.

Государевы же бояре и воиводы, и всѣ воинские люди, и псковичи тако же противу их крѣпко и мужественно стояху: овии под стеною с копьи стояху, стрельцы же ис пищалей по них стреляху, дѣти же боярские из луков стреляху, овии на них каменне метяху, овии же всяческии о избавлении града Пскова образы показующе. Также из норяду по них непрестанно стреляюще и никоими образы снити во град не дающе. Литовскому воинству крѣпце и напорне з стѣны, и з башен, и из оконъ по рускому воинству стреляюще безпрестанно, и переменяся литва быующеся всячески, и «Град Псковъ возьмем!» — глаголаху. Король же литовский к ним также часто о взятии града посылая, также и гетманы и рохмисты литовские и все многое собранное воинство литовское запрещением понужающе.

В богоспасаемом же граде Пскове также государевы бояре и воиводы своему воинству с любовью и со слезами на бой понужающе, христьянскому *воинству* сердечне и безотступне с ними быующеся. И бѣ видѣти христьянские главы, яко пшеничныя класы, от земли востерзающеся и тако за Христову вѣру скончавашеся. Овем же многочисленным раненым, от литовского оружия изнемогши и от многого труда истаевшим, — дню же тогда зѣло от солнечных лучъ жаростну бяше; — но токмо божним покровом и на него вооруженьем надежным крѣпящеся.

По граду же богоспасаемому Пскову и в соборной церкви живоначальныя Троицы безпрестанно къ богу со слезами и со воздыханиемъ многим о спасении бога молящии. И яко прииде вѣсть во храм живоначальныя Троицы всему освещенному собору, яко уже ли-

товская сила на стенах и въ башнях, и со знаменами ходят, и во граде стреляют, сход своего пути очищают, тогда же печерский игумен Тихон и протопоп Лука и весь, яже о Христе, всего того богоспасаемаго града Пскова священнический и еже о Христе дьяконский освященный собор, яко же сие слышав, всии же воскличавше гласы немолчными и руцѣ простирающе к пречистому образу, на колѣну припадающе, слезами же мрамор помоста церковнаго, яко струями многими реки, возмочиша, къ богородицы о спасении града Пскова и живущих в нем умилене молящеся. Также и жены благородныя и к молебному стоянию в соборную церковь сошедшеся, кричаще и гласы ревуще, и в перси своя бьюще, и богу и пречистой богородицы молящуся, о забрала же и о помость убивающеся, молебне вопиюще. Также и во всем великом в богоспасаемом граде Пскове по домом оставившеся жены со всѣми своими чады и малыми младенцы пред святыми образы умилене плачуще и гласы вопиюще, в перси своя бьюще, богородицу со всѣми святыми на помощь и на молитву призывающе, о своих гресех и о избавлении града Пскова бога моляще. По улицам же всѣм богоспасаемаго того града Пскова бѣ крик великъ и стнания много и вопль несказанен.

Литовскому же воинству крѣпко и надежно насилующу: «Приидѣте, рече, друзи и потребим всѣх во Пскове живуща за непокорение их; и не помянетца имя крестьянское во Пскове, к тому яко прикрых сень смертная, и иже измет их из руку нашу!»

Кто возглаголет силы господня, или кто слышаны сотворит хвалы его? Блажени бо, рече, вси боящеся бога, ходяще в путех его труды плод своих съѣдят. Услышите сия, вси языцы, внушите, вся живущии по вселенней, земнии же сынове человечестии, вкупе богат и убог. Приидѣте же, вся святыя Руския земли *христианского православия*, яже и вы с нами споболѣзновасте и молитвами своими къ богу нам помогосте, и в богом прославленный той град Псков, воистинну же реку, яко в богоспасаемый град Псковѣ. Вкупе прославим и возвеличим Троицу святую, торжествене речем: «Богъ нам прибѣжище и сила, помощникъ в скорбех, обретших ны зѣло». Сего ради не убоимся, воистинну бо реку, яко не убоимся, по пророческому гласу, яко: «Велий господь и хвален зѣло во граде бога нашего, в горѣ Святѣй его, богъ в тяжестехъ его знаем есть, егда засту-

паеть и». И во смиренши нашем помяну ны господь, яко царие земстии собрашеся вкупе на богоспасаемый град Псков, вкупе глаголюще: «Бог оставил есть его, поженете и возьмемъ его, яко нѣсть избавляя и».

О окояннаго твоего и всегорделиваго языка литовский начальниче, Оботуре Степане, и со всѣмъ твоимъ безумнымъ воинствомъ! Како речете, акаяннии, яко нѣсть избавляя и? Господь сил с нами, заступникъ нашъ, богъ Ияковль, богъ в Троицы славимый, единъ богъ в три имена разделяем, во единомъ свойстве познаваем, Отецъ и Сынъ и святой Духъ! На него же надѣмся и уповаем, а не яко же ты, Оботура, в беззаконной своей ереси не знаеши его, но превознесе на град Псковъ до небеси, надѣся по своему безумию, множествомъ силы своея хвалящеся. Пожди, окояниче, что узриши над своею силою и уразумѣши, яко нѣсть избавляя нас, яко же написях многоя твоя гордое хваление на град Псковъ. Противу же сего и уничижение приимеши: от высокаго своего возношенія до ада снидеши и со всѣмъ своимъ воинствомъ, яко во смиренши нашемъ помяну ны господь и избавилъ ны есть отъ врагъ нашихъ. И услыша господь моление рабъ своихъ, маниемъ неизреченнаго своего милосердія начало збѣгнѣти владычнѣя, егда призрѣ на свое достояніе и яви над своими рабы великую свою милость.

С Похвальскаго роскату изъ великаго пищаши изъ Барса удариша по Свиноскаго башни и не погрѣшиша, тогда множество воинскихъ людей литовскихъ в башне прибиша. Еще же к тому государевы бояре и воиводы повелѣша подъ Свиную ту башню поднести много зелья и зажеши е. Тогда всѣ тѣ высокорделивыи королевские приближныи дворяне, якоже у короля выпрашались напередъ во Псковъ градъ вѣсти и короля стрѣсти и государевыхъ бояръ и воиводъ связанныхъ передъ короля привести, по нимъ речемъ и первой похвалѣ, отъ связанныхъ русскихъ бояръ и воиводъ божіимъ промысломъ первыи литовские люди со псковскою каменною стеною Свиноя башни вкупѣ смесившеся и своими телесы яко другую башню подо Псковомъ соградиша. И первыи королевские дворяне отъ русскихъ государевыхъ бояръ и воиводъ, про нихъ же глаголаху, яко связанныхъ хъ королю привести и, подъ Свиною башнею до послѣднего востанія связашася и телесами своими псковскій великій ровъ наполниша.

О них же первые извещение королю сказаша, яко воспросити ему: «Уже ли мои дворяне в замце?» Ему же сказаша, яко: «Под замком». Королю же воспросившу, яко: «Уже ли мои дворяне за стеною в городе ходят и рускую силу прибавают?» Ему же отвещавшу, яко: «Государю, все те твои дворяне в Свиныя башни убиты и созжены, в рову лежат». Тогда королю вmale ему на свой мечь не напасти, яко мнѣти ми, мало сердцу его не треснути, таков бо бывает обычей усердым, паче же невѣрным.

Такоже король паки усердися, присылает к Покровской башни и по всему пролому рохмистом и всѣм градоємцем, крѣпко безотступно град Псковъ взяти веляше. Государевы же бояре и воеводы, видѣвъше напорное и безотступное стреляние, крѣпкое градоємство, многие же своя вои прибиты и ранены изнемогша, но токмо надежа в божію неослабно, посылают в соборную церковь живоначалныя Троицы по большое и надежное избавление, по святыя и чюдотворныя иконы и чюдотворныя мощи благовернаго великаго князя Гаврила-Всеволода, чюдотворца и избавителя псковского от враг, и повелевают принести близ проломнаго мѣста от литвы. Яко же чюдотворную святую икону пречистую Богородицу из Володимера въ царствующей град Москву нахожения ради Темира-Аксака царя; здѣ же в богоспасаемом граде Пскове нахожения ради полскаго короля. Тамо, яко именитого Колтыри, здѣ же проименитого Оботуры; тамо же по Владимирскую икону, *зде же по Печерскую икону*. Тамо, яко понесена пресвятая икона из Владимира на Москву в самый богородицынъ праздник Успение, того дни и Темир-Аксак усрамися, от пречистаго образа невидимо убоися и со всѣм воинством от Москвы и со всеа Руси побежа. Здѣ же, в преименитом и славном граде Пскове, в самый ея же богородицынъ праздникъ, честнаго и славнаго ея Рожества, егда понесена бысть святая чюдотворная икона Успение пречистые богородицы Печерскаго монастыря от соборныя церкви живоначалныя Троицы, и с прочими чюдотворными иконами, и с мощьми благовѣрнаго князя Гаврила-Всеволода, и с прочими святынями к проломному мѣсту; того же часу и отграда граду Пскову невидимо явился на проломѣ.

Крѣпко бо литва со стены града, с Покровские башни и со всего пролома, литовское воинство с руским воинством быющеся, государевы же бояре и воеводы и со

всѣм еже о Христе воинством во Пскове такоже противу их стояху и не дающе схода литвы во град во Псков. Егда же, рекох, идоша к проломному мѣсту святых иконы, того же часу, яко от лица милости святых иконъ, вѣстницы на конех прибежавше, не воинские люди, но воины Христовы на невидимых враг, черным образом и дѣлы. Первый — тоя же чудотворныя иконы пречистыя богородицы Печерского монастыря келарь Арсений, именуемый Хвостов; с ним же второй — Рождества пречистыя богородицы Спетогорского монастыря казначей Иона Наумов; третий же с ними Мантирей игумень, — знаем же бѣ он во Пскове всѣм. Сим же предпомянутым черноризцы плодким рождением дѣти боярские, и егда бѣху они в мире, тако же искусни воины. Сего ради богомудрено и вѣры ради и честных своих молитвъ, егда прибежавше къ проломному мѣсту, идѣже кровопролитное торжество свершися обоих стран, великими гласы государевым бояром и воиводам и всему христьянскому воинству, яко же прежде рекохом, яко от лица святых иконъ милости рекоша: «Не убойтесь, станем крѣпко, устремимся вкупе на литовскую силу, богородица бо к нам идет с милостию и заступлением и со всѣми святыми на помощь вкупе же».

Такоже сия гласы слышав государевы бояре и воиводы и все христьянское воинство, яко богородица идет со всѣми святыми на помощь, вкупе же с сими слухи богородицы милостию осение и помощь на все православное христьянство приде; и немощных сердца адаманта крѣплее утвердишеся, и всѣ вкупе вооружившася. Такоже во едино сердце вси богородицы милость приемше и сее помощию вооруживше, яко единими усты богородицу на помощь призывающе, и во единъ глас крикнувше государевы бояре и воиводы с ними же и предпомянутыя чернцы и все христьянское воинство, рекуще: «Днесь, о друзи, умрем вкупе за Христову вѣру и за православнаго государя нашего и царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси от литовских рукъ, а не предадим государя нашего града Пскова польскому королю Степану». Такоже великого заступника псковскаго, князя Гаврила-Всеволода, с ним же и князя Доманта и Микулу, иже Христа ради уродивого, в сердцах своих на помощь принимши, и все воинство христьянское вкупе снемшеся, устремившася на литовскую силу на стены града, на проломное мѣсто. И тако божиею милостию и пречистей богородицы мо-

лением и заступлением и великих святых чудотворцовъ с проломнаго мѣста литовскую силу збиша; благодатию христовою, идѣ же литовские ноги на псковской стѣнѣ стояху, паки на тѣх мѣstech христьянская сила утвердишася, и за градом с литвою со стѣны бьющеся и з достальными еще в Покровской башни оставшимся.

Того же часу, егда христьянское одоление над литвою показа богъ и с проломнаго мѣста литовских людей, рохмистовъ и з гайдуки збиша, тогда и та благодать Христова не утанся по всему тому граду Пскову оставшимся женам. И промчеса слово то во весь град Псков, яко: «Всѣх литовских людей богъ пособил з города збити и прибити, а вам, оставшимся женам, велено по литовской наряд итти и останокъ литвы побивати, от пролома скопяся».

Тогда же и всѣ еже во Пскове жены, по домом оставшимся от печали, мало нѣкако радости благовѣстия приемши; и оставивше немощи женские и в мужскую крѣпость оболкшеся и всѣ вскоре, каждо из своихъ дворов и княздо противу своея силы, оружие носяще. Младые же и сверстныя, крѣпкия телесы, досталь с приступа литву прибавати оружие ношаше, старыя же жены, немощныя плотию, тѣ в своих руках малыя и краткия верви ношаше и тѣми литовский наряд, по сказанью, в город ввести помышляюще. И вси къ пролому бежаху, и всякия жена паче другіе тѣшание скоростию показующе. Збежавше же ся много множество женъ къ проломному мѣсту и ту великое пособие и угодие воинским крестьянским людям показаше. Овии же от них, яко же рекох, крѣпкия жены, в мужескую храбрость оболкшеся, с литвою бьющеся и над литвою одоление показаша; овии же камене воином приношаху и теми литву з города и за городом побиваху; овии же тружающимся воиномъ и от жажи изнемогшим воду приношаху и ретивыя их сердца водою утолеваху.

Пятку же тому дни, в праздникъ Рожества пречистыя богородицы, и вечерю приспевающю, литовскимъ же людям еще в Покровской башни сидящим и по христьянѣх во град стреляюще. Государевы же бояре и воиводы паки бога на помощь призвавше, и христьянскими гласы крикнувше, и вкупе снемшеся мужи с ними же и жены и на достальную литву в Покровскую башню устремишася, коегождо с чим и какъ богъ вразумит:

овии же из ручниц стреляюще, инии же камешнем литву побивающе; овии же горящею водою их поливающе, инии же огни зажигающе и на них мечюще, и всячески промышляюще. Также и под тое башню зелья поднесоша и зажгоша, и божием пособием тако и досталную литву с Покровские башни всѣх збиша, и христовою благодатию паки очистися каменная псковская стена от скверных литовских ног. Нощи же приспѣвшу, нам божием милосердіем свѣтъ благодати возсия, и от стены за градом отбиша.

И тако литва от града в станы побѣжа. З города же скочивше христіяне далече за ними, секуще их, и гнашеся; которых же во псковском рву заставающе и тѣ прибывающе, многия живыя похватавше, в город къ государевым бояром и воиводам приведоша нарочитых языков и с нобаты, и с трубы, и з знамены, и с ратными оружии. И паки всѣ здоровы во Псков со одолением многим и з безчисленным богатеством возвратишася, оружия литовския, изрядных нарочитых самопалов и ручниц разных всяких безчисленно много внесоша. И тако божиею благодатию, неизреченным милосердіем пребожественныя Троица и молитвами и молением пречистыя богородица, честнаго и славнаго ея Рождства, и всѣх святых великихъ чудотворцовъ того же дни спасенъ бысть великій град Псковъ; и великое одоление показа богъ христіянскому воинству над горделивою и незаконною литвою в третій часъ нощи.

Сие же видѣвъ, государевы бояре и воиводы, и весь яже освященный собор, и всѣ православные христіяне, мужие же и жены и со всѣми чады, неизреченное и неслезанное божие милосердіе пресвятыя и пребожественныя и живоначальныя и неразделимыя Троицы и молитвами и молением надежныя нашея христіянския заступницы, возбранной воиводе, истинныя богородицы и приснодевы Марія, и всѣх святых великихъ чудотворец, всея святыя Руския земли заступников, ноипаче великого светилника, настоящее славному именитому граду Пскову истиннаго заступника, благовѣрнаго великого князя Гаврила-Всеволода, с ним же и князя Доманта и Микулу, иже Христа ради уродивого, и всѣх святых, неизреченныя радости исполнися и великое благодарение всѣ богу воздаша. И от великого своего труда мало нѣкакo отдохнувъ и храбропобѣднаго своего поту отерша государевы же бояре и воиводы и все православное христіянское воинство.

Такоже государевы бояре и воиводы глаголют и мудро-учителне наказуют ко всему хрестиянскому воинству и псковичем: «Сий же, братие, первый нынѣ наста нам день плача и веселія, и храбрости и мужества. Плача, яко за грѣхи попусти на нас богъ таковому искушению; веселіе же, яко за хрестьянскую вѣру и за отеческія законы сподобляемся умирати. Храбрости же и мужеству нынѣ настонт время; яко же начахом, тако же молим бога и тщимся и свершим, видя же таковое к себѣ великое милосердіе божіе. «Яко силнии враги наши подоша, а мы, немощнии, препоясашася силою; и исполнь хлѣба лишашася алчущи, милосердія божія исполнены благъ». Или еще: «Не помянетъ господь богъ грѣх наших и отвратитъ праведный свой лежащій гнѣвъ». Яко видя милосердіе его многое, начало благо, чаемъ же и конца потребна: яко же глаголють нѣцыи о обычаех горделивых литовских, яко еще погрѣшати в началѣ, впереди же торопливейше могутъ быти. Мы же благодатию Христовою и званием, его хрестіане именуемъ. Изволимъ же за святую ту Христову вѣру и умрети и за православнаго государя нашего, царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Руси, и за его государевы дѣти, наши государи. А не помыслимъ в сердцахъ нашихъ коею мыслию или боязнествомъ в размышления сѣ дати или отчаяти, яко же ему, государю, непобѣдимое оружие и животворящій крестъ целоваше. Яко же глаголет неизреченная Христова уста, святое Евангеліе: «Аще весь мир *приобрѣщетъ*, душу свою отщетит. Или что дастъ человекъ измѣну на души своей». Сими же премногими добродѣтельными словесы государевы бояре и воиводы, яко истиннии хрестіанстии поборницы, подначалному ихъ войску сказаша.

Христолюбивое же воинство, сие слышав, с плачемъ же и со слезами противу боголѣпно и раболѣпно отвещеваютъ сице: «Яко же от прародителей своихъ хрестіане есмь и во Христовѣ вѣрѣ родивеся, и нынѣ готови есмь за Христову вѣру и умрети; яко же начахомъ по божѣ и совершити безо всякыя хитрости». Яко же и бысть благодатию Христовою.

Потомъ же повелѣша сохраняти добродѣдныхъ храборниковъ, иже за Христову вѣру пострадавшихъ, яко же древнихъ мучениковъ, скончавшихся отъ мучительскихъ литовскихъ рукъ. Сихъ же обрѣтоша в первой в большой приступъ всякихъ людей побитыхъ 863 человекъ. А рапе-

ных же повелѣша из государевы казни лечити. И сихъ всякихъ людей в большой в первой приступ ранено 1626 человекъ.

Литовский же многогорделивый король Степан тако видѣвъ, яко желанія своего не улучиша, со стыдомъ многимъ и со срамомъ литовское свое воинство от града бѣжавшихъ, самъ же король велика срама исполненъ бысть, гетмановъ же своихъ и рохмистовъ не можаше видети. Также и гетманы не могоша своему королю явиться за настоящую къ нимъ срамоту и за многое ихъ къ королю похваление. Къ сему же услыша король, яко великого его гетмана угорского и любимаго имъ Бекеша Кабура подо Псковомъ убитъ, съ нимъ же и иныхъ великихъ литовскихъ земли славныхъ побитыхъ: пана Степана, пана Мартына, великаго угорского пана Петра, *пана* Яна Сиоса, пана Дерта Томаса, пана Генеса Павлова, пана Береденика и иныхъ многихъ, великихъ и славныхъ литовскихъ. Также и всякихъ градоємцовъ у Пскова побитыхъ, яко же и онѣ сами сказываху, боле 5 000, раненыхъ же яко сугуба толика.

Сие же слышавъ, король великую кручину и во отчаяніи впадъ, и многіе укоризны *на ся* и на свою силу нанося. Къ сему же король слышитъ у себя въ стѣнахъ плачъ великъ, и крикъ, и рыданіе, и вопль многъ, яко всему стану ихъ возмутитися и восколебаться: паньи пановъ плачутъ, мужей своихъ, матери же чадъ своихъ лишаютца, братъ зъ братомъ разлучишася. И злѣ животовъ своихъ подо Псковомъ гонзнуша, яко и паньямъ своимъ повелеваху изъ Пскова стрѣтати, за сию же похвалу и сами изъ псковскаго поля и изъ рву не изшедше, но и телеса ихъ псомъ на снѣденіе вдавшася.

Паки же король съѣдъ на своемъ высокогордомъ мѣстѣ, ему же предстояху великія его гетманы и рядные его паны и первосовѣтники, всяческіи розмышляюще: «Конми образы можемъ взяти градъ Псковъ, и коею хитростию и мудростию уловимъ, якоже во Псковѣ свирѣпыя воиводы и непокоривыя народы?» И тако паки на богоспасаемый градъ Псковъ совѣтъ составляютъ. Ово же паки приступами взяти, инии же первосовѣтники ласкою и грозою повелеваху у государевыхъ бояръ и у воиводъ и у народа града Пскова прошати, о сицевыхъ написавъ листы, въ городъ на стрѣлахъ стрѣляти. «Аще ли и симъ не одолѣемъ, и ласкою и грозою не увѣщаемъ, на великія своя гетманы и паны первосовѣтники каждо свой подкопъ замысливъ, за градавную стѣну подведемъ и,

зелья подкативъ и зажег его, крови не проливав литовского своего войска, скоро и спѣшне можемъ взяти градъ Псковъ». Сий же безбожный совѣтъ ихъ и безбожно-надежное умышление ихъ, сию дшую и гордую славу ума ихъ король слышавъ, благохвальне разумъ ихъ похвали, и совѣту ихъ тако уложившуся. Паки же литовские рохмисты зъ гайдуки по совету своему повседневное татѣбна устремления приступы на проломныя места начинаютъ.

Государевы же бояре и воиводы со христолюбивымъ воинствомъ никоими образы всхода на градную стену не дающе. Къ сему же государевы бояре и воиводы повелѣша противу проломного того мѣста стѣну деревянную сотворити со многочисленными бои, и многия башни поставиша и во многихъ мѣstech и наряд изготowiша противу приступу литовскіе силы. Промежъ обѣихъ стѣн, каменныя и деревяныя стѣны во граде, и повелѣша ровъ выкопати и поставиша в немъ дубовый острый чеснокъ, такоже и по всему пролому, в башняхъ многочисленный острый чеснокъ исставивъ и укрѣпиша, яко никоими образы человеку возможно промежъ его пройти. И всякими образы противу приступовъ ихъ готовящуся: ово же смолье зажигая на нихъ метати готовляхуся, ово же врятокъ с каломъ в котлахъ возгреваху, иное же зелья в кувшинахъ на нихъ метати приготавлиаху, ово же сухую сѣяную извѣздь приготавлиаху литовскому воинству безстудныя очи ихъ засыпати. И тако благодатию христовою противу приступовъ ихъ крѣпко и благонадежно изготowiвшеся. Литовскому же воинству по вся дни, ово же и дважды и трижды на день, и в ночи, приступаху, и христовымъ пособіемъ всегда христѣяне литву от стѣны отбиваху и на всякихъ приступахъ многихъ людей побиваху литовскихъ, христѣянское же воинство всегда богомъ соблюдаемо бысть.

Сіе же видѣвъ гордонапорная литва, яко никоими образы на стѣны приступомъ быти, и сіе королю своему и нехотѣ сказаху. Король же повелѣ во Псковъ къ бояромъ и къ воиводамъ грамоты писати о зданьи града Пскова. «Да вѣсте, рече, бояре и воиводы, яко не на то есмѣ приидохъ под градъ вашъ Псковъ, абы не вземъ мнѣ его отити. Нанпаче сами вѣсте, колицы грады государя вашего в мимошедшии два лѣта взяхъ и ни от единого града отидохъ, еже не взяхъ, не токмо же самъ язъ, но и от посланныхъ мною гетмановъ никииждо градъ отстоялъ. Нынѣ же пишу къ вамъ, жалуя васъ и спобдя благо-

родие ваше, помилуйте себя сами и покоритесь моему великому имени, отворите ми град безо всякия крови. Да аще так учините, вѣдомо да будет вам, яко ни един великих вас у вашего государя пожалован есть, яко же мнѣ изволися милость свою и ласку показати вам. Аще за сею ласкою увидети лице мое имате, королевским своим словом и со своими избранными паны заистинствую, яко не токмо во граде Пскове намѣсники от меня будете, но и многия грады в отчину дам вам, аще с миром отдадите ми град. Всего же народа во граде помилую, и паки на своих законах жити имате, и каждо свой чинѣ исправляете, и торги своя в старину да торгуете. Аще ли сему не покоритесь, во всем великом вашем граде Пскове ни один от мене милости узрит, но горкими различными смертями да умрут». И тако, написав грамоты, стреляют во град, сие же ни единова, ни дважды, но и многожды стреляют стрѣлы с таковыми грамотами во Псков.

Государевы же бояре и воиводы противу к нимѣ отписывают сицевым образом: «Да вѣсть твое державство, гордый литовский начальниче, король Степане, яко и пяти лѣтъ во Пскове христианское отроча посмеетца твоему безумию и твоим глупым первосовѣтником, о них же есте к нам писасте. Кая польза человеку возлюбити тма паче свѣта, или паче чти безчестие, или паче свободы горкую работу? Кольми паче нам оставити святую свою христианскую вѣру и покориться нам вашей прозебли? Или кое приобретение почести, аже оставити нам своего государя, православнаго великого христианского царя, и покориться иновѣрну чюжеземцу и быти яко жидом? Наипаче, онѣ бо не зная или по зависти господи славы распыша, нам же, зная своего православнаго царя государя, под их же царскою властью и прородители наши родишася, яко оставити? Или ложною ласкою и дщею лестью, или суетным богатством прелстити нас хошеши? Яко ни всего мира хошем богатство противу своего крестного целования, яже государю своему вѣришася. Или что королю лютыми поносными и горкими смертями претиши нам? Аще богъ по нас, ин никто же на нас! Всѣ готовы есме умерети за свою вѣру и за своего государя, а не предадем града Пскова, ни покоримся прелесным твоим глаголомъ. И ни один от младоумных во граде Пскове таковаго совѣта возмет, а от чиновных же му-

жественых во Пскове мужей ни в слух о том твоём безумнем умышлении вместити примут. Но готовъ буди с нами на брань, елико коему над кѣм богъ одолеише покажет». И тако отпущают по стрелѣ в рать свое отписыванье.

Такоже государевы бояре и воиводы частыя и повсядневныя выласки сотворяют за град; божиею милостию и царьским счастьем, и своим боярским и воиводцкимъ домыслом, многне языки литовские во град хваташа, и королевские его первосовѣтников умышление надо Псковом великим истезанием и пытками доведывашеся, и тако противу умышлений их готовящюся. Паки же во един день бяше выласка за Ворламынскыя ворота, и тако ухватиша литовские языки, от них же вѣсть накрѣпко переняше, что литовские гетманы королю своему именита похвалишася подкопами взяти град Псков и кииждо начальников розных земель свой подкопъ поведоша: подкопъ королевской полской, подкопъ литовский, скорой похвальный, подкопъ угорский, подкопъ немецкой; и всѣх подкопов в розных мѣstech — 9 подкоповъ. Сии же литовские языки государевым бояромъ и воиводам сказаха, что уже тѣ подкопы всѣ повели сентября въ 17 день, а напередѣ и всѣх угорской подкопъ поспѣет. А ни един от тѣх литовских язык не увѣдают, х коему мѣсту тѣ подкопы повели, и у нашейде, у литовской силы, добръ вѣдома подкопом тѣм блюдут.

Слышав сие государевы бояре и воиводы, яко уже литовской король подо Псков многне подкопы повели, о сем же благодариша бога, яко и тот их совѣтъ увѣдаша, а о том же многою кручиною объяти быша, что не увѣдаша, под которыя мѣста подкопы ведяше. О сем же много бога на помощь призываше и повелѣша противу подкоповъ из города многне слухи повести, не токмо противу пролома, от которых мѣсть их надѣяхуся, но и по вѣсему Пскову накрѣпко в слухах подкопов блюдуше.

Такоже и освященный собор о снцевых настоящих бедах безпрестанно бога молящи день и ночь о избавлении града Пскова; такоже по трижды на недели на пролом со кресты и со святыми чудотворными иконами и с чудотворными мощми благовѣрнаго князя Гаврила Всеволода и с прочими святынями прохожаху и многомолебное совершающе. Литовские же гайдуки, егда

услыша по пролому от христьянских священников молебная пѣваема, нонпаче на Покровской наугольной башни, и урозумевающе туто многу народу быти, и камением многим на то мѣсто метяху и сими христьян урожаху.

Единою же, по обычею, священником со кресты пришедшу к Покровской наугольной башни и молебное совершающе сентября въ 20 день, литовские же гайдуки паки по возбешенному своему обычию камением во град шибяху. И удариша же великим камением о чудотворный образ, принесений от живоначальныя Троицы, великого страстотерпца Христова и побѣдоносца, великого мученика Дмитрия Селунского, корсунского греческого письма, во ополченный на нем злаченый доспѣх, и вырозиша у доспѣха великое мѣсто во чрево, повыше пояса, против правого рама, и левкас до доски. Священницы же, сие видѣвъ, также государевы бояре и воиводы и всѣ православные христьяне, над страстотерпцевым образом тако збывшеся, глаголаху ко святому великомученику Христову Дмитрию: «О, великомучениче и победоносче, виждь врагов наших дерзость, не токмо над нами, но и над святым твоим чудотворным образом поругающеся. Но молися, святе Дмитрие, ко господу и избави нас своею милостию и помощию от враг наших, яко же за свой град Селунь милостиваго владыку умоли и яко же пособивый иногда великому князю Александру Невскому на великом Чюдцком озере над погаными нѣмцы, того же великого града Пскова обороняющему: яко милостивное свое пособие увиривъ, от того же твоего чудотворнаго образа из деснаго уха сергу изобрести на великом побоищи великого князя Александра Невского с нѣмцы. Тако нынѣ, святой Дмитрий, яви милость свою и избави нас и град нашъ Псков от враг наших, злогордыя литвы». Что же сие чудо, како молчанию предадим? Но и сие милосердие божие требѣ объявити.

Того же дни, егда незаконных дерзость и до святого образа страстотерпца доиде, того дни и совершения литовского короля умышление и всѣх его первосовѣтников поведенія под город подкопы всѣ именно открывшася, под которыя мѣста градовныя стены ведяху, снцевым образом. От литовского войска выходец пѣхто в город Псковъ утече, преже бывый русский и полоцкий стрелец именем Игнашь. Той же Игнаш государевым бояром и воиводам все именно, противъ коего мѣста

подкопы ведут, и со стены на мѣста указуя. Государевы же бояре и воиводы сие яко слышаша, радости исполнишася, богу же о сем и пречистой богородицы и святым великим чудотворцом и святому великому мученику Дмитрию, яже его ради святого образа и сие невидѣнне богъ откры, благодарение воздаяху. Противу же тѣх подкоповъ скоро и спешне слухи копати устремишеся, и сентября въ 23 день божиею милостию наши рускіе слухи с литовскими подкопы сошлись, и злозамышленное их умышления Христовым пособіем разрушися, промеж Покровских и Свиных ворот. Также и иной подкопъ под Покровскою башнею переняше; также и иныя литовскія подкопы за градом и сами обрушишеся. И тако милостию божиею и сие их умышление всячески разрушишася.

Сие же видѣвъ литовскій король безбожное свое умышление и своих первосовѣтниковъ в совершение не пришедши помыслъ, и паки приступами повседневными на градовную стѣну покушаютца восходить и окрадообразным образом многою силою во град воскочити. Рускіе же, христіанское воинство, ни к починанию их восхода на стены не попускаючи. Ако же литва на старыя свои градоемныя обычен искушениемъ своих несовершенных помыслъ сами в собѣ истязуютца: «Да понѣ како во граде смятение учинивъ, можем на проломныя мѣста во град внити». Из-за Великіе реки, розжигая ядра, по хоромам стреляти начаше октября въ 24 день, и той день мало не чрез весь стреляше. И милостию божиею и от того литовского замышления богъ соблюде великій град Псков ничим же невредим.

Видѣвъ же гордонапорная литва, яко и тѣмъ ничего же поне мало от хотѣнія своего не улучиша, но ин же и зело напорен совѣтъ совещаютьца. От тое же Покровскія башни наугольной и до Водяных Покровских ворот, от Великія реки, октября въ 28 день прискоча литовскіе гайдуки и градоемцы и каменностьчы под градовную стѣну и, необычне сотвореными от них щиты закрывся, почели каменную стѣну подсекати кирками и всякими каменодѣльными запасы, абы вся стѣна от тое стороны подсечения их ради на Великую реку повалилася. Подлѣ тоя же стѣны деревяная стѣна, укрѣпленія ради, у каменныя стѣны поддѣлана, сию же огнем зажещи хотя. В тѣ поры из-за Великія реки из наряду по всему народу, во граде у того мѣста стоящих, стреляти умыслиша и сим град свершенне взяти чаяху.

Государевы же бояре и воиводы сие их умышление над градом видевше, такоже и к сему их умышлению крѣпко градовное и воспротивное им сотворяют: повелевают смолье зажигати и на них и на щиты их метати, абы восполени огня щиты их загорѣшася, и горкотою ради дыма и самом имъ ис-под стены выбегати или тамо згорѣти. Литва же вся сия от понужающих их и неволею терпяху, и воспротивне стояху, и крѣпко и напорне стѣну подсекающе.

Государевы же бояре и воиводы повелѣша противу их подсекающа зѣло частыя окна провертѣти сквозѣ деревяную и каменую стѣну и ис тѣх оконъ умыслиша из ручниц по ним стреляти и копии колоти. Такоже и смолу горячую, и деготь, и вряток на них льюще, такоже и лен осмолив, зажигаю, на них меташе, такоже кувшины з зельем на них метая. Литовския же гайдуки, елицы их утверждашеся, сии же стѣну подсекаху, и елицых же огонь и дым заимаше, претерпевати же невозможно, скорозѣльным бѣгством ис-под стену бежаху. На тѣх же скорых литовских гайдуков скорогораздыя псковскіе стрѣльцы з долгими самопалы изготовлены, яко ни единому утеша даяху. Елицы же их литовские градоемцы глубоко под стену подсекошася, яко и без щитовъ возможно подсекати, и водолитьем же и огнем запалением выжигати не вмещашеся, и на таковых, безстужих, благумудрыя государевы бояре и воиводы и с мудрыми и христіянскими первосовѣтниками о градоукрепленіи умыслиша: великія кнуты повелѣша на шести навязати, по концам же привязывати желѣзныя пуги с острыми круки. И сими кнуты, егда из града за стену противу литовских подсекателей ударяху, пугами же тѣми и острыми крюками, яко ястребими носы ис-под кустов и на заводах утятъ, извлекаху; кнутяными же тѣми желѣзными крюками, егда литовских хвастливых градоемцов за ризы их и с тѣлом захваташе, и тѣми их ис-под стены выторгаша; стрѣльцы же, яко бѣлыя кречаты слаткий ловъ, из ручниц телеса их клеваше и ликоими образы литвы утекати не даяху.

Сие же видѣвъ, бѣдныя литовские градоемцы, и гайдуки, и каменщики, яко и сие их гордых воивод неполнаго понужение ликоими образы претерпевати, в станы к королю своему прибежавшу, от нужи сердца с плачем глаголаху: «Да повелит твое величество, государю кралоу Степане, яко бы нам всѣм в станѣх от меча твоего умрети, а не вели и до единого под замком Пско-

вом побиваемым быти. Зѣло бо и до горла крѣпце горазди из замка Пскова битися рускне люди, и изрядне горазда мудры начальныя их гетманы, противу всяких наших замышлений, и никонми образы воспротивитися им можем». Король же, сия слышав от своих надежныхъ градоємцовъ и гайдуковъ, внятые же сие слова в сердца своем зазря, но толико им отвѣща: «Пане гайдуци, два или три приступа к городу сотворите ми, але яко не возможем, на вашей волю сотворю вам и из шанцовъ и от замка отведу».

Такоже повелѣ из-за Великия реки безпрестанно по вся дни по стенѣ из норяду бити, такоже повелѣ и повседневым приступом быти. Сие же из норяду по граду биша сряду 5 дней, во всю же ту пять день крѣпкими приступами к городу приступаше, стѣну же ту городовую и от тое стороны, от Великия реки, збиша. Тогда же послѣди, ноября въ 2 день, великим приступом от Великие реки по леду приступаху, яко гетманом их и рохмистом на конех заѣзжая, саблями гайдуков секуще, к городу приступати понужая. Они же егда к городу зыкнути, из города же их, понужаемых гайдуков и с понужающими их рохмисты, яко мостъ по леду положиша. И тако божиею милостию и того дни спасен бысть великий град Псков.

По отписыванью же къ государю от его государевых бояр и воивод из осады, из его государевы вотчины, имени того града Пскова, битых и раненых в первой в большой приступ людей, в прибавку прошения осадных людей на отстояние по бозѣ граду Пскову от множества литовского краля замышления, благовѣрный царь государь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси, сие слышав, во своем царском величествѣ, в своих стрелецких приказах повелевает на осаду в прибавку скрозь литовскую силу пройти во Псков град головъ стрелецкому Федору Мясоѣдову с своим приказом, с стрельцы. Стрелецкѣй же голова Федор Мясоѣдовъ, царское ему повелѣние совершенно исправити хотя, мужеством же своим и дерзостію весь страх литовския силы отложиша, и божію милостию вооружившеся и царским парокм укрѣпившеся, животом же своим на смерть пременив Христовы ради вѣры, и царская желательнее милости и боязньства ради царские грозы скрозь литовские силы добр здоров прииде и со всѣм своим прибором. Егда же во Псков приход его слышавъ, государевы бояре и воиводы и весь, аже о Хри-

сте руская воинства, яже во Пскове собор, велис благодарение о сем богу и государю воздаша; литовския же силы велие уничижение и страх от сего бысть за неувѣдение приходу руския силы во град Псков.

Видѣвше же сие гордый король, яко никоими образы, ни злыми своими замышлении не возмогша града Пскова взяти, и повелѣ рохмистом з гайдуки от града в станы отойти и наряд отволочи. И тако ноября въ 6 день, на память преподобнаго отца нашего Варлама Хутынского, въ 4 часѣ ноши, всѣ литовские гайдуки и рохмисты из ямъ вышли и наряд из-за всѣх туров отволокли. Государевы же бояре и воиводы, такоже и христілюбивое воинство и со всѣми пребывающими во Пскове народы, о сем слышавше, благодарно и радостно хвалу богу воздаша, надѣя же ся, яко вскоре и королю со всѣмъ воинством отоити.

Но еще королю под градом стоящу и всяческии о своемъ бездѣльномъ приходе размышляюще, тако и коими образы покрыти студ и срамоту лица своего и како дшую свою и гордую похвалу мало нѣкакo исправить. Занеже бо за высоту гордыни зѣло низпаде, многая своя имѣнія истощая, жалаемаго не получи, безсчисленное свое войско помори, а хотѣмого себѣ взяти град Псков не одолѣ, но и зело несказанна срама исполнен сый. Егда бо литовскому королю Степану подо Псковомъ стоящу, в та времена благовѣрный царь государь посылает войском на Литовскую землю воивод своих, и тамо, в Литовской земли, государевы воиводы многіе литовские грады обвоиваша и поплениша и здравы на Рускую землю возвратишася с великим богатством и плѣномъ. Сего ради король всяко размышляюще.

В та же времена к нему приѣхавше лютерския вѣры римского латынского папы протопопъ Антоней. Король же, сего видѣв, велми о сем радостен бысть. Первого же сего собѣ в совѣт приемлет, и неисправление своего желанія протопопу Антонию открывает, и покрова своему сраму, помощи от сего просит; вкупе же совѣтуют, яко бы хоти з государем нашим мир воспріяти. Оле премудрости и милости божии, яко гордыя господь смиряет, а смиренныя возносит! Иногда литовский король глаголаше, яко с руским царем о мире никакo ни в помысле, рече, приму, нынѣ же сам совѣтует, абы з государемъ нашим мир воспріяти. О сем же совѣт король с радостію составляют, такоже ко государю

царю и великому князю гонцовъ своих посылают, абы послом у них съѣзд учинити.

Протопоп же Антоней Игнилатово лукавства и вся яко збойливья лисицы лестъ в собѣ восприимлет, и наперед съѣзду послов государю собя являет, и по обѣих стран хотѣнню помирити учиняетца, и послана собя от римского папы для помирения государю и королю сказуетца. Король же сего совѣту начало составляет: самъ же король ото Пскова во свою Литовскую землю отходит того же девятого лѣта, под семою тысящею, декабря въ 1 день, на память святаго пророка Наума. Подо Псковом же оставляетъ пана канцлѣра, польского гетмана, и с ним многие люди еще на осаду великому граду Пскову, страша и претя, яко стоянием выстояти или голодом выморити, или всякою нужею обьемся во граде, зданья граду Пскову чаяху. Таков же совѣтъ свой король поляку канцлѣру оставляет, сам же король в Литву отъезжает. Поляк же канцлѣръ тоже Псков град выстояти и взяти похваляетца.

Что же твоего ума, польскій кралу? что же твоего еще безбожного совѣту, князь великій литовскій? что же твоего домыслу, Степане? Яко вѣтра гониши, или в морстей пучине путь нахождение видѣти хочещи, или высакопарна орла стези считаещи? Жестоко ти есть противу рожна стояти! Аще богъ по нас, ты ли на нас?! От сего же и яве твоего безумия обличения, яко при себѣ и при своем животѣ всякими своими разными размышлении великого града Пскова не взял еси, нынѣ же, по своем уничиженномъ и срамномъ отшествии ото Пскова града, холопу своему велиши взяти великій град Псковъ. Оле глупости! оле разума! глава ногам бесѣдует, государь рабу своему честь воздает! Аще бы прежде твой которой воевода посланъ тобою под которой град и по повелѣнню государя своего исправленне не учинит, ничто же дивно; аще ли сам господиинъ не исправя, холопу исправить велит,— безчестно есть се и от простых, не токмо от начальных; аще бы и сам исправил еси.

Но что же се хвалиши во злобѣ сильней безаконія? Не своею бо силою одолеваещи нас, но за свои грехи смиряемся. Глаголет бо Писанія о пленении Иерусалима Титом, царем римским: «Не Тита деи, рече, богъ любя, но Иеросалимъ казня». Ты же похвалися еси до конца разорити царство християнское. Како смѣл еси своим дерзнымъ языком такое похваление изрещи,—

христианское царство разорити, или предтеча еси уного предьявляемаго отступника? Глаголет бо Писания: «Нѣсть языка под небесем, иже возможет одолѣти царство христианское», яже посредѣ водружена крестная крѣпость, им же вселенстии концы зѣло премудри написуютца по широтѣ, и долготѣ, и высотѣ, и глубинѣ. Кая бо крѣпость или сила возможет когда крестную силу отписати? Его же чтуше, христианское царство недвижимо пригвождѣшимся на нем владыкою Иисусъ Христомъ соблюдаетца. Егда же придет отступления и открыетца человекъ беззакония, сынъ погибельный, егда бо, рече апостолъ, упрямитца всяко начало и власть, тогда бо, рече, и сам сынъ предасть царство богу и отцу. Кое убо царство яве, яко христианское? Аще ли же видим крестьянское царство смиряемо от бога всякими казньми, но за грѣхи смиряемо. Его же бо любит богъ, того и наказует, бьет же сына, его же приемлет. Приразят бо ся, рече, вся царства ко христианскому царству со всѣх четырех стран, но не удолѣют свершенне. Яко же искушеное золото, христианский искуситца град всякими искушениями, но претерпѣвый, рече, до конца и спасетца. Яко же и сам Спасъ нашъ рече во святом Евангелии: «И убо пришед, сынъ человеческий обрящет вѣру во время умоления вѣры». За сию же Христову вѣру совершенне изволяем помирити, на него же и надѣемся, яко избавит нас от находящих бѣд. Писано бо есть: «Многи скорби праведным, и от всѣх их избавит я господь»; «Потерпи господа и вознесет тя, еже наслѣдити землю». Настоящес же да глаголетца.

Королю же литовскому во свою Литовскую землю отшедшу, польскому же гетману, пану канцлѣру со многою силою под градом Псковом оставившеся, Пскову же граду еще в осаде пребывающу. Государевы же бояре и воиводы изо Пскова града на литовское воинство в разныя ворота частые выласки сотворяют, и божнею милостию литовское воинство побивают, и языки во град хватают. Ко государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Руси государевы бояре и воиводы изо Пскова много з грамотами гонцов посылаша, о всѣх настоящих, яже во Пскове, и надежсю на бога неослабно государю писуше, сие королевское стояние, и королевской от города отход, и воивод его, пана канцлѣра с товарищи, подо Псковом стояние государю извещающа. С сими же грамоты изо Пскова

многие гонцы ко государю скрозъ литовское воинство проходяще.

Государь же о своей вотчинѣ, о граде Пскове, благоздравное и христьянское над литвою победительное, такоже и короля литовского от града Пскова срамом бежательное слышав, велие благодарение о сем богу и пречистой богородицы и всѣм святым воздаша и со благовѣрными царевичи и з своими царицами. Пресвященному же митрополиту в царствующем граде Москвѣ повелѣ повседневныя молебны пѣти, такоже и во всѣх архиепископях и епископях сицевое молебное совершающе.

Канцлѣру же пану, польскому гетману с литовскою силою подо Псковом стоящу, граду же Пскову всячески войском обдержаше в осаде, градоёмным же дѣлом ни с коимъ ко граду не смѣюще приблизиться, но токмо стоянием своего войска град Псков обдержаше. Государевы же бояре и воеводы над их стоянием такоже промышляют: великую выласку конными и пѣшими из Великих ворот генваря въ 4 день выступиша, и в той же выласки многих добрых и славных, именитых, яко более 80 панов убиша, такоже и языков нарочитых в город ухватиша. Сия же конечная выласка бяше. Всѣх же тѣх вылазок из града 46, а приступов бяше литовских ко граду Пскову 31.

Злосердый же той, великий, гордый полякъ канцлѣр, сие видѣвъ, внезапно кончину своим великим именитым и храбрым паном, в великую кручину впад. На государевых же бояр и воевод великое умышление умышляют, наипаче на государева боярина и воеводу, на князя Ивана Петровича Шуйского, сицевым образом.

Того же месяца генваря въ 9 день пришол из литовского воинства русской полоненик во Псков, а принес с собою велик ларец. Сего же полоненика в город приемишу и ко государевым бояром и воеводам пришедшу, он же той ларец и грамоту у себя сказал, прислано от королевского дворенника, от Гансумелера. В грамоте же подписано: «Единому государеву боярину и воеводе, князю Ивану Петровичю, Гансумелеръ челом бьет. Бывал есми у вашего государя с немчином, съ Юрьемъ Фряибреником, и нынѣ воспоминавал есми вашего государя хлѣб и соль и не хочу яз на него стояти, а хочу яз на его государево имя выѣхати. А наперед себя послал с вашим полонеником свою казну в том ларцѣ, которой онъ тебѣ ларец принесет. И ты бы, князь

Иван Петрович, тот мой ларец у того полоненника взял и казны моей в том ларецъ един досмотрѣлся, а иным бы еси не давал смотрѣти. А яз буду во Псков тотчас по времени».

Государевъ же боярин и воивода, князь Иван Петрович грамоту прочет и з своими товарищи посовѣтовав, ларецъ же тот почаяв, яко с оманом ему быти, и повелѣша добыти таковых мастеров, которыя ларцы отпирают, и далече из вонводския избы своея съѣзжия избы вынести и отомкнути, всяческии бережася. Сему же мастеру тот ларец отпершу, в нем же видят полна да исполнена: 24 самопалы запаряжены на всѣ четыре стороны, навѣрхъ же их всыпано с пуд зелья, заводным же замкам ремнем приведенным к личинки ларца, за него же токмо принятися, заведенным же самопальным заемком огненным всѣм отпад, огнем запалитися. Таково бѣяше канцлѣрово умышление сицево и сподручных ему лукавый совѣт над государевым боярином и вонводою, над князем Иваном Петровичем Шуйским; за его правую государеву службу и за его непобедимое вонводство, и за его благоразумный разум въ государевых дѣлах против государевых недругов, и всѣх королевских умышлений, и канцлѣровы похвалы, и всего литовского воншства гордости, сицевым образом хотяше уморити.

Но что, реку, твоея безумная гордости, глупый воивода, канцлере и с подручными твоими с товарищи? Затѣял еси выше думы дѣло, выше же бога совѣт. Но аз тебѣ реку вскоре: его же богъ хранит, того не может ни вся вселенная убить, а его же богъ предасть, ни вся вселенная не можетъ укрыти. Праведный бо, рече, живъ будет, в него же мѣста предастца нечестивый. Рече бо господь в святом Евангелии своим учеником, не токмо сим единым, но и верующимъ въсѣм истинною верою во имя его: «Се даю вам власть наступати на змию и на скорпию и на всю силу вражню. ничто же вас не вредитъ». Мы же Христовою благодатию царьскую Христову печать — на лицах своих крестъ воображающе, вся ваша бесовская умышления Христовым пособием можем изложити.

И от всего смертоноснаго лукаваго умышления в Троицы славимый богъ и богородица соблюде и государева боярина и вонводу, князя Ивана Петровича Шуйского с товарищи невреди, но и того ничим невреди, яже той ларец отпиравый.

По сем же днем мало минувшим, того же месяца генваря въ 17 день, от полуденныя страны богохранимаго града Пскова, от Нерукотвореннаго образа ис Поля, идѣ же литовский воивода, польский гетман, канцлѣр с литовским войском в станѣх стояху, от тѣх панов литовских станов многия люди конныя и пѣшія показашася, к городу идуще. Государевы же бояре и воиводы, сие видѣвъ, от литовского войска приступу к городу чаяху и со всѣм христіанским войском с ними на бой уготовившихся. Помале же видяху, яко литовскому воинству оставляющесе, от них же един конный к городу устремися; егда же видѣвъ, яко рускій, великаго князя сын боярской Александра, именуемый Хрущовъ, сему же в город въѣхавшу, государевым бояром и воеводам грамоты отда от государевых послов. И того дни первые извещенія во Псков прииде государевым бояром и воиводам, что государевы послы по государеву приказу с королевскими послы мир учинили.

И тако великим и неизреченнымъ божіим милосердіемъ пребезначальныя Троица и помощницы наша и молебницы о всем роду христіанском, истинныя богородица и приснодевы Марія; и заступлениемъ пребожественныхъ сил, и предстательствомъ и молениемъ великихъ святыхъ чудотворцовъ: и великаго преименитаго в чудесехъ чудотворца Николы; и пребожественныя Троица, три солнчныя зари, боговидѣніемъ зрѣти сподобившася, и начальницы основанія богохранимаго того града Пскова, и начальницы во Христа истинныя вѣры всеа Рускія земли, благовѣрнымъ царемъ и великимъ княземъ благому корени, благовѣрныя и христіолюбивыя великія княгини Ольги, нареченныя во святомъ крещеніи Елены; и святого правнука ея, благовѣрнаго князя Гаврила-Всеволода; и преподобнаго отца нашего Ефросина; псковскихъ чудотворцовъ и всѣхъ святыхъ молитвами, благовѣрный и христіолюбивый царь государь и великій князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи свою государеву вотчину, градъ Псковъ, и вся пребывающая в немъ от литовскаго короля и от всего его войска, ими же богъ вѣсть судьбами, избави.

Потомъ же, месяца февраля въ 4 день, польскій гетман, канцлѣр ото Пскова града со всею силою литовскою отоиде в Литовскую землю. Тогда же во граде Пскове яже заключеная врата отверзошася, и сицевымъ образомъ совершительство повести сія конецъ прият.

Списана же бысть повесть сия в том же богохранимом граде Пскове, от жителя того богоспасаемаго града Пскова, художеством зграфа, имя же ему есть сие: единица дважды, со едином, пятьдесятница же усугубити дважды, и четверица сугуба, *и тридесятица с пятирицею*, совершает же ся десятирицею, и всѣх обрящешн писмен семь.

И меня же грѣшнаго и всѣмн недостатки исполненаго да зазрит вашего любомудрия исправления, и своим совершением и нашими недостатки исполните по Писанию: «Друг другу тяготы носите и тако исполните закон Христовъ».

ПОВЕСТЬ О ПРИХОЖЕНИИ СТЕФАНА БАТОРИЯ НА ГРАД ПСКОВ

Перевод

ПОВЕСТЬ О НАШЕСТВИИ ЛИТОВСКОГО КОРОЛЯ
СТЕФАНА С ВЕЛИКИМ И ГОРДЫМ ВОЙСКОМ
НА ВЕЛИКИЙ И СЛАВНЫЙ БОГОСПАСАЕМЫЙ ГРАД
ПСКОВ; ОТКУДА И КАК И КАКИМ ОБРАЗОМ ПОСЛАЛ ЕГО
БОГ ЗА ГРЕХИ НАШИ НА РУССКУЮ ЗЕМЛЮ И КАК
ПО ВЕЛИКОЙ МИЛОСТИ ПРЕБЕЗНАЧАЛЬНОЙ
ТРОИЦЫ К НАМ, ГРЕШНЫМ ХРИСТИАНАМ, УШЕЛ ОН
ОТ ГРАДА ПСКОВА СО СТЫДОМ МНОГИМ
И С ВЕЛИКИМ СРАМОМ

Б ыло же это в год 7085 (1577), в царство благо-
верного и христолюбивого государя нашего,
царя и великого князя Ивана Васильевича,
всея Руси самодержца, и при благоверных его цареви-
чах, царевиче князе Иване Ивановиче и царевиче кня-
зе Федоре Ивановиче.

Достойно правили государи наши православным християнским Российским царством, всех живущих под их царскою высокою десницею обороняли и защищали от соседних иноверных царей, и королей, и всяких военачальников, воюющих и разоряющих его, государя, Российское царство православных. Особенно твердо стояли и боролись они против врага за святые церкви и честные монастыри и за святую православную християнскую веру, ибо от бога поставлен первопрестольный

наш христианский царь на все четыре конца вселенной, хранящий святую христианскую веру и повелевающий твердо ее держать и хранить непорочно.

В это время в его государство пришла к нему, государю, из северной стороны Российского его царства весть о нашествии Лифляндской земли немцев, из всех народов самых злых воинов, и о насилиях их: они не только многим государевым городам и селам в той стороне много зла учинили и насилия, но и около чудотворного и святого места, Печерского монастыря Успения пречистой богородицы, все повоевали и привели в запустение и монастырю много зла принесли.

Христолюбивый царь-государь, князь великий Иван Васильевич всея Руси услышал, что не только его государевы города и близлежащие села разоряют, но и чудотворный Печерский монастырь, крепко вооружась, притесняют, поэтому на отмщение царь-государь не только свои войска посылает на лифляндских немцев, но и сам ополчается на врагов за богородицын дом вместе с благоверным своим царевичем, князем Иваном Ивановичем. Приняв благословение от отца своего духовного, митрополита Антония, царь-государь пускается в путь. Прибыв в свою отчину, славный град Псков, благоверный царь-государь по чину распределяет в граде Пскове своих бояр и воевод, повелевает каждому в указанном ему полку воеводствовать и исполнять должное; ибо стоял этот город на границе с городами иноверных врагов, творящих насилие, и путь на врагов начинался из славного города Пскова.

Приходит благоверный царь-государь в соборную церковь Живоначальной Троицы и пред святым образом Живоначальной Троицы, коленопреклоненный, со слезами молит в Троице прославляемого бога, дабы ему, государю, бог даровал свыше милость свою и победу над иноверными врагами и насильниками верующего во Христа народа. Также приходит он и к чудотворной иконе пречистой богородицы, слезы многие проливает пред святым ее образом, говоря: «Знаю, госпожа богородица, что если ты просишь у сына своего и бога, то не оставляет он без внимания моления твоего. Помолись, госпожа богородица, о рабе своем; и пусть исполнит бог желание сердца моего, пусть укрепит руку грешного раба твоего в борьбе с врагами, творящими насилие над христианами и даже над святым монастырем, в котором по изволению твоему угодно тебе сла-

вить имя свое святое, над живущими в нем слугами сына твоего и бога, славословящими пресвятое имя твое и тебя возвеличивающими». Приходит и к сроднику своему, благоверному великому князю Гавриилу-Всеволоду, псковскому великому чудотворцу, к честной раке его; и сего подолгу со слезами о молитве просит. Получив благословение от печерского игумена Сильвестра знаменiem креста Христова, поклонясь чудотворным иконам и многие дары пообещав воздать святым местам и чудотворным святым иконам, особенно же Печерскому монастырю, в дом пресвятой богородицы, благоверный царь-государь отправляется в поход. Когда достиг государь Лифляндской земли, прослышали жители Лифляндской земли, немцы, о царском на них нашествии, пришли в смятение и зашатались от страха, как пьяные, зная о сильном и храбром войске его и осознавая бессилie свое. Одни из них в иные земли побежали; другие в своих городах затворились, надеясь на крепость городских стен; третьи же колебались: обороняться в городе или же покориться и с дарами встретить русского царя, великого князя-государя, ибо знали они, что укрепленные твердо их каменные стены не смогут устоять против русских стенобитных орудий. Божию милостию и молением пречистой богородицы и святых великих чудотворцев царь-государь и великий князь Иван Васильевич всея Руси не только отомстил врагам Божиим, но и прославился как властитель всей земли той Лифляндской. Некоторые города силою взял, их жители никакой милости и пощады не получили. Другие же немцы с женами своими и детьми вышли из городов своих за несколько поприщ со многими дарами и царю поклонились; к ним явил свое милосердие государь. Те же города, жители которых, надеясь на свою силу и крепость городских стен, твердо решили выдержать осаду, повелел государь до основания разрушить, а всех жителей с женами и детьми умертвить разными мучительными способами, чтобы и другим внушить страх.

И узнали от ближайших соседей Курляндской земли немцы, что перед российским царем-государем ни одна твердыня устоять не может, а приходящие к нему, государю, с дарами и с честью великое послабление получают; собрались восначальники страны той, курляндских немцев, на совет и решили послать к нашему государю со многими дарами своих послов и просить рус-

ского государя смилостивиться над ними и над их землею и обложить их ежегодной данью по его государеву усмотрению. Когда они так поступили, то смягчился государь, дары у них принял, им же на старых своих местах повелел жить, ежегодно данью их обложил и обратно в свою землю отпустил. Лифляндскую же землю всю завоевал, многие города взял, их жителей в плен отвел, богатство же их и бесчисленное золото и серебро и сокровища всякие в царствующий град Москву отвез. Сам же царь-государь в добром здравии и со славой победителя возвратился в свою отчину, на Русскую землю.

Вначале приходит государь в дом пречистой Богородицы, Печерский монастырь честного и славного ее успения, и преклоняет колена на мрамор помоста церковного у подножия чудотворной иконы пречистой богородицы, потоки слез из очей испуская, вознося из уст благодарные молитвы богородице, все свои обеты богородице исполняет, бесчисленное множество злата, и серебра, и драгоценностей передает в дом пречистой, многие села, только что завоеванные, к монастырю присоединяет. Затем прибывает в Псков, приходит в соборную церковь живоначальной Троицы и перед святыми иконами проливает благодарные слезы, богу и пречистой богородице и всем святым и благоверному князю Гавриилу-Всеволоду во многой радости сплетенные похвалы возносит, обеты свои все исполняет. После того в славный свой град Москву возвращается и там как прославленный победитель пред всеми предстает: не только в Российском его царстве, но и по всем окрестным царствам и королевствам пронеслась слава о высокой его победе над Лифляндией.

По возвращении же его, государеве, в свою государеву отчину, в славный царствующий град Москву узнали курляндские немцы, что царь от них ушел и воинов своих по домам на покой распустил; и, надеясь на дальнейшее расстояние до их земли, вместе с укрывшимися у них лифляндскими немцами принимают новое, противоположное первому решение. Соединившись с силами Литовской земли, вместо дани они послали полки на только что взятые государем города, многим зло причинили, иные же из них вновь захватили.

Узнал русский государь, что они не только свои клятвы и свои законы забыли, но и к войне приготовились, и города захватывают, разгневался на них царь-государь и

на третье лето после своего первого похода отправился в путь на отмщение.

Узнали враги и льстецы немцы о царском свирепом ополчении на них, стали думать о том, где помощи искать, от страха и трепета взволновались они, понимая, что бессильны, как муравьи. Приходят они в Литовскую землю к литовскому королю Стефану, в своей беде у него о помощи моля и поднимая его на войну с российским царем. Просителями же от себя к нему посылают богомерзких ненавистников христиан и осквернителей Христовой веры и силы креста Христова, не сохранивших веру, но преступивших клятву на кресте Христовом, Российского государя нашего изменников, князя Андрея Курбского с товарищами. Эти ненавистники христиан, услышав их просьбу, охотно, будто жаждущие олени (как говорится в Писании), на христианского царя в своих помыслах ополчаются и обещают, подобно пудеям, против господина своего заговор составить, степенно и важно к королю литовскому приходят и поднимают его на войну с российским царем.

Он же всегорделивый совет их радостно принимает, ибо и сам тот литовский король, неистовый зверь и неутолимый аспид, лютеранской своей веры воин, всегда был рад кровопролитию и началу войн. Лютый и свирепый змея злобы из своей ненасытной утробы изрыгнув, он повелел воинам своим вооружаться и готовиться к походу, и устремился с ними на Русскую землю, к бывшему Литовской земли городу Полоцку, на семнадцатый год после того, как взял его у Литвы наш государь.

Когда русский государь отправился в поход на немцев и прибыл снова в славный град Псков, прибежали гонцы из Полоцка с вестью, что литовский король Стефан со многим войском идет на город Полоцк. Царь-государь и великий князь Иван Васильевич всея Руси, услышав о неправом его и коварном зверином устремлении, направил воевод своих и многие войска в города около Полоцка, а в Полоцк для усиления обороны послал военные отряды стрельцов, ибо были с государем в собранном им великом войске люди и из тех краев.

За грехи наши бог послал сильного врага на христиан. И вот к государю нашему в Псков пришла весть, что литовский король взял Полоцк и окрестные города. Многие воеводы государя и бесчисленные воины и в

Полоцке и в окрестных городах храбро бились и кровь свою проливали за христианскую веру, особенно же в городе Соколе. Узнав об этом, государь закручинился, но сказал только: «Воля господня да будет, что господу угодно, так тому и быть». Сам же царь-государь возвратился в царствующий град Москву.

После того, в 7087 (1579) году, на второй год после взятия Полоцка, рассвирепел и возгордился лютый этот варвар, литовский король Стефан, и вновь устремился в поход на Русскую землю по попущению божьему за грехи наши. И захватил он русские окраины, и было это началом бед для Русской земли, ибо забыли мы бога и вернулись к грехам, как говорит Писание. И надумал король идти на Великие Луки.

Царь-государь и великий князь Иван Васильевич всея Руси, услышав о его свирепом нашествии, великой печали исполнился. В Великие Луки он воевод своих посылает, а в окрестных городах многое войско к осаде подготавливает, к королю же послов своих отправляет, чтобы тот с государем нашим мир заключил.

Он же, всегорделивый, и слышать о мире не захотел, государевым же послам ответил отказом в оскорбительных и бесчеловечных словах. К тому же, изрыгнув словно из адской утробы затаенный и злобный яд, он в сатанинском своем возношении не только гнев свой на Великие Луки простер и на окрестные города, но кроме Великих Лук посягнул и на славный град Псков, говоря: «Не только Великие Луки с окрестными городами захвачу, но и славный ваш Великий Псков, подобно жернову каменному, поверочу против вас и буду в нем государем». Так же многогорделиво он говорил и о Великом Новгороде: «Не может ни один город укрепиться и выдержать осаду великого польского короля и множества его литовских храбрых воинов. О мире даже и думать не хочу». Послов же государя он повелел взять с собою под Луки, сказав: «Смотрите, как города государя вашего захвачу и завоюю».

Пришла к государю нашему весть, что король не только не захотел принять его предложения о мире, но и послов его бесчестно с собой под Луки повез, а хвастливые свои помыслы нацелил не только на Луки, но, превозносясь в гордости,— на Великий Новгород и, более того,— на славный и богоспасаемый град Псков, говоря: «Слышал, что есть на земле вашей град Псков, очень велик он, больше иных городов и лучше защищен

он каменными крепостными стенами. Его мне и надлежит взять прежде всего; Великий Новгород ни одного дня против меня устоять не сможет».

Государь же, узнав об этом, горестно вздохнул из глубины сердца и сказал: «Да будет воля господня!» В Великий же Новгород послал воевод. В славный же и великий богоспасаемый град Псков послал благоверный царь-государь и великий князь Иван Васильевич всея Руси боярина своего и воеводу князя Василия Федоровича Шуйского-Скопина, да боярина своего и воеводу князя Ивана Петровича Шуйского, да воеводу Никиту Очина-Плещеева, князя Андрея Ивановича Хворостипина, князя Владимира Ивановича Бахтиярова-Ростовского, князя Василия Михайловича Ростовского-Лобанова и с ними много воинов. Этим упомянутым боярам своим и воеводам царь-государь и великий князь Иван Васильевич всея Руси, отпуская их в Псков, дает свои царские указы, как им за православную христианскую веру, и за святые церкви, и за его, государя, и за его государевых детей, и за все православное христианство против врагов стоять и вместе с подчиненными им воинами биться от всей души и сердца и со всем мужеством не на жизнь, а на смерть; и как разными укреплениями превратить в твердыню стены града Пскова, и приготовить все к бою, как подобает, чтобы выдержат долгую осаду. Такие многочисленные указы царские дал им царь-государь и словом царским поклялся, что если господь бог пошлет избавление и сделает град Псков неприступным благодаря изобретательности бояр и воевод, то обещал государь одарить их с такой щедростью, о которой никто из них и не помышлял в сердце своем. Бояре же и воеводы, как истинные слуги, заверили своего владыку, что все совершат по его приказанию, в чем поклялись ему на кресте. И так отпустил он их в богоспасаемый град Псков, сказав: «Бог и богородица и все святые да будут с вами!»

Бояре и воеводы, приехав в богоспасаемый град Псков, начали все делать так, как наказал им государь: стены городские укреплять каменными, деревянными и разными другими сооружениями, как бог им в сердце вложил, готовясь к долгой осаде. Головы же и дети боярские, головы стрелецкие и стрельцы, и псковичи от мала до велика, и все сбежавшиеся сюда люди, которым предстояло держать осаду, были приведены к присяге, то есть крестному целованию.

Король же литовский Стефан пришел под Великие Луки и привел с собою послов государя, и за бесчисленные грехи наши и за лживый и нечестивый ум наш, и за все преступления наши перед богом и человеком, и за все злые прегрешения наши отдал бог этому агарянину Великие Луки и окрестные города в год 7088-й (1580). И потом, после взятия Великих Лук, он возвратился в Литовскую землю, возгордившись и вознесясь, войска же распустил на отдых.

Весной же вновь велел готовиться к походу. «Нынешнее мое наступление на Русскую землю,— сказал,— должно быть еще более славным и похвалы достойным, потому что пойду на славный град Псков. Вы же, любимые мои и храбрые воины, блестящие, закаленные храбростью, ярые царские отроки и непобедимые витязи превысокого моего Польского королевства и Великого княжества Литовского со всеми подвластными мне землями, поезжайте в свои отчины и владения, тела свои и твердые мускулы укрепляйте, могучим своим коням дайте отдохнуть, ратные свои доспехи проверяйте и приводите в исправность и готовьтесь со мною в поход на славный град Псков. Те же, кто имеет жен и хочет с ними в Пскове панствовать, пусть готовятся в путь со своими супругами и детьми».

В таких льстивых словах отдав приказ знатным своим гетманам и ротмистрам и всему войску своему, он распустил их по своим владениям, добавив, что о времени выступления в поход он известит их специальными грамотами. Знатные его гетманы, эти волки, всегда готовые к кровопролитию, с подвластными им свирепыми воинами, мертвотрупоглодающими псами, обещали своему королю, неутолимому аспиду, совершить все по его повелению и разъехались по своим землям.

Государь наш, царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси узнал о готовящемся наступлении на него, государя, отчину, на славный град Псков. Когда близилось время злых бед, а по нашим христианским законам подходил святой великий пост, благоверный царь-государь в преславный град Псков послал за боярином своим и воеводой князем Иваном Петровичем Шуйским. Когда же тот приехал к государю в Москву, то стал расспрашивать его царь-государь об укреплениях великого града Пскова: как были укреплены ими великие крепостные стены города, какие орудия и в каких местах стоят, кто в каком месте будет оборону держать

и хватит ли людской силы, чтобы выдержать долгую осаду.

Боярин же и воевода князь Иван Петрович Шуйский рассказал царю-государю подробно и по порядку о всяких укреплениях, сделанных ими с надеждой на бога, присоединив к рассказу слово упования на божью милость: «Надеемся, государь, в светлой надежде твердо на бога и на истинную богородицу нашу, необоримую крепкую стену, и покров, и христианскую заступницу, и на всех святых, и на твое государево царское высокое имя, что град Псков, всячески укрепленный, может выстоять против литовского короля». Что и было по благодати Христовой.

Благоверный царь-государь выслушал речи боярина своего и воеводы, князя Ивана Петровича Шуйского, о многих сделанных в городе укреплениях, о твердом и неослабевающем стремлении бояр, воевод и всех подчиненных им воинов выстоять осаду, о непреклонной вере всех жителей богохранимого того града Пскова, со всей ревностью готовых за бога, и за своего государя, и за его, государевых, детей, и за православную христианскую веру, и за свои дома, жен и детей лучше всем от руки литовского короля умереть, но живыми не отдать град Псков литовскому королю. После этого, внимательно выслушав рассудительную речь боярина своего о надежде на бога в защите града Пскова от литовского короля, царь-государь, омочив лицо свое слезами, сказал: «Богу и богородице и святым великим чудотворцам град сей Псков предаю в руки, более всего сроднику своему, благоверному князю Гавриилу Всеволоду, который сам пожелал, чтобы мощи его были положены в том богоспасаемом граде Пскове в соборной церкви живоначальной Троицы. Своею милостию может избавить он город от наступающих на него врагов, и потому ему в руки город предаю. И вам, боярам своим и воеводам, всем воинам и псковичам, как истинным слугам, град Псков в руки отдаю, чтобы сделали все, как обещали богу и мне, и наставляемые в замыслах господом богом, вы укрепляли бы град Псков, кого как бог вразумит».

Потом благоверный царь-государь и великий князь Иван Васильевич всея Руси боярина своего и воеводу, князя Ивана Петровича Шуйского, отпускает в богоспасаемый град Псков, вновь наставляет его всякими царскими поучениями и наставлениями, ему одному дает го-

сударь устный и письменный наказ, утвержденный его высокою царскою рукою. И обращается к нему царь-государь: «С тебя одного подобает спрашивать мне за всю службу, а не с других товарищей твоих и воевод». Он же, услышав: «С тебя мне прежде всего взыскивать надлежит за все, что произойдет в Пскове,— и за оборону, и за службу»,— всем сердцем ревностно воспринял эти слова. Как верный слуга, он не смел возразить своему государю и против тяжкого бремени, возложенного на него государем, ни единого слова не сказал, но только ответил царю-государю: «Если на то благая воля бога и твое, государь, изволение, то все сделаю по повелению твоему, государь, я — слуга твой. И по наставлению господа и богородицы всею душою, от всего сердца, непритворно рад буду исполнить порученную службу в граде Пскове». Кроме того, в царствующем граде Москве, в соборной церкви Пречистой богородицы, пред чудотворным святым образом, честным словом и крепкой клятвой поклялся государю все делать по государеву наказу, для того чтобы держать осаду и стойко обороняться со всеми находящимися в граде Пскове христианами, и биться в Пскове за град Псков с литвою безупречно, даже до смерти,— что и свершилось по милости Христовой,— и затем царь отпустил князя в Псков.

Государев же боярин и воевода, князь Иван Петрович Шуйский, приехав в Псков, вместе с боярином и воеводами, с князем Василием Федоровичем Шуйским-Скопиным с товарищами, вновь усердно занялся укреплением града Пскова, постоянно град Псков объезжал и приказывал надежно укреплять стены города. И кроме того, всех голов боярских, и сотников, и стрельцов, и всех псковичей вторично приводят к присяге, то есть к крестному целованию, чтобы за бога, за своего государя, царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси, и за его, государевых, детей, и за святые церкви, и за православную христианскую веру, и за град Псков биться с литвою до смерти, безо всякого обмана. В окольные же псковские пригороды непрестанно с гонцами рассылали грамоты об укреплении городов, приказывая строить разные заграждения. Посылали также и в соседние села и волости, приказывая, чтобы все сходили в ближайшие города с женами, и с детьми, и со всем имуществом сидеть в осаде. Так и готовились

к обороне в богоспасаемом граде Пскове и в окольных пригородах волею бога.

За грехи наши посылаются богом на христианский народ различные испытания, и вот высокогорделивый литовский король Стефан разгорелся сердцем на богоспасаемый град Псков. Распался сердцем и разгорясь своей неутолимой утробой, горлом и языком изрыгнув яд своей злобы, он объявил всем время своего похода на Русскую землю, на богоспасаемый град Псков, послав по всей своей Литовской земле письма с призывом.

В другие же страны и многие земли, правителям каждого государства и их воинам посылает молебносочетательные грамоты, в которых было написано так: «Король польский, князь великий литовский, русский, прусский, жемойтский, мазовецкий, князь семиградский и иных земель Стефан. Ближайшим моим друзьям и соседям (указывалось имя каждого) в своей державе желает здравствовать! Известно вам, ибо вы, конечно, уже слышали, сколько в прошедшие два года причинил я бед русскому царю и сколько городов, граничащих с моею землей, отнял у него и присоединил к своей великой державе; сколько побед одержал над его войском в бо-свых сражениях; как сам обогатился русским богатством и воинов своих обогатил, и землю свою наполнил несчетными сокровищами Русской земли; сколько унижения и страха принес Русской земле, и какую славу завоевал могущественному своему Польскому королевству и Великому княжеству Литовскому, и всем подчиненным мне великим панам и гетманам, и всем бесчисленным воинам. Все это было в прошлом, но о том же и ныне помышляю. Высоко стоя, к высшему и высочайшему стремлюсь, как пишут и учат мудрецы: «Если на высоком холме стоишь, то выше его и изобильнее гору ищешь и владеть ею хочешь. Так и лев, если держит зайца и видит верблюда, то оставляет зайца и гонится за верблюдом». Таким образом мудро и рассудительно все рассмотрев, в нынешний, третий год с великою силою, большею, чем прежде, поднимаюсь я на Русскую землю. Сам же к своим друзьям и ближайшим соседям обращаюсь с исполненным дружбы советом: если хотите, посовещайтесь да подымайтесь со мною, каждый со своим всеильным войском, и все вместе устремимся на Русскую землю, прежде всего—на славный в Русской земле великий град, именуемый Псков.

Об этом граде Пскове и хочу посоветоваться с вами и сообщать вам, что о нем слышал. Во-первых, рассказывают, что он очень велик, да еще огражден четырьмя каменными стенами, прославлен в земле той и многолюден. Говорят, что сквозь каменные стены этого великого града Пскова течет река и пересекает весь город, а по берегам реки той расположено в городе все необходимое, богатства же его, говорят, неисчислимы. На этот великий и славный град Псков всех вас, друзей своих, зову в поход. Взяв великий город с окрестными городами, я покрою себя величайшею многославною славою и вас вместе с собой возвеличу, как советников моих и друзей. Богатством же многим в городе Пскове обогащусь безмерно, и вы, друзья мои, и все наши великие и храбрые бесчисленные войска обогатятся. Всех пленных, знатных людей града Пскова и народ, беспристрастно и справедливо поделим, непокорных же людей в городе мечу предадим. Назначив великих гетманов в град Псков, мы возвратимся в Литовскую землю сильными и славными победителями и разведемся по своим владениям с великим богатством и пленом. Русского же великого князя окончательно обесчестим и опозорим, сердце его наполним великой кручиной, болью и жалостью о таком великом городе. Мы же на всю вселенную прославимся тем, что победили русского великого князя и взяли славный его град Псков».

Так написав, он разослал многогорделивое и безбожное свое послание во многие страны и земли.

Это послание от литовского короля Стефана пришло во многие земли и края. Там прочли его, и каждый в ответ отправил послание, подобное этому: «Честнейшему и высокостольнейшему королю польскому и великому князю литовскому здравствовать! Мудросложное, и дружелюбное, и наставительное твое послание к нам с любовью приняли, и прочли, и рассмотрели, и уговора с тобой не нарушаем, но с еще большей любовью тебе отвечаем. Мы со своими войсками готовы идти на Псков-град и уже выступаем. А что писал ты о граде том Пскове, то и в наших странах пронеслась слава о его богатстве. А что касается четырех каменных крепостных стен города, то и мы о них знаем. Но если и десять, и в два раза больше каменных стен в граде Пскове будет, то и столь укрепленная твердыня против твоего великого и высокого имени устоять не сможет, всевозможными хитростями и мудрыми измышлениями

сможем город взять». И так все пишут и посылают к королю свои хвалебные послания.

Из многочисленных земель собираются к королю Стефану в Литву бесчисленные полки и вооружаются на славный град Псков. Привлеченные славой города, собираются многие народы, их имена таковы: литовские люди, польские люди, угорские люди, мазовшане, немцы цесарские, датские, свейские, шлоцкие, брузвицкие, любечские. Всего наемных людей шестьдесят тысяч да своих людей у короля собрано сорок тысяч; и всего у него войска сто тысяч, помимо торговых людей.

Когда все эти многие народы собрались в Литве у короля Стефана, тогда увидел всегорделивый тот король многую собравшуюся у себя великую силу и еще больше возгордился в своем тщеславном безбожном помысле, говоря: «Не только Псков-град и его пригороды с такою силою возьму, но и Великий Новгород со всеми уделами новгородскими». Об этом же говорили и приближенные его наилучшие гетманы: «Милостивый государь, король Стефан, увидев столь бесчисленное войско твоё, все пребывающие в граде Пскове люди, государь, убоятся и устрашатся и не станут сопротивляться такой силе. Какая гора сможет устоять против потопа, и какая, государь, огороженная стеной крепость сможет укрепиться против твоих стенобитных орудий? И еще напомним нечто приятное для тебя. Милостивый государь, король Стефан, какой ум должны иметь воеводы Пскова и всякие мастера, чтобы в замыслах быть выше твоего великого разума и глубокомысленного ума твоих великих гетманов? И еще, государь, какой город и какая оборона могли прежде и ныне устоять перед нашими крепкими и храбрыми и непобедимыми витязями и искусными градоемцами? Ныне же, государь, поспеши готовиться в путь на град Псков и здравствуй, в славном граде Пскове владействуй. Также и к нам милостивым будь, ибо всем сердцем были мы с тобой, усердно готовясь к взятию города».

Выслушав эти многохвалебные речи своих первосоветников, король еще больше вознесся гордынею на град Псков, как в древности гордый Сенахирим, царь Ассирийский. Тот, когда взял многие города окрест Иерусалима, то в высокомерном помысле и на Иерусалим устремился, также на многую силу свою надеясь и говоря: «Не только царь Иезекия с народом своим не

сможет защитить от меня город Иерусалим, но и бог ему не поможет против моей бесчисленной силы». Его надменное хвастовство и богохульные речи услышал бог и так совершил: когда пришел Сенахирим, царь Ассирийский, под Иерусалим и осадил город, то наутро, встав, обнаружил в войске своем сто восемьдесят пять тысяч убитых; и увидев это, он убежал с малой дружиною в Ниневию, и там был убит своими детьми. То же, что и с Сенахиримом-царем, случилось под Псковом и с горделивым королем Стефаном по неизреченному промыслу божию. Об этом пространно впоследствии скажем, пока же поведем речь о происходящем ныне.

Король литовский Стефан на прегорделивом своем престоле панов советников рядом с собою посадил, и начали они распределять полки, кому из его великих панов и гетманов в каком полку быть воеводами. Сначала он назначает воевод в передовой полк. В передовой полк он ставит пана Николая Радзивилла, виленского воеводу, гетмана великого литовского, и пана Остафия Воловича, пана виленского, да пана Яна Дорогостайского, воеводу полоцкого.

Полк правой руки. В полк правой руки ставит пана Яна Тишку жемойтского и пана Мерхеря Шеметю, кухмистра литовского.

Полк левой руки. В полку левой руки ставит пана Яна Глебова, пана минского, подскарбея земского литовского, и пана Николая Сапегу, воеводу минского, и пана Кристофа, воеводу новогрудского.

Сторожевой полк. В сторожевом полку ставит пана троцкого Николая Радзивилла и пана Филона Кмиту, старосту оршанского.

Большой полк. В большой полк ставит пана канцлера, гетмана великого польского, а с ним много ротмистров; и тот полк стал называться большим польским. А сам король пошел за канцлерским полком, и с ним пошли его приближенные: пан Тишка, воевода польский, пан Бекеш, гетман угорский, пан Николай Кристоф, маршалок великий литовский, пан Ольбрихт Радив, староста ковенский. А у орудий велел быть воеводе угорскому пану Юрию Зиновьеву, старосте чечерскому.

Всех своих великих панов распределив и дав им наставленья, литовский король Стефан отправляется в нынешний свой хвастливый поход на славный великий град Псков.

В преименитом же и богоспасаемом граде Пскове государевы бояре и воеводы, услышав, что литовский король уже идет на Псков-град, по-прежнему неустанно укрепляли град Псков, готовясь к осаде по мудрой воле бога. Посылая непрестанно в волости, в села и в засады, они велели свозить в город всякие запасы: дворы же и оставшиеся кормовые запасы повелевали жечь, чтобы не было у врагов крова; живущим в селах строго приказали бежать в укрепленный Псков.

Православный царь-государь и великий князь Иван Васильевич всея Руси узнал, что литовский безбожный король действительно на его государеву отчину, на Псков-град, с многогорделивою и великою силою устремился; услышав это, царь-государь с умиленностью и мудростью, дарованной от бога, пишет свои царские грамоты в Псков к боярам своим и воеводам и всем воинским людям и псковичам, повелевая стойко и мужественно держать оборону и всем до последнего насмерть с литвою за Псков-град беззавестно биться.

И преосвященный архиепископ Великого Новгорода и Пскова Александр в свое святительство, в преименитый град Псков, государевым боярам и воеводам и всем воинам и псковичам посылает благословение. И с состраданием, как умудренный богом врач и любимый детьми отец, он призывает их на ратный подвиг, и благословляет, и вдохновляет, и святительскую свою молитву вместе с честными своими священниками и дьяконами как победную руку помощи простирает. Также обращается и ко всем священнослужителям: инокам, священникам и дьяконам, и ко всему причту церковному. Тогда в преименитом и богоспасаемом граде Пскове из духовенства были игумен Печерского монастыря Успения пречистой богородицы Тихон; соборной церкви богохранимого града Пскова, пребожественной и неразделимой Троицы настоятель протопоп Лука, протодьякон Алексей. Этим упомянутым начальникам священнического чина и всему священническому и дьяконскому чину и всему причту церковному преосвященный архиепископ пишет, чтобы они беспрестанно и неустанно в соборе молебны пели, а также и по домам день и ночь за православного царя-государя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси, и за сего, государевых, детей, и за все православное христианство бога молили, чтобы отвел господь бог праведный свой и справедливый, по грехам нашим, гнев от всего право-

славного христианства и в своем неизреченном милосердии обратил взор на честное то место, на град Псков, не предал бы его господь бог в руки врагов, насилие творящих над верующим во Христа народом. Он призывает их также к посту и коленопреклонению, и к беспрестанному молению, чистоте, и целомудрию, и братолюбию, и всем добрым делам; и этому же повелевает учить детей своих духовных, с этим мир и благословенне дает. Но расскажем о происходящем.

Уже близилось жестокое время, литовский король Стефан со мноюю своею силою пришел к рубежам Русской земли. В Псков дошли слухи о том, что литовский король пришел уже на псковскую землю, к городу Вороничу, за сто поприщ от града Пскова. Узнав о том, что близок Псков, он раскрыл свою бездонную пасть, как адскую бездну, и хотел поглотить град Псков. Спешно и радостно, как лютый великий змей из великих пещер, он полетел к Пскову; окруженный чудовищами своими, как искры огненные темным дымом, летел он на Псков; и еще не долетев, уже думал, что град Псков у него в утробе. Аспидов же своих и приближенных змей и скорпионов великий тот литовский король из утробы извергнутыми остатками хвалился насытить. И так все, как змеи на крыльях, летели к Пскову и высокомерием своим, как крылами, повалить его хотели, змеиными своими языками, как жалами, всех живущих в граде Пскове умертвить думали. Все ценное в нем хвалились вынести в своих адских утробах в свою Литовскую землю, говорили, что оставшихся в живых людей, как сокровище, на хвостах своих принесут в дома свои. И уже мнил себя змей победителем над Псковом.

В богоспасаемом же граде Пскове государевы бояре и воеводы, и все воины и псковичи, и весь христианский священный собор, церковного кормила правители, слышали, во-первых, что уже приближаются к граду Пскову; во-вторых, что хочет король поглотить их живыми, как лев свирепый. Благочестиво посовествовавшись, государевы бояре и воеводы с печерским игуменом Тихоном и с протопопом Лукою и со всем священным собором обходят вокруг всего града Пскова с честными крестами и святыми чудотворными иконами и со святыми чудотворными мощами благоверного великого князя Газриила-Всеволода, псковского чудотворца, и с другими многими святынями, умиленно и по чину со-

вершая молебны к богу. За ними шествовал псковский народ, мужи и жены с малыми младенцами, с плачем и рыданием молясь об избавлении града Пскова; и все вместе, как любящие братья, священнический чин и воинский, и все мужчины и женщины, от мала и до велика, непрестанно с мудрой смиренностью и братской любовью в сердцах своих бога молили и в смиренной мудрости находили утешение. Не мнили о себе высоко, не возносились горделиво в сердцах своих, не хвастались надеждами своими, но только все вместе и сердцем и устами повторяли: «Надежда наша и упование, живоначальная и неразделимая Троица; стена наша, и защита, и покров, пренепорочная богородица; помощники наши и молебщики за нас богу, все святые избранныки божии, первый среди них — воевода, великий начальник ликов ангельских, архангел Михаил со всеми святыми небесными силами». С такими словами и богомудрыми мыслями в богоспасаемом граде Пскове готовились к осаде. Благодать божия и надежда на всемогущую помощь бога зародили в сердцах всех стремление к подвигу; лед отчаяния и безнадежности не коснулся ни единого в Пскове, огонь же благодати Христовой зажег сердца всех жаждой подвига, вера в благородное дело — умереть за веру христианскую — сделала тела их тверже алмаза. И так по благодати Христовой каждый, согласно своему положению, неустанно и без всяких сомнений готовился к подвигу.

И узнали в Пскове, что литовский король Стефан уже пришел под пригород Остров, за пятьдесят поприщ от Пскова, и по Острову-городу бьет из орудий; узнав об этом, государевы бояре и воеводы не дрогнули сердцем и не устрашились, но возложили надежду на бога. Государевы же бояре и воеводы без усталости занимались своими делами: для орудий готовили места и расставляли там, где они должны стоять. Также государевы бояре и воеводы всю Окольную стену в Пскове разделили между собой и указали, какому воеводе в каком месте быть. Каждый у себя распределил согласно чину и поставил на места детей боярских, голов стрелецких и стрельцов, затем всех псковских посадских людей и нарвских стрельцов и всех остальных псковичей. По всей стене расставили воинов и простой народ, приготовили пушки, пищали и ручницы и всякие укрепления против государева врага. Так и вершилось все, как здесь описано.

С южной стороны богохранимого града Пскова поднялся дым темный — то литовская сила черная пошла на псковские белые каменные стены, но и вся Литовская земля не смогла бы их окружить. Этот дым, литовские воины, приблизился к Пскову на пять поприщ. В том месте, на реке Черехе, были в засаде государевы дети боярские, чтобы известить о приходе литовских людей. Увидев их на реке Черехе, они прибежали в Псков и возвестили государевым боярам и воеводам, что первые литовские отряды уже пришли на Череху. Государевы же бояре и воеводы повелели звонить в осадный колокол, поджечь посады за рекою Великою, чтобы не было врагам жилья.

Так началась осада богоспасаемого града Пскова в год 7089-й (1581), 18 августа, в день памяти святых мучеников Фрола и Лавра.

Потом начали литовские войска переправляться через реку Череху, и под городом начали появляться их полки. Государевы бояре и воеводы совершили вылазку против них. И литовские воины обратились в бегство и тем положили начало своим несчастьям, к городу же приблизиться не осмеливались.

И вот, как дикий вепрь из пустыни, пришел и сам литовский король со всем своим огромным войском того же месяца августа в 26 день, на память святых мучеников Андреяна и Натальи. Этот неуголимый зверь пришел, чтобы насытить свою алчную голодную утробу, и, увидев великий град Псков, словно огромную гору, на которую трудно взойти и невозможно скоро обойти вокруг, так велико ее основание, распалился умом и всел войскам своим окружить и осадить град Псков.

Получив такой приказ, они начали объезжать город, государевы же бояре и воеводы велели стрелять по ним из орудий. Когда пушкарни обстреляли их, то многие полки их расстронли и многих людей у них снарядами побили. Приехав к королю, литовцы известили его, что невозможно град Псков объехать вблизи из-за частой стрельбы из города и дальноточности орудий. Король же повелел объезжать подальше от города, лесами. Когда они поехали, то из города казалось, будто тьма движется. Государевы же бояре и воеводы и туда по ним велели стрелять из больших орудий, и от псковских снарядов леса повалились и многие полки легли. Королю и об этом сообщили, он же сказал: «Кто наставники мои, которые вели меня на Псков и гово-

рили, что в Пскове нет больших орудий, что князь великий все орудия велел вывезти из Пскова? И что я вижу и слышу? Что у меня и с собою, и в Литве нет ни одной такой пищали, которая бы так далеко стреляла!»

Один из полков остановился и начал расставлять многочисленные шатры. Говорили, что королевский шатер должен стоять около Любятова, на Московской дороге, у церкви Николы Чудотворца. Государевы же бояре и воеводы не велели стрелять по шатрам днем, но все орудия для этого велели днем приготовить. Когда же были поставлены многие шатры и наступила ночь, приблизительно часу в третьем, повелели ударить по ним из больших орудий. Наутро же не увидели ни одного шатра, и, как рассказывали языки, многие знатные паны были тут убиты.

Узнав об этом, король побежал назад к реке Черехе и там стал лагерем за великими и высокими горами на Промежице. Стремясь утолить ненасытную свою алчность, он искал место, удобное для взятия города, и, посоветовавшись со всеми своими приближенными первосоветниками, выбрал такое место — угол городской стены на Великой реке у Покровских ворот; это место надлежало из орудий разбить и таким образом взять град Псков. Так твердо порешил совет.

И повелел лукавый литовский король Стефан приступить к взятию города. Свиные же и лютые его градоемцы с радостью восприняли его повеление и начали усердно готовиться к взятию города. Первым делом в начале индикта, в сентябре, в первый день семь тысяч девяностого года, начали копать большие траншеи от своих станов по большой Смоленской дороге к Великим воротам и к церкви Алексея, человека божия, и также от нее к городу — к Великим, Свиным и Покровским воротам. И выкопали за три дня пять больших длинных траншей да семь поперечных траншей. А в тех траншеях, как впоследствии подсчитали ходившие туда, выкопаны в земле большие землянки, как целые дома, и даже с печками, сто тридцать две большие избы и девятьсот четыре меньшие. В больших тех землянках расположились ротмистры и сотники, в меньших устроились жить гайдуки. И так, окопавшись землею, хитрым таким способом совсем приблизились к городу, так что между ними и городской стеной был только один городской ров. Злоумышленно и очень хитро они приблизились к городу, копая и роя землю, как кроты; из земли,

которую выкапывали для траншей, они насыпали огромные горы со стороны города, чтобы с городской стены не было видно их передвижения. В насыпных земляных валах провертели бесчисленные окна, предназначенные для стрельбы во время взятия города и вылазок из города против них.

Потом, того же месяца сентября в 4 день, ночью приказали и поставили туры. Первые — у церкви человека божия Алексея, на расстоянии около полупоприща от града Пскова, тут решено быть съезжему двору; также и другой двор турами защитили, рядом с первым, но ближе к Великой реке; да туры боевые поставили: одни против Свинных ворот, вторые — против Покровской угловой башни, третьи туры боевые — за Великою рекою против того же Покровского угла. Все те пять тур засыпали в ту же ночь землею. В пятый день сентября приволокли и поставили в три боевые туры орудия. И так, приготовив всевозможные приспособления для взятия города, лютые литовские градоемцы вооружились на богоспасаемый град Псков.

Государевы бояре и воеводы, увидев все эти литовские ухищрения против града Пскова, бога на помощь призвав и богородицу-заступницу, и всех святых, молящихся богу за нас, это же место начали укреплять, с помощью божьей, против литовцев. Во-первых, печерский игумен Тихон со всем освященным собором, с честными крестами, и с чудотворными иконами, и со святыми чудотворными мощами благоверного великого князя Гавриила-Всеволода, приходят в Угол, в храм пречистой богородицы, честного и славного ее Покрова, что рядом с тем местом, где лютые литовские градоемцы замышляли взять город. Здесь они пропели молебен богу и богородице, то место крестом осенили и святою водою окропили. Также и государевых бояр и воевод крестом благословили, и святою водою окропили, и на подвиг воодушевили, и всех воинов и псковичей вооружили силою крестного знамения Христова; и все к подвигу готовились.

Государевы же бояре и воеводы повелели в том месте укреплять стены города разными способами, за каменной стеной, чуть подальше, начали делать деревянную стену и строить разные укрепления на тот случай, если каменная стена будет пробита из орудий литовскими воинами. Установили и орудия, и детей боярских и стрельцов с их головами на этом же месте распредели-

ли и псковских посадских приписных стрельцов здесь же поставили, у Покровских ворот, где ожидали приступа литовских войск. И таким образом приготовились в этом месте. Также и вокруг всего града Пскова, по Большой Окольной стене и в Среднем городе, каждый воевода свою часть стены укреплял, и наблюдал за людьми и сторожами, и неустанно день и ночь готовился к приступу.

В той части крепостной стены, где Покровские и Свиные ворота, был поставлен государев воевода князь Андрей Иванович Хворостинин, кроме того, ревностно трудился здесь и государев воевода князь Иван Петрович Шуйский. Также и все государевы бояре и воеводы съезжались к тому месту на совет, с ними же держали совет и государевы дьяки богом хранимого города Пскова Сульмен Булгаков и Афанасий Малыгин, и пушечного приказа дьяк Терентий Лихачев приезжал к воеводам на совет. И мудро размышляли они об укреплении города, кого как бог вразумит, такой и совет давали; ведь не множеством правителей осуществляются начинания, но добрым советом; им же и бог помогал в благом решении стойко готовиться к славным подвигам и всячески укреплять городские укрепления. Литовского короля гетман, поставленный во главе орудий, староста чечерский пан Юрий Зиновьев Угровецкий, приехав к королю, возвестил ему: «Государь король Стефан, уже все готово для взятия города: и орудия приготовлены и поставлены на удобные для стрельбы по городу места». Король, услышав это, обрадовался и повелел пану Юрию Угровецкому бить по городу из орудий и сделать в стене, и не в одном месте, большие проломы для взятия града Пскова. Он же приступил к исполнению приказа короля.

Того же месяца сентября в 7 день, в четверг, в первом часу дня, начали бить из орудий по городу — из трех тур, из двадцати пищалей; и били по городу беспрестанно весь день до ночи. Так же и утром пять часов беспрестанно по граду били из орудий и разбили двадцать четыре сажени городской стены до земли, и Покровскую башню всю до земли сбили, и у Угловой башни разрушили весь охаб — до земли, и половину Свиной башни сбили до земли, и стены городские разбили местами на шестьдесят девять саженей. Все это разбили и городскую стену во многих местах проломил. И сообщили об этом королю; он же был очень обрадо-

ван этим и повелел своим гетманам и ротмистрам с гайдуками и всем военачальникам прибыть к нему.

И когда сошлись все к королю, то литовский король Стефан, горделиво сидя на своем королевском месте, пригласил всех на обед к себе — и гетманов своих, и великих панов, и всех своих первых сотников, и всех ротмистров, и всех военачальников, и градооцев, и гайдуков. После обеда же велел готовиться к взятию города Пскова. Они же, радостные и самодовольные, сошлись перед королем и сказали ему гордо и хвастливо: «Сейчас, государь король, по милостивой доброте твоей обедаем и пируем у тебя в обозе и сегодня же, государь, просим у тебя ужина в крепости Пскове, чтобы поздравить тебя с великим и прекрасным градом Псковом».

Король, услышав это, всех гетманов и ротмистров и всех военачальников на обеде у себя обильными угощениями угостил, и с дружеской любовью и просьбой ласково говорил о полном и безусловном взятии города, и клятвенно обещал всем военачальникам быть милостивым и щедрым, и сказал, что все богатство псковское, весь плен и добычу они беспристрастно, согласно их чинам, разделят. Они же отвечали ему на это: «Государь, крепость Псков сегодня непременно возьмем на шит, вернее, государь, они сами твоему имени покорятся, не смогут устоять против твоей бесчисленной армии и искусных градооцев». И своим женам велели радостно встречать их с добычею из Пскова. И затем литовский король Стефан гетманов своих и ротмистров и всех градооцев посылает на взятие Пскова.

Того же месяца сентября в 8 день, в праздник рождества пречистой богородицы, в пятом часу дня (был тогда день недели — пятница), литовские воеводы и ротмистры, и все градооцы и гайдуки проворно, радостно и уверенно пошли к граду Пскову на приступ.

Государевы же бояре и воеводы и все воины и псковичи, увидев, что из королевских станов многие великие полки с знаменами пошли к городу и все траппен плотно заполнили литовские гайдуки, поняли, что они идут к проломным местам на приступ, и велели бить в осадный колокол, что в Среднем городе на крепостной стене у церкви Василия Великого на Горке, подавая весть всему псковскому народу о литовском наступлении на город. Сами же государевы бояре и воеводы со всеми воинами и стрельцами, которым приказано то место защищать, изготовились и повелели из многих орудий по

вражеским полкам стрелять. Стреляя беспрестанно по полкам из орудий, они многие полки побили; бесчисленных литовских воинов побив, они устали ими поля. Те же упорно, дерзко и уверенно шли к городу, чудовищными силами своими, как волнами морскими, устрашая. Тогда в соборной церкви Живоначальной Троицы духовенство с плачем, и со слезами, и с воплем великим служило молебей, об избавлении града Пскова бога моля; псковичи же, простившись с женами и детьми, сбежались к проломному месту, и приготовились крепко против врага стоять, и всем сердцем богу обещали честно умереть всем до одного за христианскую веру, за Псков-град, и за свой дом, и за жен, и детей.

После всего этого в тот же день, в шестом часу, словно великий поток зашумел и сильный гром загремел — то все бесчисленное войско, закричав, устремилось скоро и спешно к проломам в городской стене, щитами же и оружием своим, и ручницами, и бесчисленными копьями, как кровлею, закрываясь.

Государевы же бояре и воеводы со всем великим войском, бога на помощь призвав, бросили христианский клич, призывно вскричали и так же стойко сражались с врагом на стене. А литовская бесчисленная сила, как поток водный, лилась на стены городские; христианское же войско, как звезды небесные, крепко стояло, не давая врагу взойти на стену. И был гром великий, и шум сильный, и крик несказанный от множества обеих войск, и пушечных взрывов, и стрельбы из ручниц, и крика тех и других воинов. Псковские воины не давали литовским войскам взойти на городскую стену, а они, несчастное литовское воинство, все же упорно и дерзко лезли на стену. Пролом, пробитый литовскими снарядами, был велик и удобен для прохода, даже на конях можно было въезжать на городскую стену. После литовского обстрела не осталось в местах пролома, у Покровских и Свинных ворот, никакой защиты и укрытия, за которыми можно было бы стоять. В то время у проломов внутри города деревянная стена со множеством бойниц для защиты от литовцев во время приступа к городу еще не была закончена из-за бесчисленной и беспрестанной пальбы литовских орудий, только основание ее было заложено. Поэтому многие литовские воины вскочили на стену града Пскова, а многие ротмистры и гайдуки со своими знаменами заняли Покровскую и Свиную башни и из-за щитков своих и из бойниц в го-

род по христианскому войску беспрестанно стреляли. Все эти проверенные лютые литовские градомцы, первыми вскочившие на стену, были крепко в железо и броню закованы и хорошо вооружены. Государевы же бояре и воеводы со всем христианским воинством твердо стояли против них, непреклонно и безотступно, сражаясь доблестно и мужественно, неослабным сопротивлением не давая врагу войти в город.

Литовский же достохвальный король Стефан, увидев, что его ротмистры и верные градомцы и гайдуки уже влезли на стены града, и в башнях стоят со знаменами, и в город по народу беспрестанно стреляют, очищая путь для взятия города, исполнился радости несказанной и уже надеялся увидеть взятие города. И сам король к городу приблизился, остановившись в храме Никиты, великомученика Христова, что в одном поприще от города. Тогда приближенные его первосоветники и любимые его избранные дворяне радостно окружили его, уверенно и льстиво говоря королю: «Ты, государь наш, милостивый король Стефан, уже прославился как истинный завоеватель и победитель славного града Пскова. Зная твою превеликую доброту, молим тебя отпустить нас и послать вперед на крепость Псков, чтобы не хвастались потом перед тобою ротмистры, что они с гайдуками одни взяли град Псков».

Король же, услышав от своих дворян и первосоветников, что те радостно и по собственной воле сами хотят исполнить его желание, еще больше радости исполнился. С веселым лицом и радостным сердцем он отвечал им, как своим братьям: «Если вы, мои друзья, такое дружеское решение принимаете, то и я с вами иду и не остану от вас, друзей моих». Они же отвечали ему: «Ты, государь король Стефан, вступишь в столь великий град Псков подобно великому и славному королю, как великий царь Александр Македонский, всей вселенной властитель, торжественно вступил в великий Рим. Мы же, твои рабы, государь, как рабы Александра-царя в Риме, с честью встретим тебя в твоем великом граде Пскове, и победные хвалебные песни тебе вознесем, и несметное псковское богатство к твоему приходу все приготовим. А государевых бояр и воевод, поставленных великим князем русским в граде Пскове, пленниками приведем. И даже, государь, самое ценное сокровище и русского царя достояние, двух его бояр и воевод: первого — самого главного в граде Пскове, вели-

кого гетмана князя Василия Федоровича; второго — славного, стойкого и непобедимого, великого храброго гетмана, князя Ивана Петровича; обоих Шуйских, прославленных в Руси и у нас, связанными перед тобою поставим. Ты же, государь, за их непокорство перед тобою, как хочешь, так и поступай с ними и со всеми их военачальниками». Король, услышав это, с радостью отпускает их на стены града Пскова, им следующее сказав: «Верю, друзья, как доселе все сбывалось по вашему доброму предсказанию, так и ныне сбудется. Что хотите делать, то и делайте, ничто и никогда не устоит против вас и ваших разумных замыслов».

И собралось их, избранных градооцеов и приближенных к королю дворян, две тысячи; и хлынули они через пролом в Свиную башню и начали стрелять из бойниц по христианскому народу, по их ополчению; как из огромного дождевого облака бесчисленные капли, полились на народ ружейные пули, словно змеинные жала, язвя насмерть христиан. И в Покровской башне и по всему пролому сильно наседали литовские воины, отесняя от того места русское христианское воинство, очищая путь для взятия города.

Государевы же бояре и воеводы, и все ратные люди, и псковичи с ними тоже крепко и мужественно бились: одни под стеною с копьями стояли, стрельцы стреляли по врагам из пищалей, дети же боярские из луков стреляли, другие же бросали в них камни, остальные, кто как мог, помогал спасению града Пскова. И из орудий непрестанно по врагу стреляли и никак не давали сойти в город. Литовское же воинство упорно и настойчиво со стен, и из башен, и из бойниц беспрестанно стреляло по русскому воинству; сменяя друг друга, литовцы бились, говоря: «Град Псков возьмем!» Король же литовский часто посылал к ним, спрашивая о взятии города, и грозно торопил гетманов и ротмистров литовских и все многочисленное войско литовское.

А в богоспасаемом граде Пскове государевы бояре и воеводы с любовью и слезами призывали своих воинов на бой, и христианское воинство самоотверженно и стойко билось с врагом. И можно было видеть, как христианские воины, словно пшеничные колосья, вырванные из земли, погибали за христианскую веру. Другие же изнемогали от многочисленных ран, нанесенных литовским оружием, и ослабели от усталости — день тогда

был очень солнечный и знойный; но все крепились, вооружаясь надеждою на бога и его заступничество.

В богоспасаемом граде Пскове и в соборной церкви живоначальной Троицы беспрестанно со слезами и скорбью многою молили бога о спасении. И как пришла в храм живоначальной Троицы весть всему освященному собору, что литовские воины уже на стенах и в башнях, и со знаменами ходят, и по городу стреляют, очищая путь для схода, тогда печерский игумен Тихон и протопоп Лука и всего того богоспасаемого града Пскова христианский священнический и дьяконский освященный собор, услышав это, вскричали голосами неумолчными, руки простирая к пречистому образу, на колени пали и мрамор помоста церковного слезами, как струями многими реки, омочили, слезно молясь богородице о спасении града Пскова и живущих в нем. И жены знатные сошлись в соборную церковь на молебен, крича и в голос рыдая, в грудь себя ударяя, богу и пречистой богородице молились, о перила и о пол бились, жалобно восклицая. Так и во всем великом богоспасаемом граде Пскове женщины, оставшиеся дома со своими детьми и малыми младенцами, пред святыми иконами слезно молились и в голос рыдали, в грудь себя били, богородицу со всеми святыми призывая на помощь и прося о молитве, о своих грехах и об избавлении града Пскова бога молили. По всем улицам богоспасаемого того града Пскова стоял крик страшный, и стенанье громкое, и вопль несказанный.

Литовское же воинство крепко и упорно наседало, крича: «Вперед, друзья, уничтожим всех живущих в Пскове за непокорность их; и не вспомнется имя христианское в Пскове, ибо покрыла их тень смертная, и нет того, кто спасет их от руки нашей!»

Кто поведает о силах господи и кто огласит хвалы ему? Блаженны, сказано, все боящиеся бога, ходящие по путям его плоды трудов своих вкусят. Услышьте это, все народы, внемлите, все живущие во вселенной, земные сыны человеческие, равно богатый и убогий. Придите же, все святые Русской земли и земель христианского православия, кто нам соболезновал и помогал молитвами своими к богу, придите в богом прославленный град Псков, воистину же скажу, в богоспасаемый град Псков. Вместе прославим и возвеличим святую Троицу, торжественно помолимся: «Бог нам прибежище и сила, помощник в бедах, охвативших нас». Потому и

не страшимся мы, воистину говорю, не страшимся, ведь сказано пророком: «Велик господь и прославлен в городе бога нашего, на святой горе его; бога в беде познаем, когда защищает он свой город». И в смиреннии нашем вспомнил нас господь, когда цари земные собрались вместе на богоспасаемый град Псков, говоря: «Бог его оставил, поспешим и возьмем его, ибо нет избавляющего его».

О начальник окаянного и горделивого народа твоего литовского, Стефан Обатур, и все твое безумное войско! Как можете говорить, окаянные, что нет избавляющего нас? Господь сил с нами, заступник наш, бог Иакова, бог, в Тронце славимый, единый бог, на три имени разделяемый, но в единой сущности познаваемый — Отец и Сын и святой Дух! На него надеемся и уповаем, не то что ты, Обатур, в безбожной своей ереси не признаешь его, а до небес вознесся, идя на град Псков, в безумии своем надеясь и хвалясь множеством силы своей. Подожди, окаянный, узришь, что станет с твоею силою, и уразумеешь, что значит «нет избавляющего» нас, как ты написал о граде Пскове в своем гордом и полном хвастовства послании. За это и унижение примешь: за свое гордое возношение в ад сойдешь со всем своим воинством, ибо в смиреннии нашем вспомнил о нас господь и избавил нас от врагов наших. И услышал господь мольбу слуг своих, и начало совершаться все по воле неизреченного милосердия владыки, когда взглянул он с участием на своих подданных и явил слугам своим великую милость свою.

С Похвальского раската из огромной пищали «Барс» ударили по Свиной башне, и не промахнулись, и множество воинов литовских в башне побили. Кроме того, государевы бояре и воеводы повелели заложить под Свиную башню много пороха и взорвать ее. Тогда все те высокогорделивые дворяне, приближенные короля, которые у короля выпрашивались войти первыми в град Псков, чтобы встретить короля и привести к королю связанными государевых бояр и воевод (об этом мы говорили, рассказывая об их первой похвальбе), от руки тех «связанных русских бояр и воевод» по промыслу божьему эти первые литовские воины смешались с псковской каменной стеной Свиной башни и из своих тел под Псковом другую башню сложили. Так первые королевские дворяне под Свиную башню до последнего воскресения были связаны русскими государевыми

боярами и воеводами, о которых они говорили, что приведут их связанными к королю, и телами своими псковский большой ров наполнили.

О них впервые известили короля, после того как он спросил: «Уже в крепости мои дворяне?» Ему же сказали: «Под крепостью». Когда он спросил: «Что, уже ходят мои дворяне за стеною в городе и русскую силу уничтожают?» Ему же ответили: «Государь, все те твои дворяне в Свиной башне убиты и сожжены во рву лежат». Тогда король едва не кинулся на свой меч, и сердце его, думается мне, едва не разорвалось, уж так случается с неистовыми, а тем более с язычниками.

Тогда разъярился король, послал приказ к тем, кто был в Покровской башне и по всему пролому, строго веля всем ротмистрам и градоємцам во что бы то ни стало взять град Псков. Государевы же бояре и воеводы, видя упорный и беспрестанный огонь, решительные приступы врага, множество своих воинов, погибших и изнемогших от ран, все равно неослабно надеялись на бога. Посылают они в соборную церковь живоначальной Троицы за великим и надежным избавлением, за святыми чудотворными иконами и чудотворными мощами благоверного великого князя Гавриила-Всеволода, псковского чудотворца и избавителя от врагов, и повелевают принести их к проломному месту. Так принесли в царствующий град Москву чудотворную святую икону пречистой богородицы из Владимира для спасения от нашествия царя Темир-Аксака, здесь же, в богоспасаемом граде Пскове, — от нашествия польского короля. Там — от знаменитого Колтыря, здесь — от прославленного Обатура, там посылали за Владимирской иконой, здесь — за Печерской иконой. Там была принесена пресвятая икона из Владимира в Москву в день праздника успения богородицы, и в этот же день Темир-Аксак был посрамлен, образом пречистой невидимо утрашен и со всем воинством побежал от Москвы и с Русской земли. Здесь же, в пренменитом и славном граде Пскове, в день праздника богородицы, честного и славного ее рождества, была принесена к проломному месту из соборной церкви живоначальной Троицы святая чудотворная икона успения пречистой богородицы Печерского монастыря вместе с другими чудотворными иконами и мощами благоверного князя Гавриила-Всеволода и другими святынями; и в тот же час невидимо пришло спасение граду Пскову на этом месте.

Крепко билась литва с русским воинством на стенах города у Покровской башни и на всем проломе, государевы же бояре и воеводы со всем христианским псковским воинством так же крепко против них стояли и не давали сойти в град Псков. Когда же, как говорил уже, пошли к проломному месту со святыми иконами, то в тот же час, будто по воле святых икон, вестники примчались на конях, не обычные воины, но Христовы воины против невидимых врагов, черных ликом и делами. Один из них — Арсений, именуемый Хвостовым, келарь Печерского монастыря, где и была чудотворная икона пречистой богородицы; с ним же второй — казначей Снеготорского монастыря Рождества пречистой богородицы Иона Наумов; третий же с ними был Мартирий-нгумен, и этот был известен в Пскове всем. Эти упомянутые выше монахи, по плотскому рождению — дети боярские, когда жили в миру, то были искусными воинами. Потому, умудренные богом благодаря вере и честным своим молитвам, они, прибежав к проломному месту, где совершалось для обеих сторон кровопролитное торжество, громкими голосами государевым боярам и воеводам и всему христианскому воинству будто от имени святых икон (как я уже прежде сказал) милость возвестили: «Не бойтесь, станем крепко и устремимся все вместе на литовскую силу! Богородица с милостью и защитой идет к нам на помощь со всеми святыми!»

И услышали государевы бояре и воеводы и все христианское воинство эти слова, что богородица со всеми святыми идет на помощь, и одновременно с этой вестью осенила богородица все православное христианство своей милостью и помощью; и сердца немощных окрепли и стали тверже алмаза, и все вместе приготовились к подвигу. Тогда все, единым сердцем восприняв богородицы милость и ее помощью вооружившись, едиными устами богородицу на помощь призывали, и государевы бояре и воеводы, с ними же упомянутые выше монахи и все воинство христианское в один голос вскричали: «Сегодня, друзья, за христианскую веру и за православного государя нашего, царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси умрем все вместе от руки литовцев, но не отдадим государя нашего града Пскова польскому королю Стефану!» Также великого заступника псковского, князя Гавриила-Всеволода, с ним же князя Довмонта и Николая, Христа ради юродивого, в сердцах своих призвав на помощь, все христиан-

ское воинство в едином порыве устремилось на литовскую силу, на стены города, на проломное место. И так божьей милостью, молитвою и заступничеством пречистой богородицы и великих святых чудотворцев сбили литовскую силу с проломного места, и по благодати Христовой там, где на псковской стене стояла литовская нога, в тех местах вновь христианские воины утвердились и со стены били литву уже за городом и добивали оставшихся еще в Покровской башне.

В то время, когда по предначертанию бога одолели христиане литву и сбили литовских воинов, ротмистров и гайдуков с проломного места, тогда благодать Христова не утонула от всех оставшихся в граде Пскове жен. И по всему граду Пскову промчалась весть: «Всех литовских людей бог помог с городской стены сбить и перебить, а вам, оставшимся женам, велено, собравшись у пролома, идти за литовскими орудиями и оставшуюся литву добивать».

Тогда все бывшие в Пскове женщины, по домам сидевшие, хоть немного радости в печали узнали, получив благую весть, и забыв о слабости женской, и мужской силы исполнившись, все быстро взяли оружие, какое было в доме и какое им было по силам. Молодые и средних лет женщины, крепкие телом, несли оружие, чтобы добить оставшихся после приступа литовцев; старые же женщины, немощные телом, несли в своих руках короткие веревки, собираясь ими, как передают, литовские орудия в город ввезти. И все бежали к пролому, и каждая женщина стремилась опередить другую. Множество женщин сбежалось к проломному месту, и там великую помощь и облегчение принесли они христианским воинам. Одни из них, как уже сказал, сильные женщины, мужской храбрости исполнившись, с литвою бились и одолевали литву; другие приносили воинам камни, и те камнями били литовцев на стене города и за нею; третьи уставшим воинам, изнеможенным от жажды, приносили воду и горячие их сердца утешали водою.

Было это в пятницу, в праздник рождества пречистой богородицы, уже близился вечер, а литовские воины все еще сидели в Покровской башне и стреляли в город по христианам. Государевы же бояре и воеводы вновь бога на помощь призвали, и христианский бросили клич, и в едином порыве все, мужчины и женщины, бросились на оставшихся в Покровской башне литовцев, во-

оружившись кто чем, как бог надоумил: одни из ручниц стреляли, другие камнями литву побивали; одни поливали их кипятком, другие зажигали факелы и металы их в литовцев, и по-разному их уничтожали. Под Покровскую башню подложили порох и подожгли его, и так с божьей помощью всех оставшихся в Покровской башне литовцев уничтожили, и по благодати Христовой вновь очистилась каменная псковская стена от поправших ее поганных литовцев. Когда наступила ночь, свет благодати воссиял над нами по божьему милосердию, и отогнали их от стен города.

И побежала литва от города в свои станы. Христиане же выскочили из города и далеко за ними гнались, рубя их; тех, кого настигали в псковском рву, поубивали, многих живыми взяли и самых знатных пленных привели к государевым боярам и воеводам с барабанами, трубами, знаменами и боевым оружием. А сами невредимыми вернулись в Псков с победою великою и бесчисленным богатством, принеся очень много оружия литовского, дорогих и красивых самопалов и ручниц самых разных. И так по божьей благодати и неизреченному милосердию престожественной Троицы и молитвами и молением пречистой богородицы и всех святых чудотворцев спасен был великий град Псков в день честного и славного рождества богородицы; в третий час нѣчи бог даровал христианскому воинству великую победу над горделивой и безбожной литвой.

Государевы бояре и воеводы, и весь освященный собор, и все православные христиане, мужчины и женщины со всеми детьми, узнав о неизреченном и несказанном милосердии бога, пресвятой и престожественной, живоначальной и неразделимой Троицы, и о молитве и молении верной нашей христианской заступницы, крепкой в бранях воеводы, истинной богородицы и приснодевы Марии, и всех святых великих чудотворцев, за всю Русскую землю заступников, а особенно — великого светильника, по сию пору истинного заступника славного именитого града Пскова, благоверного великого князя Гавриила-Всеволода, с ним же и князя Довмонта и Николая, Христа ради юродивого, и всех святых, — исполнились неизреченной радости и великую благодарность богу вознесли. И после великого своего труда государевы бояре и воеводы и все православное христианское воинство получили малое отдохновение и отерли храбропобедный свой пот.

Потом государевы бояре и воеводы обратились ко всему христианскому воинству и псковичам, мудроучительно наставляя их: «Сегодня, братья, для нас был первый день плача и веселья, храбрости и мужества. Плача — ибо за грехи наши подверг нас бог тяжелому наказанию; веселья — ибо сподобляемся мы умирать за христианскую веру и законы отцов. Ныне настает время храбрости и мужества; как начали, так молим бога и постараемся завершить, видя такое великое милосердие бога к нам. Ибо сказано: «Сильные враги наши пали, а мы, немощные, обрели силу; и ненасытные вовсе хлеба лишились, а мы по милосердию божью исполнены благ». И еще: «Не вспомнит господь бог о грехах наших и отвратит праведный свой справедливый гнев». И, видя его великое милосердие и доброе начало, надемся и на славный конец: ибо говорят некоторые о нравах хвастливых литовцев, что если ошибутся они в начале, то потом еще более опрометчивыми будут. Мы же благодатию Христовою и по имени его христиане зовемся. Будем же готовы умереть за святую ту Христову веру и за православного государя нашего, царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси, и за его государевых детей, наших государей. И в помыслах и в сердцах наших не изменим им и не поддадимся страху и отчаянию, ибо ему, государю, непобедимое оружие — животворящий крест целовали. Как говорит святое Евангелие, неизреченные Христовы уста: «Что пользы человеку, если он приобретет весь мир, а душу свою опустошит? Или что даст человек за душу свою?» С такими премногими утешительными словами обратились государевы бояре и воеводы, как истинные христианские поборники, к подвластному им войску.

Христолюбивое воинство, услышав это, с плачем и со слезами, благонравно и благочестиво отвечало так: «От прародителей своих мы — христиане, и сами в Христовой вере родились и ныне готовы умереть за Христову веру; как начали — с богом, так и завершим, без всякого обмана». Так и свершилось по благодати Христовой.

Потом государевы бояре и воеводы повелели похоронить доблестных храбрецов, погибших от руки литовских мучителей, пострадавших за веру Христову, как древних мучеников. Всего же было убито после первого большого приступа восемьсот шестьдесят три человека. А раненых повелели лечить за счет государственной казны.

Всего же ранено было в первый большой приступ 1626 человек.

Литовский же многогорделивый король Стефан, увидев, что желанья его не сбылись, а его литовское воинство постыдно и со срамом бежало от города, великого стыда исполнился, гетманов своих и ротмистров даже видеть не мог. И гетманы не смели явиться к своему королю, стыдясь своего позора и неумолимой похвальбы перед королем. К тому же услышал король, что великий угорский гетман, любимый им Бекеш Кабур, убит под Псковом и иные великие славные литовской земли люди убиты: пан Стефан, пан Мартын, великий угорский гетман Петр, пан Ян Сиос, пан Дерт Томас, пан Генес Павлов, пан Береденик и иные многие великие и славные литовские паны. А всех градооцеов, убитых под Псковом, как говорили они сами, было более пяти тысяч, а раненых вдвое больше.

Услышав об этом, король впал в отчаяние и великую кручину, осыпая себя и свое войско многими упреками. К тому же слышит король у себя в станах плач сильный, и крик, и рыдание, и вопли многие, будто весь лагерь пришел в волнение и смятение: пани о панах плачут, мужьях своих, матери с детьми своими прощаются, брат с братом разлучаются. Жестоко поплатились они под Псковом жизнью своей: повелели супругам своим встречать их из Пскова, но за эту похвальбу и сами не вернулись с псковского поля, изо рва не вышли, и тела их были брошены на съедение псам.

И снова сел король на свой высокогордый престол, а пред ним предстали великие его гетманы и паны рад, его первосоветники, и все размышляли: «Каким образом можно взять град Псков, и какой хитростью и мудростью одолеть в Пскове неукротимых воевод и непокорный народ?» И вновь держат совет, как взять богоспасаемый град Псков. Одни говорят, что нужно брать приступами, другие же первосоветники велят с ласкою и угрозами просить град Псков у государевых бояр и воевод и у народа, о том написать грамоты и кидать их на стрелах в город. «Если же и так не одолеем, и ласкою и угрозами не уговорим, то пусть великие гетманы и паны первосоветники, каждый продумав, как устроить свой подкоп, подведут их под городскую стену, чтобы, подкатив потом порох, поджечь его; так, не проливая крови литовского своего войска, легко и быстро можем взять град Псков». Выслушал король этот без-

божный совет их, кошунственное их умышление, это суетное и тщеславное возношение ума их и многие похвалы расточил их разуму, и решил поступить по их совету. Вновь литовские ротмистры и гайдуки, следуя решению совета, начинают каждодневные воровские приступы на места пролома.

Государевы же бояре и воеводы с христолюбивым воинством никак не давали врагу взойти на городскую стену. Тогда же государевы бояре и воеводы повелели построить против проломного места деревянную стену с многочисленными бойницами, и многие башни поставили, и во многих местах поставили орудия, готовясь к приступу литовских сил. Между обеих стен — каменной и деревянной стеной в городе — повелели выкопать ров и поставили в нем острый дубовый чеснок, также и по всему пролomu и в башнях поставили и укрепили плотный острый чеснок, так что человеку невозможно было никаким образом пробраться через него. По-разному готовились к приступам: кто готовился, зажигая смолье, метать его в литовцев, кто подогревал в котлах кипяток с нечистотами или готовил кувшины с порохом, чтобы метать их в литовцев, кто сухую сеяную известь приготавливал, чтобы засыпать литовскому воинству бесстыдные их глаза. И так благодатию Христовою основательно и надежно приготовились к приступам. Литовское же воинство ежедневно, а иногда дважды и трижды в день и ночью штурмовало город, но всегда, с помощью бога, христиане отбивали литву от стен и многих литовских воинов во время приступа уничтожали, христианское же воинство всегда богом защищено было.

Гордонапорная литва, увидев, что невозможно стены города взять штурмом, нехотя сказали об этом королю, король же повелел в Псков государевым боярам и воеводам писать грамоты о сдаче града Пскова. «Уведайте, — писал он, — бояре и воеводы, что не затем я пришел под ваш град Псков, чтобы уйти, не взяв его. Да и сами знаете, сколько городов государя вашего взял я в прошедшие два года и ни от одного не ушел, не взяв; не только передо мною, но и перед посланными мною гетманами не мог устоять ни один из городов. Ныне же пишу вам, жалея вас и щадя ваше благородство, помилуйте себя сами и покоритесь моему великому имени, сдайте город без крови. Если так поступите, да известно будет вам, что ни один из вас, знатных, не

был так пожалован вашим государем, как мною будет обласкан и облагодетельствован. Если же явитесь ко мне, надеясь на мою ласку, то даю вам свое королевское слово и вместе с избранными своими панами обещаю вам, что не только наместниками моими будете в граде Пскове, но и многие города в вотчину вам дам, если мирно сдадите мне город. Весь народ в городе помилую, и будете вновь жить по своим законам, и каждый свои обязанности исполнять, и торговать по-старому на своих торгах. Если же не покоритесь, то ни один человек во всем великом вашем граде Пскове не увидит моей милости, но все самыми горькими смертями умрут». И написав грамоты, пускают их на стрелах в город, и не один раз, и не дважды, но много раз пускают стрелы с такими грамотами в Псков.

Государевы же бояре и воеводы пишут в ответ так: «Пусть знает твое величество, гордый литовский правитель, король Стефан, что в Пскове и пяти лет христианский ребенок посмеется над твоим безумием и твоими глупыми первосоветниками, о которых ты нам написал. Какая польза человеку возлюбить тьму больше света, или бесчестие больше чести, или горькое рабство больше свободы? Чем лучше нам оставить святую свою христианскую веру и покориться вашей плесени? И какое приобретение чести в том, чтобы оставить нам своего государя, православного великого христианского царя, и покориться иноверному чужеземцу и уподобиться иудеям? Тем более что они по незнанию или по зависти распяли господа славы, нам же, зная своего православного царя-государя, в царской державе которого и прародители наши родились, как оставить его? Или думаешь прельстить нас лукавой ласкою и пустой лестью или суетным богатством? Но и всего мира сокровищ не хотим за свое крестное целование, которым присягнули своему государю. И что ты, король, страшаешь нас горькими и позорными смертями? Если бог за нас, то никто против нас! Все мы готовы умереть за свою веру и за своего государя, но не сдадим града Пскова, не покоримся лъстивым твоим словам. Ни один из младоумных в граде Пскове не последует твоему совету, из степенных же и зрелых мужей в Пскове никто даже слушать не будет о твоём безумном умышлении. Готовься к битве с нами, а кто кого одолеет, то бог покажет». И так же, на стреле, пустили врагу свой ответ.

Государевы бояре и воеводы совершали частые и каждодневные вылазки за город; божьей милостью и царским счастьем и благодаря своей боярской и воеводской находчивости многих языков литовских захватывали и в город приводили и выводывали у них, пытая и истязая, о замыслах против Пскова короля и его первосоветников, и так готовились против их козней. В один из дней была вылазка за Варлаамские ворота, в которой схватили литовских языков, от них же точно узнали, что литовские гетманы самонадеянно похвалились своему королю подкопами взять град Псков, и каждый из военачальников разных земель свой подкоп повел: подкоп королевский польский, подкоп литовский, скорый и хвастливый, подкоп угорский, подкоп немецкий, и всего в разных местах девять подкопов. Эти же литовские языки сказали государевым боярам и воеводам, что все те подкопы повели еще 17 сентября, а вперед всех готов будет угорский подкоп. Но ни один из тех литовских языков не знал, к какому месту ведутся те подкопы, и говорили они, что в литовском войске зорко следят, чтобы о тех подкопах никто не знал.

Государевы бояре и воеводы, разведав, что литовский король под Псков многие подкопы повелел вести, возблагодарили бога, что узнали об этом умысле литовском, сокрушались только, что не узнали, под какие места ведутся подкопы. И, призвав бога на помощь, повелели против подкопов из города повести несколько слуховых ходов, не только от пролома, где ожидали подкопов, но по всему Пскову в слуховых ходах велели внимательно следить за подкопами.

Также и освященный собор беспрестанно, день и ночь молил бога о избавлении града Пскова от нынешних бед; трижды в неделю приходили на пролом с крестами, святыми чудотворными иконами и чудотворными мощами благоверного князя Гавриила-Всеволода и с другими святынями и совершали молебны. Литовские же гайдуки, как только слышали, что христианские священники служат молебен у пролома, рядом с Покровской угловой башней, то, догадываясь, что там собирается много народа, начинали метать туда камни и ими христиан увечили.

Однажды, 20 сентября, священники, как обычно, пришли с крестами к Покровской угловой башне и совершали молебен, литовские же гайдуки опять, по дикому сво-

ему обычаю, начали швырять камни в город. И огромным камнем попали в принесенный из собора живоначальной Троицы чудотворный образ великого страстотерпца Христова и великомученика-победоносца Дмитрия Солунского, икону греческого корсунского письма, в надетый на нем золоченый доспех, и пробили доспех повыше пояса, у правого плеча, так глубоко, что и левкас до доски отбили. Священники же, а также государевы бояре и воеводы и все православные христиане, увидев свершенное над образом страстотерпца, обратились к святому великомученику Христову Дмитрию: «О великомученик и победоносец, узнай врагов наших дерзость: не только над нами, но и над святым твоим чудотворным образом надругались. Так помолись же, святой Дмитрий, господу и избавь нас от врагов наших своею молитвою и помощью, как умолил ты милостивого владыку за свой град Солунь и как помог некогда в битве с погаными немцами на великом Чудском озере великому князю Александру Невскому, защищавшему великий град Псков: тогда, как знак твоей милостивой помощи, нашли на месте великого побойща великого князя Александра Невского с немцами серьгу из правого уха, оброненную с твоего чудотворного образа. Так и ныне, святой Дмитрий, яви милость свою и избавь нас и град наш Псков от врагов наших, злогордой литвы». Разве можно чудо молчанию предать? И о новом милосердии божьем нужно рассказать.

В тот же день, когда безбожные дерзнули и на святой образ страстотерпца посягнуть, полностью открылся умысел литовского короля и всех его первосоветников, какие подкопы ведутся и под какие места городской стены. А случилось это таким образом. Из литовского войска прибежал в город Псков перебежчик, прежде русский, полоцкий стрелец по имени Игнаш. Тот Игнаш государевым боярам и воеводам и рассказал, против каких мест ведутся подкопы, и со стены указал те места. Государевы же бояре и воеводы, услышав это, радости исполнились и возблагодарили бога, и пречистую богородицу, и святых великих чудотворцев, и святого великомученика Дмитрия, ибо ради его святого образа бог и это неведение рассеял. Против тех подкопов скоро и спешно начали копать слуховые ходы, и сентября в 23 день, божьей милостью, наши русские слуховые ходы сошлись с литовскими подкопами между Покровских и Свиных ворот, и злодейский их умысел с по-

мощью Христовой расстроился. Так же и другой подкоп, под Покровскую башню, перехватили, а остальные литовские подкопы за городом сами обрушились. И так, божьей милостью, и этот литовский план окончательно расстроился.

Увидев безнадежность своих планов и неосуществление замыслов своих первосоветников, литовский король и его войско ежедневными приступами вновь пытаются занять городскую стену и внезапно ворваться в город с многою силою. Русское же христианское воинство даже ступить на городскую стену им не дает. Вновь литва, стремясь осуществить свои неосуществленные замыслы, обсуждает старые свои приемы взятия городов: «Если вызвать как-то смятение в городе, то через проломные места сможем войти в город». И вот октября в 24 день из-за Великой реки начали стрелять по жилым домам раскаленными ядрами и чуть ли не весь день стреляли. Но милостию божьей и от этих литовских козней бог сохранил великий град Псков совершенно невредимым.

Гордонапорная литва, увидев, что и так не добилась она даже малого из того, что хотела, другое дерзкое решение принимает. 28 октября со стороны реки Великой под городскую стену пробрались литовские гайдуки, градомцы и каменотесы и, закрывшись специально сделанными щитами, начали подсекать кирками и всякими орудиями для разбивания камня каменную стену от Покровской угловой башни и до водяных Покровских ворот, чтобы вся стена, подсеченная, упала в реку Великую. А деревянную стену, что построена для укрепления рядом с каменной, хотели зажечь. В то же время из-за реки Великой по народу, стоящему у городской стены, решили стрелять из орудий, и так надеялись окончательно взять город.

Государевы же бояре и воеводы, увидев такой над городом умысел, против замыслов литвы для обороны города со своей стороны повелевают зажженное смоляное тряпье на литву и на щиты их метать, чтобы от огня щиты их загорались, а сами они от удушливого дыма из-под стены выбегали или же там сгорали. Литовские же воины, понуждаемые силой, все это терпели и стояли, упорно и настойчиво подсекая стену.

Государевы же бояре и воеводы повелели провертеть сквозь деревянную и каменную стены частые бойницы и из тех бойниц стрелять по подсекающим из ружниц

и копьями их колоть. Кроме того, лили на них горячую смолу, деготь и кипяток, зажженный просмоленный лен на них кидали, и кувшины с порохом в них бросали. Те литовские гайдуки, что надежно укрылись, продолжали долбить стену; другие же, охваченные огнем и дымом, не в силах терпеть, стремглав выбегали из-под стены. Чтобы ни одному из этих проворных литовских гайдуков не дать убежать, были расставлены опытные псковские стрельцы с длинными самопалами. Некоторые же литовские градомцы так глубоко продолбили стену, что уже и без щита могли ее подсекать, и ни горячей водой, ни огнем пылающим их нельзя было выжить, но и против этих, особенно смелых, благосудные государевы бояре и воеводы с мудрыми христианскими первосоветниками придумали для спасения города следующее: повелели навязать на шести длинные кнуты, к их концам привязать железные палки с острыми крюками. И этими кнутами, спустив их с города за стену, стегали литовских камнетесов и теми палками и острыми крюками извлекали литву, как ястребы клювами утят из кустов на заводи; железные крюки на кнутах цеплялись за одежду и тело литовских хвастливых градомцев и выдергивали их из-под стены; стрельцы же, как белые кречеты набрасываются на сладкую добычу, из ручниц тела их клевали и литве убежать никоим образом не давали.

Бедные же литовские градомцы, гайдуки и каменотесы, увидев, что и этот замысел их гордых воевод не осуществился, не могли терпеть больше их понуканий, прибежали в стан к королю, от горечи сердечной с плачем говоря: «Да повелит твое величество, государь король Стефан, всем нам в станах от меча твоего умереть, но не вели всем до единого погибнуть под крепостью Псковом. Насмерть бьются, упорно и умело русские люди из крепости Псков, и еще более умело и мудро справляются со всеми нашими уловками главные их гетманы, и никак не можем устоять против них». Король, услышав это от своих верных градомцев и гайдуков, осудил их за эти слова в сердце своем, но только сказал в ответ: «Пане гайдуки, еще два или три приступа к городу совершите ради меня, если и тогда не возьмем город, то сделаю все, как вы хотите,— из окопов и от крепости отведу».

И повелел из-за Великой реки беспрестанно все дни из орудий бить по стене, и ежедневные приступы повелел

совершать. И пять дней подряд из орудий по городу били, и все те пять дней упорными приступами осаждали город, стену же городскую и со стороны реки Великой разбили. Наконец 2 ноября по льду пошли на большой приступ от Великой реки, а гетманы и ротмистры их на конях наезжали, саблями секли гайдуков, понуждая их идти к городу на приступ. Но стоило им броситься с криками к городу, как из города всех их, подгоняемых гайдуков и подгоняющих ротмистров, уложили, словно мост по льду. Так и в этот день божьей милостью спасен был великий град Псков.

Государевы бояре и воеводы послали донесение государю из его государевой отчины, именитого града Пскова, об убитых и раненых в первый большой приступ и просили о пополнении, чтобы отстоять град Псков от множества замыслов литовского короля. Благоверный царь-государь и великий князь Иван Васильевич всея Руси, узнав о том, в своем царском величии через свои Стрелецкие приказы повелевает голове стрелецкому Федору Мясоедову со своим отрядом стрельцов пройти через литовский лагерь в осажденный град Псков на пополнение. Стрелецкий голова Федор Мясоедов, желая достойно исполнить царское повеление, мужеством своим и храбростью отринул страх перед литовской силой, и божьей милостью вооружившись и царским наказом укрепившись, не щадя своей жизни ради христианской веры, желая царской милости и боясь царского гнева, добр-здоров прошел сквозь литовское войско со всеми стрельцами и обозом. Когда услышали о его приходе в Псков государевы бояре и воеводы и все христианское русское воинство, что было в Пскове, возблагодарили о том бога и государя; литовские же воины познали унижение и страх из-за того, что пропустили, не заметив, русское войско в град Псков.

Гордый король, увидев, что никакими способами и злыми умыслами нельзя взять град Псков, повелел ротмистрам с гайдуками отойти от города в станы и орудия оттащить. И так, ноября в 6 день, на память преподобного отца нашего Варлаама Хутынского, в четвертый час ночи все литовские гайдуки и ротмистры из окопов вышли и орудия от всех тур отволокли. Государевы же бояре и воеводы, а также все христолюбивое воинство вместе со всем народом, пребывающим в Пскове, услышав об этом, благодарно и радостно вознесли хвалу

богу, надеясь, что вскоре и король со всем войском отойдет.

Но король еще стоял под городом и размышлял о своем безуспешном походе, думая, как и чем смыть стыд и срам с лица своего и как хоть немного оправдать пустую и гордую похвальбу свою. Ибо за высоту гордыни он был повержен, многие богатства свои истратив, желаемого не получил, бесчисленное свое войско уложил, а столь желанным для него градом Псковом не овладел, но еще и несказанным позором покрыл себя. Пока литовский король Стефан все еще стоял под Псковом, благоверный царь-государь на Литовскую землю послал воевод своих с войсками, и там, в Литовской земле, государевы воеводы многие литовские города завоевали и пленили и невредимыми возвратились на Русскую землю с большим богатством и пленом. И потому король должен был призадуматься.

В это время приехал к нему лютеранской веры римского католического папы протопоп Антоний. Король же, увидев его, сильно обрадовался. Первым призывает его к себе на совет, открывает протопопу Антонию крушение своих желаний и, чтоб покрыть свой позор, просит у него помощи, вместе они советуются, как заключить мир с государем нашим. О премудрость и милость божия, ибо гордых господь смиряет, а смиренных возносит! Некогда литовский король говорил, что о мире с русским царем даже мысли не допускает, ныне же сам советуется, как бы ему с государем нашим мир заключить. Решение это король с радостью принимает, а также посылает гонцов своих к государю царю и великому князю, чтобы договориться о съезде послов. Протопоп же Антоний, усвоивший Ихнилатово лукавство и лъстивость хитрой лисы, является к государю до съезда послов и по желанию обеих сторон берется помирить их, и говорит, что он послан от римского папы для примирения государя и короля. Король же по его совету для начала так поступает: сам король от Пскова в свою Литовскую землю уходит в тот же семь тысяч девяностый год (1582), декабря в 1 день, на память святого пророка Наума. Под Псковом же оставляет пана канцлера, польского гетмана, и с ним множество людей для продолжения осады великого града Пскова, страха и угрожая город осадой вымотать или голодом уморить, надеясь, что беды, охватившие город, вынудят град Псков сдаться. Такой совет король поляку канц-

леру оставляет, сам же король в Литву отъезжает. Поляк же канцлер тоже похваляется длительной осадой взять Псков-град.

Где же твой ум, польский король? где твои безбожные планы, князь великий литовский? где же твой здравый смысл, Стефан? Думаешь ветрами повелевать, в морской пучине хочешь найти дорогу, высоко парящего орла круги сосчитать? Невозможно тебе против рожна идти! Если бог за нас, то ты ли на нас?! В том и проявилось твое безумие, что сам и при своем пребывании здесь всякими своими разными хитростями не взял великого града Пскова, ныне же, после своего унижительного и постыдного отступления от Пскова-града, холопу своему велит взять великий град Псков. О глупость! о неразумие! голова с ногами советуется, господин рабу своему честь воздает! Если бы какой-нибудь твой воевода, посланный тобою под который-нибудь из городов, повеление своего государя не исполнил, это было бы неудивительно: но если сам господин, не справясь, холопу исправить велит — позор это и для простых воинов, а тем более для военачальников; даже если бы потом и сам исправил.

Что же ты хвалишься в лютой злобе беззакония? Не свою ведь силою нас одолевашь, но за свои грехи мы несем наказание. Говорится в Писании о пленении Иерусалима Титом, царем римским: «Не Тита бог любил, но Иерусалим казнил». Ты же похвалился до конца разорить царство христианское. Как посмел ты своим дерзким языком такую похвальбу произнести, что христианское царство разоришь, или предтеча ты отступника, который явится перед концом царства? Говорит ведь Писание: «Нет под небом народа, который сможет одолеть царство христианское», ибо посреди него воздвигнута крестная сила, этим крестом вселенские концы премудро определяются по широте, и длине, и высоте, и глубине. Какая мощь и какая сила сможет когда одолеть крестную силу? Почитая крест, христианское царство оберегается недвижимо распятым на нем владыкою Иисусом Христом. Когда же придет время отступничества, объявится антихрист, сын погибельный, когда, как сказал апостол, упразднится всякий порядок и власть, тогда, сказано, и сам сын предаст царство богу и отцу. Какое же это царство, как не христианское? Если же видим, что бог карает христианское царство всякими бедами, то за грехи карает.

Ибо кого бог любит, того и наказывает, бьет сына, которого приемлет. Устремятся, сказано, все царства со всех четырех сторон на христианское царство, но не одолеют его. И как чистое золото, христианский род проверится всякими испытаниями, но сказано — претерпевший до конца и спасется. Так и сам Спаситель наш сказал в святом Евангелии: «И придя, найдет сын человеческий веру во время ослабления веры». За эту же Христову веру желаем умереть, на бога надеемся, что избавит нас от посланных на нас бед. Ибо написано: «Многие скорби суждены праведным, и от всех избавит их господь»; «Потерпи, господи ради, и вознесет тебя, как наследника земли». Но расскажем о происходящем.

Когда король литовский ушел в свою Литовскую землю, то польский гетман, пан канцлер остался под градом Псковом со многою силою, Псков же град еще оставался в осаде. Государевы бояре и воеводы против литовского воинства совершали частые вылазки из града Пскова через разные ворота, и с божьей милостью литовское воинство побивали, и языков в город приводили. К государю же царю и великому князю Ивану Васильевичу вся Руси государевы бояре и воеводы часто из Пскова гонцов с грамотами посылали, писали обо всем происходящем в Пскове и о неослабной надежде на бога, извещая государя о том, что было при королевской осаде, и о королевском отступлении от города и о стоянии под Псковом воевод его, пана канцлера с товарищами. С этими грамотами из Пскова многие гонцы к государю через литовское войско проходили. Государь же, узнав о благоздравной христианской победе над литвою в своей отчине, граде Пскове, и о бегстве с позором от града Пскова короля литовского, богу и пречистой богородице и всем святым великую благодарность воздал с благоверными своими паревичами и царицами. Преосвященному же митрополиту в царствующем граде Москве повелел повседневные молебны петь и такие же молебны совершать во всех архиепархиях и епархиях.

Канцлер же пан, польский гетман с литовскою силою еще стоял под Псковом, град Псков войском держа в осаде, на взятие города не решался и даже приблизиться не осмеливался, но только стоял, окружив град Псков своими войсками. Государевы же бояре и воеводы тоже действуют: января в 4 день из Великих ворот сде-

лал вылазку большой отряд конных и пеших, и в той вылазке более восьмидесяти почтенных и прославленных, знаменитых панов убили и много важных языков в город привели. Это была последняя вылазка. Всего же вылазок из города было сорок шесть, а приступов литовских к граду Пскову — тридцать один.

Жестокосердный тот, великогордый поляк канцлер, увидев неожиданную кончину своих великих знатных и храбрых панов, впал в великую кручину. Против государевых бояр и воевод, более всего против государева боярина и воеводы князя Ивана Петровича Шуйского, измышляют они великую хитрость.

Того же месяца января в 9 день пришел из литовского лагеря в Псков пленный русский и принес с собою большой ларец. Его впустили в город и привели к государевым боярам и воеводам, он же сказал им о ларце и грамоте, что они присланы от королевского дворянина Гансумеллера. В грамоте же было написано: «Первому государеву боярину и воеводе, князю Ивану Петровичу, Гансумеллер челом бьет. Бывал я у вашего государя с немцем Юрием Фрянбреником, и ныне вспомнил государя вашего хлеб-соль, и не хочу против него стоять, а хочу выехать на его государево имя. А вперед себя послал с вашим пленным свою казну в том ларце, который он к тебе принесет. И ты бы, князь Иван Петрович, тот мой ларец у того пленного взял и казну мою в том ларце один осмотрел, а иным не давал бы смотреть. А я буду в Пскове в скором времени».

Государев же боярин и воевода, князь Иван Петрович грамоту прочел и, посоветовавшись со своими товарищами, почувствовав, что ларец тот с обманом, повелел найти таких мастеров, которые ларцы отпирают, и отнести ларец подальше от воеводской съезжей избы своей, и отпереть его со всей осторожностью. Когда мастер открыл тот ларец, то увидел, что он до полна наполнен: двадцать четыре заряженных самопала смотрели на все четыре стороны, поверх их было насыпано с пуд пороха, взведенные же замки самопалов были соединены ремнем с запором ларца, стоило только дотронуться до него, как спускались курки взведенных самопалов, высекая огонь, поджигая порох. Таков был умысел канцлера и хитрый план его подчиненных против государева боярина и воеводы, князя Ивана Петровича Шуйского; за его верную государеву службу, и за его непобедимое воеводство, и за его благора-

зумный разум в государевых делах против государевых недругов, и всех королевских умыслов, и канцлеровой похвальбы, и всего литовского войска гордости хотели они его погубить таким образом.

Но что твоя безумная гордость, глупый воевода, канцлер, с подчиненными тебе и с помощниками? Затеял ты выше своего ума дело, выше бога замысел. Я же тебе так скажу: кого бог хранит, того и вся вселенная не сможет убить, а от кого бог отвернется, того и вся вселенная не сможет укрыть. Ибо сказано: праведный жив будет, вместо него погибнет нечестивый. Ведь сказал господь в святом Евангелии своим ученикам, и не только им одним, но и всем верующим истинною верою в его имя: «Ныне даю вам власть наступать на змею, и на скорпиона, и на всю силу вражью, и ничто не повредит вам». Мы же по благодати Христовой царскую Христову печать — крест на лицах своих запечатлеваем, и все ваши бесовские умыслы с Христовой помощью можем расстроить.

И от этого смертоносного хитрого умысла в Тронце славимый бог и богородица уберегли и не погубили государева боярина и воеводу, князя Ивана Петровича Шуйского с товарищами, да и того не погубили, кто ларец тот отпирал.

После этого минуло несколько дней; и в 17 день того же месяца января с южной стороны богохранимого града Пскова, от церкви Нерукотворного образа с Поля, где литовский воевода, польский гетман, канцлер с литовским войском стоял лагерем, из литовского лагеря вышло много людей, конных и пеших, направляющихся к городу. Государевы бояре и воеводы, увидев их, думали, что литовское войско вновь идет к городу на приступ, и приготовились всем христианским войском к бою. Но затем увидели, что литовские воины остановились, от них только один конный к городу направился, тогда же увидели, что это русский, великого князя сын боярский Александр, именуемый Хрущов; он въехал в город и отдал государевым боярам и воеводам грамоты от государевых послов. В тот день пришло в Псков государевым боярам и воеводам первое известие о том, что государевы послы по государеву приказу с королевскими послами мир заключили.

Так, благодаря великому и неизреченному божьему милосердию пребезначальной Тронцы и помощницы нашей и молебницы о всем роде христианском, истинной

богородицы и приснодевы Марии; и благодаря заступничеству пребожественных сил и покровительству и молению великих святых чудотворцев: великого прославленного чудесами чудотворца Николы; и сподобившейся увидеть образ бога, трисолечную зарю, пребожественную Троицу, основательницы богохранимого того града Пскова, положившей начало истинной вере во всей русской земле, родоначальницы семьи благоверных царей и великих князей, благоверной и христолюбивой великой княгини Ольги, нареченной во святом крещении Еленой; и святого правнука ее, благоверного князя Гавриила-Всеволода; и преподобного отца нашего Евфросина; псковских чудотворцев и всех святых молитвами — благоверный и христолюбивый царь-государь и великий князь Иван Васильевич всея Руси свою государеву отчину, град Псков, и всех пребывающих в нем, только богу известно какими судьбами, избавил от литовского короля и от всего его войска.

Ватем, месяца февраля в 4 день, польский гетман, канцлер отошел от града Пскова в Литовскую землю со всею силою литовскою. Тогда же в граде Пскове раскрылись затворенные ворота; так пришел конец и повести этой.

Написана же повесть эта в том же богохранимом граде Пскове жителем того богоспасаемого града Пскова, художником по роду занятий, имя же его таково: единица дважды, с единицей, пятьдесят удвоенное дважды, и четверка удвоенная, и три десятки, с пятеркою, заканчивается же десяткой, а всего букв в имени — семь.

Меня же, грешного и всех недостатков исполненного, не оскорбят учености вашей исправления; в своем совершенстве исправляйте и наши ошибки, как сказано в Писании: «Облегчайте тяготы друг друга и так исполните закон Христов».

СКАЗАНИЕ АВРААМИЯ ПАЛИЦЫНА

Древнерусский текст

ПРИХОД ПОД ТРОИЦКОЙ СЕРГИЕВЪ МОНАСТЫРЬ
ПАНОВ ПОЛСКИХ И ЛИТОВСКИХ И РУСКИХЪ
ИЗМѢННИКОВ, ГЕТМАНА ПЕТРА САПѢГИ, ДА ПАНА
АЛЕКСАНДРА ЛИСОВЪСКОГО И ИНЫХЪ МНОГИХЪ

Вѣста 7117-ое въ царство благовѣрнаго и хрис-
голюбиваго царя и великаго князя Василя
Ивановича всея Руси и при святѣйшемъ пат-
риархе Ермогене Московскомъ и всея Руси, пресвятая
же и пребезначалная Троица Сергиева монастыря при
архимарите Иасафе и при келарѣ старцѣ Авраамии Па-
лицыне, богу попустившу за грѣхи наша, сентября въ
23 день, в зачатие честнаго и славнаго пророка и пред-
течи крестителя господня Иоанна прииде под Троец-
кой Сергиевъ монастырь литовской гетманъ Петръ Са-
пѣга и панъ Александръ Лисовской с полскими и литов-
скими людьми и с рускими измѣнники по Московской
дороге.

И бывшу ему на Клемянтѣевскомъ полѣ, осадные же лю-
ди, из града вышедше конные и пѣшие, и с ними бой
великъ сотвориша, и милостию пребезначалная троица
многих литовскихъ людей побили, сами же во градъ
здравы возвратишася.

Богоступницы же, литовские люди и руские измѣнники,
сия видѣвше, воскричаша нелѣпыми гласы, спѣшно и

сурово обходяше со всѣхъ странъ Троицкой Сергіевъ монастырь. Архимаритъ же Иасафъ и весь освященный соборъ со множествомъ народа вниде во святую церковь святыхъ живоначальныхъ Троица и ко образу пресвятыя богородица и ко многоцѣлбоноснымъ мощемъ великаго чудотворца Сергіа, молящеся со слезами о избавлении. Градстни же людие округ обители слободы и всякия службы огню предаша, да некогда врагомъ жилище и тѣснота велия будетъ отъ нихъ. Гетманъ же Сопѣга и Лисовской, разсмотривше мѣсть, идѣже имъ с войнствы своими стати, и раздѣлившися, начаша строити себѣ станы и поставиша два острога и въ нихъ крѣпости многіе сотвориша и ко обители пути вся заняли, и никому минути мимо ихъ невозможно ни въ домъ, ни изъ дому чудотворца.

О УКРЕПЛѢНІИ ОСАДЫ

Осадныя же воеводы, князь Григорей Борисовичъ Долгорукой да Алексѣй Голохвастовъ, и дворяне приговорили съ архимаритомъ Иасафомъ и съ соборными старцы, что покрѣпити бы градъ осадой и всѣхъ бы людей привести къ крестному цѣлованию и головамъ быти старцомъ и дворяномъ, и раздѣлити градскія стѣны, и башни, и ворота и нарядъ устроити по башнямъ, и въ подошевныхъ боехъ, да всякъ каждо ихъ вѣдаетъ и хранитъ свою страну и мѣсто и вся яже на бранную потребу устроить, и съ приступными людьми бьются со стѣны, а изъ града и на иную ни на которую службу да не исходятъ. А на вылазку и въ прибавку къ приступнымъ мѣстомъ людей особъ устроятъ.

Празднику же свѣтло торжествуему, память преподобнаго отца нашего Сергіа чудотворца, сентября въ 25 день, и бѣ тоя ночи ничто же ино отъ градскихъ людей слышати развѣ въздыханіе и плачь, понеже отъ околныхъ мнози прибѣгше и мѣшше, яко вскорѣ преминется великая сия бѣда. И толика тѣснота бысть во обители, яко не бѣ мѣста праздна. Мнози же челоѣци и скоты бесъ покрова суще, и расхищаху всяка дрѣвеса и каменіе на создание кушъ, понеже осени время наста и зимѣ приближающіеся. И другъ друга рѣюще о вещи пометный и отъ всякихъ потребъ неимущихъ всѣмъ изнемогающимъ: и жены чада раждаху предъ всѣми челоѣки. И не бѣ никому съ срамотою своею нигдѣ же скрытися. И всяко богатство небрегомо и татми не крадомо;

и всякъ смерти прося со слезами. И аще бы кто и камяно сердце имѣлъ, и той, видя сия тѣсноты и напасти, восплакался, яко исполнися на нас пророческое слово реченное: «Праздники ваша свѣтлыя в плачь преложу и в сѣтование, и веселие ваше в рыдание». <...>

О КРЕСТНОМЪ ЦѢЛОВАНИИ

Всенощному же словословию и молебномъ совершившимся, и абие собравшемся множество народа, и совѣтомъ начальникъ и всѣхъ людей крестное цѣлование бысть, что сидѣти во осаду безъ измѣны. В первыхъ воевода, князь Григорій Борисовичъ Долгорукой да Алексѣй Голохвастовъ, цѣловали животворящій крестъ господень у чюдотворцовы раки, тако же и дворяне и дѣти боярскіе, и слуги монастырскіе, и стрѣльцы, и все христіанское воинство, и вси православные христіане. И оттолѣ бысть во градъ братолюбство велие, и вси со усердіемъ безъ измѣны ратовахуся со враги. И тогда литовскіе люди уставиша сторожи многы около Троицкаго монастыря, и не бысть проходу ни изъ града, ни во градъ. <...>

О ПОСТАВЛЕНИИ ОКОЛО ГРАДА СТѢНОБИТНЫХЪ ХИТРОСТЕЙ

Того же мѣсяца въ 30 день богоборъцы, Сапѣга и Лисовской, <...> видѣвъше къ нимъ непокореніе градскихъ людей, и исполнишася ярости и повелѣша всему своему литовскому и рускому воинству приступати ко граду во всѣхъ странъ и брань творити. Градстни же людие бьющеся съ ними крѣпко. Сапѣга же и Лисовской повелѣша туры прикатити и нарядъ поставити. И той ноци туры многы прикатили и нарядъ поставили. Первые за прудомъ на Волкуше горѣ; другіе за прудомъ же подлѣ Московской дорогѣ; третьи за прудомъ же на Терентьевской роци; четвертые на Крутой горѣ противъ мѣлницы; пятые туры поставили на Красной горѣ противъ Водяныя башни; шестые же поставили на Красной же горѣ противъ погребовъ и пивного двора и келарѣвыхъ кѣлей; седмые по Красной же горѣ противъ келарскіе и казенныхъ полатѣ; осмы изъ роци на Красной же горѣ противъ Плотинныя башни; десятыя туры поставили на Красной же горѣ подлѣ Глиняного врага, противъ башни Коношенныхъ воротъ. И подлѣ туровъ ископаша

ровъ великъ, из роши от Келарева пруда и до Глиня-
ново врага, и валъ высок насыпали, и по за тому валу
конные и пѣше люди ходяще.

О НАЧАЛѢ СТРѢЛБЫ ПО ГРАДУ

Мѣсяца октября въ 3 день начаша бити из-за всѣх ту-
ровъ, и биюще по граду шесть недель беспрестанно изо
всего наряду и из верховых, и разженными желѣзными
ядры. Обитель же пресвятыя и живоначальная Троица
покровена бысть десницею вышняго бога, и нигдѣ же
не зажгоша. Ядра бо огненные падаху на празныя мѣста,
в пруды и въ ямы мотылныя, а разженные желѣзные яд-
ра из деревяных храмин безпакостно изнимающе. А иже
увязнувшихъ въ стѣнахъ не узрятъ, тии сами устываху. Но
воистинну убо дѣло се промыслъ бысть самого превѣч-
наго бога вседержителя, яже творит преславная, и ни-
же вѣсть неизреченными своими судьбами. Сущи же
на стѣнахъ града людие, не могуще стояти, сохраняхуся
за стѣны: изо рововъ бо и изъ ямъ межъ зубцовъ прицѣле-
ны быша пищали. И тако людие стояще неотступно,
ждуше приступу, и о семъ единомъ и крѣпяхуся. А иже
въ башняхъ у наряду, и тѣмъ велика бѣда бысть и муки
от стрѣляния. Стѣнамъ бо граднымъ трясущимся, и ка-
менню разсыпающемуся, и вси злѣ страждуще. Но дивно
о семъ строение божие бѣ: во время бо стрѣляния зряще
вси плинфы разсыпающесе и стрѣльницы и стѣны сътря-
саемы, по единому бо мишеню от утра даже до вечера
стрѣляние бываше, паки же стѣны нерушимы пребы-
ваху. Сповѣдающе же часто о семъ врази, яко «зримъ
всегда въ стрѣлянии огонь исходящъ от стѣны и дивимъ-
ся о семъ, что не от камня, но от глины искры сып-
лются».

И бысть во градѣ тогда тѣснота велиа, и скорбь, и бѣды,
и напасти. И всѣмъ тогда сущимъ во осадѣ кровию сер-
дца кипяху, но от полезнаго дѣла, еже наченше, не пре-
стаху. Смерти же ожидаху, но на господѣ бога упова-
ние возлагаху и всяко ко врагомъ сопротивляхуся. Еще
же блядаху богоборцы люторни и песьими своими язы-
ки богохулная и никоея же надежи на господѣ бога
имѣти глаголюще. «И не возможете,— глаголюще,—
избѣжати от рукъ нашихъ никакоже». Также поругаю-
щесе имени великаго чудотворца Сергія и ина многаа
богохулная блядаху. <...>

О РВѢ И ПОДКОПѢ

Того же мѣсяца октября въ 6 день поведоша ровъ ис подгорья от мелницы возлѣ надолоб на гору х Красным воротам и к надолобам, слоняюще доски, и к нимъ сыпаху землю. И доведоша ровъ на гору против Круглые башни.

Того же мѣсяца въ 12 день ис того же рва повели подковы под круглую наугольную башню противъ Подолного монастыря.

О ПРИГОТОВЛЕНИИ К ПРИСТУПУ И О ПИРШЕСТВѢ И О ИГРАХ

Того же мѣсяца въ 13 день Сопѣга сотвори пиръ великъ на все воинско свое и на крестопреступников, русских измѣнников. И чрез весь день бѣяшеся, играюще, и стрѣляюще, к вечеру же начаша скакати на бахматех своих многа люди и з знамяны по всѣмъ полям по Клемянтьевским и по монастырским около всего монастыря. По семъ и Сапѣга из своих табар вышел с великими полки вооруженными и сталъ своим полкомъ у туровъ за земляным валомъ противъ погреба и Келарские и Плотнишные башни и до Благовѣщенского врага, а Лисовского Александра полцы — по Търентьевской роши и до Сазанова врага и по Переславской и по Углецкой дорогѣ по за Воловию двору до Мишутина врага. Из наряду же из-за всѣх туров, изо многих пушек и пищалей по граду бьюще беспрестани.

О ПРИХОДѢ ПѢШИХ ЛЮДЕЙ КО ГРАДУ

В нощи же той на первом часу множество пѣших людей, литовских и русских измѣнников, устремишася к монастырю со всѣх стран с лѣствицы и с щитами и с тарасы рублеными на колесех и, заиграша во многия игры, начаша приступати ко граду. Граждане же бняхуся с ними с стѣн градных, тако же изо многих пушек и пищалей, и, елико можаху, много побиша литвы и русских измѣнниковъ. И тако милостию пребезначалныя тропца и молитвъ ради великих чудотворцов не даша имъ тогда близ града приступити и некоторой пакости граду учинити. Они же, пьянством своим изгубивше своих много, отоидоша от града. Тарасы же, и щиты, и лѣствицы пометаша. На утриа же, из града вышедше, вся

тая во град внесоша и, тѣм брашна строяще, огню предаша.

Литва же и руские измѣнници, паки тѣм же образом приходяще, стужаху гражданом, ратующе град за седмь дний без опочивания. Овогда же ко граду подѣжжающе с великими грозами и прещенемъ, иногда же с лестию просяще града, и показующе множество вон, да убоятся граждане. И елико убо врази стужающе имъ, тогда сущии во градѣ паче укрѣпляхуся на них. И тако окаяннии лютори и рустии измѣнницы всеу трудншася и ничто же успѣша, но паче своих многих погубиша.

<...>

О ВЫЛАСКѢ И О ПОИМАНИИ ПАНА БРУШЕВЪСКАГО

Воеводы, князь Григорей и Алексѣй, со всѣм христіюбивым воинством, пѣвше молебень соборнѣ, учиниша выласку на Княже поле в Мишутинской враг на заставы рохмистра Брушевского и на Суму с товаришы. И божиею помощію заставу побили и рохмистра Брушевского Ивана взяли, а рохмистра Герасима на Княжом полѣ и роту его побили, а Сумину роту топтали до Благовѣщенского врага. Врази же, видѣвше своих падение, и вскорѣ приидоша многими полки конные и пѣшіе. Градстии же людие, мало-помалу отходяще, внидоша вси во град здравы и ничим же вреждены. Архимарит же со освященным собором, пѣвше молебны съ звоном, благодарственныя хвалы воздающе всемогущему богу. Брушевской же панъ в роспросе и с пытки сказал, что подлинно ведутъ подкопы под городовую стѣну и под башни. А под которое мѣсто ведутъ подкопы, того, сказал, не вѣдает. «А хвалятся дѣ наши гетманы, что взяти замокъ Сергіев монастырь и огнем выжечи, а церкви божіа до основанія разорити, а мнихов всякими различными муками мучити, а людей всѣх побити; а не взявъ монастыря, прочь не отхаживати. Аще и год стояти, или два, или три, а монастырь взяти и в запустѣние положить».

Богоборцы же тогда разъяришася велми и начаша гражданом стужати злѣ и залегоша по ямам и по плотинам прудовым, не дающе градским людям воды почерпсти, ни скота поити. И бѣ во градѣ тѣснота и скорбь велиа, и мятеж бѣ великѣ осаднымъ людямъ.

О СЛУХЪХЪ

Воеводы же, совѣтовавше с архимаритом Иасафом и з братнею и со вѣми воинскими людми, повелѣша во градъ и под башнями и в кнотѣхъ стѣнных копати землю и дѣлати частые слухи троецкому слугѣ Власу Карсакову: тои бо тому дѣлу зѣло искусенъ. И за се дѣло ятся. А внѣ града от Служни слободы повелѣша глубочайший ров копати. Литва же, видѣвше ровъ копающих в началѣ перваго часа дни, абие прискочивше ко рову множество людей пѣших вооружены зѣло и начаша побивати православных христіян люте. Из града же прицѣлены быша к тому мѣсту пушки и затинные многне и побивша литвы много. К сему же и из града поспешивша многне воинские люди и множество их побили и многих живых взяли и во град введоша. Литва же, не возлюбивше от града частых поминковъ, тыл показавше, вспять возвратишася.

О ИСТЯЗАНИИ ЯЗЫКЪ И О ЧИСЛѢ ВОИНЪСТВА ЛИТОВСКАГО И ИЗМѢННИЧЬЯ

Воеводы же новопоиманных языков повелѣша пытати и истязати распросы и пытками о думѣ их и о числѣ воинства их. Они же сказаша, что подлинно гетманы их надѣются град взяти подкопы и тяжкими приступы. А подкопы уже повели под башни и под городовую стѣну октября во 12 день. А которое мѣсто ведут, того не вѣдают. А пановъ радных с Сапегою: князь Константинъ Вишневецкой, да четыре брата Тишкѣвичи, панъ Талипской, панъ Велемоской, панъ Козоновской, пан Костовской и иных 20 панов, а рохмистровъ: Сума, Будило, Стрѣла и иных 30 рохмистровъ; а воинскихъ людей: с Сапѣгою полские и литовские люди, желныри, подолские люди, гусары руские, пружские, жемоцкие, мозовецкие, а с Лисовскимъ дворяне и дѣти боярские многихъ разныхъ городов, татарове многне, и черкасы запорожские, казаки донские, волосские, сѣверские, ас-тороханские. И всего войска с Сапѣгою и с Лисовскимъ до 30 000, кромѣ черни и полоняниковъ.

О ПОБИЕНИИ ГРАДСКИХЪ ЛЮДЕЙ И О УЖАСТИ ВЕЛИЦЕЙ ВО ГРАДѢ

Мѣсяца ноября въ 1 день, на память святыхъ безсребренникъ Козмы и Даміана, во второмъ часу дни из града

устроиша выласку конными и пѣшими людми на литовскихъ людей. Богу попустившу грѣхъ ради нашихъ, и сего ради охрабришася на насъ врази и многихъ градскихъ людей побили и поранили, подшавшихся положити главы своя за святую православную вѣру и за обитель преподобнаго отца нашего чудотворца Сергія. И на томъ бою убили слугу нарочита Копоса Лодыгина ис пушки, и соверши его богъ во иноческомъ чину преставитися. Тогда же на выласкъ грѣхъ ради нашихъ побили и поранили троецкихъ всякихъ людей 190 человекъ, да въ языки взяли на подкопномъ рвѣ старца священника Левкію, да трехъ служныхъ людей, да московскаго стрелца, да дву клемянтѣевскихъ крестьянскихъ дѣтей.

Архимаритъ же раненыхъ постричи повелѣ, и причастившеся тѣла и крове Христа бога нашего, и преставившася въ вѣчныя обители. И погребоша ихъ честно, соборнѣ отпѣвши надъ ними надгробныя пѣсни. А живыхъ раненыхъ лечити повелѣ и поконти монастырскою казною. Еретическое же исчадіе и измѣнницы рускіе горше перваго ратоваху градъ. Тогда же бысть во градѣ всѣмъ православнымъ христіаномъ скорбь велика, и плачь великъ, и ужась ради подкоповъ, понеже слухъ во ушеса всѣхъ людей разыдеся, что ведутъ литовскіе люди подкопы, а о томъ достигнути не могутъ, подъ которую стѣну или башню ведутъ. И тако вси смерть свою коиждо предъ очима видяше, и вси притичюще къ церкви живоначальныя Троицы и къ цѣлбоноснымъ мощемъ теплыхъ заступниковъ нашихъ великихъ чудотворецъ Сергія и Никона, и вси на покаяніе къ богу обратившася, исповѣдающеся господи и отцемъ своимъ духовнымъ. Ови же и причастишася тѣла и крови господня, къ смерти готовящеся. <...>

О СТРЕЛБАХЪ ПО ГРАДУ НОЯБРЯ ВЪ 8 ДЕНЬ

Того же мѣсяца въ 8 день на праздникъ собора святаго архистратига Михаила. День той пребысть плача и сътованія, яко уже преиде 30 дней и 30 ночей и беспрестанно со всѣхъ странъ изъ-за всѣхъ туровъ изъ штидесятъ трехъ пищалей биюще по граду и изъ верховыхъ.

Въ той же день иде въ церковь святыхъ Троицы клирикъ Корнилей, и внезапно прилетѣ ядро пушечное и оторва ему правую ногу по колѣню, и внесоша его въ паперть. И по божественей литургіи причастися животворящихъ тайнъ Христовыхъ и глаголаше архимариту: «Се, отче, господь богъ архистратигомъ своимъ Михаиломъ ото-

мстит кровь православныхъ христіян». И сѣя рекъ, старецъ Корнилей преставися. Да того же дни убило ис пушки старицу, оторвало руку и с плечемъ.

Воеводы же и вси осадные люди во градѣ, избравше старцовъ добрыхъ и воинскихъ людей, которымъ ити на выласку и на подкопныя рвы, и разрядивше войско и учредиша по чину. В Михайловъ же день святаго архистратига поющимъ вечерню, и вси сущи во обители людие с воплемъ и рыданиемъ и в перси бненьми просяще милости у всещедрого бога, и руцѣ воздвижуше горѣ и на небо взирающе и вопиюще: «Господи, спаси ны, погибающихъ, скоро предвари и избави насъ отъ гибели сея имени твоего ради святаго. И не предаждь же достоянія твоего в руцѣ сквернымъ симъ кровопийцамъ!»

Врази же свѣтыя Троица дѣломъ своимъ коварственно промышляюще о градомъствѣ и беспрестанно стрѣляюще изъ многихъ пушекъ и пищалей. Во время же псаломѣниа внезапно ядро удари въ большой колоколъ, и сплы во олтарное окно свѣтыя Троица, и проби въ Дѣисусъ у образа архистратига Михаила дску подлѣ праваго крыла; и ударися то ядро по столпу скользя и сплы въ стѣну, отшибеся въ насвѣщникъ предъ образомъ свѣтыя живоначалныя Троица и наязви свѣщникъ, и отразися въ лѣвой крылосъ и развалися. Въ той же часъ иное ядро проразѣ желѣзныя двери с полуденныя страны у церкви живоначалныя Троица и проби дску мѣстнаго образа великаго чюдотворца Николы выше лѣваго плеча подлѣ венца; за иконою же ядро не объявися.

Тогда убо въ церкви свѣтыя Троица нападе страхъ великъ на вся предстоящая люди, и вси колеблющеся. И полианъ бысть мость церковной слезами, и пѣнію медлящу отъ множества плача. И въздѣюще руцѣ свои горѣ къ пребезначалнѣй Троицѣ и ко пречистѣй богородици и великому чюдотворцу Сергію и Никону и молящеся о помощи и заступленіи отъ враговъ.

Во время же стихеръ пѣніа архимаритъ Иасафъ въ величѣй печали сѣтуя и сведенъ бысть въ забытіе мало, и не видѣтъ великаго архистратига Михаила; лице же его, яко свѣтъ сияше и въ руку свою имѣяше скипетръ и глаголаше къ сопротивнымъ: «О врази лютори! Се ваша, беззаконницы, дерзость и до моего образа донде. Всесильный же богъ воздастъ вамъ въскорѣ отмщеніе». И сѣя рекъ, свѣтѣй невидимъ бысть. Архимаритъ же повѣда се видѣніе всей братіи. И облекошася во священ-

ныя ризы и пѣша молебны всесилному богу и архистратигу Михаилу.

На Терентьевской же рощи бѣ у них пищаль люта зѣло, зовома Трещера. Воеводы же повелѣша стреляти на Терентьевскую гору по литовскому наряду из башни Водяных ворот. Удариша по большой их пищали по Трещерѣ и разбиша у нея зелейникъ. Также и от Святых ворот с Красныя башни удариша по той же пищали и разбиша у нея устье. И видѣша с Троицкого града сущи людие, благодариша бога, яко разруши злый той сосуд. <...>

О ВЫЛАСКѢ, И О ОБРѢТЕНИИ ПОДКОПОВ, И О ЗАРУШЕНИ ИХ

Воеводы, князь Григорей Борисович и Алексѣй, урядивше полки вылазных людей, придоша в церковь святая живоначалная Троица, знаменовавшаяся к чудотворным образомъ и къ целбоноснымъ мощемъ преподобнаго отца нашего Сергіа чудотворца. И пришедше ко вратомъ потайнымъ, повелѣша выходить по-малу и во рву укрыватися. В то же время с пивново двора вышли головы в воеводское мѣсто: туляне Иванъ Есипов, Сила Марин, Юрьи Редриковъ переславецъ с своими сотнями и з даточными людьми на луковой огород и по плотине Красного пруда. Также и ис Конюшенных ворот вышли со многими знамены головы дворяне: Иванъ Ходыревъ олексинецъ, Иванъ Волоховской володимирецъ, переславцы Борисъ Зубовъ, Офонасей Редриков и иные сотники с сотнями, с ними же и старцы троецкие во всех полкахъ.

И егда начаша из града выходить за три часа до свѣта, и абие наидоша облацы темныя, и омрачися небо нелѣпо, и бысть тма, яко ни челоуѣка видѣти. Такого господь богъ тогда и время устрои своими неизреченными судьбами. Людие же вышедше из града и ополчися. И абие буря велика воста и прогна мракъ и темныя облаки и очисти воздухъ, и бысть свѣтло. И егда удариша в осадные колокола потрижды, тако бо повелѣно имъ вѣсть подати, Иванъ же Ходыревъ с товарищи, призвавше на помощь святую Троицу и крикнувше многими гласы, нарекше ясаку Сергіево имя, и вкупѣ нападоша на литовскихъ людей нагло и мужественно.

Они же, услышавше ясакъ той, и абие взятошася и, гнѣвомъ божиимъ гонимы, побѣгоша.

В то же время от Святыхъ воротъ голова Иванъ Внуковъ с товарищы и со всѣми людьми прииде противъ подкоповъ на литовскихъ людей, возвавши той же ясакъ, збивше литву и казаковъ подъ гору на Нижней монастырь и за мельницу. А Иванъ Есиповъ с товарищы своимъ полкомъ быющеся с литвою по Московской дорогѣ по плотинѣ Краснаго пруда до Волкуши горы. Старцы же Сергиева монастыря ходяще в полкахъ, быющеся с литвою, и укрѣпляюще люди не ослабляти в дѣлахъ. И тако вси охрабришася и бяхуся крѣпко, глаголюще другъ другу: «Умремъ, братие, за вѣру христіанскую!»

И благодатию божіею тогда обрѣтоша устие подкопа. Вскочыше же тогда во глубину подкопа ради творимаго промысла крестьяне клемянтьевскіе Никонъ, зовомый Шиловъ, да Слота; и егда же зажгоша в подкопѣ зелье с калы и смолу, заткавши устие подкопа, и взорва подкопъ. Слота же и Никонъ ту же в подкопѣ згорѣша. <...>

О ВЫЛАСКИ НА СТОРОЖИ ЛИТОВСКІЕ И РУСКІЕ

Во снѣгъ же отъ днѣй тѣхъ, еще убо тогда во градѣ Троецкомъ Сергіеве монастырѣ множество воинства храбрствующихъ на враги и борующеся, днѣи освѣтающе недѣльному, бысть велика мгла в зимнее время. Воеводы же пакы устроиша выласку на заставы литовскіе, в Благовѣщенской врагъ и на Нагорнюю заставу къ Благовѣщенскому лѣсу, а иныхъ людей послаша къ Нагорнему пруду за сады на заставы русскихъ измѣнниковъ. Изшедше же конные люди и заставу в Мишутинѣ врагъ побили; вскорѣ же поспѣвши и на Нагорнюю заставу, и тое топташа по Красной горѣ вдоль и до Клемянтѣевского пруда и многихъ побили. <...>

Лисовской же ста в раздолинѣ за горою за Волкушею, къ нему же приидоша вскорѣ Сопѣгины роты конные. Онъ же лукавый, яко змій меташеся, какъ бы срамоты своея избыти, невѣдый, яко противъ вышняго силы ратовашеся. И се видитъ еретикъ и с нимъ многія поляки, яко близъ полку ихъ ездитъ старецъ, имѣя въ руцѣ своей мечъ обнаженъ и претя ему жестоцѣ. И невидимъ бысть отъ очию ихъ.

Гетманъ же Сапѣга прииде на Красную гору на троецкихъ людей по всему Клемянтѣевскому полю всѣми

своими полки; Лисовской же о пришествии Сопѣгнѣ возвесилися и хотя совѣту одолѣти господа бога вседержителя. И повелѣ в полку своемъ в трубки и в сурны играти, и в накры и по литаврам. А абие въскорѣ с Сапѣгою устремшася на Красную гору поперегъ всѣхъ троецкихъ людей, хотяще во единѣ часъ всѣхъ потребити. И согнаша троецкихъ пѣшихъ людей под гору к пивному двору. И бѣ вонстинну чудно видѣти милость божію троецкому воинству и заступление и помощь на враги молитвъ ради великихъ чудотворцовъ Сергія и Никона. И сотвори господь преславная тогда. И нератницы охрабришася, и невѣжди, и никогда же обычай ратныхъ видѣвшей, и ти убо исполинскою крѣпостию препоясашася. От нихъ же единѣ нѣкто даточныхъ людей, села Молокова крестьянинъ, Суетою зовомъ, великъ возрастомъ и силенѣ велми, подсмѣваемъ же всегда неумѣнна ради в боехъ, и рече: «Се умру днесъ или славу получю отъ всѣхъ!» В рукахъ оружіе держаше бердышъ. И укрѣпи господь богъ того Суету, и даде ему безстрашие и храбрость; и нудяше православныхъ христьянъ стати отъ бѣгства и глаголя: «Не убоимся, братне, враговъ божіихъ, но всоружимся крѣпце на нихъ!» И съчашие бердышемъ своимъ на обѣ страны враговъ и удержавая полкъ Лисовского Александра; и никто же противъ его стати не возможе. Скоро же скакаше, яко рысь, и многихъ тогда вооруженныхъ и во броняхъ уязви. Мнози же крѣпцыи оружіицы сташа на него за срамоту и жестоцѣ на него наступающе. Суета же съчашие на обѣ страны; не подающе же его пѣшіе люди, иже отъ бѣгства своего укрѣпившіися о надолобахъ.

Беззаконный же Лисовской совашеся сюду и сюду, како бы что зло сотворити. И поворотився, окаянный, отъ того мѣста вдоль по горѣ Красной хъ Косому Глиняному врагу на заводныхъ троецкихъ людей. Тогда же с слугою с Пиминномъ с Теневымъ сущіе люди сташа крѣпко противъ враговъ на пригоркѣ у рву, быюще с литвою и с казаки. Видевъ же мало троецкаго воинства, злонаправный люторъ Лисовской устремися жестоко на нихъ, и смѣшавшеся вси люди вмѣсто, литовскіе и троецкіе, и бысть бой великъ близъ врага Глиняного. Врази же, боящеся подсады, начаша отбѣгати. Троецкое же воинство помалу отходяще отъ литовскихъ людей и скрывшеся в Косой Глиняной врагъ.

Александръ же Лисовской хотя во отводѣ жива взяти слугу Пимина Тенева, Пиминъ же обратився на Алек-

сандра и устрѣли его из лука в лице по лѣвой скрании. Свирѣпый же Александръ свалился с коня своего. Полчане же его ухвативше и отвезоша в Сопегинъ полкъ. Троецкое же воинство удариша из множества оружия по ним и ту побиша много литвы и казаков. Литва же видѣвше и скоро на бѣгство устремишася врознь по Клемянтѣсвѣскому полю.

Сердца же кровию у многих закипѣша по Лисовском и на мѣсть пакы мнози воздвигнушася зань, яко лютыя волцы, литовские воеводы, князь Юрьи Горскій да Иван Тишкѣвич, да рохмистръ Сума со многими гусары и желныри, и нападоша на сотника Силу Марина да на троецких слугъ, на Михаила да на Федора Павловых, и на все троецкое воинство. И бысть брань велика зѣло и люта. И сломльшии оружия, емлющися другъ за друга, ножи рѣзахуся. И конечно отчаана та брань, понеже в троецком воинствѣ немного конных и не во бронѣх, но покровени милостию живоначальных Троица и молитвами великих свѣтил Сергия и Никона; помощию же ихъ и заступлением многих вооруженных поляков и литвы побивающе. Слуга же Михайло Павлов видѣ князя Юриа Горскаго усты меча ядуша неповинных, к прочим от брани преста, ловляше самого воеводу, и уби того князя Юрья Горскаго, и з бахматом его примча под город мертва. Много же ту отместниковъ поляков за тѣло его погибоша и не исхитиша его от руку Михайлову.

На том же бою мнози от литовских людей видѣша двою старцовъ, мещущих на них плиты и единымъ вержением многих поражающе, каменеие же из нѣдръ емлюще, и не бѣ числа метанію их. От поляков же выходцы о сем возвѣстиша в дому чюдотворца.

Такову же погибель видяще поляки, яко князя Юрья лишишася и иных храбрых своихъ растесаных лежащих, и, гонимы гнѣвом божіим, побѣгоша от троецкого воинства. И тако разодошася вси полци Сопѣгинны и Лисовского. Троецкое же воинство внидоша во обитель с великою побѣдою. <...>

О СЛУГѢ АНАНИИ СЕЛЕВИИИ

Охрабри же тогда великій чюдотворецъ Сергій во осадѣ слугу Ананію Селевина. Егда уже во обители чюдотворца храбрии и крѣпции мужие падоша, овии убо остриемъ меча от пновѣрных, инии же во градъ <...>

цѣнгою помроша. Той же Ананія мужествен бѣ: 16 языков нарочитых во осаду тогда сущи въ град приведе, и никто же от силных поляков и русских измѣнников смѣюще наступати на нѣ, но издалече ловяще из оружіа убити. Все бо знааху его и от прочих отлучающа на того ополчехуся. И по коню его мнози знающе, толкъ бо скоръ конь той, яко из среды полковъ литовскихъ утекаше, и не можаху постигнуть его. И с <...> нѣмком во исходех на бранѣхъ часто исхождаху. Той бо нѣмко всегда с ним пѣшь на брань исхождаше. И роту копейныхъ поляковъ они же два с луки вспять возвращаху. Александръ же Лисовской, нѣкогда видѣвъ того Ананію ратующа противу себе, и выиде противъ его, хотя его убити. Ананія же борзо ударивъ конь свой и пострели Лисовского изъ лука въ високъ лѣвой, съ ухомъ простреливъ, и опроверже его долу, самъ же утѣче изъ среды полковъ казачихъ. Бѣ бо изъ лука гораздо, тако же и изъ самопала.

Прилучи же ся тому Ананіи чернь отнимати отъ поляковъ въ прутинъ, и отъ двою ротъ отторгаему уже отъ дружины его, и бѣгающе избавитися. Нѣмко же въ пѣхъ скрывся и зряще нестроения Ананіи. Имѣяше же лукъ въ руку и колчанъ великъ стрѣлъ. И искочивъ, яко рысь, и стрѣляюще по литвякахъ и бияшеся злѣ. Литвяки же обратившеся на нѣмка, и абие Ананія исторжеся къ нему, и въкупъ стаха. И многихъ поранивъ самѣхъ и бахматовъ, отоидоша здравы, токмо конь подъ Ананіею раниша.

Поляки же едино совѣтовавше, да убьютъ коня подъ Ананіею; все бо вѣдаяще, яко жива его не взяти. Егда же исхождаше Ананія на брань, то все по коню стрѣляюще. И тако на многихъ выласкахъ конь его шестію раненъ бысть, и въ седмый смерти преданъ. И начатъ Ананія охудатися на бранѣхъ. Потомъ же Ананію раниша ис пищали по нозѣ, по большому персту, и всю плюсну раздробилиша. И опухну вся нога его, но еще крѣпче ратовашеся. И по седми днѣхъ по той же нозѣ по колѣну раненъ бысть. И тако крѣпкій мужъ возвратися вспять. И отече нога его до пояса, и по днѣхъ малѣхъ скончася ко господу.

О МОСКОВСКОМЪ СТРЕЛЬЦѢ НЕХОРОШКѢ И О НИКИФОРѢ ШИЛОВѢ

Пришедшу Александру Лисовскому съ полкомъ своимъ на вылазныя люди и ядущу усты меча, яко волку агньцы,

в тѣх же гонимых московской стрѣлецъ, именем Нехорошко, с ним же клемянтѣвской крестьянин Никифор Шилов. И видѣвше Лисовского вооружена зѣло бронями, копие же в руку своею имѣя, и разгарающесе оба сердцем, страшающе же ся лютости его. И возрѣвше на храм пресвятыя Троица, призывающе на помощь великаго Сергія чудотворца, искочише на мериных своих. Никифоръ Шиловъ уби под Лисовским бахмата, Нехорошко же удари его копиемъ в бѣдру. Объяты же бывше от казаков троецким воинством и от многих противных невредими быша молитвами великаго чудотворца Сергія. Той же Никифор Шиловъ и Нехорошко вѣдомы боицы бѣша, на многих выласках объявляющеся, бьющесе крѣпко. <...>

О ВТОРОМ БОЛШОМ ПРИСТУПѢ

Мѣсяца майа въ 27 день паки в Сопѣгиных табарѣх и Лисовского бысть шум великъ, играюще во многа игры и до полудни. С полудни же начаша литовския люди подъежжати под град, сматряюще стѣн и часто подзирающе. Также начаша готовити мѣста, гдѣ быти пушкам ихъ и пищалем. И скачуще на бахматѣх, машуще мечи своими на град, яко грозяще. К вечеру же начаша скакати конные многие люди, и з знамены по всѣм полям клемянтѣвским. По семъ же и Сопѣга вышел со многими полки вооруженными, и паки скрышася в табары своя.

Оставшее же ся троецкое воинство, видяще на град лукавое позирание, уразумѣша лютый совѣтъ ихъ къ пролитію крови и непщеваху быти приступу. И тако готовящесе на брань. Бѣша бо мали числом суще. И готовяху на стѣнах вар с калом, смолу, каменіе и прочее, ниже к тому времени пристрояюще, и подошвенной бой очистилиша.

И егда бысть вечеръ уже, окаянии же литовскіе люди и рускіе измѣнники лукавствующе хотяше к стѣнам градным принити тайно и ползающе, аки змѣя по земли молком, везяху приступныя козни: щиты рубленые, и лѣстницы, и туры, и стѣнобитныя хитрости. Градстни людие вси взыдоша на стѣны, мужеска полу и женска, и такожде западше, ждаху приступу.

И абие с Красныя горы возгремѣвша изъ огневого верхового наряду. И тако воскличавше все множество ли-

товских людей и русских измѣнников и устрѣмшася на град со всѣхъ странъ съ лѣствицы, и щиты, и с тарасы, и со иными козными стѣнобитными. И заиграша во многия игры, начаша приступати ко граду всѣми силами, всякими дѣлы и хитростями. Мняху бо окааннии во единъ часъ похитити град, вѣдаяще же во граде зѣло мало людей и тии суть немощни, и сего ради крѣпце належаху на град.

Но благодатию божиею подкрѣпляемо троецкое воинство бияхуся съ стѣнъ градныхъ крѣпко и мужественно. Литва же тѣшася вскорѣ на град взйти и придвигнуша щиты на колесѣхъ и лѣствицы многия, и нуждахуся силою приставити и взйти на стѣны. Христолюбивое же воинство и вси градстии людие не дающе имъ щитовъ и тарасовъ придвигнути и лѣствицъ присланивати, быюще ис подошевно бою изъ многихъ пушекъ и пищалей, и в окна колюще, и камене мещуще, и варъ с каломъ льюще, и сѣру и смолу зажигающе метяху, и известью засыпающе скверныя ихъ очеса. И тако быющеся чрезъ всю ночь.

Архимаритъ же Иасафъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ вниде въ храмъ пресвятыя Троицы, молящеся всецѣлому въ Троицѣ славимому богу и пресвятой богородицѣ и великому чюдотворцу Сергію и Никону о избавленіи града и о помощи надъ враги.

Егда же бысть день, видяще окааннии, яко не успѣша ничтоже, но паче своихъ множество изгубиша, начаша со студомъ отступати отъ града. Градстии же людие вскорѣ отвориша град, овии же съ стѣнъ скочивше, учиниша выласку на оставшихся ту литовскихъ людей у стѣнобитныхъ хитростей своихъ. Инии же во рвѣхъ бродяще и не могуще изыти. И тако тѣхъ многихъ побили, а живыхъ взяли пановъ и русскихъ измѣнниковъ 30 челоувѣкъ. И повелѣша имъ въ жерновы играти, работающе на братію и на все троецкое воинство и до отшествія враговъ отъ града. И тако милостию прѣбезначальныя Троицы и заступленіемъ пречистыя богоматери и молитвъ ради великихъ чюдотворцовъ Сергія и Никона побѣдиша тогда множество приступныхъ людей, и тарасы ихъ, и щиты, и лѣствицы, и прочія козны взявше, во градъ внесоша. Сами же вси здравы отшедше, яко побѣдители надъ враги показашася. <...>

О ТРЕТЬЕМ БОЛШОМЪ ПРИСТУПѢ И О ОБМАНКѢ
ПАД ТРОЕЦКИМИ СИДѢЛЦЫ

Ждуще же иже во осадѣ сѣдѣшен в Троецкомъ въ Сергие-
ве монастырѣ князя Михайла Васильевича Скопина.
<...>

О ПРИХОДѢ ВО ОБИТЕЛЬ ДАВЫДА ЖЕРЕБЦОВА
СО МНОГИМИ ЛЮДМИ <...>

Слышаще же в Троецкомъ Сергиеве монастырѣ, яко князь
Михайло ис Переславля изгна литву и рускихъ измѣн-
никовъ и мостяща пути трупомъ нечестивыхъ даже и до
слободы Александровы и строящася добрѣ пути кров-
ныя изсушити. Архимаритъ же Иасафъ, и иноцы, и вое-
воды, и прочии сидѣлцы посылаютъ ко князю Михайлу
Васильевичю от дому чюдотворца, просяще с молень-
ми помощи, понеже оставшии людие изнемогоша.

И посланъ бысть отъ князя Михайла воевода Давыдъ Же-
ребцовъ, а с нимъ 600 мужей избранныхъ воиновъ и триста
симъ служащихъ. Молитвами же чюдотворца проидоша
ничимъ не задержани, ни подзаратаи, ни стражами не
увѣдены быша; и легцы суще всего протекше скоро.
<...>

О ПОМОЩИ ЧЮДОТВОРЦА
И О НЕНАДЕЖНЫХЪ ВЫЛАСКАХЪ

Дивно же се всегда бываше, егда исперва сѣдоша людие
во осадѣ в Троицкомъ Сергиеве монастырѣ даже и до
пришествиѣ Давыда Жеребцова, егда исходжаху на
брань к сопостатомъ: егда убо устроятся людие и уго-
товятся с великимъ опасениемъ, то не всегда на добро
бываше изшествіе; аще ли о чемъ надежно изыдутъ, то
и пагуба бываше. Похвалное же что содѣяся, и то не
урядствомъ, но послѣднею простотою. И дивна слыша-
ніе достойно.

Внегда бо узрятъ противныхъ гдѣ стоящихъ и с простотою
храбрѣствующихъ или близъ стѣнъ бѣсующихся, держими
же воеводами, да не погибаютъ напрасно, и не могуще
изыти и другъ на друга позирающе, сердца разстерза-
хуся. И замышляюще каждо себѣ нужду и потребу, у
приставленныхъ надъ ними испрошахуся: едины травы
ради, друзии же воды, инии дровъ добытїя, инии же
коренна ископати, ови вѣтниковъ урѣзати, ови же по-

далѣ отманивающеся ко кладязю чюдотворца воды исцѣления ради почерпсти. Поляки же, радующеся таковому неустроению, и яко пси на заяцѡвъ отвсюду напускаху, и зачинающуся кровопролитію на многихъ мѣстехъ: не десятъ бо или 20, но и пять, и три, и два, порознь бродяще, смерти искаху. Противъ же враговъ, егда нахождаху на нихъ, вкупѣ ополчевахуся. И нечестно исходящеи честни побѣдители показовахуся. Спасителя же нашего хранениемъ в таковой простотѣ никто же никогда погibe, но вси здрави до единого возвращахуся в домъ преподобнаго.

Давыдъ же Жеребцовъ, егда прииде и видѣ таковую простоту твориму во исходящихъ на выласкъ, ихъ же много безчестивъ и отославъ прочь, не повелѣ с собою исходити ко брани. Надеженъ же на избранное воинство и к раздражителемъ, добръ урядився, исходитъ извѣдаться. Стигнувъ же ся с сопостаты, и со срамотою одоლѣваемъ, утече, вмѣсто же пота побѣдительства слезами облияся. Урядныи неурядно утече. И помалѣ, еще дыша рвениемъ, исходитъ мститися. К нему же простцы рекоша на пути: «Мы, государь бояринъ, преже сего прося у чюдотворца Сергіа помощи, малоурядно исхаживали, занеже не подается намъ, но яко овцы исходяхомъ, пастырь же нашъ самъ нами промышляя и не погуби насъ николи же». Давыдъ же, вѣжди з гнѣвомъ возводя на прерѣкущихъ, и исходяще ко врагомъ на бой. Смятію же брани бывши, и зрятъ простцы мужа храбра и мудра нестроение, но по его отречению не смѣютъ помощи тому подати. Видяще же, яко кедръ постыченъ имутъ быти в дубравѣ и не дождавшеся свсєя надежи опустошиться и по обычаю простоты немощныи бранію ударивше, и исхищаютъ мудрыхъ от рукъ лукавыхъ. Гордященъ же ся к тому немощныхъ и бѣдныхъ не парщають овца, волвовъ, и не сиротъ, но господей, и единопразднниковъ спосаждаютъ. И помещутъ немецкую мудрость, и приемлютъ покрываемыхъ отъ преподобнаго бусеть. И в простотѣ суще забывше бѣгати, но извыкше враговъ славно гоняти.

О ПРИХОДѢ ГРИГОРІЯ ВОЛУЕВА

Мѣсяца генваря въ 1 день, въ 4 часъ пощи прииде из слободы Александровы отъ князя Михайла Васильевича в Троицкой Сергіевъ монастырь воевода Григорей Волуевъ, а с нимъ избранныхъ вой 500 мужейъ храбрыхъ и

вси во оружии. Сии убо приидоша извѣдатися с литовскими людьми и с рускими измѣнники и войско их смѣтити. Егда же освитающе дни, и совокупльшеся с Давыдом и с троецкими снѣдѣцы, и исходят из града храборски, и нагль нападают на полские и литовские роты. И втопташа их в Сопѣгны табары и станица их около табаръ зажгоша. И милостию пребезначальныя Троицы литовѣских людей многих побѣли и языки поимали. Сопѣга же и Лисовской со всеми полки своими изшедше противу их, и бысть имъ бой великъ на Клементѣевском полѣ, на Келаревѣ прудѣ, и на Волкуше, и на Красной горѣ. И много бивѣшеся и мнози от обою страну пивше смертную чашу, множайше же сугубо погиге полку еретического. И разодошася обон. И день той препроводивше во обители чудотворца, сотворише заповѣданное имъ, пакы возвратишася ко князю Михайлу Васильевичю. На полских же и литовских людей и русских измѣнников тогда страх великъ нападе и в недоумѣнии быша, яко же оставшии сказаша.

О ПОБѢГЕ ГЕТМАНА СОПѢГЕ И ЛИСОВСКОГО

И генваря въ 12 день гетман Сопѣга и Лисовской со всеми полскими и литовскими людьми и с рускими измѣнники побѣгоша къ Дмитрову, никим же гонимы, но десницею божиею. Толико же ужасно бѣжаша, яко и друг друга не ждуща и запасы своя мещуще. И велико богатство мнози по них на путѣх обрѣтаху, не от худѣших вещей, но и от злата, и серебра, и драгих портѣ, и коней. Инии же, не могущи утечи, и возвращающеся вспять и лѣсы бѣгающе, приходяху во обитель к чудотворцу, и милости просяще душам своимъ, и повѣдающе, яко «мнози видѣша от нас велики зѣло два полка гоняща нас даже и до Дмитрова». Чюдиша же ся вси о сем, яко от обители не быше за ними никакой посылкѣ. <...>

По отшествии же сынов беззаконных преждавшие осмь дней, посылается къ царствующему граду къ государю от обители чудотворца со святою водою старецъ Макарей Куровской генваря въ 20 день. <...>

СКАЗАНИЕ АВРААМИЯ ПАЛИЦЫНА

Перевод

ПРИХОД ПОД ТРОИЦКІЙ СЕРГІЕВ МОНАСТЫРЬ
ПАНОВ ПОЛЬСКИХ И ЛИТОВСКИХ И РУССКИХ
ИЗМЕННИКОВ, ГЕТМАНА ПЕТРА САПЕГИ И ПАНА
АЛЕКСАНДРА ЛИСОВСКОГО И ИНЫХ МНОГИХ

В год 7117-й (1609), в царство благоверного и христолюбивого царя и великого князя Василия Ивановича всея Руси и при святейшем патриархе Гермогене Московском и всея Руси, и при архимандрите пресвятой и пребезначальной Троицы Сергиева монастыря Иоасафе и при келаре старце Авраамии Палицыне, по поущению божию за грехи наши сентября в 23 день в зачатие достойного чести и славы пророка и предтечи, крестителя господня Иоанна, пришли под Троицкий Сергиев монастырь литовский гетман Петр Сапега и пан Александр Лисовский с польскими и с литовскими людьми и с русскими изменниками по Московской дороге.

И когда был он на Клементьевском поле, находившиеся в осаде люди, выйдя за стены, конные и пешные, великий бой с ними совершили, и по милости пребезначальной троицы многих литовских людей побили, а сами в город здоровыми возвратились.

Богоотступники же, литовские люди и русские изменники, это увидев, закричали мерзкими голосами, быстро и грозно обходя со всех сторон Троицкий Сергиев монастырь. Архимандрит же Иоасаф и весь освященный

собор со множеством народа вошел во святую церковь святой живоначальной Троицы, к образу пресвятой богородицы и многоцелебным мощам великого чудотворца Сергия, молясь со слезами об избавлении. Городские же люди, находившиеся вокруг обители, слободы и разные службы предали огню, чтобы не было врагам ни жилища, ни укрытия в них. Гетман же Сапега и Лисовский, рассмотрев места, где им с войском своим стоять, и разделившись, начали строить себе станы и поставили два острога, а в них возвели многие укрепления и все пути к обители заняли, так что никто не мог пройти мимо них в дом и из дома чудотворца.

ОБ УКРЕПЛЕНИИ ОБОРОНЫ

Бывшие же в осаде воеводы, князь Григорий Борисович Долгорукий да Алексей Голохвастов, и дворяне решили с архимандритом Иоасафом и с соборными старцами, что следует укрепить стены обороной и всех людей привести к крестному целованию, и главными быть старцам и дворянам, и разделить городские стены, и башни, и ворота, а орудия установить по башням и в подошвенных бойницах, чтобы каждый из них знал и охранял свою сторону и место и все, что для брани нужно, приготовил, и с идущими на приступ людьми бился бы со стены, а со стен на иную ни на какую службу да не сходил бы. А на вылазку и в подкрепление к тем местам, где будет приступ, людей особо отделяют.

В праздник же, светло торжествуемый, памяти преподобного отца нашего Сергия-чудотворца, сентября в 25 день, не было той ночью ничего другого от городских людей слышно, кроме воздыхания и плача, поскольку многие, надеясь, что вскоре минует великая эта беда, сбежались из окрестных мест.

И такая теснота была в обители, что не было места свободного. Многие же люди и скотина остались без крова, и *бездомные* тащили всякое дерево и камень на создание прибежищ, потому что осени время настало и зима приближалась. И друг друга отталкивали от вещи брошенной, и, всего потребного не имея, все изнемогали; и жены детей рожали перед всеми людьми. И невозможно было никому со срамотою своею нигде скрыться. И всякое богатство не береглось и ворами не кралось, и всякий смерти просил со слезами. И если

бы кто и каменное сердце имел, и тот, видя эти тесноту и напасти, восплакался бы, потому что исполнилось на нас пророческое слово реченное: «Праздники ваши светлые в плач вам преложу и в сетование, и веселие ваше в рыдание». <...>

О КРЕСТНОМ ЦЕЛОВАНИИ

Когда же завершились всенощное славословие и молебен, тут же собралось множество народа, и по совещании начальников и всех людей было крестное целование, что сидеть в осаде без измены. Первыми воеводы князь Григорий Борисович Долгорукий и Алексей Голохвастов целовали животворящий крест господень у раки чудотворца, а затем также и дворяне, и дети боярские, и слуги монастырские, и стрельцы, и все христоролюбивое воинство, и все православные христиане. И с той поры было в городе братолюбие великое, и все с усердием без измены бились с врагами. И тогда литовские люди поставили стражу многую вокруг Троицкого монастыря, и не было проходу ни из огады, ни в огаду. <...>

О ПОСТАВЛЕНИИ ОКОЛО ГОРОДА СТЕНОБИТНЫХ ПРИСПОСОБЛЕНИЙ

Того же месяца в 30 день богоборцы Сапега и Лисовский, <...> увидев, что не покорились им люди в городе, и исполнившись ярости, повелели всему своему литовскому и русскому воинству приступить к стенам со всех сторон и начать бой. Городские же люди бились с ними крепко. Сапега и Лисовский повелели туры прикатить и орудия поставить. И той ночью туры многие прикатили и орудия поставили. Первые за прудом на горе Волокуше; вторые тоже за прудом возле Московской дороги; третьи за прудом же в Терентьевской роще; четвертые на Крутой горе против мельницы; пятые туры поставили на Красной горе против Водяной башни; шестые поставили на Красной же горе против погребов и пивного двора и келаревых келлий; седьмые по Красной же горе против келарских и казенных палат; восьмые же в роще тоже на Красной горе против Плотничьей башни; девятые туры поставили на Красной же горе возле Глиняного оврага, против башни Конюшен-

ных ворот. И возле туров выкопали ров большой: из рощи от Келарева пруда и до Глиняного оврага, и вал высокий насыпали, так что по тому валу конные и пешие люди ходили.

О НАЧАЛЕ СРЕЛЬБЫ ПО ГОРОДУ

Месяца октября в 3 день начали бить из-за всех туров, и били по городу шесть недель беспрестанно из всех орудий, и из верховых, и раскаленными железными ядрами. Обитель же пресвятой и животначальной Троицы покрыта была десницею вышнего бога, и нигде ничего не загорелось. Ибо огненные ядра падали на пустые места, в пруды и в ямы выгребные, а раскаленные железные ядра из деревянных домов не успевшими вреда причинить извлекали. А какие застрявшие в стенах и не заметят, те сами остывали. Но воистину дело то было промыслом самого превечного бога вседержителя, который творит преславное ему известными неизреченными своими путями. Бывшие же на стенах города люди, не имея возможности стоять, прятались за стены: ибо из рвов и из углублений в промежутки между зубцами прицелены были пищали. И так люди стояли неотступно, ожидая приступа, и ради того одного и крепились. А кто был в башнях у орудий, тем великая беда была и мучения от стрельбы. Ибо стены городские тряслись, камни рассыпались, и все жестоко страдали. Но удивительно при этом устраивалось богом все: во время стрельбы видели все, как плинфы рассыпались и бойницы и стены сотрясались, ибо по одной мишени с утра и до самого вечера велась стрельба, стены же все нерушимо пребывали. Сообщали часто об этом враги, говоря: «Видим всегда при стрельбе огонь, исходящий от стен, и удивляемся тому, что не от камня, а от глины искры сыплются».

И были в городе тогда теснота большая, скорбь, беды и напасти. И у всех тогда оказавшихся в осаде кровью сердца кипели, но полезного дела, которое они начали, они не прекращали. Смерти они ожидали, но на господ бога упование возлагали и всячески врагам сопротивлялись. А еще ругались богоборцы-лютеране, собачьими своими языками богохульные слова говоря, чтобы не имели *они* никакой надежды на господ бога. «Не сможете вы,— говорили они,— избежать рук наших никак». Так же поносили они имя великого чудо-

творца Сергия, и иной многий и богохульный вздор говорили. <...>

О РВЕ И ПОДКОПЕ

Того же месяца октября в 6 день они повели ров из-под горы от мельницы возле надолб на гору к Красным воротам и к надолбам, покрывая досками и засыпая их землей. И довели ров на гору против Круглой башни. Того же месяца в 12 день от того рва они повели подкопы под круглую угловую башню против Подольного монастыря.

О ПРИГОТОВЛЕНИИ К ПРИСТУПУ, О ПИРШЕСТВЕ И ОБ ИГРАХ

Того же месяца в 13 день Сапега устроил пир великий для всего войска своего и для крестопреступников, русских изменников. И весь день бесились они, играя и стреляя, к вечеру же начали скакать на конях своих многие люди со знаменами по всем полям по Клементьевским и по монастырским около всего монастыря. Потом и Сапега из своего табора вышел с большими полками вооруженными и стал со своим полком у туров за земляным валом против погреба, Келарской и Плотничьей башен и до Благовещенского оврага, а Лисовского Александра полки — по Терентьевской роще до Сазанова оврага и по Переяславской и по Угличской дороге, по-за Воловым двором до Мишутина оврага. Из орудий же из-за всех туров, из многих пушек и пищалей по городу били они беспрестанно.

О ПРИХОДЕ ПЕШИХ ЛЮДЕЙ К ГОРОДУ

Ночью же той в первом часу множество пеших людей литовских и русских изменников устремились к монастырю со всех сторон с лестницами и со щитами и с турками рублеными на колесах, и, заиграв во многие трубы, начали они приступ города. Горожане же бились с ними со стен городских, также били из многих пушек и пищалей и, насколько могли, много побили литвы и русских изменников. И так милостью пресбзначальной троны и по молитвам великих чудотворцев не дали им тогда близко к городу подойти и никакого вреда городу причинить. Они же, безрассудством своим загубив

многих людей своих, отошли от города. Турусы же, и щиты, и лестницы побросали. Наутро же из города вышедшие все их в город внесли и предали огню, пищу на них готова.

Литовцы же и русские изменники, вновь таким же образом приходя, досаждали горожанам, нападая на город семь дней без отдыха. А иногда подъезжали к городу со страшными угрозами и руганью, иногда же, лстя, уговаривали сдать город и показывали множество воинов, чтоб убоялись горожанс. И чем больше враги пугали их, тем больше бывшие в городе укреплялись против них. И так окаянные лютеране и русские изменники понапрасну трудились и ни в чем не преуспели, но только своих многих погубили. <...>

О ВЫЛАЗКЕ И О ПОИМКЕ ПАНА БРУШЕВСКОГО

Воеводы князь Григорий и Алексей со всем христолюбивым воинством, отпев молебен соборно, устроили вылазку на Княже поле в Мишутинский овраг на заставы ротмистра Брушевского и на Суму с товарищами. И божьею помощью заставу побили и ротмистра Брушевского Ивана взяли, а ротмистра Герасима на Княжом поле и заставу его побили, а Сумину роту гнали, побивая, до Благовещенского оврага. Враги же, увидев своих поражение, вскоре пришли многими полками, конные и пешие. Городские же люди, мало-помалу отходя, вошли все в город здоровыми и совершенно невредимыми. Архимандрит же и освященный собор, отпев молебны со звоном, благодарственные хвалы воздали всемогущему богу. Брушевский же пан при допросе под пыткой сказал, что подлинно ведут они подкопы под городскую стену и под башни. А под какое место ведут подкопы, того, сказал, не ведает. «А хвалятся-де наши гетманы, что возьмут замок, Сергиев монастырь, и огнем выжгут, а церкви божии до основания разорят, а монахов всякими различными муками замучат, а людей всех побьют, а не взяв монастыря, прочь не отойдут. Хоть и год стоять, или два, или три, а монастырь решили взять и до запустения низложить».

Богоборцы тогда разъярились сильно и начали горожанам сильно досаждать и залегли по ямам и по плотинам прудовым, не давая городским людям ни воды зачерпнуть, ни скота напоить. И была в городе теснота и

скорбь великая, и волнение было великое среди осажденных людей.

О СЛУХАХ

Воеводы же, посоветовавшись с архимандритом Иоасафом, с братней и со всеми воинскими людьми, повелели в городе под башнями и в нишах стенных копать землю, а тронцкому слуге Власу Корсакову делать частые слухи, ибо тот был в этом деле очень искусен. И за это дело взялись. А вне города от Служней слободы повелели глубочайший ров копать. Когда же в начале первого часа дня литва увидела копающих ров, внезапно прискочило ко рву множество пеших литовцев, хорошо вооруженных, и начали они жестоко побивать православных христиан. Из города же прицелены были на то место пушки и пищали многие, и побили литвы много. К тому же из города поспешили многие воинские люди, и множество литовцев побили, и многих живыми взяли, и в город ввели. Литве же не понравились из города частые поминания, и, тыл показав, вспять они возвратились.

О ДОПРОСЕ ПЛЕННЫХ И О ЧИСЛЕ ВОИНСТВА ЛИТОВСКОГО И ИЗМЕННИЧЬЕГО

Воеводы же новопойманных языков повелели пытать и допрашивать, расспрашивая их с пытками о замыслах их и о числе их воинства. Они же сказали, что действительно гетманы их надеются город взять подкопами и упорными приступами. А подкопы повели под башни и под городскую стену уже октября в 12 день. А к какому месту ведут, того они не знают. А командующих панов с Сапегою: князь Константин Вышневецкий, да четыре брата Тышкевичи, пан Талійский, пан Велемовский, пан Козоновский, пан Костовский и других двадцать панов; а ротмистров: Сума, Будило, Стрела и других тридцать ротмистров; а воинских людей: с Сапегою — польские и литовские люди, наемники подольские, гусары русские, прусские, жемоцкие, мазовецкие, а с Лисовским — дворяне и дети боярские из многих разных городов, татар много, и казаки запорожские, казаки донские, волжские, северские, астраханские. И всего войска с Сапегою и с Лисовским — до тридцати тысяч, кроме черни и пленных.

О ПОБИЕНИИ ГОРОДСКИХ ЛЮДЕЙ И ОБ УЖАСЕ ВЕЛИКОМ В ГОРОДЕ

Месяца ноября в 1 день, на память святых бессеребренников Козьмы и Дампана, во втором часу дня, из города устроили вылазку конными и пешими людьми на литовских людей. Бог же попустил грехов ради наших, и потому расхрабрились на нас враги и многих городских людей побили и поранили, постаравшихся положить головы свои за святую православную веру и за обитель преподобного отца нашего чудотворца Сергия. И в том бою убили почтенного слугу Копоса Лодыгина из пушки, и дал ему бог в иноческом чину преставиться. Тогда же на вылазке грехов ради наших побили и поранили троицких всяких людей сто девяносто человек, да в плен взяли в подкопном рве старца священника Левкию, да трех служилых людей, да московского стрельца, да двух кlementьевских крестьянских детей.

Архимандрит же раненых постричь повелел, и, причастившись тела и крови Христа, бога нашего, они преставились в вечные обители. И погребли их с честью, соборно отпев над ними надгробные песни. А живых раненых лечить повелел и содержать за счет монастырской казны. Еретическое же исчадие и изменники русские страшней прежнего нападали на город. Тогда были в городе у всех православных христиан скорбь великая, плач великий и ужас из-за подкопов, потому что слух в уши всех людей разошелся, что ведут литовские люди подкопы, а они того допытаться не могут, под которую стену или башню ведут. И так все смерть свою, каждый перед своими глазами, видел, и все, прибегая к церкви живоначалной Троицы и к цельбоносным мощам горячих заступников наших великих чудотворцев Сергия и Никона, все на покаяние к богу обратились, исповедуясь господу и отцам своим духовным. Некоторые же, причастившись тела и крови господних, к смерти готовились. <...>

О СТРЕЛЬБЕ ПО ГОРОДУ НОЯБРЯ В 8 ДЕНЬ

Того же месяца в 8 день на праздник собора святого архистратига Михаила. День тот прошел в плаче и сетованиях, потому что уже минуло тридцать дней и тридцать ночей, как беспрестанно со всех сторон из-за всех

туров из шестидесяти трех пищалей били по городу и из верховых орудий.

В тот же день шел в церковь святой Троицы клирик Корнилий, и внезапно прилетело ядро пушечное и оторвало ему правую ногу по колено, и внесли его в притвор. И после божественной литургии причастился он животворящих тайн Христовых и сказал архимандриту: «Вот, отец, господь бог чрез архистратига своего Михаила отомстит кровь православных христиан». И, это сказав, старец Корнилий преставился. Да в тот же день убило из пушки старицу — оторвало руку правую с плечом.

Воеводы же и все осажденные люди в городе, избрав старцев добрых и воинских людей, которым идти на вылазку и на подкопные рвы, разделили войско и поставили отрядам задачи. В день же Михаила-архистратига пели вечерню, и все бывшие в обители люди с воплем и рыданьем, бия себя в грудь, просили милости у всещедрого бога, и руки воздевали вверх, и на небо взирали и вzywали: «Господи, спаси нас, погибающих, быстро поспеши и избавь нас от гибели этой имени твоего ради святого. И не предай достояния твоего в руки скверным этим кровопийцам!»

Враги же святой Троицы делом своим коварно промышляли о захвате города и беспрестанно стреляли из многих пушек и пищалей. Во время псалмопения внезапно ядро ударило в большой колокол, влетело в алтарное окно святой Троицы, пробило в деисусе у образа архистратига Михаила доску подле правого крыла, и, ударившись вскользь по столпу, а затем в стену, отскочило то ядро в насвечник перед образом святой Живоначальной троицы, ранило священника, и отлетев в левый крылос, развалилось. В то же время другое ядро пробило железные двери с южной стороны у церкви Живоначальной Троицы и пробило доску местного образа великого чудотворца Николы выше левого плеча подле венца; за иконой же ядра не оказалось.

И тогда в церкви святой Троицы напал страх великий на всех предстоящих людей, и все заволновались. И полн был пол церковный слезами, и пение замедлялось от множества плача. И воздевали все руки вверх и к пресбыначальной троице и к пречистой богородице и великим чудотворцам Сергию и Никону и молили о помощи и заступлении от врагов. Во время же пения стихир архимандрит Иоасаф в великой печали и сетовании по-

гружен был в легкое забытие, и вот видит великого архистратига Миканла; лицо же его, как свет, сияло, в руке своей он держал скипетр и говорил противникам: «О враги лютеране! Вот ваша, беззаконники, дерзость и до моего образа дошла. Всесильный же бог воздаст вам вскоре отмщение». И это сказав, святой стал невидим. Архимандрит же поведал об этом видении всей братии. И облеклись они в священные ризы и пели молебны всесильному богу и архистратигу Миканлу.

В Терентьевской же роще была у них пищаль страшная очень, называемая Трещера. Воеводы же повелели стрелять на Терентьевскую гору по литовским орудиям из башни Водяных ворот. Ударили по их большой пищали Трещере и разбили у ней пороховницу. Также и от Святых ворот с Красной башни ударили по той же пищали и разбили у нее устье. И видевшие это из Троицкого города бывшие там люди благодарили бога, что разрушил злое то орудие. <...>

О ВЫЛАЗКЕ, ОБ ОБНАРУЖЕНИИ ПОДКОПОВ И ОБ ИХ РАЗРУШЕНИИ

Воеводы, князь Григорий Борисович Долгорукий и Алексей, составив полки для вылазки, пришли в церковь святой Живоначальной Троицы, осеняя себя крестным знамением перед чудотворным образом и цельбоносными мощами преподобного отца нашего Сергия Чудотворца. И придя к потайным воротам, приказали выходить по несколько человек и укрываться во рву. В то же время с Пивного двора вышли воеводами старшины туляне Иван Есипов и Сила Марин, да Юрий Редриков, переяславец, со своими сотнями и податными людьми на Луковый огород и на плотину Красного пруда. Также и из Конюшенных ворот вышли со многими знаменами старшины-дворяне: Иван Ходырев, олекиннец, Иван Болоховский, владимирец, переяславцы Борис Зубов, Афанасий Редриков и другие сотники с сотнями, а с ними и старцы троицкие во всех полках. И когда начали из города выходить за три часа до рассвета, вдруг нашли темные облака, и небо необыкновенно помрачнело, и настала такая тьма, что и человека не было видно. Такое господь бог устроил тогда своими неизреченными судьбами.

Люди же, выйдя из города, приготовились к бою. И вдруг поднялась великая буря и прогнала мрак и темные об-

лака и очистила воздух, и стало светло. И когда ударили в осадные колокола трижды,— ибо так было приказано им дать знак,— Иван Ходырев с товарищами, призвав на помощь святую троицу и выкрикнув многими голосами как боевой клич Сергиево имя, все вместе дерзко и мужественно напали на литовских людей. И они, услышав тот боевой клич, тут же смешались и, гневом Божиим гонимые, побежали.

В то же время от Святых ворот старшина Иван Внуков с товарищами и со всеми людьми, пойдя против подкопов на литовских людей, издал тот же боевой клич и сбил литву и казаков под гору в Нижний монастырь и за мельницу. А Иван Есипов с товарищами своим полком бился с литвою по Московской дороге по плотине Красного пруда до Волокуши-горы. Старцы же Сергиева монастыря, находясь в полках, бьющихся с литвою, укрепляли людей, чтобы не ослабевали в делах. И так все расхрабрились и бились крепко, говоря друг другу: «Умрем, братья, за веру христианскую!» И благодатью Божиею тогда нашли устье подкопа. Вскочили тогда в глубь подкопа ради совершаемого дела крестьяне Клементьевские Никон, называемый Шилов, да Слота; и, зажегши в подкопе кизяк и смолу, заткнули устье подкопа и взорвали подкоп. Слота же и Никон тут же в подкопе сгорели. <...>

О ВЫЛАЗКЕ НА ЛИТОВСКИХ И РУССКИХ СТОРОЖЕЙ

В один из тех дней, когда еще в городе Троицкого Сергиева монастыря было множество храбро боровшегося против врагов воинства, на рассвете воскресного дня была великая мгла в зимнее время. Воеводы же снова устроили вылазку на заставы литовские, в Благовещенский овраг и на Нагорную заставу к Благовещенскому лесу, а некоторых людей послали к Нагорному пруду за сады на заставы русских изменников. Выйдя же, конные люди заставу в Мишутине овраге побили, а вскоре, поспешив на Нагорную заставу, и ее потоптали на Красной горе и до Клементьевского пруда и многих побили. <...>

Лисовский же стал в долине за горой Волокушей, и к нему пришли вскоре Сапегины конные роты. Он же, лукавый, как змей, метался, думая, как бы позор свой искупить, не ведая, что против силы высшего ратует.

И тут видит еретик, а с ним многие поляки, что пред полком их ездит старец, держа в руке своей обнаженный меч и сурово им грозя. И затем стал невидим для их глаз.

Гетман же Сапега пришел на Красную гору на троицких людей и стал по всему Клементьевскому полю со всеми своими полками, Лисовский от прихода Сапеги повеселел и захотел совместно с ним одолеть господ бога-вседержителя. И повелел в своем полку в трубы и зурны дуть и в барабаны и литавры бить. И тут же вскоре вместе с Сапегою устремился на Красную гору против всех троицких людей, хотя в один час всех их истребить. И согнали они троицких пеших людей под гору к Пивному двору. И было воистину чудно видеть милость Божию к троицкому воинству и заступничество и помощь против врагов по молитвам великих чудотворцев Сергия и Никона. И сотворил Господь преславное чудо тогда. Даже нератные люди стали храбрыми, и не знавшие, и не ведавшие никогда обычаев ратных — и те исполинской силой препоясались. Один из таких, некий податной человек из села Молокова, крестьянин, называемый Суетою, великий ростом и очень сильный, над которым посмеивались всегда из-за его неумения в бою, сказал: «Пусть я умру сегодня, но буду всеми прославлен!» В руках он держал оружие, бердыш. И укрепил господь бог того Суету, и дал ему бесстрашие и храбрость; и он понуждал православных христиан прекратить бегство, говоря: «Не убоимся, братья, врагов Божиих, но станем с оружием твердо против них!» И сек бердышом своим врагов с обеих сторон, удерживая полк Александра Лисовского; и никто ему противостать не мог. Он быстро, как рысь, скакал и многих тогда вооруженных и в броне поразил. Многие же крепкие воины встали против него, чтобы отомстить за позор, и жестоко на него наступали. Суета же сек по обе стороны; не выдавая его, пешие люди, прекратив бегство, укрепились за надолбами.

Беззаконный же Лисовский совался и туда и сюда, где бы какое зло сотворить. И повернул окаянный от того места вдоль по горе Красной к Косому Глиняному оврагу на засадных троицких людей. Бывшие там с монастырским слугою Пименом Теневым люди стали крепко против врагов на пригорке у рва, бясь с литовцами и казаками. Увидев же, что троицкого воинст-

ва мало, злоправный лютеранин Лисовский бросился свирепо на них, и смешались все люди вместе, и литовские, и троицкие, и был бой великий близ оврага Глиняного. Враги же, боясь засады, начали отбегать. А троицкое воинство, понемногу отходя от литовских людей, скрылось в Косой Глиняный овраг.

Александр же Лисовский хотел при отходе живым взять слугу Пимена Тененева, но Пимен обернулся к Александру и выстрелил ему из лука в лицо, в левую щеку. Свирепый Александр свалился со своего коня. Воины его полка подхватили его и отвезли в Сапегин полк. Троицкое же воинство ударило из множества орудий по ним, и тут побили много литовцев и казаков. Литовцы же, увидев это, быстро обратились в бегство врозь по Клементьевскому полю.

Сердца кровью у многих закипели за Лисовского и, чтобы отомстить за него, снова многие двинулись, как лютые волки,— литовские воеводы князь Юрий Горский, Иван Тишкевич, ротмистр Сума со многими гусарами и наемниками,— и напали на сотника Силу Марина и на троицких слуг, Михайла да Федора Павловых, и на все троицкое воинство. И был бой великий весьма и жестокий. И сломавшие оружие, схватясь друг за друга, ножами резались. Предельно отчаянной была та брань, потому что в троицком воинстве немного было конных, и не броней прикрыты они были, а милостию живоначальной троицы и молитвами великих светил Сергия и Никона. Благодаря помощи их и заступничеству многих вооруженных поляков и литвы они побивали. Слуга же Михайло Павлов, видя, как острее меча князя Юрия Горского пожирает неповинных, перестал биться с прочими, ловя самого воеводу, и убил того князя Юрия Горского, и с конем примчал его под город мертвого. Много тут желавших отомстить поляков погибло из-за тела его, но не отняли его из рук Михайловых.

В том бою многие из литовских людей видели двух старцев, мечущих на них плиты, одним броском многих поражавших, камни же из недр достававших. И не было числа метаниям их. Перебежчики от поляков рассказали об этом в доме чудотворца.

Поляки же, такие потери видя,— что князя Юрия лишились и других своих храбрецов, разрубленными лежащих, гонимые гневом Божиим, побежали от троицкого воинства. Так и отошли все полки Сапегины и Лисов-

ского. Троицкое же воинство вошло в обитель с великою победою. <...>

О СЛУГЕ АНАНИИ СЕЛЕВИНЕ

Расхрабрил тогда великий чудотворец Сергей в осаде сидевшего слугу Ананию Селевина, когда храбрые и крепкие мужи в обители чудотворца одни от острия меча иноверных пали, а другие в городе от <...> цинги померли. Анания же этот был мужественным: шестнадцать знатных пленников привел он в осажденный город, и никто из сильных поляков и русских изменников не смел приближаться к нему, и издали они пытались убить его из ружей. Все ведь его знали и, оставляя прочих, ополчались против него. И по коню его многие узнавали, ибо столь быстрым был тот конь, что убегал из среды литовских полков и не могли его догнать.

Вдвоем с <...> немой они часто выходили для боя. Немой-то тот всегда выходил с ним в паре на бой пешим. И они двое с луками роту поляков, копьями вооруженных, вспять обращали. Александр Лисовский однажды увидел этого Ананию среди противников и пошел против него, чтобы его убить. Анания же быстро ударил своего коня, выстрелил Лисовскому из лука в левый висок, прострелил ему ухо и поверг его наземь, а сам ускакал из гущи казачьих полков. Он хорошо стрелял из лука, а также из самопала.

Раз случилось этому Анании, отнимая у поляков чернь в кустарнике, быть отторгнутым двумя ротами от дружины его и бегством спастись. Немой тогда скрылся среди пней и видел бедствия Анании. У него с собой был лук и большой колчан стрел. Он выскочил, как рысь, и, стреляя по литовцам, отчаянно бился. Литовцы обратились на него, а тут Анания вырвался к нему, и они стали рядом. И многих поранили они литовцев и коней их и отошли невредимыми, только коня под Ананией ранили.

Поляки только и думали, как бы убить коня под Ананией, ибо знали, что живым его не взять. Когда Анания выходил на бой, то все стреляли в коня. Всего во многих вылазках его конь был ранен шесть раз, а на седьмой убит. И стало Анании тяжелее в бою. А потом и Ананию ранили из пищали в ногу, в большой палец, и раздробили всю плюсну. И опухла у него вся нога, но он

бился еще крепко. А через семь дней он был ранен в колено той же ногой. Тогда этот крепкий муж возвратился назад. И отекала его нога до пояса, и через несколько дней он отошел к господу.

О МОСКОВСКОМ СТРЕЛЬЦЕ НЕХОРОШКЕ И О НИКИФОРЕ ШИЛОВЕ

Однажды Александр Лисовский со своим полком напал на вышедших на вылазку людей и пожирал их устами меча, как волк ягнят. В числе же преследуемых был московский стрелец именем Нехорошко, а с ним клементаевский крестьянин Никифор Шилов. И увидев Лисовского, одетого в хороший доспех и держащего в руке копье, разгорелись оба сердцем, но страшились свирепства его. И, взглянув на храм пресвятой Троицы, призывая на помощь великого чудотворца Сергия, они скакнули на своих меринах: Никифор Шилов убил под Лисовским коня, а Нехорошко ударил его копьем в бедро. Они были отняты у казаков троицким воинством и среди многих противников остались невредимыми по молитвам великого чудотворца Сергия. Тот Никифор Шилов и Нехорошко были знаменитыми бойцами: они на многих вылазках отличались, сражаясь крепко. <...>

О ВТОРОМ БОЛЬШОМ ПРИСТУПЕ

Месяца мая в 27 день опять в таборах Сапегиных и Лисовского был большой шум от многих труб и длился до полудня. С полудня же начали литовские люди подъезжать к городу, рассматривая стены и часто озираясь. И тут же начали готовить места, где поставить пушки и пищали. И, скача на своих лошадях, махали мечами своими в сторону города, как будто грозя. К вечеру же начали многие конные люди со знаменами скакать по всем полям Клементаевским. Потом и Сапега вышел со многими вооруженными полками и снова скрылся в своих таборах.

Остатки же троицкого воинства, видя, как те коварно рассматривают на город, уразумели их злой замысел, чреватый пролитием крови, и поняли, что быть приступу. И стали готовиться к бою. Было же их числом мало. И готовили они на стенах вар с нечистотами, смолу, камни и прочее, что тогда годилось, припасали, и дошвенные бойницы очистили.

И когда уже настал вечер, окаянные литовские люди и русские изменники, захотели, хитря, к стенам города подобраться втайне, ползком, как змеи по земле, и молча, таща за собой приспособления для приступа: рубленые щиты, лестницы, туры и стенобитные орудия. Городские же люди все, мужского пола и женского, вышли на стены и тоже затаились, ожидая приступа.

И вдруг с Красной горы загремело из верхних огненных орудий. И тогда, закричав, все множество литовских людей и русских изменников устремилось на город со всех сторон с лестницами, щитами, турусами и иными средствами стенобитными. И занграв во многие трубы, начали приступ города всеми силами, всякими способами и средствами. Рассчитывали ведь окаянные за один час захватить город, ибо знали, что в городе очень мало людей, да и те немощны, и потому всеми силами налегали на город.

Но тронцкое воинство, подкрепляемое божьей благодатью, было крепко и мужественно. Литовцы старались скорее взойти на город и придвинули щиты на колесах и множество лестниц, и прилагали все усилия приставить их и взобраться на стены. Христолюбивое же воинство и все городские люди не давали им придвинуть щиты и турусы и лестницы прислонять, стреляя из многих пушек и пищалей подошвенного боя, коля в окна, мечя камни и лия вар с нечистотами, и серу, и смолу, зажигая, они металы, и известью засыпали скверные их глаза. И так бились всю ночь.

Архимандрит же Иоасаф со всем освященным собором вошел в храм пресвятой Троицы, молясь всецелому в троице славимому богу, пресвятой богородице и великим чудотворцам Сергию и Никону об избавлении города и о помощи против врагов.

Когда же настал день, увидели окаянные, что не преуспели ни в чем, только множество своих погубили, и начали с позором отступать от города. Городские же люди тут же отворили город, а некоторые, со стен соскочив, устроили вылазку на остававшихся тут литовских людей у стенобитных своих приспособлений. Иные же во рвах бродили и не могли выйти. И таким образом многих побили, а живыми взяли панов и русских изменников тридцать человек. И повелели им жернова крутить; так и работали они на братию и на все тронцкое воинство вплоть до ухода врагов от города. И так милостью пребезначальной троицы, заступничеством

пречистой богоматери и молитв ради великих чудотворцев Сергия и Никона побили тогда множество шедших на приступ людей; а турусы их, щиты, лестницы и прочие приспособления, взяв, внесли в город. Сами же все здоровыми отошли, победителями над врагами оказавшись. <...>

О ТРЕТЬЕМ БОЛЬШОМ ПРИСТУПЕ И ОБ ОБМАНЕ ТРОИЦКИХ СИДЕЛЬЦЕВ

Ждали сидевшие в Троицком Сергиеве монастыре в осаде князя Михаила Васильевича Скопина. <...>

О ПРИХОДЕ В ОБИТЕЛЬ ДАВЫДА ЖЕРЕБЦОВА СО МНОГИМИ ЛЮДЬМИ <...>

Услышали в Троицком Сергиеве монастыре, что князь Михаил изгнал из Переяславля литву и русских изменников, вымостил трупами нечестивых пути вплоть до Александровской слободы и имеет доброе намерение пути кровавые высушить. И архимандрит Иоасаф, иноки, воеводы и прочие сидельцы послали к князю Михаилу Васильевичу от дома чудотворца просьбу с молением о помощи, потому что оставшиеся люди изнемогли.

И послан был от князя Михаила воевода Давыд Жеребцов, а с ним шестьсот мужей, отборных воинов, и триста им прислуживающих. По молитвам чудотворца, они прошли никем не задержанными,— ни дозорами, ни стражей не были они замечены, и налегке всех минули быстро. <...>

О ПОМОЩИ ЧУДОТВОРЦА В ГИСКОВАННЫХ ВЫЛАЗКАХ

Удивительно это всегда происходило, когда раньше сидели люди в осаде в Троицком Сергиевом монастыре, еще до прихода Давыда Жеребцова, когда они выходили на бой с супостатами: когда соберутся люди и подготовятся с великим вниманием, то не всегда успешным оказывался выход; если же с какой-то уверенностью выйдут, то и пагуба бывала. Похвальное же если что делалось, то не подготовкой, но последней простотой. Удивления эти рассказы достойны.

Когда видели люди противников где-нибудь стоящих и уверенно и храбро действующих, или близ стен беснующихся, то, удерживаемые воеводами, чтобы не погибали понапрасну, не имея возможности выйти, друг

на друга взглядывали, сердцами терзаясь. И, придумывая каждый себе нужду и потребность, у приставленных над ними отпрашивались: одни за травой, другие за водой, иные дров добыть, иные корни выкопать, кто венки нарезать, а кто и подальше отпрашивался — к колодцу чудотворца, воды для исцеления зачерпнуть. Поляки же, радуясь такой несогласованности, как псы на зайцев, отовсюду нападали, и начиналось кровопролитие во многих местах: ибо не по десять или двадцать, но по пять, по три и по два, порознь бродя, смерти искали. Против же врагов, когда те подходили к ним, вместе они ополчались. И не ради чести выходявшие достойными чести победителями оказывались. Спасителя же нашего защитой в таковом смиреннии никто никогда не погиб, но все до одного невредимыми возвращались в дом преподобного.

Давыд же Жеребцов, когда пришел и увидел, сколь попросту поступают выходящие на вылазки, обругав их хорошенько, отослал их прочь, повелев не выходить с ним в бой. Будучи уверен в своем отборном воинстве, хорошо вооружившись, вышел он переведаться с раздражающими. Столкнувшись же с супостатами, оказавшись одолеваем, со срамом он побежал, вместо победного пота слезами облившись. Оружный — как без оружия бежал. По малом же времени, еще дыша рвением, вышел он, чтобы отомстить. Простецы сказали ему на пути: «Мы, государь боярин, прося перед этим у чудотворца Сергия помощи, со слабым вооружением выходили, потому что недостает его у нас, как овцы выходили, а пастух наш сам о нас заботился и не погубил нас никогда». Давыд же, с гневом подняв глаза на говорящих, вышел к врагам на бой. Когда же сошлись противники и начался бой, замечают простецы, что у храброго и мудрого мужа нет удачи, но из-за его запрета не смеют помочь ему подать. Видя же, что порублены будут кедры в дубраве, и, не дожидаясь гибели своей надежды, по своему простому обычаю немощные бросились в бой и спасли мудрых от рук лукавых. Гордцы же с тех пор называли немощных и бедных не овцами, но львами, и не сиротами, но господами и вместе с собой за трапезу их сажают. И оставляют немецкую мудрость, а принимают покрываемых преподобным безрассудность. И, простыми став, забыли, как убегать, но привыкли славно врагов гонять.

О ПРИХОДЕ ГРИГОРИЯ ВАЛУЕВА

Месяца января в 1 день, в четвертом часу ночи пришел из Александровской слободы от князя Михаила Васильевича в Троицкий Сергиев монастырь воевода Григорий Валуев, а с ним отборных воинов пятьсот храбрых мужей, и все с оружием. Они пришли переведаться с литовскими людьми и русскими изменниками и войско их смести. Когда же стало рассветать, соединившись с Давыдом и с троицкими сидельцами, храбро вышли из города и смело напали на польские и литовские роты. И втоптали они их в Сапегины таборы, и станы их около таборов зажгли. И милостью пребезначальной троицы литовских людей многих они побили и пленными взяли. Сапега же и Лисовский со всеми своими полками вышли против них, и произошел между ними великий бой на Клементьевском поле, на Келареве пруде, на Волокуше и на Красной горе. И, долго дравшись, многие с обеих сторон испили смертную чашу, но больше погибло из полка еретического. И разошлись они. И проведя тот день в обители чудотворца, выполнив приказанное им, *присланные* вновь возвратились к князю Михаилу Васильевичу. На польских же и литовских людей и на русских изменников великий страх тогда напал, и они пребывали в недоумении, как сказали оставшиеся после них.

О ПОБЕГЕ ГЕТМАНА САПЕГИ И ЛИСОВСКОГО

И января в 12 день гетман Сапега и Лисовский со всеми польскими и литовскими людьми и с русскими изменниками побежали к Дмитрову, никем не гонимые, только десницей божией. В таком ужасе они бежали, что и друг друга не ждали, и запасы свои бросали. И великое богатство многие после них на дорогах находили — не худшие вещи, но и золото, и серебро, и дорогие одежды, и коней. Некоторые не могли убежать и возвращались назад и, в лесах поскитавшись, приходили в обитель к чудотворцу, прося милости душам своим, и рассказывали, что, дескать, «многие из нас видели два очень больших полка, гнавшихся за нами даже до Дмитрова». Все этому удивлялись, так как от обители не было за ними никакой погонни. <...>

По отшествии же сынов беззаконных, переждав восемь дней, послали из обители чудотворца к царствующему граду, к государю, старца Макария Куровского со святой водой, января в 20 день. <...>

ПОВЕСТЬ ОБ АЗОВСКОМ ОСАДНОМ СИДЕНИИ ДОНСКИХ КАЗАКОВ

Древнерусский текст

Лета 7150 октября въ 28 день приѣхали к государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа России к Москвѣ з Дону из Азова города донские казаки: атаманъ казачей Наум Василевъ да ясаулъ Федоръ Ивановъ. А с ним казакъ 24 человека, которые сидели в Азове городе от турокъ в осаде. И сиденью своему осадному привезли оне роспись. А в росписи их пишетъ.

В прошлом, де, во 149-м году июня въ 24 день прислал турецкой Ибрагим салтанъ царь под насъ, казакъ, четырех пашей своих, да дву своих полковниковъ, Капитана да Мустафу, да ближние *своей* тайные думы, покою своего слугу да Ибремя-скопца над ними уже пашами смотрети вмѣсто себя, царя, бою их и промыслу, какъ стануть промыслять паши его и полковники над Азовым городом. А с ними пашами прислал под насъ многую свою собранную рать бусурманскую, совокупя на насъ подручных своих двенатцать земель воинских людей, *переписаной* своей рати. По *спискам*, боевого люду двести тысящей, кроме поморских и кафимских и черных мужиковъ, которые на сей стороне моря собраны изо всей орды крымские и нагайские на загребе-ние паше, чтобы насъ имъ живых загresti, засыпати бы насъ им горою высокою, какъ оне загребають люди персидские. А себе бы имъ и тем смертию нашу уч-

нить слава вечная, а нам бы укоризна вѣчная. Техъ собрано людей на насъ черныхъ мужиковъ многия тысячи, и не бѣ числа имъ и писма. Да к нимъ же после пришелъ крымской царь, да братъ его народымъ Крымъ Гирей царевичъ со всею своею ордою крымскою и нагайскою, а с нимъ крымскихъ и нагайскихъ князей и мурзъ и татаръ ведомыхъ, окромѣ охотниковъ, 40 000. Да с нимъ, царемъ, пришло горскихъ князей и черкасъ изъ Кабарды 10 000. Да с ними жъ, пашами, было наемныхъ людей и у нихъ немецкихъ два полковника, а с ними салдатъ 6000. Да с ними жъ, пашами, было для промысловъ надъ нами многие немецкіе люди городинцы, приступные и подкопные мудрые вымысленники многихъ государствъ: изъ Реш еллинскихъ и Опаней великия, Винцеи великия и Стеколни и французски нарки, которые дѣлать умѣютъ всякіе приступные и подкопные мудрости и ядра огненные чиненыя. Наряду было с пашами пушокъ подъ Азовымъ великихъ болшихъ ломовыхъ 129 пушекъ. Ядра у нихъ были великия в пудъ, в полтара и в два пуда. Да мелкова наряду было с ними всехъ пушекъ и тюфяковъ 674 пушки, кроме верховыхъ пушекъ огненныхъ, техъ было верховыхъ 32 пушки. А весь нарядъ былъ у нихъ покованъ на цепяхъ, боясь того, чтобъ мы, на выласкахъ вышедъ, его не взяли. А было с пашами турскими людей его подъ нами разныхъ земель: первые турки, вторые крымцы, третьи греки, четвертые сербы, пятые арапы, шестые мужары, седмые буданы, осмые башлаки, девятые арнауты, десятые волохи, первые на десять митьянъ, второе на десять черкасы, третье на десять немцы. И всего с пашами людей было подъ Азовымъ и с крымскимъ царемъ по спискамъ ихъ браново ратного мужика, кроме вымыслениковъ немецъ и черныхъ мужиковъ и охотниковъ, 256 000 человекъ.

А збирался турецкой царь на насъ за моремъ и думалъ ровно четыре года. А на пятой годъ онъ *нашей* своихъ к намъ подъ Азовъ прислалъ.

Июня въ 24 день в ранней самой обедъ пришли к намъ паши его и крымской царь и наступили они великими турецкими силами. Все паши поля чистые от орды нагайския *изнасяны*. Где у насъ была степь чистая, тутъ стали у насъ однимъ часомъ, людьми ихъ многими, что великия непроходимыя лѣса темныя. От силы ихъ турецкіе и от урнстанія конского земля у насъ подъ Азовымъ погнулась и реки у насъ изъ Дону вода волны на берегу показала, уступила мѣсть своихъ, что в *водополи*. По-

чали оне, турки, по полямъ у насъ ставитца шатры свои турецкие и полатки многіе и наметы великіе, яко горы страшныя забелѣлися. Почали у нихъ в полкахъ ихъ быть трубы большіе в трубы великія, нгры многія, пскы великія несказанныя, голосами страшными ихъ бусурманскими. После того у нихъ в полкахъ ихъ почала быть стрѣла мушкетная и пушечная великая. Какъ есть стояла надъ нами страшная гроза небесная, будто молніе, кольъ страшно громъ живетъ отъ владыки с небесъ. Отъ стрѣлы ихъ той огненной стоялъ огонь и дымъ до неба. Все наши градскіе крепости потряслися отъ стрѣлы ихъ огненные, и *солнце* померкло во дни томъ светлое, в кровь обратилось, какъ есть наступила тма темная. Страшно намъ добре стало отъ нихъ в те поры и трепетно и дивно несказанно на ихъ стройной приходъ бусурманской было видѣти. Никакъ непостижимо уму человеческому в нашемъ возрастѣ того было услышати, не токмо что такую рать великую и страшную и собранную очима кому видети. Близостию самою оне к намъ почали ставитца за полверсты малыя отъ Азова города. Ихъ янычарскія головы строемъ ихъ янычарскимъ идутъ к намъ оне подъ городъ великими болшими полки и купами на шаренки. Многія знамена у нихъ, всехъ яныченъ, великіе, неизреченные, черныя бѣ знамена. Набаты у нихъ гремѣть, и в трубы трубятъ и в барабаны бьютъ в великія жъ несказанныя. Двенатцать ихъ головъ яныческихъ. И пришли к намъ самою близостию к городу стекшися. Оне стали кругъ города до шемпова в восемь рядовъ отъ Дону, захватя до моря рука за руку. Фитили у нихъ у всехъ янычар кипятъ у мешкетовъ ихъ, что свѣчи горятъ. А у всякого головы в полку янычаней по двенадцати тысящей. И все у нихъ огненно, и платье на нихъ, на всехъ головахъ яныческихъ златоглавое, на янычаняхъ на всехъ по збруямъ ихъ одинакая красная, яко зоря кажется. Пищали у нихъ у всехъ долги турецкіе з жаграми. А на главахъ у всехъ янычаней шшаки, яко звезды кажутся. Подобенъ строю ихъ строю салдацкому. Да с ними жъ тутъ в рядъ стали немецкихъ два полковника с салдатами—в полку у нихъ солдатъ 6000.

Того же дни на вечеръ, какъ пришли турки к намъ подъ городъ, прислали к намъ паши ихъ турецкіе толмачей своихъ бусурманскихъ, *перскихъ* и еллинскихъ. А с ними, толмачами, прислали говорить с нами яныченскую голову первую отъ строю своего пехотного. Почалъ намъ говорить голова ихъ яныческой словомъ царя своего тур-

ского и от четырех пашей и от царя крымского речью гладкою:

«О люди божии царя небеснаго, никем в пустынях водимы или посылаемы! Яко орли парящи, без страха по воздуху летаѣте, и яко львы свирепи в пустыняхъ водимы, рыкаете! Казачество донское и волское, свирепое! Соседи наши ближние! Непостоянные нравы, лукавые! Вы пустынножителем лукавые убицы, разбойницы не-поощадные! Несытые ваши очи! Неполное ваше чрево, николи не наполнится! *Кому* приносите такие обиды великие и страшные грубости? Наступили вы на такую десницу высокую, на царя турского. Не впрям еще вы на Руси богатыри светорусские? Где вы тепере можете утечи от *руки* ево? Погневали вы *Муратъ* салтанова величества, *царя турского*. *Убили вы у него посла ево турского Фому Катузина, съ нимъ побили вы армен и греченин. А посланъ онъ былъ к государю вашему.* Да вы ж взяли у него любимую ево цареву вотчину, славной и красной Азовъ город. Напали вы на него, аки волцы гладные. Не пощадили вы в немъ никакова мужичка *возраста* ни *старова* жива, и детей побили всех до единова. И положили вы тѣм на себя лютное имя звериное. *Разделили* государя царя турскаго со всею ево ордою крымскою воровством своим и темъ Азовым городомъ. А та у него орда крымская — оборона ево на все стороны. Страшная вторая: разлучили вы его с карабелним пристанищемъ. Затворили вы им Азовым городом все море Синѣе: не дали проходу по морю ни караблямъ ни катаргам ни в которое царство, поморские города. Согрубя вы такую грубость лютую, чего конца в немъ своего дожидаетесь? Очистите вотчину Азовъ город в ночь сию не мешкая. Что есть у васъ в немъ вашего серебра и злата, то понесите из Азова города вонъ с собою в городки свои казачьи, без страха, к своим товарищам. А на отходе ничем не тронемъ васъ. А естли толко вы из Азова города в ношъ сию не выйдете, не можете ужъ завтра у насъ живы быти. И кто васъ можетъ, злодеи убицы, укрыть или заступитъ от руки ево *такіе* сильные и от великихъ таких страшных и непобедимыхъ силъ его, царя восточного турского? Кто постоитъ ему? Нестъ никого равна или ему подобна величеством и силами на свете! Единому лише повиненъ онъ богу небесному. Единъ онъ лишь веренъ стражъ гроба божия! По воле жъ божией избра ево богъ единого на свете ото всех царей. Промышляй-

те в пошь сню животомъ своимъ. Не умрете от руки ево, царя турскаго, смертно лютою. Своею онъ волею великой государь восточной, турецкой царь, не убийца николи вашему брату, вору, казаку-разбойнику. Ему то, царю, честь достойная, что победить гдѣ царя великого, равнаго своей чести, а ваша ему не дорога кровь разбойничья. А естли уже пересидите в Азове городе пошь сню чрезъ цареву такую милостивую речъ и *заповеть, примем* завтра град Азовъ и васъ в немъ воровъ-разбойниковъ, яко птицу в руке свои. Отдадимъ васъ, воровъ, на муки лютые и грозные. Раздробимъ всю плоть вашу на крошки дробные. Хотя бы васъ, воровъ, в немъ сидѣло 40 000, ино силы под васъ прислано с пашами болши 300 000! Волосовъ вашихъ столько нетъ на главахъ вашихъ, *сколько* силы турскія под Азовомъ городомъ. Видите вы и сами, воры глупые, очима своимъ силу ево великую, неизреченную, какъ оне покрыли всю степь великую! Не могутъ, чаю, с высоты города очи ваши видѣть другаго краю силъ нашихъ, однихъ писмянныхъ. Не перелетитъ черезъ силу нашу турецкую никакова птица парящая: от страху людей ево и от множества силъ нашихъ валитца вся с высоты на землю! И то вамъ, вормъ, даетъ ведать, что от царства вашего силнаго Московскаго никаковъ от человекъ к вамъ не будетъ русскихъ помощи и выручки. На што вы надежны, воры глупые? И запасу хлебнаго с Руси николи к вамъ не присылаютъ. А естли толко вы служить похочете, казачество свирѣлое, государю царю волному рать салтанову величеству, толко принесете ему, царю, винные свои головы разбойничьи в повиновение на службу вѣчную. Отпустить вамъ государь нашъ турецкой царь и паша ево все ваши казачьи грубости прежние и нынешнее взятые азовское. Пожалуетъ нашъ государь, турецкой царь, васъ, казаковъ, честию великою. Обогащать васъ, казаковъ, онъ, государь, многимъ неизреченнымъ богатствомъ. Училихъ вамъ, казакомъ, онъ, государь, во Цареграде у себя покой великий. Во всякъ положить на васъ, на всехъ казаковъ, платье златоглавое и печати богатырскіе з золотомъ, с царевымъ клеймомъ своимъ. Всякъ возрастъ вамъ, казакомъ, в государеве ево Цареграде будутъ кланяться. *Станетъ* то ваша казачья слава вечная во все краи от востока и до запада. Станутъ васъ называть во веки все орды бусурманскіе и енычѣны и персидскіе светорускими богатыри, што не утрашилися вы, казаки, такими своими людьми малыми, с

семью тысящи, страшныхъ такихъ непобѣдимыхъ силъ царя турского — 300 000 писмянныхъ. Дождалися ихъ вы к себѣ *полкы* под город. Каковъ предъ вами, казаками, славенъ и силенъ и многолюденъ и богатъ шахъ, персической царь. Владѣеть онъ всею великою Персидою и богатою Индеею; имѣетъ у себя рати многия, яко нашъ государь турецкой царь. И тотъ шахъ, персидской царь, впрямъ не стоитъ николи на полѣ противу силнаго царя турскаго. И не сидятъ люди ево персидскіе противу насъ, турокъ, многими тысящи въ городехъ своихъ, ведая оне наше свирепство и бестрашіе».

Отвѣтъ нашъ казачей изъ Азова города толмачемъ и голове яныческому:

«Видимъ всѣхъ васъ и до *сехъ* мѣстъ про васъ вѣдаемъ же, силы и *пыхи* царя турского все знаемъ мы. И ведаемся мы съ вами, турскими, почасту на море и за моремъ на сухомъ пути. Знакомы ужъ намъ ваши силы турецкіе. Ждали мы васъ въ гости к себѣ подъ Азовъ дни многіе. Гдѣ полно вашъ Ибрагимъ, турской царь, умъ свой дѣвалъ? Али у него, царя, не стало за моремъ серебра и золота, что онъ прислалъ подъ насъ, казаковъ, для кровавыхъ казачьихъ зипуновъ нашихъ, четырехъ пашей своихъ, а съ ними, сказываютъ, что прислалъ подъ насъ рати своя турецкія 300 000. То мы и сами видимъ впрямъ и вѣдаемъ, что есть столко силы ево подъ нами, съ триста тысящъ люду боевого, окроме мужика черново. Да на насъ же нанялъ онъ, вашъ турецкой царь, ис четырехъ *земель* немецкихъ салдатовъ шесть тысячъ да многіхъ мудрыхъ подкопщиковъ, а далъ имъ за то казну свою великую. И то вамъ, туркомъ, самимъ вѣдомо, што съ насъ по се поры никто нашихъ зипуновъ даромъ не имывалъ. Хотя онъ насъ, турецкой царь, и взятъемъ возьметъ въ Азове городе такими своими великими турецкими силами, людьми наемными, умомъ немецкимъ, промысломъ, а не своимъ царевымъ *дородствомъ* и разумомъ, не болшая то честь будетъ царя турскаго имяни, что возьметъ насъ, казаковъ въ Азове городе. Не изведетъ онъ тѣмъ казачья прозвища, не запуститъ Донъ головами нашими. На взысканіе наше молотцы зъ Дону все будутъ. Пашамъ вашимъ отъ нихъ за море итти! Естли толко насъ избавитъ богъ отъ руки ево сильныя такая, отсидимся толко отъ васъ въ осадѣ въ Азове городе отъ великихъ такихъ силъ его, отъ трехсотъ тысящей, людьми своими такими малыми (всево насъ казаковъ во Азове сидитъ отборныхъ оружныхъ 7590), — соромота ему будетъ царю вашему

вечная от ево братини и от всех царей. Назвал онъ самъ себя, будто онъ выше земныхъ царей. А мы людие божии, надежа у насъ вся на бога, и на мать Божию богородицу, и на ихъ угодниковъ, и на свою братью товарыщей, которые у насъ по Дону в городкахъ живутъ. А холопи мы природные государя царя христианскаго царства Московскаго. Прозвище наше вечное — казачество великое донское безстрашное. Станемъ с нимъ, царемъ турскимъ, битца, что с худымъ свинымъ наемникомъ. Мы себе, казачество волное, укупаемъ смерть в живота мѣста. Гдѣ бывають рати ваши великия, *тутъ ложатся* трупы многия. Вѣдомы мы людинъ — не шаха персидскаго. Ихъ то вы что жонокъ *засыпаете* в городехъ ихъ горами высокими. Хотя насъ, казаковъ, сидитъ семъ тысящей пятьсотъ девяносто человекъ, а за помощію божнею не боимся великихъ вашихъ царя турскаго трехсотъ тысящей и немецкихъ промысловъ. Гордому ему бусурману, царю турскому, и пашамъ вашимъ богъ противитца за ево такие слова высокіе. Равенъ онъ, собака смрадная, вашъ турской царь, богу небесному пишется. Не положилъ онъ, бусурманъ поганой и скаредной, бога себѣ помощника. Обнадежился онъ на свое великое тлѣнное богатство. Вознесъ сотона, отецъ ево, гордостію до неба, а пуститъ ево за то богъ с высоты в бѣздну вовеки. От нашей ему казачьей руки *малыя* соромота ему будетъ вѣчная, царю. Гдѣ ево рати великия топеря в поляхъ у насъ ревутъ и славятца, завтра тутъ лягутъ люди ево от насъ *подъ* градомъ и трупы многия. Покажетъ насъ богъ за наше смиреніе христианское передъ вами, собаками, яко лвовъ яростныхъ. Давно у насъ в поляхъ нашихъ летаючи, а васъ ожидаючи, хлеччутъ орлы сизые и грають вороны черныя, подле Дону у насъ всегда брешутъ лисицы бурые, а все они ожидаючи вашево трупъ бусурманскаго. Накормили вы ихъ головами вашими, какъ у турскаго *царя* Азовъ взяли, а топеря имъ опять хочется плоти вашей, накормимъ ужъ ихъ вами досыти. Азовъ мы взяли у нево царя турскаго не татинымъ вѣтъ промысломъ, — впрямъ взятъемъ, дородствомъ своимъ и разумомъ для опыту, каковы ево люди турецкіе в городехъ от насъ сидеть. А сели мы в немъ людьми малыми жъ, розделясь нарокомъ надвое, для опыту, посмотримъ турецкихъ силъ вашихъ и умовъ и промысловъ. А все то мы применяемъ къ Ерусалиму и Царюграду. Лучитца намъ такъ взять у васъ Царьградъ. То царство было христианское. Да вы жъ насъ, бусурманы, пужаетъ

те, что с Руси не будетъ к намъ запасовъ и выручки, будто к вамъ, бусурманомъ, изъ государства Московскаго про насъ то писано. И мы про то сами жъ и безъ васъ, собакъ, вѣдаемъ: какіе мы въ государствѣ Московскомъ на Руси люди дорогие и къ чему мы тамъ надобны! Чередъ мы свой съ вами вѣдаемъ. Государство великое и пространное Московское многолюдное, сияетъ оно посреди всехъ государствъ и орды бусурманскихъ и *еллинскихъ* и персидскихъ, яко солнце. Не почитаютъ насъ тамъ на Руси и за пса смердящаго. Отбегохомъ мы изъ того государства Московскаго изъ работы вечныя, отъ холопства полнаго, отъ бояръ и дворянъ государевыхъ, да здѣ вселились въ пустыни непроходныя. Живемъ, взирая на бога. Кому тамъ потужить объ насъ, ради тамъ все концу нашему! А запасы къ намъ хлѣбныя не бываютъ съ Руси николи. Кормить насъ, молотцовъ, небесный царь на поле своею милостию, зверьми дивными да морскою рыбою. Питаемся, яко птицы небесныя: ни сеемъ, ни оремъ, ни збираемъ въ житницы. Такъ питаемся подле моря Синяго. А серебро и золото за моремъ у васъ емлемъ. А жены себѣ красныя любябы, выбираючи, отъ васъ же водимъ.

А се мы у васъ взяли Азовъ городъ своею казачьею волею, а не государскимъ повеленіемъ, для *зипуновъ* своихъ казачьихъ да для лютыхъ *ныхъ вашихъ*. И за то на насъ государь нашъ, холопей своихъ далнихъ, добре кручинивать. Боимся отъ него, государя царя, за то казни къ себѣ смертныя за взятіе азовское. И государь нашъ, великой, пресветлой и праведной царь, великий князь Михайло Феодоровичъ всеа Руси самодержецъ, многихъ государствъ и орды государь и обладатель. Много у него, государя царя, на великомъ холопствѣ такихъ бусурманскихъ царей служить ему, государю царю, какъ вашъ Ибрагимъ турецкой царь. *Коли* онъ, государь нашъ, великой пресвѣтлой царь, чинить по преданію святыхъ отецъ, не желаетъ разлитія кровей ваша бусурманскія. Полон государь и богатъ отъ бога жъ данными своими и царскими оброками и безъ вашего смраднаго бусурманскаго и собачья богатства. А естли на то было тако ево государское повеленіе, восхотѣлъ бы толко онъ, великой государь, кровей вашихъ бусурманскихъ разлитія и городамъ вашимъ бусурманскимъ разоренія за ваше бусурманское къ нему, государю, неисправленіе, хотя бы онъ, государь нашъ, на васъ на всехъ бусурмановъ велѣлъ быть войною своею украинною, которая

сидит у него, государя, от поля, от орды нагайские, ино б и тутъ собралось людей ево государевыхъ русскихъ с одной ево украины болши легеона тысящи! Да такие ево государевы люди русские украинцы, что оне подобны на вас и алчны вам, яко лвы яростные, хотятъ поясть живу вашу плоть бусурманскую. Да держать их и не повелить им на то ево десница царская, и в городех во всех под страхом смертным за царевымъ повеленнемъ держать их воеводы государевы. Не скрылся бы ваш Ибрагим, царь турецкой, от руки ево государевой и от жестокосердия людей ево государевых и во утробе матери своей,— и оттуду бы ево, распоров, собаку, выняли да пред лицомъ царевым поставили. Не защитило бы ево, царя турецкого, от руки ево государевой и от ево десницы высокне и море бы Синее, не удержало людей ево государевых! Было бы за ним, государемъ, однимъ лѣтомъ Ерусалимъ и Царьгород попрежнему, а в городех бы турецких во всехъ вашихъ не устоять и камень на камени от промыслу русского. Вы ж нас зовете словом царя турецкого, чтоб нам служить ему, царю турецкому, а сулите намъ от него честь великую и богатство многое. И мы люди божии, холопи государя царя московского, а се нарицаемся по крещению христианиа православные. Какъ можемъ служить царю неверному! Оставя пресветлой светъ здешной и будущей, во тму итти не хочетца! Будеть мы ему, царю турецкому, в слуги толко надобны, и мы, отсидевся и одны от васъ и от силъ ваших, побываем у него, царя, за моремъ, под ево Царемъградом, посмотрим ево Царяграда строения, кровей своих; там с ним, царем турецким, переговорим речь всякую, лишь бы ему наша казачья речь полюбилась! Станем ему служить пищалями казачьими да своими саблями острыми! А топерво нам говорить не с кем, с пашами вашими. Какъ *предки* ваши, бусурманы, учинили над *Царемградом* — взяли ево взятъем! Убили в нем государя, царя храброго Костянтина благовернаго. Побили христианъ в немъ многие тысящи-тмы. Обагрили кровию нашею христианскою все пороги *церковныя*, до конца искоренили *всю* веру христианскую! Такъ бы намъ над вами учинить нынече с обрасца вашего! Взять бы его, Царьград, взятъем из рукъ ваших. Убить бы против того в нем вашего Ибрагима, царя турецкого, и со всеми вашими бусурманы. Пролить бы такъ ваша кровь бусурманская нечистая. Тогда бы то у насъ с вами миръ былъ

в том месте. А топере нам и говорить с вами болше того нечего, что мы твердо вѣдаемъ.

А что вы от насъ слышите, то скажите речь нашу пашамъ своимъ. Нелзя намъ мирится или верится бусурману с христианиномъ. Какое преобращение! Христианинъ побожится душею христианскою, да на той онъ правде векъ стоитъ. А вашъ братъ, бусурманъ, побожится верою бусурманскою, а вера ваша бусурманская и житье ваше татарское равно з бешеною сабакою. Ино чему вашему брату-собаке верити! Ради мы васъ завтра подчивать, чемъ у насъ молотцовъ в Азове богъ послалъ. Поезжайте от насъ к своимъ глупымъ пашамъ, не мешкая. А опять к намъ с такою глупою речью не ѣздите. Оманывать вамъ насъ, ино даромъ лише дни терять! А кто к намъ от васъ с такою речью глупою опять впредь буде, тому у насъ под стеною убиту быть! Промышляйте вы темъ, для чего вы от царя турецкого к намъ присланы. Мы у васъ Азовъ взяли головами своими молодецкими, людьми немногими. А вы ево у насъ ис казачьихъ рукъ доступаете уже головами турецкими, многими своими тысеши. Кому-то из насъ поможетъ богъ? Потерять вамъ под Азовымъ турецкихъ головъ своихъ многие тысящи, а не видать ево вамъ из рукъ нашихъ казачьихъ и до веку. Нешто ево, отнявъ у насъ, холопей своихъ, государь нашъ царь и великий князь Михайло Феодоровичъ, всеа России самодержецъ, да васъ имъ, собакъ, пожалуетъ попржнему, то уже вашъ будетъ. На то ево воля государева!»

Какъ от Азова города голова и толмачи приехали в силы своя турецкия к пашамъ своимъ, и начаша в рати у нихъ трубить в трубы великия собранные. После той ихъ трубли почали у нихъ *бить* в грамады ихъ великия и набаты многия. Враны и звери почали играть добре жалостно.

А все разбирались оне в полкахъ своихъ и строилися ночь всю до свету. Какъ на дворе в часу уже дни, почали выступать из становъ своихъ силы турецкия. Знамена ихъ зацвели на поле и прапоры, какъ есть по полю цветы многия. От трубъ великихъ и набатовъ ихъ пошелъ неизреченной звукъ дивенъ и страшень.

Приход ихъ к намъ под городъ. Пришли к приступу немецкие два полковника с салдатами. За ними пришелъ строй ихъ весь пехотной яныческой — сто пятьдесятъ тысячъ. Потомъ и орда ихъ вся пехотою ко граду и к приступу, крикнули столъ смело и жестоко.

Приход их первой. Приклонили к нам они все знамена свои ко граду. Покрыли нашъ Азовъ город знаменами весь. Почали башни и стены топорами сечь. А на стены многия по лесницам в те поры взошли. Уже у нас стала стрельба из града осаднаго, до тех мествъ молчали им. Во огни уже и в дыму не мочно у нас видети другъ друга. На обе стороны лише огонь да громъ от стрельбы стоял, огонь да дым топился до небеси. Какъ то есть стояла страшная гроза небесная, коли бываетъ с небеси, гром страшный с молниемъ. Которые у насъ подкопы отведены были за город для их приступного времени, и те наши подкопы тайные все от множества их неизреченных силъ не устояли, все обвалились, не удержала силы их земля. На тех то пропастяхъ побито турецкия силы от насъ многия тысящи. Приведенъ у насъ был весь наряд на то место подкопное и набить былъ онъ у насъ весь дробом сеченым. Убито у них под стеною города на приступе том в тот первой день турковъ шесть головъ однихъ яныческих да два немецкия полковника со всеми своими салдатами съ шестью тысящи. В тот же день, вышедъ, мы вынесли большое знаме на выласке, царя турскаго, с коим паши ево перво приступали к нам турецкие, тотъ первой день всеми людьми своими до самой уже ночи и зорю всю вечернюю. Убито у них в тот первой день от насъ под городом, кроме шти головъ их яныческих и дву полковников, однихъ янычаней дватцать полтретьи тысящи, кроме раненыхъ.

На другой день в зорю светлую опять к нам турецкие под город прислали толмачей своих, чтоб нам дати им отобрати от града побитой их трупъ, который у нас побить под Азовом, под стеною города. А давали нам за всякую убитую яныческу голову по золотому червонному, а за полковниковы головы давали по сту талеров. И войском за то не постояли им, не взяли у них за битые головы серебра и золота: «Не продаем мы никогда труп мертваго, но дорога нам слава вечная. То вам от нас из Азова города, собакам, игрушка первая. Лише мы молотцы ружье свое почистили. Всем то вам, бусурманам, от насъ будет! Иным нам васъ нечемъ подчинять. Дело у насъ осадное!»

В тот другой день бою у нас с ними не было. Отбирали они свой побитой трупъ до самой до ночи. Выкопали ему, трупу своему, глубокой ровъ от города три версты и засыпали ево тут горою высокою и поставили над пи-

ми многие признаки бусурманские и подписаны на них языки розными.

После того в третей день опять оне к нам, турки, пришли под город со всеми своими силами, толко стали уже вдали от насъ, а приступу к нам уже не было. Зачали ж их люди пешие в тот день вести к нам гору высокую, земляной великой вал, выше многим Азова города. Тою горою высокою хотели нас покрыть в Азове городе своими великими турецкими силами. Привели ее в три дни к нам, и мы, видя ту гору высокую, горе свое вечное, что от нее наша смерть будетъ, попрося у бога милости и у пречистые богородицы помощи и у Предтечина образа, и призывая на помощь чудотворцы московские, и учиня межъ себя мы надгробное последнее прощение другъ з другом и со всеми христианы православными, малою своею дружиною седмью тысящи пошли мы из града на прямой бой противу их трехсот тысящъ. «Господь, сотворитель, небесный царь, не выдай нечестивым создания рукъ своих! Видим оних сил пред лицом смерть свою лютую. Хотят насъ живых покрыть горою высокою, видя пустоту нашу и безсплие, что нас в пустынях покинули все христиане православные, убоялися их лица страшнаго и великия ихъ силы турецкия. А мы, бедныя, не отчаяли от себя твоея владычии милости, ведая твоя щедроты великия. За твоею божиею помощию, за вѣру христианскую помираючи, бьемся противу болших людей трехсот тысячь и за церкви божия, за все государство Московское и за имя царское!»

Положа на себя все образы смертныя, выходили к ним на бой, единодушно все мы крикнули, вышед к ним: «С нами богъ! Разумейте, языцы неверные, и покоритесь, яко с нами богъ!»

Услышели неверные изо устъ наших то слово, что с нами богъ, не устоял впрям ни одинъ противъ лица нашего, побежали все и от горы своей высокия. Побили мы их в тот часъ множество, многия тысящи. Взяли мы у них в те поры на выходе, на том бою у той горы, шеснаццать знаменъ одних яныческих да дватцать восьмъ бочекъ пороху. Тем то их мы порохом, подкопався под ту их гору высокую, да тем порохом разбросали всю ее. Их же побил ою многия тысящи, и к нам их янычаны тем нашим подкопом живых их в город кинуло тысячу пятсот человекъ! Да уж мудрость земная их с тех местъ миновалася. Повели уже они другую гору поза-

ди ее, болши тово. В длину ее повели *лучных* стрелбнща в три, а в вышину многим выше Азова города, а широта ей — какъ бросить на нее дважды каменем. На той то уже горе оне поставили весь нарядъ свой пушечной и пехоту привели всю свою турецкую, сто пятьдесят тысячъ, и орду нагайскую всю с лошадей збили. И почели с той горы из наряду бить оне по Азову городу день и ношъ беспрестанно. От пушекъ их *страшный* громъ стал, огонь и дымъ топился от них до неба. Шеснатцать дней и шеснатцать ночей не премолкъ наряд их ни на единой час пушечной. В те дни и нощи от стрелбы их пушечной все наши азовские крепости распались,— стены и башни все и церковь Предтечева и полаты збили все до единые у нас по подошву самую.

А и наряд нашъ пушечной переломали *весь*. Одна лише у насъ во всем Азове городе церковь Николина в *полы* осталась. Потому и осталась, што она стояла внизу добръ, к морю под гору. А мы от них сидѣли по ямам. Всем выглянут нам изъ ямъ не дали. И мы в те поры зделали себѣ покои великия в земле под ними, под их валом, дворы себе потайные великие. И с тех мы потайных дворовъ своих под них повели 28 подкоповъ, под их таборы. И темъ мы подкопами учинили себѣ помощь, избаву великую. Выходили ношною порою на ихъ пехоты янычана, и побили мы множество. Теми своими выласками ношными на их пехоту турецкую положили мы на них великой страх, и уронъ большой учинили мы в людех их. И послѣ того паши турецкия, глядя на наши те подкопные мудрые осадные промыслы, повели уже к нам напроотиву из своего табору семь подкоповъ своих. И хотели оне к нам теми подкопами *проити въ* ямы наши, да нас подавятъ своими людьми велми. И мы милостию божиею устерегли все те подкопы их, порохом всехъ их взорвало, и их же мы в них подвалили многие тысящи. И с тех то меств подкопная их мудрость *вся* миновалась. Постыли уж им те подкопные промыслы.

А было всех от турокъ приступов к намъ под городъ Азовъ 24 *приступа* всеми людьми. Окромъ болшова приступа первого, такова жестоко и смела приступу не бывало к нам. Ножами мы с ними резались в тотъ приступъ. Почали к нам ужъ оне метать въ ямы наши ядра огненные чиненые и всякие немецкие приступные мудрости. Темъ нам они чинили пуще приступовъ тесноты

великие. Побивали многих насъ и опаливали. А после техъ ядръ ужъ огненныхъ, вымысля надъ нами умомъ своимъ, отставя же они все свои мудрости, почали оне насъ осиливать и достигать прямымъ боемъ своими силами.

Почали они к намъ приступу посылать на всякъ день людей своихъ, яныченя. По десяти тысящей приступаетъ к намъ целой день до ночи, и ночь придетъ, на перемену имъ придетъ другая десять тысящъ. И те ужъ к намъ приступаютъ ночь всю до свету. Ни часу единого не дадутъ покою намъ. А оне бьются с перемѣною день и ночь, чтобы тою истомою осилить насъ. И от такова ихъ к себе зла и ухищренного промыслу, от *бессония* и от тяжкихъ ранъ своихъ, и от всякихъ лютыхъ нуждъ, и от духу смрадного труплова отяжели мы все и изнемогли болезнями лютыми осадными. А все в малъ дружине своей ужъ остались, переменитца некъмъ, ни на единый часъ отдохнуть намъ не дадутъ. В те поры отчаяли уже мы весь животъ свой и в Азове городе и о выручке своей безнадежны стали от человекъ, толко себе и чая помощи от вышняго бога. Прибежимъ, бедные, к своему лишь помощнику — Предтечеву образу. Предъ нимъ, свѣтомъ, расплачемся слезами горкими: «Государь-свѣтъ помощникъ нашъ, Предтеча Иванъ, по твоему, светову, явлению разорили мы гнездо змиево, взяли Азовъ город. Побили мы в немъ всехъ христианскихъ мучителей, идолослужителей. Твой, свѣтовъ, и Николинъ домъ очистили, и украсили мы ваши чудотворные образы от своихъ грешныхъ и недостойныхъ рукъ. Бес пения у насъ по се поры передъ вашими образы не бывало. А мы васъ, световъ, прогневали чемъ, что опять идете в руки бусурманские? На васъ мы, свѣтовъ, надеяся, в осаде в немъ сели, оставя всехъ своихъ товарищевъ. А топерѣ от *турокъ* видимъ впрямъ смерть свою. Поморили насъ безсониемъ; дни и ночи безпрестани с ними мучимся. Уже наши ноги подъ нами подогнулись, и руки наши от обороны ужъ не служатъ намъ, замертвели. Ужъ от истомы очи наши не глядятъ, ужъ от беспрестанной стрелбы глаза наши выжгли, в нихъ стреляючи порохомъ. Языкъ ушъ нашъ во устнахъ нашихъ не воротитца на бусурманъ закрывать. Таково наше безсиліе: не можемъ в рукахъ своихъ никакова оружія держать! Почитаемъ мы ужъ себя за мертвой трупъ. Зъ два часа уже не будетъ в осаде сидения нашего. Топерѣ мы, бедные, роставаемся с вашими иконы чудотворными и со всеми христианы православ-

ными: не бывать уж намъ на святой Руси! А смерть наша грешничья в пустынях за ваши иконы чудотворныя, и за вѣру христіанскую, и за имя царское, и за все царство Московское». Почали прощатися:

«Прости насъ, холопей своихъ грѣшныхъ, государь нашъ православной царь Михайло Федоровичъ всеа Русии! Вели наши помянуть души грешныя! Простите, государи, вы патриархи вселенские! Простите, государи, все митрополиты, и архиепископы, и епископы! И простите все архимандриты и игумены! Простите, государи, все протопопы, и священники, и дьяконы! Простите, государи, все христіаня православныя! И поминайте души наши грешныя с родителями! Не позорны ничемъ государству Московскому! Мысля мы, бѣдныя, умом своимъ, чтобы умереть не въ ямахъ намъ и по смерти бы учинить слава добрая».

Поднявъ на руки иконы чудотворныя — Предтечеву и Николѣ — да пошли с ними противъ бусурманъ на выласку. Ихъ милостию явною побили мы ихъ на выласке, вдругъ *вышелъ*, шесть тысящей. И, видя то, люди турецкия, што стоитъ над нами милость божия, што ничемъ осилѣть недоумѣютъ насъ, с техъ то мѣстъ не почали ужъ присылать к приступу к намъ людей своихъ. От техъ смертныхъ ранъ и от истомы ихъ отдохнули в те поры.

После того бою, три дни оне погода, опять ихъ толмачи почали к намъ кричать, чтобы имъ говорити с нами. У насъ с ними ужъ речи не было, потому и языкъ нашъ от истомы нашей во устахъ нашихъ не воротится! И оне к намъ на стрелахъ почали ерлыки метать. А в нихъ оне пишутъ к намъ, просятъ у насъ пустава места азовского. А дають за него намъ выкупу на всякого молотца по триста тарелей сребра чистаго да по двести тарелей золота краснаго. «А в томъ вамъ паши наши и полковники сердитують душею турецкою, вѣтъ што ныне на отходе ничемъ не тронуть васъ. Подите с серебромъ и з золотомъ в городки свое и к своимъ товарищемъ, а намъ лише отдайте пустое мѣсто азовское».

А мы к нимъ напроотиву пишемъ: «Не дорого намъ ваше собачье серебро и золото, у насъ в Азове и на Дону своего много. То намъ, молодцамъ, дорого надобно, чтобы наша была слава вечная по всему свету, что не страшны намъ ваши паши и силы турецкия. Сперва мы сказали вамъ: дадимъ мы вамъ про себя знать и ведать памятно на веки вековъ. *Во все* край бусурманские, чтобы вамъ

было казать, пришед от насъ, за морем царю своему турецкому глупому, какво приступать х казаку рускому. А сколько вы у насъ в Азове городе розбили кирпичу и камни, столко ужъ взяли мы у васъ турецких головъ ваших за порчу азовскую. В головах ваших да костях ваших складемъ Азовъ город лутче прежнева! Протечетъ наша слава молодецкая во веки по всему свету, что складем города в головах ваших. Нашол вашъ турецкой царь себе позоръ и укоризну до веку. Станемъ с нево имать по всякой год уж *вшестеро*». После тово уж нам от них полегчело, приступу уж не бывало к нам. Сметилися в своих силах, што их под Азовым побито многие тысячи.

А в сиденье свое осадное имели мы, грешные, постъ в те поры и моление великое и чистоту телесную и душевную. Многие от насъ люди искусные в осаде то видели во сне, и вне сна, ово жену прекрасну и свѣтлолепну, на воздухе стояще посреди града Азова, ини — мужа древна власы, в светлыхъ ризах, взираючи на полки бусурманския. Ино та насъ *мать божия богородица* не предала в руке бусурманския, и на них нам помощь явно дающе, вслух *нам* многим *глаголюще* умильным гласомъ: «Мужайтесь, казаки, а не ужасайтесь. Сей бо град Азовъ от беззаконных агарянъ *зловерием* их обруганъ и суровством их нечестивым престолъ Предтечинъ и Николинъ оскверненъ. Не токмо землю в Азове или престолы оскверниша, но и воздух над ним отемниша, торжище тут и мучительство христианское учиниша, разлучаша мужей от законных женъ, сыны и дщери разлучаху от отцовъ и от матерей. И от многово того плача и рыдания земля вся христианская от них стонаху. А о чистых девах и о непорочных вдовах и о сущих младенць безгрешных и уста моя не могутъ изрещи, на их обругания смотря. И услыша богъ моления ихъ и плачь. Виде создание рукъ своих, православных христианъ, зле погибающе, дал вам на бусурман отомщение, предал вам град сей и их в руке ваши. Не рекуть нечестивыи: «Где есть богъ вашъ христиански?» И вы братие не пецытесь, отжените весь страх от себя, не поясть васъ никой бусурманской мечъ. Положите упование на бога, примите венець нетлѣнно от Христа, а души ваши приметъ богъ, имате царствовати со Христом во веки».

Атаманы многие ж видели от образа Иванна Предтечи течаху от очей ево слезы многия по вся приступы.

А первой день, приступное во время, видехъ ломпаду полну слезъ от ево образа. А на *выласках* от насъ из города все видеша бусурманы — турки, крымцы и нагаи — мужа храбра и млада в одеже *ратной*, с одним мечемъ голым на бою ходяще, множество бусурманъ побиваше. А наши не *видели*. Лишо мы противу убитому знаемъ, што дѣло божие, а не рукъ наших: пластаны люди турецкие, а сечены наполю! Послана на нихъ побѣда с небеси! И оне о том насъ, бусурманы, многожды спрашивали: «Хто от васъ выходитъ из града на бой с мечемъ?» И мы им сказываемъ: «То выходят воеводы наши».

А всего нашего сидения в Азове от турокъ в осаде было июня зъ 24 числа 149 году до сентября по 26 день 150 году. И всего в осаде сидели мы 93 дни и 93 нощи. А сентября въ 26 день в нощи от Азова города турецкие паши с турки и крымской царь со всеми силами за четыре часа до свету, возматься окаянные и вострепсась, побѣжали, никем нами гоними. С вечным позором пошли паши турецкие к себѣ за море, а крымской царь пошел в орду к себѣ, черкасы пошли в Кабарду свою, нагаи пошли в улусы всѣ. И мы, какъ слышали отходъ ихъ ис табаровъ, ходило насъ, казаков, в те поры на таборы их тысяча человекъ. А взяли мы у них в таборех в тое пору языковъ, турокъ и татаръ живых, чотыреста человекъ, а болних и раненых застали мы з две тысячи.

И нам тѣя языки в роспросех и с пыток говорили все единодушно, отчево в нощи побѣжали от града паши их и крымской царь со всеми своими силами. «В нощи в той с вечера было нам страшное видение. На небеси, над нашими полки бусурманскими шла великая и страшная туча от Руси, от вашего царства Московского. И стала она противъ самага табору нашего. А перед нею, тучею, идут по воздуху два страшные юноши, а в руках своих держать мечи обнаженные, а грозятся на наши полки бусурманские. В те поры мы их всех узнали. И тою нощию страшные воеводы азовские *во одежде ратной* выходили на бой в приступы наши из Азова города. Пластали нас и в збруяхъ наших надвос. От тово-то страшного видения *бег нашей турецких и царя крымского с табаровъ*».

А нам, казакам, в ту же ночь, с вечера в виде се всемъ виделось: по валу бусурманскому, гдѣ их наряд стоялъ, ходили тутъ два мужа лѣты древны. На одном — одеж-

да иерейская, а на другом — власяница мохнатая. А указывают нам на полки бусурманские, а говорят нам: «Побежали, казаки, паши турецкие и крымской царь ис таборъ. И пришла на них побѣда Христа, сына божия, с небесъ от силы божия».

Да нам же сказывали языки те про изронъ людей своих, что их побито от рукъ наших под Азовом городом. Письмяново люду побито одних у них мурзь и татаръ, яныченъ их, девяносто шесть тысящъ, кроме мужика черного и охотника техъ янычанъ. А насъ всех казаквъ в осаде село в Азове толко 7367-м человекъ. А которые остались мы, холопи государевы, и от осады тон, то все переранены, нетъ у насъ человека целова ни единого, кой бы не пролил крови своея, в Азове сидчи, за имя божие и за вѣру христіанскую. А топере мы войском всем у государя царя и великого князя Михаила Феодоровича всеа Руси просим милости, сиделцы азовские и которые по Дону и в городках своих живутъ, холопей своих, и чтобы велѣл у насъ принять с рукъ наших ту свою государеву вотчину — Азов город, для свѣтого Предтечина и Николина образовъ, и што им, светом, годно тут. Сем Азовым городом заступит онъ государь, от войны всю свою украину, не будетъ войны от татаръ и во веки, какъ сядут в Азове городе.

А мы, холопи ево, которые остались у осаду азовския силы, все уже мы старцы увечные, с промыслу и з бою ужъ не будетъ насъ. А се обещание всех нас предтечева образа: в монастыре ево постричися, принять образъ мнишески. За него, государя, станем бога молить до веку и за ево государьское благородие. Ево то государьскою обороною оборонил нас богъ, верою, от таких великих турецких сил, а не нашим то молодецким мужеством и промыслом. А буде государь насъ, холопей своих далних, не пожалуетъ, не велитъ у насъ принять с рукъ наших Азова города, заплакавъ, нам ево покинути! Подимем мы, грешные, икону Предтечеву да и пойдем с ним, светом, где нам онъ велитъ. Атамана своего пострижем у ево образа, тот у нас над нами будетъ игуменомъ. А ясаула пострижем, тот у нас над нами будетъ строителем. А мы, бедные, хотя дряхлые все, а не отступим от ево Предтечева образа, помремъ все тут до единова. Будетъ во веки *славна* лавра Предтечева.

И после тех же атамановъ и казаков, что им надобно в Азовъ для осадного сидения 10 000 людей, 50 000 всякого запаса, 20 000 пуд зелья, 10 000 мушкетов, а денегъ на то на все надобно 221 000 рублей.

Нынешняго 150 году по прошенію и по присылки турецкаго Ибрагима салтана царя, он, государь царь и великий князь Михайло Феодоровичъ, пожаловал турецкаго Ибрагима салтана царя, велѣлъ донскимъ атаманомъ и казакомъ Азовъ градъ покинуть.

ПОВЕСТЬ ОБ АЗОВСКОМ ОСАДНОМ СИДЕНИИ ДОНСКИХ КАЗАКОВ

Перевод

7150 (1641) году октября в двадцать восьмой день приехали к государю царю и великому князю всея Руси Михаилу Федоровичу на Москву с Дона из Азова-города донские казаки: атаман казачий Наум Васильев да есаул Федор Иванов. А с ними казаков двадцать четыре человека, которые сидели в Азове-городе от турок в осаде. И сидению своему осадному привезли они описание. А в том описании пишется.

В прошлом, пишут, 149 году июня в 24 день прислал султан Ибрагим, турецкий царь, против нас, казаков, четырех пашей своих с двумя полковниками, Капитоном да Мустафой, да из ближайших советников своих при дворе слугу своего, Ибрагима-евнуха, над теми пашами вместо него, царя, надсматривать за делами их и действиями, как они, паша его и полковники, станут действовать под Азовом-городом. А с теми пашами прислал он против нас обильную рать басурманскую, им собранную, совокупив против нас из подданных своих от двенадцати земель воинских людей, из своих постоянных войск. По переписи боевых людей — двести тысяч, кроме поморян и кафинцев, черных мужиков, которые по сию сторону моря собраны повсюду из крымской и ногайской орды, на наше погребение. Чтобы им живыми нас погresti, чтоб засы-

пать им нас горою высокою, как погребают они людей персидских. И чтобы всем им через ту погибель нашу получить славу вечную, и нам от того была бы укоризна вечная. А тех черных мужиков собраны против нас многие тысячи, и нет им ни числа, ни счета. Да к ним же после пришел крымский царь, да брат его народым царевич Крым-Гирей со всею своею ордою крымскою и ногайскою. Крымских и ногайских князей, и мурз, и татар по переписи, кроме охочих людей, было 40 000. Да еще с тем царем пришло горских князей и черкесов из Кабарды 10 000. Да были еще у тех пашей наемные люди, два немецких полковника, а с ними солдат 6000. И еще были с теми же пашами для всяческого против нас измышления многие немецкие люди, ведающие взятие городов, и всякие воинские хитрости по подкопам и приступам, и снаряжение ядер, огнем пачняемых,— из многих государств: из греческих земель, из Венеции великой, шведские и французские петардщики. Тяжелых орудий было с пашами под Азовом 129 пушек. Ядра были у них великие — в пуд, и в полтора, и в два пуда. Да из малых орудий было у них всего 674 пушки и тюфяка, кроме пушек огнеметных, а этих было 32. А все орудия были у них цепями прикованы, из страха, как бы мы, вылазку совершив, их не взяли. И были с пашами турецкими против нас люди из разных земель, что под властью его, султана: во-первых, турки; во-вторых, крымцы; в-третьих, греки; в-четвертых, сербы; в-пятых, арапы; в-шестых, мадьяры; в-седьмых, буданы; в-восьмых, босняки; в-девятых, арнауты; в-десятых, волохи; в-одиннадцатых — молдаване; в-двенадцатых, черкесы; в-тринадцатых, немцы. А всего с пашами и с крымским царем было по спискам их набранных ратных людей, кроме выдумщиков-немцев, черных мужиков и охочих людей, 256 000 человек.

И собирался на нас и думал за морем турецкий царь ровно четыре года. А на пятый год он пашей своих к нам под Азов прислал.

Июня в 24 день еще до полудня пришли к нам паша его и крымский царь, и обступили нас турецкие силы великие. Наши чистые поля ордою ногайскою все усеяны. Где была у нас прежде степь чистая, там в одночасье стали перед нами их люди многие, что непроходимые великие леса темные. От той силы турецкой и от скакания конского земля у нас под Азовом по-

гнулась и из Дона-реки вода на берег волны выплеснула, оставила берега свои, как в половодье. Начали турки по полям у нас ставить шатры свои турецкие, и палатки многие, и наметы высокие, словно горы страшные забелелись вокруг. Началась тогда у них в полках игра долгая в трубы многие, великие, поднялся вопль великий, диковинный, голосами их страшными, басурманскими. После того началась в полках их стрельба из мушкетов и пушек великая. Как есть страшная гроза небесная — и молнии и гром страшный, будто с небес от господ! От стрельбы той их огненной до небес стоял огонь и дым. Все укрепления наши в городе потряслись от той огненной стрельбы, и солнце в тот день померкло и в кровь окрасилось. Как есть наступила тьма кромешная! Страшно, страшно нам стало от них в ту пору; с трепетом, с удивлением несказанным смотрели мы на тот их стройный подступ басурманский. Непостижимо было уму человеческому в нашем возрасте и слышать о столь великом и страшном собранном войске, а не то чтобы видеть своими глазами! Совсем близко стали они от нас, меньше чем за полверсты от Азова-города. Их янычарские начальники ведут их строй под город к нам большими полками и отрядами по шеренгам. Множество знамен у них, янычар, больших, черных, диковинных. Набаты у них гремят, и трубы трубят, и в барабаны бьют несказанно великие. Двенадцать у тех янычар полковников. И подошли они совсем близко к городу. И сойдясь, стали они кругом города по восемь рядов от Дона до самого моря, на расстоянии вытянутой руки. Фитили при мушкетах у всех янычар блестят, что свечи горят. А у каждого полковника в полку янычар по двенадцать тысяч. И все у них огненное, платье у полковников янычарских шито золотом, и сбруя у всех у них одинаково красная, словно заря занимается. Пищали у них у всех длинные турецкие, с пальниками. А на головах янычарских шишаки, словно звезды, светятся. Подобен строй их строю солдатскому. А в рядах с ними стоят и два немецкие полковника с солдатами — в полку у них солдат 6000.

В тот же день, как пришли турки к нам под город, к вечеру прислали к нам турецкие паши переводчиков своих басурманских, персидских и греческих. А с толмачами прислали с нами разговаривать старшего из янычарских пехотных полковников. Обратился к нам их

полковник янычарский со словом от царя своего турецкого, от четырех пашей его и от царя крымского, стал говорить речью гладкою:

«О люди божии, слуги царя небесного, никем по пустыням не руководимые, никем не посланные! Как орлы парящие, без страха вы по воздуху летаете; как львы свирепые, по пустыням блуждая, рыкаете! Казачество донское и волжское свирепое! Соседи наши ближние! Нравом непостоянные, лукавые! Вы пустынножителей лукавые убийцы, разбойники беспощадные! Несытые ваши очи! Неполнос ваше чрево — и никогда не наполнится! Кому вы наносите обиды великие, страшные грубости? Наступили вы на такую десницу высокую, на царя турецкого! Не впрямь же вы еще на Руси богатыри святорусские? Куда сможете теперь бежать от руки его? Прогневали вы его величество султана Мурата, царя турецкого. Убили вы у него слугу его верного, посла турецкого Фому Кантакузина, перебили вы всех армян и греков, что были с ним. А он послан был к государю вашему. Да вы же взяли у него, султана, любимую его царскую вотчину, славный и красный Азов-город. Напали вы на него, подобно как волки голодные, не пощадили в нем из пола мужеского ни старого, ни малого и детей убили всех до единого. И тем снискали вы себе имя зверей лютых. Через тот разбой свой отделили вы государя царя турецкого от всей его орды крымской Азовом-городом. А та крымская орда — оборона его на все стороны. Второе: отняли вы у него пристань корабельную. Затворили вы тем Азовом-городом все море синее, не дали проходу по морю судам и кораблям ни в какое царство, в поморские города. Чего ж вы, совершив такую дерзость лютую, своего конца здесь дожидаетесь? Очистите нашу вотчину Азов-город за ночь, не мешкая! Что есть у вас там вашего серебра и золота, то без страха понесите из Азова-города вон с собою в городки свои казачьи к своим товарищам. И при отходе вашем никак не тронем вас. Если же только вы из Азова-города в эту ночь не выйдете, то не сможете остаться у нас назавтра живыми. Кто вас, злоден и убийцы, сможет укрыть или заслонить от руки столь сильной царя восточного, турецкого, и от столь великих, страшных и непобедимых сил его? Кто устоит пред ним? Нет никого на свете равного ему или подобного величием и силами! Одному повинуется он лишь богу небесному.

Лишь он один — верный страж гроба божия! По воле своей избрал бог его единого среди всех царей на свете. Так спасайте же ночью жизнь свою! Не умрете тогда от руки его, царя турецкого, смертью лютою. По своей воле он, великий государь восточный, турецкий царь, никогда не был убийцею для вашего брата, вора, казака-разбойника. Лишь тогда ему, царю, честь достойная, как победит какого царя великого, равного ему честью, — а ваша не дорога ему кровь разбойничья. А если уж пересидите эту ночь в Азове-городе, вопреки словам царевым, столь милостивым, вопреки его увещанию, возьмем завтра город Азов и вас в нем захватим, воров и разбойников, как птиц в руки свои. Отдадим вас, воров, на муки лютые и грозные. Раздробим тела ваши на крошки мелкие. Хотя бы сидело вас, воров, там и 40 000, — ведь с нами, пашами, прислано силы больше 300 000! Столько и волос нет на головах ваших, сколько силы турецкой под Азовом-городом. Вы и сами, воры глупые, своими глазами видите силы его великие, неисчислимые, как покрыли они всю степь великую! Не могут, верно, с городских высот глаза ваши видеть из конца в конец даже и наши силы главные. Не перелетит через силу нашу турецкую никакая птица парящая: все от страха, смотря на людей наших, на сил наших множество, валятся с высоты на землю! И о том даем вам, вора, знать, что не будет вам от Московского сильного царства вашего людьми русскими никакой ни помощи, ни выручки. На что же вы, воры глупые, надеетесь, коли и хлебных припасов с Руси никогда вам не присылают? А если б только захотели вы, казачество свирепое, служить войском государю царю вольному, его султанскому величеству, принесите вы ему, царю, свои головы разбойничьи повинные, поклянитесь ему службою вечною. Отпустит вам государь наш турецкий царь и паши его все ваши казачьи грубости прежние и нынешнее взятие азовское. Пожалует наш государь турецкий царь вас, казаков, честью великою. Обогадит вас, казаков, он, государь, многим несчетным богатством. Устроит вам, казакам, он, государь, у себя в Царьграде жизнь почетную. Навечно пожалует вам, всем казакам, платье с золотым шитьем, знаки богатырские из золота с царским клеймом своим. Все люди будут вам, казакам, в его государевом Царьграде кланяться. Пройдет тогда ваша слава казацкая вечная по всем стра-

нам, с востока и до запада. Станут вас называть вовеки все орды басурманские, и янычары, и персидский народ святорусскими богатырями за то, что не утрастились вы, казаки, с вашими силами малыми, всего с семью тысячами, столь непобедимых сил царя турецкого, трехсот тысяч ратников. Дождались вы, пока подступили те полки к самому городу. Насколько славнее и сильнее перед вами, казаками, насколько богаче и многолюднее шах — персидский царь! Владеет он всею великою Персидою и богатою Индией; имеет у себя он войска многие, как и наш государь, турецкий царь. Но и тот шах персидский никогда не встанет на поле против сильного царя турецкого. И никогда не обороняются его люди персидские в городах своих многими тысячами от нас, турок: знают на шу свирепость они и бесстрашие».

Ответ наш казачий из Азова-города толмачам и полковнику янычарскому:

«Видим всех вас и до сей поры всё ведаем о вас, все силы, все угрозы царя турецкого известны нам. Переводываемся мы с вами, турками, часто на море и за морем, на сухом пути. Знакомы уж нам ваши силы турецкие. Ждали мы вас в гости к себе под Азов дни многие. И куда ваш Ибрагим, турецкий царь, весь свой ум девал? Иль не стало у него, царя, за морем серебра и золота, что прислал он к нам, казакам, ради кровавых казачьих зипунов наших четырех пашей своих, а с ними, сказывают, прислал еще на нас рать свою турецкую — 300 000. А то мы и сами точно видим и знаем, что силы его здесь стоит триста тысяч боевых людей, кроме черных мужиков. Да против нас же нанял он, ваш турецкий царь, из четырех чужих земель шесть тысяч солдат да многих ученых подкопщиков и дал им за то деньги многие. И то вам, туркам, самим ведомо, что у нас по сю пору никто наших зипунов даром не захватывал. Пусть он, турецкий царь, нас возьмет теперь в Азове-городе приступом, возьмет не своим царским величием и разумом, а теми великими турецкими силами да хитростями наемных людей немецких, небольшая честь в том будет для имени царя турецкого, что возьмет нас, казаков, в Азове-городе. Не изведет он тем казачьего прозвища, не опустеет Дон от казачества. На отмщение наше будут все с Дона молодцы. Пашам вашим от них за море бежать! А если избавит нас бог от его сильной руки,

если отсидимся от вашей осады в Азове-городе, от великих его сил, от трехсоттысячных, со своими силами малыми (всего нас, отборных казаков, в Азове с оружием сидит 7590), — посрамление будет ему, царю вашему, вечное и от его братии и от всех царей. Сказал он сам про себя, будто он выше земных царей. А мы — люди божии, вся надежда у нас на бога, и на мать Божию богородицу, и на святых угодников, да на свою братию — товарищей, которые у нас по Дону в городках живут. А мы холопы природные государя царя христианского царства Московского. Прозвание наше вечное — великое казачество донское бесстрашное. Станем с ним, царем турецким, биться, что с худым свинопасом! Мы, казачество вольное, покупаем смерть вместо живота. Где стоят сейчас силы многие, там полягут трупы многие! Мы не то что люди шаха персидского. Их-то вы, что женок, засыпаете в городах их горами высокими. Хотя нас, казаков, и сидит лишь семь тысяч пятьсот девяносто человек, а с помощью Божией не боимся мы великих тех царя турецкого сил трехсоттысячных и немецких хитростей. Ему, басурману гордому, царю турецкому, и пашам вашим бог противится за речи их высокомерные. Равным он, собака смрадная, ваш турецкий царь, почитает себя богу небесному. Не призвал он, басурман поганый и мерзостный, бога себе в помощники. Понадеялся он на свое богатство великое, но тленное. Вознес его сатана, отец его, гордостью до небес, зато сбросит бог его в бездну навеки. Нашими слабыми руками казачьими посрамление ему, царю, будет вечное. Где теперь его рати великие в полях у нас ревут и похваляются, завтра тут полягут от нас под городом трупы людей его во множестве. Явит нас бог за наше смирение христианское львами яростными перед вами, собаками. Давно у нас, в полях наших летаючи, вас поджидаючи, клекчут орлы сизые, каркают вороны черные, лают у нас подле Дона лисицы рыжие, ждут все они трупов ваших басурманских. Накормили вы их головами вашими, как брали мы Азов, а теперь опять им хочется плоти вашей; накормим вами их уж досыта. Ведь мы взяли Азов у него, царя турецкого, не воровскою хитростью, — взяли его приступом, храбростью своей и разумом, чтобы посмотреть, что за люди его турецкие в крепостях от нас обороняются. Укрепились мы в нем силой малою, нарочно разделив силы надвое, испытаем теперь

силы вашей турецкой, ума вашего и хитростей. Мы ведь все примериваемся к Иерусалиму и к Царьграду. Удастся взять нам у вас и Царьград. Ведь было там прежде царство христианское. Да еще вы, басурманы, нас пугаете, что не будет нам из Руси ни припасов, ни помощи, будто к вам, басурманам, из государства Московского про нас о том писано. А мы про то и сами без вас, собак, ведаем: какие мы на Руси, в государстве Московском, люди дорогие и к чему мы там надобны! Черед мы свой с вами ведаем. Государство Московское великое, пространное и многолюдное, сияет оно среди всех государств и орд — и басурманских, и еллинских, и персидских — подобно солнцу. Не почитают нас там, на Руси, и за пса смердящего. Бежали мы из того государства Московского, от рабства вечного, от холопства полного, от бояр и дворян государевых, да и поселились здесь в пустынях необъятных. Живем, взирая на бога. Кому там о нас тужить, рады там все концу нашему! А запасов хлебных к нам из Руси никогда не бывало. Кормит нас, молодцев, небесный царь в степи своею милостью, зверем диким да морскою рыбою. Питаемся словно птицы небесные: не сеем, не пашем, не собираем в житницы. Так питаемся подле моря Синего. А серебро и золото за морем у вас находим. А жен себе красных, любых, выбираючи, от вас же уводим.

А мы у вас взяли Азов-город по своей казачьей воле, а не по государеву повелению, ради казачьих зипунов своих и за ваши высокомерные лютые помыслы. За то на нас, холопов своих дальних, государь крепко обижен. Боймся от него, государя царя, за то взятие азовское себе наказания смертного. А государь наш — великий, пресветлый и праведный царь и великий князь Михайло Феодорович, всея Руси самодержец, многих государств и орд государь и обладатель. Много ему, государю царю, в великом холопстве служит таких басурманских царей, как ваш Ибрагим, турецкий царь. Довольно он, государь наш великий и пресветлый царь, свершает по преданию святых отцов, не желая пролития крови вашей басурманской. Довольно наш государь богат от бога подданными и царскими данями и без вашего смрадного басурманского собачьего богатства. А если бы на то было его государево повеление, если б пожелал он только, великий государь, крови вашей басурманской пролития и городам вашим

басурманским разорения за ваше басурманское к нему, государю, непослушание, если б только велел он, государь, идти войною на вас всех, басурманов, своей украине, что сидит у него, государя, в степях от орды ногайской, то собралось бы тут его государевых людей русских с одной лишь украины многое множество! И таковы его государевы люди с русской украины, что, подобно львам яростным, алчут и хотят отведать вашей плоти басурманской. Только держит их и не повелевает им того его десница царская, и в городах во всех под страхом смерти сдерживают их по цареву повелению воеводы государевы. А то бы не укрылся ваш Ибрагим, царь турецкий, от его руки государевой, от жестокосердия людей его государевых и в утробе матери своей,— и оттуда бы, распоров, его, собаку, вынули да перед лицом царевым поставили. Не защитило бы его, царя турецкого, от руки той государевой, от десницы высокой его и море Синее, не удержало бы оно людей государевых! Были бы в один год по-прежнему за ним, нашим государем, и Иерусалим и Царьград, а во всех крепостях ваших турецких не устоял бы камень на камне от нашего приступа русского. Вы же нас призываете речью царя турецкого служить ему, царю турецкому, и сулите нам от него честь великую и богатство многое. А мы, люди божии, холопы государя царя Московского, именуемся по крещению христианами православными. Как же можем служить царю неверному! Покинув пресветлый здешний свет и будущий, в адскую тьму идти нам не хочется! Ежели мы ему, царю турецкому, как слуги надобны, то мы, отсидевшись своею силою от вашего войска, побываем у него, царя, за морем, под его Царьградом, посмотрим там на город тот, нам природный; с ним, царем турецким, поведем мы там речь великую, лишь бы речь ему наша казачья полюбилась! Станем служить ему пищалями казачьими да своими саблями острыми! А теперь нам здесь говорить не с кем, кроме пашей ваших. Предки ваши, басурманы, что с Царьградом устроили — захватили его у нас! Убили в нем государя царя храброго, Константина благоверного. Побили христиан в нем тысячи, многое множество. Обагрили кровью нашею христианскою все пороги церковные, до конца искоренили вы там веру христианскую! Так бы и нам с вами поступить нынче по примеру вашему! Взять бы тот Царьград приступом из рук ваших. Убить

бы в нем так же вашего Ибрагима, царя турецкого, и всех вас, басурман. Пролить бы так же вашу кровь басурманскую нечистую. В то время б и мир у нас с вами был. А теперь нам и говорить больше с вами нечего. Все хорошо известно нам.

А обо всем, что от нас вы слышите, передайте пашам своим. Нельзя мириться нам, не будет одной веры христианин с басурманом. Какое тут обращение! Христианин побожится в душе своей, да на той правде он и век стоит. А ваш брат басурман божится по вере басурманской. И житье ваше татарское — все равно что у бешеной собаки. Так что уж вашему брату-собаке верить! Рады мы вас завтра в Азове попотчевать чем нам, молодцам, бог послал! Поезжайте ж к своим глупым пашам не мешкая. А опять к нам с такою глупой речью не ездите. Обманывать вам нас — только даром дни терять! А кто к нам от вас с такою речью глупою опять будет, тому у нас под стеною убитым быть! Делайте уж вы то, для чего от царя турецкого к нам присланы. Мы у вас Азов взяли головами своими молодецкими, силой немногою. А вы уж из наших казачьих рук добывайте его головами турецкими, многими тысячами. Кому-то из нас поможет бог? Потерять вам под Азовом своих турецких голов многие тысячи, а не взять вам его из рук наших казачьих до веку! Разве уж, отняв его у нас, холопей своих, государь наш царь и великий князь Михайло Феодорович, всея Руси самодержец, вас, собак, им пожалует. Тогда уж по-прежнему ваш будет. На то его воля государева!»

Как от Азова-города полковники и толмачи вернулись к силам своим турецким, к пашам своим, начали в войсках у них трубить в трубы многие великие. После той игры трубной стали в орудия и в барабаны бить. Стали вороны и звери кричать жалостно.

Строили полки свои всю ночь они до свету. А как был на дворе уже первый час дня, начали выступать из станов своих силы турецкие. Знамена и прапоры их зацвели по полю, словно цветы различные. От труб больших и барабанов их поднялись звуки неизъяснимые, страшные.

Приступ их к нашему городу. Пошли на приступ немецкие два полковника с солдатами. За ними пошла строевая пехота янычарская, сто пятьдесят тысяч. По-

том пошла на приступ к городу и вся прочая орда их пешая. Крикнули клич они смело и яростно.

Первый их приступ. Наклопили они все знамена свои к городу, в нашу сторону. Закрыли весь Азов-город наш знаменами. Стали башни и стены топорами рубить. Многие на стены в ту пору влезли по лестницам. И тогда началась у нас стрельба из осажденной крепости, а до тех пор молчали мы. От огня и дыма уж не видно стало нам друг друга. В обе стороны от стрельбы лишь огонь да гром стоял, поднимался огонь и дым до небес. Как будто началась гроза страшная, как бывает с небес гром страшный и молнии. Подкопы тайные, что у нас отведены были за город в ожидании их приступа, все не сдержали силы их невиданной, обрушились, не сдержала земля силы их. В тех провалах побито у нас было турок многие тысячи. Приготовлено было у нас все по тем подкопам, набиты были они дробью и осколками. И было убито при том приступе в первый день под стеною города одних полковников янычарских шесть да два немецких полковника со всеми шестью тысячами солдат их. В тот же день, сделавши вылазку, захватили мы большое знамя царя турецкого, с коим в первый раз шли они на приступ. Наступали на нас паши турецкие с большими силами в тот первый день до самой ночи, даже и на вечерней заре. Убито нами было у них в первый тот день, кроме шести полковников янычарских и двух немецких полковников, одних янычар двадцать пять тысяч, помимо раненых.

На другой день на светлой заре опять прислали турки к нам своих толмачей — просить, чтобы дали мы им убрать от города тела убитых, что полегли у Азова под стеною города. А давали нам за каждую павшую голову янычарскую по золотому червонцу, а за голову полковников по сто талеров. И наше войско не пошло на то, не взяли у них за головы павшие серебра и золота. «Не продаем мы никогда трупов вражеских, но дорога нам слава вечная. Это вам, собакам, от нас из Азова-города игрушка первая. Пока мы, молодцы, ружья свои только прочистили. Всем так вам, басурманам, от нас будет! Иным вас нечем нам потчевать. Дело ваше осадное!»

В этот день боя у нас с ними не было. Собирали они трупы убитых своих до самой до ночи. Выкопали для тех трупов глубокий ров в трех верстах от города, за-

сыпали их тут горою высокою, поставили над холмом многие знаки басурманские и надписи там на различных языках сделали.

После того на третий день опять пришли турки к нам под город со всеми своими силами, только стали уже поодаль от нас и приступа не делали. И начали их люди пешие в тот день вести к нам гору высокую, земляной огромный вал, многим выше Азова-города. Той горою высокою хотели нас накрыть в Азове-городе великие силы турецкие. Подвели ее к нам за три дня, и мы, видя ту гору высокую, горе свое вечное, что будет от нее наша смерть, испрося у бога милости и помощи от пречистой богородицы и от образа Предтечи, призывая на помощь чудотворцев московских и совершив предсмертное прощание друг с другом и со всеми христианами православными, пошли мы из города малою нашей дружиною, в семь тысяч всего, на прямой бой с их тремястами тысячами. «Господь наш, творец, небесный царь, не выдай нечестивым создания рук своих! Видим перед лицом этих сил от них смерть себе лютую! Хотят нас живых покрыть горою высокою, видя наше бессилie и то, что мало нас, что в пустыне нас покинули все христиане православные, убоявшись вида страшного и великой силы их турецкой. А мы, бедные, не отчаялись еще в твоей, владыки, милости, ведая твои щедроты великие! С твоею божией помощью, за веру христианскую здесь погибая, бьемся против их больших сил, в триста тысяч, за церкви божии, за все государство Московское и за имя царское!»

Исполнив все обряды предсмертные, выходили к ним на бой, и единодушно все мы крикнули, выйдя к ним: «С нами бог! Разумейте, иноплеменики и неверные, и покоритесь, ибо с нами бог!»

Услышали неверные из наших уст те слова, что с нами бог, и ни один не устоял пред лицом нашим, побежали все прочь с высокой горы своей. Побили мы их в тот час множество, многие тысячи. Взяли мы тогда в бою, на вылазке у той горы шестнадцать знамен одних янычарских да двадцать восемь бочек пороху. И тем-то порохом, подкопавшись под гору их высокую, разбросали мы всю ее. И побил при том многие их тысячи, и к нам тем нашим подкопом живых янычар забросило тысячу пятьсот человек! И с тех пор миновалась земляная хитрость их. Повели они за первой горой другую гору, еще больше того. В длину насыпали ее

на три лучных выстрела, а в вышину многим выше Азова-города, шириной она была — едва до половины камнем докинуться! На той горе поставили они уже все свои орудия, и пехоту всю привели свою турецкую, сто пятьдесят тысяч, и орду ногайскую с коней всю спешили. И зачали с той горы из орудий бить они по Азову-городу день и ночь беспрестанно. От пушек их страшный гром стоял, огонь и дым курился от них до неба. Шестнадцать дней и шестнадцать ночей не смолкали их орудия ни на единый час. В те дни и ночи от стрельбы их пушечной распались все наши азовские укрепления, — и стены, и башни все, и церковь Предтеченская, и дома все разбили у нас до самого основания.

И орудия наши разбили все. Одна лишь у нас во всем Азове-городе церковь осталась наполовину — Николина. Потому и осталась, что стояла укрыто внизу, к морю под гору. А мы от них сидели по ямам. Нам и взглянуть они из ям не давали. И мы в ту пору сделали себе покои просторные в земле под ними, под самым их валом, дворы потайные просторные. И из тех потайных дворов своих повели 28 подкопов под их таборы. И теми подкопами устроили мы себе помощь, облегченье великое. Выходили ночью порой на их пехоту янычарскую, и побили мы их множество. Теми своими ночными вылазками на их пехоту турецкую навели мы на них великий страх, и урон большой причинили мы в людях им. И после того паши турецкие, глядя на те наши умелые подкопные в осаде действия, повели навстречу нам из своего табора семь своих подкопов. И хотели они теми подкопами попасть в наши ямы, дабы задавить нас своим множеством. А мы милостью божией устерегли все подкопы их, и разорвало тут их всех порохом, погребли мы тут их многие тысячи. И с той поры их подкопная мудрость миновалась вся. Постыли им уж те хитрости подкопные.

А всего было от турок к нам под город Азов 24 приступа всею их силою. Но после первого большого приступа таких жестоких и смелых больше уж не было. На ножах мы с ними резались в тот приступ. Зачали они метать в ямы наши ядра огненные и всякие немецкие осадные хитрости. И тем, пуше приступов, причинили они нам великое утеснение. Убивали они многих у нас тогда и опаливали. А после тех ядер огненных, что

против нас они измыслили, оставив все свои хитрости, стали они нас одолевать и подступать к нам прямым боем со своей силою.

Зачали они к нам на приступ посылать своих янычар во всякий день. По десяти тысяч наступают на нас целый день до ночи, а в ночь идут на смену им другие десять тысяч. И те наступают на нас всю ночь до свету. Ни одного часа не дадут покоя нам. А они бьются посменно день и ночь, чтобы истомою осилить нас. И от тех их ухищрений и злоумышления, от своих тяжких ран и от бессонницы, от лютой нужды всяческой и от смрадного запаха трупного стало нам невмочь, все изнемогали мы лютыми болезнями осадными. А дружины нашей совсем мало осталось; переменяться нам не с кем, ни одного часа отдохнуть нам не дадут. В ту пору уж совсем мы в жизни своей и в Азове-городе отчаялись, потеряли надежду на выручку от людей, только и ожидая себе помощи от всевышнего бога. Прибегнем, бедные, лишь к своему помощнику — Предтечи образу. Пред ним, светом нашим, заливаемся слезами горькими: «Государь ты, свет, помощник наш, Иван Предтеча, по твоему, света нашего, явлению разорили мы гнездо змеиное, взяли Азов-город. Побили мы в нем всех христианских мучителей, идолослужителей. Твой, света нашего, и Николин дом очистили и украсили ваши образа чудотворные своими руками грешными, недостойными. Без пения до сей поры перед образами вашими у нас и дня не проходило. Чем же мы вас, светы вы наши, прогневали, что опять идете в руки басурманские? На вас, светы вы наши, мы надеялись, сидя в осаде, оставив всех своих товарищей. А теперь от рук турецких видим впрямь смерть свою. Уморили они нас бессонницей; дни и ночи беспрестанно с ними мучимся. Уж ноги наши под нами подгибаются, руки наши от обороны затекли, уж не служат нам. Уж глаза наши не глядят от усталости, уж от беспрестанной стрельбы мы очи выжгли порохом, все в них стреляючи. Язык уже наш во рту не ворочается на басурман кричать. Таково наше бессилие: не можем в руках своих никакого оружия держать! Почитаем мы уже теперь себя за трупы мертвые. Два часа в осаде нам уже не высидеть! Теперь мы, бедные, расстаемся с вашими иконами чудотворными, с христианами со всеми православными: не бывать уж нам на святой Руси! Смерть пришла в пустыне нам, грешникам, за ваши

иконы чудотворные, за веру христианскую и за имя царское, за все царство Московское!» Начали прощаться:

«Прости нас, холопов своих грешных, государь наш православный, царь всея Руси Михайло Феодорович! Помилуй вели наши души грешные! Простите вы, государи патриархи вселенские! Простите, все государи митрополиты, архиепископы и епископы! Простите и вы, все архимандриты и игумены! Простите, все государи протопопы, и священники, и дьяконы! Простите, государи наши, все христиане православные! Поминайте и наши души грешные в день родительский! Нет ни в чем от нас позора государству Московскому! Помышляем мы, бедные, в уме своем, чтобы умереть не в ямах нам и по смерти себе добыть славу добрую».

Подняли мы на руки иконы чудотворные — Предтечи да Николину — и пошли с ними против басурман на вылазку. И по милости их явной побили мы басурман в той внезапной вылазке шесть тысяч. И увидели люди турецкие, что хранит нас милость божия, что ничем осилить не умеют нас, с тех-то пор не стали уж посылать к нам на приступ людей своих. И тогда отдохнули мы от истомы, от смертных ран.

После того бою прошло три дня, и опять стали нам кричать их толмачи, вызывать нас на разговор. А мы уж и речь не могли держать к ним, потому как язык наш от истомы нашей во рту не ворочался! И начали они на стрелах к нам ярлыки метать. А в них они пишут, просят у нас место азовское. А дают нам за него выкупа на каждого молодца по триста талеров серебра чистого да по двести талеров золота червонного. «А в том присягают вам паши и полковники душою царя турецкого, что ныне при отходе вашем ничем не тронем вас. Подите с серебром и с золотом в городки к своим товарищам, а нам лишь отдайте пустое место азовское».

А мы к ним обратно пишем: «Не дорого нам ваше собачье серебро и золото, в Азове и на Дону у нас и своего много. То нам, молодцам, нужно и дорого, чтоб была о нас слава вечная по всему свету, что не страшны нам ваши паши и силы турецкие! Сразу говорили мы вам, что дадим вам знать о себе, будет вам о нас памятно на веки вечные. Возвратясь за море, в края басурманские, было б вам что сказать своему царю

турецкому глупому, каково приступать к казаку русскому. Сколько вы у нас разбили кирпича и камня в Азове-городе, столько уже взяли мы у вас голов ваших за разрушение азовское. На головах да на костях ваших сложим город Азов лучше прежнего! И пройдет наша слава молодецкая по всему свету до века, как сложим города на ваших головах. Нашел здесь ваш турецкий царь себе позор и укоризну вечные. Станем брать с него дань во всякий год в шесть раз больше». После того уж стало нам легче от них, приступов больше уже не было. Сочли они, что под Азовом побиты были у них многие тысячи.

А во время своего сидения осадного держали мы, грешные, пост. Совершали молитвы многие, соблюдали чистоту телесную и духовную. В осаде многие из нас люди искушенные видели во сне и наяву — одни жену прекрасную и светозарную, на воздухе стоящую посреди града Азова, иные ж — мужа древнего, с власами длинными, в светлых ризах, взирающего на полки басурманские. И не предала нас богородица в руки басурманские, подавала нам против них помощь явную, возглашая умиленно: «Мужайтесь, казаки, а не ужасайтесь. Град сей Азов от беззаконных агарян, их нечестием, злобою и жестокостью поруган, престолы в церквах Предтечи и Николиной осквернены. И не только осквернили они землю в Азове и престолы, но и воздух над ним омрачили, торжище здесь и мучительство христианам учинили, разлучили мужей от законных жен, сынов и дочерей разлучили от отцов и матерей. От многого плача того и рыдания вся земля христианская восстонала. А о чистых девах, о вдовах непорочных и о сущих во младенчестве уста мои и изречь не в силах, глядя на поругания им. И услышал бог молитвы и плач их. Видя создание рук своих, православных христиан, зло погибающих, дал вам против басурман отмщение, предал вам град сей и их самих в руки ваши. Да не скажут нечестивые: «Где бог ваш христианский?» И вы, братья, не заботьтесь, отгоните всякий страх от себя, не тропет вас никакой басурманский меч. Положите упование на бога, примите венец от Христа нетленный. А души ваши примет бог, имеете царствовать с Христом вовеки».

И многие атаманы видели, что текли у образа Ивана Предтечи из очей его слезы обильные в день каждого приступа. А в первый день, во время приступа, видели

лампаду у его образа, слез полную. А при вылазках наших из города все видели басурманы — и турки, и крымцы, и погайцы — мужа храброго и юного, в одежде ратной, ходившего среди боя с мечом обнаженным и множество басурман поражавшего. А мы того не видели. Лишь по убитым знаем мы, что то дело божие, а не наших рук: люди турецкие надвое рассечены! Послана с неба была над ними победа! И они, басурманы, о том нас много раз спрашивали, кто от нас из города выходит на бой с мечом. И мы говорили им: «То выходят воеводы наши».

А всего сидели мы в Азове в осаде от турок с 24 июня 149 года до 26 сентября 150 года, 93 дня и 93 ночи. А в ночь на 26 день сентября турецкие паши со всеми турками и крымский царь со всеми своими силами за четыре часа до свету побежали, окаянные, в смятении и трепете, от Азова-города, никем из нас не гонимые. С вечным позором ушли паши турецкие к себе за море, а крымский царь пошел в орду к себе, черкесы же в Кабарду свою, погайцы пошли в улусы свои. И мы, казаки, как услышали об их отступлении, напали на их таборы тысячею человек. И взяли мы у них в таборах тогда языков, турок и татар живыми, четыреста человек, а больных и раненых застали мы с две тысячи.

И нам те языки на допросах и пытках все говорили единодушно, отчего среди ночи побежали от города паши и крымский царь со всеми своими силами. «В ночь ту с вечера было нам страшное видение. На небесах над нашими полками басурманскими шла с Руси от вашего царства Московского туча великая и страшная. И стала она против самого табора нашего. А перед тою тучею идут по воздуху два страшные юноши, а в руках своих держат мечи обнаженные и грозятся на наши полки басурманские. В ту пору мы их всех узнали. И в ту же ночь страшные воеводы азовские в ратной одежде выходили на бой приступом на нас из Азова-города. Пластали нас надвое, вместе с конями. От того-то страшного видения и побежали из таборов турецкие паши и крымский царь».

А нам, казакам, в ту ночь с вечера также было видение: по валу басурманскому, где стояли их орудия, ходили два мужа, летами древние. На одном — одежда иерейская, а на другом — власяница косматая. Указывают они на полки басурманские и говорят нам: «Побежали,

казаки, от вас пашин турецкие и крымский царь из таборов. Пришла победа над ними от Христа, сына божия, с небес, силою божией».

А еще сказывали нам те языки про урон в людях своих, сколько побито их от рук наших под Азовом-городом. Из главных сил их побито у них одних мурз и татар и янычар девяносто шесть тысяч, кроме тех черных мужиков и охочих людей. А нас всего, казаков, в осаде сидело в Азове только 7367 человек. А те, кто уцелел из нас, холопов государевых, после осады, все изранены. Нет ни одного у нас человека целого; ни одного, кто бы не пролил крови своей, в Азове сидя во имя божие, за веру христианскую. А теперь мы всем войском у государя царя и великого князя всея Руси Михаила Феодоровича просим милости. Просим мы, холопы его, сидевшие в Азове, и те, кто по Дону живет в городках своих, чтоб велел он принять из рук наших ту свою государеву вотчину — Азов-город, ради светлых образов Предтечи и Николина, ради всего, что им, светам нашим, угодно тут. Тем Азовом-городом защитит он, государь, от войны всю свою украину, не будет войны от татар до веку, как сядут наши в Азове-городе.

А мы, холопы его, что остались после осады азовской, все мы уже старцы увечные, сил нет уже у нас на боевые промыслы. А то обет наш, всех, пред образом Предтечи: постричься в монастыре его, принять образ монашеский. Станем мы бога молить до веку за него, государя, и за весь государский род его. Его государскою обороною и нашей верою защитил нас бог от таких турецких сил, а не нашим молодецким мужеством и промыслом. А коли государь нас, холопов дальних своих, не пожалует, не велит у нас принять из рук наших Азова-города, то нам, заплакав, оставить его! Поднимем мы, грешные, икону Предтечи, да и пойдем с ним, светом нашим, куда он велит. Атамана своего пострижем пред его образом, будет он над нами игуменом. А есаула пострижем, тот у нас будет устроителем. А мы, бедные, хоть и немощные все, не отступим от его, Предтечи, образа, помрем все тут до единого. Будет вовеки слава лавре Предтеченской.

И после от тех же атаманов и казаков приписано в грамоте, что надобно им в Азов для осадного сидения 10 000 людей, 50 000 пудов всяких припасов, 20 000 пу-

дов пороха, 10 000 мушкетов, а денег на то все надобно 221 000 рублей.

В нынешнем же 7150 году, по прошению и посольству царя турецкого Ибрагима-султана, государь царь и великий князь Михайло Феодорович пожаловал его, царя турецкого Ибрагима-султана, и велел донским атаманам и казакам Азов-город покинуть,

ПРИМЕЧАНИЯ

Древнерусские тексты, опубликованные в настоящем издании, печатаются с орфографическими упрощениями: полностью воспроизведены слова, написанные в рукописи сокращенно, не употребляемые сейчас буквы («юс малый», «фита», «ижица» и др.) заменены соответствующими им буквами современного алфавита, буквы «ъ», «ь» и «ѣ» во всех случаях сохраняются.

ПОХОДЫ СВЯТОСЛАВА

Предания о воинских подвигах киевского князя Святослава Игоревича (942—972), сына легендарной княгини Ольги, дошли до нас в составе «Повести временных лет» — летописи, рассказывающей о происхождении Русской земли, о первых русских князьях и о событиях X — начала XII в. В основу «Повести временных лет», написанной около 1113 г. монахом Киево-Печерского монастыря Нестором, были положены еще более древние, не дошедшие до нашего времени летописные памятники.

В рассказе «Повести временных лет» о походах князя Святослава запечатлелись предания устной дружиной поэзии, обработанные позднейшим книжником. Реальность описываемых здесь событий не подлежит сомнению, она засвидетельствована византийскими и арабскими историческими источниками.

Публикуем отрывки из «Повести временных лет» по Лаврентьевской летописи 1377 г. (ГПБ, Ф. п. № 2). Пропуски и ошибки в тексте Лаврентьевской летописи восполняются по Радзивилловской летописи (БАН, 34.5.30). Добавления и исправления выделяются курсивом.

С. 17(22). *Пардусъ* — гепард. *Иде Святославъ на козары* ... — Государство хазар в VII—X вв. располагалось между Доном и нижним течением Волги и южнее, вплоть до северного Кавказа. *Ясы* — аланы. *Касоги* — адыгейцы. *Иде Святославъ на Дунай на Болгары* — Первый поход Святослава в Болгарию в 968 г., как полагают, был инспирирован византийским императором Никифором Фокой. ... *скде ... въ Переяславци, емя дань на грѣцѣх.* — Переяславец — ныне село Преслав (возле г. Тулча в Румынии). Под данью имеется в виду, вероятно, та сумма, которую византийцы выплатили Святославу за поход на болгар. *Придоша печенѣзи на Руску землю первое* ... — Печенеги — тюркские племена, занимавшие в X в. Северное Причерноморье. Здесь имеется в виду первое нападение печенегов на Киев.

С. 19(24). *Приде Святославъ в Переяславецъ, и затворишия болгаре въ градѣ.* — Следовательно, пока Святослав освобождал Киев от печенегов, болгары вновь захватили Переяславец.

С. 20—21(26). ... *со всякимъ великимъ царемъ гречьскимъ* ... — «Всякимъ», вероятно, описка; речь должна идти об императоре Иоанне Цимисхии (969—976) и сыновьях императора Романа II — Василии и Константине (будущих императорах Василии II и Константине VIII).

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

«Слово о полку Игореве» было написано в конце XII в. Темой произведения является неудачный поход на половцев новгород-север-

ского князя Игоря Святославича в 1185 г. Этот поход и его роковые последствия явились поводом для глубоких раздумий автора «Слова» о судьбах Русской земли, о пагубности феодальных междоусобиц, вызвал воспоминания о прошлом — о славных и трагических страницах русской истории. К. Маркс писал о произведении: «Суть поэмы — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием собственно монгольских полчищ» (Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, 2-е изд., т. 29, с. 16).

«Слово» входило в состав сборника, принадлежавшего известному ценителю русских древностей графу А. И. Мусину-Пушкину, и было издано им в 1800 г. В 1812 г. список «Слова» сгорел во время пожара Москвы. Поэтому мы располагаем сейчас только изданием 1800 г. и копией, сделанной до 1793 г. для Екатерины II. Сравнение этих текстов, а также тщательный лингвистический анализ позволял исследователям внести исправления в текст первого издания «Слова». Эти исправления в публикации выделены курсивом. Более подробный комментарий к тексту «Слова» см., например, в кн.: Повести Древней Руси. XI—XII века. Л., Лениздат, 1983.

С. 27(36). ... *Игоря, сына Святъслава, внука Ольгова*. — Игорь (1151—1202) был сыном черниговского князя Святослава и внуком Олега Святославича. *Старому Ярославу* — Ярославу Владимировичу, великому князю киевскому в 1019—1054 гг. *Храброму Мстиславу* — брату Ярослава. *Красному Романови Святъславичю* — князю тмутороканскому, сыну Святослава Ярославича. ... *отъ стараго Владимира!* — киевского князя Владимира Святославича (ум. в 1015 г.). ... *възрѣ на свѣтлое солнце* ... — Речь идет о солнечном затмении 1 мая 1185 г.

С. 28(37). *За Сулою* — за Сулой, левым притоком Днепра, начиналась Половецкая степь. *Всеволодъ* — князь трубчевский и курский (ум. в 1196 г.). ... *Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню* ... — Поморье — побережье Азовского моря, Посулие — левобережье Днепра, Сурож и Корсунь — города в Крыму. *Тмутороканскый блъванъ* — античная статуя или языческий идол близ города Тмуторокани на Таманском полуострове.

С. 29(38). *Гзакъ, Кончакъ* — половецкие ханы. ... *на рѣцѣ на Каялѣ* ... — Полагают, что Каяла — река в районе современного города Славянска Донецкой области. Название встречается только здесь, в летописной повести о походе Игоря и в «Задонщине». ... *Стрибожи внуци* ... — Стрибог — языческое божество древних славян. ... *плѣци Олговы* ... — Олег Святославич, дед Игоря, был зачинщиком междоусобиц войн, трижды приводил на Русь половцев. *Ступаетъ въ златъ стремень ... въ Черниговъ*. — В 1078 г. Олег явился на Русь из Тмуторокани и вместе с Борисом Вячеславичем напал на Всеволода Ярославича. Против Олега и Бориса выступили Всеволод, его сын Владимир, Изяслав Ярославич и его сын Ярополк. Изяслав и Борис в этой битве погибли.

С. 30(39). *Карна, и Жля* — олицетворение скорби, горя.

С. 31(40). ... *отецъ ихъ Святъславъ* ... — Святослав был двоюродным братом Игоря и Всеволода. Отцом он назван как старший по положению — киевский князь ... *наступи на землю Половецкую* ... — Имется в виду поход Святослава на половцев в 1184 г. *Паноломою* — погребальным покрывалом. ... *два солнца помѣркоста ... простроиася половци* ... — Имются в виду князья: Игорь и Всеволод (два солнца), Владимир Игоревич и Святослав Рыльский (два месяца) — участники похода. Слова «и в морѣ погрузиаста» в издании 1800 г. читаются после слов «пардуже гнездо». Олег, младший сын

Игоря, упомянут здесь ошибочно. ... *пардуже гнѣздо* ... — Гепарды, звери из семейства кошачьих, отличаются быстротой бег. Ручных гепардов использовали на охоте.

С. 32(41). ... *Ярослава ... ольберы*. — Перечисляются тюркские племена, наемники черниговского князя Ярослава Всеволодовича. *Се и Римъ кричатъ* ... — Город Римов был захвачен Кончаком в 1185 г., жители были истреблены или взяты в плен. ... *Володимиръ подѣ ра-нами*. — Владимир Глебович, князь Переяславский, был тяжело ранен половцами. *Великий княже Всеволоде!* — Всеволод Юрьевич Большое Гнездо, владими́ро-суздальский князь. *Шерешеры* — значение слова неясно. ... *Рюриче, и Давыде!* — Рюрик Ростиславич — соправитель Святослава Всеволодовича, его брат Давыд — смоленский князь. *Галички Осмомыслъ Ярославе!* — На дочери Ярослава Владимировича был женат Игорь Святославич. Смысл прозвища неясен. *Горы Угорскыи* — Карпаты. *Романе* — Роман, князь Владимира Волынского. *Ятвязи, Деремела* — видимо, литовские племена.

С. 33(42). *Исхыти юна кров, а тыи рекъ* ... — одно из возможных прочтений испорченного места. *Ярослави вси внуце и Всеслави!* — По предположению Д. С. Лихачева, речь идет о потомках Ярослава Владимировича и Всеслава — внука Владимира Святославича. *Все-славъ* — Всеслав Брячиславич, полоцкий князь. Упоминается его кратковременное княжение в Киеве, бегство от киевлян, захват Новгорода, битва на реке Немиге. *Тѣй клюками подпрѣ ся о кони* ... — чтение неясное. ... *Хрѣсови* ... — Хорс — древнерусское языческое божество, видимо, бог солнца.

С. 34(43). *На Дунаи* ... — Здесь и далее название Дунай употреблено как поэтическое наименование реки вообще. ... *отъ Великаго Дону до Малаго Донца*. — Игорь находился в плену в вежах Кончака на реке Тор (правом притоке Северского Донца); Малым Донцом названа здесь, видимо, река Уды (правый приток Донца), а Великим Доном — среднее течение Донца. *Овлуръ* — половец, помогший Игорю бежать из плена.

С. 35(44). ... *рѣка Стугна ... при темнѣ березѣ*. — В 1093 г. при переправе через разлившуюся у устья реку Стугну утонул молодой князь Ростислав Всеволодович. *Стругы* — ручьи, потоки. ... *соколиц опутаеви красною дивичею*. — Владимир Игоревич, будучи в плену, женился на дочери хана Кончака. *Рекъ Боянъ и Ходына ... Ольгова коганя хоти* ... — Принимаем точку зрения, согласно которой Боян и второй певец Ходына обращаются к жене князя Олега Святославича. Титул «коган» в древности применялся и в русском княжеском обиходе. ... *къ святѣй Богородици Пирогощей*. — Церковь Богородицы Пирогощей находилась в Кисве, на дороге, связывающей Киев и Чернигов.

ЛЕТОПИСНЫЕ ПОВЕСТИ О МОНГОЛО-ТАТАРСКОМ НАШЕСТВИИ

В настоящем издании публикуются повести о битве на Калке и покорении Батыем русских земель в 1237—1240 гг. по двум летописям — Лаврентьевской летописи и Тверскому сборнику.

Рассказывая о пленении Батыем Русской земли, Лаврентьевская летопись особенно подробно останавливается на завоевании Владимиро-Суздальского княжества. В этой части четко прослеживается рука ростовского летописца, который в рассказе Владимирской летописи сделал многочисленные вставки, посвященные Васильку Ростовскому. Под пером ростовского летописца этот князь становится

почти святым. Вниманием пользуется также великий князь владимирский Юрий Всеволодович. О завоевании Батыем других русских княжеств в Лаврентьевской летописи рассказывается очень кратко — для жителя северо-восточной Руси эти события представляли меньший интерес.

В Тверском сборнике повесть о битве на Калке более подробна, чем в Лаврентьевской летописи. Особый интерес представляет вставленный в повесть рассказ о «храбре» Александре Поповиче, который отождествляется с известным героем русских былин Алешей Поповичем. Рассказ этот замечателен своей антикняжеской направленностью: летописец объясняет поражение на Калке «гордостью» и «высокоумием» русских князей и именно в связи с этим приводит рассказ об Александре Поповиче и его слуге Торопе

При повествовании о поражении на Калке сообщается, что в числе других в сражении погиб Александр Попович и семьдесят других «храбров». Это сообщение находит параллель в известной былине о том, как на Руси перевелись богатыри. Подробный рассказ об Александре Поповиче несомненно имеет какой-то фольклорный источник.

Повесть о нашествии Батыя, входящая в состав Тверского сборника, сообщает целый ряд сведений о завоевании Руси монголо-татарами, которые отсутствуют в Лаврентьевской летописи. Так, например, здесь говорится о мужестве рязанских князей, отказавшихся платить дань татарам, приводятся достаточно развернутые описания взятия Торжка, мужественной обороны Козельска, сообщается об осаде и штурме Чернигова и Киева, даются сведения о дальнейшем продвижении войск Батыя по волынским землям. Благодаря соединению различных источников повесть о нашествии Батыя, помещенная в Тверском сборнике, дает весьма четкое представление о трагических событиях 1237—1240 гг.

Текст Лаврентьевской летописи публикуется по изданию: ПСРЛ, т. I. Л., 1927, стлб. 445—447, 460—470. Исправления сделаны на основании подстрочных примечаний этого издания. Текст Тверского сборника публикуется по изданию: ПСРЛ, т. XV. М., 1965, стлб. 335—343, 365—375. При публикации учтены исправления, внесенные в текст в этом издании.

С. 45(70). *Мефодий* — епископ г. Патар в Ликий (III — начало IV в.), которому приписывалось сочинение, известное под названием «Откровение», рассказывающее о событиях, связанных с концом света. *Гedeонъ* — библейский персонаж, победитель восточных кочевых народов. ... *до Понетъскаго моря* ... — Черное море. *Ясы, Обезы, Касогы* — кавказские племена.

С. 46(71). *Куманы* — половцы. *Мстиславъ Тороничский* — Мстислав Удалой, княживший тогда в Галиче. ... *прити к ним в Русь*. — Имеется в виду Киевская земля. ... *месяца мая въ 30* ... — Ошибка (так же в Тверском сборнике), память святого Ермия отмечалась 31 мая.

С. 47(72). ... *на Сити* ... — приток р. Мологи, впадающей в Волгу. ... *преже мясопуста* ... — предпоследняя неделя перед великим постом. ... *к Золотым воротом* ... — центральные ворота Владимира.

С. 48(73). *Лъсы* — укрытия для осаждающих. *Пороки* — камнеметные орудия. *По примету* — по вязанкам хвороста, которыми осаждающие заваливали рвы. ... *от Лыбеди* ... — приток р. Клязьмы. *Новый град* — западная часть Владимира. *Печерный городъ* — древнейшая часть Владимира. ... *в церкви святыя Богородица*. — Успенский собор.

С. 49(74). ... *научив Осифа* ... — Имеется в виду Иосиф Прекрасный, библейский персонаж. ... *чюдную икону одраша* ... — Имеется в виду икона Владимирской богородицы, вывезенная в 1155 г. Андреем Боголюбским из Киева.

С. 50(76). ... *до Шерньского лѣса* ... — лес между городами Кашиным и Калязином.

С. 51(77). ... *сприче богъ смерти подобно Андрѣевъ* ... — Имеется в виду Андрей Боголюбский, убитый в 1174 г. заговорщиками-боярами.

С. 52(77). ... *по брата своего Георгия в Ростовъ* ... — Ярослав Всеволодович перенес из Ростова во Владимир тело Юрия Всеволодовича, погибшего на р. Сити.

С. 52(78). *Всякъ зломыслъ его прежезмѣненъя безбожныя татары отпушаше одарены.* — В данном контексте фраза бессмысленна, так как заимствована по частям из похвалы Владимиру Мономаху: «Вся бо зломысли его вда богъ подъ руцѣ его ... Он же заповѣдь божию храня, добро творяше врагом своимъ, отпушаше я одарены».

С. 53(78). *Новѣгородъ второй* — Нижний Новгород. *Манастирь святыя Богородица* — Благовещенский монастырь.

С. 54(79). ... *в Кидекиши* ... — село около Суздаля, резиденция Юрия Долгорукого. ... *в Глуховѣ* ... — город в Черниговской земле.

С. 54(80). *Николинъ день* — 6 декабря.

С. 55(81). ... *по рѣцѣ Ишнѣ* ... — река около Ростова.

С. 56(82). ... *на рѣцѣ Гзѣ* ... — приток реки Колокши около Юрьева-Польского. ... *на Липицахъ и на Юриевѣ горѣ* ... — урочище и гора, расположенные около Юрьева-Польского.

С. 56(82). ... *въ лукоморѣ* ... — Имеется в виду Азовское море.

С. 57(83). *Зарубѣ* — город в Киевской земле.

С. 58(83). ... *не дошедше Ольши* ... — село в низовьях Днепра.

С. 58(84). ... *выгонцы галичские* ... — Бояре Домажиричи и Володислав Кормилч со своей родней были изгнаны князем Романом Мстиславичем и в качестве «выгонцев» обосновались в Понизовье.

С. 59(85). *Бродницы* — племена, кочевавшие на нижнем Дону.

С. 60(86). ... *до Новгорода Святополчего*. — Город в Переяславской земле южнее Киева, основанный Святополком Изяславичем в 1095 г. ... *въ родѣ Измаиловѣ, сына Агарина, рабыни Авраамовы* ... — Измаил — библейский персонаж, сын Авраама и его наложницы Агари, считался родоначальником восточных народов.

С. 61(87). ... *Болгарскую землю*. — Имеется в виду Волжская Болгария. ... *о Нузѣ* ... — Нуза, или Онуза, — место лагеря Батия, близ р. Воронеж.

С. 62(87). *Вороножъ* — место между Лесным и Полным Воронежем.

С. 65(91). *Средохрестие* — среда на четвертой неделе великого поста. ... *до Игнача креста* ... — урочище в Новгородской земле.

С. 67(92). ... *3 сыны темничы* ... — Темник — предводитель отряда в 10 тысяч человек в татарском войске. *Князь Александръ Ярославичъ* — Александр Невский.

С. 68(94). ... *градъ святыя Богородица Владимерская*. — Город Гороховец на Клязьме. ... *у Лятскихъ воротъ*. — Ворота в западной части Киева. ... *около святыя Богородица*. — Церковь Богородицы Десятинной.

С. 69(95). ... *король Велий и Коломанъ* ... — Бела IV (1235—1270) — венгерский король. Коломан — брат Бела IV. ... *до Володавы* ... — город в Волынской земле.

ПОВЕСТЬ О РАЗОРЕНИИ РЯЗАНИ БАТЫЕМ

«Повесть о разорении Рязани Батыем» представляет собой свод рязанских повестей, тесно между собой связанных и в то же время почти самостоятельных: легендарного рассказа о местной святыне, иконе Николы Заразского (в настоящем издании мы его опускаем); рассказа о нашествии полчищ Батыя на Рязань; похвалы роду рязанских князей. В «Повести» широко использованы устные предания, восходящие к рассказам свидетелей и участников событий, се автору, по всей вероятности, были также известны и летописные повести о монголо-татарском нашествии, заимствовал он для своего повествования и явно эпический по происхождению рассказ о героическом подвиге Евпатия Коловрата. Вероятнее всего, «Повесть» возникла в конце XIII в., но постепенно дополнялась и изменялась. До нас «Повесть» дошла в списках не ранее XVI в. Издаем ее по списку XVI в. ГБЛ, Волоколамское собрание, № 526.

С. 96(106). ... на *Резань* ... — Старая Рязань находилась на крутом берегу Оки верстах в четырех от устья р. Прони. Нынешняя Рязань — другой древний город, известный первоначально под именем Переяславля Рязанского, стал стольным городом Рязанского княжества в середине XIV в. ... *Юрию Ингоровичю Резанскому* ... — Юрий Ингорович стал рязанским князем в 1220 г. ... *Георгию Всеволодовичю Владимирскому* ... — великий князь владимирский Георгий (Юрий) Всеволодович. Погиб в битве с войсками Батыя на р. Сити. ... *Слеваладе Проньского* ... — По летописи, Всеволод Пронский погиб значительно раньше — в 1208 г. ... *Федора Юрьевича Резаньского* ... — В летописях ни он, ни его жена Евпраксия, ни сын Иван Постник не упоминаются.

С. 97(107). ... с *великою княгинею* ... — мать Юрия Ингоровича, Агриппина Ростиславовна. В летописи о ней ничего не говорится.

С. 98(108). ... *великаго князя Ингваря Святославича* ... — Кто такой Ингварь (Игорь) Святославич — неясно.

С. 99(109). *Град Бѣл* — Белгород в Рязанской земле, ныне Белгородище, после нашествия Батыя не возродился. *Ижеславец* — в летописях не упоминается и после нашествия Батыя не возродился. *Стригостоложник Стефан* — первомученик Стефан, побитый камнями за отстаивание христианской веры.

С. 100(110). ... *Ингварем Ингоровичем*. — Так как ниже говорится, что Ингварь оплакивает свою мать Агриппину Ростиславовну, то из этого можно заключить, что он брат Юрия Ингоровича. Но об этом Ингваре Ингоровиче известно, что он умер еще в начале 20-х гг. XIII в. Поэтому предполагают, что это сын Юрьева брата Ингваря. ... *шурича своего* ... — Шурич — по-видимому, сын шурина.

С. 101(111). *Санчакоѹи* — военачальники. ... *Михаила Всеволодовича Черниговского* ... — великий князь черниговский Михаил. В 1246 г. был убит вместе со своим боярином Феодором в Золотой Орде по приказу хана Батыя.

С. 102(112). *Узорочье резанское* — здесь имеются в виду воины.

С. 104(114). *Сии бо государи рода Владимира Святославича ... внучата великаго князя Святослава Ольговича Черниговского*. — На самом деле рязанские князья — потомки Владимира I через его правнука Ярослава Святославича.

С. 105(115). ... *Михайло Всеволодовича Пронского* ... — Михайло Всеволодович Пронский в летописи известен только один — сын Всеволода Глебовича Пронского, но он погиб в 1217 г.

СЛОВО О ПОГИБЕЛИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ

«Слово о гибели Русской земли» представляет собой отрывок не дошедшего до нас произведения, посвященного монголо-татарскому нашествию на Русь. Время его написания датируется периодом с 1238 по 1246 г. Это лирический отклик на события Батыева нашествия, похвала быломu величию Русской земли, плач о ее бедах.

«Слово...» дошло до нас в двух списках. Мы печатаем его текст по псковскому списку (Гос. архив Псковской области, собр. Псково-Печерского монастыря, ф. 449, № 60) с исправлением явно ошибочных написаний отдельных слов и одной конъектурой. Исправления и конъектура обозначаются курсивом.

С. 116(118). ... *великого князя Ярослава*. — Имеется в виду Ярослав Владимирович Мудрый (ок. 978—1054), которому удалось объединить под своей властью почти все древнерусские земли. *Ятвязи* — ятвяги, литовское племя. ... *до немецъ* ... — здесь: шведские народы. *Тоймици погании* — языческое племя, жившее по берегам р. Тоймы — притока Северной Двины. ... *Дышочимъ моремъ* ... — Дышащее море — Белое море и Северный Ледовитый океан. ... *до болгаръ* ... — Имеются в виду волжские болгары. ... *до буртасъ* ... — мордовское племя. ... *до чермисъ* ... — марийцы. ... *великому князю Всеволоду* ... — Всеволод Юрьевич Большое Гнездо (1154—1212), великий князь владимирский. При нем возросло могущество Владимиро-Суздальского княжества. ... *отцю его Юрью* ... — Юрий Владимирович Долгорукий (кон. 90-х гг. XI в. — 1157), князь суздальский и киевский. При нем начался экономический и политический подъем северо-восточной Руси. ... *Володимеру и Манамаху* ... — Владимир Всеволодович Мономах (1053—1125), великий князь киевский, его имя было символом защитника Русской земли от внешних врагов.

С. 117(119). *Вяда* — одно из мордовских племен. *Бортничаху на князя* — платили дань медом. *Жюрь Мануил цесарегородский* — византийский император Мануил Комнин (1143—1180). Упоминание его как современника Владимира Мономаха ошибочно. *Жюрь* — ошибочное написание слова «кюр», означавшего титул особ византийского императорского дома. ... *от великаго Ярослава и до Володимера* ... — от Ярослава Мудрого до Владимира Мономаха. ... *до ныняшняго Ярослава* ... — Ярослав Всеволодович (1191—1246), великий князь владимирский, сын Всеволода Большое Гнездо, отец Александра Невского. ... *до брата его Юрья, князя Володимерьскаго* ... — Юрий Всеволодович (1188—1238), великий князь владимирский. Погиб в битве с монголо-татарами на р. Сити. После гибели Юрия Всеволодовича владимирский стол занял его брат Ярослав Всеволодович.

ПОВЕСТЬ О ЖИТИИ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

Повесть написана в 80-е гг. XIII в. в монастыре Рождества богородицы во Владимире, где было погребено тело князя. Первоначальная редакция перерабатывалась и переписывалась затем на протяжении нескольких веков (известно более пятнадцати редакций).

Соединение признаков воинской повести и агиографии, эпико-героических элементов и книжного стиля является характерной чертой произведения об Александре Невском.

Текст публикуется по одному из древнейших списков, который датируется концом XV в. (ГИМ, Синодальное собр., № 154). Отсутствующие в этом списке эпизод о шести храбрецах и рассказ о чуде

за Ижорой внесены по тексту жития в Лаврентьевской летописи (ГПБ, IV, № 2). По этому же тексту исправляются явные ошибки списка, взятого за основной. Исправления обозначаются курсивом.

С. 120(128). ... *Александра, сына Ярослава, а внука Всеволожа*.— Александр Невский (ок. 1220—1263) был сыном великого князя Ярослава Всеволодовича и княгини Феодосии, внуком великого князя Всеволода III Юрьевича Большое Гнездо. *Приточникъ* — царь Соломон.

С. 121(129). ... *акы царя римскаго Еуспесиана* ... — Тит Флавий Веспасиан (9—79) — римский император. Будучи полководцем при Нероне, за два года покорил почти всю Иудею. ... *от Западныя страны* ... — имеется в виду Ливония. — *Андрѣяшъ* — Андрей фон Фельзен, магистр Ливонского ордена рыцарей-крестоносцев (1240—1241). ... *король части Римскыя от полуночныя страны* ... — шведский король Эрих Эрикссон (Картэвый). В походе 1240 г. во главе шведского войска стоял не он, а его зять ярл Биргер и ярл Ульф Фаси. *Церковь святыхъ София* — Софийский собор в Новгороде. *Пѣснотворца* — имеется в виду библейский царь Давид.

С. 122(130). ... *старѣйшина в земли Ижерстей* ... — Ижорская земля находилась в районе Невы и подчинялась Новгороду. *Насадоъ* — вид речного судна. ... *и бысть съча велика над Римляны* ... — Римлянами называли сторонников католической веры, в данном случае шведов, финнов, норвежцев. Невская битва со шведами произошла 15 июля 1240 г. недалеко от впадения реки Ижоры в Неву. *Шнекъ* — вид судна.

С. 123(131). ... *приидоша пакы от Западныя страны и возградиша град въ отечествѣ Александровѣ*.— Крепость Копорье была построена ливонцами в 1241 г. на земле, принадлежавшей Новгороду. *Уже бо бяхе град Псков взят* ... — Псков был захвачен немцами в 1240 г. Александр Невский освободил город в мае 1242 г.

С. 124(132). «... *яко же древле Моисию на Амалика и прадѣду нашему Ярославу на окааннаго Святополка*».— Согласно библейской легенде, Моисей одержал победу над войском Амалика благодаря чудесному действию молитвы. Ярослав Владимирович Мудрый в 1019 г. на р. Альте разбил войско Святополка, отомстив за убийство братьев Бориса и Глеба. *И бысть съча зла* ... — Битва на Чудском озере (Ледовое побоище) состоялась 5 апреля 1242 г. ... *яко же Исуса Наввина у Ерехона*.— По библейской легенде, крепостные стены Иерихона обрушились от криков и звука труб осаждающего их израильского войска во главе с Иисусом Наввином.

С. 125(133). ... *моря Хонужьскаго* ... — Каспийское море. ... *моря Варяжскаго* ... — Балтийское море. ... *бѣ царь силенъ на Вѣсточнѣй странѣ* ... — хан Золотой Орды Батый. Александр совершил поездку в Золотую Орду в 1246 г. ... *жены моавитскыя* ... — Моавитяне — племя, жившее в Палестине, враждебное израильтянам. Здесь: татары. ... *и посла воеводу своего Неврюня* ... — Неврюево нашествие на Владимиро-Суздальскую землю произошло в 1252 г. Ханом Золотой Орды был уже в то время не Батый, а его сын Сартак.

С. 126(134). *Август* — Гай Юлий Цезарь Октавиан Август (63 г. до н. э. — 14 г. н. э.), римский император. *Константин Великий* — римский император (285—337), при котором христианство было принято в качестве государственной религии. ... *до перваго збора и седмаго* ... — Первый вселенский собор был в 325 г., седьмой — в 787 г. ... *Александръ поиде к цареви, дабы отмолиле люди от бѣды тоя*.— В 1262 г. Александр поехал в Орду и добился освобождения русских от обязанности выступать на стороне татар во время татарских

походов. ... *Дмитрия посла на Западныя страны* ... — Имеется в виду поход на Юрьев в 1262 г.

С. 127(135). ... *въ Боголюбѣмъ* ... — Боголюбово — бывшая резиденция Андрея Боголюбского, недалеко от Владимира. ... *да вложат сѣмъ грамоту душевную*. — Во время обряда погребения читается разрешительная молитва о прощении грехов. Текст ее после чтения влагается в правую руку умершего.

СКАЗАНИЕ О ДОВМОНТЕ

Довмонт — псковский князь, который за свое тридцатитрехлетнее княжение (1266—1299) одержал ряд крупных побед над Литвою, ливонскими рыцарями, чудью. Литовец по происхождению, Довмонт сумел снискать любовь псковичей, избравших его, а не князя из рода Рюриковичей, своим князем. Его княжение было отмечено не только воинскими подвигами в защиту Пскова и его земель, но и деятельностью по строительству и укреплению города. Вскоре после кончины Довмонта псковичи начали чтить его как местного святого, покровителя Пскова.

«Сказание о Довмонте» было составлено во Пскове не позднее конца XIV в. и дошло до нас в составе трех псковских летописей.

Текст публикуется по списку XVI в. (ГПБ, собр. Погодина, № 1413), при этом опускаются даты, внесенные в этот список в более позднее время. Название «Сказание о благоувернемъ князи Довмонтѣ и о храбрости его» заимствовано из Псковской второй летописи (ГИМ, Синодальное собр., № 154, XV в.), так как ни в одном другом списке этого произведения, в том числе и в списке, взятом для публикации, его нет.

С. 136(141). *Побишася литва межи собою* ... — Имеется в виду междоусобная война в Литве после убийства великого литовского князя Миндовга (1263). *Си бысть князь Домонтъ от племени литовского* ... — О жизни Довмонта в Литве сохранились противоречивые сведения. Согласно одним источникам, Довмонт был князем нальшанским, участвовал в убийстве Миндовга и бежал после этого в Псков, преследуемый сыном убитого князя. Другие источники, более поздние, называют Довмонта сыном Миндовга, его побег в Псков объясняют гонениями на сторонников Миндовга и желанием Довмонта принять христианство. ... *въ святѣй Троици* ... — Троицкий собор в псковском кремле. *Плесков, Пльсков* — древнее название Пскова. *Девяносто* — отряд в девяносто человек.

С. 137(142). *Гердень* — литовский князь, бывший, по-видимому, в числе врагов Довмонта. *Тогда же бѣ приспѣлъ день* ... *воеводѣ* ... *Леонтия* ... — Битва с литовцами состоялась 18 июня 1266 г., в день памяти святого Леонтия. *Всеволод* — князь Всеволод (в крещении Гавриил) Мстиславич, внук Владимира Мономаха, был псковским князем в 1137—1138 гг., признан местным святым, почитался как защитник Пскова. ... *великий князь Дмитрий Олександровичъ съ зятѣмъ своимъ с Домонтомъ* ... — Довмонт был женат на дочери Дмитрия Александровича, сына Александра Невского, Марин.

С. 138(143). *Раковор* (Везенберг) — город на территории, занимаемой эстами, современный г. Ракове в Эстонской ССР. ... *и бысть сѣча велика* ... — Раковорская битва с ливонскими рыцарями состоялась 18 февраля 1268 г. *Суббота сыропустная* — суббота накануне великого поста. *Вируяне* — население земель, расположенных у Раковора. *Поморье* — часть южного побережья Балтийского моря. ... *поганое латины* ... — Латинянами называли сторонников католи-

цизма, в данном случае — ливонских рыцарей. *Насад* — см. прим. к с. 122. *Мироповна* — река, впадающая в Чудское озеро. ... *местерьъ земли Ризския* ... — Магистр Ливонского ордена Оттон фон Луттерберг (1267—1271) возглавлял поход ливонцев на Псков весной — летом 1269 г.

С. 139(144). *Учан* — лодка, речное судно. ... *игуменъ святого Спаса* ... — Спасо-Мирожский монастырь близ Пскова. ... *игуменъ святой Богородици Снятной горѣ* ... — церковь Рождества богородицы в Снегогорском монастыре (XIII в.), близ Пскова. *Иван Дорогомилевич* — по-видимому, новгородский посадник. ... *у святого Петра и Павла на бѣрезѣ* ... — Церковь св. Петра и Павла на пути к Снегогорскому монастырю. *Вельневици* — жители ливонского города Феллина. ... *великому князю Андрѣви* ... — Андрей Александрович, сын Александра Невского, князь городецкий, костромской (с 1276 г.), в 1281 г. получил ярлык на великое княжение; окончательно утвердился на великокняжеском столе в 1294 г.; умер в 1304 г.

С. 140(145). *Акрит* — герой «Девгениева деяния», византийской повести о подвигах богатыря Дигениса, прозванного Акритом. *Акриты* — воины, несшие службу на границе. ... *великий князь Александръ* ... — Александр Невский.

РУКОПИСАНИЕ МАГНУША

«Рукописание Магнуша» — публицистическое сочинение, предупреждающее северных соседей Руси — шведов и норвежцев — от войны с Русским государством, было создано, по-видимому, в Новгороде в начале XV в. «Рукописание ...» представляет собой вымышленное завещание Магнуса Эриксона, короля Швеции (1319—1363) и Норвегии (1319—1355), поход которого на новгородские земли в 1348 г. кончился полным разгромом шведского войска.

Автобиографическая форма жанра «рукописания» используется в этом повествовании с явно публицистической целью: самохарактеристика Магнуса и его самоосуждение, покаяние должны усилить мотив неизбежности возмездия завоевателя, нарушившему «вечный мир» с Русской землей, показать неустанную и победоносную оборону Руси ее князьями, посадниками, воинами.

«Рукописание Магнуша», описывающее одну из крупных военных побед Новгородской республики, защищавшей северо-западные рубежи Русской земли, пользовалось большой популярностью (особенно в новгородской литературной традиции), неоднократно включалось в летописи.

В настоящем издании текст печатается по Софийской первой летописи (ПСРЛ, т. V, СПб., 1851) по древнейшему ее списку (до 1481 г.) — ЦГАДА, ф. 135 (собр. Оболенского), отд. 5, рубр. 2, № 3, с необходимыми исправлениями.

С. 146(148). *Местерь Бельгеръ* — ярл Биргер. См. прим. к с. 121. *Князь великий Александр Ярославич* — Александр Невский. ... *брат мой Маскалка* ... *город постави на Охтѣ-речѣ* ... — Речь идет о походе 1300 г. шведского маршала Торгильса Кнутсона и основании им крепости Ландскрона в устье Невы, при впадении в нее реки Большая Охта. Почетное придворное звание марскалка было принято автором «Рукописания...» (вслед за его летописными источниками) за личное имя «Маскалка». «Братом» Магнуса он назван либо в переносном смысле (в значении брат-завоеватель), либо в результате ошибочного отождествления Магнуса Эриксона с другим королем — Магнусом Ладулосом, после смерти которого (1290) маршал Торгильс Кнут-

соп правил Швецией как регент (до 1303 г.). ... *великий князь Андрей Александрович, город взя...* — Андрей Александрович, сын Александра Невского, «побил» шведов и взял крепость Ландскрона в 1301 г. ... *розмирие с Русью...* — началось с 80-х гг. XIII в., когда участились нападения шведов на Русь. ... *с великимъ княземъ Юриемъ Даниловичемъ взяли есмь миръ вѣчный...* — Имеется в виду Ореховецкий договор Новгорода со Швецией 1323 г., определивший границы владений и закрепивший их специальными грамотами. Юрий Данилович (1281—1325), внук Александра Невского, князь московский (с 1303 г.) и великий князь владимирский (с 1318 г.).

С. 146—147 (148—149). *Орѣхов* (Ореховец, Орешек, Шлиссельбург, совр. Петрокрепость), *Копорье* — русские крепости.

С. 147 (149). *Нерова* — река Нарва, Нарва. *Сынъ мой Сакунъ* — Хакон (Гакон) VI Магнусон, король Норвегии (1355—1380), младший сын Магнуса. ... *в Полную рѣку...* — Неясно, является слово «Полная» названием реки или ее характеристикой. На карте XVI в. обозначена река Полна, впадающая в Балтийское море севернее Невы.

ПОВЕСТЬ О ПОБОИЩЕ НА РЕКЕ ПЬЯНЕ

Летописный рассказ о побоище на реке Пьяне относится к событиям конца XIV в., когда усилилось военное сопротивление великого княжества Московского Орде. Москва становится в это время во главе остальных княжеств северо-восточной Руси, и великий князь московский возглавляет борьбу русских княжеств с Золотой Ордой. Столкновение с ордынскими силами на р. Пьяне закончилось поражением русских отрядов; виной этому оказалась неорганизованность русских воевод и беспечность русских воинов. Летописная повесть о битве на Пьяне носит обличительный характер — автор с горьким сарказмом восклицает, обыгрывая название реки: «Поистинишѣ — за Пьяною пьяни!»

Текст «Повести...» публикуется по списку Симеоновской летописи первой половины XVI в. — БАН. 16.8.25. Отдельные исправления ошибочных написаний сделаны по Рогожскому летописцу (ГБЛ, ф. 247, — собрание Рогожского кладбища, № 253).

С. 150 (152). *Пьяна* — приток реки Суры, которая впадает в Волгу; находится на юг от Нижнего Новгорода. ... *из Синие Орды...* — Синей Ордой древнерусские памятники называли Ак-Орду (Белую Орду), которая располагалась на территории нынешнего Казахстана и Западной Сибири. *Дмитрий Константинович* — великий князь суздальско-нижегородский с 1365 по 1383 г. На его дочери Евдокии женился великий князь московский Дмитрий Иванович в 1366 г. *Дмитрий Иванович* (1350—1389) — великий князь владимирский и московский с 1359 г. После Куликовской битвы в 1380 г. Дмитрий Иванович получил прозвище — Донской. ... *посла сына своего, князя Ивана...* — Иван Дмитриевич; утонул в реке Пьяне, когда ему было двадцать два года. ... *да князя Семена Михайловича...* — Какой это князь — неизвестно. ... *доспѣхи своя на телѣги своя въскладаху...* — Доспехи при передвижении и при отсутствии опасности находились в обозе. *Сулицы* — короткие метательные копья.

С. 150 (153). *Зажитье* — место, приготовленное заранее для размещения войска, с запасом съестных припасов и фуража.

С. 150 (154). *Спасов день* — здесь: 6 августа. *Засурье* — местность по реке Суре, пограничные с Ордой земли Суздальско-Нижегородского княжества. ... *князь Василий Дмитриевич...* — Василий Дмит-

риевич Кирдяпа (1350—1403), старший сын Дмитрия Константиновича. *Госпожин день* — день успения богородицы, 15 августа.

ПОВЕСТЬ О БИТВЕ НА РЕКЕ ВОЖЕ

За два года до Куликовской битвы, в 1378 г., на реке Воже произошло первое серьезное столкновение сил Мамай с войсками великого князя московского Дмитрия Ивановича. Это была своеобразная «разведка боем» накануне Куликовской битвы. Опасаясь усиления Москвы, правитель Золотой Орды Мамай послал в 1378 г. под командованием воеводы Бегича большое войско на Московское княжество. Не дожидаясь прихода врага, великий князь Дмитрий Иванович вышел навстречу Бегичу и в сражении на реке Воже нанес сокрушительное поражение врагу. «Разведка боем» подтвердила возросшую силу Московского княжества и заставила Мамай предпринять в 1380 г. большой поход на Русь, завершившийся Куликовской битвой.

Текст «Повести...» публикуется по списку Симеоновской летописи первой половины XVI в., — БАН. 16.8.25. Отдельные исправления ошибочных написаний сделаны по Рогожскому летописцу.

С. 155(157). *Вожа* — река в северо-западной части Рязанского княжества, впадает в р. Оку. ... *ординский князь, поганый Мамай* ... — Темник (военачальник) при хане Золотой Орды Бердибеке Мамай, женатый на дочери хана, был по существу правителем Орды. В 1379 г. он полностью захватил власть в свои руки. Однако именовать ханом Мамай не мог, так как не был потомком Чингис-хана. *Бѣгич* — воевода Мамай.

С. 156(158). *Вежи* — кибитки, шатры. *Алачуги* — одно из названий походных жилищ кочевников. *И посрамлени быша окааннии половци* ... — Половцами русские книжники называли и монголо-татар. ... *нечестивци измалтяне* ... — В русских памятниках измалътянами назывались кочевые, нехристианские народы вообще. ... *понеже царь их не владѣаше ничим* ... — Мамай держал на ханском престоле номинальных ханов, полностью подчинявшихся ему.

ЗАДОНЩИНА

В 1380 г. ордынский правитель Мамай предпринял большой поход на Московское княжество. Дмитрий Донской, как и в 1378 г., решает выйти навстречу врагу. В союзе с Москвой выступили многие русские княжества. Сражение произошло 8 сентября 1380 г. в пределах Рязанской земли, на Куликовом поле, в месте впадения в Дон реки Непрядвы. Понеся огромные потери, русские одержали победу. Это была первая большая победа над монголо-татарами, являвшаяся переломным моментом во взаимоотношениях Руси с Ордой. Куликовская битва нашла отражение в нескольких произведениях: «Задонщине», краткой и пространной летописных повестях о Куликовской битве и в «Сказании о Мамаевом побоище». Есть все основания полагать, что «Задонщина» была написана в 80-е гг. XIV в., вскоре после Куликовской битвы, и, во всяком случае, еще при жизни Дмитрия Донского (т. е. до 1389 г.). «Задонщина» — это лирико-эпическое описание сражения на Дону. За основу своего произведения автор «Задонщины» взял «Слово о полку Игореве» — рассказывая о победе над Мамаем, он пользуется и образами, и отдельными фразами, и целыми отрывками «Слова».

«Задонщина» дошла до нас в шести списках. Мы публикуем ре-

конструкцию текста, в основу которой положен список Ундольского (ГБЛ, собр. Ундольского, № 632, XVII в.). Изменения, исправления и добавления в этот текст вносились только на основании чтений других списков и набраны курсивом. Настоящая реконструкция, за единичными исключениями (восстановлены отдельные чтения списка Ундольского), повторяет реконструкцию «Задонщины», опубликованную в книге: «Слово о полку Игореве». Библиотека поэта. Большая серия. Второе издание. Л., 1967, с. 363—378. В названном издании в подстрочном аппарате к тексту приводятся обоснования изменений, внесенных в список Ундольского по данным всех остальных списков «Задонщины».

С. 159(169). *Владимир Андреевич* — двоюродный брат Дмитрия Донского, князь серпуховской. Руководил многими военными мероприятиями и походами Дмитрия Донского. Умер в 1410 г. *Микула Васильевич* — московский воевода. Микула Васильевич Вельяминов был сыном Дмитрия Донского — их жены были сестрами. Погиб в битве на Куликовом поле. «...идет к намъ в Залѣскую землю». — Залесской землей сначала назывались земли Владимиро-Суздальского, а затем и Московского княжества. ... *жребия Афетова, сына Носва ... И оттоля на восточную страну — жребий Симова, сына Ноева ...* — По библейской легенде, после всемирного потопа земля была разделена между сыновьями Ноя. Иафету (Афету) достались северные и западные страны, таким образом, Русь входила в «жребий» — удел — Иафета; Хаму достался юг, а восток — Симу, поэтому «жребий Симов» — восточные страны. ... *от него же родися хинovia ...* — Хинове — обобщенное наименование восточных народов, кочевников. *Каяла* — см. прим. к с. 29. ... *а от Калатския рати ...* — то есть от битвы с монголо-татарами на реке Калке в 1223 г.

С. 160(170). *Владимир Киевский* — Владимир I Святославич, князь киевский с 980 г. Русские князья подчеркивали, что они потомки крестителя Руси, князя Владимира. *Боян* — дружинный певец второй половины XI — начала XII в., которого автор «Слова о полку Игореве» называет своим поэтическим предшественником. *Игорь Рюрикович* — киевский князь (912—945). *Ярослав Владимирович* — Ярослав Мудрый, великий князь киевский с 1016 по 1054 г. *Аз же помяну резанца Софония ...* — В двух списках «Задонщины» Софоний Рязанец назван в заглавии как автор произведения. Но в самом тексте «Задонщины» автор говорит о нем как о лице, по отношению к нему постороннем. Кроме того, Софоний называется автором произведения в заглавии некоторых списков «Сказания о Мамаевом побоище». Возможно, Софонию принадлежало еще одно сочинение о Куликовской битве, до нас не дошедшее, но известное авторам «Задонщины» и «Сказания». Никакими сведениями о Софонии мы не располагаем. *А от Калатские рати до Мамаева побоища 160 лѣт.* — 160 лет после Калкской битвы было в 1383 г. Академик М. Н. Тихомиров высказал предположение, что такая ошибка в вычислении может свидетельствовать о 1383 г. как о времени написания «Задонщины». ... *в полѣ Половецкое!* — Земли, занимаемые монголо-татарами, по аналогии с более древним периодом истории Руси, назывались Половецким полем.

С. 161(171). ... *выехали посадники из Великого Новгорода ...* — Посадники — правители Новгорода, избиравшиеся на вече. Об участии новгородцев в Куликовской битве сообщают и некоторые редакции «Сказания...». Однако новгородские летописи об участии новгородцев в битве на Куликовом поле ничего не говорят. ... *на реки на Мечи ...* — Река Красивая Меча — правый приток Дона.

...дзу братом Олгордовичем, Андрію и брату его Дмитрею... — сыновья великого князя литовского Ольгерда, находившиеся на службе у великого князя московского. *Дмитрий Волинский* — Дмитрий Боброк-Волинский, сын литовского князя из Волинии Корната-Михаила Гедиминовича. Выехав из Литвы, он был сначала тысяцким у нижегородского князя, а затем перешел на службу к Дмитрию Донскому, у которого был воеводой. *Едимант* — Гедимин, один из первых великих литовских князей (княжил с 1316 по 1341 г.). *Сколуменд* — видимо, литовский князь Ердвил-Скирмунт (Скилмонт), XIII в. *Сулица* — см. прим. к с. 150.

С. 162(172). ...черлеными щиты.— Щиты, окрашенные черленью, яркой розово-красной краской. *Непрядва* — приток Доча, ограничивает с севера Куликово поле. *Борис и Глеб* — сыновья великого князя киевского Владимира I Святославича. После смерти отца были убиты братом Святополком, который захватил великокняжеский престол. При Ярославе Мудром, в 1019 г. разбившем Святополка и овладевшем княжеским престолом в Киеве, Борис и Глеб были признаны святыми: они почитались как покровители Руси и русских князей.

С. 163(173). ...князи бѣлозѣрсти... — В Куликовской битве участвовали белозерские князья Федор Иванович (в тексте ошибочно «Семенович») и его сын Иван; оба погибли. ...кинжалы фряские... — Фряги — генуэзцы. *Кликнуло Диво*... — В «Слове о полку Игореве» — Див. Что означает это слово и в «Слове о полку Игореве», и в «Задонщине» — неясно. Большинство исследователей предполагает, что Див — какое-то мифическое существо. *Железные Ворота* — совр. Дербент. ...кѣ Караначи... — Орнач; город Орнач упоминается в летописях, но единого мнения о том, что это за город, нет. Возможно, так назывался в древнерусских летописях Ургенч — столица Хорезма, уничтоженная в 1388 г. Тимуром. *Кафа* — современная Феодосия, в XIV в. генуэзская колония в Крыму. ...К Торнаву... — Тырново, столица Болгарского царства.

С. 164(174). *Рождество святой богородицы* — 8 сентября. *Пересвет* — монах Троицкого монастыря; вместе с иноком Ослябей был послан игуменом монастыря Сергием с войсками Дмитрия Донского на Куликово поле. ...на суженое мѣсто привели.— Сражение, поединок трактовались как «божий суд»: считалось, что по божьему изволению побеждал правый. ...на забралах... — Забрало (забороло) — защищенная галерея, идущая по верху крепостной стены. *А Ондрьева жена Марья да Михайлова жена Оксинья*... — жены восвод Андрея Серкизовича и Михаила Ивановича.

С. 165(175). *Шур* — певчая птица величиной со скворца. *Акима и Аннинъ день* — 9 сентября.

С. 167(177). *Тогда говорит Михайло Александрович*... — Расчет убитых на поле Куликовом носит преувеличенный характер; в числе убитых бояр названы представители и тех княжеств (например — «70 бояр рязанских»), которые участия в Куликовском сражении не принимали.

ПРОСТРАННАЯ ЛЕТОПИСНАЯ ПОВЕСТЬ О КУЛИКОВСКОЙ БИТВЕ

Летописная повесть о Куликовской битве дошла до нас в двух видах: кратком и пространном. Текст краткой повести, написанной, вероятно всего, вскоре после самого сражения, дающий, по сущест-

ву, лишь хронологический перечень событий, полностью вошел в состав пространной, которая передает значительно больше исторических подробностей, освещает события гораздо обстоятельнее.

Большинство исследователей относят время создания пространной летописной повести к концу XIV в. В последнее время М. А. Салминой была предложена новая датировка этого произведения — 40-е гг. XV в.

Пространная летописная повесть о Куликовской битве получила широкое распространение в древнерусской книжности — она включена в большинство русских летописей. Мы издаем повесть по Строевскому списку Новгородской IV летописи (ГПБ, собр. Погодина, № 2035, XV в.). Этот список был принят за основной при издании Новгородской IV летописи: ПСРЛ, т. IV, вып. 1. Пг., 1915, с. 311—320; вып. 2. Л., 1925, с. 321—325. Исправления ошибочных написаний сделаны по другим спискам Новгородской IV летописи, использованным при ее издании. Исправления набраны курсивом.

С. 179(191). ... *бессермены ... буртасы*. — Здесь, возможно, «бессермены» обозначают народов Волжской Болгарии; армяне жили в разных местах Средней Волги; буртасы — племена, жившие на правом берегу Волги в ее среднем течении. Все эти земли входили в состав Золотой Орды.

С. 180(192). *Семень день — 1 сентября. Иде къ зборней церкви матери божии Богородици* ... — Имеется в виду Успенский собор в московском Кремле, основанный в 1326 г. митрополитом Петром.

С. 181(194). ... *при Чанибѣ цари* ... — при Джанибеке, хане Золотой Орды (1342—1357).

С. 182(194) ... *къ Пречистѣй* ... — к коломенскому собору Успения богородицы. ... *на усть Лопастны* ... — Вблизи места впадения в Оку реки Лопасни находилась переправа через Оку.

С. 182(195). ... *у великой княгинѣ у Евдокии* ... — Женой Дмитрия Донского (с 1366 г.) была суздальская княжна Евдокия (Авдотья) Дмитриевна, дочь суздальско-нижегородского князя Дмитрия Константиновича. ... *Федора Ондрьевича*. — В 1380 г. было два боярина с именем Федор Андреевич. Одни исследователи считали, что в виду имеется боярин Федор Андреевич Кошка, родоначальник Романовых. Другие отождествляют это имя с боярином Федором Андреевичем Свибло.

С. 183(195). ... *за два дни до Рожества святыа богородица*. — 6 сентября. *Сергий* — Сергий Радонежский, основатель Троицкого монастыря (в настоящее время — Троице-Сергиева лавра в г. Зароске).

С. 184(196). ... *от утра до третьего часа*. — В Древней Руси дневные часы отсчитывались начиная с восхода солнца; в зависимости от времени года, таким образом, счет часов менялся.

С. 187(199). *Феодоръ Торусский*. — В поздних летописях Федор Тарусский назван в числе убитых под Беловом в 1483 г. В пергаменном Синодике XV в. в перечислении убитых на Куликовом поле этого имени нет. *Дмитрий Монастыревъ*. — Боярин Дмитрий Александрович Монастырев был убит не на Куликовом поле, а в 1378 г. в битве на р. Воже. *Дмитрий Минич* — боярин Дмитрия Ивановича, был убит не на Куликовом поле, а при набеге Ольгерда Литовского на Москву в 1368 г.

С. 189(202). ... *ити изгоном* ... — неожиданно быстрым набегом.

СКАЗАНИЕ О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ

«Сказание о Мамаевом побоище» — основной памятник Куликовского цикла. Это самый подробный рассказ о победе Дмитрия Донского над Мамаем и самое увлекательное сюжетное повествование о событиях на Куликовом поле.

«Сказание о Мамаевом побоище», вероятнее всего, было написано в первой четверти XV в. Особый интерес к Куликовской битве, о которой в это время еще хорошо помнили, объясняется вновь обострившимися взаимоотношениями с Ордой, и в частности набегом Едигея на Русь в 1408 г.

«Сказание о Мамаевом побоище» сообщает значительно больше всевозможных подробностей о битве, чем пространная летописная повесть. Не приходится сомневаться, что многие из этих подробностей являются отражением действительных исторических фактов, более нигде не зафиксированных.

Немало в памятнике и явно легендарных сообщений.

В соответствии с публицистической направленностью произведения автор его иногда умышленно допускает исторические анахронизмы.

«Сказание о Мамаевом побоище» дошло до нас в очень большом количестве списков, датируемых периодом времени с XVI по XIX в. включительно. Все эти списки делятся на восемь редакций, которые, в свою очередь, подразделяются на многочисленные варианты. Из четырех редакций «Сказания...», которые бесспорно возникли не позднее XVI в. («Основная», «Летописная», «Распространенная» и «Киприановская»), наиболее близка к первоначальному виду произведения Основная редакция.

Текст Основной редакции публикуется по списку первой половины XVI в. — ГПБ, О. IV, 22.

С. 203(236). *Владимир Андреевич* — см. прим. к с. 159.

С. 204(237). *... поревъновавъ второму Иулиану ...* — Флавий Клавдий Юлиан — римский император (361—363), возродивший эллинистическое язычество и выступавший с гонениями против христиан. Был прозван за это Отступником. *... великого князя Юрья Дмитревича убилъ ...* — Имеется в виду Георгий (Юрий) Всеволодович, великий князь владимирский, убитый в сражении на реке Сити в марте 1238 г. Отец Юрия Всеволод Юрьевич Большое Гнездо имел второе имя — Дмитрий. *... Иерусалимъ плѣненъ бысть Титомъ римскимъ и Навходнасоромъ, царемъ вавилонскимъ ...* — Навуходоносор II — царь Нововавилонского государства (605—562 гг. до н. э.). В 587 г. захватил Иерусалим и разрушил его. Император Тит в 70 г. н. э., подавляя восстание в Иудее, разрушил Иерусалим. *... на-ча глаголати къ ... султаномъ ...* — Алпауты — вельможи.

С. 205(238). *Ольгордъ Литовский* — Ольгерд, великий князь литовский (1345—1377). На самом деле с Мамаем заключил союз сын Ольгерда Ягайло. Ольгерд умер в 1377 г., за три года до Куликовской битвы. Он был опасным противником Московского князя; его избеги на Москву делали его имя ненавистным москвичам. Ягайло же ни до этого, ни после не воевал против московского князя. Поэтому, называя союзника Мамаея Ольгердом, автор «Сказания» с особой силой подчеркивал могущество московского князя.

С. 206(239). *... казнити свой улусъ ...* — Улусом называлась земля, подвластная ордынскому хану.

С. 207(240). *... новаго Святоплѣка нареку.* — См. прим. к с. 162.

С. 208(241). *Киприан* — митрополит всея Руси с 1375 по 1406 г. Киприана не было в Москве в 1380 г., он находился в это время в Киеве. Это не ошибка, а умышленный литературно-публицистический прием: автор изображает дело так, будто все действия великого князя одобрены и благословлены митрополитом всея Руси. *Василий Великий* — один из «отцов церкви» (IV в. н. э.). ... *посла ... Меркурия* ... — Меркурий Кесарийский — византийский святой. Согласно легенде, он был воином и по повелению свыше разбил неприятеля.

С. 209(243). *Тихая Сосна* — река Сосна, приток Дона.

С. 210(243). *Мясопустъ святых богородица* — имеется в виду канун успенского поста (с 1 до 15 августа).

С. 210(244). *Успение святых богородица* — 15 августа.

С. 211(244). *Память святых мученикъ Флора и Лавра* — 18 августа. *Пересвѣта Александра* ... — См. прим. к с. 164.

С. 212(245). ... *крестъ ... на скамах* ... — Схима — особое одеяние, надеваемое монахами, принявшими схиму — высшую монашескую степень.

С. 213(246—247). ... *въ Фроловскыя врата, и в Никольскыя, и в Констянътино-Еленскыя* ... — Фроловские — нынешние Спасские ворота Кремля; Никольские ворота выходят в сторону Красной площади; Константино-Еленинские ворота в настоящее время заложены.

С. 213(247). ... *церковь ... архистратига Михаила* ... — В 1380 г. на том месте, где сейчас находится Архангельский собор в Кремле, построенный в 1505—1508 гг., стояла каменная церковь, служившая княжеской усыпальницей.

С. 214(247). ... *на Брашеву* ... — древнерусский городок в Коломенском уделе. ... *Болвановскою дорогою* ... — дорога на Коломну. ... *на Котелъ дорогою* ... — дорога на юг, по направлению к Серпухову. Котел — небольшой ручей, впадавший в Москву-реку.

С. 214(248). ... *сяде на урундуцѣ* ... — Рундук — лавка в виде ларя.

С. 215(248). ... *гостей сурожанъ* ... — Сурожанами назывались купцы, торговавшие с колониальным генуэзским городом в Крыму — Сурожем (современный Судак).

С. 215(249). ... *на память ... Моисиа Мурина* ... — 29 августа. *Северка* — небольшая река в районе Коломны. ... *на поле к Дивичю*. — Поле около Девичьего монастыря в Коломне.

С. 217(251). *Одоев* — город в ста сорока километрах от Куликова поля.

С. 218(251). ... *князь Андрѣй Полотскый и князь Дмитрей Брянскый* ... — см. прим. к с. 161.

С. 219(252). ... *ис Сѣверы* ... — Северская земля, в которую входили города Путивль и Брянск. *Березуй* — город в восьмидесяти километрах от Куликова поля.

С. 219(253). ... *ревнителю ... князю Ярославу* ... — Имеется в виду борьба Ярослава Мудрого со Святополком Окаянным.

С. 220(254). ... *Ярославъ, перевезеся рѣку, Святоплѣка побѣди* ... — Первая битва Ярослава со Святополком произошла в 1016 г. на Днепре у Любеча, тогда Ярослав перешел реку, напал на Святополка и одержал победу. ... *великий Александръ, Неву-реку перешед* ... — Имеется в виду битва Александра Невского со шведами на Неве в устье реки Ижоры. Перед битвой Александр перешел Ижору.

С. 222(255). *Дмитрей Боброковъ* — см. прим. к с. 161. ... *яко Констянътину побѣду* ... — Имеется в виду Константин Великий, см. прим. к с. 126.

С. 227(260). ... *якоже Леонтий царь Феодору Тирону* ... — Феодор Тирон — герой апокрифического сказания, первый воин у царя, успешно и мужественно выполняющий царские поручения.

С. 228(261). ... *шелом архангельского образа* ... — имеется в виду куколь — головное покрывало скимника, по форме похожее на воинский шлем.

С. 230(264). ... *Мамай ... нача приызвати бозы своя* ... — Автор «Сказания ...», желая подчеркнуть «идолопоклонство» Мамай, называет в числе богов Мамай и древнерусских языческих богов — Перуна и Гурса (искаженное «Хорс»).

С. 232(265). ... *дрѣвний Ярославъ, новый Александръ* ... — Дмитрий Иванович сравнивается с Ярославом Мудрым и Александром Невским.

С. 233(267). ... *древнему Авису подобенъ* ... — Любимый воевода персидского царя Дария Авис, чтобы спасти Дария от окончательного поражения, решил убить Александра Македонского, жертвуя ради этого своей собственной жизнью. Покушение Ависа не увенчалось успехом.

ПОВЕСТЬ О НАШЕСТВИИ ТОХТАМЫША

В 1382 г. хан Тохтамыш, воцарившийся в 1380 г. в Золотой Орде после победы над темником Мамаем, пришел на Москву. Ему удалось захватить город и подвергнуть его страшному разгрому. Эти события и легли в основу летописной повести.

Как показало текстологическое изучение, в основе «Повести ...» лежит краткий рассказ 1382 г., читавшийся в летописном своде 1408 г. Старшие списки «Повести ...» содержатся в Софийской первой, Новгородской четвертой, Новгородской пятой, Новгородской Карамзинской летописях.

Текст повести публикуется по Новгородской Карамзинской летописи XVI в. (ГПБ, F.IV, 603). Исправления вносятся по Голицынскому списку первой редакции Новгородской четвертой летописи (ГПБ, Q.XVII, 62).

С. 270(280). ... *град, нарицаемый Блѣгары* ... — бывшая столица Волжско-Камской Болгарии. В 1361 г. был разрушен ханом Булак-Тимуром, но продолжал существовать вплоть до начала XV в. ... *князя Дмитрия Ивановича* ... — см. прим. к с. 150.

С. 271(281). *Дмитрий Константинович Суждалский* — см. прим. к с. 150. ... *Киприанъ митрополит приеха на Москву*. — Киприан (см. прим. к с. 208) в 1382 г., перед нашествием Тохтамыша, по сведениям летописей, покинул Москву, уехав в Тверь.

С. 272(282). ... *Остѣй, внукъ Олгердов* ... — Об Ольгерде см. прим. к с. 205. *Суконники* — купцы, торговавшие сукном.

С. 273(283). *Тюфяки* — огнестрельные орудия, предназначенные для стрельбы картечью, меньшего калибра по сравнению с пушками.

С. 273(284). *Пороки* — камнеметные орудия.

С. 274(284). ... *над враты Фроловскими* ... — См. прим. к с. 213. ... *князя Нижнего Новаграда* ... — Здесь Василий и Семен, сыновья Дмитрия Константиновича Нижегородского и Суздальского, названы нижегородскими князьями. Выше в тексте они именовались князьями суздальскими.

С. 277(287). *Брат его Володимеръ* — Владимир Андреевич Серпуховской (см. прим. к с. 159). *Мати Володимерова* — княгиня Мария, жена князя Андрея Ивановича Серпуховского.

ПОВЕСТЬ О СТОЯНИИ НА УГРЕ

«Повесть о стоянии на Угре» читается под 6988—6989 (1480—1481 гг.) в составе Типографской летописи, представляющей собою свод, по-видимому составленный в 80-х гг. XV в. и связанный с ростовской архиепископской кафедрой. Повесть заканчивается патристическим призывом к «храбрым мужественным сынам русским» не пощадить «своих глав», спасая Русскую землю от участи тех стран, которые были завоеваны к концу XV в. мусульманами (Греция, южнославянские земли). Историческое значение этого призыва было чрезвычайно велико — именно события на Угре в 1480 г. положили конец почти трехсотлетнему ордынскому игу.

Очевидно, в 1480 г. Иван III испытывал колебания, пойти или нет на прямое столкновение с ханом. Победа сторонников решительного сопротивления и успех русских привели к тому, что неофициальный ростовский рассказ был использован впоследствии официальным великокняжеским летописанием. В различных редакциях этого свода — в Московском своде конца XV в., Симеоновской летописи читается рассказ, в своей основе сходный с ростовской «Повестью о стоянии на Угре», но с особым подчеркиванием предательской роли братьев великого князя — Андрея Большого и Бориса, выступавших против сопротивления Ахмату в 1480 г. Мы издаем здесь текст повести по Типографской Академической летописи (спусок XVII в. — БАН, 32.8.3) с исправлениями по рукописи Типографской Синодальной (XVI в. — ГИМ, Синодальное собр., № 789).

С. 290(294). ... *царь Ахмат идет со своею ордою ... во единой думе с Казимером* ... — Ахмат (Ахмед) — хан (1459—1481) Большой Орды, наиболее крупного государства, образовавшегося в низовьях Волги в результате распада Золотой орды; нападал на Русь и до 1481 г. *Уланы* — члены ханского рода в Орде. *Казимир IV Ягеллон* — литовский великий князь и польский король. ... *а сына своего, великаго князя Ивана* ... — Иван Молодой (1458—1490), с 1471 г. — соправитель Ивана III. ... *Андрея Васильевича Меньшаго* ... — брат Ивана III, с 1462 г. — удельный князь вологодский. ... *ко Угорь рецъ* ... — Угра — северный приток Оки, впадающий в нее в районе Калуги. *Великая княгиня Марфа* — вдова Василия II, великая княгиня Мария Ярославовна, постригшаяся в 1478 г. в монахини под именем Марфы. *Михаил Андреевич* — удельный князь верейско-белозерский в 1432—1486 гг.

С. 291(295). ... *ста на Кременцъ* ... — город к северу от Угры, недалеко от русско-литовской границы. ... *бъша бо ему свои усобицы, тогда бо воева Менгирей, царь перекопский, королеву Подольскую землю, служа великому князю*. — Речь идет, по-видимому, о двух событиях: о заговоре православных князей Литовского государства и о нападении союзника Ивана III крымского хана (1468—1515) Менгли-Гирея на польско-литовскую Подолью. ... *противу великаго князя мнози* ... — Речь идет об Иване Молодом. ... *князь же Андрей и князь Борис*. — Речь идет об Андрее Большом (князе углицком) и Борисе (князе волоцком). ... *прехи к себѣ на Кременецъ, болящия татарскаго прихождения* ... — Отступление войск, стоявших на берегу, к Кременцу могло объясняться тем, что замерзшая Угра перестала быть естественным препятствием для татарского войска. Однако, по сведениям ряда летописей, Иван III не хотел решительного сражения и вел во время стояния на Угре переговоры с Ахматом через своего посла.

С. 292(296). ... *диавол их же усты глаголаше* ... — В Софийской второй и Львовской летописях и Московском своде называются противники войны с Ахматом среди советников Ивана III — боярин Иван Васильевич Ошера, представитель рода Сорокоумовых-Глебовых, и Григорий Андреевич Мамон из рода Нетши. *Един же царевиць хотя за рекой Окою имати украину* ... — Согласно Вологодско-Пермской летописи нападение на города за Окой совершил сын Ахмата Муртоза. ... *прииде великая княгиня Софья из бѣгов* ... — Софья (Зоя) Палеолог, вторая жена Ивана III (с 1472 г.), во время стояния на Угре покинула Москву.

ПОВЕСТЬ О ПРИХОЖЕНИИ СТЕФАНА БАТОРИЯ НА ГРАД ПСКОВ

Во второй половине XVI в. Русское государство вело напряженную войну с Литвой, Польшей, Ливонским орденом, Швецией за выход к Балтийскому морю. В начале Ливонской войны (1558—1583) русские войска завоевали многие литовские и ливонские города, перелом в ходе войны наступил после того, как объединенное польско-литовское государство возглавил Стефан Баторий. В походах 1579—1581 гг. он отвоёвывал ливонские земли, занятые ранее войсками Ивана Грозного, и взял многие русские города. Неизвестно, каким был бы исход Ливонской войны, если бы на пути Стефана Батория не встал город Псков. В августе 1581 г. польско-литовская армия осадила город, надеясь на скорую победу. В течение пяти месяцев войны Батория безуспешно пытались взять Псков. Мужество и стойкость псковичей, остановивших под стенами своего города противника, разрушили планы Батория и позволили России достойно, без ощутимых потерь выйти из войны. О героической обороне Пскова, во многом определившей исход Ливонской войны, и рассказывает «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков».

Повесть была написана по горячим следам событий, в 80-е гг. XVI в., жителем города Пскова, иконописцем Василием. Непосредственность впечатлений, точность и полнота знаний обо всем, что происходило в Пскове, свидетельствуют, что Василий был очевидцем и участником событий.

Повесть дошла до нас более чем в 40 списках. Издаем ее по списку XVII в. — ГПБ, собр. СПб. Дух. Ак., № 302; пропущенный в списке фрагмент текста «*видя же таковое к себѣ ... душу свою отщтит*» восполняется по списку ГПБ, собр. Погодина, № 1629, XVII в., по тому же списку и по изданию В. И. Малышевым Вязниковского списка (Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков. М. — Л., 1952) делаются и другие дополнения и исправления, они отмечены курсивом. Опускаются при издании заголовки (их немного), определяющие содержание фрагментов и читающиеся на полях рукописи. Многочисленные опiski писца рукописи исправляются после проверки по другим спискам.

С. 298(346). ... *литовского короля Стефана* ... — Стефан Баторий (1533—1586), король польский и великий князь литовский (1576—1586).

С. 299(347). ... *от Вифлянския земли нѣмец* ... — Ливонские (лифляндские) немцы. С 60-х гг. XVI в. Ливонией называлась территория южной Эстонии и северной части Латвии, подчиненная Речи Посполитой. ... *за богородицын дом* ... — Псково-Печерский монастырь.

С. 300(348). ... великому князю Гаврилу-Всеволоду ... — см. прим. к с. 137.

С. 301(349). ... Вишлянскую же землю до конца повсига ... — В ходе похода 1577 г. были покорены все бывшие ливонские земли, за исключением Курляндии, городов Ревеля и Риги.

С. 301—302(349). ... курляндские нѣмцы ... воинством на новопри-
смынные государем грады вооплачаютца ... — В 1578 г. в земли, завое-
ванные Грозным в 1577 г., вторглись войска курляндского герцога
и вилленского воеводы Николая Радзивилла.

С. 302(350). ... российского государя нашего изъѣзников, князя
Ондрѣя Курбского с товарищи. — Участие Курбского «с товарищи»
в походе 1579 г. подтверждается посланиями Ивана Грозного и Сте-
фана Батория. ... к старому Литовския земли их граду к По-
лоцку ... — Полоцк — один из древнейших русских городов — в
XIII в. был завоеван Литвой, в 1563 г. вновь присоединен к России
Иваном IV. ... государю нашему шестие пути на нѣмцы творяще,
достигну же ему ... Пскова ... — Иван Грозный летом 1579 г. наме-
ревался совершить поход на Ревель. В пути он получил известие об
объявлении войны Баторием, а в Пскове узнал о приближении ко-
ролевской армии к Полоцку. ... воеводы же своя и мнози воя во ок-
рестныя грады Полоцку граду посла ... — На помощь Полоцку бы-
ли посланы отряды под командованием Б. Шенна, Ф. Шереметева,
Ф. Лыкова и др., но они не смогли подойти к городу и остановились
в г. Соколе, в пяти верстах от Полоцка.

С. 303(351). ... устремление пути показывает на Рускую землю... —
Второй поход Батория на Россию начался в июле 1580 г. В Великий
же Луки воевод своих посылает и во окрестныя его грады ... —
В Великие Луки Иваном IV был послан князь Ф. Лыков, ему, а так-
же воеводам М. Кашину и Ю. Аксакову поручалась оборона города.
Значительные силы русских под командованием князя В. Д. Хилко-
ва были расположены в районе города Торопца. ... послы своя по-
сылает, дабы з государем нашим мирен был. — Баторий согласился
на короткое перемирие сроком на пять недель (от 14 июня 1580 г.).
За это время он успел окончательно подготовиться к походу.

С. 304(352). Во ... град Псков посылает ... боярина своего и во-
воду, князя Василья Федоровича Шуйского-Скопина ... — Василий
Федорович Скопин-Шуйский (ум. 1595) участвовал во многих ли-
вонских и шведских походах Ивана IV и Федора Ивановича, был
воеводой и наместником в Пскове, Новгороде. Вторым воеводой в
Псков был назначен Иван Петрович Шуйский, и, хотя по чину он
был моложе В. Ф. Шуйского-Скопина, именно на нем лежала вся
ответственность за оборону города. Андрей Иванович Хворостинин
(ум. в 1604 г.) — окольничий и воевода, прославился блестящей по-
бедой над крымскими татарами в 1566 г. После обороны Пскова за-
щищал и укреплял южные границы Русского государства. Владимир
Иванович Бахтеяров-Ростовский (ум. 1617 г.) был воеводой в Русе,
Новгороде, Брянске, Торопце, Рязани, участвовал в штурме Нарвы
1590 г. Василий Михайлович Лобанов-Ростовский (ум. 1606 г.) на-
чавшая с 1575 г. был воеводой в Пронске, Коломне, служил в госу-
дарском полку во время Ливонского похода 1579 г. ... и с ними воя
мнози. — Общая численность псковского гарнизона равнялась при-
близительно 7 тыс. человек.

С. 305(352). Головы же и дѣти боярские, и головы стрелец-
кие ... — Голова — начальник десятка детей боярских; дети бояр-
ские — низший чин провинциального дворянства; голова стрелец-
кий — начальник стрелецкого полка (500 стрельцов).

С. 308(356). *Во иныя же страны ... грамоты ... посылает ...* — Баторий обращался к Георгу Фридриху, герцогу Прусскому, и курфюрстам Августу Саксонскому и Иоганну Фридриху Бранденбургскому с просьбой о денежной помощи для организации похода на Русскую землю, советовался о новом походе со шведским королем, писал о наборе венгерских всадников и пехотинцев своему брату Христофору, князю Трансильванскому.

С. 309(357). *... четверооградень всекаменными стенами ... рець текущей скрозь каменные стѣны ...* — В XVI в. город опоясывали четыре ряда крепостных стен. Последняя стена — Окольная — заключала в себя и реку Пскову. Доступ в город по реке преграждали Верхние и Нижние решетки, по обеим сторонам реки стояли мощные башни, так что действительно создавалось впечатление, что река течет «скрозь каменные стѣны».

С. 310(358). *И всяких наемных людей 60 000, а своих у него людей собрано 40 000 ...* — Многие ученые считают, что численность королевской армии преувеличена автором «Повести».

С. 311(359). *... коим его великим паном и гетманом в коем полку воиводами быти.* — В походе Стефана Батория на Псков командные должности занимали известные польские, литовские, венгерские военачальники.

С. 313(361). *Поприще* — мера длины, равная приблизительно verste.

С. 315(362). *Остров* — город на р. Великой.

С. 317(364). *... угол града от Великия рѣки ...* — Местом для штурма Баторий избрал южный угол Окольной стены, между Покровской и Свиной (Свинузской, Свиной) башнями. *... къ человеку божию Олексью ...* — Церковь Алексея, человека божия, с Поля, находилась приблизительно в полуверсте от Покровской и Свиной башен.

С. 318(365). *... в Угол, во храм пречистыя Богородицы ...* — В нескольких метрах от Покровской башни расположена церковь Покрова богородицы (осн. в XIV в.) бывшего Покровского мужского монастыря. Это место, где крепостные стены сходятся под острым углом, вершиной которого является Покровская башня, издавна называлось «Углом».

С. 318(366). *... и около всего Пскова града, на Большой Окольной стены и в Среднем городе ...* — Пояса крепостных стен разделяли Псков на части — Кремль, Довмонтов город, Средний город, Окольный город.

С. 319(366). *Охаб* — захаб, изогнутой формы каменный коридор за внутренней стороной ворот, с бревенчатыми боевыми настилами наверху, служил для надежной защиты ворот.

С. 320(367). *... в осадный же колокол зазвонити велеше ... у Великого Василия на Горке.* — Церковь Василия на Горке (осн. в 1413 г.) находилась в Среднем городе у самой крепостной стены, рядом с церковью стояла башня, на звоннице которой висел «сполошный» колокол, по его сигналу поднимался в случае тревоги весь город.

С. 325(372). *Оботуре Степане.* — Автор Повести иронически обыгрывает близкие по звучанию слова Баторий — Обатур. Обатур — в псковских говорах обозначает «гордец», «нахал». *С Похвальского раскату ...* — Раскат — насыпь или помост для установки орудий.

С. 326(373). *... нахождения ради Темир-Аксака царя ...* — Темир-Аксак (тюркск.) — Железный Хромсц, прозвище знаменитого завоевателя Средней Азии и Закавказья Тимура (1336—1405). В 1395 г.

он неожиданно пришел на Русь, но, захватив Елец, простоял около двух недель и по неясным причинам повернул обратно. *Колтырь* — русский насмешливый вариант прозвища Тимура, образованный от глагола «колтать — колтыхать», имеющего значение «хромать, ковылять».

С. 327(374). ... князя Доманта и Микулу, иже Христа ради уродивого ... — Довмонт почитался псковичами как патрональный святой, защитник города (см. прим. к «Сказанию о Довмонте»). Николай Салос — псковский юродивый (ум. 1576 г.). Предание приписывает Николаю спасение города от кровавых расправ Ивана Грозного в 1570 г.

С. 331(378). ... любимого имъ Бекеша Кабура ... — известный военачальник из венгров Гавриил Бекеш.

С. 339(386). ... римского латынского папы протопопъ Антоней. — Антонио Поссевино (1534—1611), деятельность которого в некоторой степени облегчила заключение мирного договора между Баторием и Грозным. ... *Игнилатово лукавства* ... — Автор «Повести» сравнивает Поссевино с Игнилатом, героем переводной повести «Стефанит и Игнилат», лукавым, хитрым, лживым царедворцем.

С. 340(387). ... о пленении Иерусалима Титом ... — См. прим. к с. 121.

С. 344(390). ... от Нерукотворенного образа ис Поля ... — Церковь Нерукотворного образа Спаса с Поля (осн. в 1414 г.). Полею называлась южная территория за Окольной стеной. ... что государевы послы по государеву приказу с королевскими послы мир учинили. — 15 января было заключено перемирие на 10 лет. По условиям договора к Речи Посполитой переходила вся Ливония, за исключением пяти городов, польский король возвращал России завоеванные им русские крепости (Великие Луки, Холм, Невель, Велиж и др.) за исключением Полоцка.

С. 344(391). ... великия княгини Ольги ... — Память княгини Ольги (ум. 969 г.) особо чтили в Пскове, так как она была псковитянкой. *Ефросин* (ум. 1481 г.) — основатель Спасо-Елиазаровского монастыря под Псковом.

СКАЗАНИЕ АВРААМИЯ ПАЛИЦЫНА

«Сказание Авраамия Палицына» — одно из самых ярких документально-исторических произведений русской литературы начала XVII в. Написано оно на основании личных наблюдений автора и собранных им чужих записок и свидетельств. Завершено в 1620 г. В целом оно охватывает период с 1584 по 1618 г. — время от смерти Ивана Грозного до Деулинского перемирия с Польшей. Центральную часть произведения занимает как бы особое сочинение, со своим вступлением и заключением, посвященное героической обороне Троице-Сергиева монастыря от осаждавших его в течение года и трех с половиной месяцев (23 сентября 1608 г. — 12 января 1610 г.) войск польско-литовских интервентов, казаков и русских изменников. Из этого-то рассказа об осаде монастыря (7—53-я главы «Сказания...») и сделана предлагаемая вниманию читателя выборка. Она дает возможность составить представление о характере действий нападавших и оборонявшихся и об основных событиях этой истории.

С. 392(411). ... *Под Троицкой Сергиевъ монастырь* ... — Имеется в виду расположенный в 70 км на север от Москвы посвященный св. Троице монастырь, основанный в середине XIV в. Сергием Радонежским (ум. 25 сентября 1392 г.). К началу XVII в. монастырь

представлял собой крупный книжно-культурный и хозяйственный центр. В 1540—1550 гг. монастырь был огорожен каменными крепостными стенами. ... *гетмана Петра Сапѣги, да пана Александра Лисовского* ... — Ян Петр Павел Сапега (1569—1611) и Ян Александр Лисовский — командиры польских отрядов, прибывших для помощи Лжедмитрию I, активнейшие деятели польско-литовской интервенции в России начала XVII в. Вместе с казачьими и примкнувшими к ним русскими частями осаждавшие Троице-Сергиев монастырь войска, руководимые Сапегой и Лисовским, насчитывали, по мнению исследователей, от тринадцати до пятнадцати тысяч человек. ... *царя и великого князя Василия Ивановича всея Руси* ... — царь Василий Шуйский (1606—1610). ... *при святѣйшем патриархе Ермогене Московском и всея Руси* ... — Гермоген, прежде митрополит Казанский, патриарх в 1606—1612 гг. Умороен поляками голодом в Кремле 6 января 1612 г. ... *при архимарите Иасафе* ... — Троицкий архимандрит Иоасаф (1605—1610), выходец из игуменов Пафнутьева Боровского монастыря, вдохновитель обороны Троице-Сергиева монастыря. После снятия осады вернулся в Пафнутьев Боровский монастырь и был там убит 5 июля 1610 г. при взятии этого монастыря Сапегой. ... *при келарѣ старцѣ Авраамии Палицыне* ... — Авраамий Палицын принадлежал к роду Ивана Микулаевича Палицын, выехавшего на Русь из Литвы в 1373 г. и служившего у Дмитрия Донского воеводой. Члены этого рода были в основном военными и государственными деятелями. Авраамий — в миру Аверкий — родился в ростовской земле, по-видимому, в начале второй половины XVI в. В 1588 г., будучи уже воеводой, подвергся опале, конфискации имущества и ссылке, причем был пострижен в монахи в Соловецком монастыре под именем Авраамия. Через два года он был возвращен из ссылки и получил назад свое имущество. В 1608 г. его назначили келарем Троице-Сергиева монастыря. Во время осады монастыря он находился на Троицком подворье в Москве, стараясь использовать свое влияние на царя для поддержки осажденных. Когда в Москве начался голод, он распродал по низким ценам монастырские хлебные запасы. В 1610 г. Авраамий участвовал в посольстве к польскому королю Сигизмунду III под Смоленск с приглашением его сына Владислава на русский престол; но в начале 1611 г., получив от Сигизмунда охранные грамоты на земли и права Троице-Сергиева монастыря, Авраамий покинул посольство. В том же году совместно с новым Троицким архимандритом Дионисием (Зобиновским) он рассылал грамоты по городам с призывом к совместным действиям против поляков, торопил князя Пожарского выступить под Москву. В 1613 г. Авраамий принимал активное участие в выборах и приглашении на престол нового царя, Михаила Романова. Но в 1619 г., по возвращении из польского плена патриарха Филарета (тоже одного из членов посольства к королю Сигизмунду), Палицын вновь был сослан на Соловки, где и прожил последние восемь лет своей жизни. Там он завершил литературную отделку своего «Сказания ...». Умер 13 сентября 1627 г.

ПОВЕСТЬ ОБ АЗОВСКОМ ОСАДНОМ СИДЕНИИ ДОНСКИХ КАЗАКОВ

«Повесть об Азовском осадном сидении» представляет собой облеченное в форму донесения («отписки») царю Михаилу Федоровичу (1613—1645 гг.) поэтическое описание действительных событий — четырехмесячной осады Азова турками в 1641 г. Мощная Азовская

крепость — важный опорный пункт турецких владений в Причерноморье — была захвачена в 1637 г. без ведома и согласия русского правительства донскими казаками. В 1641 г. турецкий султан Ибрагим I послал под Азов огромную армию, насчитывавшую около 250 000 человек. В Азове же находилось лишь около пяти с половиной тысяч казаков. Казаки отвергли предложение турок сдать крепость и героически обороняли ее в течение четырех месяцев, отбив при этом 24 приступа. Турки были вынуждены снять осаду. Однако Земский собор, собравшийся в январе 1642 г., опасаясь войны с Турцией, отказался принять Азов в русское подданство, и летом 1642 г. остатки казачьего войска покинули город. Азов был присоединен к России лишь в 1696 г. в результате похода Петра I.

Автором так называемой «поэтической» повести об Азовском осадном сидении был, как полагают, один из участников казачьего посольства в Москву войсковой подьячий (начальник войсковой канцелярии), в прошлом беглый холоп князя Н. И. Одоевского, Федор Иванович Порошин. Повесть написана им зимой 1642 г., во время заседания Земского собора, как своеобразный поэтический призыв поддержать героическую борьбу казаков. В своем произведении Порошин широко использовал образы и мотивы древнерусской воинской повести и казачьего фольклора.

Текст повести публикуется по списку БАН 32.11.7. XVII в. Исправления внесены по списку ГБЛ, собр. Ундольского, № 794, опубликованному в книге «Воинские повести Древней Руси», М.—Л., 1949, и спискам ГПБ: НСРК, 1936, № 164; Q, XVII. 143 и Q, XVII. 209. Исправления отмечены курсивом.

С. 430(449). ... *атаман казачей Наум Василевъ да ясаулъ Федоръ Ивановъ*. — Наум Васильев руководил обороной Азова и возглавлял казачье посольство в Москву; есаул Федор Иванов Порошин — предполагаемый автор повести. *В прошлом, де, во 149-м году июня в 24 день* ... — Осада Азова и приезд казачьего посольства в Москву происходили в одном и том же — 1641 г., но по летосчислению XVII в. новый, 7150 (1642) год начался с первого сентября. ... *окроме поморских и кафимских и черных мужиковъ* ... — т. е. подданных турецкого султана, живших по берегам Черного моря и в Кафе (Федосии); «черными» назывались люди, жившие на государственной земле (не крепостные). ... *орды крымские и нагайские* ... — Ногаи — тюркская народность; часть ногаев находилась в подчинении у крымского хана.

С. 430(450). ... *загребаютъ люди персидские*. — Имеются в виду земляные валы, соорудившиеся турками возле стен осаждаемых крепостей во время войны с Ираном (Персией).

С. 431(450). *Крым Гирей царевичъ* — брат крымского хана Бегадыра Герая. *Буданы* — мадыарское племя; *арнауты* — албанцы; *волохи* — жители придрупаийского княжества Валахии. *А збирался турской царь ... четыре годы*. — Казаки захватили Азов в 1637 г., но война с Персией (Ираном) и смерть султана задержали ответные действия турок.

С. 433(452). ... *Мурат салтанова величества* ... — Азов был захвачен казаками в период правления султана Мурата IV. ... *Фому Катузина* ... — В 1637 г. казаки убили турецкого посла в Москву Фому Кантакузина, заподозрив его в попытке связаться с осажденным Азовом.

С. 434(453). ... *от царства вашего силнаго ... не будетъ ... помощи и выручки*. — Русское правительство в дипломатических сношениях с Турцией стремилось подчеркнуть свой нейтралитет и снять с себя

ответственность за действия казаков, хотя фактически тайно поддерживало их, регулярно посылая им жалованье, снабжая хлебом, оружием и припасами.

С. 435(454). ... *для кровавых казачьих зипуновъ наших* ... — Зипун — название казачьей одежды и одновременно — добычи, трофеев.

С. 436(456). *То царство было христианское* ... — отражение популярных на Руси и особенно в казачьей среде надежд на освобождение от власти «басурман» Константинополя, захваченного турками в 1453 г.

С. 437—438(457). ... *украиною* ... *от орды нагайские* ... — Украинсой называлась пограничная полоса с укреплениями и городами-крепостями, отделявшая Русское государство от южных степей.

С. 438(457). ... *Костянтина благоверного*. — Константин XI Палеолог.

С. 440(459). ... *вынесли большое знамя* ... *царя турского* ... — Захваченное знамя было впоследствии доставлено казаками в Москву.

С. 441(460) ... *у Предтечина образа* ... — Святой Иоанн Предтеча считался покровителем донских казаков.

С. 445(464). ... *торжище тут* ... *и от матерей*. — В Азове во времена владычества в нем турок шла торговля «полоном» — угнанными во время турецких и татарских набегов жителями русских земель.

С. 447(466). *Строитель* — эконо́м монастыря.

СОДЕРЖАНИЕ

Л. А. Дмитриев. За землю Русскую	3
--	---

ПОХОДЫ СВЯТОСЛАВА

Древнерусский текст (подготовка О. В. Творогова) . . .	17
Перевод (Д. С. Лихачев)	22
Примечания (О. В. Творогов)	468

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Древнерусский текст (подготовка О. В. Творогова) . . .	27
Перевод (О. В. Творогов)	36
Примечания (О. В. Творогов)	468

ЛЕТОПИСНЫЕ ПОВЕСТИ О МОНГОЛО-ТАТАРСКОМ НАШЕСТВИИ

Древнерусский текст (подготовка Д. М. Буланина) . . .	45
Перевод (Д. М. Буланин)	70
Примечания (Д. М. Буланин)	470

ПОВЕСТЬ О РАЗОРЕНИИ РЯЗАНИ БАТЫЕМ

Древнерусский текст (подготовка Д. С. Лихачева) . . .	96
Перевод (Д. С. Лихачев)	106
Примечания (Д. С. Лихачев)	473

СЛОВО О ПОГИБЕЛИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ

Древнерусский текст (подготовка Л. А. Дмитриева) . . .	116
Перевод (Л. А. Дмитриев)	118
Примечания (Л. А. Дмитриев)	474

ПОВЕСТЬ О ЖИТИИ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

Древнерусский текст (подготовка В. И. Охотниковой) . . .	120
Перевод (В. И. Охотникова)	128
Примечания (В. И. Охотникова)	474

СКАЗАНИЕ О ДОВМОНТЕ

Древнерусский текст (подготовка В. И. Охотниковой) . . .	136
Перевод (В. И. Охотникова)	141
Примечания (В. И. Охотникова)	476

РУКОПИСАНИЕ МАГНУША

Древнерусский текст (подготовка Н. С. Демковой) . . .	146
Перевод (Н. С. Демкова)	148
Примечания (Н. С. Демкова)	477

ПОВЕСТЬ О ПОБОИЩЕ НА РЕКЕ ПЬЯНЕ

Древнерусский текст (подготовка Л. А. Дмитриева) . . .	150
Перевод (Л. А. Дмитриев)	152
Примечания (Л. А. Дмитриев)	478

ПОВЕСТЬ О БИТВЕ НА РЕКЕ ВОЖЕ

Древнерусский текст (подготовка Л. А. Дмитриева) . . .	155
Перевод (Л. А. Дмитриев)	157
Примечания (Л. А. Дмитриев)	479

ЗАДОНЩИНА

Древнерусский текст (подготовка Л. А. Дмитриева) . . .	159
Перевод (Л. А. Дмитриев)	169
Примечания (Л. А. Дмитриев)	479

ПРОСТРАННАЯ ЛЕТОПИСНАЯ ПОВЕСТЬ О КУЛИКОВСКОЙ БИТВЕ

Древнерусский текст (подготовка Л. А. Дмитриева) . . .	179
Перевод (Л. А. Дмитриев)	191
Примечания (Л. А. Дмитриев)	481

СКАЗАНИЕ О МАМАЕВОМ ПОБОИШЕ

Древнерусский текст (подготовка В. П. Бударagina и Л. А. Дмитриева)	203
Перевод (В. В. Колесов)	236
Примечания (Л. А. Дмитриев)	483

ПОВЕСТЬ О НАШЕСТВИИ ТОХТАМЫША

Древнерусский текст (подготовка М. А. Салминой) . . .	270
Перевод (М. А. Салмина)	280
Примечания (М. А. Салмина)	485

ПОВЕСТЬ О СТОЯНИИ НА УГРЕ

Древнерусский текст (подготовка Е. И. Вансевой) . . .	299
Перевод (Я. С. Лурье)	294
Примечания (Я. С. Лурье)	485

ПОВЕСТЬ О ПРИХОЖЕНИИ СТЕФАНА БАТОРИЯ НА ГРАД ПСКОВ

Древнерусский текст (подготовка В. И. Охотниковой) . . .	298
Перевод (В. И. Охотникова)	346
Примечания (В. И. Охотникова)	487

СКАЗАНИЕ АВРААМИЯ ПАЛИЦЫНА

Древнерусский текст (подготовка Е. И. Вансевой) . . .	392
Перевод (Г. М. Прохоров)	411
Примечания (Г. М. Прохоров)	490

ПОВЕСТЬ ОБ АЗОВСКОМ ОСАДНОМ СИДЕНИИ ДОНСКИХ КАЗАКОВ

Древнерусский текст (подготовка Н. В. Понырко) . . .	430
Перевод (Т. А. Иванова и Ю. С. Сорокин)	449
Примечания (О. В. Творогов)	491

ВОИНСКИЕ ПОВЕСТИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Вступительная статья
Льва Александровича Дмитриева

Составление
Натальи Владимировны Понырко

Зав. редакцией А. И. Белинский
Редактор М. Е. Устинов
Художник Д. К. Титов
Художественный редактор Б. Г. Смирнов
Технический редактор Г. В. Преснова
Корректор Л. В. Берендюкова

ИБ № 3226

Сдано в набор 16.04.85. Подписано к печати 27.09.85. Формат 84×108¹/₂. Бумага тип. № 2. Гарн. литерат. Печать высокая. Усл. печ. л. 26,04. Усл. кр.-отг. 26,46. Уч.-изд. л. 28,69. Тираж 200 000 экз. Заказ № 870. Цена 2 р. 90 к.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

Набрано и сматрицировано в ордена Трудового Красного Знамени типографии издательства ЦК КП Белоруссии, 220041, Минск, Ленинский проспект, 79. Зак. 225.